

УДК 332.1
ББК 65.04
Д79

Д79   Маргарита Анисимова
            Древо жизни.
— М., издательство   , 2022. — 603 с.: ил.
ISBN 978-5-7525-3056-2

Книга написана внучкой видного этнографа Кавказа Ильи Шеребетовича Анисимова (1868–1928).

Она участвовала в выставках «Человек – архив – история», 2000 г., а также посвященной году семьи, 2008 г. (галерея «Беляево»). Организатор выставки Московский архив личных собраний.

М.Д. Анисимова автор книги «Житейские мудрости (псевдоним А. Марго), М. 2011 г. - ч. I, М. 2014 г. - ч. II.

Она родилась в 1938 году в г. Москве, выросла в дружной многодетной семье, основанной на знании своих корней и сохранении лучших традиций своего рода.

Эта семья на протяжении нескольких десятилетий XX века проживала на Таганке, была центром притяжения для многочисленных друзей дома, занимавшихся наукой и искусством.

На страницах книги она делится воспоминаниями о тяжелых годах своего Военного детства, о драматических и радостных событиях в жизни семьи и близкого дружеского круга.

Маргарите Даниловне выпала честь общаться с выдающимися ее современниками. Она хранит в своем сердце дорогие воспоминания и щедро делится ими с читателями.

В книге содержится много документальных материалов фотографий, иллюстраций работ художника А.И. Писарева — ее мужа и Т.Д. Анисимовой — ее сестры.

*Портрет Маргариты Анисимовой
кисти ее сестры Тамары Анисимовой, 1963 г.*

Посвящаю памяти многодетной семьи Анисимовых

Введение

Долгие годы XX столетия в нашей стране свободное, идущее из недр человеческой души слово было под запретом. Люди боялись свободно думать, говорить, делиться друг с другом своими мыслями, сокровенными чувствами. Они боялись жестокой расправы за свободомыслие.

В это время не могло быть и речи о сохранении светлой памяти своих предков, многолетних семейных традиций. Старшее поколение уносило с собой в могилу бесценные воспоминания о своем детстве, юности, среднем возрасте и периоде зрелости. Уничтожались уникальные фотографии, волнующие душу письма и дневники. Сколько же их пропало для нашей истории!

А ведь человеческая история в большей степени складывается из судеб отдельных семей, смены поколений в этих небольших ячейках общества. К горькому сожалению, выросло уже несколько поколений «Иванов, не помнящих родства». Такое положение привело к резкому снижению нравственности в нашем обществе. Молодое поколение зачастую неуважительно, небрежно и снисходительно относится к старшему поколению немощных стариков, не несет за их «благополучную старость» никакой ни нравственной, ни материальной ответственности. Идеалы молодого поколения мельчают, расцветают преступность, наркомания. Прервана временная связующая нить.

Но, к счастью, времена меняются, сейчас люди без опасения могут начать благородную, возвышающую душу деятельность: восстанавливать связь поколений, собирать, сохранять фотографии, любые письменные и устные свидетельства для потомков. Делать это может каждая семья вне зависимости от того, были ли их предки знамениты, родовиты или это обычные рядовые люди. Ведь история нашей России складывается из истории всех слоев человеческого общества.

...Время неумолимо. В 90-х годах XX века я осталась одна из всей большой дружной семьи. В солнечный ясный день золотой осени сидела я около памятников своих близких, и меня посетили печальные раздумья. Какая же у нас была интересная, яркая семья, и когда меня, последней, не станет,

со мной умрут все воспоминания. Как это несправедливо и безумно жаль!

С такими мыслями я вернулась домой, разложила листы белой бумаги и начала писать. По ходу написания я снова и снова просматривала семейные реликвии и фотографии, вглядываясь в любимые и незабываемые для меня черты близких людей. Они меня еще более вдохновляли на написание воспоминаний. При этом в памяти всплывали все новые и новые эпизоды моей жизни и жизни моих близких. Написав воспоминания, я приложила к ним фотографии.

Свой труд я адресовала моей дочери Анне и будущим, тогда еще не родившимся внукам, если они появятся. Одновременно, на всякий случай, один экземпляр воспоминаний направила в Госархив.

Спустя некоторое время я получила порадовавший меня положительный, теплый отзыв о моей работе из Госархива, находящегося на Большой Пироговской, а потом еще одно письмо от Московского объединения архивов с желанием сотрудничества. Первоначально я не придавала полученным письмам должного значения и медлила с ответом. Но при непосредственном общении по телефону с сотрудниками архива я услышала в их голосах такую сердечность и живую заинтересованность моим трудом, что это не могло оставить меня равнодушной. С тех пор мы начали сотрудничать. Под чутким руководством работников архива мои первоначальные воспоминания стали дополняться все новыми и новыми любопытными подробностями, деталями. К воспоминаниям мы стали приобщать документы, семейные реликвии. Такое увлекательное общение побудило меня к написанию воспоминаний о моем муже — живописце А.И. Писареве, о его окружении, о моих близких друзьях. И вот в течение нескольких лет эта деятельность стала для меня образом жизни, я ощутила свою востребованность.

Составление такого рода семейных коллекций трудно переоценить. Здесь выражена ценность человеческой личности, понимание того, что пожилой человек — это не просто подчас беспомощный, полуслепой, плохо слышащий старик, а этот человек является носителем очень интересной, порой неповторимой судьбы. Эта деятельность напоминает нам: не спешите как можно скорей пробежать в нашей суетной жизни мимо пожилого человека, отнесите к нему с сердечным теплом, будьте внимательны,

ведь он — частичка бесценной истории нашей Родины. Иногда воспоминания, облик, детали этого человека могут рассказать нам больше десятков обобщенных исторических текстов.

Такое заинтересованное, творческое отношение к личным коллекциям имеет большое воспитательное, нравственное значение.

В конечном счете собираемые коллекции являются большим духовным богатством для будущих поколений. Ведь выполняемая работа, мне думается, это только начало столь необходимого дела для истории и будущего нашей Родины.

Хочется верить, что эта благородная деятельность повлияет на повышение уровня нравственности, будет способствовать пробуждению в людях человеческого достоинства и распространению добра и милосердия в нашем обществе.

ГЛАВА I

Моя родословная

Родословная семьи Анисимовых	9
Родословная семьи Загурских	22
Письма и дневники из семейного архива Анисимовых-Загурских	42
<i>Переписка И.Ш. Анисимова и его супруги М.С. Вейншал</i>	46
<i>Дневник Тамары Александровны Загурской</i>	63

Родословная семьи АНИСИМОВЫХ

С раннего детства запомнились очень живые, эмоциональные рассказы моего отца Данила Ильича о яркой жизни нашего замечательного дедушки Ильи Шеребетовича, о бабушке Марии Савельевне, о жизни и быте их семьи на Кавказе. Моя мать Александра Александровна также многое рассказывала нам о своем детстве, об их семейном укладе, образе жизни в Ирбите. Эти рассказы на всю жизнь запечатлелись в моей памяти и пробудили большое желание в последующие годы изучать семейную родословную.

Мои родители, будучи профессиональными педагогами, воспитали в своих детях доброту, постоянное стремление к деятельной жизни, готовность помогать близким и окружающим нас людям.

Начну историю рода со стороны моего отца — Данила Ильича Анисимова (1896–1976).

По семейным преданиям, Анисимовы вели свое происхождение от старинного рода Ождахохо («богатыри»)*; из поколения в поколение передавалась легенда, как один из предков этого славного рода по имени Соломон, схватив волка, убежавшего из овчарни с добычей, убил его ударом о землю, а затем разорвал пополам.

Мой прадед Шеребет Нисим-оглы был известен как один из самых образованных раввинов своего времени. Он стал первым горским евреем, учившимся в знаменитой Воложинской иешиве, после чего провел три года в Иерусалиме. Вернувшись из Святого города, он долгие годы служил раввином в селении Тарки, а затем в Темир-Хан-Шуре. Рано потеряв родителей, Шеребет остался кормильцем большой семьи: на его иждивении было несколько младших братьев. Кроме того, к этому времени он был уже женат и имел детей.

В начале 90-х годов XIX века Шеребет поселился в Иерусалиме, где в 1894 году ему удалось издать небольшую по объему книгу «Древности горских евреев». В 1906 году Шеребет Нисим-оглы вернулся в Дагестан.

* Еврейская энциклопедия. Т. 1, стр. 582. М, 1994.

Мой дед Илья Шеребетович был многогранной, ярко одаренной личностью: талантливый инженер, организатор нефтедобычи, общественный деятель, крупный этнограф Кавказа, автор пьесы «В горах Дагестана», а также рассказов, басен, преданий. Он родился 29 мая 1862 года в селении Тарки Темир-Хан-Шурина округа Дагестанской области.

Маленького Илью определили в горскую школу под фамилией Нисимоглы, но один из учителей записал его просто Нисимов, потом кто-то в начале прибавил «О», наконец заменили первую букву, и получилось Анисимов.

Еще в детстве, в возрасте трех лет, моего деда обручили с девочкой, чьи родители дружили с семьей Анисимовых. Приближался ранее оговоренный срок свадьбы. С большим трудом Илье удалось (не без помощи прибывшего с ним инспектора Темир-Хан-Шурина школы, высоко отзывавшегося о способностях одаренного юноши) уговорить родителей отпустить его на учебу в Ставрополь. В 1884 году, сразу по окончании гимназии, Илья уехал в Москву и поступил в Императорское техническое училище. Мой дед первым из своих кавказских единоверцев (в те трудные времена для евреев были установлены всякие ограничения, а горские евреи в массе своей были неграмотны даже в области своего родного языка) получил доступ в высшее учебное заведение.

В мае 1885 года в двух московских газетах — «Полицейские ведомости» и «Русские ведомости» — появилось объявление: «В отъезде, не стесняясь расстоянием, ищет урока или какого-нибудь занятия студент-техник Императорского технического училища Илья Анисимов. Говорит на восточных языках. Адрес: Немецкая улица, Демидовский переулок, дом Шавровых, кв. Власевой». Это объявление оказалось счастливым, благодаря ему в жизни моего деда произошло знаменательное событие, определившее всю его дальнейшую судьбу. Речь идет о знакомстве с выдающимся русским ученым В.Ф. Миллером (деду удалось получить место частного преподавателя в одной из семей, близко знакомой с Всеволодом Фёдоровичем). Ознакомившись со статьей Ильи Шеребетовича в журнале «Рассвет», он увидел его одаренность и определенную склонность к исследовательской работе. Миллер привлекает талантливого молодого человека к активной научной деятельности*.

* Многие биографические данные об И.Ш. Анисимове почерпнуты из работы Ю.И. Мурзаханова «Горско-еврейский этнограф Илья Шеребетович Анисимов» / под ред. С.И. Вайнштейна. — М.: Наука, 2002; и книги И.Ш. Анисимова «Кавказские евреи-горцы» / под ред. С.И. Вайнштейна. М.: Наука, 2002.

В 1885 году мой дед выступил с докладом на заседании этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Он привел собранные им статистические сведения о численности горских евреев, перечислил населенные пункты, где они проживали, познакомил присутствующих с религиозными верованиями горских евреев (выявив в них элементы язычества).

Летом 1886 года, будучи студентом Императорского технического училища, при содействии Московского археологического общества, мой дед имел возможность объехать все горско-еврейские аулы Кавказа и собрать весьма полные статистические данные о быте своих единоверцев. Он объехал 88 населенных пунктов, то есть все места, в которых в конце XIX века жили его сородичи.

В своей подвижнической научной деятельности по изучению этнографии малых народностей Дагестана мой дед получал всестороннюю поддержку от В.Ф. Миллера. В свою очередь, Илья Шеребетович оказывал помощь выдающемуся ученому в освоении татского языка. По словам В.Ф. Миллера, при помощи Анисимова он составил очерк грамматики и словарь.

Летом 1886 года Миллеру довелось побывать в Нальчике и Владикавказе, где он записал несколько сказок на татском языке. Четыре из них были записаны в Нальчике, а три сказки: «Глупость волка», «Человек, роптавший против Бога» и «Лентяй» — Миллер записал уже в Москве со слов моего деда.

Примечательна была поездка Ильи Шеребетовича в Темир-Хан-Шуру (Дагестан). Там он встретился с главным рабби Южного Дагестана Хазкемем Мушаиловым. Он собирался в ближайшее время покинуть Дагестан и уехать в Иерусалим, в связи с чем передал Илье Анисимову свои записки на древнееврейском языке. Ознакомившись с этими ценными материалами, дед указал, что «в них много того, чего нет совсем в моих исторических преданиях» (письмо к Миллеру от 22 июня 1886 года). А главный рабби Дагестана Яков Ицхаки подарил Илье Шеребетовичу свой экземпляр знаменитого средневекового рукописного памятника «Дербент-наме». Еще находясь в экспедиции, мой дед перевел «Дербент-наме» на русский язык.

В 1891 году по этим материалам был сделан интересный доклад на тему «Арабская рукопись, привезенная с Кавказа И.Ш. Анисимовым».

Его путешествие по Кавказу привлекло к себе внимание широких кругов зарубежной еврейской общественности (Judische Presse. Berlin, 1887, №10. С. 105–106). По материалам экспедиции на Кавказ была опубликована в 1888 году его книга «Кавказские еврей-горцы», посвященная любимому учителю В.Ф. Миллеру. Эта книга явилась главным делом его жизни. Книга переиздана в 2002 году.

Высокую оценку получило это исследование и в современной отечественной историографии. Так, известный дагестанский ученый Г.Ш. Каймаразов отмечал: «Большую научную ценность представляют работы И.Ш. Анисимова, посвященные этнографии горских евреев. "Кавказские еврей-горцы" — одно из наиболее серьезных монографических исследований по этнографии этого народа, выполненных в дореволюционный период. "Кавказские еврей-горцы" остается до настоящего времени единственным монографическим исследованием в отечественной историографии, посвященным этнографии горских евреев».

Но не только глубокое этнографическое исследование горских евреев (татов) входило в круг интересов Ильи Шеребетовича. Летом 1888 года он уже побывал в нескольких селениях Аварского и Губинского округов Дагестанской области в кратковременной экспедиционной поездке. Путешествие, совершенное летом 1890 года, так же как и предыдущее, было предпринято с целью этнографического изучения аварцев. Илья Шеребетович посетил 27 селений Губинского, Даргинского и Казикумского округов; также был собран определенный этнографический материал среди лакцев и даргинцев, проживавших, соответственно, в Даргинском и Казикумском округах.

В 1891 году в возрасте 29 лет Илья Анисимов с успехом закончил инженерно-механическое отделение Московского технического училища, став инженером-механиком: моему деду было присвоено право ношения на правой стороне груди Высочайше утвержденного знака отличия. «В удостоверении чего и выдан сей аттестат за надлежащей подписью и приложением печати. Москва. Августа 28 дня 1891 года».

После окончания вуза он работал на руководящих должностях в Баку и Балахнах на промыслах Каспийско-Черноморского нефтепромышленного общества. С 1904 года жил в Грозном.

Будучи человеком широко образованным, энергичным, с большим общественным темпераментом, Илья Шеребетович всегда был в центре культурно-просветительской жизни своего народа. Он долгое время возглавлял Комитет горских евреев города Грозного, который вел большую культурно-просветительскую работу среди грозненских евреев, в течение нескольких лет состоял гласным Городской Думы, а также входил в состав общественного самоуправления, возглавлял городскую нефтяную комиссию. Благодаря стараниям Ильи Шеребетовича была открыта горско-еврейская русская школа в Грозном. Он всячески способствовал открытию такой же школы в Дербенте (вложив в ее строительство немалые денежные средства из своих личных сбережений).

В 1912–1913 гг. Илья Шеребетович состоял членом Бакинского отделения общества для распространения просвещения между евреями в России (Anisimov N.A. Grammatikzihintati. M., 1932. С.15).

По предложению Ильи Шеребетовича в мае 1917 года в Хасавюрте состоялось организационное совещание по подготовке Всекавказского съезда горских евреев (Анисимов был избран председателем совещательного собрания делегатов). Съезд намечено было провести в июне 1917 года в городе Дербенте, однако по некоторым причинам он не состоялся.

Трагические события Гражданской войны вынудили Анисимова уехать из Грозного. Некоторое время он живет в Кисловодске, где принимает самое активное участие в создании культурно-просветительского кружка горских евреев, а в начале 1920-х ненадолго поселяется в Нальчике. В 1921 году в Нальчике проходила первая Всекавказская конференция работников просвещения горских евреев, в работе которой принимал участие (в составе 16 делегатов от Нальчика) и Анисимов.

Вскоре мой дед переезжает в Москву, где живет до самой кончины в 1928 году. В течение московского периода жизни Ильи Шеребетович помогал своему племяннику Нафтали Александровичу Анисимову (первому профессору среди горских евреев) в его научно-исследовательской работе в области еврейско-татского языка, предоставляя имеющиеся в его распоряжении материалы. Значительна роль моего дедушки в становлении Нафтали как личности и ученого. Так, в 1926 году на одном из заседаний Восточной секции Научно-исследовательского института этнических

и национальных культур народов Востока СССР Н.А. Анисимовым был сделан доклад на тему «Рукопись Ицхаки» (докладчик использовал исторические записки раввина Ицхаки, переданные им Илье Шеребетовичу в 1886 году).

Личная жизнь Ильи Шеребетовича сложилась удачно. Он женился по любви на моей бабушке Марии Савельевне Вейншал. Она была красивой, образованной и умной женщиной. По бабушкиной линии мы состоим в родстве с семейством Ландау. У моей бабушки был родной брат Владимир Савельевич, он женился на родной сестре отца Льва Давидовича Ландау — Каролине Львовне (Лине, так называли ее близкие родственники). Во время революционных событий они покинули Россию, и их дальнейшая судьба нашей семье неизвестна.

С семьей Ландау мой дедушка долгие годы поддерживал самые близкие родственные отношения. У них были также общие интересы с Давидом Львовичем: он и Илья Шеребетович были одной профессии — инженеры-нефтяники. В течение долгого времени Д. Ландау занимался вопросами тушения пожаров на нефтепромыслах, и мой дед обсуждал с ним эти вопросы. Они говорили также о создании общеобразовательных школ, в которых учащиеся могли бы получать специальности, необходимые для нефтедобывающей промышленности.

Во времена моей юности отец Данил Ильич Анисимов читал мне письмо моей бабушки Марии Савельевны от 1908 года, когда Илья Шеребетович находился на нефтяных промыслах. В этом письме она сообщила ему о радостном событии в семье Ландау — рождении сына, названного Лёвущкой³. В связи с этим собрались все близкие родственники Ландау, включая семейство Анисимовых, на Торговой улице г. Баку. С семьей Ландау долгие годы поддерживала родственные отношения моя тетя Гюль-Бике: в юности она даже гостила у них. Большая дружба связывала мою тетю Надежду Савельевну со Львом Давидовичем.

От брака моего деда Ильи Шеребетовича и бабушки Марии Савельевны родилось четверо детей: старший Леонид (1895–1953), Данил — мой отец (1896–1976), Гюль-Бике (1898–1983) и Цецилия (1900–1927). Дядю Леонида

³ Впоследствии ставшим всемирно известным ученым-физиком, лауреатом Нобелевской премии.

и тетю Гюль-Бике я помню в их уже зрелые годы, тетя Цецилия умерла задолго до моего рождения.

Для меня дорого письмо моего дедушки к В.Ф. Миллеру от 27 января 1905 года. Из него мы узнаем милые подробности о том, что старший сын Леонид девяти лет учится в старшем подготовительном классе Грозненского реального училища, а младший — восьмилетний Данил держал экзамен в младшие подготовительные классы Бакинского реального училища и готовится поступить в старший подготовительный класс. Старшая дочь — семилетняя Гюль-Бике — учится немецкому и музыке, читает по-русски; младшая — пятилетняя Цицилия — еще играет в куклы, а затем довольно бойко говорит по-немецки (раньше держали немку-бонну, а последние два года — немку-гувернантку). Старшие дети также хорошо говорят по-немецки, читают и пишут порядочно. С французским языком решили подождать, пока не освоятся как следует с немецким. (Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы. Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск: Владикавказ, 1914. С. 28, 139.)

Бабушка была большим другом и единомышленником моего деда. Известно, что Илья Шеребетович состоял членом Бакинского отделения Общества для распространителей просвещения между евреями в России, членом этого общества была также Мария Савельевна. Но жизнь ее была недолгой, она скончалась от тифа, как и ее младшая дочь Цецилия, в 1927 году.

В течение долгих лет после смерти Марии Савельевны мой отец постоянно переписывался со своей родной тетей Надеждой Савельевной, жившей в Петербурге, и сохранял к ней самые добрые чувства. Она была удивительно добрым и отзывчивым человеком. Лев Давидович Ландау неоднократно останавливался в гостеприимном доме Надежды Савельевны Вейншал и относился к ней очень тепло, по-родственному.

К счастью, в семейном архиве сохранилась переписка Ильи Шеребетовича с женой Марией Савельевной и моим отцом Данилом Ильичом. Письма эти проникнуты большим чувством взаимной любви, высоких человеческих устремлений.

*ИЛЬЯ ШЕРЕБЕТОВИЧ АНИСИМОВ,
мой дед по отцовской линии, этнограф Кавказа*

*МАРИЯ САВЕЛЬЕВНА АНИСИМОВА
(ВЕЙНШАЛ), моя бабушка по отцовской линии*

1. *МАРИЯ САВЕЛЬЕВНА
АНИСИМОВА
с маленькой
Гюль-Бике*
2. *ИЛЬЯ ШЕРЕБЕТОВИЧ
АНИСИМОВ, мой дед*
3. *ДАНИЛ ИЛЬИЧ
АНИСИМОВ,
мой отец*

1.

2.

3.

4. *МАРИЯ
САВЕЛЬЕВНА
АНИСИМОВА
с дочерью
Гюль-Бике*
5. *ЛЕОНИД
АНИСИМОВ, брат
моего отца,
в детстве*
6. *ДАНИЛ
АНИСИМОВ среди
родственников
(в полный рост)*

4.

5.

6.

*Родственники
И.Ш. Анисимова
из аула Тарки*

1. АРСЛАН
АНИСИМОВ,
родной брат
И.Ш. Анисимова

2. Горянки
из аула Тарки

1.

2.

Родословная семьи Загурских

Мой дед Александр Григорьевич Загурский (1855–1935) был торговым депутатом сибирского города Ирбита, почетным потомственным гражданином (звание присвоено 31 января 1912 года). Он отличился в организации и проведении знаменитой Ирбитской ярмарки, на которую съезжались богатые купцы, промышленники, а также многие известные артисты, различные гости со всей России и даже купцы из-за границы.

Род Загурских в тех местах значителен с XVII века*. В древних актах за 1666 год упоминаются боярские дети при верхотурском воеводе: Иван и Григорий Ивановы-Загурские. От моего дедушки сохранился заветный его дневник, где он собственноручно делал записи. Некоторые из них меня особенно заинтересовали. Эти записи «воскрешают» то далекое время, рождают живые переживания.

«В 1633 году в Ирбитской слободе была построена первая деревянная церковь Флоро-Лаврская. Означенная церковь сгорела в 1777 году. От нее уцелел только иконостас, который и теперь находится в Сретенской церкви в пределе Флора и Лавра».

А вот другая запись: *«1916 года 27 января дочь моя Мария венчалась в селе Савинском Камышевского уезда. Вступила в брак с ветеринарным врачом Петром Петровичем Ионовым. 1916 года 21 сентября у дочери моей Марии родилась дочь; крещена 26 сентября, дано имя Зинаида».*

Любопытны очень живые зарисовки: *«25 марта Благовещение было в 1915 году на четвертый день Пасхи, я был у обедни в Воскресенской церкви вместе с детьми. Маня находилась в больнице, мама дома, Тамара в Питере, Вениамин в Одессе (его дети — прим. авт.). В церкви после обедни звал сестру Прасковью пить чай, но она из-за спеси не поехала».*

В следующей записи дедушка делится своими сильными душевными переживаниями за его дочь Ираиду: *«1920 года 8 июня по новому*

* Многие сведения о родословной моей матери почерпнуты от ее сына от первого брака Георгия Евгеньевича Самойлова, долгие годы проживавшего совместно с родителями моей матери и занимавшегося родословной семьи после их смерти.

отправилась в 12 часов дня с поездом в Томск дочь Ираида, и на 14 версте от города произошло крушение. Мы перепугались, я брал у соседа лошадь и ездил в телеге на место крушения: Ираида оказалась невредимой».

Листаю дневник бабушки дальше, читаю о страшном горе, постигшем его семью: *«1921 года в ночь на 22 июля скончалась после продолжительной мучительной болезни наша славная, милая, дорогая Тамуся на 27 году от роду. Мир праху твоему, незабываемая наша дочь».*

В дневнике также есть запись и другого характера — о явлении природы, поразившем моего дедушку: *«4 августа 1887 года в восемь утра было полное солнечное затмение, так что настолько темно было, что видны были звезды первой величины в продолжение нескольких минут, и за полчаса времени понизилась температура на 10 градусов, с 18 до 8 тепла».*

Дедушка сделал в дневнике и такую запись: *«1894 года 16 января вступил во второй брак с Александрой Александровной Федотовой, и от второго брака родилось восемь детей, трое из которых умерло в младенчестве».*

Моя бабушка Александра Александровна Федотова была внучкой от гражданского брака декабриста фон дер Бриггена и простой крестьянки Александры Тихоновны Томниковой, которая была моложе Бриггена на 27 лет.

К тому времени, когда декабристам разрешили выехать из Сибири в европейскую часть России в 1858 году, у Бриггена в Сибири были две дочери и сын. 10-летнего сына он увез с собой в Петербург, а дочерей определил в Туринский монастырь. Одна из дочерей, Мария 1844 года рождения, через несколько лет вышла замуж за учителя Федотова, а их дочь Александра стала женой вдовца Загурского Александра Григорьевича, моего деда.

Сохранилась старинная фотография, сделанная в счастливый момент семейной жизни дедушки и бабушки. Эта фотография относится примерно к 1908 году. Они сфотографированы в окружении своих детей, юных, полных сил и надежд. В центре — дедушка сидит наигрывает мелодию на гитаре, а дочь Тамара играет на мандолине. Слева от дедушки под яблоней сидит улыбающаяся бабушка, рядом с ней дочь Ираида, моя шестилетняя мама в шляпе прижала к себе куклу (как будто в те годы она предвидела свою собственную жизнь — будучи взрослой, любила всегда носить красивые шляпы и родила много детей). Немного поодаль от мамы стоит старший сын Вениамин, а рядом с мамой — ее маленький брат Григорий.

М. Ф.
 УПРАВЛЯЮЩІЙ
 ПЕРМСКОЮ КАЗЕННОЮ ПАЛАТОЮ. Г. Торговому Депутату гор. Ирбита иъща-
 нину Александру Григорьевичу Загурскому.
 31 января 1912 г.
 № 1894
 Г. Пермь.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ по представленію
 г. Министра Финансовъ объ отлично-усерд-
 ной службѣ Вашей ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизво-
 лилъ пожаловать Вамъ въ I день Января 1912
 года - званіе потомственного почетнаго граж-
 данина .
 Будучи счастливъ объявить Вамъ, Милостивый
 Государь , объ этой ВЫСОЧАЙШЕЙ наградѣ , я
 вполне увѣренъ , что Вы и въ дальнѣйшей Ва-
 шей службѣ въ должности Торговаго Депута-
 та оправдаете оказанное Вамъ служебное ста-
 чіе и удостоитесь слѣдующихъ высшихъ на-
 градъ . При желаніи Вашемъ получить грамоту
 на званіе потомственного почетнаго гражда-
 нина Вамъ надлежитъ представить въ Правитель-
 ствующій Сенатъ при прошеніи , оплаченномъ
 2-мя гербовыми марками по 1р.25 коп. , каж-
 дая : а/ удостовѣреніе начальства по мѣсту
 Вашего служенія , въ коемъ было бы определен-

но выражено, что Вы го лицо, которому ВСЕМИ-
 ЛОСТИВѢЙШЕ пожаловано званіе потомственного
 почетнаго гражданина и б/ квитанцію иъстна-
 го Казначейства во взносъ въ казну пошлины
 въ разиѣръ 30 руб. за грамоту.

За Управляющаго Палатой *Иванов*

И. Д. Секретаря *Иванов* 7

Иванов
 117
 17 января 1912 г. № 1894
 Александр Григорьевич Загурскому

Письмо А.Г. Загурскому, сообщающее о присвоении ему звания потомственного почетного гражданина г. Ирбита

Семья была музыкальной. У моей бабушки был замечательный голос. Она пела на сцене во время знаменитых Ирбитских ярмарок, ей даже предлагали ехать учиться в консерваторию, но она не захотела оставлять семью на время учебы.

Дедушка прекрасно пел народные песни и аккомпанировал на гитаре, был прекрасный голос и у сына Вениамина. Дочери Ираида и Александра (моя мама) хорошо танцевали и играли на фортепиано. Налицо были все предпосылки для радостной и счастливой жизни в будущем.

А.Г. Загурский владел в г. Ирбите скобяной лавкой и недвижимостью. Во время ярмарок сдавал торговцам обширные подвальные помещения для хранения товара. В доме деда они и столовались. Все это приносило семье доход. Семья Загурских имела полгектара земли, на которой находился двухэтажный дом: низ каменный, верх деревянный, крытый железом. В нем был десяток голландских печей, шесть русских, еще была кирпичная баня, крытая железом, сарай. Весь участок был обнесен забором с двумя тесовыми воротами с калитками.

В 1912 году дедушка стал почетным потомственным гражданином города Ирбита (звание присвоено 31 января 1912 года Пермской Казенной палатой за № 6824).

Александр Григорьевич считал своим долгом дать детям хорошее образование. Так, старшая сестра моей матери Мария училась в Германии, в Лейпциге, стала врачом. Стал врачом еще один брат моей матери, Вениамин. Еще одна сестра, Ираида, получив домашнее образование, приехала в Москву и была принята балериной в Большой театр.

Несмотря на многие радостные годы семейной жизни, на долю бабушки и дедушки выпали тяжелые испытания. Двоих их детей постигла печальная участь: дочь Тамара, выучившись на врача в Петербурге, заразилась от больного чахоткой и рано умерла, также умер от скарлатины их любимый 4-летний сын Жоржик. После такого удара бабушка сразу лишилась своего прекрасного певческого голоса.

12 февраля 1930 года они были вынуждены покинуть собственный дом в Ирбите из-за поступивших угроз их убийства. Старики прятались у родственников, а 5 марта уехали в Москву, оставив все нажитое своим неустанным трудом имущество. Они поселились в маленькой комнатке у

дочери Ираиды, получившей площадь от Большого театра. Через 5 лет дед умер.

От первого брака у моего деда остались сын Вениамин и дочь Мария. Моя бабушка любила и заботилась о них как о собственных детях. Мария уехала с мужем в начале революции в Китай. В те жестокие времена дедушке и бабушке запретили с ними всякую переписку — так до конца своих дней они не знали дальнейшую судьбу Марии.

В 1937 году на бабушку обрушилось огромное несчастье — по ложному доносу были арестованы ее сын Григорий, дочь Ираида и муж Казимир Гертель. Им было предъявлено абсурдное обвинение в подготовке покушения на Сталина, так как Дом деятелей искусств, в котором проживала Ираида с семьей, находился рядом с Большим театром, где бывал Сталин.

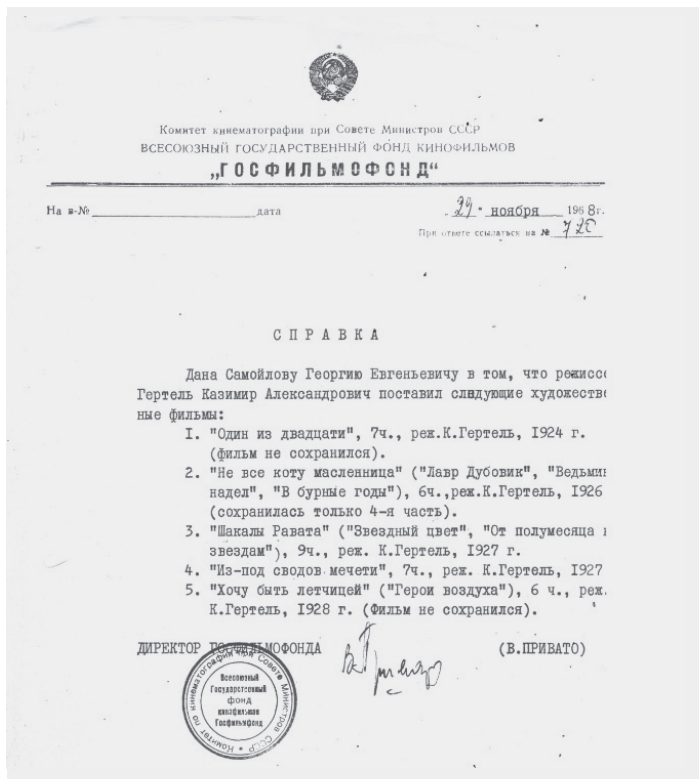
На самом деле эта семья была далека от политики: Ираида всецело увлекалась балетом, кинорежиссер К.А. Гертель с успехом снимал фильмы, писал сценарии и книги. По первой профессии он был архитектором, а с начала 20-х годов пришел в кино, работал на московских киностудиях, затем на киностудиях «Белгоскино» в Минске и «Узбекгоскино». Как позже выяснилось, эти творческие люди пострадали из-за ложного доноса соседей, которым хотелось занять их комнату...

Часто в их доме бывал брат Ираиды Григорий. Он любил свою семью: жену и трех маленьких дочерей. У Григория было много общих творческих интересов с Казимиром Гертелем: они часто вели разговоры об изобретательстве и даже намеревались писать совместную книгу о науке и искусстве. Но злосчастный год разрушил все планы.

В 1937 году Ираида вместе с Большим театром выехала на гастроли в Тулу, где была арестована и зверски расстреляна НКВД в возрасте 36 лет. Вскоре от рук НКВД погиб и ее муж К. Гертель.

Трагическая участь постигла и бабушкиного сына Григория. Его забрали в тюрьму по доносу «лучшего друга», который бывал в семье, играл и ласкал трех маленьких девочек, оставшихся из-за его клеветы сиротами. Григорий погиб в Соловецком лагере в возрасте 34 лет. Не пережила этой трагедии и его жена, умерев от горя и болезней. В 60-е годы уже взрослым детям Григория: Марии, Лилии и Лие — пришла «радостная» весть о реабилитации их безвинно пострадавшего отца.

Фильмы, снятые
режиссером
Казимиром
Гертелем

В моем семейном архиве сохранилась газета «Эхо ГУЛАГа. Московская ассоциация жертв незаконных репрессий», №6 за декабрь 2005 г. В рубрике «Нам пишут» моя двоюродная сестра Лилия Григорьевна, дочь Григория Загурского, пишет:

«Недавно я побывала в составе московской группы реабилитированных на Соловецких островах. Это место казни моего отца — Загурского Г.А. (протокол №303 от 17.02.1938 г.). С Беломорско-Балтийского канала, который тогда строился, сюда привезли 200 заключенных, в том числе моего отца.

Теперь я знаю, где он погиб. Глухое место, удобное для массовых расстрелов. Гора Секирная. Вокруг ни души. 12 км от центра острова. Казнили не только через расстрел. Мучили, к спине обреченного привязывали бревно и пустили его по каменным ступеням вниз с 80-метровой высоты.

Мой отец был инженером-изобретателем. В архивах я обнаружила 23

авторских свидетельства и патента на изобретения. Он всегда испытывал огромную тягу к знаниям. Будучи в заключении и имея некоторое время возможность переписки с семьей, папа постоянно просил маму присылать ему техническую литературу. Мама от переживаний тяжело заболела, ее парализовало. Вскоре мама умерла в возрасте 40 лет».

Живыми остались у бабушки до конца ее дней только моя мама — бабушкина тезка Александра Александровна и мамин брат по отцу. Со своим братом Вениамином Александровичем Загурским мама поддерживала самые близкие родственные отношения. Брат был красивым человеком в широком смысле этого слова. Талантливый врач-отоларинголог, он был высоким, широкоплечим, с красивой русской внешностью. Дядя Виня был бесребреником. Бывали случаи, когда, вылечив бедного больного, он не только не брал с него денег, но и сам давал ему. Наши семьи навещали друг друга всю жизнь.

Бабушка, пережив тяжелые годы революции, когда ее и дедушку, уже пожилых людей, выгнали из собственного дома в Ирбите, считая зажиточными, репрессии, войну, голодное послевоенное время, говорила нам, внукам: *«Как я устала от жизни, скорей бы умереть!»* В детстве, полная восторга от жизни, я не понимала значения горьких слов бедной моей бабушки.

О своем происхождении бабушка говорила мало. Мы только знали: рано осталась сиротой, воспитывалась в монастыре, брат Иван Федотов был художником, расписывал православные храмы около Екатеринбурга. Она боялась о себе говорить большее. Страшное было время, можно было пострадать не только за мужа, брата, сестру, но и за давно умерших отцов, дедушек, прабабушек и прадедушек. И только позже со слов матери я узнала, что бабушка была внучкой декабриста Александра Фёдоровича фон дер Бриггена. В последующие годы, во времена гласности, мама стала говорить об этом открыто.

Александр Фёдорович фон дер Бригген (16.08.1792–27.06.1859), крестник Г. Державина, участник Отечественной войны 1812 года, участвовал с полком в Бородинском сражении, был контужен в грудь и награжден золотой шпагой за храбрость. В сражении под Кульмом ранен в голову и «за

отличную храбрость» награжден орденом Владимира 4-й степени с бантом и знаком Прусского Железного креста (Кульмским крестом)*.

Он был членом Союза благоденствия (1818), Северного общества, декабристом, в 1825 году выполнял поручения К.Ф. Рылеева по связи Северного и Южного общества, был арестован в 1826 году и осужден по VII разряду. Фон дер Бригген отбывал ссылку в Иркутске, затем был переведен по болезни в город Курган. Там он состоял в гражданском браке с Александрой Тихоновной Томниковой, крестьянкой д. Рябковой Курганского округа. От нее родилась дочь Мария (06.04.1844 г.). Она вышла замуж за учителя Федотова (1867 г.).

На страницах журнала «Огонёк» №6 за февраль 1983 года, в статье «Жуковский и декабристы» старший научный сотрудник Пушкинского дома Р. Иезуитова рассказывает о личной встрече в г. Кургане и последующей переписке В.А. Жуковского с нашим высокочтимым в семье А.Ф. фон дер Бриггеном. В Кургане фон дер Бригген вернулся к своим литературным занятиям, прерванным декабрьскими событиями. В начале 1840 года Бригген приступил к переводу на русский язык «Записок о Галльской войне» Цезаря.

За помощью и содействием в публикации работы он обратился к Жуковскому, жившему в это время уже в Германии. Завязалась оживленная переписка. В одном из писем А.Ф. фон-дер-Бригген писал Жуковскому:

«Милостивый Государь Василий Андреевич! (...) Занятия по службе и недосуги суетной столичной жизни лишили меня счастья более с Вами сблизиться, когда бывший мне добрый приятель Василий Алексеевич Перовский меня с Вами познакомил. Но судьбе угодно было вознаградить мне дивным образом за эту потерю свиданием, хотя и мгновенным, с Вами в Кургане, в то время как Вы сопровождали цесаревича наследника. Слеза, которая в эту минуту навернулась на глазах Ваших и которую, конечно, Ваш Ангел-Хранитель в свое время не забудет, запечатлелась навсегда в душе моей. Позвольте мне, почтеннейший Василий Андрее-

* Источниками приведенных в мемуарах данных являются след. издания: Декабристы. Библиографический справочник. Издание подготовлено С.В. Мироненко. Под редакцией академика М.В. Немчиновой. М.: «Наука», 1988; данные Г.Е. Самойлова, почерпнутые из рассказов внучки декабриста фон дер Бриггена Александры Александровны Загурской, и документы.

*АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ
ФОН ДЕР БРИГГЕН,
мой прадедушка, декабрист*

вич, хоть слабым образом выразить мою признательность за эту слезу участия и не откажите мне в следующей покорной моей просьбе. Занимаясь постоянно в продолжение пятнадцати месяцев, перевел я с латинского языка на русский Записки Юлия Кесаря. При ограниченных положении моим средствам имел я, к счастью, нужнейшие для меня книги. (...)

Представив заглавие моего перевода, обращаюсь я к Вам с сердечною моею просьбою увенчать труд мой лестным для меня позволением Вам его посвятить. (...)

По известным причинам, имя переводчика, принадлежавшего к касте париев, должно оставаться неизвестным, но, посвятив Вам мой труд, самая эта таинственность имеет для меня что-то приятное. Мне кажется, что без этой примеси моей личности приношение мое будет полнее. Душевно сожалею я, что отсутствие Ваше за границу лишило меня возможности подвергнуть мой перевод в рукописи Вашему рассмотрению. (...)

*Ваш покорный слуга, Александр фон дер Бригген.
Курган, 6 апреля 1845».*

Перевод был успешно завершен. Посвящение гласило: «Василию Андреевичу Жуковскому, душой и стихом поэту и другу человечества, личного уважения и преданности нелицемерной». Но напечатать труд так и не удалось. Оригинал этого письма и копия хранятся в Пушкинском Доме Академии наук.

Моей дочери, Анне Писаревой, бабушка подарила журнал, посвященный 200-летию со дня рождения Василия Андреевича Жуковского. Под портретом Жуковского моя мама сделала надпись: «Дорогой Анюточке, прапраправнучке декабриста фон дер Бриггена, с пожеланием быть достойной светлой памяти прапрапрадеда. Твоя бабушка, 23 февраля 1983 года».

Моя мать Александра Александровна Анисимова (урожденная Загурская) родилась в 1902 году в Ирбите. Детство и юность она провела в родительском доме.

В дневнике моего деда читаю о радостном событии: «1921 года 31/13 ноября состоялось бракосочетание нашей дочери Шуры* с Евгением Васильевичем Ершовым».

Е.В. Ершов родился в казачьей семье станицы Изобильной в 1890 году. В 1914 году он окончил Оренбургское казачье военное училище. В самом начале войны он начинает службу в 13-м Оренбургском казачьем полку и участвует в боевых действиях на стороне белых. Евгений Васильевич был отмечен на фронте шестью боевыми орденами (тремя орденами Святой Анны, двумя Станислава и Владимира 4-й степени с мечами и бантом), был награжден Орденом Почетного легиона.

В белой армии Е.В. Ершов находился до ноября 1919 года, пока не заболел тифом. Он был привезен в госпиталь г. Оренбурга. По выздоровлении был направлен в Москву в ВЧК по приговору М.В. Фрунзе на расстрел. Но расстрел заменили пятью годами ссылки. По случаю окончания Гражданской войны Е.В. Ершов попал под амнистию**.

В начале 20-х годов Евгений Васильевич работал вместе с моей матерью воспитателем в детском доме им. Парижской Коммуны в Ирбите, потом они поженились.

Интересен такой эпизод. Евгений Васильевич имел обыкновение носить православный крест на шее, и дети это видели. Начальство детдома неоднократно его просило снять крест, так как тогда проводилась политика воинствующего атеизма. Он крест не снял, и его уволили.

Но личная жизнь моей матери с Ершовым не сложилась, и они расстались навсегда. Она уезжает в Москву к сестре Ираиде, ставшей профессиональной балериной. Сын Георгий сначала оставался в доме бабушки и дедушки в Ирбите, затем они всей семьей переехали в Москву к Ираиде.

Вращаясь в артистической среде, Ираида познакомила мою тогда разведенную мать через киноактрису немого кино Гюль-Бике Щербатову, дочь Ильи Шеребетовича Анисимова, с ее родным братом — моим будущим отцом Данилом Ильичом Анисимовым.

* От первого брака моей матери Александры Александровны Загурской с Е.В. Ершовым родился сын Георгий (1923 г.р.).

** По материалам газеты «Вечерний Оренбург», №32 от 6 августа 1998 г. (статья историка В. Семёнова «Выполняя волю народа»).

*АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ
ЗАГУРСКИЙ,
мой дед по материнской линии*

1. АЛЕКСАНДРА
АЛЕКСАНДРОВНА
ЗАГУРСКАЯ
(ФЕДОТОВА),
моя бабушка
по материнской
линии

1.

2. Счастлирое
семейство
Загурских,
г. Ирбит, 1906 г.

2.

3. АЛЕКСАНДРА
АЛЕКСАНДРОВНА
ЗАГУРСКАЯ,
моя мать

4. ЕВГЕНИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ЕРШОВ, первый
супруг моей
матери

5. ГРИГОРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЗАГУРСКИЙ,
брат моей
матери

3.

4.

5.

*ИРАИДА АЛЕКСАНДРОВНА
ЗАГУРСКАЯ (ГЕРТЕЛЬ),
сестра моей матери, балерина
Большого театра*

*ИРАИДА АЛЕКСАНДРОВНА
ЗАГУРСКАЯ (ГЕРТЕЛЬ)*

*КАЗИМИР ГЕРТЕЛЬ,
супруг Ираиды, кинорежиссер*

Кадры из фильма
«Один из двадцати»,
с участием Ираиды Загурской,
кинорежиссер К.А. Гертель, 1924 г.

*Семья ГЕРТЕЛЬ с племянником
Георгием, 1932 г.*

1. ИРАИДА ЗАГУРСКАЯ
в молодости,
г. Ирбит

2. ИРАИДА ЗАГУРСКАЯ
(ГЕРТЕЛЬ)
на отдыхе, 1935 г.

3. ИРАИДА ЗАГУРСКАЯ
с племянником
Георгием, 1932 г.

1.

2.

3.

Письма и дневники из семейного архива Анисимовых-Загурских

Известный этнограф Кавказа И.Ш. Анисимов оставил свой личный архив моему отцу Данилу Ильичу Анисимову.

Долгие годы архив хранился в укромных уголках наших квартир, вначале на Кавказе, затем в Москве, пережив революции, войны, общественные потрясения. Материалы архива были ограничены пределами семьи Анисимовых. Наконец наступило время их востребованности. Дорогие нашему сердцу фотографии, письма и другие семейные реликвии, к радости для потомков И.Ш. Анисимова, в XXI веке приобрели новое общественное звучание.

Имеющаяся в архиве переписка И.Ш. Анисимова с членами его семьи дает ответ на вопрос об «энергетическом потенциале» нашего рода.

Как много для души дают эти письма! Письма написаны в конце XIX — начале XX века, но воспринимаются так, будто писались в наше время. В них говорится о вечных человеческих ценностях. Они воссоздают характер семейных отношений, проникнутых огромной любовью Ильи Шеребетовича к Марии Савельевне, и атмосферу постоянной заботы, волнения друг о друге, и особенно о здоровье жены, детей, об их образовании, воспитании. По письмам можно воссоздать детали жизни и совместных каждодневных забот о благополучии семьи.

Эта переписка не ограничена только семейными отношениями. Илья Шеребетович зорким взглядом замечает в деталях все, что происходило на нефтяных промыслах в те годы, он схватывает характеры людей, живо и эмоционально описывает различные жизненные ситуации. Не смогу удержаться, чтобы не привести некоторые выдержки из писем, которые произвели на меня наибольшее впечатление.

Четыре письма Ильи Шеребетовича и копии его телеграмм непосредственно связаны с жизнью моего отца Данила Ильича Анисимова. Илья Шеребетович на копиях телеграмм, посланных в три адреса близким родственникам в связи с рождением моего отца, сделал следующую надпись:

«Писал “папочка” на память своему дорогому, милому и бесценному деточке 2-му сыночку (в Аджикент, дача Бадала Атакихиева). И. Анисимов. 21 июля 1896 г».

Один из этих трех адресатов вызывает во мне особое чувство почитания — это телеграмма, адресованная Давиду Львовичу Ландау — отцу будущего великого физика Льва Давидовича Ландау. Вот текст этой телеграммы:

«Баку Завод Б... Ландау Давиду Львовичу.
Мария благополучно разрешилась сыном. Здоровы. Передайте нашим.
Анисимов. Для передачи дедушке Савелию Абрамовичу, Владимиру Савельевичу Вейншал в Маштаги».*

Через несколько лет Илья Шеребетович напишет письма моему отцу — тогда подростку. В письмах он пробуждал в моем отце интерес к жизни, стремился к расширению его кругозора, воспитывал в нем порядочность и целеустремленность.

Вот письмо, написанное Ильёй Шеребетовичем из Биби-Эйбат 25 июля 1912 года моему отцу, тогда 15-летнему юноше. В нем содержится строгое наставление: *«Если тебе дали возможность быть или учиться быть самостоятельным, то это вовсе не значит, чтобы ты забывал свои обязанности. Ты знаешь, мне такие вещи не нравятся...»*

Еще одно удивительно трогательное письмо Ильи Шеребетовича моему отцу, отправившемуся в аул Тарки — на родину деда и отца (Биби-Эйбат от 2 августа 1912 г.):

«Я рад, что ты с малых лет чувствуешь эту духовную связь с народом твоего отца, инстинктивно стремишься к познанию его, к укреплению в себе этой связи. <...> Я надеюсь, мой мальчик, что ты, не разбрасываясь и не останавливаясь на мелочах, не употребляя своего времени отдыха в ущерб здоровью своему, во все, что тебе представится, вникнешь более глубоко и серьезно, извлечешь для себя наиболее возможную пользу.

* Давид Львович Ландау, инженер, брат Каролины Львовны Вейншал, урожд. Ландау (жена Владимира Савельевича, д-ра Вейншал). (Примечание сделано рукой Ильи Шеребетовича.)

Что же касается физического здоровья, то очень хотелось бы мне, чтобы ты поменьше напускал бы на себя вид солидного ученого, то есть вел бы себя совершенно свободно, как подобает мальчику твоего возраста, а не следовал искусственным приемам взрослого человека.

Илья Шеребетович привлекал 15-летнего сына к фотографированию разнообразных видов аула Тарки и подробно объяснял, как надо выполнять эту работу. В письме от 12 августа 1912 г. из Биби-Эйбат дед писал:

«Главное внимание должно быть обращено на положение, откуда будут сняты виды, чтобы было хорошо освещено и все интересное схвачено, особенно общий вид аула и внутренность кунацкой комнаты, источник и наш дом. Старайся, и все будет хорошо».

Фотографии аула были выполнены моим отцом и использовались Ильёй Шеребетовичем при написании научных трудов по этнографии.

Читаю письма моей бабушки Марии Савельевны. Они проникнуты чувством самоотверженной любви к мужу и детям. По стилю изложения чувствуется ее образованность, в письмах неизменно присутствуют наблюдательность, большой интерес к окружающему миру и чувство юмора.

Передо мной письмо Марии Савельевны (г. Баку, 21 апреля 1904 г.), адресованное Илье Шеребетовичу с описанием дня рождения их сына Лёнечки. Это письмо пронизано любовью и светом. Бабушка пишет очень живо о том, как дети вместе со взрослыми танцевали, играли, какие подавались к столу угощения, какие замечательные подарки вручили Леониду, и о чувстве детской радости, царившей в этот день в доме. А еще дорого упоминание о присутствии на празднике многочисленного семейства Ландау.

В другом письме Мария Савельевна (14 июля 1900 г., Кисловодск) делится с мужем трогательными и забавными рассуждениями детей о любимом папочке или о том, «кому больше работы — инженеру или доктору». Бабушка очень остроумно передает эти детские диалоги.

К великому сожалению, мне не суждено было увидеть при жизни ни моего деда Илью Шеребетовича, ни мою бабушку Марию Савельевну

Вейншал. Но по письмам и фотографиям я представляю себе их внешность и их богатый и благородный внутренний мир.

Духовное богатство этих людей нам передалось через их сына, моего отца Данила Ильича Анисимова, которому я приношу низкий поклон. Безусловно, мой отец смолоду впитал традиции родительской семьи, и в этих же традициях воспитывал нас, своих детей. Отец и мать воспитали в нас любовь к близким, взаимопомощь, человеческую порядочность, стремление к совершенствованию и образованию, широту общественных интересов и высокое понятие дружбы.

Дети нашей семьи унаследовали от дедушки и бабушки южный темперамент и творческие способности. Все это в совокупности составляет «энергетический потенциал» нашего рода, передающийся из поколения в поколение.

Переписка И. Ш. Анисимова и его супруги М. С. Вейншал

Нижегородская выставка, 1 июля 1896 г.

Милая и дорогая моя душечка Манюшечка!

Получил я всего 2 телеграммы и одно письмо от тебя. Я так рад, так рад, что вы, мои бесценные душечки, здоровы и чувствуете себя хорошо, гуляете... Я на выставке сегодня 4-й день... Смотреть так много интересного, что едва ли успею за это время осмотреть хоть и половину. Ходишь, высунув язык, обедаешь там же, словом, с 10 часов утра до 6 вечера на выставке. Здесь в первый же день я встретил Леонида Михайловича, который дал мне работу составить маленькую брошюрку о развитии промыслов и заводов, чтобы дать их публике при объяснении бурения. Два дня у меня пропало даром.

Здесь находится Пашковецкий из Баку в качестве «эксперта». Он тебе кланяется. Мы с ним все свободное время проводим вместе. Были 1 раз на оперетке и 1 раз на драме — вчера, где давали «Плоды просвещения» Толстого. Играли прелестно все знаменитости Московского императорского театра.

Что же еще писать тебе, моя милая и дорогая, моя жenuшка-душечка?! Соскучился я по вас, моих милых... Лёничку вчера видел во сне «так и топился ходить». И ходит ли он теперь без опоры?

Пока получишь это письмо, и Надя придет. Кланяйся ей и Авдотье Владимировне. Выйду я или в воскресенье 7-го, или в понедельник 8-го.

Будьте здоровы, мои дорогие. Здоровье мое прелестное, но немного устаю.

Целую крепко мамочку и Ленюшеньку душечку.

Твой любящий тебя Илюша.

Спешу на выставку. 9 ч. утра.

Копия телеграмм, отправленных из Уры. Аджикент, Елисаветин. губ., нашим родным по случаю рождения нашего 2-го дорогого и милого сыночка Данила, 18-го июля 1896 г. (Восприемницами были: акушерка Анна Яковлевна Подлявская и тетя Надя. Ак. Над. Сав. Вейншал.)

1. Хасавюрт (Терск. обл.). Анисимову (дяде Александру Шеребетовичу).

Мария благополучно разродилась сыном. Здоровы. Передавайте родным. Илья.

2. Илецкая Защита (Оренбургск. губ.). Давыдович (дяде Леониду Гавриловичу и тете Анне Савельевне, урожд. Вейншал).

Манюша благополучно разрешилась сыном. Здоровы. Надя, Илюша.

3. Баку. Завод Ландау. (Давид Львовичу для перед. дедушке Савелию Абрам. и дяде Владимиру Сав. Вейншал в Маштаги).

Мария благополучно разродилась сыном. Здоровы. Передайте нашим. Анисимовы.

Кисловодск, 14 июля 1900 г.

Дорогой Илюша!

Ждала я от тебя весточки: думала, что по получении от нас карточки с Цициличкой напишешь нам, да видно, не дождусь. Напиши, пожалуйста, как тебе понравилась наша дорогая куколка на руках у мамочки? Мы тут, Слава Богу, здоровы. Я тоже себя прекрасно чувствую. Относительно нас — будь спокоен. А вот ты как поживаешь? Жарко, должно быть, в Грозном? А тут совсем, совсем прохладно.

Детки очень довольны Кисловодском, но часто вспоминают папочку и смотрят на карточку, а Гуля говорит: «Вот что я вам говорю — это вовсе мой папа». Даня заявляет: «Папа мой». Лёня же готов их всех потащить за чуб: «Нет, это наш папа, а не твой и не твой!» Дети ждут твоего приезда, а я им говорю, что папа занят. Они отвечают: «Ну тогда хоть Танахим⁹!»

Лёня с Даней в первый день нашего приезда горячо поспорили о том, кому больше работы, инженеру или доктору. «Конечно, инженеру! — заявил Леонид. — Доктор что? Только когда рабочего задавит, надо голову разобрать, тогда работа, а так сиди себе как философ! А у инженера буровая да контора!» Я хохотала тихонько, чтобы не помешать этому монологу!

Кухарку я взяла за 10 р. в месяц со стиркой белья. Как живет бабушка?

Адрес мой: Кисловодск, Терск, обл. Большая Ольховская улица, дом Бакуниной. Мариш Савельевне Анисимовой. Массажистка, которая живет против меня, оказалась моей старой знакомой; послезавтра начнем массаж. Мы все крепко-крепко целуем папочку и ждем письма поскорее.

Мой привет Чернявским, квартир много, передай им!
Еще раз целую тебя!

Твоя Манюша.

⁹ Племянник Ильи Шеребетовича.

Балахны, 22 августа 1901

Дорогая Манюша!

Наши детки радуют своего папочку своими письмами и особенно умо-
рительное письмо моего золотого мальчика, Данички. «Я пишу, — гово-
рит он, — что мы босиком ходили, купались... Я пишу и больше ничего
не пишу!» Этот детский лепет характеризует моего «будущего фило-
софа» воочию. Много говорить он не любит, тем более после того, как
Лёня написал все и ничего ему не оставил. Он только подтверждает,
что «ходит босиком» и «купается». Значит, папочка вполне должен до-
гадаться, что он «вполне здоров и счастлив». За это лаконичное выра-
жение самого важного из своих мыслей я его целую бесконечно много и
желаю ему, чтобы он всегда был бы счастлив и так же, как этими двумя
словами, радовал бы папочку. Что же вы хотите, господа? Я пишу, что
больше ничего не пишу. Значит, больше не о чем писать и заниматься
пустой болтовней. Дорогой мой мальчик!

А как хорошо ты схватила этот задушевный лепет; а затем письма
Лёни и Гули — это есть шедевр детских писем. Письмо дорогого Лёнич-
ки — это просто письмо взрослого человека. Как хорошо, ясно, подробно
и отчетливо пишет он! Повсюду виден будущий «инженер», а может
быть, и «писатель», но не такой, конечно, как папочка, а гораздо «по-
выше», словом, по закону «эволюции Дарвина». Молю Бога, чтобы он был
всегда так же здоров, как и умен!

Моя милая красавица дочка Гуличка — также так хорошо пишет, что
по всему видна будущая «хозяйка» и интересующаяся собою «барышня».
Она снималась, «дни рождения справляет» и помогает по хозяйству ма-
мочке.

Лёничка пишет, что учится с дедушкой, а о Циличке, что она стала «тол-
стая девочка». Ты можешь себе представить, как это все радует папочку
в «аду» и «покинутого».

Здоровье мое теперь в общем хорошо, но ломота в спине опять возобновилась. Жара стоит еще по-прежнему, и меня постоянно бросает в пот.

Ну, как ты поживаешь? Как прислуга, не было ли больше «инцидентов» у тебя с Фрейленг? У меня опять совершился «инцидент» с кучером, и «последний». Он напился пьяным, сломал фэйтон, опять чуть не опрокинул меня с Леонидом, скоропалительно взял свою жену Дарью от меня и оставил нас. Мы еле добрались до дома пешком. Анюта из Маштагов сидела у нас дома и ждала двое суток, а Алексей с Дарьей пропали это время и без просыпу вместе пьянствовали. Наконец вчера Дарья пришла. Когда по моей записи, составленной по твоему поручению, стали проверять вещи, то некоторые из них оказались у нее дома, и она принесла.

Относительно прислуги Анюта устроила так: ты, кажется, знаешь, что няня ее Елена пошла к мужу (живут рядом с нами, на Бакинском нефтепроводе), а на ее место поступила в няни ее сестра, которая приехала из России.

До твоего приезда взять новую женщину я побоялся и не знал, как быть (идет ремонт, все разбросано, я целый день и вечера на службе, могла обобрать, сколько угодно, и я бы ничего не знал). И вот они позвали эту Елену и предложили быть у меня кухаркой без уборки комнаты (убирает телефонщик) и без стирки (чтобы стирку отдать прачке). Она от постоянного кухарничанья отказалась и согласилась «приходить» утром поставить самовар, доить корову (дает 2–3 стакана в день — я пью часов в 10), затем она готовит обед и подает, моет посуду, вечером, часов в 6, поставит самовар и подает ужин с мытьем опять посуды. Таким образом, вот эти 2 дня она и делает, особенного недостатка не чувствуется, хотя, конечно, было бы хорошо иметь дома постоянного человека и стирку не давать на сторону. Сейчас приехала сюда Анюта переночевать у меня и завтра поехать в город купить буфет и материю для обивки мебели.

Ремонт квартиры затянулся и на будущей неделе совершенно окончится. Квартиру я тебе так «отделал» со всеми удобствами, что, надеюсь, будешь довольна.

Дела у нас «нефтяные» ужасно отвратительны: в №6 на 151 уч. (где был фонтан) нефть упала в цене до 6 ½ коп., и настроение «хозяев» стало еще более отвратительным.

Посему надежда прокатиться в Питер и по дороге заехать к вам теперь рухнула, и я увижу вас только в Балахнах. Приехать можно будет вам, вероятно, не раньше числа 15 сентября, так как пока стоит жара и в Балахнах громадное количество больных тифом.

В Маштагах все наши здравствуют, Володя* был у меня 2 раза (ночевал), практика у него прелестная, вопрос о переезде в город пока на точке замерзания (говорит, не хочет Лина!).

У Анюты квартира отремонтирована уже и ждет переезда, когда жара упадет после 1-го сентября. Сейчас за столом сидят Анюта и Леонид, читают газеты, а я пишу письмо (9 час. вечера). Кланяюсь всем. Будьте здоровы. Целую крепко, крепко всех вас поодиночке, в том числе и папушу, кланяюсь Авдотье Владимировне и Фрейленг. Особенно крепко целую мою маленькую дочурочку Цилечку-душечку.

Твой Илюша

* Вейншал — родной брат Марии Савельевны.

Балахны, 22 июня 1903 г.

Дорогая моя Манюшечка!

Письмо твое наконец-то я получил! Разве можно так долго не писать, моя мамочка! Я так беспокоился, что в этот же день хотелось вечером телеграфировать, а за обедом подали мне «заказное» письмо. Увидел твой «милый» почерк, но, не забыв и «запреты» твои «за обедом не брать и не читать писем», я сначала расписался в книге и отложил письмо в сторону! А вдруг там что-нибудь важное, беспокойное, кусок мяса застрекает в горле... и я бросаю вилку... еще раз вспоминаю о «строгом запрете» моей дорогой женушки, осматриваю конверт кругом! Ну можно ли воздержаться от соблазна поскорее узнать, что в конверте, я быстро раскрываю его!

Прежде всего, бросаются в глаза какие-то каракули крупными буквами на простой бумаге: «Дорогой папочка...» С захватывающим интересом и любовью читаю я «первое» письмо моего золотого мальчика Лёнички, читаю его мысли, вижу его перед собою, и на письмо падает слезинка радости! «Дорогой мой мальчик!» Как он хорошо свое путешествие излагает, прямо как большой! Затем читаю письмо Данички, Гулички и Цилички, тоже написанное Лёничкой, и прихожу просто в умиление. «Дай Бог Вам всем здоровья, счастья и всего, всего хорошего», — произношу я, кончая весь этот детский лепет, и берусь за твое письмо. Так и есть: значит, вы все были больны! Может быть, и теперь это все продолжается, а ты пишешь по обыкновению, что поправились, чтобы я не беспокоился? Ну, смотри же Манюша! Между нами был уговор, что ты пишешь мне всю правду... Иначе я вечно буду беспокоиться и гораздо хуже. Показала ли ты детей врачу? Откуда этот врач Соколов? Не из Москвы ли? В Москве был один популярный врач тоже Соколов, который вылечил меня от брюшного возрастного тифа, когда я был студентом. Жил он на нашей улице. Спроси-ка. Если он — это замечательное обстоятельство! Поправились ли вы все окончательно? Получила ли ты посылку с вещами, которую ты просила? Что пишут из Илецка? Почему ты не писала, при каких обстоятельствах ты оставила у себя

Надю? Вчера (суббота) я был в городе (в клубе) с Володей, и он рассказывал, что Анюта пишет, что она вынуждена оставить Надю, чтобы приготовить к экзаменам Лёню. Что это значит? Здорова ли Анюта? Может быть, это большая жертва, от которой зависит ее выздоровление? Меня это очень беспокоит, и я ужасно расстроен. Спросила ли ты Анюту письмом или телеграфом, что у них делается? Если нет, то это необходимо сделать сейчас же по получению этого письма. Слово «вынуждена» мне не нравится. Если Надя там нужна, то нужно ее отпустить, а для Лёни взять другую, не задаваясь вопросом, дорого или дешево это будет стоить. Итак, я надеюсь, что ты умница, и сделаешь так, что все будет хорошо. Что же ты, мамочка, ничего не пишешь мне о даче? Сколько комнат, какой ход, кухня, сад, где вы гуляете, купаетесь ли и пр. пр.? Твой «режим» относительно детей мне очень понравился, и надеюсь, что благодаря ему они хорошо поправятся. Побольше молока, яиц, бифштексов и вареных фруктов (компоты, желе). Но конфет, я тебя прошу, не давай, чтобы не портились зубки. Упал ли еще зубок у Данички? Скоро, пожалуй, упадут и у Гулички? Как занимается Даничка? О Лёне я не спрашиваю, потому что я надеюсь на Надю, что она его приготовит. Я просил тебя написать, сколько и какие оспенные знаки на руках Лёнички, чтобы написать прошение. Если дня через два не получу, то Володя запишет заочно, и на этой неделе я подам директору Реального училища прошение через Володю. Так нахожу удобнее, чтобы не быть никому обязанным, а Володя подаст прошение, как о своем племяннике из рода Вейншалов по матери. Что же тебе еще написать, моя дорогая, о наших детках? Хорошо ли одеваешь ты мою красоточку Гуляночку и как она вообще выглядит? Если бы ты знала, какая она «душечка». А дорогая моя Цициличка! Она правду говорит, что я ее «папуля», а твой «папа». Этим она хочет высказать к папочке всю свою нежную любовь и то, что она меня гораздо больше любит, чем ты. И это так, кажется, правда! Не так ли я объяснил? Ну как твое теперь здоровье? Надеюсь, что поправилась, хотя, когда ты немножечко похудеешь, тебе идет больше! Но чур, я сказал «немножечко», а много чтобы ты похудела, я вовсе не хочу, потому что не люблю в женщинах «сухих мумий» или «тощую тарань». А как Надя? Представь себе, я провожал ее тогда с Володей на вокзал и, боясь тебя, на прощание даже не

поцеловал. Володя это заметил, но ничего не сказал: вероятно, подумал, что я из скромности. Как бы не так! А с ним-то мы постоянно чмокаемся, хотя бы виделись три дня тому назад, и это ему, по-видимому, доставляет очень большое удовольствие. На прошлой неделе, когда был у Володи, он сказал, что сегодня собирается писать своим в Дублин и спросил, может быть, и я настрою несколько слов. Я написал целое письмо со всеми нашими новостями и пожурил немного Лину за то, что она долго не писала и заставила Володю волноваться. Засим попросил ее передать поклон Якову Львовичу* и его супруге поклон и лучшие пожелания от «незнакомого родственника», который о них постоянно спрашивает и интересуется.

По части развлечений я мало занимаюсь, очень редко бываю в городе и большую часть все вечера сижу дома или в конторе. Вчера вызвал меня по телефону в город Матвей Борисович, который приехал в 4 часа дня. Сидели с ним до 10 ч. вечера, затем отправились в клуб, где встретился с Идельсоном. Затем пришел Володя, ужинали за общим столом, где был еще старший Гальперин.

В поезде, когда поехал в город, встретил в купе О.И. Дембо (глухой родственник бывшего нашего директора), поздоровался и там же встретил господина и госпожу Курх, тоже поздоровался с ними за руку. Они (супруги) переглянулись, и я ушел в другое купе. С Шапоринским вчера первый раз встретился в клубе; он поздоровался и, сказав, что его ждут, пошел к Курх. За это время я его вызывал несколько раз, но от его бесед веяло каким-то льдом, и он ни разу меня не вызывал! Причину, полагаю, надо искать в моем «племяннике», который как сирота, которому негде приклонить голову (твое выражение), вероятно, приналег на него (обедает у него) и при всяком случае забрасывает меня грязью. Он (Шапор.) очень весело проводит время и бывает, как говорит, часто в гостях, «где учится винтить».

* Брат Давида Львовича Ландау.

Лемперг выписался из больницы и поправляется. Я ему предлагал поехать поправляться к своим на 1 месяц. Он отказался, говоря, что думает пользоваться отпуском в августе, чтобы, кстати, заехать к своим в Киев. Идельсон встретил меня в клубе словами: «От Ваших поклон», — и на мой вопрос: «Разве Вы были там?» — сказал, что ему пишет жена, что видятся часто. Я сказал, что об этом пишет и моя жена. Мы с ним условились поехать вместе в середине июля, если не случится что-либо экстраординарное. А пока должен, к сожалению, жариться здесь.

Кланяйся Наде Чернявской и г-же Идельсон.

Целую тебя и наших дорогих деток крепко, крепко и остаюсь

Твой Илюша.

Почему ты мало гуляешь? Напрасно! Еще раз прошу поцеловать в глазки, в носик, в щечки мою Цициличку за папочку.

Пинхас и Лиза вам кланяются, также моя старуха Павловна, особенно она кланяется барышням. Еличка все болел, теперь лучше. Завтра они с Лизой поедут в Хасавюрт.

Грозный, 12 мая 1904 г.

**Дорогая моя, милая женушка,
Манюшечка!**

Я удивляюсь, что ты до сих пор ничего не пишешь об экзаменах Лёнички и Данильчика, т. е. когда они кончатся, и Вы начнете готовиться к отъезду. Дети во многих учебных заведениях, окончив экзамены, собираются уже по домам. Неужели же там, особенно в Баку, таких малышей, как приготовишки, будут томить до конца мая? Узнай и напиши мне! Как занятия Лёнички и надеется ли он перейти? Как Гуляночка, моя золотая, как дочурочка моя Циличка? Соскучился я страшно по вас, мои дорогие.

Ты у меня молодчина, дорогая мамочка, что тебе никого не надо для укладывания вещей, но ты укладывайся как следует, не спеша и, по мере укладывания вещей, отправляй их сюда, чтобы все вещи пришли раза за три — и тебе будет легче отправлять, и мне сюда их принимать. Таким образом, ты можешь, по-моему, начинать укладываться потихонечку, отправишь одну партию, отдохнешь дня 2–3, потом опять и т. д. Жду с нетерпением мебели для теперешней моей квартиры. Не дождавшись, все-таки кое-что пришлось купить, чтобы не жить в пустых комнатах. Относительно квартиры мы обсудим с тобой, когда приедешь сюда, а пока я занял для квартиры и конторы себе маленькую квартиру из 3-х комнат.

Спасибо тебе, мамочка, за поздравление с новосельем, за то, что ты меня надоумила это сделать — я так рад, что, наконец, избавился от этой вечной опеки и кабалы!.. Но Илья Яковлевич, оказывается, в жизни прямо невозможный человек, страшный эгоист и недалеко ушел даже от общего типа «кулака», если вкусить его как следует... Мы с ним до сих пор не кончили своего условия, а в буровой уже пробурили 42 саж... На днях, как только приведем в порядок промысловую отчетность, я думаю, ему предложат ультиматум. За Пинхаса и Бориса достается от него мне очень часто — и это мне доставляет немало страданий... Первого называет он «беспамятным», второго «тупицей», на днях с ним по поводу них был крупный разговор.

По поводу гувернантки я написал во Владикавказ Дикову, правительству канцелярии начальника области, моему товарищу, с которым я на «ты», чтобы он оказал содействие ее не трогать — жду ответа, но я больше чем уверен, что это устроим. Ты можешь написать ей, что мы ее возьмем и пришлем деньги, как только приедете в Грозный.

Реальное училище предполагается открыть в Грозном в этом году в сентябре, если будет 100 мальчиков с платой от 60 до 100 руб. Теперь по рукам ходит подписка, и кажется, что соберут. Вот было бы хорошо. Я уже записал Лёничку и Даничку. Предполагается открыть 2 первых класса с подготовительными классами. При сем посылаю тебе чек на 200 рублей, на сборы и прочее я тебе пришлю отдельно. Будь здорова.

Целую тебя и моих дорогих деток крепко, крепко. Также целую папашу и всех наших дорогих, которым шлю мой душевный привет. Здоров ли Володя, почему мне ничего не пишет.

Твой Илюша

Баку, 21 апреля 1904 г.

Дорогой мой Илюша!

Твое заказное письмо от 17-го апреля меня чрезвычайно обрадовало. 18 числа рано утром проснулись детки радостные и счастливые, что настал день рождения Лёнички. Я встала, оделась, привела все в порядок и стала ждать гостей, которых я хотя и не приглашала, но все-таки знала, что они придут. Вдруг мне принесли письмо заказное, я повернула его в руках и подумала: «Что мой Илюша преподносит мне сегодня», — распечатываю и вижу строки счастливые, нежные и радостные. И тут мои нервы не выдержали, и я разрыдалась как ребенок. Слава Богу, дорогой мой, что ты почувствовал твердую почву под ногами. Дай Бог тебе, мой дорогой, здоровья и много, много счастливых дней в твоей жизни; дай Бог тебе долголетия!! Да! День 18-го апреля был для меня радостный и счастливый.

При гостях я была уже в прекрасном настроении, и я чувствовала себя вполне счастливой! У нас были Зоммеровы (он, она, дочери), Вейншалы и Ландау (Лина, Яша, Ванюша, Рая, Фаина Яковлевна, Лев Лазоревич, папаша и Надя), Копиловичи (Симоша, Сеня, Яша, Люба и Елизавета Матвеевна), Зильберманы (3 сына) и позднее неожиданно пришли Мальцы (он и она). Мы обнесли гостей пирожками с мясом и бутербродами с сыром, потом у нас было все домашнее и чай с печеньями (песочники, ореховые, маковые). Затем были фрукты. Дети веселились, танцевали (играла Т. Галунская). Лёня получил много подарков: от бабушки — шашки, от тети Нади — аквариум, от Зоммеровых — книгу, атлас, от Илюши — зоологический атлас, от Яши — лупу и книгу и т. д. Я ему купила накануне костюм, щиблеты, шапку с гербом и козырьком. Он был прямо счастлив от всего нового.

Целую, Маша.

Биби-Эйбат, 25 июня 1912

Дорогой мой Данильчик!

Сегодня 10 дней, как ты уехал, а я имел от тебя только одну открытку. Обещание твое написать мне подробное письмо не исполнил. Не одобряю я твоего поведения! Я бы еще ничего, а мама, ты знаешь, как вообще она беспокоится о тебе: так ли покушал, так ли поспал, не болен ли и пр.; вот вопросы, которые она задает мне ежедневно по 10 раз, когда видимся. Сегодня она у меня (с детьми приехала вчера вечером, будут до воскресенья). Тщетно ждала она твоего письма. Саша передала по телефону, что почта была, письма нет. Из всего этого можешь заключить наше беспокойство. Нельзя быть свиньей, которую когда посадишь за стол, она и ноги на стол! Если тебе дали возможность быть или, скорее всего, учиться быть самостоятельным, то это вовсе не значит, чтобы ты забывал, как Лёня, свои обязанности. Ты знаешь, мне такие вещи не нравятся. Долг свой писать в неделю по одному письму мне и маме — должен исполнять, и никаких оправданий или оговорок не должно быть. Если ты болен и не пишешь, то это хуже, потому что мы должны знать во всякую минуту правду, что с тобой делается.

Как проводишь время, был ли в ауле, практикуешься ли по-татски, собираешься ли в Хасавюрт на могилу бабушки, и вообще как и в чьем обществе днем и по вечерам ты проводишь время? Все это очень интересно. Пиши.

Р. С. Кланяемся дядям Моисею и Александру, и Пенхасу, тетям Зульфо, Гузум и Юднаг, братьям Нафтоли, Абраму, Иосифу и Рафаилу, сестрицам мамы, Тамары и Анички и пр. пр. Целую всех крепко.

Папа

Биби-Эйбат, 2 августа 1912 г.

Мой дорогой мальчик Даничка!

С тех пор, как я написал тебе свое первое письмо, в котором выражал наше беспокойство по поводу твоего «кажущегося» молчания, я получил одну открытку... Таким образом, ты совершенно поправился. Я бы еще ничего, но знаешь, какая у нас мамочка «трусиха», тем более в первый раз отпустила от себя своего мальчика. Я очень рад, мой дорогой Даничка, что тебе все нравится среди горцев, родичей твоего папочки; рад тому, что кроме того, что ты можешь окрепнуть на лоне чистой природы «физически», принимая во внимание благоприятный для развития молодого организма климат города Махачкалы, у тебя, по крайней мере, разовьется большой кругозор жизни, ты привыкнешь к безыскусственной жизни людей, чтобы сравнить впоследствии с ней широкую, полную роскоши и блеска жизнь больших городов, и найдешь хорошие и дурные стороны первой и второй; тебя не будет смущать незнание родных нравов и обычаев собратьев, язык твоего отца. Ты сможешь говорить когда-нибудь с ними на этом косвенно родном для тебя языке. Я рад, что ты с малых лет чувствуешь в себе эту духовную связь с народом твоего отца и инстинктивно стремишься к познанию его, к укреплению в себе этой связи. Да послужит тебе, мой милый мальчик, эта поездка радостным событием твоей жизни, светлой, памятной страницей ее во все дни твои до самой глубокой старости! Это послужит лучшей радостью и для твоего горячо любящего тебя папочки.

Но при всем этом, я надеюсь, мой мальчик, что ты, не разбрасываясь и не останавливаясь на мелочах, не употребляя своего времени отдыха в ущерб здоровью своему, во все, что тебе представится, вникнешь более глубоко и серьезно, извлекаешь для себя наиболее возможную пользу. В изучении татского языка, главным образом, пока надо обратить внимание на простую детскую речь и не обременять себя теоретическими сторонами этой речи; по еврейскому языку надо читать и знать главные молитвы и писать на татском языке легонькие рассказы и простые письма. Это пока все, что я могу тебе посоветовать, а остальное

при твоём желании и усердии совершенствоваться явится все само собой впоследствии. Иначе говоря, на перевод Библии с древне-еврейского на татарский не стоит теперь тратить времени, которого остается у тебя немного. Что же касается физического здоровья, то очень хотелось бы мне, чтобы ты побольше побегал бы там, ходил, купался, научился бы хоть немного плавать и поменьше напускал бы на себя вид солидного ученого, т. е. вел бы себя совершенно свободно, как подобает мальчику твоего возраста, а не следовал искусственным приемам взрослого человека! Сегодня Абрам был у меня (вчера, в среду, я был в городе с ним у наших, а оттуда все пошли в синематограф).

Относительно географических снимков аула Тарки, я желал бы иметь:

- 1. Общие или отдельные виды Тарки.*
- 2. Фотографические снимки (в виде ли открытки или фотографии) Шамхалского дворца (вблизи города Темир Хан Шуры). Напиши Нафтоли, чтобы он написал бы дяде Борису или кому-нибудь другому в Шуру (там, говорят, имеются у фотографа).*
- 3. Вид горско-еврейской части аула Тарки (общий вид с синагогой).*
- 4. Фотографию нашего дома, где я родился и вырос в Тарках.*
- 5. Внутренний вид кунацкой комнаты, убранной чисто по-горски в ауле или в г. Петровске, все равно.*
- 6. Интересны фотографические карточки горских евреев и евреек у дяди и у других родственников и знакомых.*

Биби-Эйбат, 15 августа 1912 г.

Дорогой мой Даничка!

Получив письмо твое от 12-го с.м., сейчас же отвечаю тебе (сегодня среда, не поехал на заседание, т. к. его отложили на завтра) и особым переводом на имя Александра посылаю тебе 15 руб. Негативы снимай 18 x 24. Главное условие, они должны быть ясны и отчетливы. Кроме того, фотограф обязан за те же деньги дать по одному печатному оттиску, т. е. по карточке (без наклейки на картон). Если карточки будут хороши, то надо брать и заплатить деньги, а если нет, то заставить переснять, вновь напечатать, смотреть, пока будет хорошо. Для чего фотограф должен снять каждый вид не менее 2-х раз (чтобы не переделывать). Затем главное внимание должно быть обращено на положение, откуда будут сняты виды, чтобы было хорошо освещено и все интересное схвачено, особенно общий вид аула и внутренность кунацкой комнаты, источник и наш дом. Старайся, и будет хорошо. При съятии внутри кунацкой комнаты скажи Нафтали, чтобы было возможно больше предметов и обстановки чисто горского характера, и чтобы были составлены хорошие группы: девушек и женщин с кувшинами внизу, а молодых людей наверху, домашние животные, идущие на водопой и прачки у корыт. Много не надо, чтобы не было пестро, а по одному, по два человека на группу и по одному животному. Снимитесь вдвоем с Нафтали, если можно, оба в горских костюмах и с кинжалами. Ну вот и все об этом.

От Лёни получили письмо, что они (Надя и Лёня) выехали 14-го, т. е. вчера. Мы все здоровы. Я очень рад, что мой мальчик доволен своим времяпрепровождением и крепко его целую, кланяйся Нафтали и Абраму.

Горячо любящий тебя папа

Дневник Тамары Александровны Загурской

В нашем семейном архиве от моей матери Александры Александровны Анисимовой (урожденной Загурской) сохранился удивительный дневник жизни ее родной сестры Тамары Александровны Загурской. Записи дневника относятся примерно к 1910–1920 годам. XX столетия. Передо мной раскрылся образ очень чистой, умной, романтической и талантливой молодой женщины. С пожелтевших страничек дневника с полуистертыми чернильными буквами вдруг повеяло тем далеким, навсегда ушедшим временем.

Передо мной ожили картины жизни всей большой дружной семьи Загурских в маленьком провинциальном городке Ирбите. Я представила себе городской парк, расположенный на живописных склонах речки, фонтан в саду, окруженный большим цветником, огромную старую иву, скованную цепями, звуки оркестра, раздающиеся в парке, сцену клуба, где выступали на концертах моя бабушка (она прекрасно пела), мама (участвовала в любительских спектаклях), тетя Ираида (танцевала).

Поэтично описание старинного кладбища на высокой горе «при свете солнца, освещающего мраморные памятники на фоне яркой зелени». Как любила она бывать там и предаваться самым сокровенным размышлениям о жизни!

В дневнике очень живо описан каждодневный быт Загурских и подготовка к праздникам, сама атмосфера дома: «Вечереет... мы с мамой сидим в саду, поем русские песни, романсы, рассказываем сказки, читаем стихи или танцуем под звуки патефона».

В этом доме также было много и горестных событий: болезни, потери близких. Из дневника узнаю, какая была любовь, взаимопомощь между родителями и детьми, бескорыстное отношение к людям.

Тамара Загурская пишет в дневнике о своих первых чувствах к юноше, светлых и чистых, о том, как трогательно она их проявляла.

Но вот Тамара повзрослела, окончила гимназию и поступила в медицинский институт в Петрограде, перед ней открылись замечательные перспективы посвятить себя любимому делу — стать врачом. Но в самом начале

*ТАМАРА АЛЕКСАНДРОВНА ЗАГУРСКАЯ,
врач, сестра моей матери, 1920 г.*

своей врачебной деятельности заразилась от больного чахоткой и умерла от этой неизлечимой в те годы болезни. Тетя Тамара умерла 27 лет от роду в 1921 году, за семнадцать лет до моего рождения, так и не осуществив достойную цель своей оборвавшейся на взлете жизни — лечить и помогать людям. При всей своей любознательности она не успела познать жизнь в многообразии ее проявлений.

Далее отрывки из ее дневника.

« Ирбит нельзя назвать прекрасным краем. Это небольшой город, окруженный с одной стороны лесом, а с другой стороны полями. Между полями и городом протекает неширокая река. Город состоит из каменных и по преимуществу деревянных домиков. Ирбит насчитывает примерно около 40 тысяч человек, среди них имеются люди различных национальностей: русские, немцы, австрийцы, поляки и евреи. Люди здесь живут исключительно семейной жизнью. Правда, они гостеприимней и, может быть, сердечней жителей столицы, но любят посплетничать.

Самое красивое место в городе — общественный сад, расположенный на живописных склонах речки. Вдоль парка тянется аллея из зеленых акаций. В его центре возвышается здание клуба. Как раз напротив него красуется фонтан, окруженный большим цветником. Каких только нет на нем цветов: анютины глазки, георгины, левкой, выглядывающие из яркой зелени.

Гордость парка — это огромная-огромная старая ива, скованная цепями, под ней уютно расположены скамеечки для публики. В клубные дни там играет оркестр. Этот парк для нашей семьи особенно памятен.

Мама рассказывала, что, еще будучи прогимназисткой, она встречала папу в общественном саду с его женой и моей старшей сестрой Марией. После смерти первой жены папа, когда ему было около 40 лет, женился на маме — девятнадцатилетней девушке. Тогда она была молода и весела, имела чудный голос. С того времени сохранились подарки, которые она получала, выступая на сцене. Выйдя замуж, она изменилась, помогая папе в делах, занимаясь хозяйством и воспитанием детей.

А еще этот парк памятен тем, что моя мама, сестры Ираида и Шура с большим успехом выступали в клубе на праздничных вечерах и в любительских спектаклях: мама пела, ей даже предлагали уехать из Ирбита и поступить в консерваторию в большом городе; сестры: Ираида прекрасно танцевала, а Шура талантливо исполняла драматические роли в любительских спектаклях*; брат Вениамин также играл на мандолине и пел.

Недалеко от города начинаются места, где можно приятно провести

* Моя мать читала мне в детстве незатейливый стишок об ирбитском периоде ее жизни: «Стопроцентную нагрузку // Вьются все вокруг Загурской».

время: на прогулке рвать цветы и собирать ягоды.

Самое заветное место на окраине города — старинное кладбище на высокой горе. Оно особенно красиво при свете солнца, освещающем мраморные памятники на фоне яркой зелени. Люблю бывать там, читать надписи и стихотворные посвящения на плитах и потом долго, долго сидеть над самым обрывом в грустном раздумье и безмолвии.

А внизу за оградой кладбища шумят высокие сосны, окруженные белоснежными березами, и бесконечный простор. Ощущаешь таинство, красоту вечной природы и быстротечность человеческой жизни.

Цель жизни — человеческое счастье, а счастье без любви невозможно. Любовь приходит сама. Она чуткий, нежный цветок, с которым нужно бережно обращаться. Часто после брака этот цветок вянет от небрежности людей. Могут ли люди рассчитывать на глубокую любовь? У человека врожденное стремление к прекрасному. Поэтому вправе надеяться на глубокую любовь только те, которых природа наградила Божественной красотой или таковая есть у них в душе.

Идеал для меня — это женщины, способные глубоко и сильно любить. Некоторые из них могут быть даже кроткими и застенчивыми. Другие же, наоборот — умные и энергичные. Они мне больше по душе».

« Перед моими глазами ярко встают картины моей жизни: детства и ранней юности в родительском доме.

В заутреню Пасхи папа приходил в детскую, будил нас и, взяв на руки, подносил к окну, показывая огоньки на церкви. Накануне Рождества нам приказывали рано ложиться спать и, чтобы скорее заснуть, считать до сотни. За что «праздничный дедушка» приносил желаемый подарок.»

В праздник вечером обыкновенно отправлялись в клуб на детскую елку, но для этого необходимо было тоже вынести маленькое мучение, т.е. стоять перед мамой на коленях в течение нескольких часов, когда она щипцами завивала волосы в локоны, и еще надо было осторожно относиться к своему новому платью.

В детстве у меня было много игрушек, кукол, я даже играла в них с маленьким братом Жоржиком.

Вечереет... Мы с мамой сидим в саду, поем русские песни, романсы, рассказываем сказки, читаем стихи или танцуем под звуки патефона. Особенно любит танцевать сестра Ираида. Она может передать в танце свое настроение. Как-то для маскарада ей приготовили оригинальный бархатный черный костюм мотылька, в котором она легко порхала, учителя гимназии просили ее протанцевать что-нибудь еще.

Большую же часть времени я отдавала учебе в гимназии, подготовке домашних заданий. Кроме того, почти каждый день занималась с сестрой Шурой (часа 3–4 в день и даже больше), когда готовила ее к экзамену по русскому языку в гимназии.

В те годы я часто проводила время с двоюродной сестрой, кончившей Бестужевские курсы. Она искренне и глубоко любила науку, прекрасно знала русскую и иностранную литературу. Сестра много говорила об искусстве, добре и красоте природы. Но самым любимым моим занятием все-таки было чтение книг. Многие свои часы я любила проводить в уединении.

В пору моего детства в нашей семье случилось большое горе: умер от скарлатины всеми обожаемый маленький Жоржик. Он был очень красив: большие голубые глаза и длинные светлые локоны.

Я учила его вежливости и благодарности, поэтому, когда он приходил в мою комнату, он говорил: «Томуся, дай, пожалуйста, эту картинку», — и получив, целуя, благодарил по-французски: «Merci beaucoup» (большое спасибо).

После смерти Жоржика мама от горя потеряла свой замечательный голос. Позднее к этому горю прибавилась еще болезнь брата Вениамина. Он заболел туберкулезом и вынужден был покинуть Ирбит.

Сестра Мария помогала брату Вениамину, высылала ему на лечение в Алупку и Ялту по 100 рублей (в те времена это была большая сумма) в течение трех лет. Теперь хотя высылает ему меньше денег, но все же у нее остается очень немного, гонорары она не принимает. Раз как-то ее пациентом был генерал Уваров, на его предложение дать ей деньги она ответила отказом. Он был удивлен, говоря, что даже уважаемый врач Маков от денег не отказывается. «Значит, я богаче Макова», — гордо ответила сестра.

В Ирбите была у меня первая любовь, началось это так. Вдруг прежние игры, куклы, сказки были заброшены, их заменили романы Тургенева

Преподаватели и ученики гимназии г. Ирбита, где обучались Загурские

и стихи. Любимым делом стало ведение дневника, для которого я придумала особый алфавит, чтобы мама не могла прочесть его. Мама держалась мнения: у дочери не может быть ни одной тайны от матери.

Первые годы появления чувства были у меня в 4–5 классе. В то время папа называл меня «льдинкой» за любовь к уединению и пристрастие к книгам. А я была влюблена в мальчика, брата своей подруги Кати. Для дорогого человека ходила поздно ночью в сад, выбирая росшие там цветы для букета: левкои, мелкие астры, душистый горошек, декоративную зелень и траву, затем составляла букет, шла по направлению к дому любимого и незаметно ставила собранный букет на его растворенное окно.

Время рождественских и летних каникул было временем мечтания и стихов. Бывало, мы с Катей забирались в наш сад вечером, обрывали лучшие розы, смачивали их духами и, пробираясь тайно в его комнату, прикалывали их английскими булавками к его подушке на ночь. В 13–15 лет каждый день ходила с подругой Катей в сад в надежде видеть его. Там, недалеко от сада, каталась на лодке по реке».

« Недавно осуществилась моя заветная мечта. После окончания гимназии в г. Ирбите я поступила в медицинский институт в г. Санкт-Петербурге.

Этот столичный город поразил меня блеском и шумом. Я растерялась. Дома, как ни была свободна за последнее время в своих поступках, все же рука родителей меня оберегала. А здесь я одна, никому нет дела, и мне вдруг показалось страшной давно желанная свобода. Я боялась злоупотребить ею, тем более что жизни, в сущности, не знала, были кое-какие нравоучения родителей, школы, книжные теории и только.

Институт для меня — это храм науки, и к нему надо относиться с благоговением. Я надеюсь быть хорошим, трудолюбивым врачом. Для этого мне необходимо изучать медицину, но и в медицине все отделы, болезни до мелочей точно знать невозможно, поэтому я должна получить ясные, существенные понятия определенных медицинских предметов. Кроме медицины, нужно познакомиться с главными произведениями видных представителей русской и иностранной литературы, с историей искусства, с психологией (для изучения личности), с философией (для изучения взглядов на жизнь), историей (развитие человечества), географией, космографией, логикой, законоведением и иностранными языками.

Ведь путем удачного подбора книг можно познакомиться с целым миром. Только высокообразованные люди могут составить лучшую часть человечества. Этих людей я образно представляю драгоценностью в чаше. Каждый человек, живущий на земле, бросает в эту чашу что-нибудь: лучшие — драгоценность, худшие — сор.

Лучшими людьми, стоящими выше окружающей среды, я считаю ученых, поэтов, художников и актеров, потому что они глубоко понимают природу, человеческие переживания и умеют их передать людям в виде научных открытий или изобретений — ученые, или в звуках, красках, движениях, словах — люди искусства».

ГЛАВА II

40-е годы XX века

Военные годы. Первые послевоенные годы	71
Жизнь ветхого деревянного дома в Пестовском переулке	76
Переулок моего детства и ближайшие окрестности	83
Рассказы и воспоминания о годах моего детства	91
<i>Новогодний праздник</i>	
<i>Повар тетя Маша — наш спаситель</i>	99
<i>Маленький кормилец большой семьи</i>	101
<i>Подарок отца</i>	103
Первоклассники 1945 года. Учеба в школе	105
Послевоенная жизнь нашей дружной семьи	115
<i>Первые послевоенные годы</i>	116
<i>Смерть брата Александра</i>	123

Военные годы. Первые послевоенные годы

Наша семья прошла через многие драматические события: Великую Отечественную войну, бомбежки, голод, потерю детей. Но эти жестокие испытания духовно нас не сломили. Мои первые годы жизни пришлось на предвоенные и военные годы. Я — ребенок войны, мои воспоминания об этом времени яркие, но отрывочны. Самые первые ощущения от жизни: я сижу у мамы на коленях, блаженно ощущаю вкус белой пористой булки и запиваю ее из граненого прозрачного стакана теплым молоком. Потом в течение моей военной детской жизни я не испытывала таких приятных ощущений. Наша семья, как и миллионы других людей, жила впроголодь. Маленькой девочкой я все время хотела есть, мне думалось: «О чем еще может мечтать человек, если он сыт?»

Через многие ушедшие навсегда годы войны в моей памяти оживают картины сбора нашей семьи в бомбоубежище, находившееся на станции метро «Курская». Вокруг меня, трехлетней девочки, все суетились, одевали в нарядное белое шерстяное пончо с белым песком, сшитое моей мамой. Пронзительные звуки воздушной тревоги, доносившиеся из «черных тарелок», я помню очень смутно, зато сколько внимания и заботы к себе, самой маленькой, я чувствовала!

Вместе с большой, тревожно суевающейся шумной толпой, в которой находились в основном женщины, дети и старики, нас несло потоком к Курскому вокзалу. По различным темным переходам мы спускались в глубокое бомбоубежище и находились в темноте и духоте неопределенное время вплоть до отбоя воздушной тревоги.

В начале войны родителям предлагали эвакуироваться, но они отказались, так как боялись в суматохе растерять своих маленьких детей, и мы всю войну прожили в нашем маленьком старом деревянном доме в Пестовском переулке. Безусловно, наша семья рисковала, так как Москву постоянно бомбили фашистские самолеты, вражеские обстрелы разрушили множество домов рядом. Но наш дом с Божией помощью уцелел. Мама всегда говорила: «Мы никуда не поедem, если попадет бомба, то погибнем

все вместе!» К счастью, этого не произошло.

Внутренним взором я вижу себя пятилетней девочкой. Вижу наш заснеженный, вьющийся узкой ленточкой переулочек. По нему возвращается с лекций по статистике мой отец. Одет он в темное драповое пальто, на голове его неизменная черная каракулевая папаха, в руках — прямоугольная белая коробочка. Я подбегаю к отцу, обнимаю его и любопытствую, что лежит в коробке. Не дойдя до дома и видя мое нетерпение, он открывает коробку, и я вижу там тряпочную нарядно одетую куклу. Папа наклонился, поцеловал меня и сказал: «Это тебе, дочка!» Счастью моему не было предела до самого поступления в школу.

Хорошо запомнилась мне молодая мама, в те годы ей не было еще и сорока лет. Несмотря на голод, холод, она любила красиво одеваться. У нее было единственное черное пальто. Она сшила его у очень хорошего, дорогого портного еще до войны, в прохладные летние дни она надевала бордовую кружевную накидку. Я помню, как, выглядывая из окошка нашего дома, выходявшего в большой, поросший высокой густой травой двор, провожала взглядом проходившую по нему маму. Видела, как она по земляным ступенькам спускалась и выходила на параллельную нашему переулочку улицу и потом исчезала из моего поля зрения.

В те годы отцы ушли воевать, и наш переулочек был полон детворой, галдевшей с раннего утра до позднего вечера. Зрительно помню возвращение мамы и Гирея из-за города. Впереди по нашему большому двору с тяжелым заплечным мешком вышагивал наш мужичок с ноготок — Гирей, сзади шла мама — дворянских кровей, аристократического вида, тоже с мешком картошки за плечами.

Главным очагом жизни в нашем доме была печка с белыми изразцами. В голод, когда было мало картошки, в печке на плите жарили котлеты из очисток, а летом добавляли туда крапиву и другие съедобные травы, которые мы собирали в окрестностях. Зимой, когда стены комнат покрывались белым инеем, мы — маленькие дети — забирались в протопленную теплую печку и там с наслаждением грелись. Несмотря на холод, заледевшие углы комнат, в семье царила атмосфера любви, душевного тепла и заботы друг о друге.

Старшую сестру Марию война застала подростком. В шестнадцать

лет она рано утром вставала к станку помогать изготавливать военную продукцию на заводе им. Войтовича. Вставала засветло, а ложилась в полночь. Дома работы хватало с четырьмя младшими братьями и сестрами. Мария с нежностью, любовью и самоотверженностью относилась к своим родителям, братьям и сестрам.

Родители рассказывали мне, как Мария гуляла со мной даже в самый холод. Морозный ясный день, пар идет изо рта. Прохожие, подняв воротники, растирая руки и щеки, торопливо бегут домой. Мария сидит со мной на обледеневшей скамейке и держит меня, сцепив посиневшие от холода руки. Ведь коляска для нас была непозволительной роскошью, а гулять надо было ежедневно.

Дома Мария принимала активное участие в уборке и ремонте квартиры. Она была маминой правой рукой. Во многом своими творческими достижениями мы были обязаны нашей старшей сестре, которая, безгранично любя семью, делила с мамой груз черной, повседневной и неблагодарной работы.

Самое первое впечатление от моего старшего брата Али связано с одним ярко запомнившимся эпизодом моего раннего детства. Был зимний снежный день. Мама с утра натопила печку, приготовила еду: большую алюминиевую кастрюлю щей, кашу в черном чугушке и овсяные лепешки. Большой семьей мы дружно пообедали, и мама стала собираться навестить мою заболевшую бабушку. Она, как всегда, надела черное пальто, туфли, небольшую котиковую шапочку и вышла на улицу. В окошке я отчетливо увидела, как мама уходит от меня по узенькой тропинке. У меня сжалось сердце от тоски: а вдруг она уйдет и никогда не вернется домой! Мама оставила нас одних. Я стремглав выбежала за ней в кофточке и тонких шерстяных носочках без валенок, пальто и шапки и побежала по утоптанной снежной тропинке. Я хотела ее догнать и что было силы кричала, рыдая: «Мама! Мама! Подожди меня!» Слезы застилали мои глаза, из носа капала капель, а я все бежала вперед к остановке. Вдруг на повороте из-за угла выбежал испуганный, без шапки, со взъерошенными волосами, в небольших круглых очках мой брат Аля. Он преградил мне путь, взял на руки и, прикрыв всем телом, понес меня домой.

Ясно помню Алю и в следующие годы моего раннего детства.

Запомнилось, как он возил в прачечную, на окраину города и обратно, тяжелые тюки с бельем.

Младший брат Александра Гирей в годы войны был надежной опорой всей семьи. Имя Гирей в переводе с горского означает «быть нужным». Гирей был мальчиком с умными и очень выразительными темно-кариими глазами, улыбался во весь рот доброй, ласковой и доверчивой улыбкой, а волосы у него были жесткие и черные как смоль. Движения его были порывистыми и быстрыми. Маленьким он любил плясать и играть.

С ранних школьных лет Гирей любил фантазировать и умел зажигательно рассказывать. В младших классах его ставили на табурет во время школьных собраний. Гирей увлекался своим выступлением и забывал о времени. Тогда классная учительница подходила к табурету и снимала Гирея со стула, прерывая его зажигательную речь. Внешность Гирея, его доброжелательность и любовь к людям притягивала окружающих. В переулке, когда брат был совсем юным, нас называли по имени Гирея: отца и мать называли «большими Гирейками», старший брат и сестры были просто «Гирейками», а я — «маленькой Гирейкой».

Одним из волнующих событий жизни Гирея был его побег на фронт. В нашем переулке стояла воинская часть, формировавшаяся для отправки под Смоленск. Гирей подружился с молодыми солдатами. Он зажигательно отплясывал в маленькой кавказской черкеске, подаренной отцом, лезгинку, цыганочку, сверкая выразительными карими глазами. Солдатам понравился такой жизнерадостный и общительный 13-летний мальчик, и они решили взять его с собой на фронт. Перед уходом на войну Гирей оставил на письменном столе коротенькую записку: «Мама, не волнуйся, я ушел на фронт». На эту записку для надежности он поставил мраморную пепельницу. Вот и все.

Часть, в которой находился Гирей, попала в окружение, ее начали бомбить с воздуха, солдаты гибли, а руководство не знало, что среди них был маленький Гирей. Но это скоро выяснилось при скорбных обстоятельствах. Гирей большую часть времени проводил на полевой кухне в качестве поваренка: мыл посуду, чистил картошку, ходил за водой, помогал разжигать костер. Однажды пожилой повар послал его, как обычно, принести воду. Он не мог и подумать, что этой просьбой отвел от Гирея смерть.

И тут произошло страшное. Гирей отошел на небольшое расстояние и услышал оглушительный взрыв. Он обернулся и увидел крошечное облако взвившейся пыли и земли. Все вдруг почернело. Он побежал на место, где находилась кухня, и увидел только обугленную воронку и изувеченное тело повара.

После этой разрушительной бомбежки командование узнало, что в части находится мальчик. Было отдано срочное распоряжение отправить его самолетом в Москву, к родителям. Так Гирей в военной форме, непомерно большой для мальчишка, туго подпоясанный ремнем и в пилоточке с красной звездой примерно через две недели после своего побега из дома к нашей всеобщей радости вернулся живой, невредимый и со съестными припасами.

Увидев воочию страшное лицо войны и прочувствовав своим чутким сердцем, сколько горя она приносит людям, Гирей словно переродился. К его природной наивности и доверчивости, детской доброте добавились черты мужественности. Он стал мужичком с ноготок: как будто на его детские плечи легла вся ответственность за нашу многодетную семью. Он начал хорошо учиться, а после школы стал «добытчиком» для нашей семьи. Гирей во всех хозяйственных делах помогал завхозу пекарни, находившейся на Землянке. Этот маленький черноглазый мальчик зимой выстаивал длинные многочасовые очереди на морозе без валенок, в легких ботиночках, а осенью на ветру под дождем, чтобы отоварить карточки работникам пекарни. За свой честный нелегкий труд Гирей получал буханки черного и белого хлеба и, переполненный счастьем, не отломив ни грамма от теплой буханки, голодный бежал с хлебом домой. Мы все уже ждали прихода брата и привыкли к его добрым глазам и теплой ладони, одевающей каждого долгожданным куском хлеба.

Во многом благодаря Гирею мы выжили в последние военные и послевоенные годы.

Жизнь ветхого деревянного дома в Пестовском переулке

В нашем переулке было не много домов, не более двенадцати, из них большинство было многоэтажными, но среди них еще долгое время сохранился одноэтажный деревянный, густо населенный соседями (Пестовский пер., 7) домишко. Как все они оказались под этой ветхой крышей, сейчас уже установить нельзя. Жизнь этого дома была очень интересной, насыщенной радостными и печальными событиями. Там были люди с яркими, самобытными характерами, неповторимыми судьбами. Хотя с того времени прошло много более полувека, детская цепкая память сохранила яркие впечатления того незабываемого времени. Крыша нашего дома объединяла людей различного уровня образования, культуры и нравственных принципов, и, как ни странно, все мы уживались в этом конгломерате. Наша семья в этом доме занимала три комнаты. Первая, 11-метровая, была узкой и длинной, как коридор. В этой комнате стояла металлическая кровать и раскладушка для моих братьев Али и Гирея. В противоположном углу, около окна, находилось старинное зеркало, привезенное из города Ирбита. Это наша семейная реликвия. В черной резной деревянной оправе этого зеркала все дети ежедневно оставляли маме записочки со всевозможными просьбами с вечера: разбудить рано утром, чтобы до занятий доделать домашние задания, зашить рукав у платья или пришить пуговицу к пальто.

Как-то, учась в младших классах, я оставила маме записочку: «Мамочка, разбуди пораньше Тамару (мою сестру — прим. авт.), открой мой портфель, достань там тетрадь по рисованию. Пусть Тамара нарисует детей, идущих в школу, а то мне поставят двойку». Мама выполнила мою просьбу, Тамара нарисовала рисунок. Но мне за это попало от родителей, и я больше не повторяла подобных просьб ни устно, ни письменно.

Вторая, 12-метровая комната была для родителей. Главной ее достопримечательностью являлся папин старинный двухтумбовый письменный стол, обтянутый зеленым сукном. За ним папа многие годы готовился к лекциям по статистике. Тумбы были забиты папиными рукописями (он написал работу по психологии), семейным архивом, фотографиями, рабочими

материалами. Открывать ящики в этих тумбах нам, детям, было запрещено. В отсутствие папы за этим столом больше всего занимался Аля.

Была у нас и третья — девятиметровая — комнатка, где стоял обеденный стол, поодаль — полутораспальная кушетка, на которой все детство и юность спали валетом я и моя сестра Тамара. Там же, в этой комнатке, стояла раскладушка для старшей сестры Марии. Потолки в наших комнатах вечно давали протечки, и по углам комнат стояли тазы и ведра. Мама десятилетиями ходила в райисполком, добиваясь улучшения жилищных условий нашей многодетной семьи, но безуспешно. В этом старом доме наша семья прожила с 1923 по 1955 год, то есть более тридцати лет.

Двери нашего дома всегда были открыты для друзей и родственников, которых было очень много. Но у нас неукоснительно соблюдалось правило: прежде всего дела, а потом уже отдых и развлечения.

Мама была человеком большой и щедрой души. Она заботилась не только о своей семье, но и о соседях, долгие годы работая общественной в ЖЭКе. К ней приходили люди со своими горестями и бедами. Она постоянно опекала и защищала обижаемого в переулке и в коммунальной квартире, где он проживал, забитого старичка Савченко. Мама обошла кабинеты райисполкома, чтобы добиться комнаты многолетней квартирантке Серафиме Петровне Тарасовой после смерти нашей любимой соседки Варвары Ивановны Кондрашовой. Она делала это несмотря на то, что наша семья жила в те годы в тяжелых бытовых условиях.

Я была самым маленьким человеком в квартире и поэтому желанным гостем у каждого жильца нашего ветхого деревянного дома. Комната нашей соседки Натальи Васильевны Карлышевой была рядом с самым теплым местом в доме — кухней. Комната была небольшой, квадратной, метров двенадцати. Во всем чувствовались умелые руки хозяйки, она все вязала сама: нехитрые узоры, накидки на горке из нескольких белых больших подушек, украшавших широкую кровать, белую скатерть на столе, ее руками был сделан коврик из разноцветных лоскутков, покрывавший крашеный пол. Запомнилась мне стоявшая на комодке яркая кошка-копилка. По убранству ее жилье напоминало комнату деревенской избы.

Сама хозяйка была очень работающей, но не доброй и не многословной. В жаркие летние дни она любила выносить свой стул во двор и садиться

под раскидистым тополем. Казалось, она никого и ничего не замечала. Эта сухая старушка со сползающими с носа очками и поджатыми губами только быстро, ловко и целеустремленно вывязывала узор за узором своими проворными руками.

Другой нашей соседкой была Варвара Ивановна Кондрашова. У меня в памяти сохранились первые впечатления от Варвары Ивановны: сижу я на подоконнике нашего ветхого деревянного дома и с любопытством смотрю, что же там происходит. Рядом, в детском саду играют дети, шумят, как маленькие галчата. Слышу: оттуда доносится громкий голос взрослой тети. Прямо передо мной видны густые заросли травы, хочу спрыгнуть с теплого, нагретого солнцем подоконника, но еще не могу. За густыми зарослями возвышаются два высоких разросшихся тополя, а над ними ярко-голубое небо, солнышко слепит глаза. Во дворе с тазом, наполненным бельем, появилась наша соседка Варвара Ивановна. Ее рыжие волосы так и сверкают на солнце, а лицо доброе, все морщинистое и в веснушках. Она стала ловко развешивать белье на суровую белую веревку, протянутую между деревьями, не замечая ничего вокруг. Я обрадовалась появлению этой тети и хотела, чтобы она обратила на меня внимание, но она на меня все никак не смотрела. Моя мама учила называть ее только по имени отчеству — Варварой Ивановной, не тетей Варей. И я во всю мочь своего тоненького голоса стала радостно кричать: «Вавава Ванна! Вавава Ванна!» Она услышала меня и тоже радостно откликнулась: «Подожди, Маргушка, вот развешу белье и возьму тебя!» Так мы и подружились с Варварой Ивановной. Она произвела на меня, ребенка, неизгладимое впечатление.

Варвара Ивановна была глубоко верующим человеком. В углу ее комнаты был маленький иконостас с лампадкой. Она все время молилась. Часто бывала на службах в церкви в Лышиковом переулке и строго соблюдала посты. Жила честно по заповедям Христовым, всем делилась: последним куском хлеба и кровом. Никогда не обманывала, всю жизнь трудилась: то в деревне, то в городе — за мизерные средства к существованию. Варвара Ивановна несла в себе большое горе. Во время Великой Отечественной войны пропал без вести ее единственный сын Коля, ушедший на фронт со школьной скамьи. Он проявлял актерские способности, играл в драмкружке. Осталось у нее много фотографий и даже краски, которыми он

grimировался. Она так и не убирала их с комода. Она терзалась этим страшным горем. Частенько я заходила к ней в комнату: она меня будто не замечала: сидит за столом, плечи ее вздрагивают от рыданий, а по глубоким морщинам градом текут слезы, и она шепчет мокрыми от слез губами изо дня в день, из часа в час один и тот же вопрос: «Где мой Коля? Где мой Коля?» В начале 50-х годов она скончалась с этим же мучительным вопросом. Когда я приходила к ней, то отвлекала ее от этой страшной навязчивой мысли. Глядя на меня, она оживлялась, настроение ее менялось, слезы на лице высыхали. Она даже начинала улыбаться. В заветном шкафчике у нее были обязательно припасены гостинцы: конфеты, печенье, яблочко, что для меня по тем временам было роскошью. Она суетилась, ставила чайник, и мы вместе пили чай с гостинцами и делились новостями.

В этой крохотной 12-метровой комнатухе жили еще постоянные «квартирантки». Одна из них всю жизнь работала бухгалтером в Яузской больнице. Звали ее Серафимой Петровной. В течение трех десятилетий эта скромная, трудолюбивая, безотказная женщина снимала койку у Варвары Ивановны и прожила всю жизнь за шкафами. Так и не сложилась у нее личная жизнь. И только в старости она получила отдельную однокомнатную квартиру от Яузской больницы. На склоне лет она говорила моей маме: «Ах, если бы раньше, тогда бы вся жизнь повернулась по-другому!»

Короткое время «квартиранткой» Варвары Ивановны была студентка медицинского института Рая-хохотушка. Отец ее был директором совхоза. Она жила в г. Раменском и после выходных дней всегда привозила из дома большие, толстые куски сала, мяса и колбасы. Она была доброй девушкой и угощала нас этими недоступными для нас тогда продуктами.

Раз в неделю Варвара Ивановна брала меня с собой в Хлебниковские бани. Сбор туда для нее был целым ритуалом, к которому она тщательно готовилась: гладила белье, клала его в шайку, туда же клала воду для питья, сверточек с едой: яблоки, печенье, конфеты. И мы отправлялись в баню. Чтобы войти туда, иногда приходилось стоять в очереди два-три часа. Женское отделение находилось на верхнем этаже. И я хорошо помню, как огромная очередь растягивалась вдоль длинных стен, на которых были изображены парящие ангелы. Потом эти росписи закрасили ярко-голубой масляной краской, но до тех пор они очень отличали нашу баню от всех других.

С моей любимой соседкой мы проводили в бане много часов: мылись, парились, отдыхали, кушали. Это было одно из главных наших удовольствий в жизни, если не брать в расчет эти мучительные очереди.

В отпуск Варвара Ивановна уезжала в родную Тульскую область, там жил ее брат. Однажды она взяла меня туда с собой отдыхать. Я впервые окунулась в быт и жизнь деревни, увидела эту удивительно красивую природу. Мне запомнилось голосистое пение частушек и задушевные народные песни, особый тульский говорок и, конечно, вкус парного молока, свежего творога и сметаны. Военные дети ничего этого не пробовали в городе.

На вольной природе такое житье-бытье продолжалось две недели. Как я узнала позже, брат Варвары Ивановны был неизлечимо болен. Очень трогательным и искренним было их последнее прощанье, когда в глазах у обоих стояли слезы и они наверняка знали, что видятся в последний раз. Так оно и получилось: вначале скончался брат, а через несколько месяцев не стало и моей любимой верной подруги, доброй и светлой русской женщины Варвары Ивановны Кондрашовой. Царство ей небесное.

Как уже говорилось, наш старый деревянный дом был крайне ветхим. Весной и осенью по всему дому были расставлены тазы и ведра. Так как при сильном дожде потолки протекали, при высыхании образовывались большие причудливые пятна, напоминавшие, например, старика с длинной косматой бородой, человеческий профиль или горные очертания. Тамара и я с детским любопытством разглядывали эти пятна. Однажды в доме от этих постоянных протечек обрушился потолок, что едва не закончилось трагически для нашей пожилой соседки Татьяны Алексеевны. Татьяна Алексеевна жила с юной дочерью Леной в первой комнате по узкому длинному коридору, который тянулся направо от входной двери. Из этого же коридора можно было попасть и в комнаты нашей семьи.

Итак, как обычно, с утра пораньше Татьяна Алексеевна развешивала белье на чердаке нашего дома (все соседи там сушили свое белье, так как другого места у нас не было). Вдруг неслыханный шум, грохот и истошный крик потряс наш старый домишко. Соседи в чем были повыбегали на крик из своих комнат и в страхе и изумлении остановились в прихожей перед столбом пыли и разбросанными вокруг щепками, грязными ржавыми

Празднование дня рождения соседки Елены Надежиной (третья слева), мой брат Гирей – второй справа, 1951 г.

банками, старыми рваными тряпками и прочим хламом. Истошный крик продолжался, и мы все увидели искаженное испугом лицо бедной Татьяны Алексеевны, барахтающейся в огромной бочке, доверху наполненной дождевой водой. Эта бочка все время стояла в углу прихожей, в нее сильно капала с потолка ржавая бурая вода. Она и спасла ей жизнь. Поскольку все обошлось благополучно, на следующий день мы, дети, уже с озорством рассказывали во дворе, как наша толстая Татьяна Алексеевна, свалившись с чердака, плюхнулась всей своей массой в бочку с водой, кричала, барахталась, но, к счастью, осталась живой и невредимой.

Личная жизнь этой соседки сложилась необычно. Татьяна Алексеевна поздно вышла замуж, тогда ей было около сорока пяти лет, за пожилого интеллигентного человека, который вскоре умер. Познакомились они очень красиво, в консерватории. От этого брака осталась дочка Леночка. Случилось в жизни этой пожилой женщины чудо. Леночка росла на редкость способной и привлекательной и выросла в юную стройную девушку с черными густыми волосами, которые она заплетала в толстые длинные косы, и с живыми черными, как два блестящих уголька, глазами.

Девушка была наделена сразу многими незаурядными способностями: она хорошо училась в медицинском институте, успешно окончила ординатуру и была подающим большие надежды врачом. Кроме того, она хорошо играла на фортепиано, писала стихи, трудно было сказать, к чему она была не способна. Ее живой, глубокий и гибкий ум позволял ей много читать, вбирать в себя знания и быть очень содержательным человеком. Она была лидером. Вокруг нее сплывались студенты института. Их крохотная

комната вечно была битком набита студентами. Она бегала по всему дому и занимала у соседней недостающие стулья и табуреты. Были у них веселые вечера со студенческими песнями, плясками, смехом и шутками.

После окончания института, уже будучи врачом, она ночами делала большие яркие новогодние и майские стенные газеты, чтобы утром, до начала рабочего дня, успеть повесить их в длинном широком коридоре Яузской больницы. В доме для всех нас она была семейным лечащим врачом. Она свято выполняла заповедь Гиппократова, лечила нас безотказно.

Вскоре после окончания института Леночка познакомилась в нашей же квартире со своим будущим мужем Олегом, племянником Варвары Ивановны. После свадьбы Лены маленькая их комната была перегороджена шкафом на два самостоятельных пространства: в одной половине комнаты помещалась мама, в другой Лена с мужем. В их маленьком закутке стояли полки с книгами, лежали многочисленные только что проявленные фотографии, а также стопки выписываемых журналов, которые быстро прочитывались. Эта пара проявляла большой интерес к науке, литературе и искусству, а еще занималась альпинизмом. Все надо было успеть и охватить.

Внезапно в их семье произошла трагедия. Лена и ее муж Олег возвращались на грузовой попутке после успешного восхождения на Кавказские горы в альплагерь. По роковому стечению обстоятельств встречный грузовик с глыбами мрамора столкнулся с их машиной. Лена ловко выпрыгнула из нее, но в этот момент на несчастную молодую женщину упала глыба мрамора, придавив насмерть. Так в двадцать девять лет не стало такой живой и жизнерадостной нашей Лены. Но в душе каждого из нас сохранялась память об этой отчаянной, смелой, живой и талантливой молодой женщине.

Рядом с Леной жила семья Ивановых: мать Анна Дмитриевна с сыном Леонидом. Сын впоследствии стал поваром первоклассного ресторана, создал семью. Но в доме с ними никто не дружил. Они жили замкнуто, особняком. Известно, что в былые времена им принадлежал весь дом. Отец Анны Дмитриевны был зажиточным купцом. С приходом советской власти дом стал жить по законам коммунального общежития до его сноса в конце 50-х годов XX века. Поговаривали, что при сносе под домом был обнаружен клад: золотые монеты и драгоценности, принадлежавшие в незапамятные времена семье Ивановых.

Переулоч моего детства и ближайшие окрестности

Первые мои впечатления от общения с детворой нашего переулоча связаны с наступлением лета. Окна нашего деревянного дома в теплую ясную погоду всегда были открыты. Никто не боялся за свое добро, брать было нечего. Мы, дети, когда не видели взрослые, даже не пользовались входными дверями, а выпрыгивали во двор прямо через окошко и приглашали в гости других детей тоже через окно. Дома у нас было шумно с утра до вечера. Вся детвора переулоча бывала у нас дома, но больше всего нам нравилось играть во дворах, заросших диким кустарником, и в тени раскидистых деревьев. Особое раздолье было играть на живописном, покрытом густой травой и кустарником берегу Яузы, где даже паслись коровы, и в Нехлюдовском саду, расположенном на горке на противоположном берегу. Для мамы мы собирали там молодую крапиву, лебеду, клевер. Она варила нам щи из молодой травы. На Таганке излюбленными местами для игр были сад Прямикова и районный Парк культуры и отдыха, находившийся на Таганской улице. Очень любили мы ходить по нашему переулочу, Мартыновскому, названному в честь возвышавшегося там монументального храма Мартина Исповедника, по Коммунистической улице¹³, Землянке¹⁴ (так называли ее местные жители). Это был мир наших детских впечатлений, а для моей сестры Тамары — места, которые она вдоль и поперек прошла с этюдником и все перерисовала.

Излюбленными нашими играми во дворе были «Разрывные цепи», «Штандер», «Классики», волейбол, а вечером устраивали танцы под патефон и пение русских народных песен. В детстве мой брат Гирей лихо отплясывал лезгинку и цыганочку, вызывая восторг у публики.

Переулоч был небольшой, и мы всех знали если не по имени, то в лицо. От наших невинных детских игр часто доставалось жильцам. Особенно страдала от нас семья музыкантов, проживавших в подвале дома №5. Мы

¹³ В 2008 году была переименована в ул. Солженицына.

¹⁴ Улица Земляной Вал в 1938 году была переименована в Чкаловскую ул., затем в 1953 — в ул. Чкалова, а в 1990 г. было возвращено ее историческое название Земляной Вал.

очень любили играть в мяч на асфальтированном пяточке прямо перед их окнами. Специально мы не хотели причинять вред соседям, но именно так и получалось. Мяч, по закону подлости, частенько попадал в стекло бедных жильцов, но, к счастью, не разбивал его. После этого выбегал отец семейства, учитель пения, уже немолодой лысый человек. Скорее всего, он делал вид, что гоняется за нами, так как его лицо в тот момент не выражало гнева. Вероятно, он был очень добрым человеком. Мы с криками «Бегите! Бегите! Солнышко!» разбегались врассыпную по всему переулку. Но спустя некоторое время повторяли те же шалости около их окон. А в подвале тем временем продолжала упорно играть на фортепиано по несколько часов кряду в будущем известная пианистка, профессор музыкально-педагогического института им. Гнесиных Инна Малинина.

Наигравшись, мы любили просто слоняться по переулку и наблюдать, что происходит вокруг. Нам интересно было смотреть на голубятников. У нас в переулке было несколько голубятен. Там часто можно было видеть различных типов с золотыми фиксами, выпускавших голубей. При этом они закладывали два пальца в рот и свистели во всю мочь, размахивая длинными палками с надетыми на них большими яркими тряпками. Одного типа с такой запоминающейся внешностью называли у нас в переулке «цыганом». В те времена большинство считало голубятников бездельниками и нарушителями спокойствия. И только много лет спустя разведение голубей стало считаться достойным делом.

Особенно интересно нам было наблюдать за так называемыми чудаками, смешными людьми. Одним из таких людей был одинокий пожилой человек Борис Никитович Савченко. Он жил в доме №5. Борис Никитович был невысокого роста, сутуловатый, обросший, одетый в потрепанную одежду, на носу у него торчало пенсне со спускающимися с двух сторон тонкими цепочками. Говорил и двигался он неуверенно, часто заикался. В свое время он закончил художественное училище, добывал себе на хлеб, рисуя булки и батоны для нехитрых в те времена витрин булочных. Савченко с гордостью именовал себя художником-оформителем.

Чувствуя незащищенность этого пожилого человека, его нередко дразнили на улице. А в доме соседи часто не пускали его готовить на кухню, боясь, что он что-нибудь подсыплет в чужие кастрюли или запачкает кухню. Даже

в свою комнатушку он входил робко: едва приоткрыв дверь, быстро вбегал внутрь, чтобы никто из соседей не мог разглядеть, что у него там делается. И все-таки жильцы дома знали, что у него в комнате целый склад ненужных, по их понятиям, вещей: настольные лампы с обветшавшими абажурами, пожелтевшие книги в углу, выцветшие тряпки, старые замки и ключи. Пол в его комнате весь был в сальных пятнах и краске. Но все это было его привычным миром, тщательно оберегаемым от чужого вторжения.

Когда жизнь становилась для Бориса Никитовича невыносимой из-за постоянного издевательства соседей, он приходил к нам и искал защиты у моей матери. Мама надевала свою лучшую одежду, шляпу, высокие каблуки и шла в квартиру, где жил Борис Никитович. Там она уверенно отстаивала право на существование своего «подопечного». Мама имела авторитет среди соседей, и Савченко какое-то время никто не смел трогать, но потом опять начиналось все сначала, и снова мама защищала этого жалкого старика.

Но вот однажды прохожу я мимо дома №5 и вижу: окно Савченко распахнуто, а на асфальте под окном валяется груда старых вещей, пожелтевших книг и фотографий, подошвы от старой обуви. У меня дрогнуло сердце, я почувствовала недоброе. И действительно, из представителей ЖЭКа и жильцов была создана комиссия, по решению которой комната Савченко была насильно «приведена в порядок». При чистке были уничтожены дорогие его сердцу реликвии, старинные фотографии родных и близких. Борис Никитович не вынес всего этого и вскоре умер.

Были и другие люди в переулке, привлекавшие внимание местной детворы. Утром и вечером мы видели вышагивающего по нашему переулку карлика, проживавшего в доме №12. Он был безобразен, его уродство было слишком броским: огромная голова, большой сплюснутый нос, круглые глаза и торчащие вперед губы, громоздкое тело почти без шеи и короткие ноги. Летом ходил он, переваливаясь, в широких красных шароварах. Когда он появлялся, мы умолкали, прижимались друг к другу и молча, с явным любопытством смотрели ему вслед. Кто-то из детей говорил, что он луна-тик, но это были только разговоры.

Под вечер в переулке появлялся маляр из дома №3, худенький, маленького роста, с мутными глазами. Мы видели его только в пьяном виде. Он всегда что-то бормотал, смешно жестикулировал руками. Дети дразнили его

пьяницей, смеялись, не давали ему прохода. Он еле доходил до дома, цепляясь жилистыми руками за стены и облупившийся забор. Потом он куда-то исчез из нашего поля зрения.

Кроме «чудаков», в переулке часто появлялся добрый дядя Паша с седой бородой и большим мешком за спиной. Одет он был бедно. Дядя Паша ставил свой мешок посреди двора и раздавал детям игрушки: набитые опилками разноцветные мячики на тонких резиночках, хлопушки, бумажные игрушки, маленьких куколок, старую одежду. Однажды к этому старику подошла хорошо одетая девочка, он не дал ей игрушки, сказав, что ей купит мама. Он старался одарить самых бедных детей.

Рассказ о Пестовском переулке был бы неполным без наших замечательных старушек. Я уже упомянула соседку-рукодельницу Наталью Васильевну, которая в летние дни выходила во двор, ставила под раскидистым тополем свой плетеный стул и часами вязала, вязала, не обращая ни на кого внимания. Другая же старушка из дома №5 садилась под старинным дубом и очень любила поговорить. Рассказывала она, шепелявя и присвистывая, но живо и интересно, с юмором, широко открыв большой рот с торчащим из него единственным зубом. Она любила собирать вокруг себя общество старушек, которые по ее примеру тоже выносили из дома стулья и отдыхали долгими летними вечерами во дворе. Частенько среди старушек появлялась самая маленькая и шустрая из них — Воробьева. Мы прозвали ее Воробьихой. Она была очень приветлива, ласкова, особенно с детьми, обо всех узнает, передаст привет родителям. Была у нас также бабушка Катерина из дома №9, которая знала, казалось, все о семьях, живущих в переулке. Стоит кому-то пройти мимо, как она обязательно сообщит о человеке самые последние новости. Ее так и прозвали «ходячей газетой переулка».

Мы, дети, чувствовали себя частицей этого переулка, его жизни и уклада. Машин по нему ездило мало, были еще распространены лошади, перевозившие продукты и разные материалы. Они ездили по Пестовскому, Мартыновскому, Николаямскому переулкам. Во дворах часто появлялись точильщики, стекольщики, старьевщики и во всю мочь кричали: «Точу ножи! Точу ножи!», «Вставляю стекла!» Жильцы домов с удовольствием пользовались этими услугами. Нам, детям, было свободно, легко и весело в нашем Пестовском переулке.

*ДАНИЛ ИЛЬИЧ АНИСИМОВ
с дочерью Марией и сыном
Александром*

1. ДАНИИЛ
АНИСИМОВ со
своими детьми,
1934 г.

2. АЛЕКСАНДР
АНИСИМОВ,
1932 г.

3. ГИРЕЙ И ТАМАРА
АНИСИМОВЫ,
1934 г.

1.

2.

3.

*АЛЕКСАНДРА АНИСИМОВА
со своми детьми, Анапа, 1936 г.*

*МАРГАРИТА АНИСИМОВА,
мне всего годик, 1939 г.*

Рассказы и воспоминания о годах моего детства

Приведенные ниже рассказы «Новогодний праздник», «Повар тетя Маша — наш спаситель», «Маленький кормилец большой семьи», «Подарок отца» — не вымысел. Они основаны на подлинных историях, связанных с жизнью нашей многодетной семьи, и повествуют о том, какая была сердечная, доброжелательная обстановка, о наших семейных традициях и друзьях, любивших бывать в нашем доме.

Рядом с нашим домом во время и после войны находился детский сад. Там действительно работала повар тетя Маша, и при любой возможности она подкармливала нас, детей. Вечная ей память!

На Ульяновской улице (ныне Николаямская) была пекарня, в которой долгие годы работала Таисия Епишкина. До войны она была няней у Марии, Александра, Гирея и Тамары. В последние годы войны и первые послевоенные годы она пристраивала Гирея отоваривать чужие карточки, стоя в длинных очередях, и выполнять посильные для мальчика подсобные работы. Заработки Гирея помогли нам выжить в войну. Особенно трогательно Гирей, подобно Христу, оделял каждого члена семьи куском хлеба, заработанным его личным трудом.

Гирей от природы был добрым, подвижным, эмоциональным мальчиком. Действительно, папа подарил ему, подростку, черкеску с газырями, в которой он с успехом отплясывал в нашем переулке. Моя эмоциональная память с любовью и благодарностью сохраняет в душе те прожитые годы.

Новогодний праздник

Елка для многодетной семьи Анисимовых была главным, счастливым событием года. Ее ходили выбирать гурьбой. Высокую ставить было негде, выбирали небольшую, но самую пушистую. Мы с радостными криками вносили ее домой: «У нас дома елка... Ура!! Полюбуйтесь только!» Дыхание перехватывало от радости. Дом сразу наполнялся запахом ароматной хвои. Елку наряжали всей семьей как красавицу-невесту. На верхушку елки мама

торжественно надевала самое главное украшение: сверкающий серебряный наконечник. Потом дети помогали маме развешивать самые красивые и яркие шары, их вешали наверх. За ними следовали мамины старинные елочные игрушки. Они украшали еще мамину детскую елку, когда она была еще совсем маленькой. Уцелела даже мамина почетная юла, ее тоже ставили под елку, сначала радостно покрутив. Сохранилась удивительно тонкая, изящная Снегурочка в костюме, расшитом нарядным шитьем, со светлыми длинными косами и веселыми глазами. По всей елке развешивались большие красные, оранжевые, зеленые, голубые и фиолетовые, сверкающие блестками бабочки. Ярко-зеленые пушистые веточки украшали бусами, и, конечно, по всей елке закрепляли маленькие настоящие свечки. Зажигали их строго в мамином присутствии. На нижних ветках елки навешивали разноцветные конфеты, пряники, мандарины, закрепленные тонкими невидимыми нитями. Под елкой нас дожидались подарки, все они весело разыгрывались. Дедом Морозом был отец, наряженный в ярко-голубой плюшевый халат с маской.

В небольшой квадратной комнате в углу стояла елка, в центр передвигали папин большой письменный стол, к нему подставляли небольшой обеденный стол и накрывали их двумя белыми скатертями. На праздничном столе в те голодные годы было все: хлеб, винегрет, селедка, салат из капусты, печенье и дешевые конфеты. По случаю праздника в печке стоял чугунок с горячей картошкой и, конечно, мамины вкусные пироги с капустой, картошкой. Деньги на праздничный стол мама откладывала несколько месяцев. Наш праздничный стол и елка стояли до конца января. За ним наша семья праздновала наступление Нового года, и весь январь приходили гости.

Мама и девочки уже сидели за столом, ждали папу и братьев. Мы уже начали застолье, когда из коридора донеслись оживленные голоса и на пороге, стряхивая снег с пальто, появился невысокий Аля с высоченным товарищем Сергеем Образцовым. В руках у Сергея, как всегда, была гитара. Сзади них показался застенчивый и сутуловатый Юра Крылов.

Мама быстро выходит из-за стола и приветливо встречает гостей: «Раздевайтесь! Раздевайтесь! Пальто кладите прямо на эту кровать. Я ее специально застелила. Замерзли, наверное. Идите греться прямо к печке, а потом за стол». И вот уже дружная компания сидит за большим столом.

В углу стоит красавица-елка с горящими на ней маленьким свечами. Свечи горят и на столе, озаряя лица, зажигая загадочные огоньки в глазах сидящих. В доме воцаряется обстановка таинства. В этот момент мама обращается к дочери: «Тамара, спой, пожалуйста, “Молодушку”». Тамара улыбается в знак согласия и затягивает песню. Пламя свечей колеблется, тающий воск стекает по свечкам, как слезинки. И Тамара запела, вначале немного смущаясь и краснея:

*Помню, я еще молодухой была,
Наша армия в поход далекий шла,
Вечерело. Я стояла у ворот,
А по улице все конница идет.*

Но потом она преодолела смущение, красота песни завладела ею всецело. Тембром своего небольшого, но проникновенного голоса, выражением глаз, в которых отражалось воображаемое, мимикой она заставляла нас забыть в эти мгновения обо всем и сопереживать ее настроению и также воображать увиденное. Мы представляли себе, как к красавице подъехал молодой барин, попросил напиться воды, а потом ее поцеловал. Она долго смотрела вслед удаляющемуся от нее барину и никак не могла его позабыть.

Голос Тамары смолк, а мы продолжали молча переживать все услышанное. Потом Тамара запела русскую задушевную песню «Тройка». И опять перед нашими глазами возникла бесконечная дорога, лихо мчущаяся по ней тройка с молодым корнетом и красавица, взволнованно смотрящая вслед удаляющейся навсегда тройке, ее прекрасной мечте.

Мы и не заметили, как стали догорать на елке зажженные свечи. Вдруг Гирей нарушил наше лирическое настроение: «Смотрите! Смотрите, елка уже начала трещать!»

— Гирей! Срочно задуй свечи! — твердо распорядилась мама.

Гирей стал одну за другой задуть горящие на елке свечи. В комнате воцарился полумрак, продолжали гореть только оставшиеся на столе две неяркие свечи, золотистый блеск которых озарял лица сидящих и белую скатерть. В это время Аля уже запел всеми любимую песню о мужественных и смелых пловцах:

*Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно.
В роковом его просторе
Много бед погребено.*

За Алей подхватил песню Гирей, дирижируя перед горящими на столе свечами, за ним — Сергей и Юра. Хор звучал слаженно, пение было вдохновенным и захватывающим. И уже все сидевшие за столом не выдержали и дружно подхватили эту песню!

*Смело, братья! Туча грядет, Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет. Смело, братья! Бурею полный,
Прям и крепок парус мой.*

Рядом с Алей сидела его первая любовь Рая. Она пришла раньше всех гостей и помогала маме и сестрам в устройстве праздника. Рая была очень красива: совсем юная, тоненькая, с каштановыми длинными локонами до плеч, чуть приподнятыми уголками глаз, что придавало ее большим карим глазам особую пикантность. Она, еле заметно повернув голову, наблюдала за вдохновенным пением брата. Сегодня он был необыкновенным. На лекциях Аля обычно сидел в первом ряду в неизменных круглых очках, сосредоточенно и серьезно записывал за лектором, слегка прищулив свои васьмачьи глаза. А сегодня эти глаза сияли и светились радостью. Рая была взволнована таким внезапным преображением Алика, но ее лицо внезапно залила краска смущения. Она не хотела, чтобы кто-то из присутствующих заметил ее душевное волнение. Быстро встав из-за стола со словами «Извини, Аля, я на минуточку», девушка перешла в соседнюю комнату, подошла к разрисованному морозным узором окну и сквозь ажурное стекло стала рассматривать причудливую форму покрытых снегом стволов, переходящих в белоснежные тонкие веточки.

— Раечка! — окликнул ее Аля, подойдя. — Извини, пожалуйста, я тебе не помешал? Ты о чем-то задумалась?

— Нет! Нет! Напротив! — ответила Рая.

В ее взгляде было столько благодарности! Ей было очень тепло и хорошо в этот вечер.

— У меня, Раечка, за это время произошло важное событие. Подожди, не уходи, одну секундочку! — попросил ее Аля.

Он быстро направился в шумную комнату с гостями, открыл створку дубового книжного шкафа и, стараясь остаться незамеченным, с толстым журналом в руках быстро вернулся к Рае.

— Хочешь, я тебя удивлю? — с волнением в голосе произнес Аля.

Он перевернул обложку известного научного журнала по химии. На первой его странице она увидела разборчивую надпись, написанную рукой профессора, с которым Аля уже долгое время работал в институтской экспериментальной лаборатории: «На память любимому ученику Але о нашей совместной работе». Потом он перелистнул еще несколько страниц и показал их большую совместную статью.

— Я тебя поздравляю! У тебя большое будущее! Какой же ты молодчина! Но последнее время ты проводишь почти все вечера в лаборатории, — с сожалением в голосе добавила Рая.

— Да, но мне так интересно жить. Наука требует от меня жертв, — тоже с сожалением ответил Аля, глядя на нее влюбленными глазами.

В это время из соседней комнаты опять зазвучал проникновенный, красивый и сильный голос Сергея.

*Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.*

— Любимый мой романс, — задумчиво проговорил Аля.

— И мой тоже, — добавила Рая. — Немного жаль, что сегодня не видно на небе звезд.

— Но все равно все чудесно! — с восторгом проговорил Аля, возвращаясь в шумную комнату с гостями и горящей елкой.

Вдруг из соседней комнаты послышался скрип двери и неторопливые шаги. Мама ждала эти шаги, она встрепенулась, быстро положила вилку на

свою тарелку, мгновенно выпрямилась и направилась к двери. За ней из-за стола выбежали Гирей, Тамара и Аля.

— Папа идет! — воскликнули они почти хором, обращаясь к гостям.

Отец был весь в снегу: на черной кавказской папахе лежал толстым слоем снег. Заснежены были густые темные брови, ресницы и клинышек темной бороды. Резиновые галоши и ботинки были также покрыты снегом. Из-под стекол очков смотрели на нас усталые, но счастливые глаза.

Гирей и Аля проворно сняли с отца заснеженную папаху и пальто, выбежали на крыльцо стряхнуть снег, мама быстро принесла новые теплые носки и обувь. Молодежь немного потеснилась, все были в радостном ожидании что-то интересного. Папа занял свое место. Он оглядел всех присутствующих за столом, радостно здороваясь с каждым из друзей. Среди молодежи он был всегда в своей стихии, внося атмосферу тепла и радушия.

— А я прямо к застолью с лекций из института, он находится в Загорске. Уходишь из дома, еще не рассвело, все еще спят, а приходишь домой, все уже спят. И так почти каждый день. По Загорску идешь, стоит тишина по сравнению с московской суетой. Идешь с занятий и иногда наблюдаешь, как по тропинке неторопливо, в глубокой задумчивости движутся монахи Троице-Сергиевой лавры. Эти люди размышляют о неземном, вечном в наше суетное время. Церковные купола лавры отливают золотом, особенно в яркие солнечные дни. Но, увы, нам, преподавателям, никак нельзя входить в церковь. Одного из наших коллег после посещения церкви тут же сместили с преподавательской должности, объяснив, что религия и преподавательская деятельность полностью исключают друг друга. Так он долгое время не мог устроиться на работу. Только через несколько месяцев с превеликим трудом устроился не по специальности. Вот так-то, друзья.

— Серго! — обратился Аля к другу. — Спой под гитару специально для папы его любимый романс «Я встретил Вас».

Серго взял гитару и, проникновенно перебирая струны, запел. И опять все мы растворились в красоте этого романса и его исполнения. Эти редкие, драгоценные мгновения семейной радости, душевного подъема давали уже немолодому и усталому отцу новые душевные силы преодолеть длинные дороги на пригородных поездах, читать по десять часов лекции и снова и снова возвращаться домой.

И вот звуки романса стихли, а отец все продолжал находиться под впечатлением от этих редких моментов человеческого счастья. Он растрогался и стал благодарить друга своего сына: «У Вас прекрасный голос и музыкальный слух. Сейчас Вы, наверное, очень заняты в институте. И все-таки нашли время прийти к нам. Спасибо... Спасибо Вам и Юре!»

Юра Крылов сидел рядом с Сергеем, опустив голову от смущения. Длинный чуб закрывал его голубые задумчивые глаза.

— Аличка, — обратился отец, — принеси, пожалуйста, наши альбомы, если только молодежи интересно посмотреть наши старые семейные фотографии.

— Конечно, конечно, интересно! — оживилась молодежь.

И вот Аля торжественно несет два толстых альбома: один в замшевом переплете с золотым тиснением, под ним — свето-бежевый замшевый альбом.

Папа раскрывает первую страницу верхнего альбома. Молодежь сгрудилась у него за спиной, и он начинает с увлечением показывать фотографии и рассказывать о своих родственниках. На первой странице альбома старинная дореволюционная фотография конца XIX века. Мать моего отца сидит в плетеном кресле. На голове ее надета высокая с широкими полями шляпа, изящно украшенная перышками и репсовой лентой. Лицо восточное, красивое и горделивое, одета она в темное длинное широкое платье с пышными рукавами. Платье украшено нарядной вышивкой; высокий изящный воротник, под ним овальная брошь. У нее на коленях, прижавшись к матери, сидят маленький мальчик и девочка. Отец рассказывает об этом снимке: «На коленях сижу я, а это — моя сестра Гюль-Бике. Она очень похожа на мать».

— Эта фотография прямо музейная. Вы только посмотрите! — с восхищением проговорила Рая.

— А рядом мой отец. Эта фотография конца прошлого века.

С фотографии смотрели на нас глаза доброго и очень энергичного человека. Его волосы были аккуратно подстрижены, лицо украшала небольшая бородка. Вдруг Аля обратился к отцу:

— Папа, расскажи, пожалуйста, о нашем дедушке.

Отец с гордостью и увлечением стал о нем рассказывать:

— Мой отец родился в ауле Тарки, в Дагестане, в далеком 1862 году. В раннем детстве, следуя обычаям предков, ему нарекли невесту — девочку

из этого же аула. Когда он должен был жениться на своей нареченной невесте, отец с огромным трудом убедил своих родителей и невесты отпустить его учиться в гимназию в Ставрополь. Там, в гимназии, проявились его незаурядные способности к русскому языку и техническим наукам. Моего отца направили учиться в Императорское техническое училище в Москву. В столице ему жилось очень трудно: пришлось снимать квартиру, одеваться и кормиться, денег не хватало...

Отец вдруг сделал паузу и обратился к гостям, поправляя свои очки.

— Извините, что я вам так подробно все рассказываю, вам это интересно?

— Конечно, конечно! — дружно развеяли сомнения наши гости.

И тогда отец с еще большим воодушевлением продолжил свой рассказ.

— Отец посетил около сотни городов и аулов Дагестана, он проехал по горам верхом более тысячи верст. В каждом ауле он собирал стариков, судей и старшин, составлял статистику, расспрашивал об исторических памятниках, описывал их. Он работал неутомимо. Расспрашивал о быте, занятиях и обрядах горцев. Разговаривал он на многих горских языках. Дороги, по которым двигался мой отец, были просто опасными. Ему приходилось ехать на лошади по узким горным тропам, по скалистым вершинам, пробираться сквозь дебри лесов, преодолевать глубокие овраги и шумные горные потоки. На основе этой работы отец написал большой труд по этнографии горских евреев, до сих пор не утративший своего значения. Он очень любил Дагестан с его живописными горами, ущельями, скалами и морем. А как красив аул Тарки, природа Дербента и его неприступный Кремль с башнями!

— Я мечтаю поехать туда с этюдником и рисовать... рисовать эту красоту! — загорелась Тамара, увлеченная рассказом отца.

— Да, я мог бы сидеть с вами и рассказывать о Дагестане до бесконечности, я ведь сам родился в ауле Тарки. Извините, — отец вдруг встрепенулся, посмотрев на часы, — время не стоит на месте. Как бы его отодвинуть назад!

— Так не хочется расходиться, — заметила Рая, — сидели бы все вместе, слушали рассказы и пели.

— Давайте под конец споем любимый папочкин романс «Вечерний звон», — задумчиво и мечтательно предложила мама. И Серго снова запел своим красивым голосом.

Гости засиделись допоздна. Но вот они начали вставать из-за стола и благодарить маму и папу за чудесный новогодний вечер. Все, за исключением мамы и старшей сестры Марии, вышли на морозное крыльцо и пошли по заснеженному, уже опустевшему переулку с едва мерцающими фонарями. Затем свернули и пошли вверх по обледеневшей и запорошенной снегом горке, на которой возвышался величественный храм Мартина Исповедника. Надо было торопиться, чтобы успеть на метро. Так прошел в нашей дружной семье один из январских послевоенных новогодних вечеров.

Повар тетя Маша — наш спаситель

На дворе стоит морозный зимний тихий день. В комнатах тоже холод, углы стен покрыты белым инеем. Мама ушла купить что-нибудь поесть. Перед уходом она растопила печку, накормила нас лепешками, которые казались нам очень вкусными в те голодные годы. Лепешки она готовила из картофельных очисток, перемешивая их с овсяной кашей.

Прошло несколько часов, а мама никак не возвращалась из магазина, видно, очередь была до бесконечности длинной. Нам стало очень голодно и холодно. Тогда двенадцатилетний брат Гирей и я, мне шел тогда шестой год, залезли в чуть теплую печку и тесно прижались друг к другу. Сразу стало как будто теплей и уютней.

— Ну когда же мама придет? — чуть не плачу я. — Как хочется поесть хоть корочку, хоть соленья огурчика или маленький хвостик селедочки.

— Хватит хныкать! — решительно остановил мои вопли Гирей. — Давай что-нибудь рассказывать. Время, может быть, скорей пройдет. Я тебе сейчас расскажу одну очень интересную и длинную историю из книжки дедушки Ильи, мне недавно папа читал. Только слушай внимательно. Горскими евреями особенно почитались два невидимых божества: Гудур-Бой и Кессен-Бой.

— Какие чудные прозвища! — хихикнула я.

— А ты не хихикай, слушай дальше, — остановил мой смех Гирей. — Это были божества осени и зимы. Дедушка сам участвовал в этих праздниках... ну этих божеств. Много молодых ребят из аула вставали ночью и до утра с

песнями обходили все дома. Подходя к домику, один из ребят стучался и говорил «Гудур-Бой», тогда хозяйева пускали их к себе. В домике они пели песню про эти божества. После этого хозяйка давала им кусок хлеба, колбасы и иногда сала, — при этих словах Гирей глотал слюну.

— Ой, у меня даже слюнки потекли. Как же хочется есть! — не выдержала я опять.

— А ты слушай дальше, — продолжал Гирей. — Припасы клали в мешки, которые носили по улице. С таким пением они ходили по дворам и собирали подарки. Никто им не отказывал. Собрав подарки, они устраивали праздники, на которые почти всегда приходили взрослые. Сейчас тебе особенно захочется есть, когда я буду рассказывать, а ты, наоборот, терпи. Нельзя быть такой плаксой. В праздники они выставляли на стол жареное горячее мясо, фрукты, плов, даже вино для взрослых. Кушанья помогали готовить матери ребят. И так каждый год.

— Да, — снова заплакала я, — они жили весело. Им не приходилось такими голодными ждать до вечера маму и облизывать холодные мокрые пальцы!

В это время в окошко постучали. Мы от страха тесней прижались друг к другу, потом стук стал громче и настойчивей.

— Гирей, придется тебе вылезать, — со страхом в голосе произнесла я.

Гирей с лицом и руками, вымазанными сажей, нехотя вылез из теплой печки, и тогда... о радость! он увидел нашу спасительницу, толстую и розовощекую тетю Машу, повара детского сада, находившегося рядом с нашим домом. Эта добрая женщина всем сердцем сочувствовала нашей многодетной семье и иногда, когда так мучительно хотелось есть, она появлялась за окном, как добрая фея-волшебница.

— Тетя Маша! Ура! Тетя Маша! — кричал от радости Гирей.

В эту минуту я тоже высунула свою вымазанную черной сажей физиономию. Тетя Маша передала Гирею в обе руки большую кастрюлю с винегретом.

— Нате, поешьте винегрет! Кастрюльку помоете, мне принесете.

Гирей взглянул на нее своими черными угольками глаз с такой безграничной благодарностью, что эта женщина едва сдержала слезы. Так мы прожили еще один военный день. Когда мама, обессиленная, вернулась со скудной провизией домой, я и Гирей, на удивление, были сытыми, еще оставили винегрет маме.

Маленький кормилец большой семьи

Гирей был общительным мальчиком. Как-то ранней весной, когда по улицам бежали ручьи и вода проникала в его поношенные ботинки, Гирей по дороге к своему другу вдруг встретил тетю Тасю. Она еще до войны помогала маме нянчить двух маленьких братишек, Алю и Гирея, сохранив к ним семейную привязанность. Увидев Геру, эта добрая женщина обрадовалась встрече. Как полагается, расспросила обо всех. Гера особенно ни на что не жаловался, он был гордым маленьким человеком, но по его бедной одежде и исхудавшему лицу, на котором горели одни черные глаза, поняла, что живется нам худо.

— Гера, ты сейчас в каком классе учишься? — обратилась к нему тетя Тася.

— Уже в пятом! — с гордостью ответил мальчик.

— Большой мальчик. А как у тебя дела в школе? — поинтересовалась она.

— Нормально, — независимо и гордо ответил Гирей.

— Время у тебя остается? — опять поинтересовалась тетя Тася.

— Конечно. Я уроки быстро сделаю и свободен, — размахивая в воздухе маленькими ладошками, ответил Гирей.

— Тогда приходи ко мне, когда освободишься после занятий. Я работаю в пекарне, вон в том желтом доме, — показала она рукой. — Будешь нам кое в чем помогать. А мы тебе хлебушек! Идет?

Она взяла его маленькие исхудавшие ладошки в свои пухлые, мягкие, как подушки, руки, потом погладила его голову.

— Ой, какие у тебя черные волосы, а какие жесткие, как у ежика! А сердце, видно, у тебя очень доброе. Приходи к нам, — повторила тетя Тася, прощаясь с Гиреем.

С тех пор он после занятий бежал в пекарню к тете Тасе. Будучи мальчиком общительным и веселым, Гирей скоро перезнакомился со всеми, кто там работал, и даже с самим завхозом, представительным мужчиной Иваном Эммануиловичем. Пожилой седой завхоз привязался к Гирею и стал часто брать мальчика с собой в поездки на машине или на лошади.

Тогда по Москве лошади встречались частенько. Использовались они для перевозки продуктов и прочих хозяйственных нужд. И в пекарне была

такая лошадка. Перед поездкой Гирей ласково ее гладил и подкармливал овсом, морковкой. В поездках Гирей помогал завхозу получить товар, посторожить или немного поднести. А в самой пекарне многие женщины поручали Гирею отоварить карточки, и тогда этот мальчик выстаивал многочасовые очереди за продуктами.

Но зато, получив в пекарне мягкий теплый кирпичик черного хлеба, он прижимал его к самому сердцу, закрывал ветхим пиджачишкой, крепко обхватывал двумя маленькими ручонками и нес это сокровище домой. Войдя в комнату, он расстегивал пиджак и доставал долгожданную буханку. При виде нее в глазах у нас зажигалась радость, а Гирей радовался больше всех. Он ломал или разрезал буханку на семь равных частей и самолично оделял хлебом каждого члена семьи.

Раз в месяц Гирей помогал маме отоваривать продуктовые карточки. Вернувшись с продуктами, первым делом мама доставала мясо, масло и клала скудные месячные запасы (дай бог их хватало на неделю) между рамами обледенелого окна. Потом на столе появлялись батоны белого и буханки черного хлеба и румяные, со светло-коричневой коркой, слоеные круглые булочки с ароматным запахом ванили. Мы сразу подбегали к булочкам и начинали вдыхать их божественный запах. Мама нам строго говорила: «Ребята! Их трогать нельзя! Мы в обмен на них картошку купим. Только одну на всех поделю попробовать».

И, наконец, мама выкладывала из сумки десяток больших разноцветных плиток шоколада, много пачек печенья и сахара.

— Вот это да! — у меня глаза загораются от нетерпения, но я знаю, что самим без разрешения мамы ничего трогать нельзя. Мама убирает запасы со стола и оставляет нам сладости.

Мария зажигает примус и ставит на него большой медный чайник. Мама делит поровну, на семь частей, все сладости. Ведь надо же хоть раз в месяц доставить детям радость! И вот на столе образовалось семь равных кучек. В каждой из них большая плитка шоколада, пачка печенья и горстка из кусочков сахара. Мы дотягиваемся до середины стола и рассаживаемся рядом, сегодня каждый считает себя несказанно богатым. Вдруг раздается голос маленькой Тамары: «Давайте меняться! Я шоколад не могу есть, меня от него тошнит». При этом она делает смешную гримасу, сильно сощуривает

свои хитрющие карие глазенки со светлыми, длинными и пушистыми ресницами. «Ну, кто поменяется?» — а сама вопросительно смотрит на брата Гирея. Он в ответ смотрит на сестренку и улыбается ей широкой доброй улыбкой. «Ладно», — соглашается он, протягивая ей пачки печенья в обмен на шоколад. Потом собирает в горсточку кусочки сахара и тоже отдает их Тамаре. Обмен состоялся, оба довольны.

Вскипел чайник, мама разливает всем горячий вкусный чай. Мы пьем его, шелестим бумажками, блестящими серебряными обертками, смеемся, радуемся, жуем шоколад, откусываем печенье, запиваем горячим чаем. Мы счастливы. Как жаль, что это счастье приходит в дом только раз в месяц!

Подарок отца

Гирею в конце апреля за год до конца войны исполнилось тринадцать лет. Он как-то незаметно вытянулся, у него стали уже пробиваться черные усики над выпуклой нежно-розовой верхней губой, и детский голос стал приобретать басовые нотки.

— Гирей, ты уже становишься взрослым, похожим на горца! — с гордостью обратился к нему отец. — Я дарю тебе самый дорогой подарок: черкеску с газырями и сапоги. Помнишь, я тебе все это показывал, когда ты был еще маленьким? Возьми, примерь.

— Спасибо тебе, папа, огромное! Я даже не ожидал получить такой подарок. Я о нем не мог и мечтать! — проговорил радостно сын. Он подбежал к отцу и крепко его поцеловал. — Я сейчас мигом переоденусь!

Взяв в обе руки черкеску и сапоги, побежал переодеваться в соседнюю комнату. И вот он уже, счастливый, в черкеске и сапогах стоит перед отцом.

— Покажись со всех сторон. Как она на тебе сидит? — отец осмотрел сына и остался доволен его видом. — Черкеска и сапоги тебе впору. Только разверни более мужественно плечи, грудь вперед и голову прямо. Черкеску надо уметь носить с достоинством, ты же горец!

При этих словах отца Гирей приосанился, принял горделивую позу.

— Старайся все время так держаться, а не только при мне! — хлопнул Гирея по плечу отец. — В такой одежде надо научиться плясать лезгинку. Какой же ты горец без этого танца!

И вдруг отец стал показывать сыну, как танцуется лезгинка. Гирей схватывал эти движения на лету и уже сам, загоревшись, стал отплясывать лезгинку. Отец, видя вихревую пляску сына, весело рассмеялся:

— Ай да горец! Вот теперь молодец!

Услышав похвалу отца, он осмелел и решил в таком наряде показаться во дворе и сплясать лезгинку своим друзьям. А было их там множество. Когда Гирей с нарочито горделивой осанкой, в черкеске с газырями вышел во двор, его окружили изумленные ребята. Кое-кто стал посмеиваться над его видом:

— Гирей, это ты или не ты? Мы тебя не узнаем!

— Конечно, я. Отец мне только сегодня подарил черкеску и сапоги в честь дня рождения и даже научил танцевать лезгинку!

Гирей, раззадоренный любопытными и насмешливыми взглядами своих приятелей, образовавших полукруг, пустился лихо отплясывать лезгинку. Движения его были порывистыми, зажигательными, черные глаза ярко горели, а по лицу разливалась добрая, широкая улыбка. Ребята стояли и хлопали в ладоши, подходили новые прохожие, и уже собралась около Гирея целая толпа, а из толпы выкрикивали: «Гирей, потанцуй еще... еще!» С лезгинки он перешел на цыганский танец. При этом он ловко передергивал плечами и легко шел по кругу, бросая в толпу огненные взгляды. Когда он чуть приостановился, ему тут же закричали: «Гирей, танцуй, нам нравится! Танцуй еще!»

Вдохновленный этими криками, Гирей пустился плясать вприсядку. Ноги его сгибались очень легко, как пружинки. Вприсядку он обогнул весь круг, а ребята ему все хлопали и хлопали. Это был первый успех на улице. Потом Гирей стал признанным танцором в переулке и близлежащих дворах. И еще долгое время, когда он выходил из дома, тут же подбегали ребята с криками: «Гирей потанцуй... Потанцуй!»

С тех пор всех членов семьи прозвали «Гирейками». Думали, что это семейная фамилия: на маму и папу говорили, что это «взрослые Гирейки», а на детей — «маленькие Гирейки».

Первоклассники 1945 года. Учеба в школе

Все военные годы с большим волнением и надеждой мы слушали из «черной тарелки» сводки информбюро, произносимые незабываемым голосом Юрия Левитана. И вот наконец настал долгожданный день Победы 9 мая 1945 года!

Почти все время перед поступлением в школу я проводила во дворе, играя с детьми. Наш большой двор был в весеннем убранстве: только что из земли показалась нежная травка, образуя зеленый ковер, на высоких старинных деревьях распустились ярко-зеленые листочки. Наступило время праздничного салюта. Люди, долгое время лишенные дневного света (окна во время войны у всех были зашторены), с ликующими лицами выбегали на улицу и восторженно кричали: «Ура, салют... Салют!» Между ними бегала стайка детворы и, подражая взрослым, без умолку выражала свой восторг.

Грянул салют, все пространство озарилось ярким многоцветием. Я хотела также с радостным криком подбежать к своей соседке Варваре Ивановне, но она неподвижно стояла, прижавшись к старому ветвистому дереву, по лицу ее безостановочно текли слезы. Я догадалась, что она оплакивала своего единственного без вести пропавшего сына Колю. Народ радовался Победе и одновременно скорбел о потере своих близких.

Наша семья дружила и почти ежедневно общалась с семьей Эрихманов: Сергеем Михайловичем, Марией Алексеевной и их детьми: Ольгой и Николаем. Будучи подругой Марии, Оля шила мне первое в жизни платье. Коля был моим другом с самого раннего детства. Его привезли из Пензы, где их семья была в эвакуации, с роскошными длинными кудрями. Я же, девочка, напротив, ходила с бритой головой и короткой челкой. Целыми днями мы играли вместе в красивой обстановке, среди антикварной мебели и изысканных вещей. Однажды я была очень расстроена, когда Коля лишился своей красоты: его остригли наголо. Но наша дружба продолжалась все детство.

Кончилась война. Настроение нашей семьи было радостным, приподнятым, меня собирали в 1-й класс.

Впервые в жизни мне, первокласснице, при всей ограниченности средств купили все новое: школьную форму — коричневое платье со стоячим белым кружевным воротничком, белый праздничный и черный повседневный фартуки — и, не по росту маленькой девочке, большой тяжелый портфель. К форме для нарядности прикрепили миниатюрную ярко-желтую розочку. К школе меня побрили наголо, оставив только маленькую челку. В таком виде меня торжественно провожали в 1-й класс 1 сентября 1945 года.

Мы поднимались в горку по Мартыновскому переулку, сворачивали направо, шли мимо величественного храма Мартина Исповедника, затем сворачивали опять вправо, шли мимо старинных особняков, доходили до городской усадьбы Зубовых и сворачивали во двор с раскидистыми деревьями. Там уже было шумно. Все пространство было заполнено детьми и родителями. Во дворе располагалось стандартное кирпичное здание. В годы войны здесь размещалась воинская часть, а после ее окончания начала работать школа. Мои семилетние сверстники были 1938 года рождения. Мы были первыми учениками, которых принимала школа. Мы гордились тем, что пошли в школу в год окончания войны. Школьный двор утопал в цветах.

На серых мраморных ступеньках перед входом в школу стояла пожилая женщина с пучком на голове и рябым сморщенным лицом, а рядом с ней — пожилой военный весь в орденах. Вдруг она стала почти кричать на весь двор, сильно жестикулируя руками. Из ее слов мне только запомнилось: «Спасибо великому Сталину и нашему мудрому правительству, одержавшему победу над гитлеровской Германией, вместе со всем Советским народом! Благодаря победе над врагом мы можем сесть за парты, учиться и получать знания. Отличная учеба откроет перед нами любые пути к счастливому будущему в нашей стране».

Как я узнала потом, говорила директор школы Анастасия Яковлевна Кирпичникова. У нее была дочь — крашеная блондинка, высокая, стройная и красивая. Ее подвергли репрессиям только за то, что она полюбила иностранца и с ним встречалась. Но потом дочь восстановили в правах, и она стала преподавать в нашей школе рисование и черчение.

Во дворе наши педагоги по спискам выстраивали хаотичную толпу детей в стройные ряды по классам. Меня поставили в шеренгу 1 класса «А».

Первый школьный день был для меня радостным, потому что со мной в один класс попала моя лучшая подруга по двору Нина Акимова, высокая симпатичная девочка с большим коричневым бантом. С ней у нас дружба длится всю жизнь. Мы так и проучились в одном классе до окончания школы. Бегая по коридору, я увидела свою любимую соседку по квартире Варвару Ивановну Кондрашову. Она работала в школе завхозом. От этого на душе стало тепло и по-домашнему.

У нас были большие классы, состояли они примерно из 35–40 человек. Дети, учившиеся в школе, проживали в районе Таганки, Большой Коммунистической улицы, Мартыновского, Дровяного и Пестовского переулков. Первым педагогом, обучавшим нас грамоте, была очень пожилая учительница Скуратова Антонина Васильевна, позже нас учила красивая молодая брюнетка Ветрова Мария Фёдоровна. В нашей благодарной памяти остались многие учителя: преподаватель русского языка и литературы всегда выдержанная и аккуратная Хораз Мирра Исаевна; учительница математики Филлер Евгения Борисовна, добрая, с большими карими глазами; очаровательная преподавательница английского языка Чижак Майя Михайловна, талантливый педагог химии Нечаева Лидия Ниловна, учительница географии Ирина Павловна Ковалёва. Многие учителя в разные годы учили моих братьев Александра и Гирея, сестру Тамару и меня. Гирей убежал на фронт в тот год, когда классным руководителем у него была наша общая учительница географии Ирина Павловна Ковалёва.

У Тамары и у меня было также много общих учителей. Они не предъявляли к нам чрезмерных требований, так как понимали, что дети военных лет ослаблены недостаточным питанием, нуждой. Каждый учился в меру своих сил и возможностей, но учителя не давали нам возможности чрезмерно лениться. Они вызывали родителей в школу в крайних случаях, а родительские собрания проводили регулярно.

Помнятся первые годы учебы в школе. На переменах мы шумной гурьбой бежали в буфет. Нам бесплатно давали крохотные порции винегрета, иногда с маленькими кусочками селедки, слабый чай в стеклянных граненых стаканчиках и любимые мной маленькие конфетки-подушечки:

карамель, начиненную повидлом. Даже за такой скудный завтрак мы были благодарны.

В эти трудные послевоенные годы в школе был создан родительский комитет, оказывавший существенную помощь школе. Председателем комитета была мама моей подруги Акимова Софья Александровна. Она много сил бескорыстно отдавала школе, была человеком большой душевной щедрости и всегда могла протянуть руку помощи: утешить человека в трудную минуту, поделиться куском хлеба, принять человека в свой дом. Ее сердечность и бескорыстие помогли многим выжить.

Наша школа была на хорошем счету в районе, многие ее выпускники поступали без репетиторов в лучшие вузы страны: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева, Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова и во многие другие известные на всю страну институты.

Нашу школу, как и всю страну, не обошла двойная жизнь, присущая тому времени. Мы все как один в младших классах вступали в октябрята, в средней школе — в пионеры, в старших классах — в комсомол. Заявить во всеуслышание о нежелании вступать в эти организации было опасно, могли исключить из школы. Мы неукоснительно носили октябрятские звездочки, яркие пионерские галстуки, а в старших классах комсомольские значки. Были случаи, когда ученика, забывшего надеть красный галстук, отправляли за ним домой. Проводилось много показательных мероприятий с речами, отнимающими у учителей и детей дорогое время, октябрятские и пионерские сборы, комсомольские собрания. Многие из нас старались под благовидным предлогом «улизнуть» с этих массовых мероприятий.

Самой очаровательной в школе учительнице английского языка Майе Михайловне Чижак работниками РОНО было предложено остричь длинные локоны и одеваться поскромнее, без всяких бус, чтобы не отвлекать внимание детей от занятий. Одновременно многие дети с тонкими и чуткими душами безошибочно отличали подлинное выражение любви и доброты, стремление к настоящим, обогащающим ум и сердце знаниям от показухи.

За период обучения больше всего запомнились мне праздники действительно настоящие, это были Дни Победы 9 мая и праздник,

посвященный 800-летию Москвы в 1947 году. Я обучалась тогда в третьем классе. В эти дни школьники приходили в белоснежных блузках, с цветами, были праздничные выступления. В дни юбилея Москвы нам бесплатно раздавали акварельные краски, альбомы для рисования, тетради в линейку и клетку, ручки, папки, простые и цветные карандаши. Этими принадлежностями мы пользовались почти весь учебный год. Из съестного нам на праздник бесплатно давали бублики с маком и конфеты, круглые или подушечки, с начинкой из повидла. Мы были счастливы!

После окончания школы мы с благодарностью вспоминали наших учителей. Со многими из них поддерживали теплые отношения вплоть до их смерти. Со школьными подругами, к которым испытывали искреннюю человеческую симпатию, поддерживали отношения и оказывали человеческую взаимопомощь многие десятилетия.

Когда я училась в младших классах школы, мой старший брат Аля записал меня в читальный зал библиотеки им. Покровского, которая находилась на Большой Коммунистической улице. В читальный зал и в отдел абонеента этой библиотеки ходила вся молодежь нашего дома: Аля, Гирей, Тамара, соседка Лена Надёжина и я. Книги расширяли границы окружающего мира. Я полюбила вначале только детскую литературу, а потом русскую классику, поэзию и прозу.

Пестовский переулочек, улицы и переулочки Таганки, школа, библиотека, — все это были дорогие моему сердцу уголки Москвы. Но ведь это была лишь небольшая частица любимой столицы. Как же пришло осознание того, что я живу в одном из красивейших городов не только России, но и мира? Постепенно, день за днем расширялись мои представления о родном городе. Первые знания о Москве как о столице большого государства мы получили в школе. Позже шло постепенное приобщение к культурным ценностям нашего города. Первым сильным впечатлением было красочное представление в цирке на Цветном бульваре со смешным клоуном, дрессированными медведжатами, наездниками, скакавшими на красивых белогривых лошадях.

Мне 11 лет, 1949 г.

1. Со школьными подругами около моего старого дома, 1949 г.

2. Мой первый класс школы №476, 1945 г.

1.

2.

1. *Моя любимая
учительница
английского языка
М.М. ЧИЖАК*

2. *Мои дорогие
учителя школы*

1.

2.

3.

4.

3. *МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА ЭРИХМАН с сыном Николаем, друзья нашей семьи*

4. *МАРГАРИТА АНИСИМОВА, 11 лет, с другом НИКОЛАЕМ, 8 лет*

Вскоре мы с одноклассниками пошли в знаменитый зоопарк на Красной Пресне, где состоялось первое не менее яркое знакомство с настоящими животными, а не нарисованными на страницах книг и учебников.

Позже со школой мы стали ходить в Центральный детский театр и, конечно, на спектакли «Синяя птица», «Три толстяка» в Московском Художественном театре. После посещения этих спектаклей я буквально «заболела» этим искусством. Вместе с подругами мы по несколько раз пересмотрели весь классический репертуар театра: «Анну Каренину», «Плоды просвещения» Л.Н. Толстого, были влюблены в пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» и, конечно, в пьесы А.Н. Островского «Горячее сердце», «Последняя жертва». Игра актеров Тарасовой, Еланской, Степановой, Андровской, Ливанова, Топоркова, Кторовы, Яншина, Грибова, Орлова, Зуевой производила на нас, подростков, огромное впечатление. В те голодные годы мы выпрашивали у родителей сущие копейки, чтобы купить самые дешевые входные билеты в деревянную клетку на верхнем ярусе Художественного театра. И в этой клетке мы проводили самое счастливое время нашей юности.

Я и сейчас словно вижу перед собой сцену, залитую светом, и слышу внутренним слухом слова Ирины в спектакле «Три сестры»: «Отчего я сегодня так счастлива? Точно я на парусах, надо мной широкое голубое небо и носятся большие белые птицы. Отчего это? Отчего?» И, конечно, финал спектакля, когда перед закрытием занавеса под звуки марша Маша, Ольга и Ирина произносили свои монологи. Этот спектакль весь был пронизан светом и верой в будущее. Забыть его невозможно. В наших юных сердцах он пробуждал горячее стремление сделать и в своей жизни что-то яркое, значительное. Нам, 14–15-летним, казалось, что актеры, несущие в себе такое великое искусство, вечны. Увы, прошли десятилетия, и из той труппы никого уже нет в живых. Осталась только неизгладимая память.

С великими шедеврами живописи меня впервые познакомила моя сестра Тамара. Она была завсегдатаем Третьяковской галереи и часто брала меня с собой. Потом мы вместе с Тамарой и ее подругами стали посещать Большой зал консерватории. Билеты там были недорогие и доступные для желающих слушать симфонические концерты. Так Москва с ее культурными ценностями стала неотделима от нашей духовной жизни.

Послевоенная жизнь нашей дружной семьи

Как уже говорилось, семейные корни моего отца, Данила Ильича, и моей мамы, Александры Александровны, казалось бы, не имели ничего общего. Родные отца — южане, горские евреи; родные матери — сибиряки: русские, поляки, немцы. Вера со стороны отца иудейская, а со стороны матери — православная и католическая. Судьбы, образ жизни, традиции родственников отца и матери также различны. Наконец, у них были разные родные языки: татский и русский. Отец мой был свободным юношей, а мать — разведенной женщиной с ребенком. В таких обстоятельствах, по горским обычаям, между ними не могло быть ничего общего. И все-таки счастливое скрещение их судеб произошло.

В связи с революционными событиями мой отец, проживавший в детские и юношеские годы на Кавказе, переехал вместе со своей родней в Москву в надежде на более счастливую долю. Моя мама жила на Урале, дом их национализировали, и семья тоже перебралась в Москву к маминой сестре Ираиде Александровне Загурской. Здесь, в Москве, и произошла судьбоносная встреча моих родителей, а затем создание нашей большой семьи.

Несмотря на различия, мать и отец были глубоко родственными душами: их роднили высокие человеческие черты. Они были заложены генетически, а затем развивались путем получения образования и постоянного духовного совершенствования в годы детства и юности. Подтверждением их духовного единства было то, что мать и отец прожили душа в душу более пятидесяти лет. Он повторял маме: «Если бы я мог прожить вторую жизнь, то женился бы только на тебе».

У нас сложилась многодетная семья. В семье было шестеро детей, включая сына от маминого первого брака Георгия.

Всю жизнь моих родителей отличала большая душевная стойкость — они вместе пережили годы сталинских репрессий, в которых пострадали самые близкие родственники моей матери, затем страшные годы Великой Отечественной войны, когда семья не выезжала из Москвы в эвакуацию, и, наконец, мои родители мужественно переносили потерю собственных

детей в последующие годы жизни.

Отец смолоду впитал традиции семьи своих родителей и, став главой большой семьи, в этих же традициях вместе с матерью воспитывал своих детей. Будучи профессиональными педагогами, родители воспитывали в нас доброту, взаимопомощь, человеческую порядочность, широту общественных интересов и высокое понятие дружбы.

Дети нашей семьи унаследовали от бабушки и дедушки южный темперамент и творческие способности. Все это в совокупности составляет энергетический потенциал нашего рода, передающийся из поколения в поколение.

Родители собрали достаточно полную библиотеку русской и зарубежной классики. Мы с детских лет постоянно читали, бывали в музеях, театрах, посещали лекции, библиотеки.

Первые послевоенные годы

В нашем детстве, вопреки голоду и холоду, было много светлых, радостных моментов. Прежде всего, в семье царил дух очень большой любви, дружбы, увлеченности наукой, литературой и искусством, стремления к совершенствованию. Все дети любили и уважали отца и мать.

В нашей семье мама была хранительницей домашнего очага, отец — главным кормильцем. В семейном архиве сохранилась старинная фотография моих дедушки Ильи Шеребетовича и бабушки Марии Савельевны Анисимовых. На обратной стороне фотографии рукой дедушки написано посвящение моему тогда 18-летнему отцу:

«Нашему дорогому мальчику Даничке: да послужит ему эта карточка папы и мамы вечным “талисманом-хранителем” на пути чести, добра, любви к ближним, собственного труда, счастья и здоровья.

*Любящие папочка и твоя доброжелательная мамочка.
21 ноября 1914 года».*

Всю свою жизнь отец шел этим светлым путем: был человеком чести, высокой порядочности, огромного трудолюбия. Все эти качества он передал своим детям. Чтобы прокормить многодетную семью, он ежедневно трудился с утра до ночи. В семье считалось, что папа — самый главный. Он преподавал статистику. Засветло мать тщательно утюжила его пиджак и белые рубашки, вкладывала носовые платки в карманы пиджака, начищала до ослепительного блеска обувь, кормила лучшим, что было в доме, и провожала его до порога.

Отец был мужчиной небольшого роста, худенький, в очках, с неторопливыми движениями и слегка замедленной речью. Но во всем его облике была трогательная одухотворенность, которая не оставляла равнодушными окружающих его людей. У папы был горделивый, благородный профиль и небольшая борода. Читал он, казалось бы, скучные лекции по статистике, но он мог так одухотворить, оживить свой материал, что эти формулы, цифры, индексы преображались в некую выразительную живую материю. У него был дар преподавателя. Отец как-то рассказывал нам: «Встретил я случайно своего бывшего ученика. Смотрю, идет высокий, плечистый полковник в серой каракулевой папаше, окликнул меня по имени отчеству. Я его тут же узнал. Он мне и говорит: “Учился у вас ой как давно, а ваши индексы мне так врезались в память, что до сих пор разбудите меня в любое время, расскажу на зубок”». Мой отец вспоминал своих учеников до конца жизни.

Вечером наша семья, как всегда, ждала папу домой. Помню летний день, отворяется дверь и входит молоденькая курносая светловолосая девушка с огромным, красиво подобранным букетом цветов: яркие красные пионы и разноцветные гвоздики были обрамлены белоснежными лилиями, а сзади идет радостный отец. В руках у него большого размера мраморная пепельница в виде лебедя с гибкой изящной шеей. Так наградили отца за прекрасную работу.

Когда заканчивался учебный год и наступало лето, квартира наша преображалась, и углы с обвалившейся штукатуркой вдруг расцветали. Эти цветы с восторгом рисовала моя сестра Тамара.

Папа засветло уходил на работу, а мама постоянно оставалась с нами. Я любила материнское лицо, у нее были глаза как синие васильки, тонкий нос с изящной горбинкой. Когда она улыбалась, были видны еле уловимые

ямочки на щеках. Несмотря на тяжелые бытовые условия и полуголодное существование, мама всегда старалась одеваться нарядно. Она много шила своими руками для себя и детей. Сшитые платья она украшала бусами, носила серьги. Для нее был характерен спокойный и мудрый взгляд, несуетные, плавные, красивые движения. Она гордилась полученной от правительства медалью Материнства и всегда носила ее на своих платьях.

Для нас, девочек, любимым занятием была примерка маминых платьев. Но как мы ни старались подражать маме, выглядеть элегантно, как она, нам не удавалось.

В первые послевоенные годы мы жили надеждой на светлое будущее. Старшая сестра Мария от Министерства обороны уехала работать экономистом в Германию, где стояли наши войска. Она поддерживала всю нашу многодетную семью морально и материально: всех нас одела, высылала продуктовые посылки, деньги. Мария была жертвенным, щедрым и добрым человеком. Светлая ей память!

Брат Гирей продолжал учиться в старших классах школы, был комсоргом, посвящал свое время общественной работе. Перед окончанием школы 16-летним юношей он подрабатывал репетиторством. Давал уроки русского языка, истории, математики. Почти все полученные деньги отдавал маме на хозяйство.

В те годы сестра Тамара увлеклась рисованием. С самого раннего детства она создала свой художественный мир. Тамара была невысокого роста, но со складной фигурой, тонкой талией. В детстве у нее были прекрасные длинные каштановые косы ниже пояса. У сестры была врожденная близорукость, она рано начала носить очки. Но ее близорукие глаза были очень наблюдательными, от них не ускользала ни единая мелочь. Она была самой остроумной в семье. В детстве я помню ее с карандашом, кистями и красками. Она почти всегда рисовала. Ветхие стулья, находившиеся в комнатах, почти все были с Тамариными разноцветными пометками, но мы ей это прощали.

Первым Тамариным учителем рисования был наш папа. Длинными осенними и зимними вечерами маленькая Тамара сидела рядом с отцом. Он обыкновенно читал ей сказки, показывал много цветных ярких иллюстраций к книгам. И вдруг она как будто на мгновение замерла от восхищения

и попросила отца: «Не листай дальше, папа. Нарисуй мне эту лошадку! Ну пожалуйста». Отец неторопливо взял карандаш, бумагу. И началось творчество. Он рисовал, а Тамара неотрывно следила за каждой линией, появлявшейся на чистом листе бумаги. Всего несколько линий, и из-под пальцев отца появлялась бегущая лошадь. Это чудо преображения пустого листа так захватило Тамару, что она то и дело стала просить отца: «Нарисуй мне дом, дерево, бабулю с дедом на крыльце». И отец рисовал, рисовал до тех пор, пока сама Тамара в первый раз не взяла в руки карандаш и бумагу. Тогда и начала рисовать сама. Позже, учась в школе, Тамара разрисовывала на уроках свои тетради вместо того, чтобы слушать учителей. Учителя их отбирали, но сделать с Тамарой ничего не могли, она упорно продолжала рисовать на уроках. Учась в школе, она поступила в художественный кружок районного Дома пионеров, находившегося на Большой Коммунистической улице. Занятия ее были успешными. Ряд ее работ был представлен на Международной выставке детского рисунка. Один из этих рисунков был отмечен известным русским художником Юоном в статье о детском художественном творчестве, помещенной в газете «Пионерская правда».

А было это так. Тамара вместе с братом Гиреем каталась на катке в парке. На нее всегда производил большое впечатление падающий белыми пушистыми хлопьями снег, искрящийся под светом горящих фонарей, а также раскрасневшиеся девушки, юноши и дети, ритмично движущиеся в такт музыки. В эти мгновения сестра была переполнена красотой окружающего мира, радостью быстрого движения. Однажды, как только она добежала по заснеженным улицам до дома и быстро переоделась, то сразу под впечатлением катка начала быстро рисовать акварелью. И вот уже на картине появились динамичные фигуры юношей и девушек, катающихся на расцветенном ярком катке. Настроение картины было праздничным, ярким, окрыленным. Так Тамара определила свое жизненное предназначение с раннего детства.

Моими школьными делами всецело занимался Аля и подписывал все мои школьные дневники. Он учил меня грамотно писать и с выражением читать стихи. Много стихов он знал наизусть и часто читал их мне. Занимался он также со мной математикой. Всегда я у него была любимой маленькой сестренкой, и относился он ко мне с большой нежностью.

Вечерами Аля читал вслух мою первую в жизни книгу Короленко «В дурном обществе». Меня, совсем крохотную девочку, эта книга просто потрясла. В судьбе девочки Маруси, жившей в крайней бедности среди серых руин, было так много общего с моим тогда голодным существованием. Когда Аля читал страницы, повествующие о смерти этой девочки, я плакала навзрыд. Таково было чувство сострадания. Оказывается, хорошая книга так может потрясти человека!

Все домашние уроки проверял Александр. В школе мы писали тонкими металлическими перьями и фиолетовыми чернилами. При этом я была неаккуратной и частенько приходила домой с перепачканными лицом и руками. Брат отмывал мне физиономию и лиловые от чернил руки, а после еды с трудом усаживал за домашние задания. Я крутилась на стуле, как юла, не хотела выводить скучные буквы и цифры, мечтая как можно скорей убежать во двор и играть с подружками. Но он набирался терпения и доводил до конца наши задания. Позже, правда, я полюбила разучивать стишки и декламировать наизусть. По много раз без остановки я повторяла один незатейливый стишок, а Аля смеялся раскатистым смехом. С тех пор прошло около семидесяти лет, но этот незатейливый стишок я помню до сих пор:

*На лугах, в лесах и поле, на колхозных нивах
Пролетело наше лето радостно и живо,
Золотых снопов немало мы сложили в прядки,
Сено граблями сгребали и пололи грядки.
А как станет жарко очень, побежим купаться,
То-то было нам веселье брызгаться, плескаться!*

В те годы мы читали, в основном, высокую поэзию: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета. Особенно запомнилось чтение наизусть проникновенного стихотворения Некрасова «Несжатая полоса»:

*Поздняя осень, грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели...*

Я читала его с большим чувством, растрогавшим тогда моих

одноклассников.

Каждую неделю Аля внимательно просматривал замечания и оценки в дневнике и расписывался в определенной графе. Дневники эти еще долгое время сохранялись в семье. Помогать во всем своей маленькой сестренке было для него важным делом.

Александр был незаурядной личностью, разносторонне одаренный, с большим спектром увлечений. Несмотря на голод и нечеловеческие условия жизни военных лет, он окончил школу экстерном и в 15 лет поступил в Институт тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова на отделение редких и рассеивающихся металлов. Аля запомнился мне в его студенческие годы. Он очень любил заниматься в тишине. Когда все ложились спать, он зажигал маленькую настольную лампу и раскладывал свои книги и тетради. И здесь начиналось священнодействие. Чем только он не занимался! На столе лежали толстые учебники по химии и физике, рядом тетради для выполнения лабораторных работ. Позанимавшись наукой, он переключался на занятия французским, итальянским языками. Одним из самых любимых занятий было чтение классики, особенно Пушкина, Гёте, Гейне. Да и сам Аля ночью писал свои стихи, читал их друзьям и на студенческих вечерах в институте. За день он успевал заниматься всем с большим увлечением. Лабораторные, курсовые работы и экзамены он часто сдавал досрочно. Тогда он много времени занимался языками.

Часто Александр посещал двух старушек-педагогов. Зинаиду Александровну Сидорову и Клавдию Агафоновну Клопову. Зинаида Александровна, будучи еще молоденькой девушкой, работала гувернанткой у другой будущей учительницы Клавдии Агафоновны. Их дружба длилась всю жизнь. Они вместе путешествовали по Франции, Италии. В совершенстве владели языками этих стран. Аля любил в свободные от занятий в институте вечера разговаривать на иностранных языках с этими интеллигентными и образованными людьми. Эти педагоги работали самоотверженно. За 50 лет своей педагогической деятельности они преподавали практически все предметы: литературу, математику, историю, биологию и, конечно, иностранные языки от младших до старших классов.

Зинаида Александровна была полной, с прямой осанкой, даже в глубокой старости держалась с большим чувством собственного достоинства. В

ее небольших глазах было столько мудрости, заинтересованности и горячего участия в судьбе любого маленького и взрослого человека!

Клавдия Агафоновна была противоположной наружности: худощава, с аскетическим лицом. Она долгое время преподавала географию и так увлекалась своим предметом, что указка ее постоянно перемещалась по карте из одной точки земного шара в другую. Однажды, что-то воодушевленно рассказывая на уроке, она на глазах у учеников случайно проколола указкой территорию незабываемой для нее Франции... О Франции эти педагоги действительно знали очень многое. В течение продолжительного путешествия по этой стране они побывали во многих ее уголках.

Дверь их дома, находившегося на Большой Коммунистической улице, 19, практически не закрывалась. На стенах висели фотографии учеников с памятными надписями, на столе также лежали альбомы с фотографиями учеников, их детей и внуков, поздравительные открытки. И все это ими бережно сохранялось. Кто бы ни зашел к ним в течение дня, всегда на столе был чай, конфеты. Ученики, учившиеся в данное время и прошлые года, приходили сюда заниматься по самым различным предметам или просто пообщаться, получить жизненно важный совет. Гости у этих сердечных педагогов засиживались допоздна. Аля был в числе их любимых учеников. Он свободно говорил по-французски благодаря постоянной языковой практике с этими незабываемыми педагогами.

Аля часто ходил на институтские вечера. Тщательно утюжил свой единственный приличный костюм, до блеска начищал обувь и шел на вечер. Часто на этих студенческих сборищах он с большим успехом читал свои стихи. В институте была у него первая любовь по имени Рая: изящная, стройная девушка с длинными вьющимися волосами и слегка вздернутым носиком. Аля относился к ней трепетно. От своего скудного пайка, выдаваемого мамой раз в месяц, он сберегал конфеты, печенье, шоколад. Мы даже знали, где Аля их хранил, но никто к сладостям не притрагивался. Мы только тихо повторяли: «Трогать нельзя. Это подарок для Раи!»

Будучи студентом, Аля уже активно вел научно-исследовательскую работу и проявлял к ней большие способности. Это отмечали профессора, обучавшие его. После занятий в институте он находил время на посещение художественных музеев, выставок, консерватории. Аля любил классическую

музыку с ее красотой и великим драматизмом. Много произведений великой классики он слушал из нашего обветшалого репродуктора, имевшего форму черной тарелки. Он любил слушать симфонии Чайковского, Бетховена. Интуитивно предчувствуя кратковременность своей жизни, Аля особенно любил арию Каварадосси из оперы Пуччини «Тоска». Его необыкновенно трогали слова: *«Мой час настал, и вот я умираю! О, никогда я так не жаждал жизни.»* Эти слова оказались для брата пророческими.

С виду Аля был крепышом, каждый день он выходил во двор и обливался холодной водой. Но в эти голодные послевоенные годы очень плохим было питание. После войны мы ели картошку, это было деликатесом, а оставшиеся очистки от нее очень хорошо мыли, перемалывали и делали из них котлеты. Разнообразили меню жидкой манной кашей. Разве этого было достаточно молодому, растущему организму при его интенсивной работе?

В 1948 году в нашем дряхлом доме еще стряслась беда: в средней комнате среди лета провалился потолок, и вся вековая пыль, куски прогнившего дерева и грязи оказались в комнате. Уборка всей грязи, мусора легла на плечи Али. Мы, дети, были в пионерлагере. Несколько дней Аля очищал, мыл комнату, дыша всем этим смрадом.

Смерть брата Александра

В том же году Аля заболел лейкемией. Отчего возникло это роковое для старшего брата заболевание, сказать трудно. Может быть, сыграли роль все факторы: и недостаточная осторожность при работе с редкими химически активными металлами, и попадание вредных веществ в организм через дыхательные пути, когда обвалился потолок, и жизнь впроголодь.

В 1949 году нашу семью постигло страшное горе. Августовским теплым безоблачным днем скончался наш двадцатилетний, самый талантливый из всех детей, Аля. За три дня до его смерти к нам зашла навестить Алю мамина подруга Мария Алексеевна Эрихман. Аля едва-едва сидел на стуле-качалке. Он был уже не в состоянии повернуть свое измученное изнурительной болезнью тело и мог только едва слышно произнести: «Извините,

Мария Алексеевна, что сижу к вам спиной».

В момент смерти Али мне было одиннадцать лет, но главные моменты этой трагедии я запомнила на всю жизнь. На все лето нас с Гиреем тогда отправили в пионерский лагерь, где он, как очень активный юноша, был старшим пионервожатым. К концу смены Гирей уехал по делам в Москву и вернулся через пару дней. Подошел к нашему деревянному домику с палисадником. Там была круглая клумба с крупными разноцветными астрами. Утро было прохладным. Гирей окликнул меня и протянул теплую шерстяную кофточку. Я быстро ее надела и вышла к брату. «Риташа, мы едем в Москву», — он заботливо взял меня за руку, и мы пошли к станции. Когда почти подходили туда, брат чуть замедлил шаг и произнес тихим, очень печальным голосом: «Наш Аля умер». Я сразу лишилась сил, легла и, свернувшись комочком, зарылась в мягкую зеленую траву. Я не могла идти. Брат взял меня на руки и так привез меня домой.

Когда мы вошли, увидели ужасную картину. В комнату принесли гроб, мама с папой стали плакать навзрыд и проплакали, как мне показалось, целую вечность. Потом запомнились огромные охапки флоксов и запах духов, перемешанный с запахами цветов.

Комнаты нашего дома были до отказа забиты людьми. Близкий друг Али Юра Крылов сидел на стуле, согнувшись в три погибели, словно глубокий старик. Лицо его закрывала длинная прямая челка, из-под которой градом катились слезы.

Наша старшая сестра Мария в это время работала экономистом в воинской части в Германии. В нашем семейном архиве сохранилось письмо мамы, папы и сестры Тамары, адресованное Марии в Германию. Привожу текст письма:

«Родная моя доченька Мусенька! Нашу семью постигло безысходное горе: 22 августа в 6 часов 35 минут вечера скончался наш дорогой, любимый Аличка.

Сознание, что мы в нашем горе всеми мыслями и чувствами с тобой, должно дать тебе мужество перенести всю тяжесть утраты. Аличку мы похоронили 25 августа рядом с дедушкой на Ваганьковском кладбище.

Твой любящий тебя папа».

«Любимая моя девочка, Мусенька! Мужайся в нашем ужасном горе, Аличка умер у меня на руках (мама в течение часа носила умирающего Алю на руках. После его смерти двое здоровых мужчин с трудом перенесли его тяжелое тело — прим. авт.). Нет слов выразить горе, которое постигло всю нашу семью. Крепись, будь тверда. Аличка был самым сильным, крепким и талантливым среди нас. Борись с малодушием во имя его и будь сильна перенести постигшее нас несчастье.

Целую, любящая тебя мама».

«Любимая Мусенька! Нас постигло ужасное несчастье, но ты мужайся, береги себя и подумай о мамочке, что будет с ней, если ты не проявишь стойкости в таком большом горе.

Целую, Тамара».

Вскоре наша семья получила ответ от Марии из Германии, в котором она писала:

«Я вместе с Вами в неутешном горе. Папочка, милый, я очень прошу тебя беречь себя, мамочку и всю нашу семью. В письме чувствовалось опасение за меня, но оно напрасно, так как никакое горе не может и не должно убить человека, находящегося вдалеке от родины и дома. Так должно быть и со мной, за меня не беспокойтесь. Самое главное, берегите свое здоровье, так как у тебя, мама, и у папы на руках находятся три человека детей, которым надо дать образование и научить, как жить, да еще и одеть, чтобы они были не хуже других. Папочка! Вам нужна материальная помощь. Я сделаю все, что смогу, и помогу вам. Отдам, что сама имею.

Я хочу приехать и увидеть дружную семью, в которой один помогает другому, а этот, в свою очередь, платит тому тем же. Милый папочка! Целую тебя и всю нашу семью, и милую мамочку».

Муся отдавала все, что имела, нашей большой семье, чтобы все дети встали на ноги. После смерти брата Александра жизнь нашей семьи разделилась на «до» и «после», оставив в сердце каждого из нас глубокие рубцы. Но, несмотря на трагедию, жизнь нашей семьи продолжалась.

1. АЛЕКСАНДР АНИСИМОВ,
мой брат, 1948 г.

2. МАРИЯ
АНИСИМОВА,
моя сестра,
с подругой
в Германии,
1948 г.

1.

2.

3.

4.

3. ГИРЕЙ АНИСИМОВ (второй слева) и ЕЛЕНА НАДЕЖИНА (первая слева)
на ноябрьской демонстрации 1953 года

4. ГИРЕЙ АНИСИМОВ и ЕЛЕНА НАДЕЖИНА

*Моя подруга Нина
в юности и с отцом
Акимовым А.А.,
начало 50-х годов XX в.*

ГЛАВА III

50-е годы XX века

Мои детские воспоминания, связанные с открытием новых станций метро	130
Послевоенная студенческая жизнь в нашем доме	135
Леонид Ильич Анисимов — старший брат моего отца	140
Друзья нашей семьи	143
История старинной фотографии	148
Многодетная семья Волковых	151
<i>Коммунальная квартира на улице Станиславского, 24</i>	
Творческий коллектив художественного слова Центрального дома детей железнодорожников	161
Юбилейный вечер О.Л. Книппер-Чеховой во МХАТе	169
Радость от посещения нашей бабушки	171
Загурской Александры Александровны	
Смерть И.В.Сталина и разоблачение его культа личности	179
<i>Празднование 70-летия со дня рождения Великого вождя</i>	
Переезд в новый дом	182
Студенческие годы Тамары Анисимовой	183
Мои счастливые и мимолетные студенческие годы	186
Дружба с тетей Гюль-Бике	190
Наша родственница Анна Ивановна Анисимова	194
VI Фестиваль молодежи и студентов в Москве	195

Мои детские впечатления, связанные с открытием новых станций метро

Первые смутные впечатления от метро у меня связаны с войной. Она началась, когда мне было всего три года. Тогда я ощутила эти резкие, пронзительные звуки воздушной тревоги, доносившиеся из черной тарелки-репродуктора, суету, надетое на меня светлое пальтецо, мамины руки, крепко прижимавшие меня к себе.

Всей семьей мы бежали к метро «Курская», спускались в это многолюдное подземелье, укрываясь от воздушных налетов противника. В моей памяти сохранились только смутные, движущиеся вокруг силуэты людей, духота и ощущение тревоги.

В конце войны мне было шесть лет, и впечатления от метро «Курская» стали уже осознанными. Одним из детских развлечений было катание вместе с подружками на эскалаторе. В те времена при входе на первый эскалатор, спускавший людей на платформу, не был установлен контроль, и мы, дети, ловко этим пользовались. Денег у нас не было, а тут — приятное бесплатное развлечение!

Со станции «Курская» в первые послевоенные годы всей семьей мы ездили к бабушке Александре Александровне Загурской до станции «Площадь Революции», затем делали пересадку на станцию «Площадь Свердлова» и выходили на Пушкинскую улицу напротив Колонного зала Дома Союзов.

В 1950 году, когда мне исполнилось двенадцать лет, произошло радостное событие, связанное с открытием новых станций метро. 1 января была открыта станция «Таганская», находившаяся значительно ближе к нам, чем метро «Курская». Мне казался загадочным долгий спуск по бесконечно длинным подземным эскалаторам (глубина станции 53 м). После этого спуска я вдруг оказывалась в подземном дворце с ярким освещением, от которого с непривычки слепило глаза. Ведь я была ребенком, пережившим войну с зашторенными окнами, со слабым освещением дома и улицы. Меня поразило множество прекрасных изображений моряков,

танкистов, артиллеристов, летчиков, кавалеристов, партизан... Как мне объяснил отец, эти панно были выполнены из особого материала — майолики. Под портретами размещались изображения соответствующих видов оружия. Все композиции были выполнены на нарядном ярко-голубом фоне. Впечатление было невероятным, ведь в каждом из нас все еще были живы звуки и образы Великой Победы (на момент открытия станции со дня Победы прошло всего пять лет)! Домой наша семья возвращалась переполненной впечатлениями.

Немного позже отец пообещал показать нам еще пять новых станций метро, открытых в незабываемом 1950 году. Этими станциями были «Курская», «Павелецкая», «Серпуховская», «Калужская», «Парк культуры».

В следующий раз всей семьей во главе с папой мы поехали со станции метро «Таганская» смотреть кольцевую станцию «Курская». Эту станцию можно было назвать нарядным подземным дворцом, настолько ослепительно она воплощала идею Победы в Великой Отечественной войне. Будучи тогда еще 12-летним ребенком, я с восхищением смотрела на монументальные колонны, облицованные светлыми породами белого и розового мрамора, яркие люстры, торшеры, излучающие яркий свет, создающие пространство радости, праздника.

Мы поднялись в расположенный выше подземный зал, в центре которого стояла мощная круглая колонна, поверхность которой была покрыта затейливой лепниной растительного орнамента, облицовка колонны была из светло-кремового мрамора.

Вся станция воспринималась как Храм Победы. Яркое впечатление осталось на всю жизнь.

Особенно наша семья радовалась открытию станции метро «Парк культуры», хотя ее оформление не поразило наше воображение, несмотря на высокие колонны из мрамора и множество барельефов на тему досуга: катание на коньках, цветоводство, игра в шахматы. Но зато главное, незабываемое впечатление ждало нас вблизи этой станции метро. Там находился красивейший висячий Крымский мост. Это грандиозное сооружение было открыто в 1938 году, в год моего рождения, что мне приятно помнить.

С высоты моста открывается прекрасный вид на уходящую вдаль Москву-реку, на ее живописные берега, а над всей этой красотой — высокое

*Оформление вестибюля станции метро «Таганская»
Кольцевой линии Московского метрополитена, 1949 г.
Фото из Архива ГКУ
«Объединенная дирекция гос.архивных учреждений города Москвы»*

голубое небо, конечно, когда стоит хорошая погода.

Как ценно, совершая прогулки по Москве с близкими людьми, помнить замечательную историю Москвы. Возвращаясь вечером после посещения парка, мы наблюдали за тем, как загораются огни на висящих цепях, превращая их в ярко светящиеся гирлянды. Красивое зрелище! Оно было связано уже с мирным, послевоенным временем. Но всего несколько лет назад у москвичей были совсем другие ощущения от военной столицы.

За год до того, когда Победа фактически была завоевана нашим народом, 17 июня 1944 года в Москве прошел марш немецких военнопленных. Наш отец был очевидцем этого исторического события и делился с нами своими незабываемыми впечатлениями. В тот день по красивейшему Крымскому мосту проходили колонны военнопленных. Они представляли собой жалкое зрелище: шли без оружия, с видом морально сломленных, угрюмых людей. Одежда их была потрепана, выглядели они небрежно одетыми, неряшливыми, — словом, отталкивающе.

Во время прогулки по Крымскому мосту в моей детской памяти также всплыли воспоминания о немецких военнопленных. Несколько

послевоенных лет они принимали участие в восстановлении разрушенных ими городов Советского Союза, в том числе и Москвы.

Мы — дети, проживавшие в районе участка Садового кольца от «Таганской» до «Курской», видели их на стройке дома по улице Чкалова (Земляной Вал, д. 46/48) и воспринимали как чужеродных людей, говоривших на непонятном для нас языке, одетых в обтрепанную, непривычную для нас одежду. Они были угрюмы и замкнуты. В более старшем возрасте мы узнали, что этот изысканный по декору дом строился для высокопоставленных сотрудников НКВД с использованием особенно дорогих строительных материалов, привозимых из Германии. Дом этот сохраняется в течение многих-многих лет как память об участии в восстановлении Москвы военнопленных немцев.

Летним вечером после прогулки по Крымскому мосту мы незаметно подошли к метро «Парк культуры», доехали до метро «Таганская», а там совсем близко находился наш дом.

Станции метро «Комсомольская» и «Новослободская» были открыты для пассажиров 30 января 1952 года в составе второго участка Кольцевой линии от «Курской» до «Белорусской». В то время я уже была 14-летним подростком, училась в 7-м классе и могла осмыслить культурно-историческую значимость этих станций, созданных выдающимися архитекторами нашей страны.

Когда я оказалась на станции метро «Комсомольская», моему восторгу не было предела. Выйдя из поезда, пришедшего со станции метро «Таганская», мы оказывались в грандиозном зале, подобного которому я ранее никогда не видела (ширина платформы составила 11,5 метров, на тот момент настолько широких станций не существовало).

Станция выполнена в стиле русского зодчества. Своды украшены лепниной и огромными мозаичными панно, автор — художник П. Корин. В них отражены подвиги великих русских героев: Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова...

В центре зала был изображен наш вождь и кумир И.В. Сталин на параде 7 ноября 1941 года. Впоследствии панно было переделано, вместо Сталина появился Ленин. Изменения панно завершили в 1964 году.

Колонны отделаны мрамором, огромные люстры в виде колец

расположены по центральной оси платформы. Эта станция метро в те годы казалась мне самой красивой, роскошный дворец — памятник Победы.

Большое впечатление произвела на меня и следующая по кольцу станция «Новослободская». Мое внимание сразу привлекли невероятной красоты витражи с внутренней подсветкой: сочетания разноцветных стекол образовывали завораживающие изображения фантастических цветов и растений. Цветы были заимствованы с античных ваз.

В кругах, расположенных в верхней части витражей, помещались изображения рабочих, колхозников, музыкантов. Витражи заключены в арки, украшенные золотым жгутом.

Как я узнала позже, витражи в специальных мастерских Риги делали те мастера, которые раньше создавали стеклянные шедевры для католических костелов. Но в 1952 году об этом никто не говорил, так как в те времена недопустимо было даже упоминать религию в связи с советскими произведениями искусства.

В торце станции — большое панно на тему «Мир во всем мире», выполненное из смальты (цветного непрозрачного стекла — *прим. авт.*). Его также создал Павел Корин. В центре композиции изображена женщина, олицетворяющая Родину-мать, с маленьким ребенком на руках. Младенец тянет руки вверх. На их фоне расположен сноп золотой пшеницы с лентой. На ней надпись «Мир во всем мире» и летящие голуби.

Изначально над женщиной располагался профиль Сталина. Именно к нему тянулся мальчик. Однако в середине 60-х годов, во времена борьбы с культом личности Сталина, изображение заменили голубем и надписью «Мир».

Будучи подростком, я не оценила по достоинству это замечательное творение П. Корина, меня манили и восхищали яркие, красочные, загадочные витражи с подсветкой.

По прошествии многих лет с радостью вспоминаю свои детские впечатления об этих красивейших станциях московского метро.

Послевоенная студенческая жизнь в нашем доме

Молодое поколение, рожденное в конце 20-х и 30-х годах прошлого века, руководствовалось только постановлениями правительства СССР во главе с гениальным вождем И.В. Сталиным. О религии не могло быть и речи, в нас воспитывали атеистическое мировоззрение, стремление вступить в октябрята, пионеры, в комсомол и большевистскую партию. Религия допускалась только в сознании пожилых людей, на нее смотрели как на пережиток прошлого. О деньгах, материальном достатке также не принято было даже говорить.

Мы не замечали ужасных бытовых условий, убогой одежды. Главное, у нас была краюшка черного хлеба.

В нашем окружении была чистая, светлая, окрыленная Победой молодежь, радовавшаяся наступлению мирного времени. Они много шутили, смеялись, иронизировали друг над другом. Из репродуктора часто раздавались стихи Исаковского: *«Мы так Вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе!»*

Мещанством считалась погоня за красивыми нарядами. Еще хуже было носить кольца, броши, подчеркивать красоту фигуры. Все должно быть натурально, скромно, естественно. Бижутерию и наряды допускалось надевать в театр или на праздники. Нам внушалось, что у девушек должна быть скромность, у ребят — стремление положить жизнь на достижение общественных идеалов. Таким был идеологический настрой и образ мыслей послевоенной молодежи.

В нашем доме образовалась большая студенческая компания: студентом Института тонкой химической технологии был мой старший брат Аля, студентками Медицинского института были соседка Елена и Рая, проживавшая в Подмоскowie и снимавшая койку у нашей соседки Варвары Ивановны. В весеннюю и зимнюю сессию, готовясь к очередному экзамену, они ночами почти не спали. Среди ночи могли сговориться и втроем шли гулять по нашим темным переулкам. Гуляли свободно, никто ничего не боялся, было спокойно и безопасно. Ведь было строгое, жесткое сталинское время.

В праздничные дни множество студентов из Медицинского института приходило к нашей соседке. Почти половину ее комнаты занимал черный концертный рояль, приобретенный мамой Елены в войну. Лена, будучи одаренным человеком, хорошо рисовала и талантливо играла на рояле множество музыкальных произведений.

Своими сильными голосами молодежь любила петь задушевные романсы и песни военных лет. Лена почти всегда приглашала на праздничные вечера нашу семью. Соседи переживали послевоенную бедность, поэтому на молодежные сборища в их и без того маленькую комнату брали у нас стулья, табуреты, тарелки, чашки, вилки, ложки, делились по случаю праздника едой: овощами, фруктами и всем, что могли еще отдать.

Несмотря на скудное угощение, всем было весело и радостно от взаимного общения. Особенно много студенческой молодежи бывало в нашей семье на Новый год, ноябрьские, первомайские праздники, на дни рождения.

В центре стола всегда стояло большого размера старинное блюдо, привезенное мамой из Ирбита. Оно было до краев наполнено маминым фирменным, очень вкусным винегретом. И, конечно, по бокам стола стояла другая посуда, полная пирогами с капустой и повидлом.

Мама трудилась не покладая рук, чтобы принять гостей, и всегда делала это с радостью. Запомнилось задушевное пение друга Али — Сергея Образцова — светлого, высокого, красивого юноши. Пение романсов он сопровождал игрой на гитаре. Это исполнение глубоко проникало в наши души. Особенно мы любили в его исполнении романсы «Я встретил вас», «Утро туманное».

Много пели хором сердечных военных песен. «Бьетса в тесной печурке огонь», «В этом зале пустом мы танцуем вдвоем», «Артиллеристы, Сталин дал приказ». На этих встречах всегда присутствовал близкий друг Али Юра Крылов — застенчивый, немногословный, но очень умный, по словам Али. Юра слушал романсы ссутулившись. Очень длинная челка при этом закрывала его лицо. От застенчивости он не хотел показывать своих переживаний. Украшала нашу компанию любимая девушка Али Рая Полякова.

На этих вечерах, расчувствовавшись, папа любил петь своим небольшим голосом: «Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит

он...» Маме тоже была приятна атмосфера праздника, она любила слушать и смотреть на происходящее своими добрыми, мудрыми васильковыми глазами. Мы засиживались допоздна. Потом папа, Аля, Гирей, Тамара и я провожали всю компанию по ухабистой дороге Мартыновского переулка. Детьми мы катались там на санках, никаких машин в то время не было.

Мы неторопливо шли мимо величественного храма Мартина Исповедника (в те годы там размещалась книжная палата), сворачивали на Коммунистическую улицу, проходили мимо старинных особняков и моей школы. Она находилась за Домом учителя (особняк Зубовых). Выходили к только что открытой станции метро «Таганская», и здесь компания тепло прощалась, а мы с радостным, светлым чувством от общения с прекрасными молодыми людьми возвращались домой.

В 1949 году после смерти Александра Гирей прилагал все усилия для облегчения наших глубоких страданий. Выдержав конкурс, он поступает на экономический факультет Московского государственного университета.

В послевоенные годы Гирей всегда был в гуще событий: в старших классах его выбрали секретарем комсомольской организации. В университете также принимал самое активное участие в общественной жизни факультета. Его страстью было объединять людей, дарить им душевное тепло и веселье. Еще он старался помогать всем, кто встречался на его жизненном пути.

Поступив в университет, Гирей упорно постигал науки: экономику, математику, право, философию, психологию, — и все сдавал на «отлично». У брата была прекрасная память: прочитав текст всего лишь один раз, он мог воспроизвести его почти дословно.

Как многие юноши и девушки с чистыми душами и открытыми сердцами, он верил в социализм и построение коммунизма, обретение каждым человеком благополучия, достатка и вносил посильный вклад в общее дело.

Люди верили, что идеология Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина — это навечно. Молодое поколение ученых-экономистов хотело возродить экономику, подвести под нее крепкую научную основу. Молодым людям того времени не могло прийти в голову, что они живут во лжи. Негативная информация о нашем строе была тщательно засекречена, и потому они воспринимали только положительные стороны существующей системы и верили в возможность ее постоянного совершенствования.

Гирей на первомайской демонстрации среди сокурсниц экономического факультета МГУ

В окружении моего брата не было инакомыслящих. Гирей организовывал общественные мероприятия, с энтузиазмом вливался в праздничные колонны первомайских и ноябрьских демонстраций, над которыми реяли лозунги: «Вперед, к победе коммунизма!», «Долой империализм!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В те годы, занимаясь неустанным трудом, Гирей вместе со своими друзьями умел и хорошо отдыхать. В каникулы или в свободные от занятий часы любил играть в шахматы, волейбол, футбол. Был весел и остроумен. Находясь дома, любил читать стихи Пушкина, слушать музыку Чайковского, песни военных лет, доносившиеся из черной тарелки репродуктора. Иногда с товарищами посещал кино. Одним из любимых фильмов был «Большой вальс».

В 50-е годы по праздникам у нас продолжала собираться молодежь. Родители их встречали гостеприимно. На наши семейные вечера приходили красивые одаренные девушки. В общей компании пели известные романсы, песни военных лет. Особенно мне запомнилась очаровательная, скромная, умная девушка Зоя Чувякова. У нее был незаурядный, звонкий, красивый голос. Она была солисткой ансамбля Центрального дома детей железнодорожников, руководимого С.О. Дунаевским.

*Профессор Московского лингвистического университета
В.Н. Беляков, близкий друг Гирея*

Молодые ребята также были одаренными, с прекрасным научным будущим — впоследствии они заняли ведущие места в экономической науке. Запомнились мне два товарища Гирея: Эрик Дунаев — активный, всегда готовый к дискуссиям, и Феликс Волков — высокообразованный, интеллигентный. Оба стали докторами экономических наук, профессорами МГУ. Но самым близким другом был Владимир Беляков. Он был красив: рослый, со светлой вьющейся копной волос, с большими выразительными голубыми глазами. Однажды они вместе сидели в метро. Пассажир, находившийся напротив, долго-долго на них смотрел и, наконец, выдал свое заключение: «Один белый-белый, другой черный-черный».

Владимир окончил МГИМО и аспирантуру этого института. Защитил кандидатскую диссертацию в 25 лет, обладал энциклопедическими знаниями. Впоследствии стал завкафедрой зарубежных стран Плехановского института, долгое время заведовал кафедрой зарубежных стран в Лингвистическом университете, был утвержден в звании профессора.

Леонид Ильич Анисимов — старший брат моего отца

Мой дед Илья Шеребетович возлагал на своего сына Леонида большие надежды. Вот, что писал он в письме от 22 августа 1901 года своей жене Марии Савельевне:

«Письмо дорогого Лёнички — это просто письмо взрослого человека. Как хорошо, ясно, подробно и отчетливо пишет он. Повсюду виден “будущий инженер”, а может быть, и писатель, “но не такой, как папочка, а гораздо повыше”, словом, по закону “эволюции Дарвина”. Молю Бога, чтобы он был всегда так же здоров, как и умен».

Весьма оригинальные факты биографии Леонида Ильича приводятся в книге моего двоюродного брата Михаила Шпанина, он так пишет о своем дяде*:

«Во время Гражданской войны находился в первой конной армии, а сведения о том, что он, тогда просто “Лёха”, был ординарцем самого командарма, остались вне поля зрения биографов маршала».

Он добровольно вступил в армию, которую формировали большевики. Это была знаменитая конная армия Буденного. В составе этой армии он участвовал в боях против белополяков. Отвага и храбрость молодого конармейца была замечена, и вскоре “Лёха”, как его звали однополчане, стал ординарцем самого командарма».

В молодости дядя обладал привлекательной внешностью: высокий, стройный, с большими выразительными глазами. Он получил хорошее семейное образование, приобрел благородные манеры, обладал незаурядными способностями в области техники, даже имел несколько изобретений.

Но этого молодого мужчину подхватил вихрь бурной светской

* М. Шпанин. Перечитывая страницы нашей истории. Лондон, Russian Media House, 2010.

жизни. Он вращался в среде художественной интеллигенции первого ряда. Его близким другом был выдающийся певец Иван Сергеевич Паторжинский (1896–1960). Он являлся солистом Киевского театра оперы и балета им. Шевченко. Пел партии Ивана Сусанина, Бориса Годунова...

Большим другом моего дяди был Хасбулат Аскар-Сарыджа (1900–1982), ведущий скульптор Дагестана. Известны его скульптуры Имама Шамиля (1942 г.), памятник военному комиссару Дагестана Махачу Дахадаеву на привокзальной площади Махачкалы. Скульптуры Аскара-Сарыджи имеются в фондах Государственной Третьяковской галереи. В течение своей жизни общительный Леонид Ильич также дружил с профессором Тимирязевский сельскохозяйственной академии.

В вихре своей светской жизни дядя почти не затрачивал свою творческую энергию, тем не менее он создал новую технологию производства гипсолитовых плит, нашедшую свое применение в производстве, а также сделал ряд усовершенствований в авиации.

В Москве у дяди Лёни (так мы звали его дома) была семья: положительная, хозяйственная жена и сын Игорь. Дядя Лёня очень часто ездил в командировки. Он руководил строительством различных объектов на территории СССР. Супруга не хотела рисковать здоровьем маленького Игоря и оставалась в Москве, ожидая возвращения из командировок мужа. Так шли годы, но вот при строительстве объекта в Балашове наш дядя Лёня, будучи уже зрелым женатым мужчиной, влюбился, как юноша, в красивую женщину на 30 лет моложе себя. Вначале она над ним посмеивалась, говоря: «Проходу мне не дает дед (он выглядел старше своих лет) с седой бородой, ведь он ноги еле таскает». Но дядя Лёня настойчиво продолжал ухаживать и добился взаимности. С первой женой развелся, во втором браке у него родились двое детей — Арслан и Марина.

В Москве ему негде было жить, и он часто проживал у нас один или со своей новой семьей. В то время он уже был пожилым, больным человеком, но проявлял внимание и интерес к моей судьбе и особенно к судьбе Тамары.

После окончания школы первая попытка поступления в художественный вуз для Тамары так и не увенчалась успехом. Тогда дядя Лёня направил ее поступать в Тимирязевскую академию на звероохотоведческий

факультет. Тамара любила животных. У нас в доме всегда были собаки, кошки. Несмотря на скудное собственное питание, Тамара их все время подкармливала. Однажды она даже купила собаку на птичьем рынке и привела домой. Собака, несмотря на беспородность, была красивой, с выразительными глазами, чуткими ушами и тонким нюхом, но мы недолго радовались ее приобретению. Через пару суток собака сбежала через открытое окно. Вероятно, она была так обучена прежними хозяевами, обманувшими Тамару.

Чтобы не терять времени, Тамара успешно сдала экзамены и поступила в Тимирязевскую академию, но заветную мечту о рисовании не оставляла. Летом под опекой дяди Лёни она совершила поездку в аул Тарки, находящийся вблизи Махачкалы, на родину деда Ильи Шеребетовича и своего отца. Вернулась она, переполненная впечатлениями, с живописными этюдами аула Тарки, Махачкалы и ее окрестностей.

После окончания первого курса Тимирязевской академии Тамара снова подает документы в Строгановское училище. На этот раз она выдерживает большой конкурс и становится студенткой отделения монументальной живописи. Мечта ее сбылась.

В первую половину 50-х годов дядя Лёня часто приезжал в Москву. Он хлопотал о разделе жилплощади с первой женой. Хотел перевезти вторую семью из Балашова в Москву. Но ему это так и не удалось. В этот период мы достаточно часто виделись с дядей. Тамара была юной девушкой. Он любовался ее точеной фигурой, густыми каштановыми косами ниже пояса.

Я в те годы была подростком. Зная мое увлечение театром, он подарил мне старинный бинокль с инкрустацией, принадлежавший моему дедушке Илье Шеребетовичу. Я часто пользовалась им, посещая театры. Эта реликвия сохранилась у меня до сих пор.

Запомнился мне один неординарный поступок дяди Лёни, трогательный и одновременно смешной. Он находился в командировке в одном из волжских городов. Там недорого продавалась очень вкусная дефицитная сельдь залом. Вдруг на наш адрес неожиданно приходит посылка. Она оказалась от дяди Лёни. Мы ее вскрыли, там было примерно десять свертков с селедкой и приложены адреса, по которым надо было ее срочно отвезти. Мы развозили эту селедку, кое-кто к нам за ней приезжал. Мы от души

веселились выдумке дяди Лёни. Но селедка была наивкуснейшая!

Запомнились его последние приезды. Он уже плохо себя чувствовал, шел по нашему переулку с одышкой, часто останавливался. Тамара все-таки уговорила его несколько раз позировать. Любимой племяннице он не мог отказать. Этот психологический портрет дяди Лёни оказался одним из лучших в ее творческих работах. Она раскрыла сложность, противоречивость его жизнелюбивой натуры.

Вскоре дяди Лёни не стало. Гирей ездил в Балашов организовывать его похороны.

Друзья нашей семьи

Друзья родителей и детей были неотъемлемой частью жизни нашей семьи. Правда, преданных друзей никогда не бывает много. Такие друзья, к счастью, были и у нас, начиная с раннего детства, юности и молодости.

Через старшую сестру Марию в середине 30-х годов мы познакомились с семьей Эрихманов, которые жили в доме №9 по Пестовскому переулку. Мария училась с их дочерью Ольгой.

Главой семьи был крупный инженер Сергей Михайлович Эрихман. Мы знали его уже в пожилом возрасте. Он сразу производил впечатление значительной личности: представительный, с благородной сединой, с большими карими глазами, излучающими энергию и ум. Дом №14 по Пестовскому переулку, где жила наша семья после переезда из дома №7 в 1955 году, находился напротив дома №9, где жили Эрихманы. Мы невольно наблюдали жизнь друг друга и даже переговаривались, особенно в летние месяцы, когда все окна были открыты. Через распахнутые окна мы часто видели расхаживающего по комнате Сергея Михайловича, энергично объясняющего законы физики или доказывающего теоремы совсем юному тогда сыну Коле. Все свои знания, увлеченность наукой он отдавал Николаю, который впоследствии оправдал надежды Сергея Михайловича: окончил физический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, защитил кандидатскую диссертацию и успешно занимается научной деятельностью, публикует научные статьи и книги по физике.

Колина мать Мария Алексеевна по-матерински любила нашего Алю. Часто, собираясь на студенческие вечера, он заходил к ней отутюжить хорошим утюгом свою белую рубашку и костюм. С начищенными до блеска ботинками это выглядело неплохо.

Сергей Михайлович дружески общался с моими родителями. С большим сочувствием он отнесся к нашему горю — смерти Али, и искренне радовался успехам Гирея в научной деятельности. В нашем семейном архиве сохранилось письмо Сергея Михайловича, адресованное моему отцу:

«Уважаемый Данил Ильич! Прилагаю страничку из “Экономической газеты”, где напечатано о докладе Вашего сына. Полагаю, Вам будет приятно прочесть это. Не знаю, доживу ли я до такой же информации в печати о Коле. Кроме того, интересна статья об эффективности оборудования. Я много занимался и интересовался экономикой, но мне не приходилось встречаться с подсчетом эффективности оборудования.

*Низкий поклон Александре Александровне. Привет Вашим девушкам.
Уважающий Вас, Эрихман. 13.05.65 г.».*

Родители мои с глубоким уважением относились к Сергею Михайловичу. Мама часто вспоминала, как этот разносторонне образованный человек одухотворенно исполнял произведения классической музыки на рояле.

Сергей Михайлович был человеком большой душевной скромности. Только через несколько десятилетий, беседуя с моим отцом, он как бы вскользь упомянул, что К. Паустовский писал очерк об Онежском заводе и о нем, когда он был директором этого завода, и назвал отцу том 6 собрания сочинений К. Паустовского. Наша семья прочитала этот очерк и еще раз убедилась в благородстве этого героического человека. Сергей Михайлович дожил до глубокой старости. Последние годы он жил у своей любимой дочери Ольги, которая заботилась о нем до последнего дня.

Другой семьей, с которыми мы поддерживали дружеские отношения на протяжении десятилетий, были Перельштейны. Они жили в доме №8 по Пестовскому переулку: муж Илья Исакович, жена Полина Вениаминовна и их сын Изик. Они ютились на маленькой площади, перегороженной

ситцевыми занавесками. Отец семейства ранним утром уходил и поздним вечером возвращался с работы. Он был высококвалифицированным и образованным инженером, владел несколькими иностранными языками и выполнял технические переводы. Его жена была музыкально одаренным человеком, в юности подавала большие надежды. Но судьба распорядилась так, что она не занималась концертной деятельностью, а стала музыкальным работником в детских садах. Их сын унаследовал природные способности родителей. Он окончил школу с золотой медалью и технический вуз, защитил кандидатскую диссертацию и стал крупным ученым в области холодильной техники.

Они были добрыми и сердечными людьми. Мама и мы, дети, любили, когда к нам заходила Полина Вениаминовна. Время было трудное, но Полина (мы ее так называли) излучала добро и жизнерадостность. Она красила волосы в ярко-рыжий цвет и любила менять яркие нарядные платья. В таком виде она играла на аккордеоне, разучивала пляски с маленькими детьми, веселила и дарила радость детям.

Благодаря доброжелательному, легкому и веселому характеру, она имела множество друзей и знакомых, которым всегда стремилась помочь в их жизненных трудностях. Однажды, придя к нам домой, она увидела огорченное лицо моей старшей сестры Марии. Она вернулась из Германии, где работала экономистом в частях Советской армии, и никак не могла устроиться на работу. Полина выяснила у сестры, что она может делать по экономической работе. Потом улыбнулась своей доброй и открытой улыбкой, сказав: «Мусенька, не расстраивайся, я тебя устрою на работу». И действительно, не прошло и двух недель, как по рекомендации Полины наша Мария уже работала экономистом в Управлении швейной промышленности. С легкой руки Полины Вениаминовны сестра проработала на этом месте всю оставшуюся жизнь, и профессия приносила ей радость и удовлетворение.

Гирей уважал Изика и долгие годы поддерживал с ним приятельские отношения. Он видел в нем интересного собеседника с широким кругозором и большими знаниями. Дружеские отношения с этой семьей продолжались всю жизнь.

Нельзя не вспомнить и о маминной близкой подруге Серафиме Петровне Тарасовой. Она работала главным бухгалтером в больнице Медсантруд. Она

была женщиной большой душевной красоты и скромности. На ее глазах мы появлялись на свет. Она была дорогим гостем на всех наших праздниках и помощником в драматических событиях нашей семьи. В тяжелые периоды жизни она навещала маму, всячески старалась морально поддержать ее. Перед смертью Алика Серафима Петровна с большим трудом доставала лекарства, чтобы продлить его жизнь хотя бы на несколько месяцев. А когда Гирею потребовалась операция, она смогла достать необходимую донорскую кровь.

В юности мой брат Гирей в пионерском лагере подружился с Владимиром Беляковым и дружил с ним до самой своей смерти. Гирей постоянно встречался с Володей как повседневно, так и в дни наших семейных празднеств и застолий. Владимир тяжело переживал ранний уход Гирея из жизни. «Нет у меня друга», — с горечью повторял он. И действительно, спустя несколько десятилетий, он повторял эту горькую фразу с тем же значением, потому что настоящая дружба редка и уникальна.

После смерти Гирея Владимир и его супруга Юлия не забывали моих родителей. Они постоянно звонили и навещали их. Юлия доставила большую радость моей старой и уже незрячей матери. Обладая вокальным талантом, она исполняла с большим чувством мамины любимые старинные романсы. Такое внимание согревало мамину душу до конца дней.

Большая дружба связывала Гирея с семьей Кашиных. Валентин Николаевич являлся одним из крупных ученых-экономистов в стране. Долгие годы Гирея и Валентина связывала любовь к экономической науке, они друг друга духовно и интеллектуально обогащали, постоянно общаясь. Надежда Сергеевна, его супруга, мужественная женщина, долгие годы занималась не женской профессией. Она была хирургом, делала сложнейшие операции на внутренних органах человека. На ее счету много спасенных жизней. Она оказывала нам большую помощь и моральную поддержку в самые драматичные моменты жизни, когда болели Гирей и Тамара.

После смерти Гирея они также не забывали моих родителей. Их семья трогательно поздравляла маму и папу — уже стариков — с пятидесятилетием супружеской жизни. До сих пор у меня хранится фарфоровая статуэтка, подаренная ими с большим смыслом. Галантный кавалер склоняет свою голову в нарядном парике перед уже немолодой дамой в кринолине с веером в руке. Дружба нашей семьи с Кашиными памятна для меня по сей день.

1.

1. **ВЛАДИМИР БЕЛЯКОВ**,
близкий друг Гирея.
2. Выступление с сольным
концертом друга нашей
семьи певицы
ЮЛИИ БЕЛЯКОВОЙ
в доме-музее Скрябина
на Арбате

2.

История старинной фотографии

Крепкая дружба с семьей Эрихман началась с моего сознательно-го возраста и длилась до преклонных лет. Старшая в их семье дочь Ольга Сергеевна встречала меня из родильного дома, ей было тогда 13 лет.

Она унаследовала красоту по материнской линии, одновременно она была глубоко содержательным, умным человеком. Окончив институт связи, в течение 40 лет проработала ведущим инженером в НИИ оборонной промышленности. Помимо основной работы, Ольга имела широкий круг интересов, у нее были золотые руки: она шила и вязала на всю семью, в загородном доме сажала деревья, разводила овощные культуры и травы. Содержала участок в идеальном порядке.

Она следила за стройностью фигуры, каталась со всей семьей на коньках и лыжах. При этом я всегда удивлялась, как при ее большой семье: муж и двое сыновей, она находила время на чтение художественной литературы. Ольга Сергеевна была в курсе новинок, появляющихся в журналах «Новый мир», «Юность», «Знамя».

В пожилом возрасте, после выхода на пенсию, Ольга Сергеевна собирала материалы и писала историю своего рода со стороны отца и матери. Среди ее родственников были выдающиеся личности, о которых следует помнить потомкам.

Одной из ярких, известных женщин их рода была жена Алексея Толстого — Наталья Васильевна Крандиевская (1888–1966). Ольга Сергеевна многое знала об ее жизни. В годы совместной жизни Натальи Васильевны (Туси) с Алексеем Толстым мать Ольги Сергеевны — Мария Алексеевна — часто бывала в их семье на правах родственницы и сохранила самую добрую память об этих замечательных встречах.

Наталья Васильевна являлась талантливой русской поэтессой, мемуаристкой. Она рано начала писать стихи, которые по достоинству оценивали Блок, Бунин, Бальмонт и Парнок. В браке с А. Толстым она прожила 20 лет, с 1915 по 1935 год. У них родилось двое сыновей: Никита и Дмитрий.

1.

1. *НАТАЛЬЯ (ТУСЯ) КРАНДИЕВСКАЯ,*
супруга писателя Алексея Толстого

2. *ОЛЬГА ЭРИХМАН,*
родственница Н.Крандиевской,
в молодости

2.

Наталья Васильевна — прототип образа Кати в романе «Хождение по мукам». Толстой признавался, что Катя — это Наталья Васильевна, его Туся, в счастливый период жизни.

В материально трудные времена, находясь в эмиграции, Крандиевская выучилась на портниху и обшивала эмигрантов, зарабатывая деньги на содержание своей семьи, которая в 1923 году возвращается в Россию.

После тяжелого расставания с Толстым Наталья Васильевна перебралась в Ленинград. Ей вместе с детьми довелось пережить тяжелую блокаду. Она выживала на пайке 125 граммов, хоронила близких. Этой трагедии она посвятила уникальные патриотические стихи «В осаде», «Блокадный Ленинград».

Ольга Сергеевна всю жизнь хранила как драгоценную реликвию старинную фотографию Н.В. Крандиевской, доставшуюся ей от матери. Но в преклонном возрасте (в 87 лет) в целях сохранения для нашей культуры этой редкой фотографии решила передать ее музею А. Толстого в Москве. На адрес музея она написала письмо Ивану Никитичу Толстому — внуку Натальи Крандиевской и Алексея Толстого.

*«Уважаемый Иван Никитович,
Думаю, что Вам приятно будет иметь эту фотографию, которой 100 лет. Моя прабабушка Наталья Романова-Пышненко (в девичестве Тархова) была родная тетя Туси Крандиевской. Наталья Романова умерла в 1938 году в г. Ленинграде в возрасте 85 лет.*

В настоящее время из-за слабого зрения читать не могу, но есть аудиокниги. Всегда с интересом слушаю и смотрю Ваши программы по телевизору.

Желаю успехов во всем.

С уважением, О. Голубкова. 03.2013 г.».

Ольга Сергеевна попросила меня передать эту драгоценную фотографию в музей А. Толстого. Я выполнила ее просьбу, предварительно, с ее разрешения, сняв копию фотографии красавицы — талантливой поэтессы Натальи Крандиевской.

Многодетная семья Волковых

Коммунальная квартира на улице Станиславского, 24*

Моя близкая подруга Валентина Ивановна Штельмашенко (урожденная Волкова) родилась и воспитывалась в многодетной семье. Ее отец Иван Петрович Волков родился в 1897 году в деревне Григорьевская Рязанской области в крестьянской семье. В 1943 году он ушел на фронт. Иван Петрович погиб на полях сражений Великой Отечественной войны под Псковом.

Его жена Наталья Фёдоровна, родившая и воспитавшая пятерых детей, была награждена правительством медалью Материнства. Наталья Фёдоровна родилась в селе Княжное Рязанской области в 1898 году. Ее отец был торговцем, имел продовольственную лавку в Рязани. Мама Натальи Фёдоровны Катерина принадлежала к мещанскому сословию, растила двух сыновей и дочь. Наталья Фёдоровна с юных лет была лишена детства. Семья имела скудный доход, и дети с раннего возраста трудились от зари до темна. С восьми лет Наталья с братом Василием работали: вставали до первой росы, пололи, поливали грядки, собирали урожай, а зимой маленькая Наташа пряла, ткала и искусно вышивала, вязала кружева. Она приготовила все приданое своими руками. В школу за всю жизнь ходила всего одну зиму.

Несмотря на трудную жизнь, в доме устраивались многолюдные праздники. Мать Натальи Фёдоровны имела красивый старинный самовар, перешедший к ней по наследству. Это было большой редкостью в их селе. По праздникам на чаепитие собиралось много соседей: пели песни, плясали, рассказывали веселые истории. Когда после установления советской власти образовался колхоз, Наталья уже девушкой продолжала трудиться в нем с утра до ночи.

Судьбы ее родных братьев сложились по-разному. Старший брат Леонид поступил в духовную семинарию, после ее окончания был

* В 1938 г. Леонтьевский переулок был переименован в ул. Станиславского, в 1993 г. переулку возвращено историческое название.

священником прихода. После революции его сослали в Сибирь в период борьбы с «религиозными предрассудками».

Брат Василий окончил приходскую школу, затем поехал в Москву на заработки. В последние годы жизни работал по хозяйственной части в Моссовете.

Когда Наташе исполнилось двадцать четыре года, ее сосватали за юношу Ивана из ближайшей деревни. Она переехала жить к нему. В деревне семья зажила счастливо. Появились на свет пять дочерей: Антонина (1928), Мария (1932), близнецы Нина и Вера (1935) и самая младшая Валентина (1938). Надо было содержать такую большую семью, денег не хватало, заработки были небольшие.

В 1939 году семья переехала в Москву: отец семейства устроился на более высокооплачиваемую работу: строительным рабочим в Моссовете с предоставлением комнаты в общежитии на улице Станкевича. Он проработал в Моссовете до призыва на фронт в 1943 году, а в 1944 он погиб под Псковом при охране военного объекта, куда была сброшена бомба. Незадолго до его смерти семья получила письмо, где Иван Петрович мечтал вернуться домой, «когда зацветут сады, и тогда вся семья будет жить долго и счастливо».

Наталья Фёдоровна горевала о муже, таком деликатном человеке, который за всю жизнь ни разу не сказал ей ни одного «черного слова». Иван Петрович поздно возвращался с работы и мог только любоваться на спящих детей. Получив похоронку, Наталья Фёдоровна с маленькими детьми переживала это огромное горе. Многодетная семья осталась без любимого мужа, отца и кормильца. После гибели мужа она взвалила на себя непосильную ношу: тяжелый труд разнорабочей на стройке в Моссовете и воспитание пятерых детей. Через несколько лет от непосильного труда эта уже немолодая женщина надорвалась, случился инфаркт, и она стала нетрудоспособной до конца своей жизни. Более десяти лет Наталья Фёдоровна могла едва-едва передвигаться по комнате.

В 1947 году Волковы переехали в освободившуюся комнату коммунальной квартиры на ул. Станиславского, д. 24. Дети постепенно подрастали и брали на себя заботы о семье. Старшая дочь Натальи Фёдоровны Антонина после окончания пяти классов в 1941 году поступила в ФЗО при

швейной фабрике им. Клары Цеткин. В годы войны, будучи ребенком, она ежедневно вставала в 5 утра и шла на смену, которая начиналась в 6 часов утра. Там она шила военные шинели всю войну. Так с тринадцати лет она стала кормилицей семьи. На этой фабрике она проработала сорок два года. Тоня знала одну лишь работу без отдыха. Личная жизнь у нее так и не сложилась.

Подросла и вторая дочь Мария. В 1946 году она окончила семилетку, ФЗО и стала работать швеей-мотористкой. Вставала рано и, придя домой, занималась домашними делами до позднего вечера: готовила, стирала, мыла, убирала. Она все свои силы отдала семье. Так, всю тяжесть войны и послевоенных лет приняли на свои плечи две старших сестры моей подруги Валентины: Тоня и Маша. Младшие сестры им многим обязаны.

Постепенно стали подрастать и двое близнецов, Нина и Вера. Нина после окончания семи классов и курсов машинописи проработала в Моссовете машинисткой более пятидесяти лет, ни разу не сменив место работы. Вера после окончания семи классов поступила в радиотехнический техникум. После окончания техникума проработала на радиозаводе техником и в НИИ Пищемаш в должности конструктора. Личная жизнь у Нины и Веры сложилась, у них есть взрослые дети и внуки.

Младшая дочь Валентина также подрастала. Благодаря старшим сестрам она с раннего детства могла много времени отдавать учебе и личным увлечениям. Обладая незаурядными способностями, любовью к знаниям и большим трудолюбием, Валентина окончила среднюю школу с серебряной медалью в 1956 году и в том же году выдержала конкурс в 1-й Московский медицинский институт им. Сеченова, а в 1962 году, закончив институт, стала работать врачом.

Я часто бывала в их семье. Хотя в одной комнате жила семья из шести человек, выглядела эта комната светлой, просторной и красивой. Дочери Наталья Фёдоровны, особенно Мария, наводили в ней идеальный порядок. Пол был всегда натерт до блеска, на окнах висели красивые занавески, а в шкафах была приготовлена стопка отутюженного белья. Все в комнате радовало глаз. Дети целый день были на работе или учебе. Мне запомнилась Наталья Фёдоровна, как она передвигалась по комнате в больших серых валенках. Увидев меня, она радовалась, расспрашивала обо всем. Наталья

Фёдоровна была истинной христианкой. Все свое детство и юность она посещала церковь под Рязанью. После переезда в Москву ей полюбился храм Воскресенья Словоущего, находящийся рядом с домом в Брюсовом переулке (бывшая ул. Неждановой). В дни тяжелых испытаний и в религиозные праздники она всегда ходила в этот храм и черпала там божественную силу. Бог давал ей терпенье, мудрость и надежду выстоять в этой суровой жизни. Пятерых детей она вырастила совестливыми, честными и трудолюбивыми. Они до последнего дня относились к тяжело больной матери с любовью и нежностью.

Яркие впечатления детства у семьи Волковых связаны с приходом в их дом школьного учителя Валентины — Фёдора Борисовича Дикгофа. Это был уже старый, одинокий человек невысокого роста, худощавый, седой. Он слегка прищурился, носил очки в круглой оправе. Сколько его помнит семья Волковых, был он всегда в одном и том же костюме. Приходя к ним домой, он неторопливо снимал пальто, галоши и приветствовал всех своим мягким голосом. От всего его облика исходила доброта и интеллигентность. Он был человеком старой закалки, еще до революции преподавал в гимназии словесность. В молодости объездил всю Европу. Знал в совершенстве французский и немецкий языки. Он всего себя без остатка отдавал школе. Жил он рядом со школой, приходил туда самым первым, проверял часы, заводил их и давал первый звонок на уроки. Несколько раз, когда Наталья Фёдоровна была в отъезде, он приходил засветло домой к Волковым и будил детей, чтобы они не проспали школу, нередко приносил еду: хлеб, селедку, а также гостинцы: конфеты, печенье. Приносил также лекарства и даже вязанки дров. А после занятий в школе вечерами или в выходные дни приходил в семью заниматься русским языком и литературой с близнецами Ниной и Верой и маленькой Валею. Борис Фёдорович учил Валентину в младших классах, но и в средних классах она запомнила на всю жизнь внимание и чуткость некоторых своих учителей. Лариса Эммануиловна Гун присылала к ним своих учеников навестить, принести еду и гостинцы, когда семья была в трудном материальном положении.

Валентина вспоминает школу с благодарностью. Несмотря на показательные мероприятия: октябратские, пионерские, комсомольские собрания, дутую отчетность о проведенных сборах, процентах успеваемости,

у лучших учителей школы всегда было стремление показать и увлечь настоящими духовными ценностями. В этом помогал родительский комитет школы. Преподаватель истории Надежда Васильевна постоянно организовывала экскурсии в музеи. В эти тяжелые послевоенные годы члены родительского комитета покупали билеты в театр, организовывали бесплатные завтраки, помогали нуждающимся в одежде. В праздники у подруги Валентины, Татьяны Власовой, дома мама накрывала стол. В течение года она угощала школьников, так полюбивших этот дом за гостеприимство.

Дом, где жили Волковы, до революции был доходным. Квартиры сдавались внаем, а после 1917 года стали многонаселенными коммуналками. Коммуналка Волковых — это была огромная квартира общей площадью в 310 квадратных метров с одной ванной в 10 кв. м и крохотным 4-метровым туалетом. Кухня составляла 35 метров, там были установлены две четырехконфорочные плиты и восемь столов — почти для каждой семьи. Проживало в квартире более 30 человек, сосуществуя относительно мирно многие десятилетия, невзирая на житейские трудности: все стремились опередить соседей по утрам, чтобы одними из первых попасть в туалет или к умывальнику. Соседи имели четкий график пользования ванной, не дай бог было его нарушить и попытаться помыться вне очереди — в квартире это бы вызвало крупный скандал. Этого никто и не делал.

В коммунальной квартире уживались люди, совершенно различные по своему социальному положению, темпераменту, взглядам на жизнь, по своим интересам. Люди, в основном, относились друг к другу вполне терпимо и доброжелательно.

В трех комнатах общей площадью в 100 метров проживал крупный ученый-инфекционист Эммануил Ефимович Штейншнайдер, профессор Первого медицинского института им. Сеченова, вместе с семьей и прислугой. Этот человек имел свою научную школу, приглашал к себе учеников и коллег по работе. Жил он исключительно научными интересами. Бытовыми вопросами занималась его супруга Несси Марковна, ей помогала домашняя работница Анфиса.

В 30-метровой комнате жил Герман Абрамович Таубкин, врач-уролог с семьей, его профессия была востребована в квартире. Он делал уколы Наталье Фёдоровне во время приступов сердечной недостаточности.

Маленькую 16-метровую комнату занимала Мария Абрамовна Меерович с сыном Михаилом и бабушкой. Тяжелые бытовые условия не помешали сыну заниматься любимым делом с детства. Он постоянно жил в мире музыки, напевал разнообразные мелодии, неся кастрюлю по длинному коридору, помогая матери готовить обед на кухне, моясь в ванной. Позднее Михаил Меерович стал известным советским композитором и переехал с семьей жить в Дом композиторов, находящийся на улице Неждановой (так тогда назывался Брюсов переулок). Соседи вспоминают эту семью как добрых и отзывчивых людей. В праздничные дни мама будущего композитора угощала соседней своими вкусными пирогами.

Самым энергичным, жизнелюбивым и коммуникабельным человеком в квартире был адвокат Брайловский. Он успевал охватить в жизни все. Он имел жену только на два года старше своей дочери. Много времени проводил на кухне: помогал жене готовить, даже читал там и просвещал соседей, рассказывал веселые и остроумные анекдоты. Особенно активно консультировал соседей при последующем расселении квартир. Вел интересную жизнь: посещал театры, кино, ездил отдыхать на юг с семьей.

В 18-метровой комнате проживала некая Зоя Ивановна. Она одевалась в дорогие по тем временам модные вещи, ярко красилась, говорила с апломбом. Такое превосходство над соседями по квартире она испытывала, работая секретарем у важного чиновника госаппарата.

Всеобщей симпатией в квартире пользовалась шофер тетя Тася, очень открытый человек с широкой русской душой. Она провела за баранкой целых пятьдесят лет. Могла накормить, пригреть человека в нужде, часто угощала всех соседей. Она собрала почти всю квартиру, когда провожала сына в армию. Семья ее состояла из трех человек: они с мужем и сыном занимали 12-метровую комнату.

В маленькой 5-метровой комнатухе-кладовке ютилась кочегар Ира, она отапливала дом. Стояли в этой комнатухе только кровать и стол. Ира попала в Москву в юные годы из деревни. Всю жизнь трудилась, иногда подрабатывала у профессора Штейншайдера, была остра на язык.

В другой 10-метровой комнатухе жила тетя Дуся. Она с раннего детства была в прислугах у зажиточных людей. На кухне почти не готовила. Старалась на людях быть веселой, но в душе носила затаенную боль, она действительно была неизлечимо больна.

Ежедневная жизнь в квартире напоминала часовой механизм. На работу нельзя было опаздывать ни на минуту, что бы ни случилось. Дисциплина была суровая. Людей за опоздание отдавали под суд.

Первой примерно в пять утра, еще засветло, на работу уходила тетя Тася, за ней на швейные фабрики спешили сестры Волковы, Тоня и Маша, за ними на работу отправлялась кочегар Ира, и тетя Дуся торопилась к своим хозяевам. Часом позже покидал квартиру уролог Таубкин и торопливой походкой выбегала секретарь Зоя Ивановна. Собирались в школу дети.

Примерно в восемь часов утра уходили читать лекции профессор Штейншнайдер и адвокат Брайловский. Будущий композитор Меерович работал большую часть дня дома. В квартире изо дня в день шла трудовая жизнь.

Тетя Дуся, работавшая в прислугах, делала все быстро и умела хорошо выполнять все виды домашней работы. Обычно не было у нее времени задумываться о своем одиночестве и болезни. Но как-то в разговоре с соседкой она с глубокой печалью в голосе сказала: «Пока я могу работать, я нужна. А когда слягу, то буду умирать одна, без всякого ухода. Чем такой конец, я лучше что-нибудь с собой сделаю». Спустя некоторое время бедная тетя Дуся, почувствовав, что болезнь берет свое и она уже не в состоянии работать и кормить себя, повесилась в своей комнатухе. Для всей квартиры это был шок, и соседи долго еще вспоминали бедную тетю Дусю и ее трагический уход из жизни.

Но были в жизни этой квартиры и комические ситуации.

Тетя Тася, как обычно, ждала своего супруга, приходившего усталым после работы. А он все не приходил. Она стала уже волноваться. С ним же произошло следующее. После работы он выпил с друзьями. Отметив конец трудовой недели, он шел домой навеселе и не заметил, как поднялся этажом выше своей квартиры. Так совпало, что дверь в чужую квартиру, такой же планировки, как и его, была открыта. Он уверенно туда вошел и повернул якобы в свою комнату. Голова немного кружилась, и он плюхнулся на

чужую постель. Прошло несколько минут, он слегка отрезвел, и ему бросилось в глаза, что жена, пока он был на работе, без его ведома переставила всю мебель. Почему она не дождалась его?! Может быть, он и не согласился бы на такую перестановку! И у него даже явилась мысль назло переставить все как было. Он стал возмущенно бормотать, почему она его не спросила.

Тем временем в эту комнату вошел хозяин, слегка заикавшийся старик. Остановившись в дверях, он так и опешил. Муж тети Таси был уже в возбужденном состоянии из-за перестановки мебели, а тут еще удар: он своими глазами видит любовника жены! Возмущенный, он вскочил с кровати и встал в позу, крича на всю квартиру нецензурные слова и указывая законному хозяину на дверь. Бедный заикающийся старик в панике выбежал из своей комнаты и позвал соседей на помощь. В подвыпившем мужчине соседи сразу признали мужа тети Таси, проживавшего этажом ниже. Через несколько минут возмутитель спокойствия был уведен тетей Тасей домой.

На следующий день ревнивый супруг получил от жены хорошую взбучку, и больше таких случаев с ним не повторялось. Но соседи обеих квартир долго вспоминали об этом и дружно смеялись.

Другой комический случай произошел на глазах у соседей, вызвавших слесаря для ремонта сантехники. Слесарь добросовестно выполнил свою работу и стал искать хозяев для получения законного вознаграждения. Он вошел в затемненный длинный коридор и увидел перед собой высокую женщину. Сначала он деликатно попросил у нее деньги за свою работу. Она ничего не ответила. Тогда он повторил свою просьбу более настойчиво. Она продолжала молчать. Наконец он стал кричать: «Чего же ты молчишь?! Как тебе сейчас двину! За кого вы меня считаете?!» На истошный крик слесаря выбежали соседи, зажгли свет, и перед изумленным взором слесаря предстала гипсовая обнаженная статуя выше человеческого роста, доставшаяся по наследству соседке Зое Ивановне. Сначала слесарь оторопел, а потом стал хохотать на весь коридор, как он так попал впросак. Потом соседи с ним расплатились, и он удалился, смущаясь и трясясь от смеха всем телом.

В середине 60-х годов большие коммунальные квартиры этого дома расселили, предоставив соседям отдельные малогабаритные квартиры, а дом был отдан под госучреждения.

*Вместе с моей подругой
ВАЛЕНТИНОЙ ШТЕЛЬМАШЕНКО*

Дружба с доктором Штельмашенко длилась у меня более 70 лет. Вот, что она пишет о наших взаимоотношениях:

«Дорогая подруга Маргарита!

С днем рождения тебя!

Благодарю судьбу, что в детстве встретила тебя.

Твоя энергия, талант жить высокими идеалами вдохновляет, украшает жизнь.

Дай бог тебе еще долгие годы жить, творить. Пусть не гаснет творческий огонь в твоей душе.

Крепкого здоровья.

С любовью, Валентина.

29 июня 2012 г.».

Моей подруги Валентины Ивановны Штельмашенко не стало в октябре 2021 года. Светлая ей память!

Творческий коллектив художественного слова Центрального дома детей железнодорожников

Конец 50-х годов XX столетия. Дети первых послевоенных лет плохо одеты, измучены годами потерь и лишений. Таким было мое поколение. Но как многие из нас тянулись к образованию, культуре и красоте! Из большинства таких детей состоял коллектив художественного слова.

Каждый из участников кружка считал себя счастливым благодаря приобщению к великой русской литературе, искусству и возможности высокого духовного общения.

Мое поступление в коллектив произошло так. Я подготовила для прослушивания стихи, прозу, басню и первый раз пошла в этот Дом детского творчества. Дом располагался в роскошном особняке, ранее принадлежавшем одному из богатейших предпринимателей России Стахееву, с тяжелой старинной дубовой дверью, белой мраморной лестницей, ведущей в богатые, изысканные залы.

Поднявшись по лестнице, я увидела справа через открытую старинную дверь великолепие готического зала: стены были отделаны дорогими породами дерева, украшением зала были высокие изысканной резьбы стулья, по стилю схожие с готическими сводами, в центре красовался золотисто-коричневый шелковый абажур с кистями, слева от входа был виден роскошный камин. В этом прекрасном зале занимались дети вместе с их педагогом Маргаритой Рудольфовной Перловой.

Первое мое впечатление от Маргариты Рудольфовны было сильным: блондинка с красивыми чертами лица, на ней была надета белая шелковая блузка и облегающий ее стройную фигуру черный костюм, манеры были благородными и в то же время очень естественными. На занятиях царил атмосфера любви и взаимного понимания между учителем и учениками.

После исполнения стихотворения Пушкина «К Чаадаеву», юмористического отрывка из повести Гоголя «Старосветские помещики» и басни Крылова «Листы и корни» я была принята в коллектив.

Первое впечатление от детей было также сильным: они отличались от большинства сверстников в школе: обладали более яркой, интересной внешностью, лица были одухотворенными. На занятиях дети читали классику: стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, прозу Гоголя, Толстого, Чехова и многих других выдающихся авторов.

После чтения отрывков из произведений классики дети горячо их обсуждали, делали замечания исполнителю. Маргарита Рудольфовна завершала шумную дискуссию своими конкретными, обоснованными замечаниями. Она добивалась от детей умения передать мысли и чувства исполняемых авторов, проникнуть в самую суть исполняемого произведения.

На занятиях Маргарита Рудольфовна придавала большое значение культуре речи, работала над нашей дикцией и учила нас естественно, непринужденно и красиво держаться на сцене. Я была счастлива, у меня появилось огромное желание постоянно общаться с Маргаритой Рудольфовной, находиться среди этих детей, работать и дружить с ними.

Первые сильные впечатления оправдались вполне: моя духовная, наполненная радостью и стремлением к познанию жизнь проходила в этих стенах все школьные годы. С тщательно подготовленными программами к юбилейным датам великих русских поэтов и писателей коллектив выступал в белом мраморном зале с красивыми старинными зеркалами, украшавшими стены, и нарядными лепными потолками, изящно расписанными старинными мастерами. На этих вечерах, наряду с высокой поэзией и прозой, звучала классическая музыка в исполнении детей из музыкального коллектива. Гостей на эти вечера приходило всегда много, зал был полон. Эти вечера сопровождались чаепитием в готическом или других нарядных залах. Обстановка была теплой, дружеской.

Самые лучшие программы детский коллектив во главе с Маргаритой Рудольфовной показывал при большом стечении народа в музеях Пушкина, Толстого, Чехова, Аксакова. Члены коллектива получали первые премии, например, за лучшее исполнение рассказов А.П. Чехова. После одного из таких конкурсов чтецов коллектив подружился с народным артистом СССР Дмитрием Николаевичем Журавлёвым. В последующие годы Дмитрий Николаевич бывал в коллективе, слушал некоторых исполнителей. Участники коллектива часто бывали на его концертных программах,

учились его великому мастерству.

В 1985 году вышли в свет мемуары Д.Н. Журавлёва «Жизнь, искусство, встречи». Дмитрий Николаевич подарил эту книгу Маргарите Рудольфовне с дарственной надписью: «Дорогой, очаровательной Маргарите Рудольфовне с лучшими пожеланиями и глубоким уважением и благодарностью за прекрасную работу в нашем искусстве. 25.04.1985 г., Д. Журавлёв». Такая оценка деятельности М.Р. Перловой великим мастером дорогого стоит.

Одним из самых запоминающихся событий для детей была встреча с Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой. На нее произвело прекрасное впечатление исполнение рассказа Чехова «Злой мальчик» и рассказа «Устрицы». В архиве коллектива сохранилась фотография об этой памятной встрече.

Дети нашего коллектива встречались со знаменитыми актерами Художественного театра — Анастасией Платоновной Зуевой и Василием Александровичем Орловым.

Готовясь в 1954 г. к вечеру памяти Чехова, посвященному 50-летию с года кончины великого писателя, дети как можно больше хотели узнать об Антоне Павловиче. В то время завязалась переписка коллектива с родной сестрой Чехова Марией Павловной.

Особенно памятно для нас было посещение классика детской литературы Самуила Яковлевича Маршака. Мы постоянно обращались к его светлым, добрым и мудрым произведениям. С раннего возраста мы знали наизусть его стихи, всеми любимую пьесу «Двенадцать месяцев», а старший возраст знал сонеты Шекспира в переводе Маршака. Возникла идея пригласить в наш коллектив живого классика. Некоторые из нас отважились пойти к Маршаку.

В те далекие годы Самуил Яковлевич жил на улице Чкалова, дом 14. Мы позвонили в дверь квартиры, нам открыла невысокая пожилая женщина с проседью, приветливо нас встретила и провела в комнату Самуила Яковлевича. По обстановке комнаты мы сразу почувствовали, что он серьезно болен. Подойдя ближе, мы увидели на белоснежной подушке пряди его седых волос, бледное лицо и полузакрытые веки.

При виде нас он преобразился: сразу приподнялся, надел очки, глаза его ожили, губ коснулась добрая улыбка. Он стал извиняться, что не может встать и напоить нас чаем.

Мы стали поочередно приглашать Самуила Яковлевича в ЦДДЖ, когда он поправится, сами в душе уже глубоко сомневаясь в этом. Подробно стали рассказывать, какие произведения русской классики мы читаем, где выступаем. Выразили восхищение его произведениями. Даже почитали его короткие стихи.

Мы не стали утомлять поэта. Пожелали ему скорого выздоровления, а он нам счастья, творческих успехов, попрощался с каждым из нас за руку. Выйдя из подъезда, мы еще долго были под впечатлением от этой встречи и рукопожатий выдающегося поэта.

Будучи взрослой, по дороге домой я часто проходила мимо этого памятного дома и смотрела уже на мемориальную доску с надписью: «В этом доме с 1938 по 1964 г. жил и работал Самуил Яковлевич Маршак». С грустью думала, что все... все проходит, но остаются до конца жизни незабываемые яркие впечатления от великих личностей, которых нам довелось видеть и даже с ними общаться.

Руководитель нашего коллектива Маргарита Рудольфовна взяла на себя большую ответственность — поехать с концертными программами в Сибирь на строительство дороги «Абакан — Тайшет». В каждом из участников эта поездка оставила яркие романтические впечатления на всю жизнь: дети выступали с концертами перед строителями с большим энтузиазмом, читали стихи Пушкина, Лермонтова, прозу Гоголя, Чехова и других авторов.

Дети моего поколения, пришедшие в коллектив, постепенно взрослели, появлялся интерес к современной поэзии тех лет. Мы стали зачитываться и разучивать наизусть новые, только что появившиеся в печати стихи Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, Б. Ахмадулиной, позднее ставших знаменитыми поэтами. В те годы была организована встреча с Евгением Евтушенко, так остро и ярко выразившим в своих стихах жизненные устремления тех лет.

Жизнь коллектива с такими высокодуховными интересами повлияла на наши судьбы. Многие из его участников связали свою жизнь с искусством: выдающийся актер Олег Даль много лет занимался в студии.

Здесь впервые Маргарита Рудольфовна посоветовала Далию подготовить исполнение произведений М.Ю. Лермонтова, отвечающих его творческой индивидуальности.

Маргарита Рудольфовна, по просьбе его матери, прослушала Олега Басилашвили, тогда еще школьника старших классов, и обнаружила в нем артистический талант, подготовила Олега к поступлению в театральную студию МХАТа.

На культуру нашего воспитания оказывали влияние и друзья коллектива. Особенно сердечной творческой дружбой наш коллектив был связан с народной артисткой СССР Валентиной Александровной Сперантовой.

Валентина Александровна в те годы была всеобщим кумиром. В нашей стране знали и восхищались ее замечательным разносторонним талантом люди всех поколений: появлялось много статей в печати, постоянно звучали записи спектаклей по радио, передавались постановки по телевидению. Она снималась в кино, была ведущей актрисой Центрального детского театра и, конечно, занималась еще общественной деятельностью.

При такой огромной нагрузке Валентина Александровна находила время для встреч с нашим коллективом. Она слушала отрывки из произведений русской классики: Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др. в исполнении участников коллектива, делала ценные замечания, много и интересно рассказывала о творчестве актеров и об искусстве. Валентина Александровна относилась к подвижникам, ответственным за воспитание подлинной культуры, за раскрытие творческих возможностей нового поколения.

Миновали школьные годы и занятия в детской студии художественного слова, но ее участники, став взрослыми, сплотились вокруг руководителя — Перловой Маргариты Рудольфовны. Мы превратились в большую семью.

Став студентами, а потом взрослыми самостоятельными людьми, в конце марта каждого года в течение нескольких десятилетий мы спешили с букетами цветов и свертками угощений к заветной тяжелой дубовой двери дома, когда-то принадлежавшего промышленнику Стахееву.

Преодолевая тяжесть, открывали ее, и перед нами, как по волшебству, возникал мир нашего детства. Все так же поднимались по заветным мраморным ступенькам особняка, нас радостно встречала Маргарита Рудольфовна вместе со студийцами уже самого молодого поколения. Торжественно прикалывали к костюму изящную шелковую цветную ленточку с порядковым номером традиционного вечера.

Шли годы, ленточек становилось все больше и больше. Как неумолимо время, и неизбежно настанет момент, когда мы приколем к одежде нашу последнюю памятную ленточку! Но пока мы были веселы и не думали об этом.

В большой специальной книге регистрировались, уточняли наши номера телефонов, адреса и попадали в мир детства со сверкающими старинными люстрами, бра и торшерами, радостными, сияющими лицами кружковцев.

К нашему приходу уже были распахнуты двери мраморного и готического залов, мы опять воссоединялись на этот долгожданный вечер. Торжественная часть и выступления кружковцев проходила в великолепном белом мраморном зале. Обстановка вечеров была демократичной, любой мог выйти на сцену и прочесть строки любимого автора, что и происходило. Атмосфера любви и тепла царила на этих вечерах. Конечно, мы гордились нашими восходящими звездами, я помню их выступления на этих по-домашнему теплых вечерах.

Запомнилась изящная, пластичная фигура Олега Даля, шапка густых, вьющихся волос. Он рассказывал нам о своих первых творческих работах с известным режиссером. В его поведении не было ничего звездного. Он был доступен и прост в общении.

Лена Соловей с искренним чувством исполняла песни, романсы. Голос был небольшой, но приятного тембра. Она завораживала нас своей очаровательной улыбкой. Производила впечатление тонкого, трепетного, раннего человека.

В Ольге Гобзевой нравились ее большие, выразительные, заглядывающие в душу глаза. Она талантливо читала рассказы Чехова. Особенно нравилось мне глубокое проникновение в образ героини Л.Н. Толстого Наташи Ростовской. Ольга приходила на вечера вместе со своей сестрой, в будущем — известной журналисткой Татьяной Гобзевой.

Постоянными участниками и организаторами этих вечеров были окончившая биологический факультет МГУ Любовь Богданова-Серова, доктор биологических наук, и Лариса Сомова, закончившая с отличием Московский авиационный институт. Активное участие в программах наших вечеров принимал Александр Нестеров, читавший русскую классику: Пушкина, Чехова. Впоследствии он стал крупным ученым, доктором

биологических наук. Любовь Владимировна Серова (ур. Богданова) возглавляла отдел в Институте космических исследований, принимала участие в подготовке биологических программ космических полетов. Лариса Сомова защитила кандидатскую диссертацию и долгие годы возглавляла Пушкинское общество МАИ, написала книгу о Ярополецкой усадьбе, высоко оцененной пушкиноведами. Всех ярких личностей, занимавшихся в нашей студии, не перечислить. Среди них были работники культуры, ученые, актеры, педагоги, организаторы производства...

После разнообразных выступлений мы переходили в готический зал, там было веселое чаепитие. Заходили пить чай отдельными группами — человек по 20–25. Всех сразу не мог вместить торжественный, но небольшой готический зал. Мягкий золотистый свет из-под большого роскошного абажура, подвешенного в центре потолка, равномерно освещал все пространство зала.

Посередине зала стояли столы с угощениями, принесенные участниками вечера. Мы располагались на высоких резных стульях, и чаепитие начиналось. Мы радовались душевному контакту с кружковцами, объединенными общими детскими воспоминаниями и большой любовью к художественной литературе.

В этом зале уже стали появляться дети старших кружковцев, они сидели рядом со своими родителями и внимательно прислушивались к нашим разговорам. Некоторые из них, повзрослев, вливались в коллектив художественного слова.

Шли годы. Многие занятия проходили у Маргариты Рудольфовны на Арбате в Староконюшенном переулке. В те годы она перешла на другое место работы, в известный Клуб Горбунова, сохранив при этом созданный ею коллектив. Участники его были людьми разных профессий, объединенных любовью к литературе. От года к году Маргарита Рудольфовна расширяла творческий диапазон — помимо известных классиков, в программе появлялись не исполняемые ранее авторы: Бунин, Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Бродский.

С этими программами участники коллектива выступали на многих площадках: в клубе Горбунова, в музеях Пушкина, Гоголя, Аксакова, Чехова, в художественных галереях, в библиотеках, в Музее-усадьбе Гончаровых

Участники студии художественного слова с Народной артисткой СССР Валентиной Сперантовой. (Маргарита Анисимова пятая слева в верхнем ряду).

в селе Ярополец... Всех мест, где проходили творческие вечера, не перечислить. Когда открылся Дом русского зарубежья А.И. Солженицына на Таганке, коллектив «Слово» стал регулярно проводить там свои творческие вечера.

Судьба распорядилась так, что Маргарита Рудольфовна прожила длинную творческую жизнь. Ей было за 90 лет, а она продолжала заниматься подготовкой новых программ для выступлений. Двери ее квартиры в Староконюшенном переулке практически не закрывались до конца ее жизни. После ее смерти коллектив «Слово» им М.Р. Перловой продолжает существовать.

При жизни Маргариты Рудольфовны я продолжала ее навещать. Как много света и тепла дарила эта женщина! Невольно вспоминаю слова Льва Толстого о том, что главный человек в жизни — это тот, который находится рядом с тобой здесь и сейчас.

Каждый из нас, находясь рядом с Маргаритой Рудольфовной, ощущал это в полной мере: она проявляла к своим питомцам кровную заинтересованность,

всегда соперничала нашим жизненным трудностям, помогала мудрыми советами, а когда требовалось — и своим участием. Всю свою жизнь она была центром притяжения.

Уже после смерти Маргариты Рудольфовны, занимаясь в течение ряда лет организацией детского фестиваля скрипичной музыки «Моцартини» в Италии, я обратилась к Любе Серовой, активному участнику студии «Слово», с предложением организовать концерт этих детей в Доме русского зарубежья в память о Маргарите Рудольфовне.

Через некоторое время Люба замечательно провела этот памятный концерт. В нем принимала участие вместе с одаренными детьми народная артистка СССР Людмила Лядова. Вечер получился незабываемым.

Юбилейный вечер О. Л. Книппер-Чеховой в МХАТе

Для творческих, думающих людей моего поколения, рожденных в конце 30-х годов XX века, много значили классики художественной литературы: Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький, К. Паустовский. Занимаясь детство и юность в студии художественного слова, все кружковцы постоянно учили наизусть и исполняли на наших литературных концертах отрывки из произведений этих классиков.

Мы жили в мире литературы, театра. Незабываемы были встречи с писателем С.Я. Маршаком. Коллектив наш переписывался с Марией Павловной Чеховой — сестрой писателя, особенно памятна для нас была встреча с О.Л. Книппер-Чеховой.

Ярким событием моей юности стал юбилейный вечер, посвященный 90-летию О.Л. Книппер-Чеховой, проходивший в Художественном театре в 1958 году. Во второй половине 50-х годов она практически уже не выходила на сцену. И вдруг я ее увидела на юбилее во МХАТе!

Сама атмосфера театра была проникнута духом Чехова. МХАТ находится в Камергерском переулке с 1902 года, когда Чехов был еще жив.

Гармоничные, изысканные интерьеры театра были созданы выдающимся архитектором Ф. Шехтелем. Они воплотили идеи русского модерна: зеленая окраска стен, темное дерево, орнамент в стиле модерн, надписи были разработаны соответствующим шрифтом.

Удивителен сам зал со специальным занавесом, украшенным орнаментом в виде завитков, повторяющимся в оформлении интерьеров театра, и изображением летящей чайки, ставшей символом МХАТа.

Начиная с его основания, всю свою творческую жизнь Книппер-Чехова отдала МХАТу. Талант ее был неповторим и многогранен. Она обладала большим темпераментом, умом, грацией, замечательной красотой и неповторимым тембром голоса, сыграла главные роли в пьесах своего мужа Антона Павловича Чехова: в «Чайке» — Аркадину, в «Дяде Ване» — Елену Андреевну, в спектакле «Три сестры» — Машу, а в «Иванове» — Сару.

Репертуар ее не ограничивался любимыми ею пьесами А.П. Чехова. У истоков создания театра она сыграла роль Ирины в первом спектакле МХАТа «Царь Фёдор Иоаннович», играла значительные роли в русской и мировой классике: «Венецианский купец» Шекспира, «Трактирщица» Гольдони, «Снегурочка» Островского, «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизор» Гоголь.

В день юбилея зал, вмещающий более тысячи человек, был переполнен. Атмосфера была чрезвычайно торжественной. Вся сцена утопала в живых цветах, сама юбиляр сидела в монументальном кресле, дальше располагалась труппа МХАТа: А.К. Тарасова, К.Н. Еланская, Б.Н. Ливанов, М.М. Яншин...

Знаменательным было теплое, сердечное выступление актрис Малого театра — А.А. Яблочкиной и Е.Д. Турчаниновой. Художественный театр был домом-театром А.П. Чехова, Малый театр — домом А.Н. Островского.

Украшением вечера стало выступление представителей Большого театра, несравненных наших певцов С.Я. Лемешева и И.С. Козловского. Для Ольги Леонардовны они исполняли дуэтом арию из оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» со словами: «Я люблю Вас, Ольга», специально сочиненными в честь юбиляра. Успех был оглушительным, зал встал, дружно приветствуя аплодисментами Книппер-Чехову.

Вечер был изумительным. Взволнованная, придя домой, я выразила

свой восторг неумелыми, но искренними словами:

*МХАТу жизнь Вы посвятили.
Что же может быть сильней,
Чем любовь к родному театру,
Трепет струн души своей.
И сегодня море света,
Гул людской, улыбки лиц —
Все от Вас... от Вас согрето,
Пред талантом редким пало ниц.*

Так мне посчастливилось присутствовать на чествовании выдающейся актрисы, жены Чехова Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, вошедшей в славную историю мирового театрального искусства.

Радость от посещения нашей бабушки Загурской Александры Александровны

В 1949 году наша семья тяжело переживала утрату любимого брата Александра. Для Гирея эта трагедия явилась самым большим стимулом ярко проявить себя в жизни, быть достойным памяти старшего брата. И он это осуществил: в старших классах стал одним из лучших учеников школы, а по окончании учебы в школе поступил на экономический факультет МГУ и с отличием его закончил.

Тамара по-прежнему стремилась стать художницей. Оказываясь в Третьяковской галерее, она часами могла рассматривать картины Репина, Сурикова, Серова, Крамского и Левитана. И эту одержимость искусством она пронесла через всю жизнь. В детстве она рисовала все, что видела вокруг себя: деревья, цветы, реку Язу, наброски и портреты родных и друзей, и еще бесчисленное множество того, что она любила и чем любовалась.

Шли годы, Тамара стала старшеклассницей. После уроков она с дружной компанией отправлялась играть в волейбол. Любимым местом для

таких игр был старинный Нехлюдовский парк, находящийся на берегу Яузы. Вся ватага, минуя живописные берега реки, бежала мимо старых тенистых деревьев-великанов и оказывалась на широкой зеленой поляне. Здесь открывался вид на поросшие высокой, сочной травой берега Яузы, на медленно плывущие по ней баржи с лесом, маленькие деревянные дома.

Здесь ребята становились в круг и с азартом играли в волейбол. Мяч почти непрерывно летал над высокой зеленой травой, игра была слаженной, энергичной. Только иногда, когда мяч падал, слышались досадные крики на игрока-ротозея: «Ну вот, промазал!» Подходили новые игроки, ставили поодаль на траву свои портфели. (Рядом находилась школа.) Так игра продолжалась до вечера. В разгар игры Тамара выходила из круга, выразительно взглянув на подругу, круг смыкался, а Тамара прощально махала рукой оставшейся компании.

Закончив игру и расходясь по домам, друзья видели Тамару уже не с волейбольным мячом, а с кистью и этюдником. Она с увлечением рисовала различные уголки живописной реки Яузы.

Яркими событиями нашей непростой повседневной жизни были посещения нашей бабушки. Она жила в самом центре Москвы, в Доме артистов Большого театра, в квартире дочери Ираиды и ее мужа Гертеля. Это был старинный многоэтажный каменный дом с ванной, паровым отоплением и телефоном. Правда, квартира была коммунальной. Но все равно по сравнению с нашим ветхим деревянным домом нам она казалась дворцом.

Вместе с ней жил мой сводный брат Георгий, сын моей мамы от первого брака с Е. Ершовым. Бабушке было очень одиноко после смерти мужа. Мама понимала ее тяжелое душевное состояние. Кроме того, у бабушки по тем временам были бытовые условия, о которых можно было только мечтать: паркетные полы, высокие потолки, и архитектура здания была замечательной — ведь здесь проживали именитые актеры Яблочкины, балетмейстер Горский...

Приезжая к нам, Георгий, мы звали его Жоржик, чувствовал себя дома, его любили, для него всегда было место за нашим столом. Он был

способным человеком: увлекался медициной, историей, но особенно любил иностранные языки. По тем временам это было редкостью, знал английский, немецкий, французский, итальянский языки, также приобретал книги и на других европейских языках. Всю жизнь интересовался историей нашего рода со стороны матери и его отца Ершова. Особенно его интересовала яркая личность прапрадеда А.Ф. фон дер Бриггена и его отца — белого офицера, награжденного Георгиевскими крестами. Георгий всю жизнь работал переводчиком в научно-исследовательских институтах.

Мы любили приезжать к бабушке: всей гурьбой выходили из метро на Пушкинскую улицу, шли по ней немного вверх и входили в старинный дом. Перед входом на лестницу было, как нам казалось, необыкновенной красоты вмонтированное в стену сверкающее серебряным блеском зеркало. По очереди мы подходили к нему, прихорашивались, мама тоже поправляла прическу. Через боковую дверь этого дома мы попадали в большой прямоугольный двор, со всех сторон окруженный высокими каменными домами. Только высоко над нами виднелся яркий квадрат неба. Мы открывали старинную дверь одного из подъездов дома, направлялись к чугунному резному крыльцу и поднимались в темноте, держась за витые перила, на второй этаж, звонили в звонок и через короткое время слышали бабушкины шуршащие шаги. Бабушке было тогда около восьмидесяти лет, роста она была небольшого, но имела горделивую осанку, а лицо сохраняло черты былой красоты. Во всем облике бабушки чувствовалась доброта в сочетании с волевым характером.

Дверь открывается, и мы оказываемся в тускло освещенном длинном коридоре с высокими серыми потолками, отделанными лепниной. Бабушка проводит нас в комнату и рассаживает на мягкую тахту. К нашему приходу на столе уже красуются румяные, только что испеченные пирожки с капустой, картошкой, поставлена старинная сахарница и нарядная матрешка, а под ней большой чайник.

Бабушка была глубоко верующим человеком. В красном углу стояли красивые иконы, горела лампада, и, подойдя к этим иконам, она постоянно молилась. На старинном высоком комод лежали Библия, Евангелие и молитвенник в антикварных окладах. Это был ее душевный мир, к которому мы относились с глубоким уважением.

*АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА ЗАГУРСКАЯ,
моя бабушка, со старшим внуком Георгием,
моим сводным братом*

Бабушка воспитывалась в монастыре и, выйдя оттуда, постоянно читала Библию и Евангелие, очень многие молитвы знала наизусть и ежедневно читала, соблюдала посты и праздновала христианские праздники.

От бабушки мы узнали о существовании Елоховской церкви, построенной в 1717–1722 гг. В этом соборе крестили А.С. Пушкина. В прежние годы, когда у нее было здоровье, бабушка посещала этот собор, даже была на службе, где пели великие певцы М.Д. Михайлов, И.С. Козловский.

После бабушкиных рассказов мы побывали там на праздничной пасхальной службе. Храм поразил нас изяществом архитектуры и внутренним величием. В памяти сохранился блеск старинных массивных люстр, множество ликов святых, зажженные по всему храму свечи, священники в сверкающих золотом облачениях, стоящие у высокого, с изысканной резьбой иконостаса, и, конечно, божественной красоты голоса певчих, доносившиеся с высоты хоров.

Храм был переполнен верующими, нечем было дышать. Мне, 12-летней девочке, даже стало плохо. Мы с Тamarой с трудом выбрались из этой массы

верующих и оказалась на свежем воздухе. Церквей народу явно не хватало.

Рождество и Пасху бабушка всегда отмечала. На Рождество я даже читала молитву, разученную с ней. На Пасху бабушка и мама пекли очень вкусные, ароматные куличи по старинным рецептам. Хотя пост мы не соблюдали, но куличи с пасхой и крашеные яички кушали с превеликим удовольствием.

Хотя в школе осуждали религиозность, тем не менее когда после Пасхи дети разворачивали сверточки с домашними завтраками, во многих оказывались кусочки кулича и крашеные яйца. Конечно, учащиеся старались есть так, чтобы учительница не заметила или сделала вид, что не замечает.

Наша многодетная семья не была религиозной, но мама всегда говорила в советские времена: «Над нами есть высшая сила». В душе она, конечно, верила в Бога, но в повседневной жизни никак этого не проявляла, хотя Пасху отмечала всю жизнь.

Когда у мамы были силы, мы в эти торжественные дни храм посещали вместе. Особенно запомнилось одно из посещений церкви Николая Чудотворца у станции метро «Парк культуры». Когда мы огибали ограду храма, к нам неожиданно подошел молодой человек и попросил маму (ей уже было за 80 лет): «Можно я Вас возьму под руку, а то перед входом стоят дружинники из райкома комсомола. Они меня не пропустят внутрь. А мне так хочется увидеть пасхальную службу и крестный ход вокруг церкви. Пожалуйста, помогите мне». Мама, конечно, дала согласие. Молодой человек подхватил маму под левую руку. Так мы прошли через ограждения активистов-комсомольцев и оказались внутри храма, исполнив мечту молодого человека.

Даже в 70-е годы XX века, когда в обществе постепенно стало возрождаться религиозное сознание, партийные органы не позволяли молодежи посещать храмы. Часто перед входом стояли дружинники, пропускавшие в храм только пожилых людей.

В начале 50-х годов мы часто навещали бабушку, нас тогда особенно интересовали старинные вещи, которые мы внимательно разглядывали.

Например, у бабушки было очень много заветных ящичков, где хранились старинные открытки с видами различных городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Екатеринбурга. На этих открытках были изображены улицы, по которым двигались экипажи, дамы в широких длинных платьях с кружевными зонтиками, господа во фраках, с высокими черными цилиндрами и тросточками. А под этими изображениями стояли подписи с ятями.

Как-то нам на глаза попалась очень смешная открытка под названием «Сплетница». На ней была изображена старуха с высунутым, доходящим до пола языком и смешно выпученными глазами. На старухе надето длинное платье с синими и белыми полосками. Мы передаем открытку из рук в руки и смеемся над этой смешной сплетницей.

На комодѣ у бабушки стояли две фигурки из фарфора: адвокат, пузатый, важный, одетый в черный сюртук и белую рубашку, с черными глазами, над которыми виднелись полоски густых черных бровей, и согнувшийся в три погибели чиновник со светло-коричневым чубчиком, голова его была повернута немного на бок, ножки чуть согнуты. Эти фигуры разворачивались, а в них хранились различные бумаги, ленточки, кружева, даже пуговицы. Бабушка не разрешала нам их трогать самим, и мы всегда просили ее развинтить адвоката или чиновника. Мы смеялись, когда бабушка развинчивала толстый живот важного адвоката, или над тем, как вращался курчавый чубчик чиновника. Нравился нам и чугунный кованый сапожок, в котором хранились некоторые бабушкины швейные принадлежности: разные ножницы, иголки, булавки.

Рядом с комодом стояла бабушкина ножная швейная машина «Зингер». На ней лежали то недошитое платье с широким подолом, то блузка или раскроенная юбка, а рядом красовались кремовые кружева, ленты и другие материалы для отделки.

Машинка кормила бабушку. Находясь в монастыре, она научилась прекрасно шить. В девять лет она сшила первую рубашку-косоворотку для брата. Бабушка прекрасно вышивала, вязала и на старости лет зарабатывала себе шитьем. Ее знали некоторые артисты Большого театра и приходили к ней: кому-то срочно надо было сшить платье, юбку или переделать вещь. Бабушка выполняла эту кропотливую работу с большой любовью,

вкладывая всю душу. Оттого вещи из-под ее рук выходили такими красивыми, элегантными. В гостях у бабушки мы находились в особом мире. У нее всегда нам было тепло и уютно.

На протяжении всех лет жизни в Москве бабушку навещала очень трогательная и преданная семье Загурских домработница Анна Квашнина. Она по-настоящему любила бабушку. Анята (так звали ее в семье) переехала в Москву вслед за дорогой для нее семьей Загурских, когда у бабушки отобрали дом и она едва сводила концы с концами. Анята вынуждена была устроиться домработницей к другим хозяевам и проработала у них долгие годы.

В молодости Анята была очень живой, бойкой, смеялась, как будто кудахтала, на голове у нее была тонкая, смешная, торчащая вверх косичка. Когда Анята работала в Москве у своих новых хозяев, ее расторопностью и умением они были довольны. Но когда она заболела, то стала им уже не нужна. Тогда мама взяла Аняту к себе, и она умирала у нас дома. Анята понимала, что умирает, и говорила моей маме: «Когда я умру, похорони меня в любимом коричневом платье». Мама похоронила ее, как полагается, по христианскому обычаю.

Запомнилось мне, как мы находились у бабушки и в разгар беседы в дверь несколько раз негромко постучали. Затем дверь слегка приоткрылась, просунулась рука с длинными пальцами в белой кружевной перчатке и повесила на прибитый к стенке крючок, находящийся рядом с дверью, ключик. Мы уже знали, что это соседка Надежда Михайловна Сидорова. Она не входила из деликатности, так как не хотела мешать нашему душевному разговору.

Нам, детям, очень нравилась эта бабушкина соседка. Она была драматической актрисой и в свои почти восемьдесят лет сохраняла стройную фигуру. Одевалась она с большим вкусом в дорогие платья, на голове у нее красовалась бархатная шляпка, изящно облежавшая голову, черты лица были тонкие, благородные. Она получила хорошее воспитание: окончила Институт благородных девиц и театральную школу. Она никогда громко не смеялась, всегда была сдержанна, но в то же время приветлива. Она могла улыбаться только глазами, они были удивительно красивыми. Хотя последние годы, овдовев, она жила одна, комната ее всегда была опрятна.

До последнего времени, несмотря на крайне скудное питание, Надежда Михайловна продолжала сервировать стол по всем правилам, пользоваться накрахмаленными салфетками и держаться в форме. Эта старая актриса вносила особый колорит в жизнь этой многонаселенной квартиры.

Собравшись домой, мы сердечно прощались с бабушкой в коридоре. Открыв входную дверь, она еще долго неподвижно стояла и чутко прислушивалась к нашим удаляющимся шагам.

В 1953 году нашей бабушки не стало. Ее торжественно отпевали в старинном храме Воскресенья Слоущего на Ваганьковском кладбище и там же похоронили под мраморным старинным крестом рядом с супругом Александром Загурским.

Когда мы с родственниками посещаем кладбище, то обязательно заходим в храм и подходим к иконам придела, где отпевали бабушку, молимся за упокой ее души, ставим свечи. В наших душах есть ощущение великой тайны рождения, жизни и смерти.

На Ваганьковском кладбище похоронены наши родственники. В 1992 году не стало моей мамы, ее тоже отпевали в церкви на Ваганьковском кладбище.

Я не стала полностью религиозным человеком, выполняющим церковные обряды, но при входе в храм я испытываю священный трепет, верю в намоленное пространство церкви, в ее тайну. Если бы с рождения в меня вошла вера, я стала бы по-настоящему верующим человеком. Но я родилась и формировалась в атеистической стране. Тем не менее вера живет в глубине моей души.

Смерть И.В. Сталина и разоблачение его культа личности

Празднование 70-летия со дня рождения Великого Вождя

Мои школьные годы прошли в период культа личности Сталина. Атмосфера в школе была такова: Сталин вдохновлял нас во всех наших делах. На всех общественных мероприятиях на стене висел большой портрет вождя, вокруг него группировалась администрация школы и наши учителя. Учащиеся безропотно выполняли их распоряжения. Вся атмосфера была проникнута коммунистической идеологией. Мы были единой коммунистической организацией. Инакомыслие ее членов не допускалось. За любые идеологические проступки и неповиновение детей исключали из школы.

В 1949 году отмечалось 70-летие со дня рождения Сталина. В честь юбилея из разных уголков земли великому Сталину поступало несметное количество подарков. По примерным подсчетам их оказалось около 100 тысяч. Самые примечательные были выставлены в Музее Революции (Тверская ул., ранее ул. Горького — прим авт.). Будучи 11-летним ребенком, я вместе с классом посетила эту знаковую выставку, размещенную в 17 залах. Чего там только не было! В музее возвышалась огромная фигура Сталина, вокруг нее 250 его фигур поменьше и около 500 бюстов.

Запомнился макет дома Джугашвили в его родном Гори. На выставке были сервизы из тончайшего фарфора, курительные трубки, малахитовый письменный прибор, серебряные шахматы из Перу, из Китая были присланы нефритовые вазы, черная лаковая ширма. И, конечно, выставку украшали 800 ковров ручной работы. На них были вытканы сюжеты из жизни Сталина.

Нас, детей, тронули детские рисунки с сюжетами о Сталине, мы внимательно и с восторгом их рассматривали. Таковы были проявления культа личности Сталина!

Выдержав большой конкурс (из 100 человек приняли только 10), я поступила в Студию художественного слова Городского дома пионеров на Стопани. Как мы гордились, что девочка из нашей студии по фамилии Кондарова преподносила цветы самому вождю на Красной площади во время демонстрации! В студии постоянно читали стихи, посвященные Сталину. Наше поколение восхищалось личностью Сталина, произнося со сцены слова:

*Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе!*

В процессе занятий я поняла, что дети большую часть времени готовятся к выступлениям на партийных мероприятиях, а мне хотелось заниматься чтением русской классики. Я перешла заниматься художественным словом в Центральный дом детей железнодорожников.

Жизнь самого Сталина и Центрального комитета компартии была для нас совершенно закрыта. Мы могли только выполнять распоряжения, поступающие сверху. Нельзя было даже подумать о критике распоряжений правительства, за это грозила тюрьма. Никто этого не смел делать. Нас воспитывали в духе преклонения перед личностью Сталина. Мы даже не могли представить себе жизнь нашей страны без этого вождя.

В такой обстановке наступил момент, когда на всю страну сообщили о тяжелой болезни И.В. Сталина. Каждый день сообщали по радио и во всех средствах массовой информации, публиковали бюллетени о состоянии здоровья вождя. На переменах в школе мы собирались группами обсуждать эту тревожную для всех нас новость, а дома с замиранием сердца прислушивались к сообщениям из репродуктора.

И вот свершилось: 5 марта 1953 года последовало сообщение о смерти Сталина. Весь народ был в оцепенении: «Что будет со страной дальше?! Она прекратит свое существование, нас уничтожит мировой империализм?! Нет, этому не бывать!» Так думали стойкие советские люди.

Была объявлена дата прощания со Сталиным в Колонном зале Дома Союзов. Желающих попрощаться с вождем было великое множество. Несмотря на предпринятые меры со стороны правоохранительных

органов, людской поток превратился в неуправляемую массу. В эти дни погибло много людей. Чуть не погибла в этом месиве моя сестра Тамара. Она упала в неуправляемой толпе на Трубной площади. К счастью, сзади нее оказался мощный мужчина. Он приподнял хрупкую девушку над толпой и посадил на высокую ветку дерева, оказавшегося, к счастью Тамары, на обочине площади. Потом ее с превеликим трудом опустили на землю, и она побежала, увлекаемая толпой. Она единственная из семьи дошла до Колонного зала и попрощалась с вождем.

Большинство людей не знало, что 5 марта, в день смерти Сталина, в проезде Художественного театра скончался великий русский композитор С.С. Прокофьев. Людям было не до композитора.

В эти траурные дни я запомнила маму. Она стояла у окна и горько плакала. Я подошла к маме со словами утешения: «Мама, не плачь, ну не надо... Не надо». И вдруг она неожиданно для меня прошептала с ненавистью: «Умер душегуб... Сколько стубил молодых жизней. В нашей семье трое: Риду, Гертеля, Гришу... Ведь они ни в чем не виновны!»

Прошел этот траурный день, больше мама не упоминала имени Сталина. На наше отношение к бывшему вождю она никак не влияла, у нас постепенно формировалось собственное отношение к действительности.

Повзрослев, я стала связывать имя Сталина с тяжелыми для нашей семьи годами репрессий. Никак не могла предположить, что в нашей семье были неизвестные страницы, связанные со Сталиным.

Минули многие десятилетия с тех тяжелых для страны времен сталинских репрессий. Читаю написанную моим двоюродным братом Михаилом Шпаниным книгу «Неизвестное об известном горско-еврейском этнографе» (Лондон, Russian Media House, 2010). И вдруг черпаю из книги сенсационные для меня сведения о Сталине и прямом отношении моих близких родственников к переломному событию в жизни Сталина.

В те далекие времена брат моей бабушки Марии Савельевны — Владимир Савельевич Вейншал жил вместе со своей семьей в Баку. Он пользовался репутацией одного из лучших врачей города. Именно поэтому экстренно среди ночи привезли к нему с огнестрельным ранением Иосифа Джугашвили. Владимир Савельевич безотлагательно провел на дому сложную операцию, спасшую жизнь пациенту. Вся семья выхаживала его в

течение десяти дней. Только потом семья узнала, взяв в руки газету, что Иосифа Джугашвили разыскивает полиция за участие в вооруженном налете с целью грабежа. Позже родственники узнали, что Иосиф Джугашвили — Сталин — стал могущественным вождем всей страны, подверг жестоким репрессиям миллионы невинных людей. Тогда Владимир Вейншал пожалел, что спас своего пациента от смерти. Сталин жестоко отплатил потомкам за проявленное к нему милосердие.

Переезд в НОВЫЙ ДОМ

В 1955 году мы получили новое жилье в том же переулке, напротив нашего дома. По сравнению с вечно протекавшим холодным деревянным домом со сквозными щелями и печным отоплением новая квартира была хорошим подарком. Правда, в ней из крана текла только холодная вода, не было ванны, но было паровое отопление.

Благо баня была близко — на Землянке, в Тетеринском переулке, напротив известного местным жителям Тетеринского рынка. Ветхую мебель перенесли из старого дома, ничего нового в то время купить не могли.

Грустно было, идя по переулку, наблюдать разрушение нашего низенького ветхого дома, такого дорогого по нашим воспоминаниям. Еще долго-долго сверкали белые изразцы любимой печки, очага нашей многолетней незабываемой жизни в этой лачуге. После слома старого был выстроен многоэтажный стандартный дом, и очарование этого места для нас исчезло.

После переезда в новую квартиру жизнь продолжалась, и каждый из членов семьи обрел в ней свое место. Мама оставалась сердцевиной нашей семьи, папа продолжал работать преподавателем статистики. Мария устроилась на работу в Управление швейной промышленности экономистом. (В нашей семье было четыре экономиста: папа, Мария, Гирей и я, и только одна художница — Тамара.)

Студенческие годы Тамары Анисимовой

Тамара, преодолев большой конкурс, поступила в 1953 году на факультет монументальной живописи в Московское высшее художественно-промышленное училище (б. Строгановское). На курс взяли всего несколько самых талантливых молодых людей из сотен желающих связать свою жизнь с искусством. Молодежь гордилась поступлением в один из престижнейших вузов страны. Еще бы! Там преподавали замечательные мастера, выдающиеся художники: С.В. Герасимов, Г.М. Коржев. Их работы находятся в постоянной экспозиции Третьяковской галереи.

Студентам давали глубокие разносторонние знания. Они серьезно изучали историю искусств, им читала этот предмет замечательный искусствовед, автор множества монографий Данилова. В Строгановском училище была собрана представительная библиотека по истории искусств, студенты активно пользовались ее фондами, вновь и вновь перечитывая книги о великих мастерах прошлого. Серьезно изучали философию, читали произведения русской и зарубежной классики. Кроме того, посещали лучшие спектакли московских театров, и в первую очередь насыщали свои юные души классической музыкой.

В те годы, как и во всех вузах, преподавали марксизм-ленинизм и политэкономия. Не сдав успешно эти обязательные предметы, нельзя было рассчитывать на дальнейшее художественное образование. Людей, не успевающих по этим предметам, просто-напросто отчисляли из института, невзирая на их одаренность. Студенты это понимали и усердно зубрили скучные предметы, относясь к ним как к суровой необходимости.

Но страсть к искусству была превыше всего. Я помню одержимость Тамары в те годы: она буквально не выпускала из рук карандаши и кисти, почти все время делая карандашные наброски и создавая свои живописные работы на холсте.

В училище Тамара ходила в высоком темно-вишневом бархатном берете, ее платье украшал белоснежный воротничок. Своим нарядом она явно подражала художникам Возрождения. Герасимов заботливо, по-отечески трогал ее

ТАМАРА АНИСИМОВА, моя сестра, в студенческие годы

за плечо и шутил: «Как продвигаются твои дела, Рембрандт?» Тамара в ответ улыбалась в знак понимания его иронии и показывала свои работы. Герасимов делал свои точные замечания, помогавшие ей правильно завершить работу.

В Тамарин день рождения 9 января у нас особенно любили собираться ее одногруппники. Украшением праздника всегда была новогодняя елка со свечами. Вдохновителями праздника были мои родители. Мама заранее запасалась продуктами, к обычному столу всегда приставляли папин письменный стол, накрывали два стола белоснежными скатертями. В центре традиционно ставили старинное овальное блюдо с винегретом, чтобы всем хватило, нехитрые закуски, бутылки красного вина, и праздник начинался. Моим родителям доставляло большую радость видеть юные лица, озаренные весельем, душевной чистотой. На праздник приходило более двадцати человек, одалживали стулья и табуретки у соседей. Конечно, самое активное участие в застолье принимал Гирей и его неразлучный друг Владимир Беляков. Гирей иногда приглашал и других своих друзей.

Несмотря на материальные трудности, Гирей приобрел гитару. Ну как без нее! Во время этих застолий чувствовалась теплая атмосфера дома, единение душ. Исполнялось много романсов и, конечно, песен военных лет. Еще у всех были так свежи переживания прошедшей войны и радость Дня Победы!

Особенно Тамара любила романсы «Что ж ты жадно глядишь на дорогу», «Темно-вишневая шаль», «Помню, я еще молодухой была». Из военных песен самыми проникновенными были: «Бьется в тесной печурке огонь», «Ночь коротка, спят облака»... Начинала петь Тамара своим небольшим, но очень задушевным голосом, потом песню подхватывали все сидящие за столом. Гирей всегда брал гитару и тихо перебирал струны, улавливая настроение романсов и песен.

Любимым романсом папы был «Вечерний звон». Он напевал его тихо, приятным тембром бархатного голоса. Такой проникновенный романс с философским содержанием особенно был близок папе, ведь в те годы он приближался к своему 60-летию. Но ему было приятно, что сидевшая вокруг молодежь разделяет его чувства и сопереживает ему.

Мама была молчалива, она растворялась в этой проникновенной атмосфере творчества, но одновременно заботилась, чтобы все ели, удобно сидели и чувствовали себя уютно.

Но нас волновала не только музыка. Всех затрагивали события, происходившие в стране. И тут всегда много нового, интересного мы узнавали от Владимира Белякова. Он, готовясь к лекциям в институте, читал много газет и журналов на русском, немецком, французском, английском языках, был ходячей энциклопедией.

Праздничный вечер почти всегда сопровождался просмотром картин Тамары. Сестра с удовольствием показывала нам написанные ее рукой пейзажи, деревья, яркие цветы. Всюду чувствовалось настроение, свободное пространство. Она следовала постоянному наставлению С.В. Герасимова: перед тем как писать натуру, ею надо восхищаться. Тогда картина тронет сердце зрителя. Друзья и родные были постоянными и благодарными Тамариными зрителями. Молодые люди, засидевшись у нас до позднего вечера, не хотели расходиться. Такова была теплая, сердечная атмосфера нашего дома.

Мои счастливые и мимолетные студенческие годы

В 1955 году я поступила в Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Мой отец окончил этот институт в 30-е годы XX в. Он рассказывал о давних традициях вуза, об его высокообразованном преподавательском составе. Получив там фундаментальное экономическое образование, отец всю жизнь успешно преподавал статистику в высших и средних учебных заведениях.

Мне захотелось стать студенткой этого института. К семейной радости, на нашем факультете продолжал преподавать право уже очень старый профессор Д.М. Генкин. Несмотря на возраст, он продолжал читать яркие, содержательные лекции с присущим ему артистизмом. Они запомнились мне на всю жизнь. Наш вуз давал широкие и глубокие знания по экономике, философии, психологии, высшей математике, иностранным языкам и др.

Кроме того нам, студентам, нравилось само здание института эпохи модерна: его большой холл, верхние галереи, с которых можно было видеть оживленную толпу студентов, спешащих в многочисленные аудитории института. Там был просторный актовый зал для проведения торжественных мероприятий, концертов, студенческих вечеров. Я была активным участником самодеятельности: читала отрывки из произведений русской классики, даже участвовала в самодеятельных спектаклях. Среди институтов Замоскворечья наш славился красивыми девушками-студентками. Недаром на наши вечера приходили мальчишки из МИФИ. В институте было такое шутивное высказывание: «В Плехановском учатся красивые девочки, в Физтехе — умные мальчишки».

Занятия в институте позволяли высвободить время для посещения музеев, театров, консерватории. Ни в какой период жизни у меня не было столь ярких впечатлений от соприкосновения с искусством. Это было у меня впервые.

1. Я студентка МИНХ им.Плеханова,
1957 г.

2. Участники спектакля
студенческого самодеятельного
театра. Я в середине верхнего
ряда, 1958 г.

1.

2.

Изо дня в день студенты разных факультетов спешили на лекции, семинары и в лаборатории продолжать изучение разнообразных областей знаний. Но ведущей дисциплиной был марксизм-ленинизм. В холлах и залах были развешены портреты вождей, плакаты, лозунги, пропагандирующие идеологию коммунистической партии, победу коммунизма.

В те далекие годы в холле, аудиториях и в зале можно было видеть мужчину в больших черных очках и с белой тростью. Это был всеми почитаемый доцент Михаил Иванович Лаптиков, преподававший марксизм-ленинизм. Этот слепой от рождения человек проявил большую силу воли: он научился читать по системе Брайля. Приобрел глубокие, фундаментальные знания в области марксизма-ленинизма, политэкономии, философии, психологии, овладел ораторским искусством. Он читал лекции четко, ясно и убедительно, зал был полон, студенты старательно конспектировали его лекции.

На каждой лекции он возвеличивал вождя И.В. Сталина. Студенты разделяли взгляды своего преподавателя. Закончив занятия, он, уже неофициально, доставал из потайного кармана своего пиджака фотографии своих маленьких детей, раскладывал на столе и своими чуткими пальцами трепетно гладил эти изображения. Он гордился своим отцовством. Студенты относились с симпатией и уважением к этому мужественному человеку. Так закончился наш первый год обучения марксизму-ленинизму.

Приближался XX съезд Коммунистической партии. Этот съезд состоялся в феврале 1956 года. На нем резко осуждался культ личности И.В. Сталина и жестокие репрессии 30-х годов, повсеместный политический террор, массовые расстрелы и аресты, ложные обвинения в контрреволюционных преступлениях.

В Плехановском институте заканчивался второй семестр учебного года. На лекциях по политэкономии и марксизму-ленинизму сразу перестали восхвалять И.В. Сталина. А в первом семестре 1957 года курс преподавания марксизма-ленинизма и политэкономии в корне изменился: теперь тот же преподаватель М.И. Лаптиков вместо восхваления великого вождя стал активно разоблачать его репрессивные меры, повсеместно введенные в нашей стране в 30-е годы XX века.

Я – старшекурсница, 1958 г.

Для нас 18–19-летних молодых людей, только-только вступающих в жизнь, такие перемены мировоззрения у преподавателей были шоком. После окончания лекции мы сидели в зале в полном оцепенении, полностью духовно опустошенные. За все предшествующие годы мы привыкли к портретам И.В. Сталина, ко всей идеологической атрибутике детских лет. Мы выросли на этой идеологии, были в ней уверены. Мы считали, что только она может привести всех нас к светлому будущему — коммунизму и защитить от враждебного мира империализма. И вдруг вся наша идеология была разрушена. Как жить, к чему стремиться? В душе возникла пустота и неопределенность. Так прошел 1957 год.

Летом нашу студенческую группу послали на учебную практику в Горький. Повезло, меня поселили в доме на берегу Волги, вблизи памятника Чкалову с высокой лестницей, ведущей к монументу героя. Нас гостеприимно приняла семья Масловых. Там были две девочки — наши ровесницы. Но нас удивило, что глава этого семейства, активно интересовавшийся политикой и не выпускавший из рук газет, все время критиковал Н.С. Хрущёва, называл его кукурузником, никчемным руководителем государства. Во мне, воспитанной на почитании к власти и сдержанности, это вызывало осуждение. Ведь даже после разоблачения культа личности Сталина во многих людях, как и во мне, по-прежнему сидел страх наказания, репрессий. Хозяин же был другой психологии. Он уже этого не боялся.

Дружба с тетей Гюль-Бике

Моя жизнь стала намного ярче, содержательней, когда я стала близко общаться с тетей Гюль-Бике, родной сестрой отца. Имя Гюль-Бике в переводе с горского означает «княжна цветов». Она была настолько хороша собой, что родители называли ее золотой куколкой. В детстве у Гюль-Бике проявились артистические способности и художественная одаренность. Она с большим успехом выступала в домашних спектаклях и сама их художественно оформляла. Повзрослев, Гюль-Бике участвовала в самодеятельных выступлениях в Махачкале и Баку.

Она была незаурядной женщиной: окончила на Кавказе гимназию с золотой медалью, получила медицинское образование по специальности врач-стоматолог. Гюль-Бике была признанной на Кавказе красавицей, она даже получила приз за красоту. Гюль-Бике была высокого роста, фигура была правильных пропорций. На лице выделялись большие карие глаза, рот был красиво очерчен, зубы были ровные, белоснежные. Нос у тети был крупный, орлиный, что придавало ей своеобразие и горделивый облик. Лицо обрамляли густые каштановые волосы, в юности она носила две длинные косы ниже пояса.

Гюль-Бике была принята в Институт кинематографии в г. Москве и успешно его окончила. После окончания вуза снималась в целом ряде фильмов: «Борьба за “Ультиматум”» (1923 г., реж. Бассальго), «Комбриг Иванов» (1923 г., реж. Разумный), «Медвежья свадьба» (1925 г., реж. Эггерт), «Процесс о трех миллионах» (1926 г., реж. Протазанов), «Саламандра» (1928 г., реж. Г. Рошаль), «Тихий Дон» (1930 г., реж. О. Преображенская, И. Правов).

Затем Гюль-Бике вышла замуж за врача с частной практикой и оставила съемки. Примерно через лет десять она овдовела. Гюль-Бике освоила прикладное искусство художника по тканям и преподавала в Московском Доме Ученых РАН.

В годы войны Гюль-Бике была эвакуирована в Среднюю Азию. Там она рисовала агитационные плакаты, занималась всевозможной художественно-оформительской работой.

После возвращения из эвакуации она часто навещала нашу семью. В нашей многонаселенной квартире сразу обратили внимание на красивую, со вкусом одетую статную женщину с изысканными манерами. Ко мне, маленькой девочке, подходили и просили: «Когда придет Гюль-Бике, скажи нам». Когда она появлялась в нашем доме, соседи как бы невзначай приходили к нам то за солью, то за спичками. Собственных детей у Гюль-Бике не было, поэтому она нас любила и была привязана ко всей нашей семье.

Как-то, придя к нам, Гюль-Бике подарила старшей сестре Марии большой белый шерстяной свитер. В дальнейшем этот свитер переходил от старшей сестры ко всем детям, и все время давал усадку. Наконец, по очереди он дошел до меня. Я получила его от Тамары. Свитер уже был жестким и маленьким, и я прозвала его железной фуфайкой. Я еле в него влезала, но он был необыкновенно теплым и все детство спасал меня от холода.

Одним из первых мест, куда я стала самостоятельно приезжать, был дом Гюль-Бике. Особенно мне запомнился период новогодних елок в Колонном зале Дома Союзов. Ведь Гюль-Бике в 50-е годы была художником-оформителем этих великолепных елок. По ее эскизам изготавливались снежинки, кокошники, некоторые костюмы и очень важные для тех лет нарядные упаковки для подарков, наполненных недоступными для многих детей дорогими шоколадными конфетами, мандаринами. В эти зимние морозные дни мы выходили из дома Гюль-Бике на улице Огарева (ныне Газетный переулок) и, пешком пересекая ул. Горького (Тверская ул.), шли к Дому Союзов.

Однажды, раздевшись и поднимаясь по парадной лестнице, мы столкнулись с самой Снегурочкой — актрисой Людмилой Пироговой. Тетя Гюль-Бике даже представила ей меня. В этот момент детскому счастью не было предела! Пройдя через множество сверкающих новогодних залов, мы оказывались в просторном фойе буфета. Купив бутерброды и стаканчик воды, Гюль-Бике оставляла меня смотреть представление, а ее царственная фигура исчезала в служебном помещении за зеркальной дверью. После представления я получала вкусный новогодний подарок и с радостными впечатлениями ехала домой.

ГЮЛЬ-БИКЕ ЩЕРБАТОВА
(АНИСИМОВА),

сестра моего отца, актриса немого кино

Наша родственница Анна Ивановна Анисимова

Во времена детства и юности запоминающейся папиной родственницей была Анна Ивановна. Она частенько приезжала к нам из Тарасовки, что находится недалеко от Москвы. Было ей тогда лет около восьмидесяти. Для своего возраста она была очень шустрая, хотя и с плохим зрением. Носила Анна Ивановна гладкую прическу с маленьким пучком.

Придя к нам домой в выходные дни, она долго рылась в своей авоське, потом наконец находила свою старую записную книжку с вложенным в нее потрепанным листочком, сложенным вчетверо, старательно его развертывала, чтобы не порвать, гладила, а потом обращалась к моему отцу: «Даня! Сядь со мной рядом». Папа покорно садился, а она проводила сморщенным указательным пальцем по листочку, на котором был составлен список примерно из тридцати фамилий всех ее старых знакомых. Ведь она была в свое время депутатом поселкового совета в Тарасовке. Многим людям она оказывала помощь, а сейчас о ней все забыли. «Читай сверху! — командовала Анна Ивановна. — Кто там написан?» И папа сквозь очки, прищуриваясь, читал первую фамилию и телефон. «Давай звони! Сначала спроси об ее здоровье, о детях, внуках, о делах. Потом скажешь, что давно ничего не слышал обо мне». Сощурившись, она с лукавой усмешкой добавляла: «Скажи, что нашел у себя чисто случайно ее номер телефона и решил справиться, не звонила ли ей Анна Ивановна. Потом выразишь тревогу, мол, как я поживаю там одна».

Отец так и действовал по ее сценарию. Ему было жаль эту одинокую ветхозаветную старушку, еле доехавшую до него, и он звонил, а Анна Ивановна, затаив дыхание, слушала, приблизившись к трубке, что говорит оттуда голос. Она испытывала удовольствие и радость, что даже таким образом может напомнить о себе этим эгоистичным и равнодушным, порой, людям. Может быть, кто-то из них и навестит ее, проявит внимание и милосердие. В нашем доме для нее всегда был нехитрый обед и ласковые слова. Отец иногда ездил в Тарасовку вместе с детьми и навещал эту одинокую старушку.

VI Фестиваль молодежи и студентов в Москве

Мне было всего девятнадцать лет, время ослепительной молодости. 28 июля 1957 года в Москве состоялось открытие VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который продлился целых две недели.

Задолго до фестиваля вся Москва готовилась к этому значительному событию. Целью фестиваля было освобождение от довлеющей над всей страной сталинской идеологии. Символом молодежного форума, на который ждали прибытия делегатов от левых международных организаций, стал голубь мира, придуманный Пабло Пикассо. Фестиваль должен был объединить все демократические силы, выступающие против подготовки атомной войны, и выработать резолюцию о запрещении атомного и водородного оружия.

Специально для фестиваля композитором А. Новиковым на слова Л. Ошанина был написан Гимн демократической молодежи. К фестивалю в Москве был заложен парк «Дружба». Был построен гостиничный комплекс «Турист», гостиница «Украина». Советское правительство хотело поразить гостей количеством голубей. По всей Москве стали строить голубятни, завозить голубей из разных регионов. В итоге по всему городу стали летать стайки голубей, садиться на тротуары, где горожане подкармливали их пшеном, хлебом. Для Москвы это было новой, необычной картиной.

В домоуправлениях по всей Москве раздавали разноцветную бумагу с трафаретами, жильцы домов с энтузиазмом вырезали белых голубей, цветы и наклеивали их на стекла своих окон, выходявших в переулки, улицы и площади. Весь город был украшен флагами и плакатами. На машинах красовалась символика фестиваля — эмблема в виде ромашки с пятью лепестками, символизирующими пять частей света. В центре ромашки помещалось изображение земного шара с надписью: «За мир и дружбу». К открытию фестиваля было выпущено множество значков и козыночек с символикой фестиваля.

В день открытия Фестиваля молодежи и студентов была отличная погода. По городу двигалось торжественное шествие от Всесоюзной

сельскохозяйственной выставки до Лужников. Вся столица была охвачена этим мероприятием. Взглянуть на шествие собирались толпы народа. Самые отважные забирались на крыши домов, другие, самые ловкие, пробирались сквозь толпу прямо к шествию, приветствовали участников фестиваля поднятием рук, шумными восторженными возгласами.

Каждый день фестиваля был насыщенным: десятки мероприятий проходили на стадионах, в крупнейших концертных залах, в научных учреждениях. Происходил профессиональный обмен, завязывались контакты, переписка. В те годы получил распространение язык международного общения эсперанто. Всюду царила атмосфера свободы и открытости. Сердца оттаивали. Когда мы увидели на улицах Москвы тысячи иностранцев, с которыми можно было пообщаться, нас охватило чувство эйфории.

В те дни в кинотеатре «Ударник» состоялся кинофестиваль. На нем было представлено свыше 100 фильмов, в том числе фильм об ужасах бомбардировки Хиросимы. Впервые мы увидели замечательные фильмы, удостоенные золотой медали: «Крыша» (Италия, реж. Витторио Де Сика), «Канал» (Польша, реж. Анджей Вайда).

Для меня был памятен день, посвященный девушкам мира. В парке ЦДСА проходил бал девушек. Я была одной из сотен таких же молодых и прекрасных. Какие только танцы не исполнялись в тот вечер, сколько было красивых костюмов, сколько музыки, исполненной на разных инструментах! В разных уголках парка звучало множество разноязычных голосов. Люди все вместе, в едином молодом порыве, исполняли песни, танцы, радостно общались друг с другом. Бал закончился поздним вечером.

Молодежь во время фестиваля старалась подработать. Жили мы в те годы материально трудно, но так хотелось хорошо одеваться и выглядеть достойно! Многие студенты занимались обслуживанием самых разных мероприятий фестиваля. Работали официантами, гидами, переводчиками. Я устроилась на время фестиваля билетером в китайский цирк, дававший свои представления на ВДНХ.

Там выступали знаменитые китайские акробаты, иллюзионисты демонстрировали появление и исчезновение разнообразных предметов. Завораживало изящество исполнителей танцев в кимоно и мастерство артистов, искусно вращающих китайские тарелки на длинных палочках.

Номера сопровождалась яркой, имеющей особый колорит китайской музыкой, доставлявшей мне немалое удовольствие.

В особом фаворе на фестивале были представители черной Африки. Выделяли арабов, поскольку Египет только что обрел национальную свободу после войны. К чернокожим посланцам Эфиопии, Либерии (тогда эти страны только что освободились от колониальной зависимости) устремились журналисты и московские девушки. Хотя в советском обществе соблюдали мораль, появилось немало «детей фестиваля».

Праздничные дни пролетели мгновенно, приблизился день закрытия фестиваля. Было грустно расставаться с таким грандиозным праздником жизни. На закрытии фестиваля прозвучала тронувшая все человеческие сердца песня «Подмосковные вечера» (муз. Соловьёва-Седого, сл. Матусовского) в исполнении замечательных советских певцов Владимира Трошина и Эдиты Пьехи.

Молодежный фестиваль во многом перевернул взгляды на жизнь молодого поколения. Мы поняли, что можно жить по-другому. Фестиваль растопил лед между странами всего земного шара, разрушил образ врагов, проживающих в капиталистических странах. После фестиваля завязалась переписка с представителями других стран, 1-я Мещанская улица была переименована в проспект Мира, а наша молодежь стала более раскованной. Мы узнали много нового в области политики, науки, культуры и образования.

Среди людей, интересующихся литературой, заговорили о Хемингуэе, Ремарке. Любители живописи открывали для себя новые направления: абстракционизм, импрессионизм. Фестиваль перевернул взгляды людей на моду, манеру поведения, образ жизни: получили распространение джинсы, кеды, кепи и игра в бадминтон. После фестиваля наступило время хрущевской оттепели.

ГЛАВА IV

60-е годы XX века

Политэкономическая ситуация в стране	199
Жизнь семьи Анисимовых в 60-е годы.	204
Начало моей трудовой деятельности	
Участие актрис немого кино в реабилитации наших репрессированных родственников	210
Короткая, но такая яркая жизнь брата Гирея	222
<i>Пражские события</i>	
<i>Семья — самая большая любовь в жизни Гирея</i>	223
<i>Встреча последнего</i>	227
<i>в жизни Гирея нового 1969 года</i>	

Политэкономическая ситуация в стране

Нашей семье довелось жить в период важных и трагических событий в истории СССР. В начале 60-х годов руководителем страны был Хрущёв. За годы его правления:

- был развенчан культ личности Сталина;
- реабилитированы сотни тысяч невинных репрессированных людей;
- была проведена пенсионная реформа, коснувшаяся десятков миллионов граждан, при Хрущеве на пенсию стало возможно жить;
- в стране развернулось массовое строительство жилья, которое в народе называли хрущевками, люди впервые получали крохотные, но отдельные квартиры с совмещенным санузлом, и были безмерно счастливы;
- происходило массовое освоение целинных земель; по распоряжению Хрущёва стала повсеместно культивироваться кукуруза, невзирая на климатические условия;
- в эти годы приподнялся «железный занавес»: теперь выезжали за границу не только руководители государства и крупные чиновники, но и простые граждане.

В то же время при Хрущёве произошло трагическое событие: расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске (1962 г.). Считается, что погибли 26 человек, 56 были ранены, 7 приговорены к высшей мере наказания.

Не удалось осуществить лозунг «Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме». Нашей стране не удалось догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока на душу населения. Более того, в 1963 году начались регулярные закупки продовольствия за рубежом.

При плановой экономике люди не заинтересованы в производстве качественных товаров, отсутствует побудительный стимул — конкуренция. Технология производства часто давала сбои: сказывалось несовершенство оборудования, исходных материалов, нарушение сроков поставок комплектующих изделий. Зачастую, выполняя план, предприятия выпускали продукцию, не пользующуюся спросом, а за необходимыми

товарами были огромные очереди.

Люди тратили большую часть нерабочего времени на поиск необходимых продовольственных и промышленных товаров. В Москву со всех городов России съезжались «колбасные автобусы». На предприятиях были распространены продуктовые наборы, достававшиеся единицам из всех желающих их получить, а также выдавались единичные талоны на покупку телевизоров, пылесосов, стиральных машин, — словом, бытовой техники, которая была в страшном дефиците.

Во многих магазинах существовала запись на покупку бытовой техники. Вокруг магазина образовывалась толпа, собравшаяся на переключку, и простаивала часами — лишь так шло продвижение злополучной очереди.

Также была распространена система дифференцированных закрытых магазинов для высокопоставленных чиновников и работников более низкого ранга. Элита общества отоваривалась в специальных валютных магазинах, хотя обычным гражданам иметь валюту было запрещено. Процветала торговля из-под прилавка для знакомых и родственников за соответствующее вознаграждение.

Престижными считались импортные товары. В 60-х годах возник ажиотажный спрос на плащи из итальянской ткани «болонья». Тот, кто достал такой плащ, считался человеком, который умеет жить. Наша семья часто простаивала в многочасовых очередях в фирменный обувной магазин на Ленинском проспекте. Помню доставшиеся с боем в таких очередях изящные итальянские бордовые туфли на высоком каблуке, элегантные белые югославские туфли. Нелегальной торговлей импортными товарами занимались фарцовщики совместно с валютчиками.

Наряду с проблемами быта, неустроенностью, скудностью материального существования в стране создавались великая наука и культура. Вместе со всей страной мы радовались достижениям в освоении космоса. Первый в мире космический полет был совершен Ю.А Гагариным 12 апреля 1961 года. Длительность полета 1 час 48 минут, космический корабль совершил оборот вокруг Земли. Страна ликовала. Полет доказал возможность пребывания человека в космосе. Гагарин был горд: «Я безумно рад, что моя любимая отчизна первой в мире совершила этот полет, первой в мире проникла в космос».

Главные печатные издания пестрели заголовками: «Человек в космосе», «Свершилось! Народ ликует! Герою космоса УРА!» В то же время имя инициатора полета, главного конструктора С.П. Королёва было засекречено. Позже стало известно, что Королёв был арестован в 1938 году по обвинению во вредительстве, а в 1957 году был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Герман Титов совершил космический полет, продлившийся уже более суток, сделав 17 оборотов вокруг Земли на космическом корабле «Восток-2». Женщина-космонавт В. Терешкова совершила космический полет в 1963 году на космическом корабле «Восток-6». Полет продолжался около 3 суток. Корабль совершил 48 оборотов вокруг Земли.

Масштабным событием был первый в мире выход космонавта Леонова в открытый космос в марте 1965 года. Во время полета корабля «Восход-2» А. Леонов в скафандре вылез через шлюзовую камеру и 20 минут находился вне стен корабля.

В полетах происходили и нештатные ситуации, но об этом не было никакой официальной информации. Со всем народом мы переживали гибель космонавта В.М. Комарова, погибшего 24 апреля 1967 года на трехместном корабле «Союз-1».

В марте 1968 года весь мир облетела страшная весть: Юрий Гагарин погиб в авиационной катастрофе, выполняя учебный полет на самолете «МИГ-15» под руководством опытного конструктора В.С. Серёгина.

В 60-е годы особой гордостью было появление поколения творческих людей мощного дарования, перенесшего все тяготы военных лет, нужду, холод, голод, потерю своих близких. Эти люди были свидетелями развенчания культа личности Сталина. Они поднимали дух всего общества, были очень искренними, с чистой душой, верили в светлое будущее — построенное коммунистического общества.

В их первых рядах находилась четверка выдающихся поэтов, чьи голоса звучали на всю страну. Они осуждали культ личности Сталина, их идеалом был В.И. Ленин. Эта тема явилась главной в поэзии Е. Евтушенко. Страстным защитником коммунистических идей был Роберт Рождественский. Крупным поэтом-шестидесятником стал поэт-новатор А. Вознесенский, использовавший нетрадиционные размеры в стихосложении и новую

лексику. Среди этой четверки была и женщина — поэт Белла Ахмадулина: красивая, хрупкая, с проникающим в самую душу голосом.

Их поэзия определяла духовную высоту устремлений лучших людей того времени. Стихи тогда звучали везде: на стадионах, у памятника Маяковскому, в залах Политехнического музея. Впервые поэтическое слово было обращено к простым людям, к их повседневной жизни, к их духовному миру. В стихах Е. Евтушенко есть такие строки: «Людей неинтересных в мире нет».

Творчество этих поэтов повлияло на развитие особого жанра: песни, исполняемой автором с особой, присущей только ему задушевной интонацией, сопровождаемой переборами струн гитары. Самыми выдающимися в жанре авторской песни были Б. Окуджава, В. Высоцкий, А. Галич, Т. и С. Никитины. Такая манера исполнения стала распространяться и среди простого советского населения: во многих домах за дружеским застольем стали выступать авторы самодеятельных стихов, перебирающие струны гитары.

В этот период наблюдался расцвет песенного творчества советских композиторов: Колмановского, Пахмутовой, Тухманова и др. Слова песен писали замечательные поэты: Ошанин, Добронравов, Рождественский. Эти песни проникают глубоко в человеческую душу. Миллионы людей любили эти песни, они сопровождали их в повседневных радостях и горестях.

Исполнители песенного творчества также были личностями выдающимися. К. Шульженко вживалась в каждую песню. У нее был небольшой, но такой завораживающий бархатный голос, актерский талант перевоплощения, проявлявшийся в каждой песне, и конечно, невероятно красивая и выразительная пластика рук.

На миллионы людей огромное впечатление произвело исполнение песен Л. Зыкиной «Течет Волга», «Оренбургский пуховый платок», «Милая мама», «А годы летят». Она была воистину великой певицей с неповторимым тембром голоса. Она выражала душу русского народа во всей полноте человеческих чувств.

В 60-е годы расширились мировоззренческие границы. Появились культовые фигуры зарубежных политических деятелей: Ф. Кастро, Че Гевара, и крупных писателей, таких как Эрнест Хемингуэй, Эрих Мария Ремарк, Бертольт Брехт.

Огромную роль в жизни интеллигенции играл литературный журнал «Новый мир». С 1958 по 1970 год он редактировался А. Твардовским. «Новый мир» стал главным рупором шестидесятников. Там были опубликованы честные воспоминания о войне В. Некрасова («В окопах Сталинграда»), Г. Бакланова («Пядь земли»), Ю. Бондарева («Батальоны просят огня»). Главным событием для журнала была публикация повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — первое произведение о сталинских лагерях. В области кинематографии появились отечественные шедевры: «Летят журавли» М. Калатозова, «Застава Ильича» М. Хуциева.

В изобразительном искусстве складывался суровый стиль. Появились замечательные картины В. Попкова «Строители Братской ГЭС», «Шинель отца», «Ой, как всех мужей побрали на войну», «Воспоминания вдовы», «Одна», «Северная песня», — эти работы стали живописным памятником всем вдовам, не дождавшимся прихода мужей с полей сражений. К этому направлению относилось также творчество замечательных художников Никонова, Андропова, Иванова.

Но далеко не все достойные произведения искусства получали одобрение и возможность показа. Так, в 1962 году художники-авангардисты из студии Белютина приняли участие в выставке в Манеже, посвященной 30-летию МОСХа. Однако после посещения выставки Н.С. Хрущёвым, который подверг резкой критике работы художников, их творчество оказалось за рамками официального искусства.

В те годы процветала борьба с «нездоровыми явлениями в искусстве» при помощи административных методов: запрещались литературные произведения, снимались с показа спектакли, картины, запрещалась музыка, не соответствующая принципам реализма. Время было крайне противоречивым.

Жизнь семьи Анисимовых в 60-е годы. Начало моей трудовой деятельности

До 1969 года жизнь нашей семьи была наполнена трудами, житейскими заботами. Мы были молоды, амбициозны: каждый в своем направлении деятельности хотел добиться успеха и уважения со стороны коллег по профессии, мы старались непрерывно совершенствоваться.

Наши родители всегда нам соперничали и помогали, чем могли, радуясь нашим достижениям и огорчаясь неудачам. Мы были с ними единым целым.

После окончания института я нашла работу экономиста на заводе литейных машин «Красная Пресня». Знания по экономике промышленности, полученные в институте, позволили мне успешно справляться с этой работой. С удовольствием я собирала экономические показатели по отдельным цехам и участкам производства, сводила их по заводу, постигала технологию производства. Эта работа стала хорошей основой для дальнейшего совершенствования в профессии. Но меня потянуло к исследовательской деятельности.

Начало было положено, когда я поступила работать в патентный отдел Всесоюзного научно-исследовательского института автогенного машиностроения. Попала я на эту работу совершенно случайно. Вечерами я любила прогуливаться в районе Землянки по тихим живописным переулкам моего детства. Как-то я очутилась в Шелапутинском переулке. Для нашей семьи этот переулок особенно значимый. Там находился известный во всей округе родильный дом им. Клары Цеткин. В нем у мамы с папой родились все дети: Мария, Александр, Гирей, Тамара и я. Только мамин сын от первого брака Георгий родился в Ирбите Свердловской области.

Прогуливаясь в очередной раз по этому переулку, я обратила внимание на необычный дом, огороженный чугунной решеткой, поодаль от нее располагался невысокий бледно-желтый старинный особняк, на нем висела табличка «Всесоюзный научно-исследовательский институт автогенного машиностроения» (ВНИИАВТОГЕНМАШ). Позже я узнала, что

когда-то дом принадлежал крупному миллионеру и меценату XIX века И.А. Шелапутину. Я объяснила охраннику, находившемуся в будке рядом с чугунными воротами, что ищу работу экономиста, и попросила, чтобы меня направили в отдел кадров.

Начальник отдела кадров отнесся ко мне неожиданно благосклонно и внимательно, стал расспрашивать о полученном образовании, направлении моей трудовой деятельности, рассказывал о возможных перспективах работы в институте. Меня заинтересовали новые возможности, и на следующий день, захватив документы, я оформилась на работу инженером-экономистом патентного отдела.

Начальница отдела Александра Львовна Ландкоф сразу произвела на меня впечатление умного, всесторонне образованного интеллигентного человека, глубоко вникающего в свою профессию. Моей задачей было принимать участие в проведении экономических обоснований проводимых в институте разработок, заниматься информационной деятельностью: знакомить разработчиков с новыми изобретениями и открытиями в области автогенного машиностроения. Вместе с сотрудниками института я часто ездила в патентную библиотеку и в находившийся рядом Институт патентной экспертизы.

Много лет от метро «Таганская» я доезжала до Киевского вокзала и даже не подозревала, что мой будущий избранник, известный художник А.И. Писарев, живет в Доме художников, выходящем прямо на площадь Киевского вокзала, и что я проживу в этом доме большую часть своей жизни. А в те далекие 60-е годы, доехав до площади Киевского вокзала и сев на троллейбус №34, я ехала трудиться в Патентную библиотеку.

Работа в патентном отделе позволила мне понять процессы зарождения идеи, технической разработки и завершения формирования технической сущности изобретений, предполагающей технико-экономическое обоснование его значимости. Последним я занималась. Там я приобрела ценный багаж знаний для моей дальнейшей работы.

В эти годы мой брат Гирей, будучи молодым талантливым ученым, уже руководил сектором научно-технического прогресса в Институте экономики Академии наук. При встрече он живо интересовался моей работой, так как занимался теми же проблемами, но в совершенно иных, глобальных

1.

1. Я в 1960 году

2. Мое счастье быть
вместе с родителями,
1960 г.

2.

масштабах. Обсуждая с ним экономические проблемы изобретений, я была уверена, что в дальнейшем смогу осуществить совместно с братом много полезных, необходимых работ в области экономики изобретательства. Но, к большому сожалению, сбыться этим планам было не суждено.

Мне было двадцать шесть лет, когда я встретила своего первого мужа Юрия Гостева. Это был весьма привлекательный молодой человек: блондин с большими голубыми глазами, интеллигентными манерами. Он заканчивал филологический факультет, испанское отделение Московского государственного университета, владел в совершенстве испанским и немецким языками. Служил в Советской армии в Германии. Кроме того, у него был красивый, сильный голос. Особенно он любил исполнять неаполитанские песни. Я была очарована этим юношей. Чувство любви, как мне казалось, было взаимным, и мы поженились.

Церемония бракосочетания проходила в самом модном в Москве Дворце бракосочетания на ул. Грибоедова. Присутствовали все мои близкие родственники. Во Дворец приехала даже тетя Гюль-Бике и ее супруг Николай Андреевич Новицкий при полном параде, с многочисленными орденами. Гирей был счастлив, что я обрела супруга, Юра тогда ему очень нравился.

Как принято было на свадьбах, Юра нес меня по двору на руках. Но увы! Счастье оказалось недолгим — через два года мы расстались. В совместной жизни оказалось, что мы были совершенно разными людьми. Детей у нас за это время не появилось, поэтому расставание было не столь болезненным. Жизнь на этом не останавливалась. Она шла дальше.

Мое бракосочетание с первым мужем Ю.Н. Гостевым, 1965 г.

На фотографиях запечатлены дорогие мне гости:
ГИРЕЙ, ГЮЛЬ-БИКЕ, ее супруг НИКОЛАЙ НОВИЦКИЙ, 1965 г.

Участие актрис немого кино в реабилитации наших репрессированных родственников

Как уже говорилось, мои ближайшие родственники попали под «каток» так называемого Большого террора, начавшегося с назначения на пост главы НКВД Н.Е. Ежова. Этот террор начался в июле 1937 года и продолжался до сентября-ноября 1938-го. За эти годы по всем видам «преступлений» было арестовано 1,5 млн человек, из них 700 тысяч приговорено к расстрелу. Это были люди с собственным мнением, цвет интеллигенции. Репрессиям нет оправдания.

1937 год острой косой прошелся по нашим близким родственникам: родной сестре моей мамы — балерине Ираиде, ее мужу, кинорежиссеру Казимиру Гертелю и маминому родному брату Григорию. Ираида была обвинена в шпионаже и расстреляна в возрасте 37 лет. К. Гертель был расстрелян в 1938-м, ему было 49 лет. А мамин брат Григорий был схвачен за рассказ пустяшного анекдота и сослан на Соловки, где погиб в возрасте 34 лет.

Массовая юридическая реабилитация незаконно репрессированных людей началась в результате работы комиссии П.Н. Поспелова. В 1954–1961 гг. за отсутствием состава преступлений были реабилитированы около 750 тысяч человек.

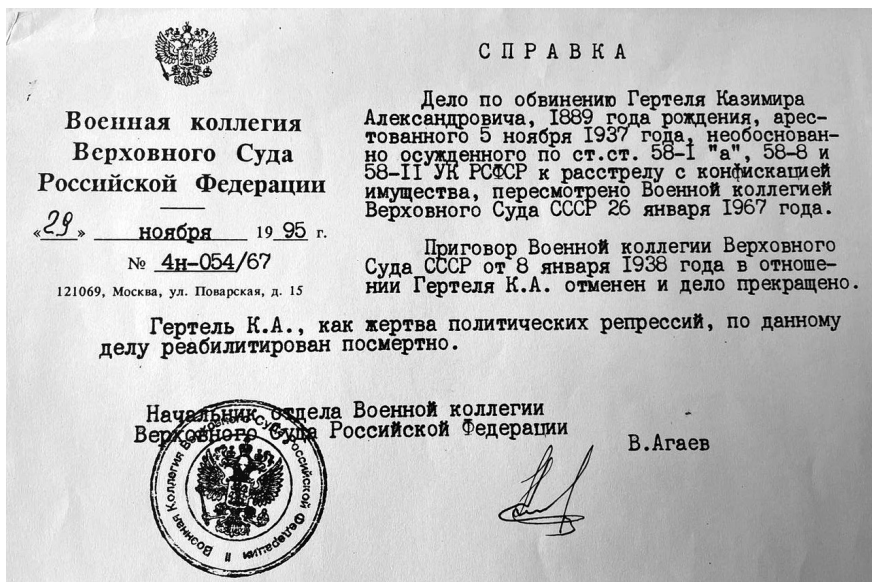
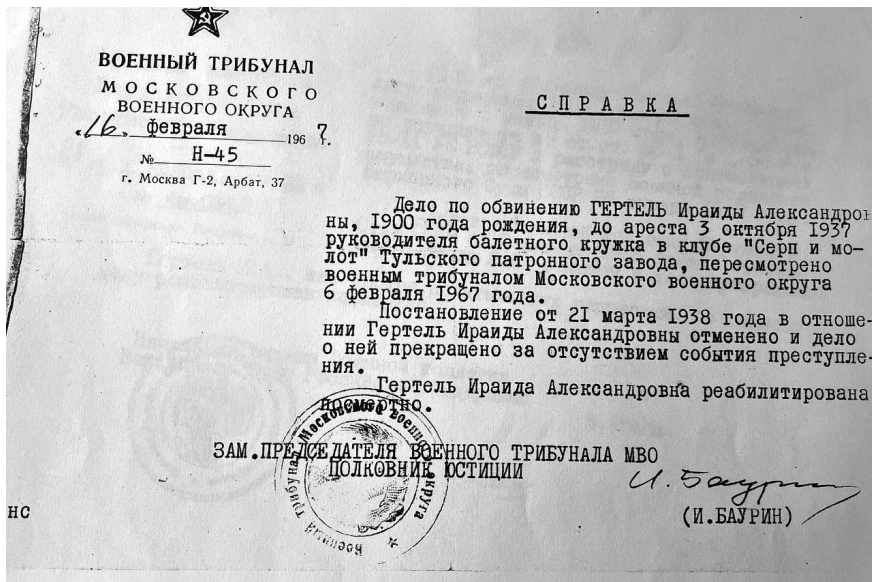
Всех моих незаконно репрессированных близких родственников признали невиновными за отсутствием состава преступлений. Это произошло в 60-х годах XX века.

В подготовке документов на реабилитацию принимал активное участие мой сводный брат со стороны матери Георгий Евгеньевич Самойлов. Вместе с ним мы подписывали документы у киноактрис немого кино, работавших с Казимиром Гертелем и Ираидой Загурской и хорошо их знавших.

В защиту моих пострадавших родственников свою подпись поставила близкая подруга тети Гюль-Бике — Мария Арнольдовна Арнази, снимавшаяся в фильмах немого кино «Пропавшие сокровища» (1924), «Буревестники» (1924), «Хозяин четырех скал» (1923), «Комбриг Иванов» (1923), «Саламандра» (1928).

Подписывать документы на реабилитацию я ездила с братом Георгием

и к известной актрисе немого кино Тамаре Фёдоровне Адельгейм. Она была племянницей известных театральных актеров Роберта и Рафаила Адельгеймов. Снималась в фильмах «Аэлита» (1924), «Блуждающие звезды» (1926), «Хочу быть летчицей» (1928), «Пять невест» (1929), «Золотой ключик» (1939).

Тамара Фёдоровна проживала в 60-е годы на Кутузовском проспекте в монументальном доме рядом с кинотеатром «Пионер». При встрече Тамара Фёдоровна произвела на меня впечатление своими интеллигентными, изысканными манерами и, конечно, завораживающим тембром голоса. Она выглядела пожилой, представительной дамой невысокого роста, но с величественной благородной осанкой.

Она показывала много своих фотографий с партнерами по съемкам. Вспоминала Гертеля и Ираиду, очень сожалела об их незаслуженно трагической жизни. После первой встречи у меня на долгие годы сложились дружеские отношения с этой умной, талантливой женщиной.

Следует более подробно рассказать об интересной судьбе Тамары Фёдоровны. В последние годы жизни она материально нуждалась, поэтому сменила за приличную доплату роскошную квартиру с лепниной и высокими потолками на скромную однокомнатную квартиру недалеко от Киевского вокзала. Я стала ее соседкой по Брянской улице.

Часто бывая у нее, я узнала, что Тамару Фёдоровну долгие годы связывали близкие отношения с выдающимся советским писателем А. Фадеевым, автором романов «Разгром», «Молодая гвардия», «Последний из Удэге» и др. Дома у Тамары Фёдоровны постоянно висел портрет А. Фадеева, а в заветном ящичке хранились адресованные ей сердечные, проникновенные письма, написанные его рукой. На склоне лет она передала эти письма и личные вещи писателя в село Чугуевка Приморского края, где был открыт мемориальный музей А. Фадеева.

А.А. Фадеев с матерью и отчимом переехал на Дальний Восток в 1908 году. О малой родине он писал так: «Лучшие годы детства и юности связаны у меня с Чугуевкой». В течение своей жизни он продолжал общение и оказывал помощь односельчанам.

Инициативу создания Дома-музея А. Фадеева в Чугуевке поддерживали А. Твардовский и К. Симонов. Свою посильную лепту в создание

ТАМАРА ФЕДОРОВНА АДЕЛЬГЕЙМ и мой сводный брат ГЕОРГИЙ

дома-музея внесла Т.Ф. Адельгейм.

В 1966 году в газете «Советская культура» было опубликовано обращение к общественности: «Надо помочь музею Фадеева, дом-музей открыт, но очень небольшое количество экспонатов и плохое оформление вызывает законную тревогу. Нет, совсем другим должен быть Фадеевский музей». Это обращение было за подписями народных артистов СССР Н. Охлопкова, С. Герасимова, Т. Макаровой, народного художника В. Серова, поэтов Р. Рождественского, А. Безыменского и актрисы Т. Адельгейм.

К 70-летию А. Фадеева была открыта первая экспозиция. В настоящее время музей насчитывает более 20 000 экспонатов (2018 год).

В самом конце жизни Тамаре Фёдоровне трудно было жить одной в своей квартире, и она переехала, как актриса, имеющая значительные заслуги перед страной, в элитный Дом ветеранов сцены в Матвеевском. Проживание и общение с кинематографистами ей нравилось. Вскоре она захотела из Дома ветеранов поехать по санаторной путевке в Крым. На обратном пути в железнодорожном вагоне с ней случился тяжелый

сердечный приступ. Ее высадили с поезда на ближайшей станции и отправили на скорой помощи в ближайшую больницу. Там она и скончалась. Оказалось, что перевозить в Москву ее останки некому. К тому времени супруг ее покоился в захоронении старых большевиков в Переделкино, детей у нее не было. Так похоронили ее не вместе с мужем, как она завещала, а на безвестном сельском кладбище. Такова ее судьба.

Добрым словом хочется вспомнить актрису немого кино С. Окерман. Она также поставила свою подпись в защиту Гертеля и Ираиды.

Эта женщина со следами былой красоты жила на Пушкинской улице вблизи дома, где жил мой сводный брат Георгий. У Окерман была неумная страсть к кошкам. В ее квартире их обитало несметное количество! Она их жалела и бездомных подбирала с улицы. Вероятно, ближайшие соседи страдали от этой страсти. У меня эта старая актриса вызывала чувство жалости. Как же она была одинока, чтобы находить такое утешение в жизни.

Восстанавливая добрые имена Гертеля и Ираиды, я общалась с уходящим поколением — актрисами немого кино. Знакомилась с их образом жизни, манерами поведения, с сердечной заинтересованностью в судьбах других людей. Я старалась запомнить эти черты. За ними шли люди другой культуры и воспитания.

Памятным событием для всей страны был 50-летний юбилей ВГИКа. Первая в мире Государственная школа кинематографии была основана 1 сентября 1919 года. Она помещалась в двух комнатах бывшей частной квартиры, находившейся на углу Советской площади и Тверской улицы. Студентов-актеров тогда называли кинонатурщиками, их обучали эмоциональной пластике, мимической выразительности, фехтованию, акробатике, развитию тела и гимнастике чувств. Одним из первых преподавателей был В. Туркин, возглавляли киношколу В. Гардин, Л. Кулешов, Э. Тиссе.

Как раз в тот период времени М. Арнази, Т. Адельгейм, С. Окерман, Гюль-Бике Щербатова начинали свою кинематографическую карьеру. Всем им были вручены билеты на юбилей ВГИКа в качестве почетных ветеранов. Эти актрисы находились в зале на первом ряду. Сохраняю в своем сердце благодарность этим актрисам за участие в реабилитации моих ни в чем не повинных близких родственников.

Важное место в моей жизни занимала дружба с близкой подругой тети Гюль-Бике Марией Арнольдovной Арнази. Я нередко черпала житейскую мудрость из дружбы с ней. Ее младшей сестрой была Клара Арнольдovна Хренникова, которая любила свою сестру и постоянно о ней заботилась.

Через Гюль-Бике Мария Арнольдovна подружилась на долгие годы со всей нашей большой семьей. В нашем семейном архиве сохранились ее многочисленные поздравления с праздниками, юбилеями и днями рождения. Для меня она стала близким человеком. Я часто навещала Марию Арнольдovну. Она была в курсе всех моих дел, часто мне, молодой девушке, давала дельные практические советы: как поступить в той или иной ситуации, какую одежду носить, обращала внимание на то, как я выгляжу и т.д.

Мария Арнольдovна отличалась от многих людей: она близко к сердцу принимала то, что со мной происходит. Я многое получила от этой дружбы: впитывала, наблюдала, училась мудрости. Вспоминаю самые яркие впечатления от общения с Марией Арнольдovной, ее близкими и друзьями. Вся семья Хренниковых относилась ко мне с сердечной теплотой.

Я любила путешествовать. В те годы было трудно устроиться в гостиницу. Я поделилась с Klarой Арнольдovной своим желанием посмотреть красоты Киева. Тут же она написала записки на несколько киевских адресов: знаменитому украинскому композитору А.Д. Филиппенко, музыковедам и добрым знакомым с просьбой устроить меня на несколько дней в Киеве.

Приехав в город, я все-таки смогла попасть в гостиницу, но с удовольствием побывала в семье композитора Аркадия Филиппенко. Меня там приняли очень сердечно. Сам композитор и его супруга угощали меня, показывали трогательные фотографии творческих встреч с детьми, Аркадий Дмитриевич даже сыграл несколько коротких произведений на рояле.

Архитектура Киева, Андреевская церковь, Софийский собор, ансамбль Киево-Печерской лавры произвели на меня большое впечатление. С упоением я гуляла по высокому и живописному берегу Днепра, побывала на главной улице Киева — Крещатике.

Через несколько дней, полная впечатлений, я возвращалась в Москву с двумя коробками тортов — подарками четы Филиппенко. В этих упаковках были самые вкусные торты марки «Киевский». Одну коробку я передала Хренниковым, другую, подаренную мне, привезла домой.

Часто бывая у Марии Арнольдovны, я была свидетелем того, как она периодически разговаривала по телефону с Рахилью Мессерер, матерью Майи Плисецкой. Она была выдающейся актрисой. Мария Арнольдovна снималась с ней в ряде фильмов.

Частым гостем у нее была вдова Сергея Прокофьева Лина Ивановна. О ней говорили в семье Хренниковых. Тихон Николаевич во многом помог Лине Ивановне, когда она находилась в бедственном положении: с официальным признанием брака с С.С. Прокофьевым, с предоставлением квартиры, с финансовыми проблемами и др. Для меня было честью видеть жену С.С. Прокофьева. Сколько себя помню, всегда была почитательницей его творчества.

Увидев Лину Ивановну, я сразу ей призналась, что еще студенткой выступала длинные очереди в Большой театр на балет «Ромео и Джульетта» с Галиной Улановой в главной партии, очень нравился балет «Любовь к трем апельсинам» и, конечно, «Классическая симфония». Я знала, что Лина Ивановна находится в преклонном возрасте, но меня приятно удивили ее живость и темперамент в общении. Из разговора ясно было, что она интересуется всем, что происходит вокруг: политикой, культурой и бытовой жизнью.

Я чувствовала, что Лина Ивановна расположилась ко мне, и даже сказала комплименты в мой адрес. Выяснилось, что она проживает на Кутузовском проспекте недалеко от моего дома. Она даже пригласила меня в гости. Но, увы, встреча эта не состоялась. В разговоре она высказала свою печаль — очень скучает по детям и внукам. Хочет поехать в Англию. Через некоторое время я встречала Лину Ивановну на авторских концертах Т.Н. Хренникова.

Она выглядела элегантно дамой: невысокого роста, брюнетка с короткой стрижкой, черный костюм, сшитый хорошим портным по фигуре, легкий яркий шарфик, изящно повязанный на шее, в меру косметики, на пальцах дорогие кольца с крупными камнями, лаковая черная маленькая сумочка и на ногах лаковые туфли. Вид безупречный.

Такой я ее запомнила. Прошло время, и я узнала, что Лина Ивановна

уехала в Лондон. Больше я ее никогда не видела. И все-таки однажды мне удалось узнать, как живет Лина Ивановна, и даже передать ей привет через ее внука Сергея Прокофьева после его выступления с лекцией по антропософии.

Как-то, находясь в гостях у Марии Арнольдовны, я познакомилась с искусствоведом Верой Григорьевной Брюсовой. Ее покойный муж-археолог был младшим братом знаменитого поэта.

Вера Григорьевна — реставратор, доктор искусствоведения, историк русского средневекового искусства. Она объехала практически всю православную Россию, написала множество книг. Вот некоторые из них: «Фрески Ярославля XVII — начала XVIII века», «Русская живопись XVII века», «Андрей Рублёв».

Эта невысокая, скромно одетая женщина скорей напоминала работника бухгалтерии, пока не начинала говорить об искусстве. Тут впечатление от нее в корне менялось. Перед нами появлялось одухотворенное лицо, энергичные изысканные жесты. Чувствовалось в ее рассказах глубокое погружение в предмет исследования, влюбленность в иконопись. Она показывала нам иллюстрации к книге «Фрески Ярославля XVII — начала XVIII века». Под влиянием ее рассказа мы глубже, уже другими глазами смотрели на привычные книжные иллюстрации по этой теме.

Я не только запомнила эту встречу, но еще больше стала понимать русскую икону, стала чаще бывать в Музее Рублёва, в залах иконописи Третьяковской галереи.

Запомнилась мне встреча и с семьей Шерешевских. Вместе с Марией Арнольдовной мы проехали до станции метро «Смоленская» и пешком подошли к дому №35 на Арбате.

История этой семьи такова. Глава семьи врач-эндокринолог профессор Н. Шерешевский (1885–1961) был арестован по делу врачей в 1953 году. Он был женат на известной виолончелистке Анне Любошиц. Она была

участницей трио вместе с сестрой Леей и братом Петром (фортепиано). Окончила Московскую консерваторию с золотой медалью в 1908 г.

Говорили, что они выступали даже с великим Шаляпиным. Семья Хренниковых долгие годы дружила с семьей Шерешевских.

Когда я вошла в эту квартиру, у меня появилось ощущение, что я попала в музейное пространство. Стены были увешаны подлинниками старинных картин, обращали на себя внимание мраморные бюсты прошлого века. За стеклом старинных шкафов был виден старинный мейсонский фарфор. Производил впечатление бой массивных позолоченных часов XVIII века. Удивительно, как все это богатство уцелело во время революции, сталинских репрессий и войны...

Нас провели в комнату Анны Сауловны. Она сидела в глубоком старинном кресле и перебирала фотографии своих выступлений с трио и сольных выступлений. Мы с удовольствием присоединились к просмотру этих прекрасных фотографий.

Вдруг раздался тихий стук в дверь и грузной походкой вошел старинный поклонник виолончелистки с большим букетом цветов. Он поднес их своему кумиру с сильным душевным трепетом. Мария Арнольдовна и я завершили свой визит, тепло распрощавшись. Но память о посещении этого дома сохранилась в моей душе.

Однажды Мария Арнольдовна пригласила меня зайти к своей дочери Асе. Она жила вблизи станции метро «Смоленская» в знаменитом Доме архитекторов, построенном по проекту А. Щусева. Дом расположен на высоком берегу Москвы-реки. Исторически там располагалось Ростовское подворье и церковь Благовещенья Господня, построенная в XVII веке и снесенная в XX.

Там в разные годы проживали знаменитые архитекторы братья Веснины, художник Сергей Бархин, пианистка Мария Юдина. Там же снимались кадры любимого в народе фильма «Три тополя на Плющихе». Рядом находится Бородинский мост — величественное сооружение, воздвигнутое в честь победы русских войск к войне 1812 года.

*МАРИЯ АРНОЛЬДОВНА
АРНАЗИ,
киноактриса,
подруга Гюль-Бике,
свояченица Т.Н. Хренникова*

Могла ли я тогда предполагать, что, пройдя через этот мост, окажусь прямо у своего дома, где проживу целых полвека? Это произойдет, когда я выйду замуж за известного художника А.И. Писарева. Но до этого события еще несколько лет. А в тот день мы зашли со двора в один из подъездов знаменитого дома и оказались в квартире Аси Оскаровны. Мы явились без предупреждения. В те годы это еще было принято между близкими родственниками. Асю мы застали в трудах и заботах. Еще бы, ей надо было самой, без всяких домработниц, обслуживать свою многодетную семью: мужа и трех сыновей.

В те годы она была работающим человеком — юристом Министерства внешней торговли, находящегося в здании МИДа. Место работы располагалось рядом с домом, и это существенно облегчало ей жизнь.

Ася занималась разборкой, проветриванием своих многочисленных вещей и приведением их в порядок. Увидев нас, она отвлеклась от этой суеты, сразу накрыла на стол, и началась трапеза и разговоры. Она жаловалась на свой цейтнот, рассказала, что собирается уезжать по путевке в сочинский санаторий с мужем Петей, а собраться как следует нет времени.

Надо сказать, что это была своеобразная супружеская пара. Ася была крупной, красивой блондинкой с высокой пышной прической, ее супруг

Пётр — напротив, невысокого роста, стройный, с изысканными манерами. Он был образованным, интересным человеком, чиновником высокого уровня, занимался вопросами иностранного туризма. Их дружная семья жила насыщенной жизнью с широким кругом интересов. Эту супружескую пару я часто видела в театрах, консерватории, где звучала музыка Т.Н. Хренникова. У меня сохранилась добрая память об этом семействе.

Летом я поехала отдыхать на Рижское взморье. Мария Арнольдовна поручила мне встретиться с певицей, ее давней подругой, и передать ей небольшой подарок. Рига была неподалеку от моего места отдыха, и я имела возможность побывать в этом удивительном по красоте городе, где гармонично сочетаются разные архитектурные стили: готика, романский стиль, барокко, модерн.

Я с упоением рассматривала величественные соборы с высокими башнями и шпилями, любовалась зданием старой Ратуши. Большое впечатление произвела на меня величественная архитектура Домского собора, открывающаяся со стороны площади.

Мне посчастливилось побывать в этом грандиозном сооружении на органном концерте, в котором звучали произведения Баха, Генделя. Поражал сам высокий орган (25 м), декоративная резьба, гармонично сочетающая разные стили, и его летящие ввысь божественные звуки. Впечатлило и внутреннее убранство собора: сводчатые потолки, высокие стрельчатые окна, цветные витражи, таинственные фигуры святых в нишах, старинные массивные люстры, освещающие собор.

Рига разнообразна по своей архитектуре. Наряду с величественными монументальными соборами и площадями есть тихие улочки с мощеными мостовыми. Какое удовольствие бродить по ним, рассматривая декор домов, необычные формы окон, разнообразные растительные орнаменты, лепнину на фасадах, скульптуры в нишах и дома с массивными атлантами.

В этом романтическом городе я и встретила с певицей — подругой Марии Арнольдовны. Прошло более 50 лет, но встреча запечатлелась в моей душе. Я увидела эту женщину вблизи Домского собора. Солнце слепило глаза, но я смогла рассмотреть в толпе ее царственную осанку и изысканную одежду, о которой можно сказать «дорогая простота».

Мы расположились на ближайшей скамье и начали нашу встречу с обычных разговоров о погоде, о моем отдыхе, о здоровье, потом мы обменялись небольшими подарками. Я передала подарок от Марии Арнольдovны, и в ответ получила от нее «презент подруге».

И когда я подумала, что наша встреча закончилась и уже собиралась уходить, к моему удивлению, пожилая дама поставила на колени кожаную сумку и, открыв молнию, достала внушительную пачку театральных программ и фотографий ее молодости, где она позировала в образах своих оперных героинь. Некоторые программы пожелтели и обветшали, но для нее представляли непреходящую ценность.

В мои планы не входило просматривать это обилие архивных документов, но и обидеть пожилую даму я никак не могла.

— Присядьте, Маргариточка. Я расскажу вам много интересного, — промолвила она.

С этими словами пожилая дама оживилась и на моих глазах как бы помолодела, скинув с себя лет 30. Перебирая ветхие программы и фото, она с восторгом рассказывала, как пела главные партии в операх «Богема», «Травиата», «Иоланта», о своих сольных концертах, где она исполняла романсы русских композиторов: Чайковского, Прокофьева, — и западных: Шуберта, Шумана, Брамса. С ностальгией вспоминала о том, с каким восторгом принимала ее публика.

После такой пламенной речи глаза ее постепенно потухли, и в них отразилось щемящее одиночество. В этот момент мне стало очень жаль эту старую женщину, у которой все блистательное прошлое осталось лишь в воспоминаниях. Она, чтобы поделиться этими яркими впечатлениями от прожитой жизни, рассказывает это мне, тогда еще молодой девушке, даже не музыканту. Печально. Но внешне я не подала виду, что ее исповедь навела меня на печальные размышления. Напротив, сказав ободряющий комплимент, я сердечно с ней распрощалась, а приехав после отдыха в Москву, передала Марии Арнольдovне презент от ее приятельницы.

Короткая, но такая яркая жизнь брата Гирея

Пражские события

Гирей принимал близко к сердцу все, что происходило в общественно-политической жизни страны и мира. Он переживал события, происходившие в Чехословакии в 1967–1968 гг.

В декабре 1967 года к руководству компартией Чехословакии пришел Дубчек. Вступив в борьбу с консервативными партократами, он пытался создать социализм с человеческим лицом — ввести свободу печати, слова. Он разработал реформу, народ и интеллигенция ее дружно поддержали.

21 августа 1968 года положило конец реформам Пражской весны. 20 августа началась операция «Дунай». Интернациональные войска, в основном советские, в «рекордно короткие сроки взяли Прагу, захватив все стратегически важные посты и объекты». Операция продолжалась до 11 сентября 1968 года. В Праге протестующие граждане пытались воспрепятствовать движению войск, сбивали указатели и таблички с названием улиц, прятали карты Праги.

Чехи и словаки отказывались предоставлять советским войскам воду, продукты питания и топливо, с пикетами выходили на улицу. Операция «Дунай» всколыхнула общественность, разделив социалистический лагерь на согласных и несогласных. Обстановку и настроения того напряженного времени точно передал А. Твардовский в следующих строках:

*Что делать нам с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага,
И как встречала в шестьдесят восьмом...*

Настроение брата было подавленным, ведь он был в составе делегации, обсуждающей экономические проблемы СССР и Чехословакии.

К советским гражданам тогда относились враждебно, это сполна испытал на себе Гирей во время пребывания в Праге.

Операция «Дунай» воспрепятствовала возможным реформам в СССР. «Имперская» победа 1968 года перекрыла кислород реформам, укрепив позиции догматических сил, усилила великодержавные черты в советской внешней политике, способствовала застою во всех сферах.

Несколько лет жизни Гирей положил на разработку реформ, связанных с ускорением технического прогресса, материального стимулирования внедрения новой техники.

Три года начальство института экономики не предоставляло ему отпуска в связи с необходимостью скорейшей разработки экономического механизма законодательной базы. Огромные усилия и энтузиазм оказались напрасны. Реформы начинали сворачиваться.

Семья — самая большая любовь в жизни Гирей

В 1958 году Гирей женился на Валентине Смеховой. Для меня памятно лето пятьдесят восьмого года, которое я провела вместе с братом и его женой в Алушке. В тот год Гирею было 27 лет, мне — всего лишь 20.

Каждое утро мы плавали в море, наслаждались непрерывным движением морских волн, очертанием гор, вдыхали теплый морской воздух. Вечерами гуляли вдоль морского берега, любясь закатом крупного, ярко-желтого диска солнца. Зрелище, незабываемое по красоте!

Мы гуляли по Воронцовскому парку с величественными кипарисами, пальмами, лаврами и цветущими магнолиями, удивлялись красоте дворца, в котором готический стиль гармонично сочетался с восточными элементами. Главный фасад дворца был создан в виде мусульманской мечети. Интересно было рассматривать бесчисленные шпили и башенки, арки, украшенные лепными рельефами.

Вместе мы совершали морские прогулки вдоль берега. Меня поражало умение Гирей даже на отдыхе продолжать умственную работу, сосредотачиваться на серьезных научных статьях в газетах и журналах, подчеркивать и запоминать важные мысли, относящиеся к экономической науке.

Три недели пролетели мгновенно, и вот мы со специально сколоченными из фанеры ящиками, до отказа наполненными фруктами, возвращались в Москву. Гирей с большим удовольствием дарил этот ящик, полный фруктов, родителям, что было по тем временам большой роскошью.

После отпуска Гирей включался в напряженную работу. Окончив аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию. Несколько лет он вел научно-исследовательскую работу на экономическом факультете МГУ. Первыми его серьезными результатами были главы в учебнике по политэкономии, главным редактором которого был известный экономист, профессор МГУ Н.А. Цаголов. В течение нескольких лет Гирей являлся научным работником в ведущих НИИ в области экономики.

В нашей семье шли счастливые годы. В конце декабря 1958-го появился на свет мальчик, его назвали в честь умершего брата Александром. Помню, как трогательно общался Гирей со своим сынишкой. Нередко, уходя на работу, Гирей завозил маленького Алика к бабушке и дедушке. Алик горько плакал, не отпуская от себя отца, и Гирею приходилось всячески уговаривать малыша. «Пройдет только минутка после темноты, и я тут же за тобой приеду. Пожалуйста, не плачь», — говорил он Алику и быстро исчезал из дома.

Больше всего маленький, юркий Алик любил перелезть через проем между витыми спинками поставленных рядом кроватей. Как-то Алик бегал, шалил, затем внезапно затих. Через некоторое время мы обратили внимание на эту подозрительную тишину. Оказывается, Алик, уловив удобный момент, взял со стола ножик, утащил у тети Тамары новый сапог и стал кроить его, вырезая тонкие полоски. Когда мы обнаружили его проказы, тетя Тамара, с таким трудом купившая эти сапожки, не стала особенно ругать Алика, хоть была и изрядно расстроена. Что значили распоротые сапоги по сравнению с огромной любовью к маленькому племяннику!

В те годы Гирей с семейством жил в коммунальной квартире роскошного дома на улице Горького. Он всегда приглашал родителей и нас, сестер, на все торжества. Дом был красивым, гостеприимным, на столе всегда было множество яств, которые не могли себе позволить многие семьи. За столом сидели: жена Гирея Валентина, ее подруги, и, конечно, его близкие друзья. Они были амбициозны, верили в возможность повышения благосостояния

людей за счет технического прогресса в рамках существующей в те годы социалистической системы.

Гирей много работал. В жизни нашей семьи одним из важных мест стала Ленинская библиотека — главный источник просвещения и собственно творчества. Работая с книгой, ощущаешь особую магию бумажных страниц, к ним можно вернуться, неторопливо подумать над их содержанием.

Какое множество счастливых часов провел Гирей в главной библиотеке страны! Ведь в студенческие годы он был ленинским стипендиатом, позже аспирантом, защитившим кандидатскую и написавшим докторскую, которую не успел защитить из-за преждевременной кончины.

Когда мне нужно было срочно найти Гирея, чтобы посоветоваться по своим жизненным или научным вопросам, я направлялась в Ленинку и почти всегда в определенные дни и часы находила там брата.

Торжественная мраморная лестница, просторные холлы, уютные читальные залы и большой зал с антресолями и великолепным освещением так вдохновляли нас приобретать знания и, вобрав их, уже самостоятельно заниматься наукой! Прошло много лет, но поднимаясь по ступенькам теперь уже Российской государственной библиотеки, я всегда вспоминаю своего брата Гирея, его жажду знаний и самоотверженное служение науке.

С 1963 года Гирей работал в Институте экономики АН СССР, заведовал сектором проблем стимулирования научно-технического прогресса, опубликовал свыше сорока научных исследований. Его статьи печатались в газетах «Правда», «Известия», а также журналах «Вопросы экономики», «Проблемы мира и социализма» и других центральных изданиях. В 60-е годы он участвовал в создании механизма хозрасчетной деятельности организаций и предприятий.

Доброта и щедрость натуры Гирея сказались на результатах его деятельности. Он прилагал все усилия для повышения благосостояния людей и очень радовался, когда мог на это влиять. Ему это удавалось. Гирей являлся одним из главных разработчиков Правительственного постановления о системе премирования за создание и внедрение новой техники в отраслях народного хозяйства. Эта система распространялась на многие миллионы разработчиков и производителей новой техники. Тогда он получил огромное моральное удовлетворение от результатов своей работы.

В 60-е годы Гирей был одним из ведущих организаторов Международного симпозиума по проблемам управления научно-техническим прогрессом. При жизни Гирея родители гордились своим сыном, особенно когда читали его статьи в газетах и журналах или видели выступление сына по телевидению, где он рассказывал об итогах проведенного симпозиума.

Гирей часто навещал родителей. Когда появлялась хоть небольшая материальная возможность, дарил им подарки. Так в нашем доме появился телевизор со сравнительно большим по тем временам экраном. Родители смотрели по нему все общественно-политические новости. С радостью и восхищением смотрели выступления А. Райкина, слушали К. Шульженко и, конечно, концерты Л. Зыкиной. Большую часть времени они находились дома, и телевизор был для них окном в большой мир.

В обычные дни Гирей просто забегал хотя бы ненадолго проведать родителей. Я часто встречала его бегущим по переулкам нашего детства — Пестовскому и Дровяному. При виде меня он широко улыбался своей неизменной жизнеутверждающей улыбкой.

Если время позволяло, то он обязательно забегал в художественную мастерскую в Дровяном переулке, которую получила Тамара от Союза художников. Он быстро спускался в подвал ветхого старинного дома и тут же с порога спрашивал сестру: «Что нового нарисовала?» Она быстро разворачивала рулоны со своими набросками, этюдами. Он внимательно смотрел и делился впечатлением от работ. Внимательно разглядывал большие незаконченные работы, поставленные у стены. В свободные минуты приносил из дома гитару, перебирал струны и своим небольшим голосом пел душевные песни.

Встреча последнего в жизни Гирей нового 1969 года

Запомнились проводы 1968-го и встреча 1969 года. В нашей семье была постоянная традиция отмечать новогодний праздник дома и всем вместе, несмотря на предложения многочисленных друзей. У нас была особая атмосфера единения: родители благословляли нас, желали счастья, здоровья, исполнения желаний в новом году.

Так было и в последний день уходящего 1968 года. Дружно хлопотали, накрывая на стол, мама, Мария, Тамара и я. Вот наконец пришел Гирей со своим семейством: женой Валентиной и десятилетним сынишкой Аликом. У Гирей был крайне утомленный вид. Ему стоило больших усилий приехать на этот праздник, но он не мог огорчить родителей своим отсутствием. Гирей превозмогал себя. Как всегда, расцеловал всех нас, осветил широкой доброй улыбкой. У нас была такая шутка: Гирей — дядя Ваня, а мы три сестры, как в пьесах Чехова. У них была мечта жить в Москве, а мы здесь родились и жили.

Гирей извинился, снял элегантный пиджак, новомодные черные лаковые туфли, красивый галстук. Ему уже позволяла зарплата дорого и модно, со вкусом одеваться.

Он пролежал с закрытыми глазами несколько минут на старинной маминой кровати (никогда раньше Гирей этого не делал). Потом приободрился, занял, как всегда, место тамады, принадлежавшее ему по праву. Застолье началось, мы дружно провожали старый год, подводили итоги тому, что каждому удалось сделать интересного в работе. У Гирей появились статьи в центральных изданиях по проблемам научно-технического прогресса, вышел сборник статей участников международного симпозиума по проблемам научно-технического прогресса под редакцией Гирей, наконец, состоялось его выступление по центральному телевидению, где он рассказал о результатах симпозиума.

Тамара также рассказала о новых работах в монументальной живописи. Для Тамары этот год был знаменательным. Она вступила в Московский союз художников и уже приняла участие в художественных выставках.

Когда Гирей и Тамара говорили о своих достижениях, сердца родителей

были преисполнены радостью и гордостью за своих взрослых детей. Мария и я радовались вместе со всеми, а у меня еще все было впереди.

Мы слушали традиционное новогоднее правительственное поздравление. Гирей стал разливать шампанское, и тут стекло одного бокала неожиданно лопнуло, шампанское залило белоснежную скатерть. Мама быстро убрала со стола осколки разбитого бокала, поставила на его место целый. Гирей быстро наполнил его шампанским, под звон курантов все дружно чокнулись, выпили и с радостным настроением вступили в новый 1969 год. Все оживленно разговаривали. Тем временем Гирей, не привлекая внимания, подошел к маме, что-то тихо сказал ей на ушко, и они незаметно вышли из комнаты.

В другой комнате Гирей быстро переоделся в мамин длинный плюшевый синий халат, надел красную с белой окантовкой плюшевую шапку Деда Мороза, маску и белоснежную бороду на прочной резинке. Затем надел заплечный мешок с новогодним подарком, в правую руку взял небольшую искусственную елку. Они тихо вышли из комнаты, бесшумно прошли по коридору. Мама тихо открыла входную дверь, и Гирей очутился на лестничной клетке. Тогда мама, как ни в чем не бывало, вернулась в шумную комнату с накрытым новогодним столом.

Вдруг раздался громкий звонок в дверь, перекрывающий шум голов. Мама с загадочным видом подозвала Алика.

— Алик, пойдем узнаем, кто там пришел.

Они вышли из комнаты, быстро подошли к двери.

Бабушка спросила:

— Кто там?

За дверью послышался голос:

— Деда Мороза приглашали?

— Да, мы вас ждем.

Дверь открыли, и с шумом мама, Алик и мнимый Дед Мороз очутились у сверкающей нарядной елки с горящими свечами.

Дед Мороз торжественно поздравил всю компанию с Новым годом, Алику вручил маленькую елочку и мешок с подарком и быстро исчез из комнаты.

Алик торопливо открыл этот мешок, достал оттуда красную

пластмассовую маску, щит и меч. Еще в мешке лежал большой, яркий, красиво упакованный подарок со сладостями и мандаринами. «Вот сюрприз!» — крикнул Алик. Он был в восторге от рыцарских доспехов и остаток вечера демонстративно бегал по комнате, стараясь удивить всех нас.

Тем временем Гирей переоделся в свой праздничный костюм с белоснежной рубашкой, галстуком и лаковыми блестящими туфлями и вернулся, как ни в чем не бывало, в комнату. Он сел за новогодний стол, Алик подбежал к нему, Гирей взял сына, посадил на колени, и тогда Алик сокровенно шепнул ему на ухо:

— Папа, это был никакой не Дед Мороз. Это был ты. А синий плюшевый наряд твой — это просто бабушкин халат.

Гирей посмеялся над своим неожиданным разоблачением и понял, что сын постепенно взрослет и в следующий раз такой номер не пройдет. Но следующего раза, увы, не было...

В первые дни января Гирей зашел навестить родителей. Он выглядел крайне утомленным. Особенно всех поразило его отрешенный взгляд, столь для него нехарактерный. Вся семья была встревожена удручающим видом Гирея. В ближайшее воскресное утро Тамара и я поехали к Гирею домой на улицу Горького. Когда мы вошли в комнату, Гирей завтракал и собирался уже, как в обычные воскресные дни, идти работать в Ленинскую библиотеку. Мы с большим трудом уговорили брата поехать в Измайловский парк хотя бы немного отдохнуть от работы. Он согласился. Мы доехали до парка и пошли гулять по тропинкам зимнего заснеженного леса. Почти все время мы шли молча, постоянно чувствовалось какое-то внутреннее напряжение. Такая «оздоровительная» прогулка была для него уже непосильной.

Через короткое время мы вошли в метро и разъехались по домам. Оказалось, что мы видели Гирея в последний раз, но тогда мы этого не могли и предположить и были уверены, что у брата простое переутомление и крайнее истощение нервной системы.

С каждым днем Гирею становилось все хуже, головные боли были нестерпимыми, и в начале января 1969 года его положили на обследование в госпиталь им. Бурденко.

9 января, в день рождения Тамары, настроение у всех было тревожным. Вся наша семья, кроме Гирея, по традиции собралась за общим

столом. Один из родственников друга Гирея, Льва Логвинова, работал нейрохирургом в клинике Бурденко. Друзья Гирея пообещали, что, как только будут известны результаты обследования, нам тут же сообщат. Мы сели за стол, и через некоторое время раздался звонок Льва Логвинова, повергший нас в шок: «У Гирея злокачественная глубинная опухоль в мозгу. Предстоит срочная операция».

После такой ужасной новости мы были в оцепенении. Жена Гирея Валентина вместе в Аликком молча вышли из-за стола и покинули наш дом. Мы все, чтобы не разрыдаться, молчали. Ведь молодому, такому талантливому ученому, у которого, как мы все были уверены, все впереди, было всего-навсего 37 лет! Какая жестокая несправедливость!

И все-таки перед операцией, когда Гирею откачали излишнюю жидкость из участков мозга, он взял телефонную трубку и позвонил маме, когда сестра на минутку отлучилась со своего медицинского поста. Мама взволнованно взяла трубку и услышала обычный, жизнеутверждающий голос Гирея: «Мамочка, не волнуйся, у меня все будет хорошо! Передай от меня привет папе и сестрам, больше не могу говорить. Всех целую!» Подбежала медсестра, выхватила трубку из рук Гирея, а ему строго повелела идти в палату.

Находясь в больнице, когда боли немного утихали, он продолжал писать и редактировать свои научные труды. Перед самой операцией Гирей передал сотрудникам своего сектора рукопись. Над ней была сделана последняя в его жизни надпись: «Подписываюсь подо всем, главное, довести дело до конца».

Через несколько дней Гирею оперировали опухоль. После операции, не приходя в сознание, он умер. Опухоль была настолько велика, что отек задушил мозг. Жизнь Гирея оборвалась на самом взлете. Когда маме сообщили об этом по телефону, она сильно вскрикнула и на короткое время потеряла сознание...

Прощание состоялось в феврале 1969 года в Институте экономики, находившемся тогда на Волхонке. Помню, как из актового зала выносили тело брата после гражданской панихиды. За гробом шли, поддерживая друг друга, убитые горем родители, а за ними шла толпа сотрудников института, провожавших Гирея в последний путь.

*Портрет Гирея при прощании
в актовом зале Института
экономики Академии Наук, 1969 г.*

В 1969 году Тамара, как и вся наша семья, тяжело переживала потерю любимого брата. После его смерти в ее душе образовалась пустота, постепенно заполнявшаяся горькой тоской. Не прошло и месяца со дня смерти Гирея, как Тамара приступила к работе над его памятником. Проходя мимо окон мастерской, я видела склонившуюся над рабочим столом голову сестры. Тамара была убита горем, все время плакала, и в таком подавленном состоянии она начала лепить лицо брата, его глаза, нос, губы, подбородок, чтобы не ушли, не забылись черты его дорогого лица.

В композиции она объединила своих безвременно ушедших братьев Александра и Гирея, а над ними поместила романтические фигуры юноши и девушки, олицетворяющие ощущение самой жизни, любви и надежд, свойственных юности. Эта монументальная композиция с помощью мужа Тамары В.И. Постоенко была установлена на мемориальном Ваганьковском кладбище.

ГЛАВА V

70-е годы XX века

Политэкономическая жизнь СССР, состояние культуры	233
Жизнь семьи Анисимовых в 70-е годы.	236
Моя трудовая деятельность во ВНИИПИ	
<i>Мое место в круге задач института</i>	239
<i>Социальная жизнь института</i>	247
<i>Боль преждевременных утрат сотрудников института</i>	250
<i>Чудеса изобретательности</i>	258
<i>в условиях тотального дефицита</i>	
<i>Зарубежный туризм для избранных</i>	260
<i>сотрудников института</i>	
Впечатления от поездки в Коктебель	262
Так кратко было наше счастье!	267
<i>Судьбоносная встреча</i>	268
<i>Рождение дочери. Смерть художника А.И. Писарева</i>	270
<i>Любовь не умирает никогда</i>	272
Такая судьба (автобиографическая повесть)	274
Поддержка друзей после смерти художника	328
Православие в атеистической стране СССР	344
Кончина моего отца Данила Ильича Анисимова	356
<i>Отдых в Звенигороде</i>	357

Политэкономическая жизнь СССР, состояние культуры

Во времена Брежнева управление советским обществом переходит к новому классу, классу управляющих, лишенному многих моральных ограничений и веры в социальную справедливость. Номенклатура окружила себя массой привилегий и материальных благ, а наиболее коррумпированные ее представители были связаны с теневой экономикой.

Наблюдалось падение уровня жизни в связи с дорогостоящими космическими программами, обострялась продовольственная проблема. Происходило ограждение советских граждан от «тлетворного влияния Запада», западные радиостанции глушились.

Партийное руководство осуществляло контроль над общественной жизнью государства, действовал идеологический диктат КПСС, поощрялось единомыслие. Это была замкнутая система, полное отсутствие гласности.

Для этого периода было характерно явное преувеличение заслуг Л.И. Брежнева. Его ближайшее окружение старалось вручить партийному лидеру самые высокие награды, существующие в государстве: Герой Социалистического Труда (1961), четырежды Герой Советского Союза (1966, 1976, 1978, 1981), лауреат Ленинской премии по литературе (1979). Всего Брежнев имел 117 государственных наград.

Присвоение званий и наград сопровождалось пышными церемониями, требовавшими огромных денежных затрат, которые покрывались в большинстве случаев за счет бюджета страны.

Недоумение, например, вызывает присуждение Брежневу премии по литературе. За авторством Брежнева были написаны три книги: «Малая Земля», «Возрождение», «Целина», которые в реальности создавались другими людьми по архивным материалам. Эти книги многими воспринимались анекдотически.

Правление Брежнева вызывало раздражение и даже выливалось в открытую ненависть. Так, 22 января 1969 года во время торжественной

встречи экипажей кораблей «Союз-4», «Союз-5» на Леонида Ильича было совершено покушение. Младший лейтенант Советской Армии Виктор Ильин, переодетый в чужую милицейскую форму, проник к Боровицким воротам под видом охранника и открыл огонь из двух пистолетов по машине, в которой, как он предполагал, должен был ехать Генеральный секретарь. На самом деле в этой машине находились космонавты: Леонов, Николаев, Терешкова и Береговой. Выстрелами был убит водитель машины Илья Жарков, несколько человек ранены.

Экономическими проблемами в эти годы занимался А.Н. Косыгин, председатель Совета министров СССР. Он добивался проведения экономических реформ, связанных с улучшением системы управления промышленностью, совершенствованием планирования и усилением экономического стимулирования промышленного производства. Суть этих реформ сводилась к децентрализации народнохозяйственного планирования, повышению роли интегральных показателей (прибыли, рентабельности) и увеличении самостоятельности предприятий.

Восьмая пятилетка (1966–1970 гг.) прошла под знаком экономических реформ Косыгина. За годы пятилетки значительно вырос национальный доход, вдвое увеличилось производство предметов потребления и розничный товарооборот, значительно увеличилась зарплата трудящихся. Такой успех был достигнут за счет расширения хозяйственной самостоятельности предприятий, резкого сокращения планируемых сверху показателей.

Многие люди смотрели с оптимизмом в свое будущее, а также в будущее своих детей и внуков. Миллионы людей добросовестно трудились, довольствовались небольшой зарплатой, соцстраховскими путевками, оплачиваемыми отпусками и жизнью в хрущевках. Ведь в 70-е годы были еще бодры и жизнерадостны ветераны Великой Отечественной войны, выросли дети войны. Жизнь того времени нам казалась хорошей даже в ситуации дефицита товаров первой необходимости. Мы были сыты, одеты и чувствовали социальную защищенность со стороны КПСС. Недаром на первомайских демонстрациях и во время ноябрьских праздников одним из важнейших был лозунг: «Слава КПСС!».

Каждый из нас гордился, когда попадал на доску почета или когда ему вручали грамоту «Победитель социалистического соревнования». В

основном, в социалистическом обществе было принято радоваться моральным поощрениям, а не материальными. О тех, кто стремился к большому заработку, переходя на другую работу, люди говорили: «Погнался за длинным рублем». В обществе это осуждалось.

Но не все было так радостно и безоблачно. Конец 70-х был связан с тяжелыми жизненными испытаниями нашего народа. 10 декабря 1979 года Брежнев и его ближайшие соратники приняли решение о начале спецоперации по смене власти в Афганистане и вводе советских войск в эту страну. В результате военных действий со стороны СССР погибло 15 тысяч человек, более 30 тысяч было ранено. Война длилась 9 лет.

В 70-е годы получило развитие диссидентское движение, активным участником которого был А. Сахаров. Во время пропагандистской кампании президент Академии наук СССР Келдыш подписал антисахаровское заявление, но не допускал исключения Сахарова из Академии. На встрече с научной общественностью во время поездки по Дальнему Востоку Келдыш сказал, что Сахаров прекрасный ученый, но в ряде вопросов общественного развития он заблуждается.

Диссидентской была также литература, поэзия, театр, киноискусство, живопись. Такие произведения искусства запрещались, у них не было доступа к широкой публике. Многие писались в стол и вышли только в период перестройки. Также появлялись произведения в Самиздате. В 1978 году группа писателей опубликовала свои произведения в альманахе «Метрополь». В 70-е годы появляются произведения А.И. Солженицына «Матрёнин двор», «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ». Писателя насильно выдворяют из страны. Та же участь постигла поэта Бродского, режиссера Любимова, художника Шемякина, скульптора Неизвестного.

В 1974 году была разгромлена бульдозерная выставка 24 художников-авангардистов. В немилости оказались кинокартины А. Тарковского «Андрей Рублёв», «Зеркало».

В то же время появлялись официальные талантливые произведения. Особое развитие получила деревенская проза: В. Астафьев, В. Распутин и, конечно, В. Шукшин. Для произведений этих авторов в значительной мере характерна потеря веры в будущее, в возможность социальных преобразований, драматизм внутреннего мира.

В драматургии появляются значительные работы: «Утиная охота» В. Вампилова (1970), «Забыть Герострата» Г. Горина (1972), «Осенний марафон» А. Володина (1979).

Появились яркие произведения Свиридова: сюита «Время, вперед!», музыка к произведению А.С. Пушкина «Метель» (1974). В атмосфере запретов расцвела авторская песня.

Жизнь семьи Анисимовых в 70-е годы. Моя трудовая деятельность во ВНИИПИ

10 июня 1968 года я начала работать во Всероссийском научно-исследовательском институте патентной информации. Дорога в институт проходила через старинное Замоскворечье. Одна из причин выбора работы во ВНИИПИ — его местонахождение в любимом районе Москвы. Меня всегда привлекала история места, с которым связывала меня жизнь. А история этого места богатейшая.

Институт находился недалеко от станции метро «Новокузнецкая». Сама станция «Новокузнецкая» была чудом. Ее открыли 20 ноября 1943 года, когда мне было всего пять лет. Станция передает атмосферу героических военных лет. Автор мозаик А.А. Дейнека. Мозаики были выполнены в блокадном Ленинграде в мозаичной мастерской Академии художеств под руководством В.А. Фролова. Панно были доставлены из осажденного Ленинграда по Ладожскому озеру. Стены и потолок отделаны светлым мрамором. Барельефы изображают эпизоды боевых операций. Великолепны скамьи из белого сибирского мрамора. Торжественна и выразительна скульптурная вставка работы Томского в виде щита, обрамленного знаменами, оружием и лавровыми венками.

Выйдя из метро на Пятницкую, попадаешь в совершенно другую атмосферу. Будто заработала машина времени, перемещающая человека из одной эпохи в другую. Пятницкая относится к исторической, заповедной части Москвы.

Улица получила название в честь святой великомученицы Параскевы Пятницы. Это была одна из московских дорог на юг: в Рязань, Тулу, Серпухов. Улица возникла в конце XIV — начале XV века. Первоначально на ней селились ремесленники. В XVIII веке на первое место выходит купечество. Позднее в этом престижном месте селилось дворянство в богатых особняках.

Во время войны с французами 1812 года Замоскворечье было охвачено пожарами. Многие постройки сгорели, другие были восстановлены, некоторые дома были построены заново.

В Черниговском переулке, выходящем на Пятницкую улицу, находится старинный храм святого Михаила и боярина Фёдора, убитых в ставке Батыя в 1246 году, причисленных к лику святых. Здание церкви построено в 1675 году благодаря стараниям купеческой вдовы, игуменьи Малютиной.

Особой достопримечательностью Пятницкой улицы является возвышающаяся колокольня храма Усекновения главы Иоанна Предтечи под Бором, возведенная во 2-й половины XVIII века. Колокольня выстроена в традициях раннего классицизма с элементами барокко.

Проходя вдоль Пятницкой, вглядываешься в скромную архитектуру домов с постройками, которые можно увидеть, пройдя через арки домов, сохранившихся со времен пожара 1812 года. Другие дома, украшенные нарядными портиками, пилястрами и тонкой узорчатой лепниной, привлекают к себе внимание утонченным вкусом архитекторов и владельцев особняков дворянского сословия XIX века. К таким постройкам относится усадьба Великолеповых, памятник архитектуры XVIII–XIX вв. Дом сгорел в пожаре 1812 года. Затем был восстановлен в прежнем стиле классицизма.

На Пятницкой улице сохранились дома, созданные знаменитыми архитекторами, например, усадьба М.П. Глазунова XVIII–XIX вв. архитектора О. Бове и торговый дом Гальперина начала XX века, архитектор Ф.О. Шехтель.

Интересна городская усадьба Еремеевых, находившаяся во владении Саввино-Сторожевского монастыря, XVIII–XIX вв.

Обращает на себя внимание жилой дом с торговыми помещениями купца Смирнова (торговавшего водкой), построенный в 1886 году, а также

доходный дом аптекаря Бани (1911).

Пятницкая улица тесно связана с замечательными именами русских писателей. Многие сохранившиеся дома этой улицы напоминают нам о жизни и быте купеческой Москвы — героев А.Н. Островского. Дом 12, принадлежавший купцам Варгиным, знаменит тем, что в нем жил Л.Н. Толстой. Здесь он написал своих «Казачков», выйдя в отставку после участия в обороне Севастополя. В произведении А.П. Чехова «Три года» герой Лаптев имел дом на Пятницкой.

Пятницкая ведет к улице Балчуг. Она возникла в конце XIV века. Это самая короткая улица от Раушской до Садовнической набережной. Ее протяженность всего 250 метров. Она ограничена с одной стороны Москвой-рекой, с другой — водоотводным каналом.

Сохранилось предание о том, что Наполеон перешел Замоскворецкий мост и увидел с улицы Балчуг полыхающее от пожара Замоскворечье. После пожара 1812 года на этой улице и была выстроена историческая гостиница «Балчуг». Верхние этажи ее сдавались в аренду художникам. Здесь работали А. Куинджи, И. Крамской, А. Васнецов. Их вдохновлял вид на Москворецкий мост, Кремль, собор Василия Блаженного.

ВНИИПИ находился на Раушской набережной Москвы-реки. Раушская набережная лежит между улицей Балчуг и Большим Устьинским мостом. Свое название набережная получила по находившимся в этой местности ровушкам — канавам, отводившим воду из пойменных земель Замоскворечья (засыпаны в 1835 году).

В конце XV века был основан Государев сад. Его работники селились к востоку от Балчуга. К концу XIX века Раушская набережная индустриализуется. В 1896 году на ней строится электростанция.

Отличительной особенностью высокого доходного дома, в котором в XX веке разместился институт ВНИИПИ, были массивные чугунные витые балконы. Рядом с этим домом находится гостиница «Балчуг».

Мое место в круге задач института

Работа экономистом на заводе литейных машин «Красная Пресня» и инженером-экономистом в патентном отделе ВНИИАВТОГЕНМАШ заложила основу для моего дальнейшего совершенствования в области экономической эффективности изобретений. По конкурсному отбору я была утверждена старшим научным сотрудником института.

Создание и внедрение изобретений в народное хозяйство было неотъемлемой составляющей реформ в экономике, проводимых А.Н. Косыгиным. В 70-е годы Государственный комитет по делам изобретений и открытий возглавлял Ю.Е. Максарёв. В эти годы ему удалось поднять дело изобретательства на мировой уровень. Количество и значимость полученных авторских свидетельств было одним из главных показателей работы НИИ, а для предприятий — внедрение изобретений в производство. Существовала система материального стимулирования создания и внедрения изобретений.

К разработке системы управления изобретательской деятельности были подключены крупные ученые из Института экономики АН и Экономико-математического института: чл.-корр. Л.М. Гатовский, академики Д.С. Львов, Н.Я. Петраков и многие другие. Эти работы проводились в нашем институте. Я также имела честь участвовать в этих исследованиях. Я проводила анализ экономической эффективности использования изобретений в ведущих отраслях народного хозяйства, таких как электротехническая промышленность, тяжелое машиностроение, черная металлургия, станкостроение, энергетическое машиностроение и др.

Было выявлено, что в этих отраслях удельный вес использованных изобретений с экономическим эффектом, превышающим 100 тысяч рублей (в денежном эквиваленте 70-х годов), по отношению к общему числу изобретений сравнительно невелик. В среднем он колеблется в пределах 10 %. В образовании же совокупного экономического эффекта этим изобретениям принадлежит первостепенное значение.

Работа научных сотрудников была ответственной, требовала больших усилий, рабочий день был ненормированный, чтобы выполнить научную тему, надо было много работать в выходные в библиотеке и на дому. Для

написания статей, книг, диссертаций надо было посвящать работе отпуск.

Регулярно в институте проводились ученые советы, на которых обсуждались и утверждались проводимые научные разработки, выполняемые для отраслевых отделов Комитета по делам изобретений и открытий. В этих заседаниях участвовали кандидаты и доктора наук, а также будущие академики. Особенно запомнились яркие выступления наших сотрудников д.ю.н. В.А. Дозорцева, к.ю.н. Н.К. Финкель. Часто на ученые советы из Института экономики АН приглашали д.э.н. В. Павлюченко, Пирогова, Зыкова. В заседаниях совета из Экономико-математического института АН участвовали будущие академики Петроченко, Львов. Конечно, присутствовал мой научный руководитель к.э.н. В.В. Петушков.

Обсуждения носили конструктивный характер. В соответствии с конкретными замечаниями работы доводились до нужного уровня. Также обсуждения и дискуссии были необходимы для повышения профессионального уровня научных работников.

В то время я совмещала научную работу с учебой в аспирантуре Института экономики. С большой благодарностью вспоминаю ученых, определивших основные направления моей диссертационной работы. Таким талантливым ученым был мой научный руководитель к.э.н. Л.С. Глязер, работавший в секторе экономики науки, возглавляемом д.э.н. Лахтиным.

Как только я поступила в аспирантуру, Глязер мне сказал: «Вам надо много, много читать не только по избранной специальности, но и научные труды по философии, политэкономии, надо быть в курсе последних достижений науки. Надо не только много читать, но и уметь анализировать, делать самостоятельные выводы». Обучаясь в аспирантуре, я старалась следовать этим рекомендациям. Глязер научил меня широко мыслить, структурировать свои знания, анализировать и творчески их перерабатывать. Он играл решающую роль в моем становлении как научного работника. Он сам был очень образованным человеком.

Обсуждение глав моей работы проходило в стенах Института экономики на Волхонке. Когда у Льва Самсоновича было состояние тяжелого диабета, я приезжала в его рабочий кабинет домой. На меня большое впечатление произвела его небольшая квартира, заставленная книгами по различным областям знаний и, конечно, книгами классиков художественной

*Я в годы работы
во ВНИИПИ*

литературы. И это были не витрины напоказ, в течение жизни он почти всю эту большую библиотеку прочитал.

К сожалению, тяжелая форма диабета с годами прогрессировала, и он скончался в возрасте всего 55 лет. Это произошло в 1985 году.

Активное общение с Глязером в процессе обучения в аспирантуре проходило в 70-е годы. Тогда общество было закрытым и было не принято распространяться о своем происхождении, рассказывать семейные истории. К сожалению, с Глязером мы обсуждали только научные вопросы. Прошли годы, и с развитием интернета жизнь людей стала более открытой. Я столкнулась с совершенно неожиданной для меня информацией. Оказывается, Лев Самсонович был сыном Самсона Глязера — одного из главных советских организаторов фигурного катания как спортивного направления, а также спортивного журналиста и известного в своих кругах литератора. Впервые в стране он создал театр на льду, тренировал многих замечательных фигуристов, известных в нашей стране и за рубежом. Но в 70-е годы Лев Самсонович ничего не рассказывал о своем известном отце. Он был человеком большой скромности, талантливым ученым. Светлая ему память!

В годы учебы я публиковалась в таких сборниках научных трудов Института экономики АН СССР, как «Управление наукой и научно-техническим прогрессом», «Экономическая роль науки в развитом социалистическом обществе». Темой моих научных статей было определение места изобретательской деятельности в цикле «Наука — техника — производство», а также методологические вопросы оценки социально-экономической эффективности новой техники. В эти же годы я выступала с докладами «Экономические аспекты изобретательства», «Критерии оценки изобретательства в НИИ и КБ».

Семинары-совещания проводились на базе основной экспозиции раздела «Изобретательство в СССР» в павильоне «Машиностроение» на ВДНХ. Результаты исследований были опубликованы в соавторстве с к.э.н. Петушковым в брошюре «Эффективность использования изобретений». Также я принимала участие в написании сборника «Эффективность использования изобретений в отраслях народного хозяйства». По итогам 1980 года моя работа в этой области была признана экспертным советом лучшей по институту. Мне была вручена медаль Правительства Москвы. Кроме того, меня включили в состав комиссии отдела ЦК КПСС по проверке изобретательской

деятельности нескольких научно-исследовательских институтов Ленинграда.

В 1981 году в Институте экономики состоялась моя успешная защита диссертации на соискание ученого звания «Кандидат экономических наук». Это событие было для меня особенно ответственным и волнующим. Ведь в этом зале в начале февраля 1969 года сотрудники института прощались с моим братом Гиреем. Диссертация называлась «Методологические проблемы отбора высокоэффективных изобретений». Научный руководитель — к.э.н. Л.С. Глязер. Она содержала новое решение актуальной научной задачи.

Целью диссертационной работы было обоснование экономического механизма отбора изобретений, имеющих важное народнохозяйственное значение для включения их в народнохозяйственный план с последующим внедрением в отрасль. Результаты исследования и рекомендации могли быть использованы в процессе разработки научно-обоснованной системы материального поощрения изобретателей и научно-технических работников на всех этапах создания и внедрения важных изобретений.

КПСС играла направляющую роль в работе института. Наша парторганизация относилась к Замоскворецкому райкому, находившемуся на Пятницкой улице, 64. Здание это было особо значимым — здесь В.И. Ленин получил партбилет члена ВКПБ под номером «1». Именно в этом здании он платил членские взносы. Кроме того, «Дом со львами на Пятницкой» сам по себе является историческим памятником. Он был построен в 1897 году архитектором С. Шервудом, сыном строителя Исторического музея В.И. Шервуда. После революции 1917 года в здании разместился райком КПСС. Отсюда наш институт получал все директивы, выполнение которых было безоговорочным.

Руководящая роль КПСС выражалась в том, что начальниками отделов были члены партии. Продвижение людей по служебной лестнице было практически невозможно без вступления в КПСС. Партбилет был зачастую более важным документом, чем даже диплом о высшем образовании. В отделах регулярно проводились политинформации, обсуждались решения партийных съездов. Некоторые сотрудники обучались в вечерних Университетах марксизма-ленинизма. Обучаясь там, я, будучи беспартийной, сдала кандидатский минимум по политической экономии и философии.

Помимо основной научной работы, у сотрудников института была еще

нагрузка общественно-политическая, на которую они тратили массу времени. Согласно разнарядке райкома партии, нашему институту было отведено особое место у Дома на набережной, где во время продвижения кортежа с иностранными правительственными делегациями к Кремлю сотрудники нашего института, включая докторов и кандидатов наук, изображали радостную толпу. Иногда появление кортежа ждали мучительно долго. Как только он появлялся, мы изображали счастливые улыбки, дружно махали цветными флажками и держали транспаранты с надписями: «Добро пожаловать в нашу страну». После проезда правительственной делегации все сотрудники с чувством облегчения возвращались на свои рабочие места.

В те годы многие сотрудники читали роман Ю. Трифонова «Дом на набережной» и, подходя к этому мрачному серому зданию, рядом с которым должна была стоять наша группа приветствующих, чувствовали в теле легкую дрожь. Дом на набережной был построен по проекту Б.М. Иофана в 1931 году. Он мрачно-величественно возвышается над Москвой-рекой. Многие жители этого дома были репрессированы во время большого террора 30-х годов. Дом 12-этажный. Из двух тысяч жильцов этого дома подверглись репрессиям 700 человек.

У этого дома — своя загадка. В нем есть десятый и двенадцатый подъезды, а одиннадцатый отсутствует. Со стороны двора как раз между этими двумя подъездами есть маленькая дверь, ведущая на узкую темную лестницу. В народе ходит молва, что этот узкий проход использовался сотрудниками НКВД для того, чтобы слушать, что происходит в квартирах. В этом доме жило много замечательных людей: Г. Жуков, М. Тухачевский. Сюда также заселялись знаменитые деятели культуры, например, Г. Александров, А. Баталов.

В нашем институте многие члены партии по праву занимали места руководителей отделов, они имели большие знания и опыт в своей области, обладали высокими моральными качествами. Но были и другие члены партии. Так, начальник нашего отдела назначил своим заместителем жену приятеля — даму без высшего образования, с чисто бытовым складом ума.

При отсутствии начальника эта женщина брала бразды правления в свои руки. Для нее все кандидаты и доктора наук были просто Витями, Валерами, Колями. Часто весь отдел должен был выслушивать ее долгие житейские

истории. Начальник же отдела, раздав сотрудникам задания, говорил, что уезжает в Госплан, Совмин, Госстандарт, и отсутствовал на работе продолжительное время. Между тем сотрудникам отдела было известно, что он строит дачу в Подмоскowie и выдает замуж свою единственную дочь. Кроме того, он оставлял рукопись своей книжки, чтобы сотрудники считывали текст с черновиков. Начальник имел колоритную восточную внешность, весьма грозную. За глаза его называли «Танец с саблями». Но выразить открыто свое недовольство мы не могли, поскольку каждый дорожил своим рабочим местом.

С вехом некоторых членов партии в наш институт пристраивали на научные должности детей высокопоставленных родителей. Им создавались особые, облегченные условия. Они приходили на работу, демонстрируя свои драгоценности, шикарные шубы, отвлекая людей от работы светскими сплетнями. Правда, в конечном счете таких пустоцветов увольняли с работы.

Работа на Москворецкой овощной базе важна для каждого сотрудника — такова директива партии. Райком руководил оказанием помощи в бесперебойном снабжении района овощами. На Москворецкой базе, особенно в осенний период, не хватало рабочих рук. Райком партии для ускорения процесса доставки сельхозпродукции от колхозного поля до магазина без всякого сомнения использовал работников умственного труда высокой квалификации (докторов, кандидатов наук), а также молодое поколение творческой интеллигенции (музыкантов, актеров, поэтов и писателей).

Забавно было видеть, как высокообразованные, иногда с иголки одежные люди, составляющие научную или артистическую элиту, доставали с антресолей старую, потертую, заштопанную одежду: джинсы, свитера, плащи, вышедшую из употребления обувь, одевались в это старье и отправлялись работать на Москворецкую базу. Они доезжали до места в переполненном автобусе, смешиваясь со всеми социальными слоями общества вплоть до самых низших, перебивающихся случайными заработками.

Перед входом на базу люди группировались, находя сотрудников своей организации, и дружно входили на рабочую территорию. Перед глазами входящих сразу возникал плакат с надписью, сделанной крупным печатным

шрифтом: «Удовлетворение жизненных запросов советских людей было и остается важнейшим программным требованием нашей Партии». А под лозунгом можно было видеть горы подгнивающих кочанов белой капусты и картошки. Нашей общей задачей было спасение этой сельхозпродукции.

Многие сотрудники нашего института не были приспособлены к такой грубой работе. Молоденькая Ирина, единственная в семье дочка, обучавшаяся науке, музыке и поэзии, приехала на базу в красиво облачивших ее стройную фигуру вельветовых брюках и на каблуках. Идя по мокрому асфальту, на котором валялись гнилые листья капусты, она поскользнулась, упала и ушиблась. Мы ее дружно подняли — хорошо, что не было перелома.

Наконец нас привели в хранилище, где нам следовало очистить от гнилых вялых листьев достаточно большую гору капусты. В середине работы мы выложили съестные запасы, запасливые мужчины выставили бутылочки вина, чтобы было чем согреться. Перекусив, продолжили работу. Забавно было смотреть, как изысканная, модная Ирина счищала гнилые капустные листья своими длинными, ярко покрашенными ногтями. Она была настолько непрактична, что даже не взяла с собой рабочие перчатки или рукавицы.

Пролетело время, мы выполнили всю работу, и, выходя из ворот базы, Ирина предложила: «Поедем ко мне и завершим этот день у меня дома». Все дружно поддержали инициативу, и вот мы оказались в доме у Ирины. Какой контраст! Она жила в одном из самых престижных районов Москвы. Дом ее находился на левом берегу Москвы-реки. Вид из окна был прекрасный: спокойное течение реки, закованной в гранит, и величественное здание Дома правительства. Старинный дом, где жила Ирина, был построен в 1903 году. До революции это был известный в Москве доходный дом.

Оказавшись в квартире Ирины, мы были приятно удивлены увиденной роскошью. Ведь большинство из наших сотрудников в те годы жили скромно: в тесных квартирках со стандартной мебелью и самыми необходимыми предметами быта. А тут — такая роскошь, чудом уцелевшая от дедушки и бабушки дворянского происхождения.

На видном месте в просторной комнате стояло старинное фортепиано знаменитой марки «Бехштейн», на стенах висели зеркала в позолоченных рамах. В центре стоял широкий добротный стол старинной работы с массивными резными ножками. На нем возвышалась старинная ваза с

большим букетом белых роз. Мы выложили на стол все оставшиеся съестные припасы, время было непростое — дефицит продовольствия.

Одна из молодых женщин, ее звали Инна, спросив разрешения у хозяйки дома, села за инструмент и стала играть полонез Шопена. Эти звуки так соответствовали окружающей атмосфере дома! Хозяйка быстро накрыла на стол, в центре появилась бутылка красного вина. Утолив голод и выпив по бокалу вина, мы почувствовали себя раскрепощенными, и захотелось петь.

Советские композиторы создали прекрасные мелодии на выразительные, талантливые стихи. В 70-е годы мы пели эти песни с большим удовольствием. И в этот день мы пели всем известные популярные песни: «Ландыши», «Давай никогда не ссориться», «Геологи», «Два берега», «Последняя электричка».

После такого шумного, веселого застолья не хотелось расходиться. Но пора и честь знать. Мы сердечно поблагодарили Ирину за прекрасный импровизированный праздник, дружно вышли из дома и снова оказались на набережной Москвы-реки, поднялись по гранитным ступенькам на каменный мост, и тут пути наши разошлись. Каждый поехал к себе домой, сохраняя в душе приятные воспоминания этого дня.

Социальная жизнь института

Партийная и профсоюзная организации занимались удовлетворением материальных и духовных потребностей коллектива. В институте существовала система поощрения лучших сотрудников: портреты таких людей вывешивали на доску почета, им выдавали почетные грамоты, присваивали звания ударников коммунистического труда. Особенно ценным было получение денежных премий, бесплатных соцстраховских путевок в санатории и дома отдыха.

Самым долгожданным был день распределения продовольственных заказов. На отдел выдавалось их ограниченное количество. В эти заказы входили дефицитные продукты по низким ценам: икра красная, финский сервелат, финский плавленый сыр, кофе растворимый, шоколадные конфеты. При распределении заказов в основном соблюдалась очередность. Тем не менее в глазах обойденных на сей раз сотрудников читалось разочарование. Те, кто

получал заказы, радовался возможности осчастливить свою семью разными вкусностями. Одновременно они невольно чувствовали косвенную вину перед другими.

Но несмотря на это, все старались в меру своих возможностей организовать праздничное домашнее застолье. Дома готовился традиционный салат оливье, селедка под шубой, с полок доставались различные соленья, компоты, закрученные собственными руками. И сбереженные наливки, и, конечно, рукотворные торты. Верхом кулинарного искусства было изготовление торта «Птичье молоко» и домашних трюфелей из какао и сахара. После праздников женщины приходили на работу усталые от готовки, но удовлетворенные. Праздник удался, и главное — все своими руками.

Когда кто-то в отделе узнавал новый кулинарный рецепт, все потихоньку от взгляда начальника передавали его из рук в руки и переписывали. Впрочем, это касалось не только еды, но также шитья и вязания — женщины тех лет были столь искусны, что запросто могли из старых брюк мужа пошить себе юбку модного фасона...

Следует отдельно сказать о негласной традиции нашего института, касавшейся предпраздничных дней. По окончании рабочего дня руководство обходило все отделы, поздравляло с праздниками. После их ухода сотрудники отдела не расходились по домам, а сдвигали столы, стелили принесенные из дома скатерти и выставляли заранее приготовленную вкусную еду.

Тайно от руководства института каждому сотруднику в кружку наливали немного красного вина. На короткое время к нашему коллективу присоединялись почетные гости. Тогда вместе с поздравлениями они позволяли себе вести непринужденные светские беседы. Из них мы знали, что начальник нашего отдела Валерий Васильевич Петушков был женат на дочери замечательного композитора А. Новикова, автора всенародно любимых песен «Смуглянка», «Эх, дороги» и Гимна демократической молодежи. Валерий Васильевич делился впечатлениями об этом интересном человеке, о незабываемых авторских вечерах, на которых он присутствовал.

Валерий Васильевич дружил с замечательным художником Юрием Ракшой, чей замечательный триптих «Поле Куликово» мы оценили в качестве зрителей. Самым крупным достижением было участие Ю. Ракши в качестве художника в оscarоносном фильме «Дерсу Узала» режиссера

Куросавы. Он также работал художником-постановщиком на фильме Л. Шепитько «Восхождение». Его женой была известная писательница Ирина Ракша. Валерий Васильевич с ними дружил многие годы.

Нередко в такие праздничные моменты в нашем отделе появлялся общительный, доброжелательный, несмотря на все свои регалии, доктор юридических наук, профессор Виктор Абрамович Дозорцев. Он был главным разработчиком законов в области изобретательского права, автором ряда основополагающих монографий, большого количества журнальных и газетных статей. Он был доступен и весел в общении. Любой мог у него проконсультироваться по научным вопросам и получить ценные рекомендации.

Виктор Абрамович был женат на одной из ведущих музыковедов нашей страны Жанне Дозорцевой. Я хорошо помню, как эта представительная, красивая женщина внимательно следила за процессом триумфальной защиты докторской диссертации своего мужа. Сотрудники института заранее приобретали абонементы на концерты классической музыки в Большом зале Консерватории, Концертном зале им. Чайковского, в Доме ученых Академии Наук с ведущей Жанной Дозорцевой. Она помогала взрослым и совсем юным душам проникнуть в необъятный мир музыки и полюбить его на всю жизнь. В этих концертах она всегда была вдохновенной и неповторимой.

Встречая Виктора Абрамовича в стенах института, мы передавали ей привет и выражали сердечную благодарность за глубокое проникновение в мир музыки.

В тесном, неудобном помещении с высокими сводчатыми потолками размещалась институтская столовая. Меню было однообразным, зато цены — приемлемыми. В обеденный перерыв сюда набивалось много народу из разных отделов. В столовой, как правило, было шумно. Здесь у людей было время узнать и обсудить последние новости, иногда даже с кем-то посплетничать, похвалиться обновками, ведь коллектив института в основном состоял из женщин.

В этой толпе выделялась своей красотой и значимостью юрист, зав.

отделом Наталья Константиновна Финкель. Я всегда ее видела с толстыми, только что вышедшими в свет популярными журналами: «Новый мир», «Иностранная литература». Я всегда удивлялась, как при такой большой нагрузке, напряженной умственной деятельности на работе и шуме в столовой она могла погружаться в чтение художественной литературы. Позже я встретила ее в знаменитом Доме творчества «Переделкино», где она отдыхала. Она была человеком широких взглядов и высокой культуры. Интересная личность.

В один из дней, поднимаясь по лестнице на свое рабочее место, я вдруг лицом к лицу столкнулась с очень красивой женщиной среднего возраста и сразу подумала: «Кого же она мне напоминает? Как похожа она на актрису Фатееву. Надо же!» Вспомнила известные фильмы с ее участием: «Дело "пестрых"», «Здравствуй, это я!», «Джентльмены удачи».

Прихожу в отдел, спрашиваю у сотрудников об этой удивительно красивой женщине. Одна из них мне с ходу говорит, что это Наталья Фатеева собственной персоной. Она периодически заезжает за нашей сотрудницей, интересной и состоятельной дамой. Они вместе после работы едут в ресторан или на светские мероприятия в Дом кино. Я была приятно удивлена этим обстоятельством, мне захотелось еще раз встретиться с этой замечательной актрисой. Так разнообразна и интересна была жизнь сотрудников института помимо работы.

Боль преждевременных утрат сотрудников института

Работая в институте изо дня в день долгие годы, коллеги по работе становятся больше, чем сослуживцы, отношения переходят в дружбу. Так произошло у меня с двумя молодыми женщинами. Звали их Ида и Инна. Они сохранились у меня в душе на всю жизнь.

Ида внешне не привлекала внимание людей, мало знавших ее. Она была маленькой, сутулой, одевалась в дешевую одежду и даже слегка небрежно, говорила она глухим и как будто немного простуженным голосом. Было такое чувство, будто она сама стеснялась своей внешности. В сорок лет она ни разу не была официально замужем, хотя были в жизни

влюбленные в нее мужчины. Секрет такой влюбленности таился в богатстве ее удивительной натуры, творческой одаренности этой женщины.

Она с золотой медалью окончила школу и с отличием Энергетический институт. На людей она смотрела широко распахнутыми, большими карими глазами, излучавшими ум, доброту и большую человеческую грусть.

Она была ответственным исполнителем исследовательских тем в области технического прогресса. К исполнению темы привлекались научно-технические сотрудники. Эти люди судили об Иде по внешнему виду, не вникая в глубину ее научных познаний и творческих возможностей. Выполняли работы не всегда качественно и в установленные сроки. Многое приходилось переделывать или полностью делать самой.

В ее группе работала профессорша, которой не хватало пяти лет стажа до получения пенсии. Эта дама совсем не переживала за качество работы, у нее были совсем другие интересы. Это была красивая женщина, всегда великолепно причесанная у лучшего парикмахера салона «Чародейка», находившегося на Калининском проспекте. Там же из-под полы она приобретала новые наряды по завышенным ценам и всегда выглядела так, будто сошла с обложки последнего журнала мод. После работы эта дама, как правило, вызывала такси и с комфортом доезжала до своего дома на Кутузовском проспекте. К Иде она относилась свысока.

Кроме этой прекрасной дамы на теме, где Ида была ответственным исполнителем, работали две молодые девушки, только что окончившие экономический факультет МГУ, амбициозные, но еще не обладающие необходимым опытом. Они также относились к Иде с чувством превосходства. На кого она могла опереться в своей ответственной работе? Только на себя. Это означало: постоянно работать с перегрузками. Так она работала в течение многих лет в сильном нервном напряжении. К сорока годам такая ситуация привела к тяжелому онкологическому заболеванию.

В последний год ее жизни сотрудники оказывали Иде посильную помощь, но она была совсем одинока, проживала в крохотной однокомнатной квартире. Ее одиночество, правда, скрашивала преданная подруга Кира.

На последней стадии болезни, когда лечение было уже бессильно, но требовался постоянный уход, ни одна больница не хотела брать такую безнадежную больную. С большим трудом, с помощью личных связей с

высокопоставленными чиновниками нам удалось, наконец, выхлопотать для Иды место в одной из московских больниц.

На всю жизнь у меня осталось в памяти сопровождение этой несчастной женщины в больницу. Полулежа в карете скорой помощи, она в последний раз неотрывно смотрела своими большими печальными глазами на мелькающие по ходу движения машины дома, деревья, прохожих, храмы с позолоченными крестами и церковными оградами. Ида прощалась навсегда с таким привычным, повседневно окружавшим ее миром. Поддерживаемая медбратом при выходе из машины, уже в больничном дворе она подняла глаза к высокому небу, затянутому облаками, тоже попрощалась.

После медицинского осмотра Иду определили в самую дальнюю холодную палату с протечками на потолке. Но все-таки здесь совершенно беспомощная женщина, непрерывно испытывавшая боли, была не одна. Ей давали пить и кололи обезболивающие средства.

Ида скончалась через неделю. На ее похоронах ближайшая подруга Кира громко повторяла: «Она умерла такой молодой! Какая же она была талантливая!» А две наши молодые сотрудницы сокрушались: «Мы-то думали, что она преувеличивает свои болячки, часто бюллетенит. Не верили ей. А оказалось, ее смертельная болезнь — правда. Жаль, что мы так относились к ней... Прости нас, Ида!»

Прошло еще два десятилетия, прежде чем в нашей стране стала меняться ситуация в отношении безнадежно больных одиноких людей. Таких людей нельзя спасти, но можно им помочь. В России хосписы начали работать в 1994 году. Для поддержания этого движения был создан фонд «Вера». Это заведение было создано по инициативе врача-онколога Веры Миллионщиковой и английского журналиста и общественного деятеля Виктора Зорза. Как важно, что многим неизлечимым больным, находящимся в тупиковой ситуации, оказывается коллективная помощь!

- Инна Хрусталёва, — произнесла молодая женщина, знакомясь со мной.
- Ваша мама — Таисья, которая работает с Идой? — спросила я.
- Да, — ответила Инна.

— Какая у вас звучная, красивая фамилия, — пришло мне на ум сказать что-то приветливое этой миловидной женщине.

Мне было приятно рассматривать Инну, она привлекала к себе внимание. У нее был средний рост и замечательная фигура: небольшая изящная головка, лебединая шея, тонкая талия, аристократические изящные пальцы рук и длинные стройные ноги.

Лицо ее не было примечательным: шатенка с обычной для того времени укладкой; неброские черты лица. Но эта женщина сразу располагала к себе доброжелательным выражением лучистых глаз, мягкой нежной улыбкой и таким же мягким тембром голоса. В ее движениях, в поворотах головы чувствовалась природная грация, красота и легкость. Недаром, как я потом узнала, она занималась несколько лет балетом и училась играть на рояле.

Одета она была в белый легкий свитер под горлышко, на нем поблескивала тонкая серебряная цепочка. Свитер гармонировал с яркой шерстяной юбкой-шотландкой, так что видны были ее стройные ноги в высоких черных сапогах, начищенных до блеска. В целом она производила впечатление очаровательной интеллигентной женщины. Но во всем ее облике не чувствовалось привычной для нашего круга уверенности, силы характера. Многие из наших женщин были одиночками, самостоятельно делающими научную карьеру.

Инна сразу включилась в сложную исследовательскую работу и старалась в меру своих возможностей выполнять ее добросовестно, на хорошем научном уровне. Все сложные проблемы она обсуждала с отцом — профессором, руководившим кафедрой в одном из известных экономических вузов. Инна была автором научных статей в сборниках, выпускавшихся нашим институтом, выступала с докладами на семинарах и совещаниях. Ее оценивали как хорошего, квалифицированного специалиста. Инна была коммуникабельным человеком, могла налаживать контакты, добиваться взаимопонимания с должностными лицами отраслевых отделов Комитета по делам изобретений и открытий — нашими заказчиками научно-исследовательских работ.

Так прошло несколько лет. Инне исполнилось 34 года. Мы все ее дружно поздравили. Но работа занимала лишь определенную часть ее жизни. Красивая светская жизнь также привлекала и манила эту прекрасную

молодую женщину. Она вписывалась в нее органично. Мы могли сразу определить, когда Инна после работы шла на светское мероприятие. В этот день на голове ее была красивая прическа, выполненная одним из лучших мастеров парикмахерской «Чародейка», на лице — более яркий макияж в коричневых тонах, на губы была наложена розовая нежная помада, в ушах поблескивали сережки с небольшими бриллиантиками, на запястьях красовалось несколько тонких серебряных браслетов, а на руке с длинными ухоженными пальцами — небольшое колечко также с бриллиантом. Поверх светлой кофточки с небольшим воротником была надета легкая кружевная длинная туника.

После работы Инна быстро надевала длинное черное пальто с крупными позолоченными пуговицами и глубоким разрезом сзади и выходила к подъезду, где ее уже ждала машина престижной по тем временам марки с соответствующим молодым человеком за рулем. Она быстро садилась в машину, чтобы завершить этот день приятной вечеринкой в кругу друзей.

Когда за Инной заезжала машина, чтобы отвезти домой, она предлагала мне присоединиться к ее обществу. Мы жили совсем рядом. Она — на улице Тараса Шевченко, а мой дом — у Киевского вокзала.

С Инной я была в дружеских отношениях. Мне запомнилось время, проведенное вместе. В стиль ее жизни вписывалось посещение известных ресторанов: «Прага», «Лабиринт» на Новом Арбате. В дневное время там были комплексные обеды по вполне доступным ценам. Нас привлекала праздничная атмосфера этих заведений: много яркого электрического света, исходящего от старинных массивных люстр, красивые добротные скатерти, сервировка стола и безупречное обслуживание. Комплексные обеды были вкусными и разнообразными. Здесь можно было отведать мясные, рыбные блюда высокого качества, овощные салаты, пирожки и морсы.

По прошествии многих лет с радостью вспоминаю совместное посещение Музея изобразительных искусств им. Пушкина и те прекрасные эмоции, которые мы испытывали, глядя на шедевры мирового искусства. Так совпало, что Институт экономики находился рядом со зданием этого музея. В здании, где размещался институт экономики ранее был открыт Голицынский музей — один из первых музеев общественного пользования, который просуществовал с 1865 до 1886 года.

Музейное пространство меня завораживало. Часто после трудового дня, проведенного в институте, я отправлялась в музей, если он работал в вечерние часы. В одно из посещений музея ко мне присоединилась Инна. Художественное пространство музея обширно. В зависимости от моего душевного состояния я выбирала соответствующие залы. В состоянии печали, уныния я шла в залы с портретами Рембрандта, долго вглядывалась в проникновенные, глубокие, выразительные черты и получала душевное исцеление.

Когда мы пришли в музей с Инной, у нас было совсем другое состояние души: хотелось окунуться и ощутить восхищение от гармоничного, изысканного сочетания красок, исключительной красоты и выразительности художественных образов. Мы сразу пошли в залы с работами великого итальянского художника Сандро Боттичелли. Молча и с благоговением мы смотрели на картины «Мадонна с младенцем», «Благовещение».

Потом, минуя множество залов, перешли к картинам французских импрессионистов, не могли оторвать глаз от выполненного Ренуаром портрета Жанны Самари, любимой модели художника, актрисы театра Комеди Франсез.

Покорила нас своей выразительностью и колоритом и другая картина Ренуара: «Девушки в черном».

Невозможно было пройти мимо картины Эдгара Дега «Голубые танцовщицы». Художник замечательно передал изящные, воздушные позы танцовщиц, выразительные ракурсы и изысканный колорит. Впечатление от посещения музея было настолько сильным, что по дороге домой мы почти все время молчали, редко перебрасываясь незначительными фразами. На следующий день мы встретились уже на работе.

В один из дней хрипловатый властный голос попросил по телефону Инну. Она подошла и подчеркнуто уважительно, деловым тоном договорилась о встрече. Закончив разговор, она сказала, немного смутившись: «Звонил скульптор Никогосян. Я позирую ему для одной скульптуры. У него в мастерской находится так много замечательных работ. Прямо целый музей».

Я разделяла восторг Инны от работ этого скульптора. Чего стоило созданное им надгробие, посвященное памяти С.Я. Маршака, установленное

на Новодевичьем кладбище — каменная стела с выбитым на ней рельефным портретом поэта! Он в очках, в руке ручка, склонился над работой. Под портретом авторская подпись, выполненная в черном цвете.

Невозможно пройти мимо легкой, изящной фигуры выдающегося клоуна Леонида Енгибарова. Скульптура установлена на Ваганьковском кладбище, выполнена из бронзы. Она изображает печального клоуна, в руках которого закрытый зонтик и маленький букет.

Вспомнила я также авторскую работу Никогосяна — мемориальную доску с выразительным профилем В. Мейерхольда, пострадавшего в годы сталинских репрессий. Эта доска установлена на мемориальном доме в Брюсовом переулке.

— Счастливая ты, Инна. Судьба свела тебя с таким талантливым, интересным человеком! — так отреагировала я на звонок скульптора.

Последовала череда обычных рабочих дней. Иногда после работы Инна забегала ко мне домой посидеть на кухне за чашкой чая и поговорить о чем-то своем, сокровенном. Несмотря на насыщенную светскую жизнь, на душе у нее было безрадостно. Ведь ей было уже за 30, а в личной жизни не было счастья. Молодые люди активно ухаживали за ней, даже делали предложения, но она их отвергала.

Любила она единственного мужчину — красивого, талантливого ученого. Она переживала, что является не единственной его избранницей. Она мучительно, со всей страстью любви ждала каждую встречу, но он так и не делал решительных шагов, чтобы быть вместе.

Так проходили месяцы, годы... И вот однажды, придя на работу, узнаю, что Инна срочно госпитализирована. Ей в тот же день сделали операцию. По секрету, из уст в уста шептались: у Инны была внематочная беременность. Операция прошла успешно. Инна шла на поправку, ей не терпелось как можно скорей выписаться из больницы. Ведь впереди у нее день рождения, и близкие друзья уже звонили, надеясь собраться в этот день у нее дома.

Она с радостью дождалась выписки, родители уже приготовили роскошный по тем временам праздничный стол — ведь она была их единственной дочкой. Но надо же было такому случиться, что в тот день в доме сломался лифт, и она, до конца не оправившись после операции, пешком поднималась на высокий этаж, преодолевая свой недуг. На следующий

день пришли долгожданные гости. Она встречала их при полном параде: красивая прическа и новое вечернее платье с нарядными украшениями. Она даже надела туфли на высоких каблуках.

Праздник удался, было шумно, весело, гости засиделись допоздна. К концу вечера Инна почувствовала недомогание, но не подала вида. Когда гости ушли, она как бы ненадолго прилегла и вдруг почувствовала сильную дурноту. Позвала мать и тихо проговорила: «Мне плохо». Мать немедленно вызвала скорую. Инну, уже еле живую, привезли в больницу.

Мать и отец стояли, потрясенные болезнью дочери, в пустом длинном коридоре в ожидании врача. Наконец, врач вышел к ним в коридор. По его скорбному виду родители сразу почувствовали, что произошло непоправимое. Обращаясь к родителям, он с усилием воли проговорил: «Прощайтесь с дочерью, у нее оторвался тромб и попал в сердце». Пол поплыл под ногами, но они заставили себя переступить порог кабинета.

Потом было скорбное прощание с Инной. В траурном зале было много народу. Смерть молодой женщины всегда непостижимо трагична. Речи были скупыми, у людей стоял комок в горле. Пожилые родители находились у гроба в полном оцепенении, казалось, будто им снится ужасный сон. Рухнули все надежды на счастливую семейную жизнь дочери, на дальнейшее продолжение семьи во внуках и правнуках.

Поодаль стоял стройный молодой мужчина с длинными кудрями и в черном пальто. Его большие карие глаза выражали глубокое страдание. На короткое время он закрыл лицо руками. На пальце его был надет перстень с крупным зеленым камнем, я сразу узнала его. Любовные отношения именно с этим мужчиной привели Инну к такому трагическому исходу.

Потом было прощание. Мы по очереди подходили к гробу. Лицо Инны было совершенно спокойным и молодым, его даже не затронули легкие признаки увядания. Крупные белые розы и ее прекрасное лицо слились в единое целое.

После похорон комната Инны так и сохранялась в неприкосновенности. Каждая вещь была на своем месте, как при жизни Инны. Так было вплоть до ухода из жизни ее родителей.

Идут годы. Я продолжаю жить рядом с Киевским вокзалом и довольно часто прохожу мимо дома, где жила Инна. Моя память продолжает хранить

ее образ. Вдруг в очередной раз, проходя мимо этого дома, вижу на нем большую памятную доску. Под ней возложены цветы. Я подошла ближе, читаю: «Лариса Шепитько (1938–1979)». Для меня было полной неожиданностью, что в этом доме жила кинорежиссер Лариса Шепитько. Ведь люди знают ее такие значительные, высокохудожественные фильмы, как «Зной», «Крылья», «Ты и я», «Восхождение». Она трагически погибла в 1979 году под Тверью.

В 70-е годы Шепитько снимала свои звездные фильмы, Инна жила своими интересами и даже не знала, что проживает в одном доме с такой знаменитой женщиной.

Лариса стала знаменита на всю страну. Люди восхищались ее красотой и талантом. Инна известна была сравнительно небольшому кругу научных работников. Но как она была значима и любима всеми нами! Долгое время после ухода Инны из жизни на ее рабочем столе стояла ее фотография и живые цветы. Вечная память!

Чудеса изобретательности в условиях тотального дефицита

Сотрудники отделов были талантливы не только в научной деятельности. Они проявляли чудеса изобретательности и вкуса в удовлетворении материальных потребностей во времена всеобщего дефицита 70-х годов. Например, они могли распустить несколько старых вязаных кофт и связать рукотворный шедевр — объемный свитер с красивейшим сочетанием множества шерстяных нитей. И совсем неожиданно — перелицевав старое мужское пальто, превратить его в элегантный женский костюм, а под него еще и надеть изящную тонкую блузку. Ну прямо одежда на выход!

А кто не обладал такими способностями, использовал другие возможности в стенах института. В изобретательности всех превзошла новая сотрудница, приехавшая из провинциального украинского города покорять Москву. Она снимала жилье и находилась в трудном материальном положении по сравнению с женщинами-москвичками. Но не унывала: у нее был жених-москвич, и она верила в свое светлое будущее. А пока она умудрялась в отсутствие начальства выполнять частные заказы на пошив блузок с

нарядными бантами, модных юбок и даже женских джинсовых брюк. Хотя по профессии она была инженером, но шила безупречно и со вкусом.

Конечно, у нас была своя надежная охрана из сотрудниц с прекрасной интуицией. Они за версту чувствовали приближение начальника или какой-либо другой опасности. Сантиметр шустро обмерял все необходимые параметры, швейные булавки ловко и быстро втыкались в нужные места. При этом учитывались особенности фигуры: полная, худая, с талией, без талии, с большой грудью или практически без груди.

Был у нас и свой негласный «художественный совет», на котором особенно бурно обсуждалась оптимальная длина одежды. Одни настаивали, что короткие юбки хороши при идеальной форме ног, а если есть даже легкая кривизна или неровность ног, то юбку надо удлинять. Другие считали, что в кривизне ног есть своя «изюминка» и привлекательность, и многим женщинам просто хочется показать свои ножки. Готовые изделия принимал «худсовет», претензий не было.

Иногда раздавался условный стук в дверь, и в наш отдел входила уже другая сотрудница института — провинциалка восточного типа. Она предлагала украшения по доступным ценам. Выбор был достаточно велик: тоненькие золотые и серебряные цепочки, кольца, перстни с эффектными камнями, браслеты. Взяв в руки «золотую» цепочку, она любила говорить потенциальным клиентам вкрадчиво и тихо: «Изделие из чистого золота... из чистого золота», а беря в руки кольцо или перстень: «Камень натуральный... только натуральный». Когда кто-то с недоверием смотрел на нее, она задавала вопрос: «Вы что, сами не видите?» — при этом ее глаза выражали лукавство. Но люди все равно раскупали эти изделия сомнительного качества. Дефицит качественной ювелирки... Ничего не поделаешь!

В других отделах также происходила торговля и обмен: кому-то не подошло по размеру красивое импортное белье, свитер, платье или жала обувь. Все быстро примерялось и раскупалось. По случаю даже можно было приобрести шубу. Но тут торговля проходила вне стен института. Люди просто обменивались телефонами. Так что можно было неплохо приодеться, не покидая рабочего места.

Рассказ был бы неполным без упоминания негласной «справочной службы» или сарафанного радио сотрудников. С его помощью можно было узнать,

к какому врачу из платного сектора медицины лучше обращаться с тем или иным заболеванием, а также у какого парикмахера лучше стричься или делать укладку. Также можно было получить сведения о хорошем портном, массажисте, косметологе. Было у нас несколько отделов с такими социально-активными женщинами.

Сейчас интернет взял на себя большинство этих функций, но в 70-е годы именно так решались многие социальные задачи в институтах, на предприятиях, в учреждениях.

Зарубежный туризм для избранных сотрудников института

В годы всеобщего дефицита нас, как и всех советских людей, привлекала мечта путешествовать по разным странам мира, несмотря на пропаганду, направленную против мира капитализма. Нам чудилось, что в этих странах изобилие товаров на любой вкус, безграничная свобода, демократия. Как многие люди ошибались!

В 70-е годы зарубежный туризм в нашей стране существовал лишь для избранных и имел массу ограничений. Советский человек мог пересечь границу, пройдя жесткий отбор и получив партийное дозволение. Исключение составляли высшие партийные должностные лица.

За границей велась слежка — не допускалась критика советского строя, восхищение всем иностранным, исключался контакт с иностранцами. При нарушении этих правил люди становились невыездными.

Турпутевки приобретались двумя способами: людям нужно было отличаться на производстве или достать по знакомству. В основном, предлагались путевки в страны соцлагеря. Наиболее популярными считались поездки в Польшу, Болгарию, Чехословакию, Румынию, Венгрию.

Для получения разрешения на выезд писалась автобиография, заполнялась подробнейшая анкета, где указывался трудовой стаж, достижения в коллективе, семейное положение; писалась характеристика за подписью треугольника: директора предприятия, секретаря парткома и председателя профкома. Райком КПСС утверждал кандидатуру. Претендент на путевку

должен был знать назубок всех лидеров компартий, даты всех партсъездов и много другой общественно-политической информации. Одним словом, советский человек должен был быть идейно подкован.

Ситуация с зарубежными поездками складывалась следующим образом. В основном за границу ездили одни и те же лица: дирекция, верхушка парткома и профкома. Изредка вывешивались объявления о поездках в соцстраны. Туристы, пройдя все изматывающие процедуры, включавшие справки о медобследовании, наконец, получали долгожданные путевки. Но обмен рублей на иностранную валюту был просто мизерным. Полученной валюты при максимальной экономии хватало только на самые дешевые сувениры. После поездки люди боялись высказывать впечатления, восхищаться красотами стран, культурой, бытом, товарами, имеющимися в магазинах.

В СССР существовала практика научно-технического обмена с зарубежными странами. От института выезжала руководящая верхушка. Мне рассказывали, как в одном из научных институтов делали перерасчет экономической эффективности нового изделия для внедрения за рубежом. Первоначальный вариант показывал минимальный экономический эффект. Заинтересованные в зарубежной поездке руководители темы сознательно изменили исходные показатели, закладываемые в расчет, чтобы получить более высокие показатели экономического эффекта изделия. В результате была искусственно получена завышенная цифра эффективности изделия. Но это не смутило руководство, и они всей дружной командой отправились в капиталистическую страну.

Находясь в зарубежной командировке, специалисты сэкономили буквально на всем, чтобы на крохи обменной валюты привезти домой музыкальный центр, купить жене и детям трикотаж и обувь. Простые, рядовые труженики могли только мечтать о том, чтобы совершить, например, путешествие по Венеции. Позднее и для рядовых граждан эти мечты превратились в реальность, стали доступны путешествия даже в капиталистические страны. Но многие, увы, не дожили до этого интересного периода жизни — возможности путешествий за рубеж.

Впечатления от поездки в Коктебель

В начале 70-х годов я много работала, но было и счастливое время отпуска. Мне хотелось отвлечься от грустных переживаний, связанных с разводом с моим первым мужем Юрием. Хорошо, что у меня был надежный друг детства Коля Эрихман, с которым я дружила с шести лет.

Вместе с Колей мы решили поехать на отдых в Коктебель. В то время там проживала родная сестра Колиной мамы — Людмила Алексеевна. Муж ее, Павел Николаевич Шульц, был археологом с мировым именем. Коля поселился у своих родственников Шульцев, а я в частном секторе, но все дни мы проводили вместе.

Интересна биография Павла Николаевича Шульца (1900–1983). Он был организатором и бессменным руководителем Тавро-скифской экспедиции, работал в Институте археологии Академии наук в звании профессора, доктора исторических наук.

Родился Павел Шульц в немецкой семье потомственных ученых из Санкт-Петербурга. В 1923 году окончил Санкт-Петербургский университет по специальности «Археология и история искусства». Еще обучаясь в университете во время Гражданской войны, проводил археологические раскопки в Крыму. По окончании работал специалистом в области скифской и сарматской монументальной скульптуры.

С началом Великой Отечественной войны Павел Шульц уходит добровольцем в ополчение, работает проводником партизанских отрядов. В суровую зиму 1942 года он получил тяжелое обморожение, лишился пальцев на обеих руках. После освобождения от фашистов участвовал в восстановлении заповедника Пушкиногорье. 1 августа 1945 года возглавил Тавро-скифскую экспедицию — регулярные раскопки Некрополя Скифского. В 1956-м поселился в Коктебеле.

В первый год были расчищены вырубленные в скале скифские склепы с росписями, в следующем — мавзолеем скифской знати, в 1947-м — остатки главных ворот города. Наследие ученого включает в себя более 60 научных работ.

*МАРГАРИТА АНИСИМОВА
в Крыму, начало 70-х гг XX в.*

В годы нашей молодости мы не задумывались о высокой значимости этого ученого, мы ехали просто к тете Люсе и дяде Павлу в Коктебель. Он расположен на берегу Черного моря, всего в 20 км от Феодосии, у подножья массива Карадаг.

Коктебель называют краем голубых холмов. Это курортное место славилось своей живописностью и духом творчества. Оно, как магнитом, притягивало творческих людей.

В начале 70-х годов новая цивилизация еще не затронула прекрасный курорт, и мы чувствовали себя органично, полностью сливаясь с окружающей природой. Мы наслаждались красотой гор, вдыхали соленый запах моря. Много времени проводили на пляже, купаясь и загорая.

Особое удовольствие доставляли прогулки вдоль набережной и лицезрение восхитительного заката солнца на море. Какое это было яркое, красочное зрелище!

Незабываемые впечатления остались и от морских прогулок на катере вдоль побережья. Мы увидели небольшую скалу в лучах солнца, напоминающую золотые ворота, находящиеся в открытом море, и, конечно, удивительные контуры горы, повторяющие выразительный профиль Волошина.

Мы не могли не посетить места, связанные с Максимилианом Волошиным, яркой творческой личностью. Он был поэтом-символистом и живописцем Серебряного века. Волошин приехал в Крым в 1893 году, после учебы и жизни в Париже. Тогда он окончательно вернулся в Коктебель. Волошин в своих акварелях передал очарование этих холмов, их мягкие приглушенные краски, разнообразие морского горизонта.

В Коктебеле жили многие выдающиеся писатели и поэты Серебряного века: А. Ахматова, М. Цветаева, А. Толстой, А. Куприн, Н. Гумилёв, О. Мандельштам. Позже в Доме творчества М. Волошина жила творческая интеллигенция 60-х годов: Аксёнов, Евтушенко, Ахмадулина.

Могила Волошина (1877–1932) расположена на горе Кучук-Янышар к востоку от поселка. К ней ведет пешеходная тропа, от могилы открываются прекрасные виды на поселок и окрестности.

Находясь на могиле Волошина, невольно вспоминаешь его замечательные строки:

*Как в раковине малой океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны, —
Так вся душа моя в твоих заливах...
<...>*

*...Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.*

После незабываемых дневных впечатлений от мощной энергии Коктебеля все вечера мы проводили в обществе трогательной, высокоинтеллектуальной пары Шульцев.

Почти каждый день мы заходили на местный базар покупать фрукты, ярко-фиолетовые крупные баклажаны. Их великолепно готовила тетя Люся. Не забывали и бутылочку крымского вина. Вечером мы наслаждались уже готовыми вкусностями, запивали их вином и вели приятные душевные и остроумные разговоры. Следует специально остановиться на домашней обстановке Шульцев. Прежде всего, чувствуешь ее необычность, что здесь живет человек, глубоко погруженный в науку. С пола до потолка комната заставлена стеллажами книг, предметами, приборами, связанными с изучением археологии, небольшими картинами, фотографиями коллег-археологов, ведущих раскопки, видами Коктебеля и его окрестностей. Настоящий музей!

Но несмотря на обилие предметов, оставалось и небольшое пространство для отдыха, где можно было достаточно свободно сидеть за столом. Общение с хозяевами дома было легким и приятным.

Тем не менее одно событие несколько омрачило наш безмятежный, радостный отдых. Однажды, познакомившись на пляже с молодой парой, мы отправились с ними в горы. Вначале мы держались все вместе, но постепенно пара отдалялась от нас все дальше и дальше, пока совсем не исчезла из виду. Оставшись одни, мы с Колей едва не погибли, переходя

вброд стремительную реку и спускаясь по отвесному склону. К счастью, все закончилось благополучно.

Через несколько дней после этого происшествия мы возвращались в Москву через город Феодосию. Феодосия расположена на побережье Феодосийского залива и по склонам отрогов хребта Тепе-Оба. Прибыв в город, мы отправились на местный пляж освежиться, так как стояла изнурительная жара. Морские виды нас очаровывали: само бирюзовое море с равномерно перекатывающимися волнами и, конечно, величие древней крепости, построенной еще жителями Генуэзской республики в XIV веке в целях обороны.

Окружающее нас пространство было необычайно созвучно с полотнами великого художника Айвазовского, родившегося в Феодосии и, как никто другой, выразившего величие и красоту морской стихии. С детских лет мне была известна его захватывающая, мощная картина «Девятый вал», украшающая собрание картин Третьяковской галереи.

Зайдя в Музей маринистической живописи, мы погрузились в творческий мир Айвазовского, с восторгом смотрели на самую большую картину «Среди волн» и другие картины: «Севастопольский рейд», «Корабль Мария», «Бриг Меркурий». Особенно приятно было увидеть живописное полотно «Море Коктебеля» и сравнить восприятие этого места Айвазовским и наши ощущения от этого пространства, полученные столетие спустя.

В музее мы узнали много нового об этом замечательном художнике. Айвазовский окончил Академию художеств в Петербурге. Он побывал в Риме, Флоренции, Венеции, познакомился с Гоголем. Работал долгое время в Южной Италии, в Сорренто. Писал картины на библейские и исторические темы. В 1864 году ему было пожаловано потомственное дворянство, жил подолгу в Петербурге, но домом считал Феодосию. Он помогал Феодосии: открыл здесь школу искусств и картинную галерею, концертный зал.

Родившись в этом городе в 1817 году, Айвазовский занимался охраной памятников, проложил водопровод из находившегося в его имении источника. В осажденном Севастополе он написал картину «Осада Севастополя».

Полные ярких впечатлений от пребывания в Крыму, мы благополучно возвратились в Москву.

Так кратко было наше счастье!

Алексей Иванович Писарев — известный русский живописец, родился в Воронеже. Он окончил Московский институт изобразительных искусств, учился у Е.Е. Лансере, В.В. Иогансона, А.В. Моравова. С первых дней Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт и воевал до Дня Победы. Алексей Иванович был капитаном минно-саперной службы, награжден Орденом «Красной звезды», медалью «За отвагу» и другими медалями.

А.И. Писарев был участником большинства всесоюзных, республиканских, московских художественных выставок и выставок советского искусства за рубежом (во Франции, Англии, Италии, Голландии, ФРГ, Испании, Японии и в странах Южной Америки). Его картины находятся в крупнейших музеях страны: Государственной Третьяковской галерее, Государственном историческом музее, Музее истории и реконструкции Москвы, Музее Московского государственного университета и ряде других музеев, а также за границей: в музеях и частных коллекциях. Ряд произведений А.И. Писарева репродуцировались в печати и издавались массовыми тиражами.

Творческую работу А.И. Писарев постоянно сочетал с большой общественной деятельностью в Союзе художников: был председателем Правления Московского отделения Художественного фонда РСФСР, заместителем председателя Правления МОСХ.

Судьбоносная встреча

Человеку не дано предугадать, когда в его жизни наступит судьбоносная встреча. Так случилось и со мной.

Творческая дача находится на берегу реки Мсты и озера Мстино в 15 километрах от города Вышний Волочок. Основана художником Ильёй Репиным и меценатом Василием Кокоревым. Открыта 22 июля 1894 года как место летней практики для студентов Императорской академии художеств. С того времени новые и новые поколения художников приезжают сюда заниматься творчеством. Так было и весной 1972-го.

Мне повезло попасть в эти дивные по красоте края по профсоюзной путевке: той весной я приехала отдыхать в дом отдыха «Валентиновка», находившийся рядом с Академической дачей. Был месяц май: вокруг цвела сирень, черемуха, распространяя вокруг чудный аромат; раздавались трели соловья. Природа торжествовала!

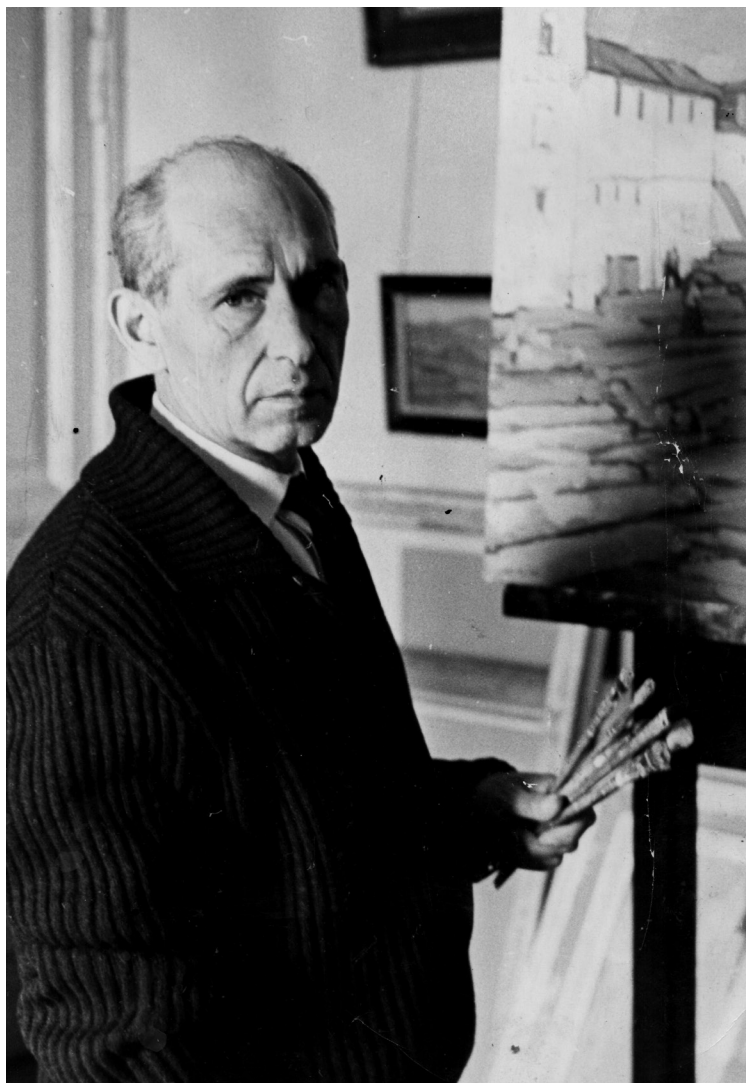
В один из дней я очутилась на берегу озера, где увидела одинокую фигуру рыбака, сливающуюся с окружающей природой. Мы познакомились, но я и вообразить себе не могла, что со мной произошла судьбоносная встреча и наш заинтересованный разговор станет началом глубоких и серьезных отношений.

Неожиданно мой новый знакомый пригласил меня на ужин, где собирались художники за большим общим столом. Он уверенно занял за столом свое почетное место, посадив меня рядом с собой.

Потом были вечерние прогулки и интересные разговоры. Я много узнала о нем как о художнике: оказывается, Алексей Иванович с этюдником объездил всю нашу необъятную страну, был во многих странах мира и написал там множество картин.

Рассказывал он и о войне. О том, как почти мальчиком добровольцем ушел на фронт, прошел этот ад капитаном минно-саперной службы, имел много боевых наград.

Когда подошло время его отъезда в Москву, мы обменялись телефонами, а встретившись в Москве, уже больше не расставались. Он просил меня называть его по имени — Алексей. Но я не могла побороть чувство восхищения его одаренной, высоконравственной личностью. Я не была ему

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ПИСАРЕВ

ровней... И заветные, ласковые слова звучали только для нас...

Мой избранник окружил меня миром красоты и спокойствия. Мы жили с верой в наше взаимное счастье. Вскоре я узнала, что жду ребенка, и это стало радостным событием для нас обоих. Так шел день за днем, и вдруг...

Принимая пищу, Алексей Иванович как-то пожаловался, что ему трудно глотать. Мы надеялись, что это пройдет, но все оказалось намного серьезнее. Врачи сразу не смогли поставить точный диагноз, а когда стало ясно, что это рак, было уже слишком поздно.

Осенью для меня натупило время родов, а для моего любимого человека — время сложнейшей операции. Так я попала в родильный дом, а он — на операционный стол.

*Рождение дочери.
Смерть художника
А.И. Писарева*

Я родила дочь 24 сентября 1973 года, а 29 сентября скончался от перитонита мой супруг. Когда он находился в полубессознательном состоянии, его сын Леонид сообщил ему о рождении дочери. Алексей Иванович сделал безуспешную попытку приподняться, но с превеликим трудом смог только еле слышным голосом проговорить: «Я даже не могу поздравить Риту с рождением нашей дочери».

Потом были похороны в здании МОСХа на Беговой улице. От такого шока у меня почти пропал голос и молоко. Но мы с дочерью выжили после этого страшного удара судьбы. Нам помогли близкие люди: мои родители и сестры. Для меня начался другой отсчет времени. Надо было растить новорожденную дочь.

МОСХ РСФСР, каталог выставки

Московская
организация
юза
дожников
ФСР

КАТАЛОГ
ВЫСТАВКИ

Алексей ПИСАРЕВ

Москва, «Советский художник», 1985 г.

Любовь не умирает никогда

Алексей Иванович умер, но оставил дома пространство своей любви и красоты, в котором мы продолжали находиться. В доме нет случайных вещей и безделушек. Каждое произведение прикладного искусства: вазы, кувшины, скатерти, ковры, посуда, — приобретались в многочисленных творческих поездках по стране или привозились из зарубежных командировок. Он оставил запечатленные в своих картинах виды многих зарубежных стран: Италия, Испания, страны Востока. Моя дочь росла и впитывала в себя этот удивительный мир красоты.

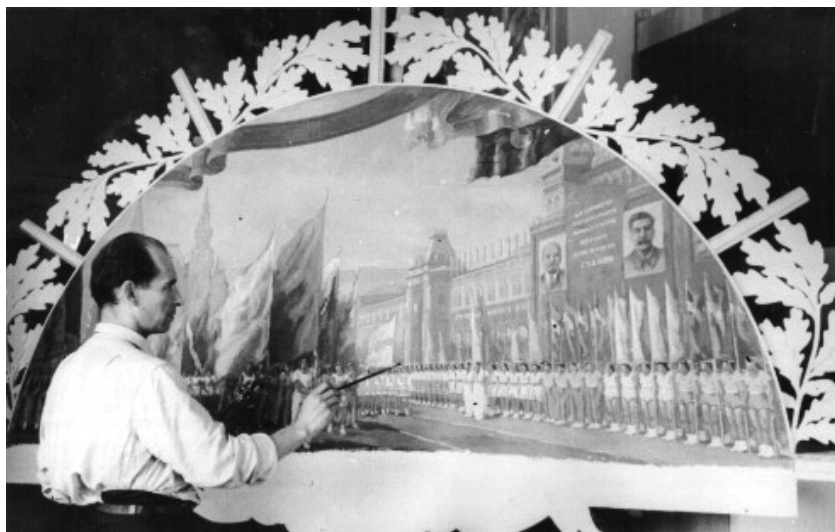
Алексей Иванович умер, когда я находилась в самом зените своей молодости и привлекательности, мне было всего тридцать пять лет. С той поры минуло несколько десятилетий, но я так и не смогла создать другую семью. Настолько высокую планку поставил этот замечательный человек и художник!

Такова моя судьба, другого мне не дано. В своем сердце до конца жизни я сохраняю чувство любви и благодарности к этому благородному человеку и талантливому художнику. Вечная ему память!

После его смерти у меня возникла душевная потребность подробно вспомнить и описать нашу судьбоносную встречу, краткую, но такую насыщенную совместную жизнь. Так родилась моя повесть «Такая судьба».

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ПИСАРЕВ

1.

2.

3.

1. Работа художником-оформителем на ВДНХ

2. В годы войны

3. Первые послевоенные годы

Такая судьба.

Автобиографическая повесть

Посвящена светлой памяти художника А.И. Писарева

Интересный одаренный художник, отзывчивый человек, неутомимый общественный деятель — таким навсегда останется в нашей памяти Алексей Иванович Писарев.

Борис Ефимов, народный художник России

I

Поезд «Москва — Ленинград» мчался на большой скорости. В окне проносились леса, мелькали деревья: ели, сосны, березы и цветущая черемуха, а между ними то появлялся, то стремительно исчезал ярко-оранжевый диск солнца. Затем поезд начинает поспешно сбавлять скорость, тормозит и останавливается на небольшой станции Ново-Алексеевская.

Несколько человек с чемоданами и дорожными сумками спешат выйти из вагона и направляются по тропинке прямо к дому отдыха «Валентиновка». Я иду среди этих людей.

В доме отдыха по взаимному согласию меня поместили в уютную комнату для отдыхающих вместе с миловидной светловолосой девушкой, и каждый из нас имел полную свободу и независимость.

Наступило утро следующего дня. Душу переполняла радость: я среди живописной природы! Встав пораньше, я уже шла по березовой рощице. Мягкая нежная трава под ногами была еще в утренней росе, солнце только всходило, были слышны трели соловья. Я скинула босоножки и пошла босиком по росистой, шелковой траве, почувствовав себя частичкой этой ожившей, волнующей душу природы в прекрасный момент, когда конец весны переходит в лето.

Тропинка неожиданно привела меня к лесистому берегу, переходящему в просторы широкого озера. И тут я попала в сказочный мир: солнце

*Такой счастливой я была
во время совместной жизни
с художником.
Фото А.И. Писарева*

только вышло из-за горизонта и осветило ярким светом зелень сосен, елей, белоснежные стволы берез с зелеными нежными листьями и цветущую черемуху. Освещенные солнцем деревья, раскинувшись вдоль берега, зеркально отражались в спокойной глади озера, усиливавшей и преображавшей красоту их разнообразных форм и богатство их цветовых оттенков. Над высоким берегом озера возвышался деревянный дом, окошки которого сверкали вставленными в них цветными стеклами: красными, желтыми, синими, фиолетовыми... Он так и притягивал к себе своей красотой и оригинальностью.

Пройдя немного дальше, я увидела небольшого одиноко сидящего человека, одетого в широкий резиновый плащ, с удочкой в руках. Ни мне, ни ему не хотелось нарушать удивительную утреннюю гармонию тишины природы, и я прошла мимо, не остановившись, продолжая любоваться красотой озера.

Эта первая прогулка пробудила во мне желание получше узнать окрестности Валентиновки, и в тот же день после полудня я пошла от дома отдыха по другой тропинке. Она привела меня к живописной деревушке: домики с резными наличниками, окруженные садами с цветущими яблонями, черемухой, благоухающими кустами сирени и небольшими огородами, обнесенными разноцветными деревянными заборами.

Деревня была окружена живописными зелеными холмами с раскинувшимися на них березами, стройными елями и соснами. Невдалеке от одного из таких деревенских домиков, на невысоком холме под раскидистой сосной, я увидела молодого человека с привлекательной внешностью: шатена со слегка вьющимися длинными волосами, среднего роста, спортивного вида. Перед ним стоял этюдник. Он писал этюд, свободно владея кистью. Мое неожиданное появление привлекло его внимание. Мой облик вызвал в нем чувство симпатии. Это было видно по выражению глаз и приветливой улыбке. Он первый обратился с вопросом:

— Вы здесь отдыхаете?

— Да, в доме отдыха «Валентиновка». Только что приехала из Москвы, — коротко ответила я.

— А я из Ленинграда приехал на творческую дачу. Вот она отсюда виднеется, — не без гордости сказал он.

«Так значит, этот красивый дом с цветными витражами, утром увиденный мной, и есть творческая дача художников! Очень интересно», — подумала я.

— Можно взглянуть, что у вас получается? — попросила я.

— Да, пожалуйста. Но этюд еще не закончен. Пишу, пока не ушло солнце, — при этом он сощурился и поднял ко лбу ладонь, прикрывая глаза от солнечных лучей.

Я подошла ближе и увидела изображение стоящей перед нами обычной деревенской избы с полуразрушенным забором и цветущим садом. Но на этюде этот вид был преображен творческой фантазией художника. Этюд был прекрасен: изображал трогательный вид деревенского дома, освещенного солнцем. Искусно была передана пластика ветвей деревьев с зелеными нежными листьями, во всем была естественность, чувствовался воздух, пространство.

— Этюд вам удался, осталось только немного завершить его, — с

удовольствием отметила я.

— Да, но мне надо выполнить еще портрет. Вы не хотите мне попозировать? — предложил молодой человек.

— Я подумаю, — ответила я нерешительно. Честно признаться, мне хотелось ходить и любоваться окружающей красотой, а не сидеть неподвижно, устремив глаза вдаль.

— Извините, я должна возвращаться назад, желаю вам творческих успехов.

— Спасибо. Надеюсь вас еще встретить. Я был бы рад!

Увиденная мной красота природы растревожила душу, она манила к себе, и на следующий день ранним утром я вновь была на берегу озера. Яркий диск солнца уже показался из-за горизонта, и небо около него загорелось ярким многоцветием золотисто-оранжевых красок.

Воздух был чистый и свежий. Я опять шла вдоль берега, очарованная этим миром красоты. На берегу вновь заметила вчерашнего рыбака все в том же резиновом плаще. Правда, сегодня к нему мягкой, вкрадчивой походкой приближался большой кот. Человек этот достал из емкости рыбину, приподнял в воздухе, она блеснула на солнце, и кот мгновенно схватил ее зубами и съел. Такие действия повторились несколько раз. Мне это показалось забавным, и я засмеялась.

— Видите, я ловлю рыбу и кормлю ею кота. Он приходит ко мне сюда каждое утро, — проговорил незнакомец с приветливой улыбкой. — Иногда случается, и на уху что-нибудь наловлю. А вы что одна скучаете в такое раннее утро?

— Я намеренно пришла на озеро рано утром встретить восход солнца. Извините, я отвлекла вас от занятий.

— Нет, что вы, что вы! Мне приятно с вами побеседовать!

Мы пожелали друг другу всего доброго. Незнакомец вновь закинул удочку, а я пошла своей дорогой, не придав особого значения этому случайному разговору.

Дни продолжали стоять теплые, ясные, и я все время совершала прогулки вдоль этого живописнейшего места.

Вечерело, солнце заходило над озером, привычным путем я шла вдоль берега, вдруг издалека заметила прогуливающихся около берега людей.

Приблизившись, я узнала среди них симпатичного молодого художника, талантливо писавшего этюд, и рыболова, но уже без длиннополого резинового плаща и удочки, а в обычной летней одежде. Молодой человек при виде меня приветливо заулыбался, как старой знакомой, намереваясь подойти ко мне и продолжить начатый разговор о живописи. Пожилой человек также внимательно смотрел на меня, и я почувствовала в его взгляде необъяснимую силу и власть надо мной. Как-то само собой я шагнула ему навстречу. Симпатичный молодой человек тактично отошел в сторону, и мы оказались вдвоем.

— Я несколько раз видел вас в голубом и мысленно прозвал вас «женщиной в голубом». Это ваш цвет, брюнетка в голубом выглядит красиво. Давайте познакомимся. Как ваше имя?

— Маргарита.

— А меня, поскольку я старше вас, зовут Алексей Иванович. Погода вполне располагает к вечерней прогулке. Вы не возражаете, если мы совершим ее вдвоем?

— Нет, вы меня заинтересовали. Думаю, что найду в вас интересного, необычного собеседника.

— Вы даже не можете представить себе, Маргарита, как я рад, что сбежал от бесконечных заседаний, совещаний. Некому было выпустить последний номер газеты «Московский художник», и я еще должен был быть редактором этого номера. Одним словом, бесконечная суета, бывает некогда рисовать. И вдруг я на природе, рядом с молодой привлекательной женщиной. Как в сказке! Сейчас мне многие могли бы позавидовать, — глядя на меня с улыбкой, произнес Алексей Иванович.

Мы шли вдоль берега и смотрели на красочную картину заката. Солнце садилось, яркие краски: алые, золотисто-оранжевые — постепенно гасли. Я первая прервала молчание:

— Что вам ближе всего и что вы любите больше всего рисовать?

— Сейчас в Доме творчества собралась большая группа художников. Днем мы работаем, а вечером веселимся. Завтра у нас традиционная уха. Вы что завтра делаете?

— Я свободна.

— Тогда приходите на уху. Я вас приглашаю, буду ждать!

Так мы попрощались, договорившись вечером встретиться под березой около тропинки, ведущей в Дом творчества. На следующий день мы встретились в условленном месте. Я пришла немного позже.

— Извините, у нас немного задержали ужин, — оправдывалась я.

— Зачем же вы ужинали, Маргарита? Ведь я вас специально пригласил на уху! — он в недоумении покачал головой. — Пойдемте скорей, нас там ждут! Разрешите, я возьму вас за руку.

Я дружелюбно протянула руку, и мы быстро пошли. Вошли в комнату: там было много народу, уже разливали по тарелкам горячую уху, от которой пахло свежестью, зеленью. Запах возбуждал аппетит, несмотря на мой легкий ужин. За столом специально для нас оставили два свободных места.

— Проходите, садитесь, — пригласил меня к столу Алексей Иванович.

Он посадил меня слева, а сам сел справа. За столом в этой компании, объединенной творчеством, находились три поколения художников: старшее, среднее и совсем молодое. Но все вели себя настолько непринужденно и весело, как будто были ровесниками с одинаковым дарованием. Все предавались шумному веселью, говорили много тостов. Я тоже спустя некоторое время освоилась в этой шумной компании. Тогда Алексей Иванович предложил и мне сказать тост. Мне было приятно это единение талантливых людей, и у меня импровизированно родился тост:

«Я благодарна судьбе, что нахожусь среди удивительной красоты и творческого вдохновения. Это сохранится навсегда в моей памяти. Я бы желала, чтобы, когда наступит зима, а за окном будет ветер и снег, я шла бы по выставочному залу и вдруг остановилась у картины: на ней было бы изображено это живописное озеро, цветущие деревья и эта дача. Какие отрадные воспоминания вызвала бы у меня такая картина! А ведь это так возможно. Я предлагаю тост, чтобы эта природа была вдохновенно запечатлена на ваших полотнах!»

— Молодец, Маргарита, вы говорили с чувством, от всего сердца! — произнес Алексей Иванович и одобрительно улыбнулся. Потом красивый женский голос запел:

Отвори потихоньку калитку.

И войди в тихий сад, словно тень...

Потом из-за чьей-то спины неожиданно появилась гитара, и молодой человек с вьющимися длинными волосами и небольшой бородкой стал неспешно перебирать струны гитары и негромко задушевно петь. На душе у нас было тепло и отраднo, все притихли и слушали это замечательное пение.

Постепенно стали выходить из-за стола. Алексей Иванович повел меня в небольшую комнату показать выставку работ художников. Он подводил меня то к одной, то к другой понравившейся работе, показывая портреты, рисунки, пейзажи, выполненные на Академической даче, обращая внимание на пластику рисунка, богатство колорита и достоинства композиции. Я подумала: как же он увлечен и восхищен искусством, как горят глаза этого немолодого, уже седого человека! Вот какова сила любви к искусству!

Позже Алексей Иванович стал показывать дачу, окна ее были распахнуты. Был теплый вечер, воздух напоен запахами цветущих деревьев, слышалось сладкоголосое пенье птиц. В укромных уголках дачи художники после общей ухи собирались уже небольшими группами, играли на гитаре, пианино, пели, а некоторые стояли у окна, курили, о чем-то темпераментно спорили. А другие, напротив, вели тихие, задушевные разговоры. Во всем этом чувствовалась общая гармония духа творчества. Уходить не хотелось, хотя было уже за полночь.

— Так здесь бы и осталась, никуда не хочется уходить! Но нужно, а то моя девочка-соседка спохватится, будет волноваться. Надо идти, — обратилась я к Алексею Ивановичу.

— Одну минуточку, Рита. Подождите меня.

Прошло минут пять, и вдруг входит мой новый друг с большим букетом яркой расцветшей сирени и протягивает его мне со словами:

— Это вам.

— Что вы?! Вот уж не ожидала! Спасибо! Большое спасибо! Какая красивая сирень, — я вдохнула полной грудью запах роскошного букета и добавила: — А какой аромат!

Мы шли по тропинке к дому отдыха в приподнятом настроении. Над головой было яркое звездное небо, вырисовывался ясный месяц, была теплая ночь.

— Вы устроили мне настоящий праздник! Этот день у меня сохранится в памяти! А вы любите стихи? Я буду читать, а вы скажите, чьи они.

*Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.
Я ехал прочь: иные сны.
Душе влюбленной грустно было.
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.*

— Это стихотворение Пушкина, правильно? — произнес Алексей Иванович, вопросительно и с улыбкой глядя мне в лицо.

Так мы дошли до дома отдыха. Все здесь уже было погружено в глубокий сон. Мы чуть слышно подошли к окошку, благо, оно находилось на первом этаже, створка его бесшумно отворилась. Я быстро очутилась на подоконнике, взяла из рук Алексея Ивановича букет цветущей сирени, спрыгнула в комнату, попрощалась и бесшумно затворила створки окна.

На следующий день я встретила своего нового друга на тропинке, ведущей от Академической дачи к дому отдыха. Увидев меня, Алексей Иванович смутился, покраснел, и я увидела радость в его глазах.

— Здравствуйте, Рита! Я чувствовал, что здесь мы с вами встретимся и продолжим наше общение. Я многое рассказал вам о себе, а о вас я очень мало знаю.

— Хорошо, я расскажу вам. Я выросла в многодетной семье. Правда, двоих братьев уже нет в живых: один брат — студент-химик умер двадцати лет. Мне было тогда всего одиннадцать. Он писал стихи, занимался научной работой, был романтиком. Другой брат умер недавно — всего тридцати семи лет, он тоже был очень одаренным. Окончил экономический факультет Московского университета с отличием, был крупным ученым-экономистом в Академии наук, уже написал докторскую диссертацию. Сгорел от рака мозга за два месяца.

— Какое горе для ваших родителей! — посочувствовал Алексей Иванович.

— У меня мама добрая, но волевая и решительная при всем своем обаянии и женственности. Я была младшей и самой набалованной в семье. Отец и оба брата, Аля и Гирей, меня очень любили и во всем мне помогали.

Отец — экономист, преподает в институте статистику, но всю жизнь увлекается русским и восточными языками, хорошо знает литературу. Он привил мне любовь к русскому языку и литературе с раннего возраста. Но братья со мной тоже много занимались: старший Александр разучивал со мной стихи, проверял уроки и даже расписывался в моем табеле успеваемости. Брату Гирею я обязана своей профессией. Он увлек меня экономикой: я окончила экономический институт, сейчас работаю научным сотрудником и учусь в заочной аспирантуре Академии наук, готовлю диссертацию. Еще есть у меня две сестры: Мария — экономист и Тамара — художница. Я вам о ней говорила. Она член Союза художников. Интересно, знает она вас или нет? Тамара с малолетства увлекалась живописью, у нас дома нельзя было сесть без опаски ни на один стул — она их пачкала масляной краской.

— Что же так неаккуратно? — Алексей Иванович улыбнулся и покачал головой.

— Но мы ей прощали. Она меня всегда «выручала», все школьные годы за меня рисовала, поэтому я не умею рисовать совсем, но зато с восхищением смотрю на тех, кто хорошо рисует.

Конечно, я доставила родителям много волнений, любила путешествовать по средней полосе, Крыму, Кавказу, Прибалтике. Правда, в Сибири, Средней Азии не была. Однажды чуть не погибла в горах.

— Как же это случилось? Расскажите! — взволнованно воскликнул Алексей Иванович.

— Есть у меня близкий друг с раннего детства, Коля. Я отправилась за компанию отдыхать с ним в Коктебель. Романа у меня с ним никогда не было, но дружба надежная, — добавила я с улыбкой. — Однажды на пляже мы с Колей познакомились с супружеской парой. Он — высокий молодой человек, очень худой — кожа да кости, а она молодая женщина спортивного телосложения. Они предложили нам совершить легкую прогулку по горам. Оба занимались йогой. Молодой человек демонстрировал некоторые упражнения, даже стоял на голове! «Как же мы пойдем с вами в горы, если у нас нет подготовки?» — спросила я у йога. «А это совсем не требуется для такой прогулки», — беспечно заявил нам йог, жена его подтвердила эти слова.

Компанией из четырех человек мы начали свое путешествие. Синее небо, солнце золотит деревья и кустарники, настроение приподнятое. Мы

вчетвером бодро шагаем по тропинке, поднимающейся в гору. Постепенно наш йог входит в азарт, его невесомое тело по мере подъема стало набирать скорость, за ним ускорила шаг и его жена. Мы с Николаем стали все больше отставать. Уже стала еле различима маленькая голова и миниатюрное тело йога и крохотное тело его жены. Вскоре их силуэты вовсе исчезли из виду. Однако мы продолжали подниматься все выше и выше. «Коля, пойдись быстрее, крикни ребятам, чтобы замедлили шаг. Надо же держаться всем вместе!», — с волнением крикнула я своему другу. Он ускорил шаг и стал им кричать, но в ответ слышал только собственное эхо. А потом тишина... Постепенно я стала уставать, ведь я была не тренирована. Вернуться назад пока не поздно казалось нам малодушием и трусостью.

— Ну и характер отчаянный! — похвалил Алексей Иванович.

— Да, но к чему это могло привести! Слушайте дальше. Так мы дошли до горной речушки с быстрым течением. Коля не рискнул меня переводить через нее. Пошел один «на разведку», чтобы еще раз попытаться докричаться до бросивших нас молодых людей. Я ухватилась за скалу, находясь над быстрым течением реки. Ждала Колю.

— Да, острые ощущения! — воскликнул мой друг.

— Проходит минут двадцать, — продолжаю я свой рассказ, — рука у меня посинела, но я боюсь ее оторвать от скалы, вдруг поскользнусь и упаду в стремительное течение реки. К счастью, вижу, идет назад Коля, с трудом переправляется вброд через реку, опасаясь, чтобы его не смыло течением. «Йоги исчезли, деваться нам некуда, надо переправляться самим. Будем рисковать!» — объявил твердо Коля. Он крепко взял меня за руку, и мы стали ступать, проверяя дно реки, чтобы не снесло течением. Вода сбивала с ног, но мы держались и, о чудо, благополучно добрались до противоположного берега! Дальше деваться было некуда, дорога шла на подъем. Мы сели отдохнуть. Самое главное не бояться и не паниковать, — решили мы. Потом опять шли, шли и наконец достигли вершины горы. Но самым трудным был спуск. Местами он был достаточно крут, из-под ног сыпалась камни. Мы держались за руки, спускались медленно, проверяли устойчивость земли. Когда ноги чуть начинали скользить, я говорила: «Я не чувствую землю». Это значило, что надо пробовать другой путь, иначе я могла бы упасть и увлечь за собой Колю.

— Да, страшновато было, — посочувствовал Алексей Иванович.

— Медленно, но верно в течение нескольких часов мы продвигались к морю. И вот оно показалось вдали. Стало синеть все ближе... ближе от нас. Постепенно мы стали различать берег, крохотные человеческие загорелые тела, которые все увеличивались и увеличивались в размерах. Эти люди вдруг обратили на нас внимание, и мы стали различать их голоса. Мы очутились над отвесной скалой, а под нами собрались «болельщики». Радоваться было еще рано. Люди внизу уже стали стелить какие-то надувные матрасы, протягивать к нам руки и кричать: «Давайте, давайте, прыгайте!» Но мы боялись разбиться, надо было найти более безопасное место для спуска, и Коля его нашел. О чудо! Мы постепенно спустились, оказавшись на песчаном берегу моря среди возбужденных людей. «За вас все так переживали! Счастье, что вы не разбились!» — радостно кричала молодая девушка. «Мы тоже так думаем!» — ответил Коля, не теряя чувства юмора.

— Да, счастливый конец! — взволнованно воскликнул Алексей Иванович, растревоженный моим рассказом.

— Этот случай проверил моего друга Колю на прочность, — заключила я.

— Да. Теперь я многое о вас узнал и представил себе, чем вы живете, кто ваши друзья. Я тоже приобрел в вас своего друга! Я не ошибся? — при этих словах он испытующе посмотрел мне прямо в глаза.

— Нет, вы не ошиблись! — твердо ответила я.

Произошла долгая пауза в нашем разговоре. Мы как будто по-новому взглянули друг на друга. Алексей Иванович попросил у меня разрешения закурить, он был чем-то взволнован. Сделав нал собой усилие, он проговорил:

— Время прошло, я должен уезжать в Москву, там ждут меня неотложные дела. В июле месяце состоится выставка Московских художников в зале на Кузнецком Мосту. Там будут и мои работы: пейзажи и виды Москвы. Мне бы хотелось, чтобы вы посмотрели.

Потом он достал записную книжку и вырвал оттуда два листочка.

— У вас есть ручка? — спросила я. — Я напишу вам свой адрес и телефоны.

Сделав это, я протянула ему назад этот маленький листок. Он аккуратно положил его в карман.

— Я вам тоже напишу сейчас.

Он написал два телефона, один — в мастерскую, другой — домашний, адрес, фамилию и инициалы — Писарев А.И., я тоже бережно взяла его листок.

— Здесь мы с вами больше не увидимся, — с грустью произнес он, — но я очень надеюсь принять вас у себя в мастерской и дома. — При этих словах он протянул мне руку, я тоже. Он сжал мою руку в своей, потом резко отпустил.

II

Приехав в Москву, я сразу рассказала сестре Тамаре о знакомстве с очень интересным и обаятельным человеком — художником Писаревым, о моем ярком впечатлении от Академической дачи. Мы удивились с ней такому совпадению: дома своя художница, и даже на отдыхе, где надо отвлекаться от всего повседневного, опять знакомство с художником.

Я поведала сестре о выставке на Кузнецком, где должны быть работы Алексея Ивановича. И вот мы ходим по выставочному залу и находим работы художника Писарева: на одной изображена оживленная московская улица, на другой — летний пейзаж. Она как художница сразу отметила высокое мастерство моего друга. Стоя у этих картин, я вдруг вспомнила, что фамилия этого художника известна мне по прежним выставкам в Манеже. Я даже ясно представила картину красочной Первомайской демонстрации на Красной площади, также выполненную с большим мастерством. Я сказала об этом сестре.

— Значит, Маргарита, ты познакомилась с известным хорошим художником, — заключила сестра.

— Да, — не без гордости ответила я.

Но сердце пока что его творчество не затронуло. Это случилось позже. В то время он производил на меня большее впечатление как остроумный, обаятельный и интеллигентный человек.

По приезде я включилась в активную научную деятельность и учебу в аспирантуре. Все мое время было занято. Но, что бы я ни делала, передо мной всплывали тревожащие душу воспоминания: отражение в озере

цветущей черемухи, деревьев с зеленеющими кронами; поющие соловьи, ослепительно-красочный восход и закат солнца на озере, небольшая изящная фигура, интеллигентный голос, внимательный, проникающий в душу взгляд моего нового друга.

Спустя некоторое время среди длинной череды будней раздался долгожданный звонок.

— Здравствуйте, Маргарита! Это говорит Алексей Иванович, — услышала я несколько взволнованный голос в трубке. — Вы свободны сегодня во второй половине дня?

— Конечно! — коротко ответила я.

— Тогда приезжайте. Буду счастлив принять вас у себя в мастерской! Я буду ждать вас в четыре часа у выхода из метро к Киевскому вокзалу. До скорой встречи!

И вот мы встретились. Мы не замечали сутолоки площади Киевского вокзала, спящих с чемоданами, дорожными сумками людей, царящий шум, гвалт.

— Надо скорей выбраться из этой толпы, давайте мне руку. Здесь столько машин, большое движение.

Мы преодолели эти препятствия, вошли в дом, а затем и в большую комнату, где помещалась мастерская Алексея Ивановича.

— В вашей мастерской много света, простора. Уверена, вам здесь работается замечательно!

— Да, я люблю свою мастерскую.

Алексей Иванович сделал несколько шагов вперед и открыл дверь балкона.

— Выйдите, Маргарита, сюда. Ну, как вам?!

— Прекрасно, какой огромный балкон, здесь можно танцевать! С высоты открывается замечательный вид на Москву-реку, даже видна пристань, а как отчетливо видна высокая башня Киевского вокзала с четырьмя орлами, устремленными в разные стороны света. А вот и Бородинский мост, а за ним — высотный дом МИДа!

— Да, все, что вы видите, я нарисовал на своих картинах. Меня эта панорама вдохновляет все время. Я наблюдаю с балкона рассвет, сумерки, яркое голубое небо, и череду плывущих по небу облаков, и летящих птиц.

А если бы вы видели отсюда красочный салют!.. Но вам представится такая возможность! — с уверенностью добавил Алексей Иванович. — Пойдемте в комнату. Я вам покажу много... много разных моих картин. Кстати, вы видели мои работы на выставке?

— Да, вместе с сестрой-художницей Тамарой. Она оценила ваше высокое мастерство.

— Ну вот, напросился на комплимент! — улыбнулся Алексей Иванович. — Я вам сегодня покажу много своих работ.

И этот большой мастер стал показывать мне свои работы. Меня очаровала изображенная на картине ранняя весна: снег только начал таять, на него легли мягкие голубоватые тени. Над снежным покровом возвышались еще не пробудившиеся от зимы деревья с удивительно красивым пластическим рисунком их обнаженных ветвей. Все окружающее пространство: весеннее небо, ветви деревьев и рыхлый снег — окутаны влажным воздухом. Все в природе медленно начинает пробуждаться, дышать и жить предчувствием весны. В меня глубоко проникло настроение этой картины, и я долго-долго на нее смотрела. Говорить и шумно выражать восторг не хотелось. Но по моему состоянию художник и так мог все понять.

— Не убирайте, пожалуйста, пусть картина стоит здесь, — попросила я.

Рядом Алексей Иванович поставил еще один пейзаж: затихла летняя страда, всюду ощущение тишины и покоя, на поле — аккуратно собранные холмики свежескошенной травы и как бы наброшенная на них воздушная пелена голубого тумана, стоит раннее утро.

На следующей работе я увидела восход солнца над бескрайним водным пространством. Яркий диск солнца золотом расцвечивает небо, золотит верхушки деревьев, зеркально отражающихся в тихой глади озера.

— Это Академическая дача? — нарушила я тишину.

— Нет, это Истринское водохранилище. Я там бываю летом, осенью, в любую погоду как художник и как заядлый рыболов. Могу стоять часами на берегу и смотреть, смотреть, как на глазах меняется освещение, бесконечное разнообразие цветовых сочетаний. Я ведь вечный ученик природы!

— Только ли природа вас увлекает? — поинтересовалась я.

— Архитектура города меня тоже увлекает. В своей жизни я писал много дорогих сердцу прекрасных мест Москвы, начиная с величавого Кремля,

Большого театра, многолюдных площадей, широких улиц и до сохранившихся еще тихих переулков с покосившимися деревянными домами, заросшими густой травой, и сохранившимися старыми деревьями. Хотите, я покажу вам еще одну картину? — предложил мой друг.

— Конечно, с удовольствием.

И вот я смотрю на новое для меня произведение искусства: узкая змейка улицы с движущимися по ней фигурами людей показана зрителю с высоты птичьего полета, а вокруг видно множество домов с заснеженными крышами различных форм. Но как красиво, ритмично эти формы чередуются, находясь в единой гармонии! На горизонте еле заметен силуэт высотного здания. Картина выдержана в приглушенных тонах.

— Оказывается, в таком будничном, каждодневном сюжете: люди идут по заснеженной улице, — можно увидеть столько высокой поэзии! — выразила я свой восторг.

Время шло незаметно. Алексей Иванович посмотрел на часы и встрепенулся:

— Уже поздно, вам надо идти! Но я еще успею вам показать работу, более близкую вашему сердцу.

И, действительно, перед моими глазами предстало полотно, от которого я не могла оторвать глаз. На нем была изображена девушка. Она только что собрала на огороде полную корзину овощей. Наверху корзины живописно нарисованы крупные листья с ярко лиловыми прожилками. Девушка устала и присела на пенек. Она печально склонила голову, в глазах задумчивая грусть. О чем она думает? Может быть, о своем суженом или об отце, не вернувшемся с войны, или она озабочена своей нелегкой жизнью, проходящей в повседневном деревенском труде? Вся фигура этой босоногой девушки удивительно трогательна, естественна и пластична. Ее образ слит воедино с незатейливым, но таким милым сельским пейзажем: с зеленым ковром травы, с покосившимися деревянными избушками, расцвеченными яркими подсолнухами, с еле заметной лентой реки и виднеющимся вдалеке лесом.

Все на картине удивительно просто, но как поэтично! Я смотрела, смотрела и молчала. Потом нарушила тишину:

— Надо идти... Уже поздно.

— Я вас провожу!

Мы вышли из мастерской и вскоре оказались у входа в метро. Алексей Иванович поцеловал мне руку и посмотрел на меня с трогательной грустью.

— Маргарита, я вам обязательно позвоню на днях.

Мы попрощались.

На следующий день я в восторженных красках описала свои впечатления от таланта Алексея Ивановича сестре Тамаре. Мы друг другу доверяли свои сердечные тайны. Я ей открылась.

— Я влюбилась в человеческое обаяние и талант Алексея Ивановича! Ничего не могу поделать с собой, все время о нем только и думаю.

— Да ты с ума сошла, Маргаритка! Папа говорит, что тебе звонят молодые люди и все время интересуются тобой. Ну, посуди сама, зачем тебе пожилой человек? Ты ведь еще такая молодая! — с жалостью в голосе воскликнула сестра.

— Я ничего не могу с собой сделать, все мои мысли только о нем!

— Ну, смотри, это твое дело, — добавила со вздохом Тамара.

На этом наш разговор закончился.

В ближайшее воскресенье мой дорогой друг позвонил снова, и мы опять встретились в его мастерской. Как и прежде, смотрели замечательные картины и этюды. Особенно мне запомнилась такая картина: на небе радуга, а на земле деревенские избушки, вокруг них раскинулось много-много цветущих розовато-сиреневатых деревьев, а невдалеке художник изобразил пасущийся табун резвых лошадей.

— Какая удивительно радостная картина! — выразила я свой восторг.

— Кажется, я уже много показал вам картин. Но ведь вы, Маргарита, еще не были у меня дома. Правда, мне там не столь радостно. Пойдемте!

Мы спустились из мастерской на несколько этажей вниз и вошли домой. Яркая передняя была расписана руками Алексея Ивановича и его сына-художника Леонида: она была выдержана в красно-коричневых с черным тонами. У стены стояли два ярко-красных стула, а между ними располагался столик — тоже ярко-красный, хохломской росписи. Над дверью была прибита подковка на счастье, под дверью лежал разноцветный коврик.

— У вас радостный интерьер! — отметила я сразу.

— Да, но, к сожалению, он так не соответствовал печальным событиям

последних лет. Я ведь вам говорил, что потерял жену, — с глубокой печалью в голосе сказал мой друг.

Алексей Иванович подвел меня к книжному шкафу с застекленными дверцами, там я увидела фотографии жены: лицо было умное, выразительное, пластичные движения тела.

— Маргарита, а на этой фотографии она танцует в спектакле.

— Да, фигура красивая и замечательно пластичная.

Потом я перевела взгляд на развешанные по стенам комнаты пейзажи Алексея Ивановича, написанные в голубовато-сероватых тонах. Они вносили в домашний уют ощущение покоя и красоты.

— А теперь пойдете на кухню! — энергично пригласил меня хозяин дома. — Будете мне помогать!

Я вошла на кухню и сразу на широком подоконнике увидела вазу с букетом красных роз. На кухонном столе, накрытом нарядной клеенкой, стояло большое, расписанное ярким орнаментом среднеазиатское блюдо с большим ярко-зеленым арбузом неправильной формы. На другом блюде лежали ярко-красные яблоки, а сверху — длинные гроздья спелого винограда. Я была тронута таким вниманием хозяина дома и сказала, глядя ему в глаза:

— Спасибо, я вижу, вы меня очень ждали!

— Да, вы не ошиблись, — сдержанно ответил Алексей Иванович, но выражение глаз выдало его внутреннее волнение. — Давайте накрывать на стол, — он достал другие лакомства.

Накрытый стол представлял собой живописную картину. Мы начали вечернюю трапезу, и постепенно я стала рассматривать нарядную кухню.

— У вас на кухне уютно и красиво: русский стиль — самовар, расписные подносы, рушник. А какой работы матрешка на чайнике! Удивительно тонко написаны черты лица. Лицо фарфоровое, бледное и изящный наряд с тонкими кружевами.

— Да, эту матрешку любила моя жена. Приятно, что и вам она тоже понравилась. На кухне я довольно часто пою чаем иностранных гостей. Недавно приезжала известный искусствовед из Японии. Кстати, она неплохо говорила по-русски. Приобрела у меня довольно много миниатюр. Ей тоже кухня показалась уютной.

Постепенно разговор перешел на другую тему.

— Расскажите, как вы живете? Чем занимаетесь? — живо поинтересовался Алексей Иванович.

— Внешне моя жизнь сейчас однообразна. С утра иду на работу, скоро сдавать отчет, я ответственный исполнитель работы. Вечерами сижу в Ленинке, работаю над диссертацией практически до закрытия библиотеки. Но работу свою очень люблю, иначе я погибла бы от одиночества, — с горькой иронией добавила я.

— У нас с вами совпадают мысли: я тоже не смог бы пережить свое горе, если бы не работа. Чем горше у меня на душе, тем больше я стараюсь работать. Правда, меня очень отвлекает моя общественная деятельность. Видите, сколько у меня на окне лежит повесток?! — при этих словах Алексей Иванович показал мне рукой на ворох маленьких листочков, лежащих в большой коробке из-под конфет. — Но общественную работу я тоже люблю, без нее не могу жить. Все хорошо в меру.

Наступила пауза после нашего оживленного разговора. Потом Алексей Иванович долго и проникновенно смотрел на меня, в его взгляде была выражена особая нежность и глубокое понимание моих мыслей и чувств.

— Значит, вы одинокий человек и я одинокий человек.

— Но у вас есть еще старенькая любящая мама, сын, внук. Вас окружает много родных, и я уверена: вас любят женщины, — возразила я.

— Да, о маме я забочусь все время. Я ее часто беру к себе и ухаживаю, она слабенькая, еле ходит, старушка. А сын молодой, родная кровь, живет своей жизнью. Я его тоже очень люблю. Есть у меня и дамы: одна симпатичная дама постоянно приглашает меня на интересные премьеры. Я зову ее «театральной дамой». Есть обаятельные одинокие женщины на работе, мне симпатизирующие. Есть женщина, которая меня очень любит... Но все это не для меня... Не для меня, — задумчиво произнес Алексей Иванович.

Потом, сделав над собой усилие, он решительно сказал, глядя мне прямо в глаза:

— Рита, вы перевернули всю мою жизнь, я влюбился в вас как мальчишка!

Потом, после паузы, добавил тихим голосом:

— Мне придется позвонить одной женщине и причинить ей большую боль, сказать, чтобы она ко мне не приезжала.

*О.В. ПИСАРЕВА,
мать художника*

— Мои мысли все время о вас! — продолжал он.

— Какое совпадение, я тоже думаю только о вас, — взволнованно заговорила я.

— Вы, Рита, стали для меня очень дорогим человеком!

— И вы для меня тоже, — добавила я.

Я смотрела на этого дорогого мне человека с седыми волосами, но необычайно живым, умным и прекрасным взглядом, и решила: сколько он будет жить, столько я буду с ним рядом.

Алексей Иванович взял меня за руки:

— Мне с вами очень хорошо и легко. Такое чувство, будто я вас знаю всю жизнь. Я никуда не хочу вас от себя отпускать.

Он заключил меня в объятия, и я почувствовала, как сильно бьется его сердце. Потом он нежно поцеловал меня и тихим взволнованным голосом сказал:

— Зови меня на «ты» и Алексеем.

— Я так не могу, — тихо и смущенно ответила я, — но, поверьте, я найду очень дорогие и нежные для нас обоих слова.

Вечером я никуда от него не уехала, мы были вместе самыми счастливыми на свете людьми. А ранним утром мой любимый человек, счастливый, улыбающийся, проводил меня, а сам поднялся к себе в мастерскую.

Я бежала на работу мимо длинного строя высоких колонн дома навсегда уже дорогого мне человека в своем голубом платье, глаза слепило яркое солнце, душа пела.

III

Наступил один из выходных дней. Я предложила Алексею Ивановичу прогулку по окрестностям Таганки. Я там родилась и выросла: все улицы, переулки для меня там родные. Я люблю древние стены Андроникова монастыря, живописный, поросший густой травой спуск к реке Яузе. Мы там часто гуляли с друзьями в детстве и юности.

Спустя некоторое время мы уже входили через массивные чугунные ворота во двор Андроникова монастыря. Войдя в монастырь, остановились перед удивительной по красоте уникальной церковью XI века из белого камня. Мы обошли ее со всех сторон, любясь красотой ее меняющегося силуэта, долго стояли молча и переживали чувство восхищения перед этим древним памятником. Потом пошли в музей, где собраны шедевры иконописного искусства. Пройдя по залам музея, остановились перед бессмертной иконой «Троица». Она сильно воздействует на душу: чувствуешь умиротворение, любишься гармонией ярко-голубых, оранжевых, коричневых тонов. Взгляд скользит по пластичным линиям фигур, изображенных на иконе. Стоим так долго-долго, держась за руки, потом подходим к следующей иконе. Опять мы стоим и молча смотрим, смотрим... Во взгляде моего дорогого спутника чувствуется единое со мной возвышающее душу настроение.

Позже мы выходим из чугунных ворот монастыря, спускаемся по живописному берегу Яузы:

— Посмотрите, какой простор, а как красив высотный дом на Котельнической набережной на фоне ярко-голубого неба! А мы пойдем сейчас на другой берег Яузы, в Нехлюдовский парк.

Мы подходим к ограде этого парка:

— Видите, вдалеке виднеется яркое кирпичное здание школы. Там учился мой брат Гирей. Обычно они с ребятами пролезали через дырки

ограды Нехлюдовского парка и играли здесь в волейбол, а в старших классах вечерами назначали романтические свидания на аллеях этого парка, около ротонды. Для многих здесь начиналась первая юношеская любовь.

— Да, это место мне известно. Здесь находится старинный особняк XIX века.

Мы опять, взявшись за руки, бродили по тенистым аллеям с вековыми деревьями, отбрасывающими тени и дающими прохладу в этот жаркий безоблачный день, потом сидели на скамейке в старинной ротонде, старались представить себе, как в давние времена жили здесь люди, как они двигались по этому саду, о чем говорили. Отдохнув, мы направились через Язу к станции метро «Таганская» и домой.

Прошло некоторое время, и в выходной день мне позвонила сестра Тамара.

— Маргарита, я приглашаю тебя и Алексея Ивановича к себе в мастерскую. Ведь ты столько говорила о нем, а до сих пор нас не познакомила. А ведь мы, как-никак, одной любимой, многострадальной профессии — художники, — с иронией сказала сестра.

И вот мы идем по одному из старинных московских переулков — Дровяному. Мой дорогой спутник любит смотреть на сохранившиеся здесь ветхими домиками с покосившимися крышами, заросшими густой травой и вековыми деревьями, и добавляет с грустью:

— Да, скоро и эти старинные уголки Москвы попадут под бульдозер. А как они поэтичны! Очень, очень жаль.

— А вы можете многое здесь нарисовать, пока эти дворчики еще живы, — заметила я.

— Хотелось бы, но очень не хватает времени... не хватает времени, — повторил в задумчивости Алексей Иванович.

Мы подходим к Тамариной мастерской.

— Вот смотрите, мастерская здесь, в подвале, — я показала рукой на нижний этаж одного из ветхих домов. — Но сначала мы зайдем к моим родителям, а то они обидятся. Скажут, что были рядом и не зашли.

— Да, зайти надо обязательно, первым делом! — подтвердил Алексей Иванович.

Мы завернули за угол в Мартыновский переулок.

— А вот и мой Пестовский. Видите почти на углу старинный дом с орлами? Этот доходный дом сдавался людям. А на этом месте (я показала рукой) стоял дом, где я прожила с рождения до 17 лет. Вот дом почти напротив, в него мы переехали из старого дома. В этом кирпичном доме живет мой приятель Коля. Помните, я вам о нем рассказывала, как он меня спас в горах в Коктебеле?

— Еще бы, помню... помню! — многозначительно сказал Алексей Иванович.

И вот мы у моих родителей. Дверь открыла мама. Я ее поцеловала и представила моего спутника.

— Мамочка, это Алексей Иванович. Я тебе о нем много рассказывала.

— Маргарита, что же ты заранее не позвонила, не предупредила, что вы придете к нам? — засуетилась мама. — Мы бы приняли вас как полагается.

— Здравствуйте, Александра Александровна.

Мама с теплотой протянула Алексею Ивановичу руку. Он наклонился и почтительно ее поцеловал.

— Раздевайтесь и проходите, — проявила гостеприимство мама. Потом она, отворив дверь, радостно сказала, обратившись к отцу, склонившемуся, как всегда, над открытой книгой и поддерживающему по привычке пальцами правой руки оправу очков: — Вот и Маргарита пришла вместе с Алексеем Ивановичем!

— Данил Ильич, — знакомясь, дружелюбно протянул руку мой отец. Они сердечно обменялись рукопожатиями.

— Пожалуйста, садитесь за стол. Даня, ты побудь пока с ними, а я займусь хозяйством.

С этими словами мама торопливо вышла на кухню, а мы остались в комнате.

— Маргарита много рассказывала о вашем таланте художника, — начал разговор отец, — о том, что вы живете творчеством, объехали с этюдником за спиной всю среднюю полосу России, Сибирь, Среднюю Азию, Кавказ. И были даже на моей родине в Дагестане. Ведь я родился в живописном горном ауле Тарки, он находится рядом с Махачкалой.

— В вашем ауле, к сожалению, я не был, но был в селении Кубачи, в Махачкале, Дербенте. Красота исключительная. Я написал там много картин,

этудов. У меня дома даже целая коллекция кувшинов из Дагестана, кинжал кубачинской работы. Я сроднился с живописными горами Дагестана еще задолго до знакомства с вашей дочкой, — при этом Алексей Иванович ласково посмотрел на меня.

— Из Дагестана я уехал в Москву более полувека назад и с тех пор так и живу здесь, — задумчиво произнес отец.

Наш разговор прервала мама, она принесла угощения и поставила их на стол. Образовалось семейное застолье.

— Мы ведь с женой прожили вместе целых полвека. У нас многодетная семья, — с гордостью проговорил отец.

При этих словах Алексей Иванович с искренней симпатией посмотрел в красивые ярко-васильковые глаза моей матери, на ее милое женственное лицо с печатью грусти. Потом обратил внимание на медаль, приколотую к синему платью с белым гипюровым воротничком-шалькой.

— Это медаль Материнства, — с гордостью сказала мама. — Мне ее торжественно вручал в Колонном зале Дома Союзов сам Молотов. С тех пор я ее не снимаю.

— Поскольку вы первый раз у нас в доме, я покажу вам некоторые наши семейные реликвии. Для вас это не утомительно? — спросил отец.

— Что вы! Пожалуйста, покажите. Мне интересно все, что связано с историей вашей семьи. Я человек любознательный, — слегка шутливо, но в то же время весьма заинтересованно произнес Алексей Иванович.

И отец оказался в своей стихии. Он с гордостью стал показывать гостю старинные фотографии и диплом своего отца, первым из горцев дальнего аула Дагестана в совершенстве освоившего русский язык, получившего диплом об окончании Высшего Императорского технического училища и работавшего горным инженером-нефтяником.

— Мой отец был человеком разносторонним. Он занимался этнографией и литературой. В нашей семье чтят его память. Илья Шеребетович ведь работал под руководством академика Миллера и получил Золотую медаль Дашковского этнографического общества за исследование по этнографии горских народов Кавказа. Всю жизнь в своих детях мы с женой стараемся сохранить память об их дедушке.

— Данил Ильич с Кавказа, а я приехала в Москву с Урала, — продолжила

рассказ о нашем роде моя мама. — Наш род идет по линии моей матери от декабриста Александра Фёдоровича фон дер Бриггена.

Папа достал его портрет и показал нашему дорогому гостю.

— Значит, в Маргарите слились северная и южная кровь, необычное сочетание, — внимательно посмотрев на меня, заметил Алексей Иванович.

Потом отец стал просматривать свой архив, и вдруг руки его сделались неподвижными, а лицо приняло скорбное выражение.

— Вам, наверное, Маргарита, рассказывала о нашей невосполнимой утрате двух сыновей: Александра и Гирея. Двдцатилетний Александр заканчивал химический институт по отделению редких и рассеивающихся металлов, успешно занимался научной деятельностью, кроме того, он писал талантливые стихи. Его не стало в 1949 году. Вот его фотография. А другой сын, Гирей, скончался недавно в 37 лет, экономист, заведовал сектором в Академии наук, уже подготовил к защите докторскую диссертацию.

— Да, Маргарита мне говорила, что идет но стопам своего любимого брата, занимается научной работой, — добавил, глядя на меня, Алексей Иванович. — Эти потери очень прискорбны, — с глубоким вздохом произнес мой любимый человек и после паузы уже оптимистично добавил: — Но у вас остались три дочери. Они радуют вас своей любовью, заботливым отношением и успехами в творчестве.

— Папа, извини, пожалуйста, мы хотим успеть зайти в мастерскую к Тамаре, — обратилась я к отцу. — Хочу познакомить ее с Алексеем Ивановичем.

С этими словами мы встали из-за стола. Еще раз мой дорогой спутник сердечно пожал руки моим родителям, и мы вышли на улицу.

— Чувствуется, что твои родители принадлежат к старой интеллигенции. Я обратил внимание, что Александра Александровна, несмотря на солидный возраст, до сих пор ходит на высоких каблуках, с серьгами в ушах, прической, а Данил Ильич имеет такое благородное лицо, ему идет седая бородка, и такая у него культурная речь!

— Да, когда они идут по улице, люди часто на них обращают внимание, — добавила я, — тихо с симпатией говорят: «Вот идет наша “антикварная интеллигенция!”»

Алексей Иванович дружелюбно улыбнулся. За разговором незаметно привела любимого человека в мастерскую своей сестры.

Когда мы вошли, Тamarочка выглядела, мягко выражаясь, не совсем обычно. У нее на правом плече очень уютно устроилась пушистая откормленная кошка Мавра и гладила Тамарину спину своим пушистым хвостом, а сама художница сидела в рабочей куртке, сосредоточенно устремив близорукий взгляд сквозь линзы очков на свою работу. Услышав наши шаги, она вернулась к действительности: быстро встала со стула и подошла к нам.

— Здравствуйте, Тамара! Маргарита мне так много рассказывала о своей привязанности к вам, — с этими словами Алексей Иванович крепко пожал Тамарину руку.

— Да, мы с ней дружим, — доброжелательно посмотрев на меня, подтвердила Тамара.

— Вы с ней обе примерно одного, небольшого роста, но совсем не похожи друг на друга, — окинув нас взглядом, заметил Алексей Иванович.

— Да, Маргарита — брюнетка, я шатенка, у нее большие голубовато-зеленые глаза, она видит все без очков, а у меня глаза карие, я с детства ношу очки, так для художника некстати, — с юмором добавила Тамара. — И способности разные. Маргарита с детства больше любила читать книги, даже занималась художественным чтением в студии, пошла в науку по стопам брата, но никогда не умела рисовать. А у меня, наоборот, тяга к рисованию с малолетства.

— Известно, противоположности всегда притягиваются, — заключил Алексей Иванович.

— Тамариными способностями к искусству я всегда восхищалась: ведь она рисует, занимается скульптурой и прикладным искусством, — и все профессионально. А по специальности Тамара — художник-монументалист, окончила Строгановку, живописи училась у известного живописца и прекрасного педагога Сергея Васильевича Герасимова. А еще у Тамары на стене висит заветная гитара — она наигрывает мелодии и немного поет, у нее довольно приятный голос. Видите, — пошутила я, — дала Тамаре исчерпывающую характеристику.

— Мне и добавить нечего, — ответила на мою шутку Тамара.

— Я вижу, у вас на стене большая монументальная работа.

— Это сказочный сюжет «Три медведя», — объяснила Тамара.

— Композиция выразительная и по цвету решена интересно, — обратил внимание Алексей Иванович.

— Да, я сейчас делаю заказную работу для комбината.

— Тамара, покажи, пожалуйста, Алексею Ивановичу свои живописные работы.

Сестра быстро достала со стеллажа несколько нарисованных ею картин.

— Вот этюды: этот, — она показала рукой на небольшой этюд, — писала под Москвой.

На этюде мы увидели, как над лугом еще стелется утренний туман, но уже блеснули первые солнечные лучи. Коричневая длинногривая лошадка щиплет зеленую сочную траву, поза ее живая, естественная. Рядом Тамара поставила другой этюд:

— Это я писала в Кижях.

Мы увидели восходящее солнце, позолотившее живописный склон, миниатюрные главки с изящными крестами и легкую ажурную резьбу деревянной церкви. И вся эта гармоничная красота пейзажа отражалась в спокойной глади озера.

— Это, — она показала нам еще один этюд, — храм Мартина Исповедника. Я его рисовала давным-давно с верхнего этажа школы, где тогда училась Маргарита.

— Мне, Тамара, нравится колорит ваших работ, композиции тоже интересны, — похвалил Алексей Иванович.

— А мне нравятся выполненные Тамарой портреты! — вставила я. — Покажи... покажи, пожалуйста.

И Тамара достала портрет нашей матери.

— Этот портрет я написала с мамы тоже давно, после смерти брата Александра. Вам Маргарита, наверное, уже рассказывала о нем, — с печалью в голосе сказала сестра.

— Только что я видел вашу маму, сходство большое, и медаль Материнства так же на ней, — заметил Алексей Иванович.

— А вот противоположный по настроению портрет нашего дядюшки, родного брата отца, Леонида, — уже с веселой интонацией произнесла сестра.

На портрете был изображен колоритный пожилой человек с массивной

фигурой, уже седой головой, большими глазами с поволокой, крупным красновато-сиреневатым носом, большими чувственными губами и окладистой седой бородой.

— Судя по портрету, ваш дядя был большим жизнелюбом, — заметил Алексей Иванович.

— Да, наш дядя Леонид Ильич любил застолья, был любвеобилен: женился многократно, — с чувством юмора подчеркнула сестра. — Имел много детей от разных жен, к сожалению, разменял себя. Серьезно не занимаясь наукой, тем не менее он сделал несколько изобретений. Самое крупное из них: создание гипсолитовых плит, применяемых в строительстве. Также есть его изобретения в области авиации.

— Портрет получился интересным, колоритным. Вам удалось в нем выразить самые характерные черты вашего дяди: жизнелюбие, ум, — заметил мой дорогой спутник.

Наступила пауза, мы сидели молча под впечатлением увиденного. Тамара нарушила молчание, переведя разговор на другую тему.

— Вам Маргарита наверняка рассказывала о двух наших братьях, безвременно ушедших? Недавно им наконец установили памятник на Ваганьковском кладбище. — Она принесла фотографии этого созданного ею монументального сооружения и стала показывать.

— Вот уже отлитая в бронзе фигура двадцатилетнего брата Александра, а вот Гирей. Завершают эту композицию парящие в облаках, исполненные романтики юноша и девушка, взявшиеся за руки в едином романтическом порыве.

— Фотографии выразительные, но эту композицию надо видеть уже установленной, чтобы получить от нее полное впечатление, — заметил Алексей Иванович.

— Открытие памятника уже состоялось, на нем присутствовали ученые — коллеги моего брата из Академии наук, на них памятник произвел сильное впечатление. Сказали, что выражение лица, поза, движения похожи на Гирея, — добавила Тамара.

— Какая вы молодец! Осилить такой труд! — похвалил Алексей Иванович. Потом, взглянув на часы, добавил: — Надо идти, уже поздно.

— Мы пойдем все вместе, — сказала Тамара.

— Тамара, а ведь ты еще и ковер начала делать!

— Это я в следующий раз уже покажу. Я думаю посвятить эту работу вечной теме любви юноши и девушки, их среднему возрасту и старости.

— Очень интересно. Да вы еще и философ в искусстве! — заметил с живостью Алексей Иванович.

— Я тоже всегда в ней это замечала, — подтвердила я.

Мы дружно поднялись вверх по ступенькам мастерской и очутились на улице. Поднялись в горку по Мартыновскому переулку и дошли до храма Мартина Исповедника.

— Вы раньше видели этот храм? — обратилась Тамара к Алексею Ивановичу.

— Я всегда обращал внимание на этот величественный храм одного из лучших в Москве архитекторов — Родиона Казакова. Для меня Коммунистическая улица примечательна еще и тем, что здесь была выставка художников-авангардистов. За ее проведение Московский союз художников получил взыскание от горкома партии, мне за это досталось.

Потом мы опять вернулись к разговору о храме.

— Как жаль, что в таком красивом соборе много лет находится книжная палата! Я разговаривала со старыми бабушками, они еще помнят время, когда ходили в этот храм, говорят, он внутри необыкновенно красив и оригинален, — добавила Тамара.

— Наша Коммунистическая улица знаменита тем, что здесь неподалеку сохранился старинный особняк, принадлежавший известной династии Алексеевых, крупным промышленникам и меценатам. В нем провел детство и юность Константин Сергеевич Станиславский, — живо добавила я, — наверняка вся их семья бывала в этой церкви.

— Маргарита была горячей поклонницей Художественного театра. Спектакли «Анна Каренина», «Три сестры», «Вишневый сад» смотрела десятки раз, — внимательно взглянув на меня, сказала Тамара.

— А сейчас мы пойдем направо, — указала я рукой в сторону метро «Таганская». — Здесь неподалеку находится дом известных историков и ученых Зубовых. Сейчас там Дом работников просвещения. В нем недавно проводилась персональная выставка Тамары.

Вскоре мы поравнялись с этим старинным особняком.

— Видите за ним многоэтажное кирпичное здание школы? Здесь я училась с первого по десятый класс.

Мы вошли во двор и остановились.

— Представьте меня сначала маленькой, 7–8-летним ребенком с большим портфелем, а потом почти взрослой, и все эти годы связаны с нашей школой, двором, с этими старыми тополями, кленами. Эти деревья были свидетелями моего детства и юности и сохранились до сих пор. Я иногда захожу сюда просто постоять и при этом испытываю приятное волнение: грусть воспоминаний о невозвратных годах детства, об ушедших от меня навсегда сверстниках и учителях. Видите, какая я сентиментальная... — добавила я, смущаясь своих нахлынувших чувств, и после паузы предложила: — Пойдемте к метро, а то становится как-то грустно.

Всей компанией мы быстро оказались в метро и, попрощавшись с Тamarой, вернулись домой на «Киевскую».

IV

Наступила целая череда счастливых дней совместной жизни. Внешне моя жизнь мало изменилась: все тот же повседневный быт... Работа и редкие развлечения. И так по кругу изо дня в день, изо дня в день. Но когда в этот повседневный круг, совершаемый всеми, врывается любовь, тогда каждодневный обыденный круг забот преобразуется и перестает быть привычным, обыденным... Это становится уже человеческим счастьем.

Я пробуждалась утром: со мной рядом — любимый и любящий меня человек. Бывали мгновения, когда ранним утром мы молча стояли у огромного окна и видели, как поднимается над городом яркий, ослепительный диск солнца, как его лучи золотят высокие дома, башню Киевского вокзала, как солнце пронизывает своим сиянием верхушки деревьев, растущих вблизи нашего дома. Мы просто молча смотрим, но как нам хорошо в эти минуты!

Мы любили маленькие радости, вместе покупали подарки. Ему новые ботинки. Если удавалось найти подходящие, мой любимый радовался красивой форме, шоколадному цвету новых ботинок, их удобству. Когда

мне захотелось иметь новые часы, мы обошли множество магазинов, пока не нашли часы изящной формы с позолоченным циферблатом. Алексей Иванович надел их мне на руку: «Пусть они всегда напоминают тебе стук моего сердца».

Приходим домой усталые после посещения многочисленных магазинов. Обедаем. Разогреваем еду в духовке: «Рита, дай я достану, ведь ты обожжешь себе руки!» Я наблюдаю за любимым человеком, как ювелирно он разделявает рыбу вплоть до мельчайших косточек, как при этом красивы движения его пальцев.

Выдавались редкие свободные вечера. Мы сидели одни около телевизора. Конечно, Алексей Иванович ловил каждое слово передач «Новости», хотел знать как можно больше обо всем, что делается в мире. Очень любили вместе смотреть соревнования по фигурному катанию, мы следили за красивым пластичным рисунком танцующих, слушали музыкальное сопровождение. И вдруг, оторвавшись от экрана и нежно посмотрев на меня, он говорил: «Рита, какое счастье, мы сидим с тобой только вдвоем и дышим одним воздухом. Я люблю тебя так, что больше любить невозможно... — и после паузы вдруг добавил: — Я, не задумываясь, отдал бы за тебя жизнь!»

Но лишь редкие дни были такими спокойными, безоблачными. Гораздо больше было дней, заполненных неустанным трудом, общественной работой в Союзе художников. Каждый день Алексей Иванович подходил к своей картонной коробке из-под конфет и брал оттуда очередную повестку на заседание или совещание. И часы нашего безоблачного счастья вдвоем отодвигались. Часто он приходил поздно вечером усталый и чем-то удрученный. Я понимала: значит, опять какие-то неприятности в МОСХе. Позже Алексей Иванович говорил:

— Представители отдела культуры Комитета партии сняли перед открытием выставки оригинальные, талантливые картины художника... Пришлось с ними идти на конфликт. Как все это надоело!

Постоянно участвуя в открытии различных выставок, Алексей Иванович нередко сталкивался с произволом некомпетентных представителей власти. В таких случаях он всегда старался защитить художников, вечно переживал за них. Спустя некоторое время он успокаивался, и наша домашняя жизнь входила в обычное русло.

Мы вместе мечтали приобрести деревянный домик с прилегающим к нему яблоневым садом, кустами сирени, и чтобы невдалеке была тихая речка и открывались бескрайние поля, лесные дали.

— Я бы удил рыбу, а ты, Рита, работала бы в саду. Как свободно, хорошо! Я хочу много... много рисовать, — мечтал мой любимый человек.

— Представляю себе, мы приезжаем туда, когда наступает весна: яблони в цвету, благоухают кусты сирени, поют птицы. Мы встаем вместе с солнцем, — мечтала я.

Но дни и мгновения безоблачного счастья были редки. А жизнь Алексея Ивановича в основном состояла из неустанного труда художника и общественной деятельности.

МОСХ готовился к III Всесоюзному съезду художников. Алексей Иванович Писарев принимал самое деятельное участие в его подготовке. Все эти годы он был заместителем председателя и членом правления МОСХа. Он изнутри знал все нужды, проблемы художников, такие как необходимость большей свободы творчества, необеспеченность мастерскими с подходящими условиями труда, проблемы с организацией выставочной деятельности, низкие заработки, не позволяющие содержать свои семьи, и множество других проблем.

И вот Съезд художников торжественно открылся в Большом Кремлевском дворце. На него съехались представители Союзов художников со всего Советского Союза. Были доклады, жаркие дискуссии на животрепещущие темы, были и просто дружеские встречи.

И в эти дни двери дома Алексея Ивановича не закрывались: все время приходило много художников, с которыми он повседневно общался: Виктор Попков, Макс Бирштейн, Борис Огороков, Фёдор Глебов, Анатолий Васильев и другие художники. Многих из них он не видел долгие годы, и теперь на Съезде состоялась их радостная встреча. Эти люди надеялись на перемены к лучшему, прикладывали все усилия, возможные в то время.

К III Съезду художников в Большом Манеже была развернута выставка произведений лучших живописцев всех союзных республик. Выставка получилась большой и разнообразной. На ней, помимо живописных полотен, были представлены великолепные изделия из стекла, керамики, ювелирные работы. Кроме того, выставку украшали прекрасные ковры, костюмы,

куклы и многие другие изделия народных промыслов. Для художников и зрителей это было большим и красочным праздником. В таких выставках участвовали старые прославленные мастера и молодые таланты.

Как и в первые дни нашего знакомства, Алексей Иванович все с той же энергией водил меня по очень большой, представительной выставке. Мы быстро проходили мимо заказных работ видных партийных деятелей, броских, но без души написанных портретов рабочих и доярок, а вот перед истинными произведениями искусства мы останавливались. Он искренне восхищался выразительной композицией, красочным или тонким колоритом работ: натюрмортами, пейзажами, сложными многофигурными полотнами.

Из среднего поколения Алексей Иванович любил и особенно выделял талант Виктора Попкова. Он был его соседом по квартире и мастерской. Виктор проживал рядом с нами с женой Кларой и маленьким Алёшей. Алексей Иванович постоянно дружески общался с ними и очень сердечно, тепло и искренне относился к обоим. Он признавал выдающийся талант и оригинальность Виктора как художника и большую одаренность Клары. Высоко ценил человеческие качества Виктора: его доброту, искренность, смелость, и большую сердечную теплоту Клары. Часто мы слышали, как Виктор даже в ночное время поднимался на лифте в свою мастерскую работать над картиной: ему пришла в голову свежая идея, как дальше писать картину, и он спешил к себе в мастерскую, чтобы ее осуществить. Очень часто они с Виктором заинтересованно обсуждали насущные проблемы художников: дома, в мастерской и на официальных совещаниях. Их взгляды во многом совпадали.

Для Алексея Ивановича посещение выставки было праздником. Мы любовались замечательными пейзажами, жанровыми картинами русских и близких к ним украинских и белорусских художников, сочностью красок, горными пейзажами Кавказа, Средней Азии, сдержанной изысканностью, изяществом и выразительностью работ художников Прибалтики. Этого забыть нельзя.

Так день за днем шла наша насыщенная, интересная жизнь, и вот мы незаметно оказались на пороге Нового года.

Накануне его наступления я вхожу в квартиру вся заснеженная, а в

руках у меня пушистая зеленая елка. В квартире запахло хвоей, сразу почувствовалось приближение праздника.

— Рита, почему ты одна несешь елку? Тебе ведь тяжело, почему мне ничего не сказала заранее?! Ну ты меня удивила!

— Я хотела сделать приятный сюрприз! Я отнесла маме почти такую же. Завтра принесу игрушки, мы будем наряжать ее вместе, — весело сказала я.

На следующий день игрушки и настоящие свечи были дома. Мне хотелось, чтобы мой любимый сам по своему вкусу развешивал игрушки и прикреплял свечи. Казалось бы, игрушки были такие же, как всегда, но выглядела елка совсем по-другому: очень красиво. Что значит вкус художника! Потом мы прикрепляли к зеленым пушистым веточкам настоящие свечи и зажгли их. Они придали еще большую красоту и таинственность новогодней елке.

— Ну вот, около такой красавицы можно хоть сейчас встречать Новый год! — весело сказала я. — Недаром у нас дома в войну часто не было хлеба, а нарядная новогодняя елка была обязательно.

— Риточка, а я без тебя елку не ставил, — заметил мой любимый.

— Ну вот мы и вернулись вместе в далекое детство, — пошутила я.

На следующий день мы готовились к встрече Нового года. Приближалась таинственная полночь. Мы подошли к широкому окну. На улице было безлюдно. Падали хлопья пушистого снега, под уличными фонарями весело кружились снежинки. По левую и правую стороны от Бородинского моста, перекинутого через Москву-реку, виднелись как будто построенные в шеренги ярко горящие фонари. Не было привычно мелькающих перед глазами зажженных фар беспрестанно снующих машин. Высотный дом и освещенный фонарями Бородинский мост выглядели нарядно и торжественно. Справа отчетливо виднелась старинная башня Киевского вокзала со светящимся циферблатом, напоминавшим полную луну. Стрелки часов на нем приближались к полночи. А наверху башни были хорошо освещены четыре орла с расправленными крыльями, устремленные в разные части света.

— Как только стрелка часов на башне покажет полночь, орлы взлетят в небо и полетят на все четыре стороны, — пошутила я.

— Да, у тебя являются неожиданные фантазии, — ответил на мою

шутку Алексей Иванович и нежно поцеловал меня в щеку, — надо спускаться на землю. Ведь до встречи Нового года остаются считанные минуты.

Мы зажгли на елке свечи, сели за праздничный стол, включили телевизор и стали внимательно, как обычно, слушать новогоднее поздравление. Около двенадцати часов Алексей Иванович с торжественным видом наполнил бокалы шампанским, слушали бой курантов. Я загадала два желания: быть нам здоровыми и самое заветное — чтобы появилось родное маленькое существо от любимого мной человека.

— Вот и наступил Новый год!

Мы тут же позвонили по телефону и поздравили моих родных. За последнее время Алексей Иванович стал близким нашей семье человеком: мы, как говорят, были «одной группы крови», люди, родственные по духу.

Потом было много других звонков с новогодними поздравлениями.

Алексей Иванович был весел, бодр и вполне счастлив. Потом мы погасили верхний свет, зажгли на елке настоящие свечи. Отблеск свечей падал на пушистые зеленые ветки, яркие разноцветные игрушки. И снова эта новогодняя ночь подарила нам счастье.

V

В новом году опять по дороге жизни помчались безостановочно два колеса: его — дом, мастерская, Союз художников; мое — дом, институт, библиотека. Так неделя за неделей. Но вот наступил момент, когда с нами произошло чудо. Я услышала от доктора долгожданные слова: «Я вас поздравляю, у вас будет ребенок». Счастливая, я прибежала к своему супругу в мастерскую и сообщила ему радостную весть. Он прижал меня к себе и крепко поцеловал. В его сердце появилась любовь к еще одному, находившемуся во мне существу.

В душе возникло чувство радостного ожидания чуда. На работе во мне заметили перемены: вместо серьезно-сосредоточенного взгляда и делового вида в моем облике появилось, как мне говорили, что-то трогательно-романтическое.

После работы мы снова сидим с моим дорогим человеком вместе. Он

бережно меня обнял, и мы опять стали мечтать.

— Я хочу, чтобы у нас родилась девочка. Я ее обязательно назову Анной. Мама хотела меня назвать Анной, а потом передумала и назвала в честь своей погибшей сестры Маргаритой — правда, ее звали Ираидой, сокращенно — Рида, а мое сокращенное имя — Рита — похоже по звучанию, — сказала я.

— А если родится мальчик, мы назовем его Михаилом. — Потом, после паузы, добавил:

— Или каким-нибудь историческим именем, например, Пётр или Николай.

Мы были счастливы, но уже новым счастьем. Продолжали в редкие свободные дни ходить в гости, бывали на выставках, в театрах.

И вот однажды... Мы сидим, как обычно, обедаем в нашей уютной кухне. Алексей Иванович берет со стола острый ножик и начинает обрезать самые вкусные, румяные корки тонко нарезанных кусков черного хлеба. Я ничего не могу понять. Зачем он это делает? И вдруг, обращаясь ко мне, он говорит, как бы извиняясь:

— Рита, я не хотел тебя расстраивать, но у меня в последнее время застревают в горле жесткая пища. Не знаю, в чем дело...

Во мне все похолодело, но я постаралась не подавать вида.

— Это все пройдет... Обязательно пройдет, — успокаивала я, — только надо окончательно бросить курить. А сейчас надо просто сделать глоток подсолнечного масла.

И я протянула ему бутылку с душистым растительным маслом. Мой Алексей Иванович сделал глоток, ему стало как будто легче глотать.

Проходили дни, недели после этого тревожного разговора, но все по-прежнему повторялось. И вот однажды, переодеваясь и не глядя на меня, мой дорогой человек произнес уничтожающие, страшные слова: «Риточка, мне лучше не становится. Боюсь, что у меня рак».

Комок подступил к моему горлу, в глазах потемнело. Я воткнулась лицом в подушку и начала безостановочно рыдать. Я очень боялась, встретив такого горячо любимого человека, потерять его навсегда. Это было невыносимо.

Он приблизился ко мне, достал платок и стал вытирать мое распухшее от слез мокрое лицо.

— Я жалею, что сказал тебе это, — проговорил он и после паузы добавил, — я не могу скрывать от тебя свои опасения. Ведь меня это все время мучает.

Потом он стал меня целовать и утешать:

— Риточка, глупенькая, ну перестань же... перестань плакать. Ведь я жив... Я не умер... Перестань, пожалуйста!

Обнявшись, мы застыли в нашем общем горе и сидели так долго-долго. Потом, сделав над собой усилие, Алексей Иванович произнес:

— Мы не будем поддаваться нашему горю. Давай я тебя повезу сейчас в хороший ресторан. Поехали, Рита! Переодевайся, ты должна выглядеть красиво, — мягко «приказал» он мне.

И вот мы уже в машине подъезжаем к ресторану. Входим в зал, ярко освещенный массивной хрустальной люстрой, с большими зеркалами и бархатными бордовыми шторами. Проходим между столиками. Кругом клубы сигаретного дыма, мужчины с нарядными дамами, сидящие за столиками, бокалы вина на высоких ножках, празднично украшенные блюда с дорогими яствами, обрывки смеха, громкой речи, официанты с подносами. Особая атмосфера ресторанного возбуждения сразу уносит от нас вместе с клубами дыма печальные мысли. В данное мгновение мы уже в другом, необычном мире.

Выбираем столик около стенки, создается интимный уголок: мы не на виду, а нам видно все вокруг. К нам сразу подходит вышколенный официант, принимает заказ, записывает его быстро двигающимися длинными пальцами, бросает на нас свой наметанный взгляд и стремительно исчезает.

Мы сидим за отдельным столиком, напротив друг друга, мы и одни, и в то же время в шумном обществе посетителей парадного зала ресторана. Обстановка для нас очень необычная. Стол наш вскоре приобретает роскошный вид: красная икра, вино и другие яства и, конечно, пачка дорогих сигарет. Здесь и сейчас можно все! Алексей Иванович закуривает, я для вида тоже. Мы сидим в клубах сигаретного дыма, я беру бокал и делаю глоток красного вина. Смотрю в лицо дорогого мне человека, говорить совершенно не хочется. Но какое удовольствие вести диалог просто глазами, и как много можно сказать друг другу! Я снова чувствовала магию его глаз. Я говорила ему о том, как я люблю его и тревожусь за него, и о том, что не

хочу и не могу верить в возможное для нас несчастье. Каждое выражение моих глаз зеркально отражалось в его глазах.

А потом мы слушали певицу, выступавшую на сцене с небольшим эстрадным оркестром, и даже медленно танцевали между столиками. Мы отдавались сиюминутному ощущению благополучия и радости. И в душе вновь затеплилась надежда: а может быть, все будет хорошо?.. Все обойдется... Разлука нас минует... Все будет хорошо!

Наступили майские торжества: 1 мая — День солидарности трудящихся и 9 мая — День Победы. Когда началась война, Алексей Иванович ушел добровольцем на фронт и прошел всю войну от ее первого дня и до дня Победы, был капитаном минно-саперной службы. В семейном альбоме есть военные фотографии, он имел множество боевых наград. Поэтому мой муж мог быть в центре этих майских торжеств: отмечать, говорить, встречаться с друзьями-однополчанами, но он не таков. Он был человеком исключительной скромности, я не слышала, чтобы он говорил о своих боевых заслугах. Мы отмечали эти праздники по-своему. На домашнем столе в эти дни был разложен атлас шоссейных дорог. Алексей Иванович склонялся над ним и уточнял маршрут движения автомобиля по Минскому шоссе. Чуть рассвело, и он уже вел машину в сторону Звенигорода.

Мы выехали на природу. Какое счастье — наступила весна! Интересно устроен человек — сколько весен позади у взрослых людей, а с каждым новым весенним пробуждением природы душа возрождается вновь. Радуешься солнечному свету, яркой голубизне неба, набухшим на деревьях почкам, пробивающейся из-под земли ярко-зеленой траве. Слушаешь пенье птиц, вдыхаешь запахи весны. Снова и снова все на твоих глазах совершается как будто впервые.

Сидя в машине, вглядываюсь в непрерывно меняющиеся картины природы: пробуждающийся к жизни лес, берега реки, слегка опушенные зеленой травой. Мы выходим из машины и оказываемся на лесной поляне, ступаем по первой весенней траве, видим под ногами множество нежных листков еще не распустившихся ландышей.

— Представляю, какая здесь будет красота и аромат совсем скоро, когда они расцветут!

Долго стоим, очарованные увиденным. Идем дальше. И вдруг оказываемся в березовой роще, становится белым-бело от высоких стройных берез. Вверху начали ярко зеленеть крохотные листочки, только-только появляющиеся из набухших, клейких почек, а небо над кронами деревьев голубое-голубое. Поднимаем голову и долго-долго смотрим в его бескрайнюю голубизну.

— Вот сейчас я действительно чувствую Праздник! Даже не мучают меня так мои недуги, — вдохнув полной грудью, сказал мой любимый человек.

— Я живу ожиданием весны. Очень жаль, что она так быстро проходит, — с горечью добавила я.

Потом мы возвращаемся к машине и едем дальше. Любуюсь обрывистыми склонами с высокими, стройными елями, уходящими в самую голубизну неба, легкими розовыми облаками. Гористый пейзаж сменяется густым лесом, перелеском и большим, уходящим в самую даль полем со стадом пасущихся на лугу коров.

Машина мчит нас все дальше и дальше, и вот нашему взору открывается небольшая живописно расположенная деревушка: дома деревянные, аккуратно сложенные, с резными наличниками, а около домов уютные скамеечки. К домам прилегают небольшие участки со свежевыкрашенными заборами, с яблоневыми и вишневыми садами и огородами. В них чинно разгуливают куры и петухи. Слышен лай собак, обрывки голосов.

А по другую сторону шоссеиной дороги виднеется полноводная река с живописными склонами, на них — крохотные фигуры рыбаков, удящих рыбу.

— Как здесь хорошо! Тебе славно было бы отдыхать, и мне есть где ловить рыбу. Давай постучимся в калитку. Может быть, сдастся у кого-нибудь дача?

Мы постучались в один из таких домиков. Никто не откликается, тогда мы постучали еще и еще раз — наконец послышались шуршащие неторопливые шаги, и на дорогу из сада, видного нам из-за забора, вышла сторбленная старушка в сером платочке, лицо ее было изрыто глубокими морщинами, а глаза смотрели ясно и светло.

Нам повезло: старушка оказалась доброй, сговорчивой. Договорились снять у нее на лето дачу.

— В твоём положении так нужен чистый воздух и свежее парное молоко, а я не могу без рыбной ловли. Меня это успокаивает, я забываю про свои болезни, — заключил мой дорогой человек.

Мы сели в машину. Проселочная дорога вывела нас на шоссе, и мы поехали в направлении к дому, полные радужных надежд на близкий отдых.

Но отдыхать летом на даче, заниматься любимой рыбной ловлей Алексею Ивановичу так и не довелось. Несмотря на плохое самочувствие, ему нужно было еще много работать в Москве: завершать свои договорные работы, заниматься ежедневной общественной деятельностью в Союзе художников. Я же договорилась жить на даче с хорошей маминой подругой, Марией Алексеевной, знавшей и любившей меня с самого моего рождения. Я звонила с дачи почти каждый день.

— Алло... алло! Это Маргарита, — прорывалась я сквозь плохую телефонную связь. — Как дела дома? Все в порядке?... Ничего не слышу! Громче... Громче, пожалуйста.

Потом слышу голос моего любимого Алексея Ивановича.

— Ты, пожалуйста, не волнуйся, у меня все в порядке. Даже нет сильных болей, когда я принимаю лекарства.

— Я приеду домой насовсем, буду готовить, убирать, ходить за продуктами! — долго я уговаривала Алексея Ивановича.

— Ни в коем случае, Рита! Ты должна отдыхать на природе и думать, чтобы у тебя родился здоровый ребенок. А я со всем бытом прекрасно справляюсь сам... Хотя по тебе скучаю... Мне тебя не хватает. Ты ведь приедешь в пятницу вечером?! Я тебя буду ждать.

— Конечно, конечно, приеду! — кричу я в трубку.

Примерно такой разговор повторялся изо дня в день, из недели в неделю. На выходные я приезжала домой. Мы были дома вдвоем. Алексей Иванович встречал меня с радостью.

— Рита, как ты порозовела и похорошела! — потом после паузы тихо добавил: — Тебе на пользу твоё положение.

Я прошла в большую комнату и увидела рядом с фотографиями первой жены три свои фотографии. Мне было так приятно увидеть еще одно подтверждение его любви ко мне, а также то, что Алексей Иванович по мне скучает. «Какое счастье, что наши чувства взаимны!» — думала я.

Так, неделя за неделей, проходило лето. Мой любимый человек всем сердцем хотел приехать на дачу, побыть со мной на природе, посидеть с удочкой на берегу реки, но нам не суждено было предаться такой радости. Алексей Иванович уже все приготовил для поездки, даже купил большой спелый арбуз, он безошибочно умел выбирать их, уже сел в машину... И вдруг почувствовал дурноту и слабость. Так столь долгожданная для нас обоих поездка не состоялась. Я сразу после этого приехала с дачи домой. Был самый конец августа.

VI

Алексей Иванович, несмотря на болезнь, не менял своего обычного распорядка: с утра, приняв обезболивающие лекарства, так же работал, и все так же в мастерской раздавались звонки, связанные с его общественной деятельностью в Союзе художников. Он похудел, побледнел, почти ничего не мог есть, но сила духа была удивительной. Я тоже старалась не показывать поселившегося во мне горя, но по моему виду все было ясно, и мой дорогой супруг постоянно меня успокаивал:

— Не печалься так. Тебе ведь никак нельзя расстраиваться, — и с мягкой улыбкой повторял: — Все обойдется, и я выздоровею!

Мы поднимаемся в мастерскую, Алексей Иванович обращается ко мне:

— Мне надо обязательно закончить картину перед тем, как я лягу в больницу. Это договорная работа.

Я подошла к холсту: на картине были изображены молодые девушки с веселыми лицами, танцующие в ярких нарядах. «Как в таком тяжелом состоянии с непрекращающимися болями, — думала я, — находить в себе душевные силы изображать на картине праздник и веселье?! Ну и сила духа у моего супруга!»

— Рита, я тебя посажу, и ты мне будешь изображать различные движения рук, а я буду рисовать. Мне это нужно для окончания картины. Очень важно, чтобы у этих девушек получились естественные и выразительные руки.

И Алексей Иванович показывал своими удивительно пластичными руками нужные движения. Я их копировала, а он писал их на холсте. Так он

докончил одну из последних своих работ.

Иногда мы совершали прогулки на Ленинские горы. В один из теплых, ясных осенних дней идем мы по гранитной набережной Москвы-реки и затем сворачиваем на широкую кленовую аллею. Видно безоблачное синее небо над головой. Могучие деревья горят золотыми кронами, дорога устлана сплошным ковром ярких кленовых листьев. Я поднимаю большие золотые листья, мы любуемся их удивительно красивой формой и цветом. И снова пробуждается в нас радость и надежда. Алексей Иванович смотрит на уходящую вдаль золотую аллею и задумчиво говорит:

— Моя золотая осень еще впереди, — потом после паузы продолжает: — Мне так хочется на это надеяться!

Спустя короткое время мой любимый человек оказался на больничной койке.

Я шла по заросшему высокой травой больничному двору и видела вокруг почерневшие стволы деревьев с редкой кроной, уходившие в затянутое серыми облаками небо. Само здание больницы, находившееся в этом дворе, было старинной постройки с типичной больничной архитектурой: блекло-желтый фасад здания украшал портик с колоннадой. Ноги туда не шли от волнения. Сделав над собой усилие, я поднялась в широком грузовом лифте на четвертый этаж и попала в просторный холл. Слева от лифта находилась палата, где лежал Алексей Иванович. Приближаясь к палате, я услышала доносившийся оттуда громкий стон и нечленораздельный крик страдающего от боли человека. С трудом можно было разобрать слова: «Сестра, сестра помогите... Помогите! Нет мочи терпеть боль...» Конечно, Алексей Иванович сказал мне:

— Риточка, подожди меня в холле. Ты видишь, что здесь делается. Я должен немедленно разыскать сестру или врача. Как человек страдает!

Я села в удобное коричневое кресло и стала ждать его прихода. Через несколько минут увидела вбегающую в палату молоденькую медсестру и Алексея Ивановича, идущего ко мне. Он сел рядом в такое же кресло. Крики, суета стихли, и мы начали беседовать.

— Что все-таки говорят врачи? — с замиранием сердца задаю я вопрос.

Мой дорогой человек никак не хочет отвечать на него. Слова застревают в горле. Но их избежать невозможно.

— Операция... Только операция в самое ближайшее время, — опустив глаза, произносит он.

У меня подступает комок к горлу. Ничего не могу говорить. Прячу глаза, наполненные слезами. Сидим молча. Потом Алексей Иванович первый берет себя в руки и начинает говорить:

— Ко мне приходил хирург, такой мрачный, подавленный. Говорит, что у меня язва.

Я почувствовала, что Алексей Иванович сам не верит в этот диагноз, с таким сарказмом он произносит слово «язва».

— Хочешь, я сейчас принесу листочек бумаги и нарисую тебе, что мне будут оперировать.

Через несколько минут он возвращается с небольшим листком и хорошо отточенным простым карандашом и начинает изображать внутренние органы, пищевод, обводя карандашом несколько раз ту часть, что ему будут удалять.

— Да, на рисунке все выглядит удивительно просто и даже совсем безопасно! Если бы так было в жизни! — вздохнула я.

— Я тебя хочу успокоить, чтобы ты так не волновалась, — ласково глядя мне прямо в глаза, произнес мой супруг и после паузы добавил: — Риточка, у меня к тебе просьба — принеси, пожалуйста, мне несколько больших шоколадок «Золотой ярлык». Я буду угощать медсестер.

— Хорошо, в следующий раз принесу, если так хочется, — улыбнувшись, ответила я.

Перед моим уходом из больницы опять разыгралась тяжелая сцена. В коридор вышел очень крупный, тучный больной, весь пожелтевший. Медсестра стала его увещевать:

— Вам нельзя ходить, доктор не разрешает.

— А я не могу лежать! Вы понимаете, не могу... не могу! — в глазах выразилось страдание и раздражение.

— Ну идите, идите в палату.

Бережно взяв больного за руку, медсестра стала провожать его к койке.

— Сколько же надо терпения и сострадания этим медсестрам, чтобы изо дня в день находиться в этой обстановке?! — заметила я.

— Еще бы, — сочувственно подтвердил Алексей Иванович.

Потом я узнала, что той же ночью этот больной умер.

В следующий раз я принесла в больницу целую стопку больших шоколадок, завернутых в ярко-фиолетовые глянцевые обертки с выпуклым тиснением под золото «Золотой ярлык».

Потом мы сели в кресла в укромном уголке, чтобы побыть наедине, в стороне от посторонних глаз. Мы трогательно-вопросительно смотрели друг на друга.

— Мой врач настаивает, чтобы я, не откладывая, легла в роддом, — сообщила я новость, стараясь сохранять спокойствие. И, взглянув ласково на мужа, добавила: — Я так привыкла каждый день приходить сюда... сидеть вместе... смотреть друг на друга... разговаривать... Как же хорошо быть рядом...

— Делать нечего, если так надо. Вот сделают мне операцию, я обязательно поправлюсь, ведь не для того я так много страдал, Рита, чтобы умереть! Будем с тобой верить: мы снова будем вместе, — успокаивал он, глядя в глаза.

Слова были оптимистичными, а взгляд тревожно-печальный, и слегка дрожал подбородок.

— Рита, а как же ты будешь после роддома? Ведь я не смогу даже встать с постели! Тоже мне, отец... — с болью и горечью проговорил мой супруг.

— О, насчет этого нечего волноваться! Желающих нянчить и любить наше маленькое сокровище много: мама, папа, Мария и Тamarочка... Они ждут не дождутся появления малыша на свет.

При этих словах у моего мужа впервые за это время лицо озарилось радостной улыбкой. Потом с озабоченностью в лице я сказала:

— Лишь бы благополучно прошли роды.

Муж нежно положил ладонь и погладил мой живот.

— Наш ребенок будет с характером, — с улыбкой проговорила я, — частенько бьет меня своими ножками и ручками по животу. Надоело ему быть в темноте, хочет скорее на белый свет.

Он ответил улыбкой. Так мы сидели долгое время, он продолжал держать свою теплую ладонь на моем большом круглом животе. Потом взгляд его стал серьезным и деловым.

— Риточка, теперь о прозе. Ты должна получить деньги за продажу

моих картин. Тебе переведут их на сберкнижку. Их тебе будет достаточно на это время.

— Да... да, я поняла.

«И даже об этом не забыл... Какой заботливый», — с чувством благодарности подумала я.

Опять мы молчим. Мой супруг смотрит в мои глаза долгим-долгим взглядом, как будто хочет запечатлеть в себе каждую черточку моего лица. Потом мы встаем, прощаемся. Он целует меня нежным и долгим поцелуем, держит меня за руки.

— Риточка, счастливо тебе! У тебя все будет хорошо... Все будет хорошо. В этом я уверен...

С этими словами я сажусь в лифт, и он меня увозит от самого дорогого и любимого человека, как оказалось, навсегда.

VII

Наконец пришло время, свершилось счастливое событие: появилась на свет наша дочка. Я лежу в палате для рожениц, вокруг все белым-бело, чувствую нестерпимую боль, потом постепенное освобождение от распирающей тяжести и слышу раздирающий душу крик новорожденной. Ко мне подходит акушерка и совсем рядом с моим лицом ловко поворачивает на ладонях нежное тельце новорожденного ребенка.

— Вы только полюбуйтесь на свою красавицу! — сердечно произносит акушерка.

Я чувствую в душе безграничное счастье и душевное обновление. Появилось удивительное чувство: с рождением дочки у меня пошел новый отчет времени. Все окружающие предметы и лица казались мне другими: радостными, светлыми. Некоторое время я пребывала в таком состоянии. Меня перевели в палату.

И снова во мне возникло чувство глубокой тоски, отчаяния, тревоги за моего супруга. У меня было плохое предчувствие. Но я брала себя в руки. Принесли кормить мою доченьку-кареглазку, я стала кормить ее грудью, нежно и бережно ее ласкать.

Прошло три дня, вечером перед сном меня вызвала к себе в кабинет лечащий врач, внимательно осмотрела, о многом расспросила. Когда я уходила, она посмотрела на меня долгим внимательно-печальным взглядом. Мне сразу стало как-то не по себе.

А на следующее утро опять та же доктор сообщила мне страшное известие о смерти моего мужа. К счастью, доктор посадила меня в кресло, а то бы я рухнула на белый кафельный пол в кабинете. У меня в глазах все поплыло, горло перехватило. Я пыталась проговорить: «Какой замечательный человек... Он умер... умер», — но голос пропал. Даже не было слез, плакать было нечем.

На ватных ногах, не оправившись от родов, я покинула роддом вместе с дочкой, чтобы быть на похоронах любимого супруга. Нас оберегали мои преданные родные.

Потом было сплошное горе: зал МОСХа в траурном убранстве, гроб с телом мужа, венки, много цветов, много народа, надгробные речи, соболезнования, кормление дочери полупустой грудью (молоко почти пропало) в небольшой комнате. Все, все это смешалось в один страшный сон.

Запомнился рассказ Леонида, сына Алексея Ивановича от первого брака, находившегося неотлучно около отца в последние дни. После операции у Алексея Ивановича начался перитонит, надежды не было никакой. Пришли в палату врачи, он им проговорил: «Вы думаете, я боюсь смерти? Нет, я ее совсем не боюсь. Я ее встречу с улыбкой!» И еще: о рождении дочери он узнал, когда пришел в сознание после операции, и все время до конца повторял: «Как мне жаль... Как жаль, что я не могу встать и поздравить мою Риту с рождением нашей дочери».

Да, у меня было страшное горе: потеря любимого мужа и отца моей новорожденной дочери. Но в ней воплощена наша взаимная большая любовь. Надо ее сохранить, и горе со всей остротой отступало перед этим чувством. Со мной и дочкой Анной были мои самоотверженные родные. Они помогли мне ее вырастить. Низкий им поклон за это.

Прошло много-много лет с той поры. Жизнь продолжается. Моя любовь к моему супругу дала новые ростки. Наша дочь Анна стала взрослой, сама стала мамой, растут наша внучка Александра и внук Антон.

Каждый наступающий день я проживаю как бы в двух измерениях: в настоящем — сложном, наполненном сильными страстями и переживаниями времени, и в прошлом кратком времени, когда мой супруг и я были двумя очень счастливыми людьми. Частица моей горячей любви, мыслей и чувств всегда присутствует в том никуда не уходящем времени моего большого женского счастья. Такова моя судьба...

А. Писарев, «АЛБАНИЯ. УЛИЦА В ДЕРЕВНЕ», 1957 г.

А. Писарев, «ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ», 1947 г.

А. Писарев, «НАЧАЛО ВЕСНЫ», 1952 г.

А. Писарев, «ОСЕННИЕ СУМЕРКИ», 1955 г.

А. Писарев, «ВЕЧЕР НА КАВКАЗЕ», 1957 г.

А. Писарев, «ПЛОЩАДЬ ЭЛЬБАСАНЕ», 1957 г.

А. Писарев, «ЛЕСНАЯ СТОРОЖКА», 1961 г.

А. Писарев, «ДАГЕСТАН. СТАРЫЙ ЧЕРКЕС», 1963 г.

А. Писарев, «ГЭС», 1965 г.

А. Писарев, «СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ», 1965 г.

А. Писарев, «МОСКВА. УЛИЦА ОГАРЕВА», 1968 г.

А. Писарев, «РАДУГА», 1972 г.

А. Писарев, «ПЛОЩАДЬ КИЕВСКОГО ВОКЗАЛА», 1972 г.

Поддержка друзей после смерти моего мужа

Когда в 1973 году не стало моего супруга, я осталась одна с грудной дочкой на руках. В это трагическое для меня время я нашла душевную поддержку со стороны семьи Хренниковых.

Клара Арнольдовна сразу предложила мне материальную помощь, но мой супруг позаботился, чтобы у нас с дочерью было достаточно средств к существованию. Я лишь поблагодарила Клару Арнольдовну за ее душевный порыв.

Летом 1975 года, когда Анне было около двух лет, мне надо было вывезти малышку за город в надежное место. И тут Мария Арнольдовна, свояченица Т.Н. Хренникова, договорилась со своей доброй знакомой Екатериной Ричардовной Тетельборн о снятии у нее комнаты для меня с маленьким ребенком. Снять дачу в такой ситуации сложно. Большинство людей хочет спокойно отдыхать без плача и детского шума. Мне повезло, и я с дочкой замечательно провела весь дачный сезон на Николиной Горе. Это место расположено в сосновом бору на левом берегу Москвы-реки.

Соседом по даче оказался сын Отто Юльевича Шмидта — Сигурд Оттович (1922–2013), доктор исторических наук, долгие годы преподававший в историко-архивном институте, замечательный москвовед.

Через несколько лет, сотрудничая с архивом-музеем личных собраний, я неоднократно слушала его блестящие лекции о собраниях, имеющихся в фондах Мосгорархива. Он был организатором интереснейшей выставки «Человек — архив — история», в которой были представлены мои материалы. Человеком он был чрезвычайно доброжелательным и интеллигентным.

Ежедневно с маленькой дочкой я совершала прогулки по проложенной тропинке к Москве-реке, вдыхали полной грудью чистый воздух, запахи трав, любовались окружающим простором. После прогулки возвращались домой.

Центром этого дома был камин. Ане так нравились ярко горящие поленья в камине. Она широко раскрывала свои ладошки, улыбалась и тянулась к огню.

Часто навещала нас Мария Арнольдовна, проживавшая неподалеку на даче Хренниковых. Обсуждались новости из жизни знаменитых людей,

проживавших на Николиной Горе.

Екатерина Ричардовна была одиноким человеком. Правда, каждую пятницу к ней приезжала приятельница, интеллигентная, с филологическим образованием. Ее всегда сопровождал молодой стройный мальчик — ее сын. При их виде лицо этой старой женщины озарялось радостью. Вместе они проводили выходные дни. Такое общение скрашивало ее одиночество.

Я с Аней продолжала прогулки к Москве-реке мимо величественных сосен и дачных участков, во многих случаях огороженных низким штакетником. Нам нравилось наблюдать за причудливым движением облаков. Она поднимала свои ручонки к небу, к солнечным лучам, озаряющим землю. Таково было начало жизни Анны.

По дороге мы встречались с жителями Николиной Горы. При виде ребенка, делающего свои первые, нетвердые шаги, они часто умиленно улыбались и говорили комплименты. Запомнилась мне доброжелательная встреча с внучкой композитора В.Я. Шебалина. В то время она гуляла со своим маленьким ребенком.

Тропиночка от дома вела к местному магазину. Там можно было купить все необходимое. Встретившиеся на пути люди были улыбчивы, доброжелательны, одевались совсем просто. Не было никакой вычурности в одежде. Нельзя было определить по внешности, кто идет: академик, известный деятель культуры или простой человек.

Так день за днем незаметно прошли летние месяцы на Николиной Горе. Мы благополучно вернулись в Москву. Память об этом периоде жизни сохранилась до сих пор.

После смерти Алексея Ивановича моя жизнь проходила в доме МОСХа, в мире замечательных художников, ставших моими личными друзьями. К таким друзьям относятся семья Попковых, семья Власовых-Климовых, художник Илья Кац и другие живописцы.

Мои ближайшие соседи Виктор Ефимович Попков и его супруга Клара Ивановна Калинычева не остались безучастными к моему горю — потере мужа и отца моей дочери. Спустя долгие годы у меня перед глазами стоит

картина: я приношу домой полугодовалую дочку после прогулки, раскрасневшуюся, укутанную, не успела еще за собой закрыть дверь, Виктор тихо вошел в квартиру, склонился над лицом маленькой Анны и трепетно произнес: «Берегите девочку... Берегите девочку». Эти слова, сказанные с таким глубоким чувством, запечатлелись во мне.

Позже, понимая мои материальные затруднения, он все время, встречая меня, говорил: «Я найду к вам помощь отобрать работы Алексея Ивановича. Ведь он был хорошим художником, картины его должны купить». Виктор не успел этого сделать, так как вскоре его жизнь трагически оборвалась. Но Клара Ивановна несколько раз посылала ко мне работников художественных музеев для приобретения работ моего мужа в их фонды. В эти трудные годы такая забота Клары меня очень выручала.

Попкову был предопределен короткий жизненный путь, мне запомнились две последние встречи с ним. Один раз я видела его в подавленном состоянии. Он возвращался с похорон мужа его родной сестры Тамары — Николая Болотова, умершего в самом расцвете сил — в 40 лет. Видно было, что ему хотелось излить сильную сердечную тоску. Я пригласила его поделиться своим горем. Мы сидели на кухне, я сопереживала его потере такого молодого любимого родственника. Ведь мне его состояние тоже было знакомо, я тоже потеряла двух братьев совсем молодыми. Смириться с такими потерями невозможно, они так и остаются непреходящей болью на всю жизнь.

Последний раз я встретила Виктора по дороге к метро «Киевская». Стоял теплый, безветренный день. Все вокруг было пронизано солнцем. В этот момент лицо его было озарено внутренним светом, полным творческой созидательной энергии. Разговор был кратким: «Вот недавно приехал с Севера, привез много этюдов, работы много. Буду готовиться к выставке!» И потом с сердечностью в голосе поинтересовался: «Как дочка?»

— Аня на даче! Начинает ходить, что-то лепечет, иногда даже смеется. Хлопот много, но это радостные хлопоты!

При этих словах Виктор подбадривающе мне улыбнулся. Мы попрощались. Некоторое время я не встречала Виктора. И вдруг страшное известие, приведшее всех в шок. Виктор убит! Поверить было невозможно. Такой молодой, в расцвете своего таланта! Сколько неосуществленных замыслов унес с собой этот выдающийся художник!

На персональной выставке художника В.Е. Попкова в Третьяковской галерее

И вот квартира семьи Попковых в глубоком трауре, открыта черная входная дверь, виден гроб в траурном убранстве, горят свечи, около икон читают молитвы. Возле гроба, склонив голову, сидит Клара. Вся ее поза, большие красивые темные глаза выражают глубокое горе, ее молодое лицо обрамлено черным гипюровым кружевом. Рядом в скорбном молчании стоит сын Виктора Алёша — пятнадцатилетний подросток. Кругом много-много цветов и бесконечная вереница скорбных людей. Предметы обихода, стулья отданы из соседних квартир на это печальное время. Весь дом скорбит о невозполнимой утрате.

Проходит время после этой трагедии, и течение жизни восстанавливается, входит в обычный ритм.

Опять лифт по утрам поднимает Клару в ее мастерскую на девятом этаже. Эту одаренную художницу после перенесенной трагедии может спасти только ее любимая творческая работа.

Тем временем растет моя дочка Анна. Как Клара любит встречать ее на лестничной клетке: звонкоголосую, смеющуюся, в пушистой меховой шубке, с раскрасневшимися щеками после прогулки. Как Клара радовалась каждый раз этому короткому общению.

Постепенно Анна выростала на глазах у Клары. Несмотря на занятость творчеством, она несколько раз выручала нас в трудных ситуациях. В те далекие годы я была единственной кормилицей. Был такой случай: я сдавала отчет в научно-исследовательском институте и вынуждена была задержаться на работе, страшно нервничала: «Аня ведь стоит перед закрытой дверью!» Бегу с работы, останавливаюсь перед записочкой, приколотой к двери: «Рита, не волнуйся, Аня находится в квартире №7». Я позвонила к Кларе, у меня сразу отлегло от сердца: Аня сидит в своей школьной форме за столом, улыбающаяся, довольная, шелестит оберткой и пьет у тети Клары чай. Я тут же поблагодарила Клару, и вдвоем с дочкой мы вернулись домой. Так день наш благополучно завершился благодаря Кларе.

Был еще случай, когда Клара и ее мама пришли мне на помощь. Со мной случился сердечный приступ. В квартире находилась только

маленькая Аня, она перепугалась, руки ее задрожали, глаза наполнились слезами. «Звони к тете Кларе в седьмую квартиру», — нечленораздельно, с усилием проговорила я. Аня, перепуганная, позвонила в седьмую квартиру. И тут же у нас дома появилась Клара и ее мама. Скорая приехала быстро, мне оказали помощь, я вышла из критического состояния. Уходя, мама Клары, посмотрев на меня сочувственным взглядом, с улыбкой проговорила: «Самые близкие люди — это соседи. Ведь родственники и друзья когда еще придут. А соседи чуть что — тут же рядом». «Как хорошо иметь таких сердечных соседей!» — подумала я.

Чаще всего общение с Кларой происходило у лифта. Она поднималась к себе в мастерскую, я шла по делам. Она была от природы добрым человеком и всегда старалась поднять мне настроение. Я иду принаряженная в гости, на лице моем косметика. Клара тут же замечает: «Рита, вы сегодня такая интересная. Ведь женщине достаточно чуть-чуть тронуть ресницы тушью, а губы помадой, и лицо сразу становится ярким и преображается». Увидит новый костюм или платье, искренне опять порадуется моему преобразенному виду.

Иногда я выбиралась на концерты, в театры, на выставки и делилась своими впечатлениями от увиденного. Как-то она мне сказала, что любит слушать органную музыку, особенно Баха. Я отметила про себя: «Какой у Клары утонченный вкус», но наблюдая за ее образом жизни, я видела, что все силы она отдавала творчеству, семье и не имела времени посещать концерты. Часто я виделась с Кларой в нашем дворе. Она собиралась уезжать к себе на дачу. Мне нравилось наблюдать, как она быстро и энергично готовилась к поездке, ловко укладывая вещи, привычно садилась за руль, собранно и уверенно выезжала со двора, вливаясь в общий поток стремительно движущихся машин. Она вписывалась в современный напряженный ритм города.

В другие дни я наблюдала совершенно другую Клару. Движения ее неторопливы, глаза умиротворенно созерцательные. Она выходила из дома с целлофановым пакетом: в нем кусочки хлеба, крупа, зерна овса и прочая еда. Она заботливой рукой насыпает еду обитающим в нашем дворе птицам: голубям, воробьям, воронам и прочей живности, но во дворе есть и беспризорные кошки. И про них она не забывает — тоже подкармливает

их все время. «Надо не забыть посадить во дворе и кусты, привезенные с дачи», — думает Клара. И заботливыми руками высаживает во дворе кусты, радуется, что вокруг стало больше красоты и одновременно огорчается, увидев вдруг засохшее, погибающее дерево. Ведь вся окружающая ее природа живет и дышит, а Клара чувствует себя частью этой природы.

Клара любила жизнь и живо реагировала на все окружающее. Я часто встречала ее в те далекие годы на большом, шумном рынке у Киевского вокзала. Каких только языков и наречий там не услышишь! И какие встречаются колоритные типажи, характеры многих-многих национальностей: русские, украинцы, молдаване, армяне, грузины, азербайджанцы... А какое разнообразие сочных фруктов, спелых овощей, душистых трав, колбас, сыров! Людское разноязычное многоголосие продавцов и покупателей шумит, торгуется, бушует на базаре с утра до вечера. Как интересно наблюдать за происходящим. Я много раз видела, с каким живым интересом Клара наблюдала за всем вокруг, пополняя свою творческую копилку.

В натуре Клары была особая душевная чуткость, интуиция. Я убеждалась в этих свойствах Клариной натуры не раз. У меня произошло горе — умер мой отец. Выйдя из подъезда, я увидела Клару. Она только взглянула на мое лицо и тут же произнесла с глубоким сочувствием и деликатно:

— Извините, Рита, у вас горе?

— Да, у меня только что скончался отец!

И Клара стала меня утешать, облегчать мое страдание искренне, чисто-сердечно, пропуская мое несчастье через свою душу. Поговорив с Klarой, я действительно почувствовала облегчение. Такое сострадание к людям было ее сутью.

Долгие годы общение с Klarой было для меня наполнено радостью, сердечностью, теплом. Мы проявляли друг к другу знаки взаимного внимания. Приезжая с дачи, она с радостью дарила мне цветы, фрукты. Мы поздравляли друг друга с наступлением Пасхи, Нового года.

Душевно меня сблизило с Klarой одинаковость положения: Клара перевезла к себе больную, старенькую маму, Прасковью Никаноровну, и постоянно трепетно за ней ухаживала, и у меня сложилась такая же ситуация. Часто Клара говорила: «Мамы нас согревают своим теплом и любовью, благодаря им, мы чувствуем себя защищенными».

*Художник
К.И. КАЛИНЫЧЕВА*

Клара была исключительной дочерью, постоянная забота о матери была образом ее жизни. Любовь к матери выражалась в каждом ее взгляде и движении, она жила и дышала этой любовью.

Перед моими глазами стоит повседневная обстановка быта Кларинаго дома. Около стола сидит совсем старенькая, но такая добросердечная мама Клары — Прасковья Никаноровна. Около нее неизменно играют, резвятся собака и множество кошек. Ведь ее мама и Клара всю жизнь так любили животных и все время о них заботились. Клара в кошках чувствовала особенную красоту, грацию и мистическую тайну. Ей и ее маме доставляло удовольствие наблюдать за жизнью, повадками этих животных и чувствовать их привязанность к себе. К растениям Клара также относилась как к живым существам: отставляла их от сквозняка, говоря при этом: «Они тоже живые, их может продуть на сквозняке». Ухаживая за каждым цветком, она как бы священнодействовала.

Беззаветно любя свою маму, она близко к сердцу приняла кончину моей матери. Мою маму, Александру Александровну, Клара встречала очень часто. Ведь она приезжала ко мне и к своей любимой внучке Анне почти каждый день. Клара с большой симпатией и уважением относилась к моей маме. Встречаясь друг с другом, они обязательно обменивались сердечными улыбками и теплыми словами.

Когда моя мама стала совершенно беспомощной и жила у меня постоянно, Клара находила пару минут зайти и ее навестить.

Она была очень занятым, трудолюбивым человеком, жизнь ее была заполнена всецело: старенькая мама, супруг Анатолий Иванович Зыков (ставший ее мужем после смерти В.Е. Попкова), сын Алёша, любимая работа, общественная деятельность и многое, многое другое. Но когда не стало моей мамы, она отложила все свои дела и нашла время, чтобы быть в день памяти мамы у меня дома. Ко мне в тот день пришло много родных и друзей, близких нашему дому. Мама не дожила до 90 лет всего три месяца. В тот вечер мы сидели и вспоминали о тех далеких военных и послевоенных годах, о наших матерях, выдержавших эти тяжелые испытания голодом, ужасными бытовыми условиями, изнурительным непосильным трудом. Но они не сломались, не озлобились, а напротив, сохранили свои сердца добрыми, чуткими, отзывчивыми и нежными.

Особенно запомнилось мне последнее общение с Кларой при одном радостном событии. В Москву приехал из Баку мой родственник, одиннадцатилетний мальчик Стасик Шпанин — юный художник, получивший первое призовое место на конкурсе детских рисунков, посвященном 200-летию со дня рождения Пушкина. Он привез с собой каталоги своих работ. На меня они произвели большое впечатление сочностью красок, выразительностью, большой фантазией юного дарования. Я тут же пригласила посмотреть каталог Клару с ее сыном Алёшей. Было видно, что Клара была очень больна, но тем не менее глаза ее в тот момент загорелись восторженным блеском, Алёше также эти работы очень понравились. Сколько доброжелательности, любви и надежды чувствовалось в том, как Клара относилась к этому маленькому мальчику! В этом была суть ее характера.

Все летние месяцы Клара была на даче. Наступила осень. Клару, уже очень больную, должны были привезти в Москву, но этого не случилось. Она неожиданно трагически погибла. 1 сентября 1999 года оборвалась ее жизнь, день в день со смертью ее мамы. Таков рок. Я прожила рядом с Кларой — ближайшей моей соседкой по квартире — около тридцати лет.

Прощание с Кларой состоялось в Союзе художников России. На всех присутствующих с большого цветного портрета смотрела Клара: красивая, яркая, добрая, жизнелюбивая. Глядя на портрет, мне вспомнилась самая первая встреча с ней в мастерской. Это была мимолетная встреча, вежливые приветствия, короткий разговор. Но облик Клары сразу запечатлелся во мне: ее большие, лучистые, загадочные темно-карие глаза, темные волосы, гладкая прическа на прямой пробор. Женщина невысокая, но складная, с живыми, быстрыми движениями. От всего ее существа исходил заряд внутренней энергии, темперамент. Такой впервые увиденный образ Клары запомнился мне на долгие годы. Позже он менялся только в небольших деталях: в глазах появлялась большая озабоченность, новые морщинки лучились у ее добрых выразительных глаз, движения с возрастом тоже перестали быть столь стремительными.

Клара была очень талантливым художником-графиком. Ее работы находятся в фондах Третьяковской галереи, ряде музеев страны и за рубежом. Несколько поколений детей выросло, читая детские книжки, иллюстрированные этим большим мастером. Но в быту она была скромнейшим человеком,

и я никогда не слышала разговоров о ее заслугах в творчестве. Она жила для других, была каждому доступна для общения и никогда не заостряла внимания на своей личности. Это такое редкое и благородное свойство ее души.

Хоронили Клару на простом сельском кладбище. Прощание было горестным, но таким теплым и сердечным. Она похоронена рядом с любимой мамой и своими родными. Такого светлого человека, как Клара, нельзя забыть.

Судьба подарила мне радость многолетней дружбы с семьей талантливого художника Виталия Петровича Власова-Климова. Началась эта дружба так. Вначале подружались наши дочери — две Анны, они учились в одной школе, там познакомились. Оказалось, что они живут в одном доме и в одном подъезде. Девочки часто стали гулять вместе во дворе дома.

У Ани Власовой-Климовой с раннего детства была породистая и красивая собака Дези. Спускаясь с ней на утреннюю и вечернюю прогулку с седьмого этажа, Аня часто останавливала лифт на нашем третьем этаже. Вначале мы слышали звонкий лай любимицы Дези, а потом уже звонок в дверь. Дези по-хозяйски обходила, тщательно обнохивая, всю нашу небольшую двухкомнатную квартиру, радостно здоровалась с нами, лизнув в руку или лицо меня или Аню, затем две Ани шли гулять и играть с Дези во двор. Позже они с Дези обходили окрестности двора и уходили к живописному берегу Москвы-реки, шли вдоль берега, мимо высоких домов, отражающихся в водах реки.

Позже Аня большая (так мы звали дочку Власовых-Климовых, поскольку она была на два года старше моей дочери) стала приглашать в гости Аню маленькую. Придя от Ани, моя дочь с увлечением рассказывала: ее новая подруга очень хорошо рисует, отец ее художник, а мама инженер. И еще я узнала от дочки, что дома у Власовых-Климовых очень красиво. Девочкам было весело вместе, так проходили многие дни их детства. Постепенно их отношения перешли в крепкую дружбу.

В дальнейшем так распорядилась судьба, что моя дочь вышла замуж за итальянца и долгие годы жила в Италии. Аня Власова-Климова была с

семьей в России. Две Анны могут не видаться продолжительное время, но между ними существует глубокая привязанность с раннего детства, и встречи их бывают всегда теплыми и сердечными.

С мамой большой Ани я познакомилась во дворе нашего дома и с тех пор тоже стала бывать у них. Как часто бывает в жизни, мир оказался тесен. Виталий Петрович, отец Анны, окончил Строгановское училище в те же годы, что и моя сестра Тамара. Он знал всех педагогов, многих друзей моей сестры и в целом студенческую среду «Строгановки» тех лет. В училище он часто встречал мою сестру, близорукую девочку в очках с длинными толстыми каштановыми косами. Когда я узнала об этом, семья Власовых-Климовых стала мне еще ближе.

В начале нашего знакомства я старалась понять, на чем основана счастливая семейная жизнь Власовых-Климовых. Виталий Петрович — художник, артистическая натура. Его супруга Лидия Степановна, инженер-электронщик, казалась человеком технического склада. Что объединяло этих столь различных по профессии людей? Узнав эту семью ближе, поняла: они были схожи в самом главном. Оба — люди, любящие друг друга, основательные, надежные в дружбе, творчески одаренные, с большим природным чувством красоты, очень трудолюбивые и целеустремленные. К счастью, эти качества они передали сполна своей дочери Анне.

Виталий Петрович был всегда в неустанных трудах: писал картины, сам занимался реставрацией приобретенной ими старинной мебели, часов, искусно вырезал деревянные рамы для своих будущих картин (по начальному образованию он реставратор антикварной мебели). Лидия Степановна также постоянно трудилась. Она была человеком универсальным: реставрировала антикварную мебель, профессионально и с большим художественным вкусом обшивала семью (она имела диплом портного), вязала, великолепно готовила, а еще страстно любила природу: трудилась в саду и огороде, выращивала цветы и даже редкие растения.

Попад в их дом, я чувствовала по отношению к себе искренность, теплоту, гостеприимство. Здесь не было случайных вещей, а было ощущение гармонии, красоты, созданной талантом и трудолюбием хозяев. Она проявлялась во всем: в интерьере, в умении красиво одеваться, сервировать стол и многих других, порой едва уловимых, мелочах.

На вечере памяти К.И. КАЛИНЫЧЕВОЙ с ее сыном А.В. ПОПКОВЫМ

1.

2.

3.

1. Художник В.П. ВЛАСОВ-КЛИМОВ в гостях у нас дома
2. Дочь художника АННА на его персональной выставке
3. Супруга художника Л.С. ВЛАСОВА-КЛИМОВА у портрета дочери Анны

Некоторые искусно отреставрированные вещи Виталий Петрович использовал при создании своих живописных полотен. Так, на одной из его картин Пушкин и Гоголь (позировали для картины его друзья в париках и костюмах XIX века) ведут беседу, уютно расположившись на старинном диване, искусно отреставрированном им самим. На другой его картине Анна (дочь Виталия Петровича) сидит вполоборота в роскошном вечернем платье (сшитом Лидией Степановной) около старинного овального лакированного столика (также отреставрированного Власовым-Климовым). Эти прекрасно выполненные картины экспонировались на представительных выставках в Доме художника на Крымской набережной, в Большом и Малом Манеже и имели большой успех у зрителей.

Запомнились мне встречи с Виталием Петровичем на художественных выставках. Он любил и очень ценил талантливую живопись, основанную на большом мастерстве, проявлявшемся в прекрасной технике рисунка, композиции. Он считал также, что под обликом новомодной абстрактной живописи зачастую скрываются беспомощные и бездарные произведения.

Виталий Петрович ценил живопись старинных мастеров русской и зарубежной школы, и даже имел ряд работ в своем личном собрании. Из художников своего поколения признавал большой талант Виктора Попкова. Его связывали с этим выдающимся художником продолжительные годы дружбы. Они вместе совершили плодотворную творческую поездку на Север.

Особенно Виталию Петровичу была близка по духу картина Попкова «Пушкин», написанная незадолго до кончины художника. В процессе написания Попков приглашал Власова-Климова к себе в мастерскую: Виктор Ефимович считался с мнением этого талантливого художника.

В 2003 году в Большом Манеже состоялась представительная выставка, посвященная 70-летию МОСХа. Мои соседи по дому — художники В.П. Власов-Климов и Ю.П. Павлов — помогли отобрать для выставки живописную работу моего супруга А.И. Писарева. Так, через тридцать лет после кончины он «участвовал» в юбилейной выставке МОСХа.

В феврале 2004 года в семье Власовых-Климовых случилось горе — умер Виталий Петрович. Мы потеряли замечательного художника и человека, постоянно сострадавшего другим людям и все время помогавшего им.

Виталий Петрович был внешне красивым человеком и творил красоту в своих живописных полотнах и в своих человеческих поступках. Он был наделен большим даром любви к жене Лидии Степановне, дочери Анне, к ее супругу Дмитрию и, конечно, к внуку Владиславу. В мой юбилей Виталий Петрович преподнес мне большой букет чайных роз. Такое возвышенное отношение было у него к женщине.

Власова-Климова отпевали в церкви Святителя Николая в Хамовниках. Лицо было красиво и спокойно. Ведь он выполнил свое высокое жизненное предназначение человека и художника.

В марте 2020 года скончалась супруга Виталия Петровича — Лидия Степановна. Ее отпевали в той же церкви, одной из красивейших в Москве.

Лидия Степановна была светлым и очень трудолюбивым человеком. Она прожила свою жизнь, всецело отдавая физические и душевные силы семье, для окружающих была надежным, сердечным другом, так же как и ее муж. Вечная им память!

А жизнь продолжается в их дочери Анне, внуках Владиславе и родившейся после смерти Виталия Петровича Таисии, а также в прекрасных живописных полотнах, созданных для людей.

Православие в атеистической стране СССР

Я родилась и выросла в советской стране. Во главе государства стояли люди атеистического мировоззрения. При этом официального запрета на религию не было.

В Конституции 1936 года говорилось: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами». Однако Конституция СССР сохраняла фактическое неравноправие граждан в зависимости от их отношения к религии.

Атеистическая пропаганда активно внедрялась в общественное сознание. В стране получили распространение плакаты антирелигиозных призывов. Вот наиболее распространенные среди них: «Религия — тормоз пятилетки!», «Долой религиозные праздники», «Религиозное воспитание есть преступление против детей!», «СССР — страна научного атеизма».

В советское время получил широкое распространение журнал «Безбожник» и многие другие журналы, книги и газеты.

Идея строительства коммунизма была противопоставлена религиозным предрассудкам. Деятельность церкви, несмотря на официальное отделение ее от государства, жестко контролировалась органами. Был строгий надзор за содержанием проповедей, обрядами, за финансовой деятельностью.

С 1920-х по 1940-е годы многие храмы были уничтожены или приспособлены под мастерские, производственные, учебные или развлекательные заведения.

Храм Христа Спасителя был разрушен в период сталинской реконструкции 5 декабря 1931 года. Этот храм в свое время был создан по проекту архитектора К. Тона. 25 декабря 1812 года последние наполеоновские солдаты покидали пределы России. Император Александр I подписал высочайший Манифест о построении церкви в Москве. Строительство продолжалось почти 44 года (храм был заложен в 1839 году, освящен 26 мая 1883 г.). Над росписью храма работали художники А.А. Иванов, В.И. Суриков, И.Н. Крамской, В.М. Васнецов, В.П. Верещагин, К.Е. Маковский, Ф.А. Бруни и др.

За год до освящения храма, 20 августа 1882 года, в нем впервые была исполнена увертюра «1812 год» П.И. Чайковского, написанная композитором в ознаменование победы над Наполеоном. В церкви был создан соборный хор, считавшийся лучшим в России.

После установления советской власти правительство решило разрушить храм, а на его месте построить Дворец Советов, который должен был стать главной сталинской высоткой, с множеством ярусов, несколькими колоннами и статуей В.И. Ленина на его вершине. Но в довоенные годы в стране царил разуха, денег для осуществления такого грандиозного проекта не было, хотя храм все-таки разрушили. В 1941 году начавшаяся война отодвинула этот утопический замысел в необозримое будущее. Спустя несколько десятилетий на месте уничтоженного храма построили плавательный бассейн «Москва», просуществовавший с 1960 по 1999 год.

Это спортивное сооружение было популярно среди москвичей. Бассейн подсвечивали огнями. В отдельной части располагалась зона с дорожками, а основная часть предназначалась для свободного плавания в любом направлении. Часто перед работой или после работы люди торопились в большой открытый плавательный бассейн, находившийся напротив Музея изобразительных искусств им. Пушкина. Над чашей бассейна всегда висела густая пелена водяных испарений, по вечерам оттуда доносилась музыка, молодежь веселилась, многие плавали на спине, любуясь звездным небом.

Молодежи не приходило в голову думать о высоком, вечном. Между тем, православные жители столицы неоднократно выказывали свое недовольство постройкой открытого бассейна на месте национальной святыни. Появилась даже поговорка: «Был храм, потом хлам, а потом срам».

Ходила легенда, что в бассейне «Москва» регулярно тонут люди. Якобы здесь работала секта «топителей». Еще была байка о том, что сквозь пар, который поднимается над бассейном, проступают очертания снесенного храма.

Большую часть жизни я прожила в районе Дорогомилово, который понес значительные культурно-исторические утраты. Мне известны истории двух уничтоженных здесь храмов.

Так, в 1938 году рядом с моим домом был разрушен Богоявленский кафедральный собор, считавшийся вторым после храма Христа Спасителя по величию и вместимости. За год до этого было арестовано все его духовенство. Вместо храма были построены новые капитальные жилые дома. Разрушенный храм имел свою интересную историю. Он упоминается в летописях уже с 1625 года. Впоследствии этот храм многократно перестраивался, в 1898 году он был расширен.

Другой разрушенной православной святыней стала Благовещенская церковь на Бережках. Она была разрушена позже, в 50-х годах XX века. Люди, занимавшиеся охраной памятников культуры, несколько раз спасали ее от разрушения. Храм был отстроен в 1413 году, он был центром слободы. В нем находился уникальный иконостас из белого мрамора. Долгие годы в советское время этот храм гармонично сочетался с Домом архитекторов, построенным по проекту Щусева на высоком берегу Москвы-реки.

Несмотря на большие утраты, главные жемчужины православия сохранились в Кремле.

Московский Кремль является историко-художественным центром России. Понять историю нашей страны без изучения этого выдающегося памятника невозможно. Сменялись поколения людей, с 1918 по 1957 год не имевших доступа к этому историко-художественному православному памятнику.

Многие важнейшие исторические факты граждане страны так и не узнали, ведь официальная история Российского государства существенно искажалась и приспособлялась к идеологии атеистической власти. Зачем новой власти нужны были православные святыни и исторические события, с ними связанные?!

Только последующие поколения людей смогли, изучая Кремль, осмыслить многие исторические события по-новому, открыть для себя ранее неизвестные факты истории.

Кремль XV–XVI вв. был местом жительства бояр, дворцовых мастеров, купцов. До 1918 года Кремль был центром православной жизни страны. В Николаевском дворце Кремля родился будущий император Александр II.

Император Николай II часто бывал в Большом Кремлевском дворце. В 1896 году его прибытие было связано с коронацией монарха в Успенском соборе. Последнее торжественное прибытие Николая II в Кремль с семьей и свитой состоялось по случаю 300-летия дома Романовых, широко праздновавшегося в 1913 году.

В 1918 году советское правительство переехало в Кремль. В том же году Кремль был закрыт для посещения. В конце 20-х годов по распоряжению правительства были снесены Чудов и Вознесенский монастыри. Этот акт вандализма нанес существенный урон историко-художественному ансамблю Кремля.

С 1918 года Кремль оставался зарытым объектом, и только 9 декабря 1953 года председатель Совета министров Г. Маленков подписал постановление, разрешавшее советским гражданам свободно посещать Кремль как историческую реликвию. Доступ в Кремль был открыт только через семь месяцев после принятия соответствующего постановления, летом 1954 года. По-настоящему Кремль со всеми соборами и сооружениями был открыт в дни Международного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве летом 1957-го. В соборах по большим праздникам возобновили богослужения.

Соборы Московского Кремля издревле служили местом, где отмечались самые значительные события в жизни страны.

Церковь-колокольня Ивана Великого, объединившая все соборы в грандиозный архитектурный ансамбль, возведена в 1508 году. В 1812-м часть колокольни и звонница были взорваны наполеоновской армией и отстроены заново после окончания войны с французами.

Успенский собор создан архитектором Аристотелем Фиораванти. Там молились патриарх и русские цари. Он стал местом погребения русских иерархов. Успенский собор был местом венчания на царство русских князей и царей.

Благовещенский собор — домовая церковь. Содержит особо почитаемые иконы, над написанием которых трудился, с высокой степенью вероятности, сам Андрей Рублёв и его ученики, оклады выполнены из драгоценных металлов.

Архангельский собор построен в XVI веке по проекту архитектора из Милана Алевиза Фрязина. Его отличает великолепная резьба по камню. В верхней части храм украшен белокаменными резными раковинами. Он был главной царской усыпальницей. В соборе погребены практически все цари, умершие после его постройки, вплоть до периода царствования Петра I.

Верхоспасский собор с миниатюрными главками и крестами расположен на территории царских покоев. Здесь цари причащались, крестили своих детей, здесь проводились богослужения, когда царевичи объявлялись наследниками царской короны. Неповторимы позолоченные купола на украшенных изразцами изящных шейках глав. На куполах установлены ажурные кресты с полумесяцами.

В Третьяковской галерее школьники, любившие живопись, чаще всего посещали залы, где экскурсоводы рассказывали о великих русских художниках, которые у каждого на слуху, не обходя вниманием и картины на религиозные сюжеты А. Иванова, Н. Ге. Особенно долго мы с экскурсоводом стояли у картины А. Иванова «Явление Христа народу», восхищались композицией, выразительностью каждой фигуры и, конечно, красочностью, мастерством, живописностью этой работы.

Но нас никогда не водили в отдел икон. Мы даже никогда о нем не слышали. Мне повезло. Еще в школьные годы Тамара приобщила меня к шедеврам иконописи. Она взяла меня в Третьяковскую галерею и сумела провести в отдел икон. Впечатление оказалось незабываемым. Я ощутила там какое-то особое духовное пространство, вызвавшее в душе чувство восхищения и трепета.

Интересна история создания этого отдела. Первые иконы П.М. Третьяков приобрел в конце XIX века. Они были подлинными шедеврами. В 1904 году иконы, приобретенные П.М. Третьяковым, впервые включили в

экспозицию Галереи. Она была организована И.С. Остроуховым, художником, членом Совета галереи, а также известным собирателем икон и картин. После его смерти в 1929 году коллекция поступила в собрание Галереи.

Открытие зала древнерусской иконописи в Галерее произошло в первые годы XX столетия — период зарождения реставрационного дела в России, когда началось профессиональное научное изучение древнего русского искусства.

На иконах изображается божественный мир. На иконе Феофана Грека «Преображение» изображено преобразование Господне на горе Фавор. От Иисуса исходит божественный свет, внизу пали ниц апостолы Пётр, Иаков, Иоанн Богослов. Сверху пророки Моисей и Илия. Над ними ангелы.

Любимой, конечно, стала икона «Троица» А. Рублёва. Она божественно совершенна во всем. Невероятно органично сливаются воедино Отец, Сын и Святой Дух. А колорит этой иконы настолько завораживает, что она просто не отпускает от себя человека.

Замечательны иконы Дионисия и его учеников, а также шедевры других иконописных школ, начиная с XII века: Новорусской, Ярославской, Псковской школы. Все эти работы составляют духовное богатство, собранное в Третьяковской галерее.

В районе Таганки, где я родилась, осталось большое количество старинных православных храмов-жемчужин с великолепной архитектурой и иконописью, несмотря на безбожное их уничтожение.

Помню свои первые детские впечатления от храмов нашего района. Мартыновский переулок находился рядом с Пестовским, где я жила. Часто по этому короткому переулку я поднималась прямо к храму Мартина Исповедника. Мне 5–6 лет. Я замечаю высокую резную дверь, а к ней ведет множество массивных белых мраморных ступенек. Как же я любила своими маленькими ножками в туфельках подниматься по этим довольно высоким для меня мраморным ступенькам вверх-вниз, вверх-вниз.

Каждый раз я вглядывалась в это огромное здание, оно несло в себе какую-то волшебную неразгаданную тайну. Много позже я узнала тайну

этого здания, но в течение долгих лет ворота этого красивейшего сооружения были закрыты для людей. Вот что я узнала в сознательном возрасте. Храм Мартина Исповедника — постройка 1791 года по проекту архитектора Родиона Казакова, возведенная в память о дате благословения Василия III на великое княжеское правление (14 апреля 1502 года) в день памяти святого Мартина Исповедника, папы римского.

Первое благодарственное богослужение в храме было проведено после оставления Москвы французами в 1812 году. Император Александр I, судя по расположенным справа и слева от Царских врат императорских корон и горностаевых мантий, вырезанных из дерева, даровал храму образа на алтарной преграде. Алтарная преграда в храме выполнена в форме Триумфальных ворот, символизирующих победу над Наполеоном.

В 1931 году храм был закрыт, а с 1990-го был передан верующим. 28 мая 1998 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил великое освящение храма. Это один из лучших памятников классицизма. Изнутри церковь расписана итальянским художником Антонио Клаудо.

Конец Пестовского переулка выходил на старинную Николаямскую улицу, ведущую во Владимир. По пути следования было возведено много православных храмов. Улица была названа по храму святого Николая Чудотворца в Ямской слободе, устроенной здесь Борисом Годуновым. С самой древности до XV века все эти земли принадлежали Спасо-Андроникову монастырю. Потом великий князь Иван III забрал их себе и разбил тут излюбленные сады.

И где-то в этих краях в начале XVII века войска Шуйского бились с поляками, а в 1671 году здесь поселились стрельцы. И все это было задолго до устройства здесь старообрядческого центра.

Примерно с восьми лет я стала бывать в старинном храме Покрова Пресвятой Богородицы в Лыщиковом переулке, выходившем на Николаямскую улицу. Этот храм был расположен на живописном берегу Язуы, где она сливается с Москвой-рекой.

В этом храме я бывала со своей глубоко верующей соседкой по квартире Варварой Ивановной. Войдя в храм, она благоговейно прикладывалась к иконе Николая Чудотворца, потом долго стояла около этой иконы, плакала, молилась за своего без вести пропавшего в войну сына Николая. Потом прикладывалась к иконе Казанской Божьей Матери. В моем детском сердце

переживания Варвары Ивановны вызывали чувство сострадания.

Особенно многолюдно было в этой церкви в дни Пасхи. Подойдя к церкви, мы слышали перезвон старинных колоколов. Она была битком набита верующими людьми, проживавшими неподалеку. В переулке было не протолкнуться. Нельзя было попасть в сам храм. Особенно много народу располагалось на холмиках около храма — оттуда лучше всего был виден Крестный ход, роскошные по тем временам церковные одеяния, хоругви, ощущался даже запах ладана. По всей окрестности раздавался праздничный колокольный перезвон. У всех присутствующих было особое, радостное настроение. В этой толпе находились и мои родители. Они не пропускали таких торжеств.

Очень часто мы, дети, пробегали по Николаямской улице, мимо огромных старинных заброшенных храмов, к Андроньевской площади и подолгу играли около глухих древних стен Андроникова монастыря, совершенно не задумываясь о значении этих великих святынь для российской истории. Ведь мы были октябрятами и пионерами советской атеистической страны.

В послевоенные годы архитектурные памятники находились в заброшенном состоянии. Почти никто ими не интересовался. Монастыри использовались не по назначению. Так, Андроников монастырь был отдан в ведение завода «Серп и молот». Много молодежи из близлежащих мест посещали Дворец культуры завода «Серп и молот», находившийся на территории монастыря. Там работали всевозможные коллективы художественной самодеятельности. Короткое время я занималась в самодеятельном театре. Надо отдать должное, коллектив был хороший. Долгие годы над ним шефствовал Малый театр. Много спектаклей ставил там известный в театральном мире режиссер В. Турбин. Он осуществил ряд постановок в Малом театре, на телевидении и радио. Во Дворце культуры он поставил пьесу А. Арбузова «Иркутская история». Зрительный зал был полон. Также успешно работали и другие коллективы. Регулярно там показывали хорошие отечественные и зарубежные фильмы.

Заводом торжественно отмечались здесь разные праздники: годовщины революции, Новый год, ежегодно проводились праздники новогодней

елки для детей. Молодежь и среднее поколение в годы советской власти привыкли к такому образу жизни. В те годы никому и в голову не приходило, что надо возрождать Андроников монастырь как одну из драгоценнейших святынь православия.

Несмотря ни на что, монастырь дождался своего часа. Пришло время возрождения интереса к этой жемчужине русской архитектуры, ведь это наша история.

Андроников монастырь основан в 1357 году митрополитом Алексием, назван по имени первого игумена Андроника. Каменный храм монастыря был построен в 1425–1427 гг. В интерьере Спасского собора уцелели фрагменты фресок, выполненных около 1428 года Андреем Рублёвым, иноком Андроникова монастыря. Существует версия, что Андрей Рублёв скончался 17 октября (30 октября по н.с.) 1428 года во время морового поветрия и был похоронен в монастыре (точное место нахождения могилы неизвестно).

В XIV–XVII вв. Андроников монастырь являлся одним из центров переписи книг, рукописное собрание включало значительную часть сочинений Максима Грека. В 1812 году монастырь был razорен французами. Пожар уничтожил архив монастыря. Сгорел иконостас, обрушились барабан и глава Спасского собора. В 1928-м территория была передана заводу «Серп и молот». В монастырских зданиях, в том числе в храмах, устроили 200 комнат для рабочих.

Но искусствоведы-энтузиасты всегда понимали большую историко-художественную значимость этого священного места. В 1947 году инициативная группа во главе с академиком Грабарём (в год 800-летия Москвы) обратилась к правительству с просьбой о создании на территории монастыря Музея древнерусской живописи. 10 декабря 1947 года Сталин подписал постановление о создании в Андрониковом монастыре историко-архитектурного заповедника имени Андрея Рублёва. Официальное открытие Музея Рублёва состоялось в 1960 году.

На территории Андроникова монастыря и в ближайших окрестностях велись археологические раскопки. Так, вблизи Спасо-Андроникова монастыря был найден клад, состоящий из 2000 монет времени Ивана III.

В 1989 году Спасский собор был освящен, и в нем возобновились богослужения.

На Николоямской улице находится храм Святителя Алексия, имеющий большую историческую ценность. Это одна из самых красивых церквей XVIII века. По преданию, она построена на том месте, где когда-то стояла его палатка. Московский первосвященник наблюдал за строительством Спасо-Андроникова монастыря, основанного в 1361 году по его обету, данному за чудесное спасение во время шторма.

Есть и другая версия, что в этой палатке останавливался сам Преподобный Сергий, также следивший за возведением монастыря, где первыми игуменом был назначен его любимый ученик св. Андроник. Однако церковь была основана в исторической местности, тесно связанной с жизнью и деятельностью св. митрополита Алексия и в память о нем.

Святитель Алексий родился в Москве в 1292 году в семье боярина Фёдора Бяконта и в 1320 году принял постриг в Московском Богоявленском монастыре в Китай-городе. Он отдал много сил для победы Руси над татарами-монголами, для объединения русских княжеств вокруг Москвы.

Как известно, в 1357 году, когда у татарского хана внезапно ослепла жена Тайдула, хан вызвал в Орду именно Московского митрополита Алексия и попросил исцелить супругу. За чудесное исцеление, совершенное по молитве старца, прозревшая Тайдула подарила святителю ханскую землю в Кремле, на которой он основал и другой московский монастырь — Чудов.

Храм Сергия Радонежского по богатству внутреннего убранства и подбору древних икон мог соперничать с соборами Московского Кремля. Этому есть два объяснения: в приходе было много купцов-старообрядцев, делавших большие пожертвования. А кроме того, храму оказывали поддержку московские власти. Они были заинтересованы в приближении старообрядцев к православной церкви.

В 1899 году при храме было освящено здание аудитории для собеседования со старообрядцами и религиозно-нравственных чтений. Аудитория вмещала до 1000 человек. Здесь проходили концерты духовной музыки. При храме пел замечательный хор слепых, один из лучших в Москве.

В 1922 году из храма было вывезено более 5 пудов серебряной утвари и других церковных ценностей. Храм был закрыт в 1938 году, исчезли ноты хора слепых. В начале 1990-х храм был передан Русской православной церкви и освящен 4 декабря 1991 года.

В начале Николаямской улицы расположен храм преподобного Симеона Столпника. Со зданием этого храма было связано мое детство. В 20-х годах XX века храм был закрыт. Здание было переоборудовано под госучреждение. Главный объем храма был разделен на семь этажей. На этажах размещался Институт повышения квалификации инженерно-технических работников. В этом институте в начале 50-х годов мой отец преподавал статистику. В новогодние праздники меня приглашали туда на елки и вручали большие нарядно оформленные подарки. Для детей военного времени это было большой радостью. Кроме того, в это здание я приходила с мамой оформлять путевки в пионерский лагерь.

Прошло много-много лет, храмы стали возрождаться, в числе этих святынь был Храм Симеона Столпника. Вполне естественно, я радостно восприняла это событие и стала узнавать интереснейшую историю этого храма.

Краткая история Храма Преподобного Симеона Столпника за Яузой такова. 1 сентября 1598 года, в день памяти Симеона Столпника, Борис Годунов официально взошел на престол. Деревянная церковь была построена в 1600 году в ознаменование его венчания на царство. В 1657 году Симеоновская церковь упоминается как каменная. В 1763–68 гг. на средства суконного фабриканта А.И. Маленькова по проекту И.М. Назарова была построена новая трапезная с приделами святителя Николая и Дмитрия Ростовского. В 1785 году была построена церковная ограда с воротами, которая сохранилась до настоящего времени. В 1789-м была построена новая колокольня.

В 1792 году на средства С.П. Васильева и И.Р. Баташева началось строительство храма, дошедшего до наших дней. И.Р. Баташев являлся владельцем горно-металлургических заводов. Одновременно со строительством храма он вел строительство городской усадьбы (с 1878 года здание

усадебны занимает городская клиническая больница).

Во время московского пожара 1812 года храм был разграблен, сгорел новый иконостас. В итоге освящение храма состоялось только в 1813 году.

Расположенный на Таганском холме храм был виден издалека. Над четвериками и портиками возвышалась высокая ротонда и тонкий барабан с маленькой главкой.

В 1920 году возникла угроза закрытия Симеоновской церкви. Его тогдашний настоятель, в будущем священномученик Николай Беневоленский, желая спасти святыни храма, перенес чудотворный образ святителя Симеона Столпника и особо чтимую икону святителя Дмитрия Ростовского с частицей мощей (XVIII в.) в соседнюю Покровскую церковь.

В 1995 году в возрожденной церкви начались богослужения. В торжественной обстановке в храм были возвращены особо чтимые иконы преподобного Симеона Столпника и святителя Дмитрия.

В 70-е годы XX века красивейшая духовная музыка стала получать все большее распространение. Так, под руководством Вадима Судачкова (1935–2007) были исполнены программы русской духовной музыки, зазвучавшие после полувекового перерыва.

Большим событием в возрождении духовной музыки в России было создание хора В. Минина в 1972 году. Хор возродил духовное наследие русских композиторов С. Рахманинова, П. Чайковского, С. Танеева, П. Чеснокова, А. Гречанинова.

Безусловным шедевром духовной музыки является «Всенощное бдение» Рахманинова. В. Минин считает, что это произведение — молитва о судьбе России. Особая строгость и молитвенность обращает душу к покаянию.

В лучших залах стала исполняться прекрасная духовная музыка: «Херувимская песнь», «Достойно есть», «Хвалите Господа с небес» П. Чайковского; «С нами Бог», «Заступнице усердная» П. Чеснокова; «Свете тихий» Н. Голованова.

Духовная жизнь России стала постепенно возрождаться.

Кончина моего отца, Данила Ильича Анисимова

24 марта 1976 года не стало моего отца. Все утро того дня Аня (ей исполнилось два с половиной годика) играла в комнате, папа последнее время уже не вставал с постели. Аня подошла к нему, протянула свои маленькие ручонки и стала его теребить: «Деда, вставай, вставай!» В ответ у него только выкатилась из глаз одна крупная слеза.

Вошла в комнату мама, подошла к отцу, взяла его недвижимую холодеющую руку, и все стало ясно. Аню тут же перевели в нашу соседнюю комнату. Так ушел из жизни мой отец... А он так много для меня значил!

Первую в жизни куклу подарил мне отец, он же прочитал мне первую книжку с цветными картинками.

Став постарше, я все время слышала от мамы: «Вот папа придет... Вот папа придет». Тем временем отец с утра до позднего вечера занимался преподавательской работой в трех учебных заведениях. Ведь надо было содержать многодетную семью.

Постепенно дети вырастали. Отец радовался поступлению Гирея в МГУ, Тамары в Строгановское училище и моему поступлению в Плехановский институт, который закончил сам.

Отец был свидетелем успеха Гирея, собирал в свой архив его статьи, опубликованные в центральных журналах и газетах, гордился его выступлениями по телевидению. Вместе со всей семьей погрузился в скорбь, когда Гирея не стало в 1969 году.

Папа радовался успехам Тамары. Любил смотреть на ее новые картины, этюды, очень гордился своей дочерью.

Увлечением папы была литература. Будучи родом с Кавказа, он тем не менее тонко чувствовал русские слова, обладал стопроцентной грамотностью, помогал нам в редактировании научных статей. Любимым его писателем на протяжении всей жизни был Л.Н. Толстой. Он даже цитировал его в различных жизненных обстоятельствах.

Выйдя на пенсию, отец занимался сопоставительным анализом языков Кавказа с восточными языками: персидским, арабскими, татским...

Последнее время папа тяжело болел. Но несмотря на это, каждое утро папа и мама приходили ко мне домой, давая мне возможность работать. В определенное время я смотрела на заветную тропинку, идущую от метро «Киевская» к моему дому. Как только родители появлялись, я начинала собираться на работу. Замечательные мои родители выручали меня в безвыходной ситуации! Вечная им память.

Счастлива, что с раннего детства у меня было ощущение полной семьи. Многие дети военного поколения были лишены такого драгоценного человеческого счастья.

Отдых в Звенигороде

После смерти отца я на летнее время сняла дачу под Звенигородом и привезла туда Аню и маму. Прожив более полувека со своим любимым мужем, мама все время переживала его кончину, погружаясь в тоскливые мысли. Великолепная природа отодвинула мамину тревогу, ее главным жизненным стимулом стало помогать растить внуку.

Окружающие нас места действительно были великолепными. Местный пригородный автобус подвозил нас прямо к территории Саввино-Сторожевского монастыря. В начале 70-х годов он находился еще в запущенном состоянии, был со всех сторон окружен беспорядочно разросшимися кустами, зеленью, опутанной паутиной. Но это пространство таило в себе нечто загадочное, таинственное. Отдыхая там, мы любили бродить по этому заброшенному на долгие годы пространству.

Интерес к этому месту побудил узнать его историю. В 1398 году на горе Стороже был основан этот монастырь. На его территории был возведен Успенский собор, а в 1405 году белокаменный Рождественский собор. В Рождественском соборе сохранились фрески и иконостас XVII века.

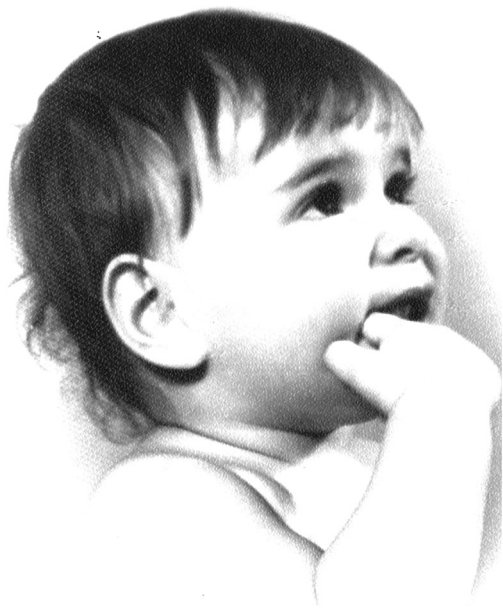
Саввино-Сторожевский монастырь был любимым местом царских особ: сюда приезжал Иван Грозный с первой супругой Анастасией Романовной, а также их сын Фёдор Иоаннович. Из монастыря вывозили русские святыни — Владимирскую и Иверскую иконы Божьей матери — для всенародного моления о защите русской земли 12 сентября 1812 года. В 1919 году монастырь был закрыт, в 1995-м он стал возрождаться.

1.

1. Александра Александровна и Данил Ильич Анисимовы
с дочерью Маргаритой и внучкой Анной, 9 мая 1974 г.

2. Моей дочери Анне
всего один год, 1974 г.

3. Я с дочерью Анной,
9 мая 1974 г.

2.

3.

В XX веке в монастыре и его окрестностях режиссеры Алов и Наумов сняли несколько эпизодов кинофильма «Бег», а А. Тарковский — эпизод фильма «Солярис».

Некоторое время в Саввино-Сторожевском монастыре размещались корпуса военного санатория Министерства обороны, открывшегося в послевоенном 1947 году. Позже вблизи монастыря были возведены современные, оснащенные лучшим медицинским оборудованием корпуса военного санатория.

На этой территории у одной из работниц мы сняли небольшой отдельный деревянный домик. Окружающее пространство нас завораживало. Мы находились в лесопарковой зоне с мощными дубами, соснами, белоснежными березами с разросшимися зелеными кронами.

Воздух был чист и прозрачен. За территорией санатория был глухой, волшебной красоты лес. Недаром в этих местах жил и творил И.И. Левитан (создал пейзаж «Последний снег» (1884), «Мостик» (1884)), писали свои картины А.К. Саврасов и А.Е. Архипов.

Втроем: мама, я и трехлетняя Аня — совершали небольшие прогулки по этим местам. Самый дальний поход был в деревню Дюдьково. Однажды, когда Аня совсем устала, она выдала фразу, над которой мы умиленно смеялись: «Еле-еле душа в теле». Конечно, я взяла дочь на руки, и мы продолжили свой путь, посетив музей С. Танеева, любимого ученика П.И. Чайковского. С. Танеев дружил с Л.Н. Толстым. Его учениками были С. Рахманинов и А. Скрябин.

В те далекие 70-е годы музей в Дюдьково продолжал привлекать к себе творческую интеллигенцию. Бывая там, мы познакомились с музыкантами: талантливым виолончелистом А. Егоровым и его супругой-пианисткой, слушали их прекрасную игру в Доме-музее С. Танеева. Мы были приглашены в дом к почитательнице их таланта (за давностью лет лица, голоса этих людей живут во мне, а имена память уже стерла). Запомнилась мне необычная судьба этой женщины. Ее единственный сын, молодой ученый, утонул в Чёрном море, спасая своего товарища. К тому времени он успел жениться, но еще не обзавелся детьми. Жена сына, молодая вдова, выходит замуж, вскоре у них появляется ребенок. Но молодая женщина продолжает дружить с прежней свекровью. У бывшей невестки была настолько сильная привязанность, что ее новая молодая семья предложила бывшей свекрови

переехать к ним жить. У супругов вскоре родился сын и принял ее как родную бабушку. Малыш оказался улыбчивым, послушным. Бабушка все силы вкладывала в воспитание малыша, он отвечал ей любовью.

Позже, созвонившись с этой замечательной женщиной в Москве, мы вместе слушали произведения Телемана в исполнении А. Егорова и его супруги (имя забыто за давностью лет) уже в залах Академии художеств. Концерт произвел большое впечатление.

Между тем летний сезон в Звенигороде продолжался. Моя мама жила в летнем домике с Аней, а я всю неделю работала в Москве. В пятницу вечером с тяжелым чемоданом, наполненным свежим комплектом белья и продуктами, которые были дефицитом, отправлялась в Звенигород.

По необходимости мама уезжала в выходные дни в московскую квартиру и приезжала в воскресенье вечером. В один из таких отъездов с нами едва не произошло несчастье. Ничто не предвещало плохого. Я и Аня, как обычно, помылись в бане, но не обратили внимания на приоткрытую там форточку, через которую проник холодный воздух.

Вечером у дочери возникли признаки недомогания, а ночью она уже стонала, вся горела и задыхалась. Что делать?! Я дрожащими руками закрыла домик с больным ребенком и лихорадочно кинулась в окружавшее меня темное звездное пространство. «Надо бежать в санаторий, срочно разыскать врача!» — стучало в моем сознании. Добежала до санатория. В корпусах было темно, только в двух нижних комнатах горели лампы. Я отчаянно колотила в двери, на стук быстро выбежал высокий седой мужчина в белом халате. У меня сразу мелькнуло в голове: «Это он!» Задыхаясь от волнения, я мгновенно рассказала о своей ситуации. Он исчез, дав знак, чтобы я оставалась на месте.

Прошло несколько мгновений, вместе с врачом появилась молодая медсестра с медицинским чемоданчиком. Втроем молниеносно мы оказались около моей больной дочери: она вся горела, задыхалась, лицо было мокрое от слез, по подушке разметались мокрые от пота волосики.

Медики сразу осмотрели ребенка, сделали укол, она выпила несколько глотков разведенного лекарства и быстро уснула. Когда утром она проснулась, я поняла, что кризис миновал, и она стала постепенно выздоравливать. Низкий поклон медперсоналу военного госпиталя!

Когда мама приехала из Москвы, по Анечке не было видно, что она перенесла такой острый приступ. Жизнь вошла в привычное русло. Мама осталась со своей внучкой в Звенигороде. Я уехала в Москву на работу.

Мама любила совершать прогулки со своей внучкой по прекрасному лесопарку санатория с его могучими дубами, высокими стройными соснами, мимо белоствольных берез, высоких, с пышными зелеными кронами. Часто они выходили к загадочному древнему Саввино-Сторожевскому монастырю.

Самым любимым маминым нарядом для прогулок было длинное светлое трикотажное платье, шляпа с широкими полями того же тона, туфли на небольшом каблучке, в ушах длинные серебряные серьги, так гармонирующие с ее васильковыми глазами. На груди к платью была приколата медаль Материнства. Всю жизнь мама носила ее с гордостью и через всю жизнь пронесла любовь и жертвенное отношение к своим детям.

Я была маленькой, когда меня положили в больницу с тяжелой дизентерией. В палате у нас лежало несколько детей с таким же диагнозом, двое из них быстро скончались. Моя мама была в ужасе. Не знаю, каким образом, но она меня забрала домой, давала нужные лекарства, не отходила от меня ни на шаг, не спала ночами. Кризис миновал, и я постепенно выздоровела. Такой самоотверженной мама была для всех нас.

Между тем наша жизнь в Звенигороде продолжалась. Очередной раз приехав туда, я застала маму с заплаканными глазами, сидящей вместе с Аней на скамейке перед большой цветущей клумбой. Рядом с ними был седовласый мужчина лет 65.

Увидев меня, она сразу встала, выпрямилась, сердечно попрощалась с военным. Втроем мы дружно зашагали в наш домик.

— О чем ты так оживленно говорила с военным? — лукаво спросила я.

— Да, бабушка, ответь, — добавила с хитрецей Аня.

— Он мне рассказывал о битве под Курском, как погибли его товарищи, совсем юные ребята, а его тяжело ранило, оторвало руку. А я рассказывала ему о нашем 11-летнем Гирее, как он во время войны познакомился с молодыми солдатами, убежал с ними на фронт и чудом вернулся из пекла под Смоленском. «Так вот почему мама плакала. Еще бы, сколько она пережила за время отсутствия своего маленького сына!» — подумала я.

В домике, где мы жили, все было удобно и под рукой. Часто в выходные дни нас навещала моя сестра Мария.

В тяжелые годы войны Мария потеряла здоровье: трудилась у станка по 12 часов, таскала тяжести, непосильные для подростка, поэтому у нее не могло быть собственных детей. Всю свою нерастраченную женскую любовь, нежность и заботу она отдала Ане. Мария с радостью гуляла с ней, дарила всевозможные подарки и постоянно носила в своей дамской сумочке Анины фотографии.

В один из своих выходных дней она привезла моей дочке красочно расписанные под хохлому качели, ловко закрепила их между высокими деревьями. Восторгу маленькой Ани не было предела, когда, сидя на качелях, с помощью Марии она взлетела прямо к небу, совсем не боясь, и только весело и громко смеялась.

Потом мы долго все вместе гуляли по густому лесу с живописными полянами, обрывали листочки или цветы, передавали их Анне, таким образом давая ей первые знания о природе, вместе слушали пение птиц, угадывали их голоса. Особенно радостными были дни, когда погода была солнечной, ясной.

Счастлирое время жизни в Звенигороде подошло к концу, и мы вернулись в Москву.

ГЛАВА VI

80-е годы XX века

Политэкономическая обстановка в СССР в 80-е годы	365
Семья Анисимовых в 80-е годы XX века	371
<i>Смерть сестры Марши</i>	
<i>Защита диссертации. Моя научная работа после защиты</i>	372
«Золотая осень» жизни Гюль-Бике	379
Памяти моей сестры художницы Тамары Даниловны Анисимовой	398
<i>Высокое призвание</i>	
<i>Алжирский период</i>	400
<i>Персональные выставки художницы</i>	404
<i>Тамары Анисимовой</i>	
<i>Последние годы жизни Тамары Анисимовой</i>	414

Политэкономическая обстановка в СССР в 80-е годы XX века

В начале 1980-х годов продолжалась Брежневская эпоха. День 10 ноября 1982 года сохранился в моей памяти. С утра я занималась хозяйственными делами. После окончания школьных занятий Анны я, как всегда, пошла забирать ее из школы.

Как только я открыла дверь школы, в фойе сразу увидела большой портрет Брежнева с широкой траурной лентой. Под портретом стояла корзина с цветами. Я была в шоке. Все настолько привыкли к незыблемости и постоянству этого руководителя. Ведь Л. Брежнев управлял страной длительный срок — 18 лет.

Потом я увидела Анину учительницу Наталью Ефремовну. Обычно эта милостивая со светлыми кудряшками женщина была улыбчивой, доброзелательной. В этот день ее лицо было заплаканным, она выглядела совсем потерянной. Потом стали спускаться малыши-второклассники и среди них моя Аня. Слова были лишними. Мы погрузились в траур. Ведь народ любил Брежнева, обладающего человеческим обаянием, при всех его просчетах и негативных сторонах жизни этого времени.

После кончины Брежнева один за другим менялось руководство страны. Недаром это время в народе прозвали пятилеткой пышных похорон (ППП). Ю. Андропов руководил страной с ноября 1982-го по 1984 года. К. Черненко и того меньше: с февраля 1984-го по март 1985 года.

Юрий Андропов, придя к власти, резко поменял стиль руководства страной, перейдя к жестким мерам. При нем выявляли тунеядцев и прогульщиков, ловили людей на киносеансах, проводили милицейские облавы, велась непримиримая борьба со спекуляцией. Краткое время его правления запомнилось кровопролитной войной в Афганистане, где погибли и были покалечены многие призывники нашей страны.

Сменивший Брежнева Андропов уже был тяжело больным человеком. Он был вынужден некоторые собрания Политбюро проводить в больничной палате ЦКБ.

После смерти Юрия Андропова к власти пришел такой же тяжело больной Черненко, являвшийся самым близким советником Брежнева. Он, как и Андропов, проводил время в больничной палате ЦКБ, и так же там устраивал совещания по руководству страной. Во многом Черненко продолжал политику Андропова.

При Черненко был расстрелян Соколов — директор Елисейевского магазина, покончил с собой бывший министр внутренних дел Щёлоков. Вместе с тем многие уголовные дела по хищению государственной собственности были приостановлены.

Заметным событием при Черненко было восстановление в рядах КПСС Молотова, находившегося в опале. 29 июня 1957 года Молотов был снят со всех должностей за принадлежность к антипартийной группе. В 1957-м он был назначен послом в Монголию. В 1961-м — исключен из партии. В 1963-м — отправлен на пенсию. Его обвиняли в причастности к сталинским репрессиям. Несмотря на опалу, он вел активный образ жизни, в течение ряда лет добивался восстановления в КПСС и добился этого в 1984 году. Черненко лично вручил ему партбилет.

На весь народ произвело впечатление появление Черненко за два дня до кончины. Телевидение показало кадры, где он прислонился к урне для голосования, демонстрируя свою активную гражданскую позицию.

В эти годы трансляция концерта симфонического оркестра под управлением прославленной женщины-дирижера В. Дударовой сразу наводила нас на мысль, что страну постигла очередная невосполнимая утрата.

На смену Черненко пришел Горбачёв, тогда находившийся в полном расцвете сил в отличие от своих предшественников. Народ возрадовался: наконец Горбачёву удастся вытащить страну из состояния бюрократического беспредела и постоянного дефицита товаров первой необходимости.

Обещаний народу со стороны Горбачёва было великое множество. Он наметил масштабное реформирование советской системы, названное перестройкой. Введение политики гласности, свободы слова и печати.

При Горбачёве произошло возрождение праздника Рождества на государственном уровне — с 7 января 1991 года.

Как показала жизнь, перестройка обернулась для страны «диким капитализмом». М. Горбачёв вдохнул жизнь в лозунг времен НЭПА

«Обогащайтесь». 19 ноября 1986 года был принят закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», легализовавший частную предпринимательскую инициативу советских граждан. Ранее такая деятельность граждан относилась к незаконной и подлежала административному или уголовному наказанию.

Для занятия ею мог предоставляться кредит. Чуть позже Горбачёв разрешил деятельность коммерческих банков, которые будут давать такие кредиты частным лицам. Этот закон стал стартом для перехода к рыночной экономике. Вначале эта система создавалась для устранения дефицита, и у нее были ограничения. Но постепенно шаг за шагом произошел возврат к капитализму. Наступило резкое расслоение общества на кучку богатых и массу бедных, доходы людей разнились в сотни раз.

Исчезло понятие социальной защищенности, к чему так привыкли советские граждане, исчезли бесплатные путевки в санатории и дома отдыха, в пионерские лагеря, ухудшилось медицинское обслуживание. Позже наряду с массовым бесплатным образованием появилось элитное платное.

Правление Горбачёва известно своей антиалкогольной кампанией, проводившейся в 1985–87 гг., в самом начале перестройки. Были повышены цены на алкоголь, сокращено его производство, регламентированы часы его продажи. Одна из популярных частушек того времени звучала так:

*В шесть утра петух поет,
в восемь — Пугачёва.
Магазин закрыт до двух,
ключ у Горбачёва.*

Было вырублено много виноградников в России, Украине, Молдавии, на Кавказе. Возросла доля теневой экономики в этой сфере: получили распространение фальшивые алкогольные марки, народ занимался самогонварением. Исчез из продажи сахар. Играли даже безалкогольные свадьбы. Казна недосчитывалась огромных сумм. Словом, антиалкогольная кампания привела к противоположным результатам, и ее свернули на государственном уровне.

В это время катастрофически снизился общий уровень жизни людей, наступил демографический кризис.

Кризисное положение в стране усугубила трагедия на Чернобыльской атомной электростанции. 26 апреля 1986 года произошло разрушение четвертого блока, расположенного вблизи Припяти. Реактор был полностью разрушен, 134 человека перенесли лучевую болезнь. Более 115 тыс. человек было эвакуировано с 30-километровой территории, прилегающей к станции. Образовалась мертвая зона.

Советскому народу несколько дней ничего не сообщалось об этой аварии. Страна, как всегда, праздновала 1 Мая с флагами, шарами и транспарантами.

Внешнеполитическая деятельность Горбачёва была направлена на достижение договоренностей с Западом, на окончание холодной войны. Результатом стали уступки в области разоружения. Он совершил множество поездок в США, встречался с президентом США Рейганом в Женеве в ноябре 1985 года, в Рейкьявике в октябре 1986 года, в Вашингтоне в декабре 1986-го, в Москве в 1988-м. В результате была достигнута договоренность о ликвидации в Европе советских и американских ракет малой и средней дальности. Улучшились отношения с Китаем, где М. Горбачёв побывал с визитом в мае 1989 года.

В 1989 году рухнула Берлинская стена, разделявшая немецкий народ на две половины. Германия была объединена, а советские войска выведены. Горбачёв выезжал в ГДР для переговоров. Внешняя политика была ориентирована на установление тесных контактов с Западом.

Во всех зарубежных поездках с переговорами его неизменно сопровождала супруга Раиса Максимовна. Брак Раисы Максимовны Горбачёвой (ур. Титаренко) с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым длился с 1953 по 1999 (год ее кончины).

После окончания с отличием философского факультета МГУ Раиса Максимовна преподавала философию в вузах, совмещая преподавание с большой общественно-политической деятельностью. При ее содействии финансовую поддержку получили музеи, восстанавливались церкви и архитектурные памятники.

Она часто появлялась на экране телевизора, участвовала в приеме зарубежных гостей. За рубежом Горбачёву оценивали высоко: присваивали

ей звание «Женщина года», присуждали премию «Женщина за мир». В их глазах она выступала как посланница мира. Раиса Максимовна занималась благотворительной помощью детям, при ее содействии был создан Фонд помощи детям Чернобыля.

После отставки Горбачёва она помогала мужу в написании и редактировании книг, пользовавшихся популярностью на Западе. Горбачёва была очень честолюбивой, целеустремленной. Скончалась от лейкоза. Она была первой за долгие годы публичной первой леди в нашей стране.

В отличие от Запады и Америки родина воспринимала супругу Горбачёва неоднозначно. В целом народ считал, что ее «слишком много». Она не сходила с экранов телевизоров, когда транслировались политические новости, связанные с международными переговорами. Народ видел ее идеально уложенную прическу, калейдоскопом сменяющиеся туалеты, подобранные с отличным вкусом и в соответствии с обстановкой. Люди отмечали ее красивую фигуру, безупречный макияж. В некоторых ситуациях она высказывала свое мнение, комментировала события, первую леди часто показывали крупным планом.

Для нашей страны это был нонсенс! Ранее жены руководителей страны публично не участвовали в общественно-политической жизни. Они хранили домашний очаг, подчиняли свой домашний распорядок работе мужа, воспитывали детей и внуков. Недаром народу так симпатичны были полные, по-домашнему одетые жены Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева, их добрые, улыбающиеся лица, которые мы единожды видели по телевизору. А тут каждый день!

Огромная пропасть разделяла Раису Максимовну и русскую женщину второй половины 80-х годов. Для простых женщин жизнь была тяжелой, их семьи с детьми выживали, и далеко не всем было дело до красивых причесок и нарядов. Им бы поесть!

Во второй половине 80-х годов образовался острый дефицит продуктов питания. И если в Москве еще что-то можно было купить, то на периферии ситуация сложилась катастрофическая. Широкое распространение тогда получили «колбасные» автобусы и поезда, приезжавшие утром в Москву, а вечером отвозившие людей, приехавших в столицу за продуктами, обратно в их города. В них-то и ездили русские женщины, прятавшие

под своей мешковатой одеждой тонкие талии, выразительные бедра и длинные стройные ноги.

В народе сложился ироничный образ женщины того времени, которая в правой и левой руке несет по тяжелому чемодану, на ее шее вместо бус — ожерелье из рулонов туалетной бумаги, а на голове — унитаз. Кстати, хорошие унитазы были в большом дефиците.

Раиса Максимовна значительно опережала свое время и потому осталась непонятой многими современниками. В 2000-х у нас уже появились такие женщины среди российской элиты: умные, образованные, ухоженные в соответствии с мировыми стандартами, и это уже ни у кого не вызывало удивления и негодования.

В 1980-х годах в СССР возросла доля теневой экономики, в которой, по оценке некоторых ученых, было занято ≈15 млн человек. Через нее проходили миллиардные доходы, не поступавшие в бюджет. Наблюдался процесс сращивания теневой экономики с коррумпированными группами советской номенклатуры, сокращение объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, снижение уровня жизни населения. Экономика строилась на вывозе природных ресурсов: нефти, газа, драгоценных металлов.

Переход к рыночным отношениям повлек за собой стремление союзных республик обрести независимость и прибрать к рукам национальную собственность. Цель властных структур — обогащение, возможность неограниченно распоряжаться природными и человеческими ресурсами.

Ярким проявлением этих процессов стало «хлопковое дело» в Узбекистане. Расследования велись в 1970–80 годах. Было возбуждено 800 уголовных дел, лишены свободы свыше 4 тысяч человек. Каждый год Узбекистан якобы поставлял государству три миллиона тонн хлопка, а на деле не поставлял и половины. Подобные ситуации были во многих союзных республиках. Центр не справлялся со своими экономическими проблемами.

Семья Анисимовых в 80-е годы XX века

Анна с любимой тетей Марией, 1975 год

Смерть сестры Марии

1980-е начались для нашей семьи с большой потери — 14 января 1981 года после продолжительной онкологической болезни скончалась моя старшая сестра Мария. Характер у нее был непростой, властный и вспыльчивый. Но все это покрывалось ее безграничной добротой, отзывчивостью. О себе она заботилась всегда в последнюю очередь.

Наши последние разговоры были связаны с книгами. На протяжении многих лет с большими трудностями, по дефицитной подписке, она добывала и приносила домой книги, том к тому. В итоге Мария собрала большую домашнюю библиотеку, в которой были наши классики: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Чехов, Пришвин, Паустовский, а также

зарубежные писатели: Диккенс, Франс, Золя, Роллан... Так я, не выходя из дома, прочитала русскую и зарубежную классику. Мария дала мне завет — беречь книги и перечитывать классику.

1 сентября 1980 года она успела проводить в первый класс свою любимую племянницу Анну. Мария постоянно носила ее фотографии среди документов в своей сумочке. В последние месяцы жизни, уже не вставая, она доставала из закутков красивые новые платья, туфельки, чулочки на вырост для Анны. Я получила приличную страховую сумму — посмертный подарок Марии, материально поддерживающей нас в трудное время.

Такие трогательные проявления доброты по отношению к своим родным не забываются. Вся наша семья погрузилась в скорбь.

Защита диссертации. Моя научная работа после защиты

В том же году я защитила диссертацию. После защиты и утверждения в ВАКе я столкнулась с серьезной проблемой: в институте, где я проработала с 1968 по 1980 год, не было возможности выплачивать зарплату с учетом ученой степени, шли сокращения научных сотрудников. Вооруженная знаниями и опытом, я испытала сложности с поиском научной работы.

Неподалеку от ЦНИИПИ, места моей бывшей работы, находился старинный особняк XVIII века, очень уютный, с высокими сводчатыми потолками, с росписями в хорошей сохранности. Там располагался институт, в который меня хотели взять на должность старшего научного сотрудника. Но этому не суждено было случиться. Во время решающей встречи в кабинет со скандалом ворвалась дама средних лет и начала кричать на начальника, принимавшего меня на работу. «Увольняете неугодных для вас людей, это несправедливо! Я знаю отрасль! Вы берете нового человека только потому, что у него есть степень. Но она (показывает на меня) ни дня не работала в нашей отрасли. Я буду на вас жаловаться!» Она демонстративно выбежала из кабинета, громко хлопнув дверью. После такого яркого выступления дамы я в этом институте больше не появлялась.

Через какое-то время после упорных поисков все совпало, и я была

принята на должность старшего научного сотрудника, кандидата экономических наук. Но, проработав там непродолжительное время, я была разочарована организацией и результатами научной деятельности, взаимоотношениями сотрудников в коллективе.

Научный отдел возглавляла красивая статная дама без ученой степени, но с большим опытом работы в отрасли. Как я потом узнала, даму провалили на защите, так как работа не содержала в себе никакой новизны и самостоятельной научной разработки темы. Сотрудниками ее отдела в основном были женщины, только одна из них имела ученую степень. Мы вдвоем оказались в ситуации противостояния: с одной стороны две молодые женщины со степенями, с другой — статная пожилая дама с большими связями и целый хор зависящих от нее сотрудниц. Позже в отдел был взят молодой мужчина со степенью для решения наиболее сложных проблем, стоящих перед отраслью.

Почти на каждом собрании в наших работах подчеркивались только недостатки, хотя мы постоянно трудились, без выходных дней. Потерять работу было немислимо, и многое приходилось терпеть.

В лице большинства сотрудниц отдела начальница находила горячую поддержку. Случайных людей она на работу почти не брала. Многие были друзьями ее дома или «нужными» людьми, удовлетворяющими ее духовные или материальные потребности.

Особенно меня удивляла одна дама. С утра она появлялась в отделе на короткое время, затем исчезала почти на целый день и являлась только к концу рабочего дня. Как оказалось, она просиживала в другом отделе не по производственной необходимости, а по личным надобностям. Они там весело проводили рабочий день. Позже я узнала, что сын ее родной тети был знаменитым артистом балета Большого театра. Эта сотрудница доставала начальнице бесплатные контрамарки на все премьеры в первые ряды, где присутствовали известные статусные люди. Она была статной, интересной, со вкусом одетой женщиной и вполне вписывалась в этот избранный круг.

Лучшие вещи, которые привозились артистами Большого театра на продажу, немедленно появлялись на начальнице. Естественно, выполнения работы от этой сотрудницы не требовалось, ее делали другие.

Когда приближались дни рождения начальницы отдела, особенно ее юбилей, преданные друзья заблаговременно собирали деньги, отлучались за подарками в рабочее время. Подарки всегда были дефицитными. Еще бы: муж одной сотрудницы был заместителем начальника Главка по снабжению продовольствием! Солидная хлебная должность. На больших, ярких открытках писались хвалебные тексты и громко зачитывались на празднике в честь именинницы. Все осыпали виновницу торжества комплиментами в превосходной степени.

В такой обстановке дни проходили за днями. Надо сказать, что партком и местком заботились о сотрудниках в условиях дефицита. В институте была хорошая столовая, даже периодически продавались продуктовые наборы, предоставлялись путевки в детские пионерские лагеря, даже организовывались детские праздники.

Традиционным был обход и поздравления сотрудников с большими, особенно политическими праздниками представителями «треугольника»: парткома, производственного сектора, месткома. В эти дни нас собирали в зале, лучшим сотрудникам вручались почетные грамоты, затем были концерты и танцы.

В некоторых случаях, как правило, на ноябрьских и майских праздниках, присутствовала особая помпезность. Военные нашего института надевали ордена и форму со знаками отличия. Под звуки марша вносили знамена. Весь зал их дружно приветствовал.

Однажды я застала нашего с иголки одетого директора в фойе института, он взволнованно ходил туда-сюда по мраморному полу, нервно кого-то ожидая. Как узнала потом, он встречал комиссию по проверке научно-производственной и хозяйственной деятельности института. В результате проверки директора все-таки сместили...

Шло время, наступила весна, а за ней лето. В этот период наша начальница спешно готовила технико-экономическое обоснование эффективности машины на одном из заводов Прибалтики, расположенном вблизи морского побережья. Эту деловую поездку по согласованию документов она приурочила к купальному сезону и выступлению известного эстрадно-симфонического оркестра. В поездку она взяла с собой молодую, красивую сотрудницу, муж которой был солистом этого оркестра.

Через две недели они вернулись на работу загоревшие, посвежевшие и с успешно выполненным заданием.

Начальство других отделов также использовало служебное положение в своих интересах, не пренебрегая подтасовкой, подгонкой, незаконными манипуляциями для достижения цели — поездки за границу. Для них это была прекрасная возможность приобрести за рубежом для своей семьи музыкальную аппаратуру, одежду и некоторые предметы быта.

Так, требовалось технико-экономическое обоснование эффективности новой техники, разрабатываемой институтом для экспортных поставок за рубеж. Начальство уже приготовило чемоданы к поездке, но тут произошла накладка, техника оказалась убыточной. Тогда сотрудниц отдела заставили произвести расчеты повторно, изменив первоначальные технические параметры установки. После этого минусовый экономический эффект стал со знаком плюс. Все члены группы поехали за рубеж и утвердили там план поставок оборудования.

Сотрудники с критическим мышлением не могли оставаться равнодушными к такой ситуации, но и изменить в лучшую сторону ничего не могли.

Обстановка в институте была противоречивой. С одной стороны, наблюдались всевозможные нарушения, с другой стороны, институт держал свой фасад неукоснительно: регулярно проводились партсобрания, профсоюзные и производственные совещания. На них говорили-говорили, ставили вопросы совершенствования деятельности института по всем направлениям.

В отделах регулярно проводились политинформации с обзором наиболее важных статей в появлявшихся центральных газетах «Правда», «Известия».

И вот настало время перестройки. Главой государства стал Михаил Сергеевич Горбачёв. Прошло много лет, но мне запомнилась реакция заведующего одного из ведущих отделов, проработавшего в институте много десятилетий. Он переживал развал отрасли. В связи с перестройкой надеялся на ее возрождение.

В сложившейся ситуации я не видела дельнейших перспектив работы в этом институте и стала активно искать новую работу. Так я попала в НИИ «Стандартприбор» Министерства приборостроения и средств автоматизации и проработала там много лет.

Наступил 1986 год. Начало работы во ВНИИ «Стандартприбор» было связано с подготовкой международной выставки «Метрология-86», проводимой на ВДНХ. Моя роль была связана с организационными вопросами. В этот период я вникала в специфику отрасли.

По прошествии многих лет работы в институте я смогла реализовать свой научный потенциал. Мне посчастливилось работать там с людьми, действительно преданными науке.

Постепенно в стране происходили кардинальные изменения в сторону рыночных отношений. Эти процессы распространились и на экономическую деятельность института. Появилась необходимость в выполнении работ, связанных с нормированием и точным учетом видов затрат на всех этапах научной разработки: изготовление опытных образцов, их испытание и последующее внедрение в производство. Необходимо было разрабатывать принципиально новые методические материалы и использовать их в отрасли приборостроения и других смежных областях.

В качестве ответственного исполнителя разработала методику расчета затрат на проведение испытаний продукции приборостроения и алгоритм расчета цен на различные виды испытаний новой продукции. После утверждения этих материалов в высоких кабинетах с результатами работы выступала на заседании Совета руководителей головных организаций по государственным испытаниям в организации Госстандарт СССР, также выступала с докладами в павильоне «Машиностроение» на ВДНХ.

Постепенно круг научных исследований, имеющих бюджетное финансирование, сужался, и сотрудникам института надо было выполнять работу на договорной основе. За счет денег, получаемых институтом за выполнение таких работ, нам выплачивалась зарплата.

В этот период начали свертывать свою работу многие научно-производственные объединения. Находить заказчиков становилось все трудней и трудней. Приходилось большую часть времени проводить в командировках. Так я побывала во многих городах Советского Союза: Киеве, Виннице, Новочеркасске, Старочеркасске, Таганроге, Пензе... Работы были выполнены качественно и в срок, договора подписаны, деньги перечислены.

Только при этих условиях выплачивалась зарплата.

В начале 90-х годов завершилась моя научно-исследовательская деятельность в области экономики. Среди ученых были крупные человеческие личности, которые оказывали мне помощь и поддержку в работе.

В последние годы трудовой деятельности мне посчастливилось работать и общаться с замечательными людьми: заслуженным деятелем науки, руководителем отдела Госстандарта А.В. Гличевым и кандидатом технических наук, руководителем отдела Госстандарта Л.М. Заксом.

Прошло много лет, более трех десятилетий, но во мне живет благодарная память об этих людях. Запомнились мне ученые советы, на которых они выступали, демонстрируя глубокое знание проблем. От них всегда исходили интересные идеи и предложения.

Преимущественно институт выполнял работы по договорам. Приходилось много летать, а у меня была несовершеннолетняя дочь и мама преклонного возраста (85 лет). Я была в те годы их опорой и кормилицей. В такой ситуации каждый раз я уезжала из дома с непреодолимой болью.

В лице Льва Моисеевича Закса я получала необходимую моральную поддержку. Сам он всю жизнь летал на самолетах в служебные командировки.

— Я все время летаю на самолете, — утешал он меня, — это самый безопасный вид транспорта. По статистике, за год совершается более 30 млн рейсов, на 1 млн вылетов случается одно авиапроисшествие. Вероятность гибели в самолете крайне мала. Так что летите спокойно, Маргарита Даниловна. У вас все будет хорошо.

Такое убедительное напутствие успокаивало меня, и я действительно всегда благополучно возвращалась из командировки с успешно выполненным заданием.

Яркое впечатление производил на меня Александр Владимирович Гличев. Он уникальная личность. В Великую Отечественную войну ушел добровольцем на фронт. Совсем в юном возрасте, в 18 лет, был разведчиком, знал иностранные языки. Тогда же был тяжело ранен, награжден многими боевыми наградами.

Окончил авиационный институт, с середины 60-х годов возглавлял головной Институт стандартизации Госстандарта СССР. Он автор 370

научных трудов, пяти монографий, один из главных создателей системы управления качеством в нашей стране. Разработчик международных стандартов качества.

В процессе выполнения научных работ я обращалась за консультацией к Александру Владимировичу. Он был доброжелателен, внимателен, всегда вникал в суть проблемы и давал ценные советы.

Но не только научные проблемы глубоко интересовали этого человека, он был широко образован, очень любил искусство. Мне удалось коснуться в разговорах и этих тем. Когда случались редкие просветы в работе, он любил посещать с семьей Музей изобразительных искусств им. Пушкина, был даже в новом Отделе личных коллекций, открытом в 1985 году.

Впервые от Александра Владимировича я услышала о выдающейся певице Алле Баяновой. Он восторженно делился впечатлениями от концерта. Я тут же пошла на очередной концерт Баяновой, произведший на меня незабываемое впечатление. В последующие годы я стала почитательницей ее таланта. Сочетание научных интересов и любовь к высокому искусству давала ученым полноту жизни.

Я благодарна судьбе, что мне выпала честь знать и работать с замечательными учеными, лучшими из этой среды. Как правило, это люди скромные, широко образованные, с которыми всегда интересно общаться, совместно делать научные разработки, актуальные для своего времени.

«Золотая осень» жизни Гюль-Бике

Переход от подросткового возраста к юношескому у меня был тесно связан с тетей Гюль-Бике. Она оказывала на меня большое влияние. Мне было лет 13, когда я часто стала бывать на улице Огарёва (ныне Газетный переулок).

Она жила в высоком сером доме дореволюционной постройки, до революции здесь был многоквартирный доходный дом. Пройдя по короткому темному коридору, свернув налево, я попадала в небольшую, не более 10 метров, комнату. Квартира была многонаселенной, но ее комната располагалась особняком, и она почти не контактировала с соседями.

В те годы любая жилая площадь, особенно в центре Москвы, была очень дефицитной. Конечно, Гюль-Бике привыкла к совершенно другим условиям жизни. Но с началом войны она должна была покинуть шикарную многокомнатную квартиру с изысканным резным балконом на Тверском бульваре, уехав в эвакуацию. После возвращения из Средней Азии выяснилось, что квартиру Гюль-Бике заняли, взамен ей предложили крохотную десятиметровку, правда в центре Москвы, и она согласилась.

Несмотря на маленький размер, комната была уютной, обставленной со вкусом. В ней помещалась широкая тахта, слева над тахтой висело овальное зеркало средней величины, под ним небольшая полочка с необходимой косметикой. Справа был самодельный темно-коричневый шкаф для одежды. Это интимное пространство Гюль-Бике закрывала плотной золотой шторой, висевшей на удобных подвижных кольцах, надетых на специально установленную поперек комнаты лакированную темную палку.

В начале комнаты, таким образом, образовался уютный закуток, где была специальная полка с необходимой посудой, рядом зажигалось бра. К стене был придвинут столик, покрытый плотной скатертью в золотых тонах. Напротив располагалась книжная полка. Вот и вся нехитрая обстановка тех лет.

С таким минимализмом жили почти все люди. И даже умели радоваться тому, что имели.

Гюль-Бике, будучи в зрелом возрасте, всегда выглядела хорошо.

Располагая небольшими денежными средствами, она сама делала косметические кремы с использованием ланолина, часто любила пудрить свой крупный орлиный нос, красила ресницы и губы приятными и неяркими тонами.

Регулярно бывала на показах мод новых коллекций на Кузнецком мосту, имела свою портниху, шившую со вкусом по доступным ценам. Ценила иностранные вещи, особенно обувь, и приобретала их у своих знакомых из артистического круга, бывавших за рубежом.

В те далекие 50-е годы я была ребенком, выжившим во время войны, терпевшим нужду и лишения. Дружба с Гюль-Бике разворачивала мою жизнь в другую сторону. Несмотря ни на что, она была прекрасна. Я была ослепительно молода, мы жили под мирным небом, светило солнце, цвели сады... Надо было соответствовать этой жизни.

Придя к тете Гюль-Бике, я часто слышала: «Маргарита! Не сутулься, держи осанку, расправь плечи!» Она дружелюбно меня поругивала за платье, не подогнанные по фигуре, за их блеклый, невыразительный вид. Ведь зачастую они передавались мне от старших сестер. Она показывала, как с помощью бус, аксессуаров можно преобразить одежду.

Гюль-Бике стала брать меня на показы мод на Кузнецкий мост и в ГУМ. Так постепенно у меня выработался определенный стиль в одежде. Со временем я стала выправляться, держать прямо голову, спину и даже нарядно выглядеть с помощью аксессуаров.

Когда позволяло время, мы ходили на комплексные обеды в ресторан «Прага». В дневные часы там были достаточно низкие, доступные цены. Но торжественная обстановка этого заведения невольно заставляла меня подтягиваться: держаться с достоинством, правильно и ловко пользоваться обеденными принадлежностями, неторопливо есть. Это были своего рода занятия по этикету.

Бывая в центре, я просто забежала к Гюль-Бике поделиться впечатлениями от новой выставки или увиденного спектакля. Как-то во время такого посещения я подошла к полке с книгами. Гюль-Бике много читала, всегда брала новинки из районной библиотеки, а любимая классика: Пушкин, Чехов, Толстой, — стояли на полке, она любила их перечитывать. Однажды, просматривая литературу, я неожиданно наткнулась на книгу В.О. Витта «Из истории русского коннозаводства». Издание 1952 года. Книга меня

Такой я помню мою тетю, красавицу Гюль-Бике.

заинтересовала. Открыв ее, я увидела дарственную надпись «Другу Гюль-Бике в память о тяжелых и счастливых днях. От В. Витт. 28.07.52 г.». Я часто в разговорах слышала упоминание о семье Виттов. Они дружили с Гюль-Бике долгие годы.

Владимир Оскарович Витт (1889–1964) был один из основоположников зоологической науки в области коневодства. По этой теме он написал 11 книг. Профессор Витт заведовал кафедрой коневодства в сельскохозяйственной Академии им. Тимирязева с 1937 по 1964, год своей смерти.

Я с большим интересом стала рассматривать иллюстрации к его книге. Там было изображено множество различных пород лошадей. К их красоте я относилась с восхищением. Находясь в Третьяковской галерее, подолгу стояла у картин с изображением великолепных коней.

Внимательно разглядывая снимки книги, написанной Виттом, я вдруг наткнулась на фрагмент рассказа И.С. Тургенева из «Записок охотника». Он меня просто заморозил.

«...Да и конь же был! Огонь, как есть огонь, просто порох, а степенство, как у боярина! Неутомимый, выносливый, куда хошь его поверни, безответный; а прокормить его ничего не стоит: коли нет ничего другого, землю под собой глодает. Шагом идет — как в руках несет; рысью — что в зыбке качает, а поскачет, так и ветру за ним не угнаться! Никогда-то он не задыхается, потому — отдушин много. Ноги — стальные; чтобы он когда-то споткнулся — и в помине этого не бывало. Перескочить ров ли, тын ли — это ему ни почем; а уж умница какая! На голос так и бежит, задравши голову; прикажешь ему стоять и сам уйдешь — он не ворохнет; только когда станешь возвращаться, чуть-чуть заржет «здесь, мол, я». И ничего-то он не боится: В самую темь, в метель дорогу сыщет; а чужому ни за что не дастся: зубами загрызет! И собака не суйся к нему: сейчас передней ножкой ее по лбу — тюк, только она и жила. С амбицией конь: плеткой разве что для красы над ним помахивай — а сохрани Бог его тронуть! Да что тут долго толковать — сокровище, а не лошадь!»

Прочитав внимательно этот текст, я почувствовала, как мною овладела досада. Как я могла, читая не один раз это великолепное произведение

Тургенева, не обратить особого внимания на такие выразительные, прекрасные строки из «Записок охотника». «Непростительно!» — подумала я в тот момент. Это была наука на всю жизнь. Надо не скользить глазами по строкам произведения, а глубоко вдумываться, вживаться в текст. Ведь мысли и чувства великих авторов так обогащают человека!

Так, в общении с Гюль-Бике постепенно формировалось мое миропонимание, в котором книги имели первостепенное значение.

В 1955 году в моей жизни произошло важное событие — я стала студенткой 1-го курса Института народного хозяйства им. Плеханова. Мне было 17 лет, чувствовала я себя взрослой. Я продолжала бывать у Гюль-Бике на ул. Огарёва. Мне было интересно с ней общаться и обсуждать происходящие в жизни события.

У Гюль-Бике был широкий круг знакомств. Некоторые из ее друзей были вдовами известных людей. Гюль-Бике дружила с супружеской парой Пудовкиных, а после смерти выдающегося кинорежиссера продолжалась дружба с его вдовой. В своей характеристике на Гюль-Бике Пудовкин отмечал у нее способности к киноведческой работе, но ее жизнь в дальнейшем пошла по другому руслу.

Долгие годы Гюль-Бике дружила с вдовой директора Московского художественного театра. Кава Сергеевна Месхетели часто делилась с подругой воспоминаниями о своем замечательном муже, умершем в 1957 году. Владимир Евгеньевич был волевым, энергичным, инициативным человеком, талантливым организатором театрального дела. В тяжелые военные годы он был директором-распорядителем МХАТа.

Но самой близкой подругой Гюль-Бике со студенческих лет была Мария Арнольдовна Арнази — старшая сестра Клары Арнольдовны Хренниковой. Они почти каждый день подолгу разговаривали по телефону. Она была пожилым, но жизнелюбивым человеком, хорошо одевалась, пользовалась дорогой косметикой, носила дорогие ювелирные украшения.

Несколько раз мне посчастливилось видеть в доме у Марии Арнольдовны тогда еще очень молодого, начинающего свою блестящую карьеру актера Олега Табакова. В 50-е годы он уже снялся в роли молодого коммуниста в фильме «Тугой узел» (1956–57) и в известной на всю страну картине «Дело “пестрых”» в роли старосты драмкружка (1958).

Но меня искренне удивил этот худенький, невысокий молодой человек. Я сидела вместе с Марией Арнольдовной и Гюль-Бике. Входит Олег, в нем чувствовалась доброжелательность и полная непринужденность. Знакомясь с нами, он протянул руку для рукопожатия вначале тете Гюль-Бике, затем мне. При этом он четко и уверенно произнес свою фамилию: Табаков.

Такого юного, но уверенного в себе молодого человека ранее я никогда не встречала. Каким же надо было обладать большим внутренним потенциалом, чтобы так держаться! Вскоре эта уверенность в творческих силах оправдалась с лихвой. А тогда он высказывал свое обоснованное мнение о новых популярных фильмах, шедших на экране.

Период дружбы с Гюль-Бике запомнился мне памятной встречей со знаменитым фотохудожником Свищевым-Паола.

Атмосфера жизненного пространства Москвы 50-х годов XX в. впитывалась в мою плоть и кровь. Я любила много ходить по улицам, бульварам, заповедным переулочкам любимого города, дышать этим воздухом, вглядываться в архитектуру зданий, в лица прохожих, ловить бытовые детали жизни людей. Этими сильными впечатлениями я делилась с тетей Гюль-Бике. Видя мой неподдельный интерес к московской жизни, она решила познакомить меня с уникальной личностью, старожилом Москвы — знаменитым 90-летним фотохудожником Николаем Ивановичем Свищевым-Паола. Гюль-Бике рассказывала мне, что он запечатлел своей фотокамерой политического деятеля Н.И. Бухарина, отца русской авиации Н.Е. Жуковского, сделал фотопортреты поэта С. Есенина, киноактрисы Веры Холодной, создал целую галерею образов знаменитых певцов и актеров: Лемешева, Качалова, Вертинского, Козина...

В те годы его нередко можно было встретить на улицах Москвы: он старался запечатлеть для потомков важные события жизни: переезды на новую квартиру, свадьбы, юбилеи...

Мне запомнился летний солнечный день 1957 года, когда мы посетили мастерскую этого замечательного художника фотографии. Гюль-Бике позвонила в дверь старинного дома, находившегося на Пушкинской улице (ныне Большая Дмитровка).

Н. Свищев-Паола

Москва

*Маргарита Анисимова. Фото
сделано Свищевым-Паола,
1955 г.*

Раздался очень необычный, приятный на слух, довольно долгий перезвон колокольчиков. В дверях появилась полная, но подвижная фигура в просторном темно-синем бархатном одеянии с серебряной, аккуратно подстриженной бородой. Артистическим жестом он указал нам на рабочую комнату.

Художник был рад приходу Гюль-Бике, он поцеловал ей руку, а мне просто приветливо улыбнулся. Гюль-Бике связывала с фотохудожником долгая дружба еще с 20-х годов. У нее была целая серия фотографий, сделанная этим замечательным мастером. Например, фото с любимой собакой.

Фотоателъе изобиловало фотографиями, различными коробками, фотоаппаратурой, осветительными приборами, накопленными за долгую творческую жизнь. На стенах висели уникальные фотографии, которыми автор особенно гордился. Видное место занимала фотография его жены и всегдашней помощницы Елены Александровны. В тот памятный день он доставал из своих папок много фотографий и с удовольствием их нам показывал. Свищев-Паола участвовал в выставках и имел множество наград. Но особенно гордился получением Золотой медали в Париже в 1924 году за знаменитую «Блондинку».

Он был непревзойденным мастером ракурсов и светотеней, способным передавать в своих работах человеческую индивидуальность.

Вместе с тем он был прекрасным мастером фотопейзажей и групповых фотографий. На память об этой встрече он сделал мою фотографию. Она хранится как дорогая реликвия с подписью мастера.

Во второй половине 50-х годов мне казалось, что Гюль-Бике живет полной интересной жизнью. По тем временам, когда в восьмиметровой комнате жили две семьи с детьми, и такое положение было сплошь и рядом, Гюль-Бике жила во вполне нормальных условиях.

Большой ее страстью по-прежнему оставался кинематограф. Она с молодым энтузиазмом торопилась посмотреть премьеры новых фильмов любимых режиссеров и актеров. Для нее это было важным событием.

Все разнообразие чувств и мыслей сводилось к ее лаконичному определению «испытывать радость бытия».

Любила Гюль-Бике московские парки, и особенно модную по тем временам ВДНХ с замечательной архитектурой, павильонами и, конечно, впечатляющими своей красотой фонтанами.

Летом мы часто гуляли в саду «Эрмитаж», смотрели постановки «Театра Ленинского комсомола». В Парке культуры им. Горького я вместе с Гюль-Бике посещала симфонические концерты. В антракте я искренне удивлялась, что Гюль-Бике стала раскланиваться с одним из оркестрантов. Будто послышался отголосок ее молодости, когда она вращалась в артистической среде.

Любовь к кинематографу сохранялась у Гюль-Бике всю жизнь. Со своей подругой Марией Арнольдовной они обсуждали профессионально, заинтересованно, с жаром все новинки кино! В 50-е годы появились фильмы «Анна на шее» (1954 г.), «Верные друзья» (1954 г.), «Укротительница тигров» (1954 г.), «Весна на Заречной улице» (1956 г.), «Карнавальная ночь» (1956 г.), «Летят журавли» (1957 г.), «Разные судьбы» (1956 г.). Время не властно над этими шедеврами.

Тетю и ее подругу поражала невиданная по тем временам операторская съемка С. Урусевского в фильме «Летят журавли». Конечно, говорили о замечательной музыке Т.Н. Хренникова к фильму «Верные друзья». С восторгом обсуждали замечательную актерскую игру А. Баталова, Т. Самойловой, В. Меркурьева, А. Борисова, Л. Касаткиной, Л. Гурченко и, конечно, необыкновенную красоту Аллы Ларионовой и восхитительного А. Вертинского в фильме «Анна на шее».

Появление каждого такого фильма было событием. Чтобы попасть на них, надо было отстоять за билетами длинную очередь. Ведь телевидение в те годы не имело широкого распространения и по нему редко демонстрировались эти фильмы.

Одним из самых ярких событий моей юности было знакомство с Тихоном Николаевичем и Кларой Арнольдovной Хренниковыми в Большом зале Консерватории.

Впервые я попала в этот волшебный зал на симфонический концерт. Исполнялись 5-я и 6-я симфонии Чайковского. Дирижировал К. Иванов. Красота и величие этой музыки меня просто потрясла, у меня комок стоял в горле, я не могла сдерживать слез от нахлынувших чувств.

Архитектура здания задумана как Храм музыки. Войдя внутрь, оказываешься в пространстве фойе, разделенном двумя рядами античных колонн. Затем поднимаешься по широким лестницам и через небольшое помещение с колоннами попадаешь в сам концертный зал.

Зал выглядит нарядно и торжественно, вокруг позолоченные бра, монументальный орган, установленный еще в XIX веке. Зал украшают портреты любимых композиторов, русских и зарубежных, в овальных рамах. Они органично вписываются в пространство зала.

В этот раз я пришла в Консерваторию с тетей Гюль-Бике по приглашению Клары Арнольдovны Хренниковой. Увидев в фойе Тихона Николаевича и Клару Арнольдovну, Гюль-Бике подвела меня к ним.

Они приветливо поздоровались и ненадолго остановились. К ним тут же стали подходить разные люди с приветствиями и разговорами. Меня удивило в этой паре полное отсутствие звездности, только приветливость

и внимание к окружающим. Я сразу отметила их высочайшую интеллигентность и естественность поведения. На этих обаятельных людей хотелось смотреть и смотреть... Ведь они могли себя вести в то время совсем по-другому. Тихон Николаевич был в те годы в зените славы. По радио ежедневно звучали его песни к фильмам: «В шесть часов вечера после войны», «Свинарка и пастух», «Гусарская баллада», «Верные друзья». Эти песни были на слуху у миллионов почитателей его таланта в СССР и за рубежом.

Дали звонок, и мы сели в мягкие кресла в этом магическом зале. Концерт был посвящен исполнению новых произведений советских композиторов. Со вступительным словом выступал Тихон Николаевич. Речь его была немногословной, только по существу, она отличалась особенной глубиной и сердечностью. При этом я отметила его большую артистичность и приятный, бархатный тембр голоса.

По окончании вечера я почувствовала, что посещение этого концерта было неслучайным, что я хочу снова и снова бывать на его симфонических концертах, глубоко знать творчество этого замечательного композитора.

Ближе к Новому году тетю Гюль-Бике приглашали в качестве художника-оформителя новогодней елки в Дом журналистов.

В это время она доставала из своих шкафчиков и тумбочек домашние заготовки, кокошники, снежинки, хлопушки, гирлянды, коробочки для подарков и принималась за творческую работу по созданию волшебного новогоднего пространства. Работа давала ей столь необходимый приработок к пенсии. Ведь Гюль-Бике любила хорошо одеваться и регулярно обновлять свой гардероб по новым образцам Дома моделей.

Так день за днем шла ее одинокая жизнь. Она видела многие плюсы в таком существовании и называла свое состояние «комфортом одиночества».

И вот однажды, когда в очередной раз я решила навестить тетю Гюль-Бике, меня ждал сюрприз: она сидела за своим небольшим столом не одна, как обычно, а с крупным, солидным человеком с окладистой седой бородой, в военной форме полковника. Гюль-Бике представила нас друг другу. Оказалось, его зовут Николай Андреевич Новицкий. Встав, он от души

пожал мою миниатюрную руку. Я ощутила рукопожатие его большой ладони, с первого мгновения почувствовав, что эта встреча неслучайна, за ней будет продолжение.

Гюль-Бике пригласила меня к столу. На новой белоснежной скатерти в высокой хрустальной вазе стоял букет крупных бордовых роз. Рядом был аккуратно разрезанный торт «Прага», так любимый Гюль-Бике. Поодаль стоял заварной китайский чайник и изящные чашечки в том же стиле.

Сразу непринужденно завязался разговор об институте, где я училась в те годы, и, конечно, о моих увлечениях. Мне было что рассказать, а Гюль-Бике и Николай Андреевич живо интересовались моей жизнью. Я рассказала об учебе, что пошла по стопам отца, брата Гирея и сестры Марии — все были экономистами.

В те годы право у нас преподавал старый уважаемый всеми профессор Д.М. Генкин, который много десятилетий назад преподавал еще у моего отца, но некоторые лекции другие преподаватели института читали скучно и монотонно. Студенты — народ изобретательный. Мы по очереди пропускали такие лекции и сбегали кто куда: одни в магазин за модными импортными вещами, другие смотреть новую кинокартину, а я — в очередь в кассы Большого театра. Моими тогдашними кумирами были Галина Уланова и Майя Плисецкая. Большим счастьем для меня было смотреть балеты с их участием: «Лебединое озеро», «Жизель», «Дон Кихот», «Ромео и Джульетта». Смотреть на эту красоту хотелось бесконечно, а учеба для меня была связана лишь с необходимостью получения профессии.

Еще я с увлечением говорила о наших студенческих вечерах. Я там играла роли в самодеятельных спектаклях. Позже наш педагог исполнила эпизодическую роль в фильме Бондарчука «Война и мир». Актный зал института на наших спектаклях был полным. Мы приглашали молодых людей из престижного инженерно-физического института МИФИ. Слушая мои рассказы, тетя Гюль-Бике и Николай Андреевич смотрели на меня с умилением. Ведь в те годы мне было всего лишь 20 лет.

После посещения Гюль-Бике в день знакомства с Николаем Андреевичем в душе у меня осталось теплое чувство. Я рада была, что у моей тети появился такой друг — настоящий, надежный мужчина. Вскоре полковник Новицкий сделал ей предложение руки и сердца и они поженились.

Как-то я забежала к Гюль-Бике, когда она была одна. Тетя рассказала мне некоторые подробности из жизни Николая Андреевича.

Николай Андреевич овдовел пару лет назад, его женою была подруга Гюль-Бике Верочка Новицкая — бывшая киноактриса немого кино. Ее имя и раньше упоминала Гюль-Бике в своих рассказах. От этого брака у Николая Андреевича осталось двое взрослых, успешно работающих сыновей. Они трудились в космической отрасли, присутствовали при запуске космических кораблей.

Через короткое время Гюль-Бике переехала жить к Николаю Андреевичу в один из престижных домов Москвы, расположенных по Комсомольскому проспекту. Достаточно сказать, что в нем доживал свой век Каганович, а также другие ответственные работники аппарата ЦК КПСС.

Новое общественное положение отразилось на тете Гюль-Бике, у нее появилось радостное ощущение жизни. Дома она ходила в ярко-голубом шелковом японском кимоно с крупными цветами, волосы приобрели яркий черный цвет, прическу завершала густая черная челка, губы она стала красить более яркой, красивого тона помадой. Выглядела она яркой, очень интересной дамой, уверенной в себе. Я с удовольствием бывала в гостях у этой счастливой пары, правда, не так часто, как раньше, в годы ее одиночества.

Николай Андреевич искренне любил Гюль-Бике, они были единым целым. Он старался в меру своих сил и возможностей сделать дом таким, чтобы в нем все нравилось Гюль-Бике. Он был ценителем ее красоты, в спальне над широкой кроватью собственными руками вырезал деревянную раму, отлакировал и вставил в нее овальное зеркало, в другой комнате во входную дверь врезал большое зеркало во всю длину, чтобы тетина фигура отражалась в нем в полный рост. Приложив усилия, Николай Андреевич в условиях дефицита достал необходимые доски, фанеру и собственными руками сделал удобные полочки, всевозможные ящички для хранения косметики, бижутерии и других женских мелочей. Но самое удивительное, он собственными руками сделал книжный шкаф, ведь Гюль-Бике очень любила читать не только художественную литературу, но и книги по различным областям знаний. С таких преобразований началась их совместная жизнь.

Будучи пожилой счастливой парой, они вместе строили планы на их совместное будущее: поездки, встречи с друзьями и родными, посещение

кинотеатров, выставок, парков и многое, многое другое... Для них это был краткий период теплой золотой осени с высоким безоблачным небом, уходящим в бесконечность...

Как-то, находясь в их семье, я, с позволения Гюль-Бике, стала просматривать книжки, лежащие на полочке. Перебирая их, я вдруг прочитала: «Е. Воробьёв. Земля, до востребования».

— Почему эта книга оказалась среди томиков классики? — спросила я у Гюль-Бике.

— А ты открой ее на закладке.

Сделав это, я с удивлением прочитала следующую характеристику на известного разведчика Л. Маневича (Этьена):

«Отличные умственные способности. С большим успехом и легко овладевает всей учебной работой, подходя к изучению каждого вопроса с разумением, здоровой критикой и систематично. Аккуратен. Весьма активен. Обладает большой способностью передавать знания другим. Дисциплинирован. Характера твердого, решительного, очень энергичен и иногда излишне горяч. Здоров, годен к летной работе. Имеет опыт ночных полетов. Пользуется авторитетом среди слушателей, импонирует им своими знаниями. Активно ведет общественно-политическую работу.

Вывод: Маневич вполне успешно может нести строевую летную службу. После стажировки обещает быть хорошим командиром отдельной авиачасти и не менее хорошим руководителем штаба.

Нач. УНС Новицкий.

Утверждаю. Нач. военно-воздушной академии Хорьков».

Характеристику эту много лет назад писал муж Гюль-Бике. Книга меня настолько заинтересовала, что я попросила дать мне ее прочитать всю от начала до конца. Тетя Гюль-Бике доверила ее мне с условием быстрого возвращения в целостности и сохранности. Я прочитала книгу мгновенно, узнав о самоотверженной яркой личности разведчика Л. Маневича.

Он жил в Италии под именем австрийского коммерсанта Конрада Кертнера. Он добывал секретные сведения о военной промышленности гитлеровской Германии. После ареста, во время следствия, затем в тюрьме

и концлагерях советский разведчик сохранял мужество. Уже будучи тяжело больным, он находил в себе силы помогать товарищам по заключению. Маневичу посмертно в 1966 году было присвоено звание Героя Советского Союза.

После прочтения книги я была под сильным впечатлением. Уверена, что жизнь самого Николая Андреевича была полна многими интересными и драматическими событиями. Рассказ Гюль-Бике подтвердил мои выводы.

1937 год был для него переломным. Новицкий был успешным офицером, уверенно поднимающимся по ступеням военной карьеры. Вдруг его вызывают в органы НКВД для дачи показаний на товарища по работе, осужденного за разглашение секретных материалов военного ведомства. Николай Андреевич знал этого человека как порядочного, ответственного, энергичного работника, достойного семьянина. Никаких отрицательных качеств он в нем не видел.

Новицкий не сломался на допросе, не оклеветал своего товарища. Тогда с него демонстративно сорвали погоны прямо в кабинете. Он был разжалован, его уволили с работы, лишив всех званий и наград. Он оказался на улице без всяких средств к существованию, а ему надо было кормить жену и детей.

Какое-то время Николай Андреевич, этот высокообразованный человек, перебивался случайными заработками дворника, сторожа, грузчика... Но люди, работавшие с ним рядом, осознавали вопиющую несправедливость сложившейся ситуации. Наконец его вызвали в соответствующие органы и предложили работу за рубежом. Это была работа разведчиком — ведь Николай Андреевич в совершенстве владел несколькими иностранными языками. Работа его была сопряжена с постоянным риском: то он числился инженером крупной иностранной фирмы, то менеджером или коммерсантом, то играл роль свободного художника. Со слов Гюль-Бике, одно время по работе он был связан с известным разведчиком Зорге, выполнял его задания.

В истории разведки за долгие годы работы он так и остался нераскрытым разведчиком. Когда Николай Андреевич вернулся на Родину, он был награжден высокими правительственными наградами: Орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и некоторыми другими медалями и орденами. После возвращения трудился в военном ведомстве.

Все это я узнала от Гюль-Бике, сам Николай Андреевич никогда не говорил о своей работе и был очень немногословным, но очень доброжелательным человеком. Внимательно слушал собеседников и умел остроумно и интересно поддерживать разговор.

После 1958 года наступило время его заслуженного отдыха. Эту жизнь он проживал счастливо, насыщенно и интересно. В семье сложился определенный уклад жизни.

Наступало утро. Гюль-Бике никогда не любила готовить. Высшим ее достижением было приготовление яичницы. Они питались продуктами, не требующими приготовления. Зато духовной пищи — газет, книг — было много. Приведа себя в порядок, Гюль-Бике любила читать классику или новинки литературы, которые по-дружески приносила заведующая расположенной поблизости библиотеки.

У Николая Андреевича были свои предпочтения. На его столике всегда лежало много свежих газет: «Правда», «Известия», «Красная звезда», несколько газет и журналов на иностранных языках и, конечно, мемуары военных начальников, разведчиков. Читал он много.

Надо было видеть, с какой радостью он воспринял новость о первом полете Ю.А. Гагарина в космическое пространство! Он несколько дней не убирал газеты «Правда», «Известия» с крупными заголовками и портретом этого великого человека. Очень гордился, что два его сына, Владимир и Андрей, получившие образование в области авиационной техники, участвовали к подготовке космических полетов.

Также он радовался и гордился полетами Г. Титова, первой женщиной-космонавтом В. Терешковой и космонавтом Николаевым.

Наступал день. Приготовлением обеда Гюль-Бике себя не утруждала, зато она прилагала усилия, чтобы хорошо выглядеть, пользовалась дорогой косметикой, духами, следила за модой и шила к наступающему сезону новые платья у своей приятельницы-портнихи. Следила, чтобы у нее всегда была новая красивая обувь. Любила носить красивые клипсы и бусы. Николай Андреевич полностью соответствовал внешнему виду Гюль-Бике.

В дневное время эта красивая пара выходила из подъезда своего дома на Комсомольском проспекте и направлялась в ресторан «Прага». В эти годы там работал замечательный диетический зал с качественными

продуктами питания по доступным ценам. Зал выглядел нарядно: праздничные люстры, белоснежные скатерти, безупречная сервировка стола с дорогой посудой и, конечно, с иголки одетые официанты, безупречно обслуживающие клиентов.

Во второй половине дня они появлялись в Парке культуры и отдыха им. Горького, находившемся неподалеку от их дома, по другую сторону Москвы-реки.

Особенно они любили бывать на ВДНХ, им нравились монументальные, выполненные с большим вкусом павильоны Союзных республик и особенно знаменитые, яркие, праздничные фонтаны «Дружба народов» и «Золотой колос». После осмотра этих многолюдных мест они могли уединиться и отдохнуть в тихих аллеях, созерцая красоту деревьев, цветов, полет птиц.

Однажды, как рассказывала мне сестра Тамара, гуляет она со своей подругой по выставке, вдруг подруга внезапно останавливается и не совсем приличным жестом — указательным пальцем — показывает на идущих им навстречу людей. При этом она громко восклицает:

— Смотри, смотри, Тамара, какая красивая пожилая пара!

Тамара удивленно смотрит и отвечает:

— Так это же моя тетя Гюль-Бике со своим мужем Николаем Андреевичем!

Девушки подошли к ним. Вся неожиданно образовавшаяся компания радостно поприветствовала друг друга, коротко обменялась впечатлениями и рассталась, сохранив в своем сердце это краткое, но яркое событие.

В вечернее время Гюль-Бике и Николай Андреевич занимались чтением, иногда принимали родственников и друзей. Гюль-Бике умела красиво сервировать стол, хотя и не готовила сложных блюд, только горячую картошку. Но стол был красивый: дорогая посуда, ножи и вилки, угощения: орехи, дорогой сыр и колбасы, фрукты, икра и, конечно, к чаю любимый торт «Прага».

Однажды мы пришли к ним всей семьей: мама, папа, Муся, Тамара, Гирей и я, с трудом разместившись в их небольшой комнате (у них было 2 небольшие комнаты с балконом, выходящим на оживленный Комсомольский проспект).

Особенно запечатлелась в памяти моя свадьба с первым мужем. На ней присутствовали дорогие моему сердцу родные и друзья. Правда, брак оказался действительно «браком» — мы расстались с первым мужем всего через 2 года, оказались совершенно разными людьми.

Эта свадьба проходила в самом престижном в Москве Дворце бракосочетаний на ул. Грибоедова, были Гюль-Бике и Николай Андреевич. Фотография 1965 года запечатлела этот момент. Брак распался, но фотография сохранила очень дорогих моему сердцу людей. В те годы не было принято фотографироваться, как сейчас, постоянно.

Счастливая жизнь этой красивой пожилой пары продолжалась. Каждый год они выезжали в санаторий «Архангельское», корпуса которого располагались в бывшем имении князей Юсуповых (санаторий был открыт в октябре 1933 года). Медицинское обслуживание и питание по тем временам было на самом высоком уровне. Для них это было золотое время, они наслаждались созерцанием природы, великолепной классической архитектурой Юсуповского дворца и звуками музыки (по вечерам выступали лучшие певцы и инструменталисты). Такая обстановка располагала к дружескому общению, встречам, обмену впечатлениями в тесном кругу санатория. В Москве, вернувшись после отдыха, они продолжали общение с вновь приобретенными друзьями.

Так промелькнули годы. Наступил 1969 год. Наша семья продолжала общаться с Гюль-Бике и Николаем Андреевичем почти ежедневно. И вдруг мама сообщает Гюль-Бике о болезни ее любимого племянника Гирея. Все были в тревоге, но все-таки надеялись на чудо. Но оно не произошло: 6 февраля 1969 года Гирея не стало. Это было большим горем для всех нас и, конечно, для Гюль-Бике и Николая Андреевича.

Но жизнь продолжалась и вошла в обычную колею. Так же мелькали день за днем времена года, здоровье Гюль-Бике и ее мужа постепенно шло на убыль. Все больше времени они проводили за чтением дома. У Николая Андреевича начались проблемы с сердцем. Несмотря на это, будучи человеком сильного духа, он не поддавался болезни.

Запомнилась мне одна удивительная встреча с его старинным другом, бывшим одноклассником — Валентином Фёдоровичем Булгаковым. Николай Андреевич ласково назвал его Веничкой. Встреча с таким

*Такой я помню мою тетью,
красавицу Гюль-Бике*

человеком вызывала во мне трепетные чувства. В. Булгаков познакомился с Л. Толстым, будучи студентом, при переходе с первого на второй курс историко-филологического факультета МГУ.

Несмотря на почтенный возраст, как только речь заходила о великом Толстом, глаза Валентина Фёдоровича загорались, весь он преображался. Мне были понятны эти чувства. Ведь мое поколение, рожденное в конце 30-х — начале 40-х годов XX века, было отлучено от духовных церковных ценностей. Эту роль выполняли наши великие писатели: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Чехов... Мы жили в мире романов Л. Толстого «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресенье».

Мне было радостно поделиться в этой теплой компании своими юношескими впечатлениями о поездке в Ясную Поляну. Большое впечатление произвели на меня воссозданный уклад жизни Л.Н. Толстого и его семьи, чудом сохранившая подлинная обстановка комнат, предметы быта и, конечно, собрание картин первоклассных художников, запечатлевших великого писателя и членов его семьи. После осмотра самого музея группа пошла по березовой аллее, которую любил Толстой, потом подошли к прудам, любовались лесным далями, посетили тронувшую наши сердца скромную, в виде холмика, могилу Толстого на краю оврага.

В конце экскурсии наша группа школьников сделала памятную

фотографию со стареньким кучером самого Толстого.

Мой рассказ растрогал Валентина Фёдоровича. Он радовался, что молодое поколение чтит и бережно сохраняет память о великом классике.

Валентин Фёдорович с увлечением говорил о постоянно продолжающейся работе над рукописным наследием Толстого, об его участии в создании музейных экспозиций писателя. Ему принадлежала большая роль в создании музея Л.Н. Толстого. Его внимание еще в далеком 1920-м году привлек этот старинный особняк в стиле ампира на Пречистенке.

Время за душевными разговорами прошло быстро, мы тепло попрощались с Валентином Фёдоровичем. Это была единственная, но незабываемая встреча с таким замечательным человеком.

Позже Николай Андреевич и Гюль-Бике дали почитать мне книгу В.Ф. Булгакова «Л.Н. Толстой в последний год его жизни». Она произвела на меня глубокое впечатление. Валентин Фёдорович был свидетелем сложной семейной обстановки, разлада в жизни Льва Николаевича и его супруги Софьи Андреевны. С большой наблюдательностью автор обрисовал окружение Толстого. Он вел ежедневный скрупулезный дневник пребывания в Яснополянском доме. Удивительно, каким емким оказался последний год жизни Толстого, отраженный в дневнике, — как целая жизнь. М. Горький и Ромен Роллан высоко оценили эту замечательную книгу.

К сожалению, я не смогла выразить своего восхищения этой книгой лично Валентину Фёдоровичу. В 1972 году Николай Андреевич скончался от аневризмы сердца.

После смерти хозяина дома жизнь Гюль-Бике стала совсем другой: ушла радость счастливой семейной жизни, и наступили долгие годы одиночества, согреваемые воспоминаниями о былой жизни.

Гюль-Бике пережила своего супруга на целых 13 лет. Скончалась она в возрасте 87 лет в 1985 году. Все эти годы в ее комнате стояли два портрета Николая Андреевича с траурными лентами, а под ними всегда — живые цветы. Гюль-Бике часто говорила: «В моей жизни было много романов, но только одна единственная любовь к моему мужу Новицкому Николаю Андреевичу».

Так завершилась жизнь папиной родной сестры Гюль-Бике, сыгравшей большую роль в жизни нашей многодетной семьи Анисимовых. Вечная ей память!

Памяти моей сестры, художницы Тамары Даниловны Анисимовой (1934—1988)

Высокое призвание

Сколько помню свою сестру, она почти не выпускала из рук карандаши и кисти. С раннего детства она больше всего любила рисовать.

В школьные годы Тамара, вооружившись ручкой с фиолетовыми чернилами, разрисовывала свои тетради портретами учителей, одноклассников. Маму вызывали в школу, вели нравоучительные беседы, но Тамара продолжала рисовать.

В подростковом возрасте она поступила в Художественную студию районного Дворца пионеров и тогда вне школьных уроков делала наброски детей, рисовала пейзажи, специально ставила дома натюрморты из кувшинов, самовара, цветов, чашек и продолжала рисовать.

Успешно закончив занятия в художественной студии и выдержав большой конкурс, Тамара успешно сдала вступительные экзамены в Строгановское училище на живописное отделение. Она очень любила своих педагогов С.В. Герасимова и Г.М. Коржева. Тамара всегда была благодарна С.В. Герасимову за то, что он развил в ней природное чувство цвета. А благодаря педагогическому дару Г.М. Коржева юная художница научилась по-другому, взволнованно видеть окружающий мир, думать, анализировать и через призму присущей ей индивидуальности и таланта выражать свое видение в картинах.

В формировании Тамары как художника большую роль сыграл Б. Иорданский, преподававший в те годы композицию. Этот курс в начале обучения оказался для нее сложным, а потом превратился в самый любимый.

С благодарностью Тамара вспоминала и своих замечательных педагогов Б. Бердиченко, Р. Кобешеву и М. Колмыкова.

Тамару вдохновляла окружающая природа, лица родных и близких людей, бытовые сценки. В 50-х годах появились ее интересные авторские работы: «Цыгане», «Вокзал», «На концерте», «Деревня под Александровом».

В этот период большим художественным достижением Тамары стала картина «Портрет дяди Леонида». Хотя Тамара писала его в студенческие годы, он явился одной из лучших работ в творческом наследии моей сестры.

Творческой удачей Тамары в те далекие годы был и портрет матери Александры Александровны Анисимовой. Она изображена в просторном синем бархатном халате с приколотой к нему медалью Материнства. Тамара писала этот портрет в то время, когда мама потеряла любимого 20-летнего сына Александра. Мама выглядела всегда молодо, но когда умер ее сын, она в одночасье состарилась на несколько десятилетий. Тамаре удалось передать в портрете душевное состояние мамы, ее боль, что жила в глубине маминой души до конца жизни.

В 1968 году Тамара вступила в Московский союз художников.

В 1969-м она создала композицию «Наука, поэзия, юность». Эта композиция родилась из большой личной трагедии художницы — смерти двух братьев: Александра и Гирейя. По ее замыслу был создан памятник, который Тамара вместе со своим мужем В.И. Постоенко и бригадой мастеров установили на Ваганьковском кладбище.

Гирей всегда гордился своей сестрой-художницей. Когда Тамара получила мастерскую от МОСХа, он помогал ей перетаскивать многочисленные холсты, устраивать быт в этом долгожданном пространстве. Мастерская находилась неподалеку от родительского дома, по дороге к метро «Таганская». Навещая родителей, Гирей всегда находил время заскочить и в мастерскую сестры, посмотреть, над чем она работает, сделать толковые замечания, заинтересованно обсуждая изображенное на картинах. Такое отношение морально поддерживало мою сестру. Горечь утраты Гирейя была для нее невыносимой.

Выход из этого состояния Тамара нашла в творчестве, неустанно работая над произведением, посвященным безвременно ушедшим братьям. В эту композицию она вложила раздумья о всепобеждающей силе молодости. Острота силуэтов, насыщенность, выразительность образов заставляет волноваться, сопереживать каждого, кто видит это произведение искусства.

В 70-е годы Тамара, наряду с выполнением заказов, продолжает творчески активно работать. Сильное впечатление производит ее большое живописное полотно с изображением березы: замечательно передана пластика ветвей дерева, окутанных необъятным небесным пространством.

В это время Тамара написала с натуры нашу маму уже в преклонном возрасте. Сестра тонко уловила в ее лице мудрость, доброту и большое человеческое достоинство, запечатлела внутренний мир человека, прожившего долгую, трудную жизнь с ее радостями и трагедиями. От этого портрета на зрителя исходит внутренний свет, положительная энергия.

Кроме того, Тамара продолжает заниматься графикой. Самые удачные работы, передающие настроение: «Вид на Яузскую больницу», «Дождь», «Яблони».

Занимается она и прикладным искусством. Создает работу «Иоланта» (керамика), панно «Любовь» (роспись по батику).

Особое место в ее творчестве занимает Алжирский цикл. Яркий, изобильный Алжир дал деятельной натуре Тамары всплеск творческой энергии. Там она создала целый цикл красочных живописных полотен с интересными композиционными решениями, а также изделия прикладного искусства и оригинальный ковер, выполненный в технике вышивки мохеровой нитью.

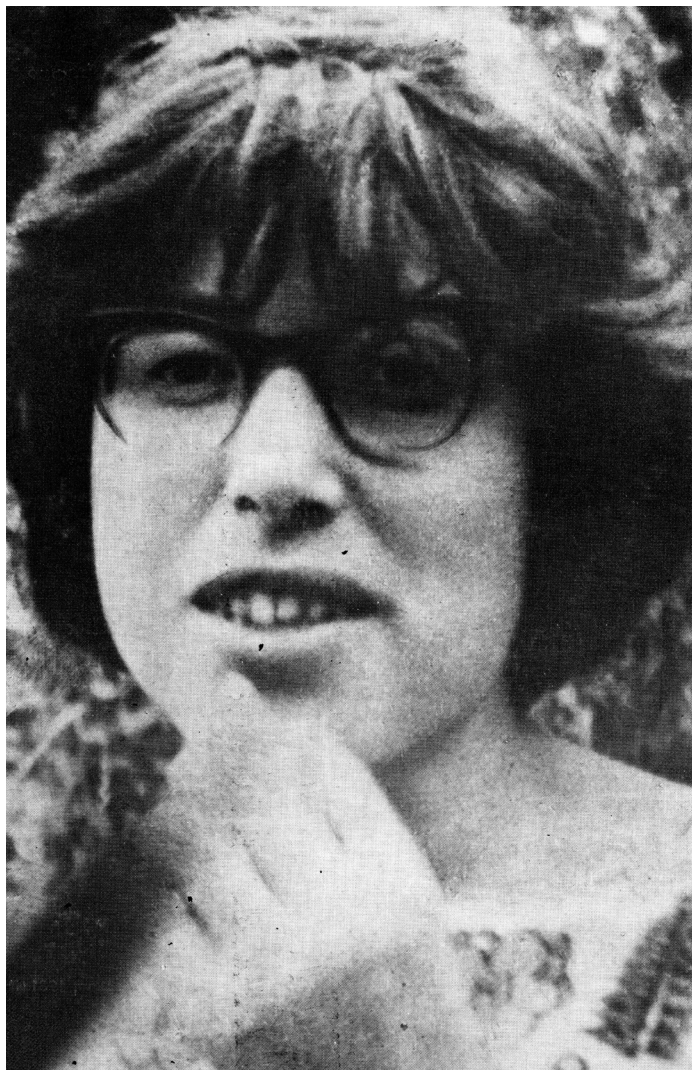
Алжирский период

Интересна история появления Алжирского цикла картин.

Тамара находилась вместе со своим мужем Виктором в Алжире с 1974 по 1977 год. Он являлся одним из лучших педагогов в стране, преподававшим технику мозаики из различных пород древесины. Его мозаичные картины экспонировались у нас в стране и за рубежом. Тамара познакомилась с Виктором, когда она выполняла в технике мозаики из разных пород дерева большую работу по народной сказке «Три медведя». Виктор работал под ее руководством. Его поразило, как такая небольшая, хрупкого телосложения женщина выполняет такие крупногабаритные работы! Он оценил ее талант и силу воли. Они поженились, прожили в браке долгие годы. У них появилась дочь Маша. Виктор был помощником, преданным другом Тамары до конца ее жизни, преодолевая посланные им испытания.

Они оказались в мусульманской стране севера Африки со знойным климатом, с верблюдами, где 4/5 площади занимает пустыня Сахара, а жизнь в основном сосредоточена на побережье.

ТАМАРА АНИСИМОВА в молодые годы

Для художника это яркая, разнообразная живописная страна, где пустыня сочетается с горами, глубокими ущельями, на побережье множество оливковых рощ, пальмы. В стране даже сохранились руины древнеримских городов, имеются памятники, включенные в наследие ЮНЕСКО. Особенно поразили их воображение древние наскальные рисунки, находящиеся в пустыне Сахаре.

Алжир — религиозная страна, где молитва совершается пять раз в день.

Сильное впечатление произвели на них многолюдные базары с изобилием ковров уникальных узоров, потрясающая восточная чеканка, выполненная на всевозможных чайниках, турках... Глаз радовала замечательная керамика, блюда, вазы. Конечно, Тамара любовалась изобилием серебряных украшений с эмалированными вставками, восточной росписью. Глаза разбегались от всей этой роскоши, недоступной у себя на Родине.

Острым глазом художника Тамара примечала все обычаи, нравы этого своеобразного, талантливого народа, углубилась в религиозную сферу их жизни. Написала масляными красками большую картину «Возложение венков», мастерски передав атмосферу мистицизма в выразительных фигурах верующих на фоне стройных тополей, устремленных в небо.

Для Тамары было важно окунуться в самую гущу алжирской жизни и отразить ее в своем творчестве. Так родились ее красочные полотна, одно из которых — «Три алжирки на холме» — особенно поэтично. Мусульманки в белоснежных одеяниях, словно воркующие голубки, изображены на фоне пейзажа в ярко-зеленых тонах и плывущих по небу облаков.

А вот другая картина — «Свадьба». Фигуры алжирцев пластичные, живые. Передано ощущение яркого многоцветия, динамизма праздника, всплеска энергии молодости и атмосферы безудержного веселья.

Конечно, Тамару не могли не восхищать экзотические, яркие, динамичные африканские танцы. Она вдохновенно передала эти настроения на своих полотнах «Танцы Анголы и Гвинеи-Бисау».

Совершенно особое место в алжирской серии принадлежит работе «Сбор олив» — это глубокая философская картина, которую можно трактовать так: люди смертны, но жизнь непрерывно обновляется через новые и новые поколения. Неслучайно символом этой картины выбрано именно оливковое дерево.

Взращенная советской страной, Тамара была октябренок, пионеркой,

ТАМАРА с супругом ВИКТОРОМ и маленькой дочерью МАРИЕЙ, 1984 г.

комсомолкой, воспитанной на атеистическом мировоззрении. Но в глубине души она верила в тайну жизни, в ее необъяснимость, непредсказуемость, в то, что не все в жизни складывается так, как хочет сам человек.

Самое сокровенное, скрытое в тайниках ее душевных переживаний, со всей полнотой выразилось в этой картине. Художница чисто интуитивно обратилась к библейскому миропониманию жизни, хотя в советские времена сам первоисточник, Библия, не рекомендовался для чтения. Правда, Тамара проходила в Строгановском училище историю искусств, которую замечательно преподавала доктор искусствоведения Ирина Евгеньевна Данилова.

Как известно, мировое искусство во многом основано на библейских сюжетах, так что Тамара глубоко изучала эти сюжеты, они запали ей в душу на долгие годы и через много лет со всей полнотой выразились в картине «Сбор оливок».

Олива символизирует мир, победу, радость, изобилие, чистоту, целомудрие. Оливковое дерево является деревом жизни. Как сказано в Священном Писании, оно выросло первым после Всемирного потопа. Оно является деревом долголетия, умеет самовосстанавливаться, выдерживает засуху и мороз,

живет и плодоносит сотни лет, может расти на любой почве, имеет под землей развитую систему корней, значительно превышающих по своей жизненной силе саму крону, величественно возвышающуюся над землей. Это дерево символизирует бессмертие рода.

На картине изображено семь человек. Язык чисел самый древний. Число 7 символизирует Божественное влияние на человеческую судьбу — число удачи.

Войдя в пространство картины, видишь мощную крону оливкового дерева на золотом фоне. Взобравшись на крепкие его ветви, дети в разнообразных выразительных позах собирают оливки. Внизу женщина среднего возраста укладывает их на соломенное блюдо. Оливки с нижних веток собирает своими тонкими пластичными руками черноволосая девочка со стройной хрупкой фигурой в полупрозрачном желтом платье, ее глаза оливкового цвета устремлены ввысь. Они полны восторга перед тайной начинающейся жизни.

Рядом с ней — согбенная фигура старика с грузом, плетеной корзиной, доверху наполненной темно-фиолетовыми оливками. Выразительные глаза его наполнены глубокой мудростью и печалью. Этот контраст светлой безоблачной юности и умудренной старости производит сильное впечатление. Картина выглядит красочно, выразительно и гармонично. Это лучшая картина из Алжирского цикла.

Персональные выставки художницы Тамары Анисимовой

Первая персональная выставка Тамары Анисимовой состоялась в Доме работников просвещения (особняк Зубовых) на Большой Коммунистической улице (ныне ул. А. Солженицына) в далекие 50-е годы XX века.

Выставка носила камерный характер. Были представлены портреты матери, дяди Леонида, первые авторские работы: «Цыгане», «Вокзал», «На концерте», «Деревня под Александровом», а также натюрморты, этюды и пейзажи, сделанные в районе Таганки.

Даже по ранним немногочисленным работам было видно, что у Тамары большой творческий, еще не раскрытый потенциал. Портрет дяди Леонида так и остался лучшим в ее творчестве. 50-е годы для художницы были началом многообещающего творческого пути.

1.

2.

1. «ТРИ АЛЖИРКИ НА ХОЛМЕ», 1977 г.

2. «ТАНЦЫ АНГОЛЫ И ГВИНЕИ-БИСАУ», 1976 г.

1. «МАЛИКА», 1976 г.
2. «ПОРТРЕТ АЛЖИРЦА», 1976 г.
3. «СБОР ОЛИВ», 1976 г.

1.

2.

«ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ», Алжир, 1977 г.

Прошли годы, Тамара Анисимова стала талантливым зрелым мастером, членом Московского союза художников (1968). Она уже участвовала в целом ряде групповых выставок, организованных Союзом художников. Находясь в Алжире, участвовала в Алжирской выставке художников. Наконец в 1981 году состоялась большая персональная выставка художницы в залах МОСХа на Беговой улице.

Выставка работ Тамары Анисимовой состояла из нескольких разделов:

- монументально-прикладное искусство;
- живопись, графика;
- скульптура;
- декоративно-прикладное искусство.

Этих работ могло хватить на творчество нескольких художников по разным направлениям, но она сделала это одна.

Выставка охватывала творчество художницы за период трех десятилетий: с 1950-х по 1980-е годы и отражала динамику постепенного развития творческих возможностей художницы.

Экспозиция начиналась с авторских работ, показанных на первой персональной выставке в Доме работников просвещения. Затем зритель видел большие фотографии мозаики на тему «Домоводство». Это была ее дипломная работа, защищенная на «отлично». Монументальное мозаичное панно долгие годы украшало одну из стен училища, а запечатлевшее его фото даже было опубликовано в журнале «Советская женщина».

Видное место в зале занимал портрет дяди Леонида. Хотя работа писалась в студенческие годы, но по выразительности, проникновению в суть образа этот портрет оказался лучшим среди всех портретов, созданных Тамарой. Уж очень колоритной и неоднозначной была личность портретируемого.

Перейдя в следующий зал, зрители невольно останавливались перед картинами, посвященными красоте русского Севера (1964–65). В пейзажах передан суровый характер северной природы. Портрет деревенского паренька привлекает своей живостью и непосредственностью.

Путешествие по местам Севера требует от человека силы характера, преодоления всевозможных препятствий. Но именно такой образ жизни привлекает Тамару. Будучи от природы физически слабой, Тамара дерзнула

пойти в связке с альпинистами покорять одну из горных вершин Кавказа. Мужественным, смелым, постоянно рискующим своими жизнями людям она посвятила свое монументальное полотно «Преодоление», воспринятое зрителями с большим интересом.

Помимо живописных произведений, Тамара показала интересную творческую работу, выполненную по заказу комбината монументального искусства — это рельеф из кирпича «Рабочий класс». Укладывая кирпич, используемый на фасадах здания, под разными углами, художница создала богатую игру плоскостей. Эта работа была удостоена премии МОСХ. Оригинальность использования обычного кирпича в художественном решении фасада здания вызвала неподдельный интерес и у посетителей выставки.

Особый интерес зрителя вызвали картины художницы из «Алжирской коллекции». Алжир — это другой мир, и художница Тамара Анисимова показала его нам в различных ярких проявлениях. Интересны такие картины этого цикла, как «Возложение венков», «Три алжирки на холме», «Танцы Анголы и Гвинеи-Бисау», «Сбор олив» и др.

Завершают выставку завораживающие своим красочным разнообразием пейзажи Алжира. Художница писала горы, используя богатую цветовую палитру от нежных голубовато-розовых тонов до ярких, насыщенных цветовых сочетаний.

Конечно, Тамару не могли оставить равнодушной и своеобразные лица алжирцев. Она создала целую серию портретов, с которых смотрят черноглазые, смуглые, мужественные люди, готовые противостоять ветрам, нестерпимому зною и многим другим капризам природы.

В конце экспозиции был представлен вытканый из мохеровых нитей ковер. Когда на богатых алжирских базарах художница увидела невозможное изобилие всевозможных цветов мохера, она сразу подумала о возможности создания большого коврового изделия. При ее богатом воображении она выбрала самую вечную и важную для людей тему: этапы человеческого бытия: юность, зрелость, старость. На протяжении многих месяцев она осуществляла свой замысел — кропотливо создавала ковер в технике вышивки мохеровой нитью. Ей удалось философски осмыслить и воплотить свою идею — изменение человека на разных этапах бытия от бодрой, жизнерадостной юности, зрелости до немощной необратимой

старости. Такова главная философия жизни.

В дни работы выставки залы были наполнены людьми, были зрители, приходившие сюда повторно. Особенно все восторгалось алжирским циклом картин. Эта выставка была замечательным явлением в художественной жизни Москвы.

На торжественном открытии выставки выступали представители руководства МОСХа, коллеги художники-монументалисты, присутствовали родственники и друзья художницы. Атмосфера была торжественной и в то же время теплой, сердечной.

Было много цветов и человеческих рукопожатий, улыбок. Тамара готовилась к этой выставке со свойственной ей ответственностью. Как оказалось, она была итоговой, главной в ее жизни. Она даже написала текст выступления. Правда, на открытии выступление получилось импровизированным, оттого искренним и сердечным. Но фрагмент написанного ею выступления остался. Привожу этот текст:

«Мне хочется остановиться на духовной первооснове живописи.

Из глубин веков со стены картин незамутненно высвечиваются человеческие чувства: сострадание, умиление, жестокость, любовь.

Живописи был свойственен симфонизм, высшая поэзия...

Самое главное, что хотелось бы видеть на наших сегодняшних выставках — это вещи, представляющие модель мира со страстями, надеждами, мыслями о нашем назначении, о природе вещей, судьбах мира, страны, человека. Хочется, чтобы художник принимался за труд только тогда, когда он, понуждаем внутренним долгом, желает поделиться с людьми тем, чем сам полон. При этом я не хочу умалять значение ежедневного систематического труда, т.к. форма рождается от большого труда, а без подходящей формы любая идея нуль.

Зарождение идеи, ее реализация — это сокровенный процесс. Главное — это умение автора заставить сопереживать зрителя, чтобы он ушел с выставки, обогащенный от наших дум и чувств, как мы уходим с хорошего спектакля драматического театра, где прекрасен не только смысл, а и весь строй, композиция и воплощение».

ЛЕОНИЛ ИЛЬИЧ АНИСИМОВ, мой дядя, 1957 г.

1. «АУЛ ТАРКИ»,
Дагестан, 1955 г.
2. «ЛОШАДЬ», 1963 г.

1.

2.

В этом высказывании Тамара ясно выразила цель выставки.

В центре Москвы на Воздвиженке находится Дом дружбы с народами зарубежных стран. Дом принадлежал Арсению Морозову, двоюродному племяннику всем известного Саввы Морозова (архитектор В. Мазырин, здание построено в 1895–1899 гг.). Дом сочетает в себе элементы модерна и эклектики: причудливые колонны, лепнина в виде ракушек.

В 70-е годы XX в. здесь проводились важные переговоры о сотрудничестве, выставки высокого международного уровня.

Уникальные внутренние интерьеры этого здания были созданы с большим размахом: позолота, высокие сводчатые окна, богатая лепнина, большие каминные, украшенные дорогим мрамором, массивные люстры, сверкающие многочисленными гранями хрустальных подвесок.

В этих уникальных интерьерах художница Тамара Анисимова представляла свою Алжирскую коллекцию (1982).

Картины выглядели роскошно. Выставку открывал министр просвещения Вячеслав Петрович Елютин, выступали представители посольства Алжира. Подчеркивалось высокое мастерство художницы, глубокое проникновение в традиции и культуру дружественной страны. Это было признание таланта художницы. Тамара и все близкие ей люди были счастливы!

Последние годы жизни Тамары Анисимовой

Жизнь продолжалась. В области любимого творчества Тамара была на взлете, испытывала от него большое удовлетворение, но, к великому сожалению, организм художницы не выдержал пребывания в этой жаркой стране с совершенно другим климатом, чем в России. У Тамары развился абсцесс легкого, и через короткий промежуток времени был поставлен жестокий диагноз — рак. Но Тамара продолжала работать и бороться с этим диагнозом на протяжении 11 лет: с 1977-го по 1988 год.

Самой значительной работой последнего периода творчества была картина «А. Пушкин и Н. Гончарова».*

А. Пушкин сопровождал Тамару с раннего детства. Я не помню, как в последние годы войны или после ее окончания появился на нашем столе толстый том А.С. Пушкина, уже ветхий, зачитанный, с истертой обложкой. Для меня он был всегда. Там таился волшебный мир пушкинских мыслей и чувств, который так манил всю нашу большую семью. Особенно много стихов А. Пушкина читал (наизусть и по книге) мой брат Александр, а любимым Тамариным произведением была поэма «Руслан и Людмила». По сути, с этого произведения началась ее творческая жизнь.

На последние деньги, экономя на еде, родители покупали Тамаре цветные карандаши, краски и кисти для рисования. Она с большим увлечением нарисовала свои первые красочные иллюстрации к этому произведению, выразив в них свое детское, поэтичное осмысление произведения Пушкина.

Через много лет, когда Тамара стала профессиональной художницей, друг нашей семьи, высокообразованный талантливый инженер, уже пожилой в те годы Сергей Михайлович Эрихман, зная любовь Тамары к поэзии Пушкина, сделал по тем временам щедрый подарок — вручил ей полное многотомное академическое издание произведений и переписки А.С. Пушкина. На протяжении всей последующей жизни Тамара многократно перечитывала этого любимого поэта.

В последние годы, будучи неизлечимо больной, она чувствовала душевную потребность снова оказаться в дорогом ее сердцу пушкинском пространстве. Художница погрузилась в самый драматичный период жизни А.С. Пушкина и его жены Н. Гончаровой, что было созвучно ее сердцу — период трагической гибели поэта в результате позорной клеветы, наветов, людской зависти и жестокости.

Творческая смелость позволила Тамаре создать совершенно новый, сложный, противоречивый образ А.С. Пушкина. На полотне выражено

* В силу особой техники исполнения работы, она не может быть воспроизведена на небольшой фотографии. Картину надо смотреть в оригинале (усадьба Гончаровых, село Ярополец, Московская обл.)

противоположное состояние души великого поэта. На картине Пушкин многолик: негодующий, гневный, поэтично вдохновенный, погруженный в тайну творчества; Пушкин, подверженный обольщениям и соблазнам и одновременно с незащищенной чистой душой; Пушкин смертельно раненый. Полотно построено на контрастных тонах, силуэты пластичны, выразительны.

Наталья Николаевна воплощает красоту ясного божественного лика, на картине изображена ее изящная фигура.

Пушкин и Гончарова занимают центральное место в картине. В то же время там витают злые, ухмыляющиеся, завистливые физиономии-маски, нарушающие гармонию существования великого поэта, порой делающие жизнь этой супружеской пары невыносимой.

Светлая прозрачная гамма мягких коричневых тонов контрастирует с темными глубокими тонами, что производит сильное впечатление. Картина находится в постоянной экспозиции музея-усадьбы Гончаровых в селе Ярополец.

В последние годы жизни у Тамары, уже зрелой, одаренной художницы-монументалистки, возникло желание создать в саду Прямикова — парке своего детства, оригинальную игровую площадку.

Несмотря на прогрессирование онкологической болезни, Тамара приступила к проекту парковых скульптур на тему сказки А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Всю себя без остатка она отдала воплощению этого замысла. Она хотела сохранить память о себе в парке своего детства. Дети нашего переулочка часто приходили туда кататься на игрушечном трамвае, различных аттракционах, бегали по аллеям, резвились. Парк был живописным: высокие деревья, посаженные в ряд, образовывали тенистые аллеи, по которым обычно прогуливались бабушки с маленькими внучатами, а по воскресным дням родители с детьми. На лавочках о чем-то оживленно беседовали старушки, около них играли внучата. Изюбренья в день маленькая Тамара играла и рисовала в этом парке. В нем прошло много безоблачных дней ее детства. В рисунках того времени ей удалось заострить характер увиденных ею старушек, передать яркий колорит

и движения играющих детей. Она впервые почувствовала здесь, что творчество может приносить большую радость. Эта творческая нить так и не обрывалась у Тамары никогда.

В период выполнения этой работы состояние здоровья Тамары катастрофически ухудшалось. В некоторые дни она еле поднималась утром и шла на работу в парк. Но включившись в работу, Тамара преображалась, забывая о своем жестоком недуге. Так она работала на протяжении последних лет изо дня в день. Скульптуры появлялись одна за другой, заполняя еще недавно пустое пространство парка. Своим творениям она отдала без остатка все: любовь, талант, мастерство.

Скульптурная композиция органично вписалась в окружающую среду парка. Каждая фигура этой композиции получилась очень живой и естественной настолько, что забываешь о сложной фактуре материала. Для каждой доведенной до совершенства скульптуры художница подобрала изысканную цветовую гамму. Трудно сказать, кто получился выразительней: папа Карло, Буратино, Пьеро или Мальвина. Для каждой из этих скульптур найдена очень характерная, яркая форма выражения.

Тамара так организовала игровое пространство возле скульптур, что на этой площадке можно подниматься по сделанным ею хитрым ступенькам, кататься на специально сооруженной художницей горке. Площадка получилась очень оригинальной и занимательной для детей. Тамара испытала глубокое моральное удовлетворение от выполненной работы.

Газета «Московская правда» за сентябрь 1988 года отметила эту прекрасную работу художницы. На газетной полосе была помещена фотография улыбающейся Тамары в окружении созданных ею персонажей. Завершив работу, через три месяца Тамара скончалась, накануне 1989 года.

Неоднократно эту детскую площадку, как одну из лучших в Москве, показывали по центральному каналу московского телевидения в Дни города и включали в передачи, посвященные Москве. В течение многих лет сюда приходила детвора и с радостью с утра до вечера играла, находясь среди персонажей любимой детской сказки, созданной талантливой Тамарой. В 2000-х годах, когда культура пришла в упадок, площадку демонтировали.

Скульптуры из сказки А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», публикация в газете «Комсомольская правда» от 15 сентября 1988 г.

Возвращаюсь к последним месяцам жизни художницы. Тамара слегла. У нее уже не было никаких внутренних резервов для противостояния этой затяжной болезни. К великому сожалению, я не смогла все время находиться рядом с любимой сестрой. Времена были суровые. В НИИ, где я работала, происходили постоянные сокращения, работа была только договорная за пределами Москвы, в различных городах Советского Союза. Перед отъездом в командировку я неизменно приезжала к Тамаре. При расставании, она уже была лежачей больной, повторяла, утешая меня: «Не волнуйся, езжай спокойно. Ты меня еще застанешь».

Так я уезжала в другой город с надеждой, что сестра доживет до моего приезда из командировки.

Приехав оттуда, я вновь находилась с Тамарой, наблюдала, как она по привычке искала свои очки, ведь всю жизнь у нее было плохое, минусовое зрение. Запомнились мне ее почти безжизненные, бескровные руки. Как это было несовместимо с активной творческой натурой Тамары. На протяжении всей жизни эти руки были в бесконечном активном движении.

— Тамара, ты попробуй рисовать в кровати, — говорила я наивные слова, будто через рисование надеялась на ее чудесное исцеление.

Но чуда не произошло. В последние дни пришел врач, сказал достаточно громко супругу Тамары Виктору:

— Готовьтесь, смерть может наступить сегодня.

Тамара своими чуткими ушами услышала эту фразу.

На удивление, она прожила еще два дня и в день смерти едва слышным голосом произнесла:

— Видите, врач ошибся. Я прожила еще два дня.

От наркотических средств, несмотря на сильные боли, Тамара отказывалась, хотела до последнего оставаться с незамутненным сознанием.

28 декабря наша семья еще надеялась, что наступающий 1989 год мы отметим вместе, но этого не случилось. В этот печальный день не успела я доехать от сестры до дома, как ее муж Виктор позвонил мне и сообщил, что Тамары только что не стало.

Газета «Московский художник» от 3 февраля 1989 года поместила большой некролог, посвященный памяти моей сестры. В нем говорилось: «Не стало Тамары Даниловны Анисимовой, талантливого художника, красивого человека в широком смысле этого слова. Ее творческие поиски были смелыми, сердце — умным, жизненные наблюдения острыми».

В книгу «Московские монументалисты» (автор М. Терешкевич, М., «Советский художник», 1983 г.) и в ряд других изданий художник Анисимова была включена как одна из ведущих московских монументалистов.

Могу добавить только, что есть мудрое японское изречение: «Кто хочет подниматься ввысь, тот будет искать лестницу». Тамара нашла такую заветную лестницу — искусство.

Она изо дня в день неустанно поднималась по этой лестнице все выше и выше в своем искусстве. Ведь она была пожизненным романтиком!

ГЛАВА VII

90-е годы XX века

Политэкономическая обстановка в стране в 90-е годы	421
<i>Последствия распада СССР</i>	423
<i>Война России с Чеченской республикой</i>	424
<i>Возрождение храма Христа Спасителя</i>	427
<i>Празднование Дня славянской письменности</i>	428
<i>Еврейский вопрос: мое понимание</i>	429
Жизнь семьи Анисимовых в 90-е годы	433
<i>Потеря моей матери</i>	
Поездка на родину моего отца. Кавказ	436
<i>Аул Тарки</i>	
<i>Достопримечательности Махачкалы</i>	438
<i>Древний Дербент</i>	439
Последствия распада СССР в Абхазии	443
<i>Трагическая судьба моих родственников. Семья Борулава.</i>	
Моя дочь Анна в 90-е годы	456
Работа с семейным Архивом	459
<i>Передача материалов в Мосгорархив</i>	
Сотрудничество с горскими евреями (татами)	460

Политэкономическая обстановка в СССР в 90-е годы XX века

В СССР наступил кризис власти: бюрократизм, коррупция, отсутствие четкой законодательной базы и ее выполнения. Страна зашла в тупик: управлять из центра всеми союзными республиками стало невозможно. Ситуация в стране стала взрывоопасной.

На посту Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцин смог добиться учреждения поста Президента РСФСР и 12 июня 1991 года выиграл все-народные выборы на эту должность.

Ряд государственных и партийных деятелей предприняли попытку сохранения единства страны, известную как «августовский путч». 19 августа 1991 года группа политиков из окружения Горбачёва объявила о создании ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению). Поддержали этот орган Азербайджан и Белорусская ССР, другие республики отвергли это решение.

После объявления о создании ГКЧП и изоляции Горбачёва в Крыму Ельцин объявил действия ГКЧП государственным переворотом и превратил Белый дом в центр сопротивления.

Действия ГКЧП сопровождалось объявлением чрезвычайного положения в Москве, приостановлением деятельности всех партий, массовых движений, установлением контроля над СМИ. Основной целью создания ГКЧП было недопущение подписания договора о Союзе суверенных государств.

По Калининскому проспекту для захвата Белого дома шли 15 БТР и примерно 30 танков (сторонников ГКЧП). Информационную поддержку ГКЧП оказывало гостелерадио (в течение трех суток выпуски новостей изобиловали сюжетами о коррупции и нарушениях законности, совершаемых в рамках реформ).

На крышах зданий, соседствующих с Белым домом, были замечены снайперы, производившие выстрелы по толпе собравшихся.

Сопротивление ГКЧП возглавлял Ельцин. По призыву российских властей у Дома правительства Российской Федерации собрались тысячи россиян

различных социальных групп — это были равнодушные люди преимущественно молодого поколения, болеющие за будущее своей страны. Среди защитников Белого дома были выдающиеся деятели культуры: Мстислав Ростропович, Александр Городницкий, а также бывший министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе.

На подступах к Белому дому стояли танки Таманской дивизии, они охраняли Белый дом. На танках развевались флаги России.

У Белого дома собрались несколько тысяч человек. К ним вышел Борис Ельцин. Перед парадной лестницей Белого дома Ельцин зачитал с танка №110 Таманской дивизии «Обращение к гражданам России», в котором назвал действия ГКЧП антиконституционным переворотом. Собравшиеся у Белого дома начали строить баррикады.

Десятки тысяч людей образовали живое кольцо вокруг Белого дома, чтобы воспрепятствовать возможному штурму здания со стороны ГКЧП. К счастью, обошлось без массовых человеческих жертв.

При попытке демонстрантов остановить моторизованный патруль из восьми БМП в туннеле на пересечении Садового кольца и Нового Арбата погибли Дмитрий Комарь, Владимир Усов и Илья Кричевский.

Карательная операция ГКЧП провалилась. Никто не подписал приказ, не взял на себя ответственность за кровопролитие. 21 августа наступил перелом ситуации в пользу Ельцина. Прибывали подкрепления со всей России.

Беловежское соглашение 8 декабря 1991 года констатировало, что СССР прекращает свое существование; при подписании присутствовали главы Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины.

25–26 декабря 1991 года Россия объявила себя правопреемником и государством — продолжателем СССР.

25 декабря 1991 года президент СССР Горбачёв объявил о прекращении своей деятельности на посту главы государства по принципиальным соображениям.

26 декабря Совет Республик Верховного Совета СССР принял Декларацию

о прекращении существования СССР в связи с образованием Содружества Независимых Государств.

В результате произошла глобальная геополитическая перестройка, сформировался однополярный мир при глобальном доминировании США как единственной сверхдержавы.

Последствия распада СССР

СССР просуществовал с 1922 по 1991 год. В связи с распадом СССР приобрели независимость 15 союзных республик. Вся система международных отношений стала нестабильной и непредсказуемой.

В России появилась тенденция приватизировать государственную собственность. Руководство союзных республик интересовало только вопрос власти и денег.

Распад Союза привел к разрыву множества родственных и дружеских связей. Возникла проблема национальных меньшинств. Появилось понятие «гастарбайтер». Так стали называть жителя другого государства, работающего по временному найму. В странах Балтии ухудшилось отношение к русскому населению. Было разрушено производство, сельское хозяйство, основанное на системе кооперации между союзными республиками. Множество людей потеряли работу, появилась масса беженцев.

Ослабление центральной власти на местах привело к усилению исламизации, негативному влиянию США. Возник и усилился терроризм.

Образ СССР навсегда запечатлен в ярком памятнике «Фонтан Дружбы народов» на ВДНХ, открытый в 1954 году после масштабной реконструкции выставки на Центральной аллее на площади Дружбы народов. 16 женских скульптур, символизирующих каждую из советских республик (на тот момент еще существовала Карело-Финская ССР), выполнены из бронзы и покрыты сусальным золотом. В центре фонтана расположен гигантский сноп из пшеницы, подсолнухов, конопли. Восемь мощных насосов, расположенных под снопом, поддерживали 800 водяных струй, которые постоянно

меняли композицию. Одеты фигуры в национальные костюмы союзных республик, в руках держат растения. Фигуры девушек переливаются на солнце. Этот фонтан увековечил дружбу народов СССР.

Война России с Чеченской республикой

На территории Чечни и приграничных территориях Северного Кавказа развернулись боевые действия между войсками России и непризнанной Чеченской республикой Ичкерия.

В 1990 году был создан Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), ставивший своей целью выход Чечни из состава СССР и создание независимого чеченского государства.

27 ноября 1990 года Верховный Совет Чечено-Ингушской республики принял Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики. В июле 1991 года второй съезд ОКЧН заявляет, что Чеченская республика не входит в состав СССР и РСФСР.

Это движение возглавил бывший генерал ВВС Джохар Дудаев. В результате была создана криминальная республика, основанная на насилии. В Чечне сконцентрировались большие запасы вооружения. Республика стала очагом терроризма, направленного против России.

События развивались таким образом. С ноября 1991 года на территории Чечни начался захват сторонниками Дудаева военных городков, вооружения и имущества вооруженных сил СССР, а 27 ноября Дудаев издал указ о национализации вооружения, находившегося на территории самопровозглашенной республики. Вместе с этим образовалась оппозиция власти Дудаева, она возглавила мятеж. 14 января 1994 года началась гражданская война.

На территории Чечни были созданы отряды боевиков — молодых людей из исламских регионов России. Криминальные структуры делали бизнес на массовых похищениях людей, хищении нефти и нефтепродуктов из нефтяных скважин и на терактах. Такая криминальная, взрывоопасная обстановка неизбежно привела к широкомасштабной войне между Россией и Чечней.

Итоги этой войны прискорбны. Вот некоторые данные. Значительная часть Грозного была превращена в руины, в нем полностью была разрушена

система водоснабжения. Убиты были 4,1 тыс. человек, 19,7 тыс. человек ранены (по данным Комитета солдатских матерей, со стороны России потери составили 14 тыс. человек, потери боевиков 17 тыс. человек, а потери среди мирного населения — 50 тыс. человек). Во время войны и после заключения мирного договора по всей России боевиками была произведена серия разрушительных терактов, приведших к большому количеству человеческих жертв.

Вот хроника терактов, совершенных боевиками с 1995 по 2004 год. Теракты в Будённовске (14–19 июня 1995 г.), в Кизляре (9–18 января 1996 г.), 18 января 1994 года был совершен взрыв моста окружной железной дороги через Язу. Взрывы в московском метро 1995 г., взрыв в торговом центре «Охотный ряд», взрыв жилого дома по улице Гурьянова и на Каширском шоссе 9 и 13 сентября, погибли 100 и 124 человека. В подземном переходе станции метро «Пушкинская» погибли 13 человек, пострадало 118 человек (2000 г.).

Вопиющим деянием был захват заложников на Дубровке в 2002 году. Начался он 23 октября и продолжался по 26 октября. В ходе теракта группа вооруженных чеченских боевиков во главе с Бараевым захватила в качестве заложников зрителей, служащих Центра и актерский состав мюзикла «Норд-Ост» в здании Театрального центра. В здание приезжает великий певец Иосиф Кобзон. Он выводит из здания мать с тремя детьми. Доктор Леонид Рошаль заходит с водой и медикаментами. Заложников было 916 человек, из них 174 человека погибли.

Из команды «Норд-Оста» погибли 17 человек, в том числе двое юных актеров: Арсений Куриленко и Кристина Курбатова, игравшие главных героев. Сейчас они покоятся рядом на Ваганьковском кладбище. На их памятниках два лика из белого мрамора, между ними их портреты, где они счастливые, улыбающиеся. Они похоронены рядом с прославленными актерами Л. Филатовым и С. Мишулиным. Они обязательно были бы замечательными актерами, но их не уберегли мы — взрослые.

Чудовищным был теракт в Беслане, произошедший на торжественной линейке 1 сентября 2004 года. Погибли 335 человек, из них 186 детей.

В 2004 г. произошел теракт в Москве, у метро «Рижская». В результате погибли 9 человек, ранено 40.

Весь народ тяжело переживал злодеяния чеченских боевиков. Несмотря на все эти ужасы, процесс установления миропорядка шел неуклонно вперед. В 2000 году правительством России главой республики был назначен Ахмат Кадыров, злодейски убитый в 2004-м, а в 2006 году был убит террорист Шамиль Басаев.

В 2003 году состоялся референдум о Конституции в Чечне. В этом документе было прописано, что Чеченская автономная республика является неотъемлемой частью России.

В 2007 году главой Чечни был избран младший сын Ахмата — Рамзан. Официально контртеррористическая операция была завершена в 2009 году. Несмотря на это группировка чеченских террористов не была уничтожена полностью. Они продолжали действовать.

Так, в Москве в 2010 году подорвались две террористки-смертницы на станциях «Парк культуры» и «Лубянка». Погиб 41 человек. В 2011 году произошел теракт в аэропорту «Домодедово», погибли 37 человек.

Несмотря на жестокую месть чеченских боевиков, силы их были сломлены, город Грозный стал быстро восстанавливаться. В 2008 году завершена постройка мечети «Сердце Чечни» имени Ахмата Кадырова — символ нового Грозного. В новой мечети Грозного самые высокие минареты России. Около мечети возведен Российский Исламский университет. Было заново построено здание Национального музея Чеченской республики.

Площадь Дружбы народов завершается памятником, символизирующим братство русского, чеченского и ингушского народов.

В результате войны был разрушен храм Архангела Михаила, а затем восстановлен. После войны были возведены небоскребы комплекса «Грозный-Сити», построена «Ахмат Арена» и др.

В итоге Чеченской войны неделимая Россия одержала победу над корыстолюбивыми, алчными интересами Дудаева и его окружения, стремящегося прибрать к рукам нефтяные богатства страны.

В войне от чеченской олигархической верхушки пострадали прежде всего мирные жители. Но народ Чечни победил. Правопорядок был восстановлен. Россияне любят, ценят лучшие черты чеченского народа: талант, ловкость, смелость, беспрекословное уважение к старшим, — и хотят жить с этим народом в мире и согласии.

Возрождение храма Христа Спасителя

В 90-е годы, несмотря на все сложности и противоречия, православная жизнь в стране постепенно возрождалась.

Общественное движение по воссозданию храма Христа Спасителя началось в конце 80-х годов, после начала перестройки. Главой Наблюдательного совета был избран святейший Патриарх Алексей II.

Народный художник России Валерий Балабанов на картине «Пловец» (1976) провидчески изобразил не существующий в те годы храм Христа Спасителя как отражение в бассейне «Москва». Позднее эта работа воспринималась как пророчество о воскрешении храма.

В реальной жизни нашлись горячие энтузиасты, возглавившие всенародное движение по возрождению этой святыни. Одним из таких был писатель Владимир Солоухин. Он провозгласил идею возрождения храма и возглавил работу Фонда храма Христа Спасителя, собрав художников, реставраторов, общественных деятелей и духовенство. Он последние годы положил, по сути, на общее великое дело. Солоухин умер 4 апреля 1997 года. Его первого отпевали в храме Христа Спасителя.

Жертвовали на восстановление храма сотни тысяч граждан.

Руководителем проекта и главным архитектором храма Христа Спасителя стал академик Михаил Посохин. Храм имеет три престола — главный в честь Рождества Христова и два боковых — во имя Николая Чудотворца (южный) и святого князя Александра Невского (северный).

Воссозданием внутреннего убранства храма руководили Зураб Церетели и художник Василий Нестеров. В росписи участвовали 23 артели художников.

На своде главного купола художники изобразили Господа Саваофа, ветхого старца. Он творит вселенную и в то же время благословляет созидаемое Им. Темы настенных росписей: Отечество, фигуры 33-х святых, Святой Спаситель как великий Архиерей Церкви с предстоящими святыми. Композиция «Икона Казанской Богоматери с предстоящими святыми», композиции «Крещение Господне», «Вход Господень в Иерусалим».

Большая группа скульпторов под руководством академика Ю.Г. Орехова работала над воссозданием скульптурного оформления собора.

Декоративная резьба и скульптура были выполнены из белого мрамора. Колокола были отлиты на заводе им. Лихачёва.

Сложнейшей работой было установление центрального креста. Высота его вместе с опорой составляла более 9 метров, а вес свыше 3 тонн.

В проект воссоздания храма входила установка 12 врат верхнего храма и четырех нижнего храма — с четырех сторон света. В их композицию входят объемные формы горельефных фигур — библейских святых и святых отцов церкви, рельефный орнамент и тексты из Библии и Псалтыри.

Празднование Дня славянской письменности

В лихие 90-е лучшая часть нашего общества понимала, что выбраться из духовного кризиса можно, лишь опираясь на наши глубокие исторические корни, находящиеся в православной культуре.

30 января 1991 года государством было утверждено ежегодное празднование Дня славянской письменности 24 мая.

Центром торжества стал возрожденный храм Христа Спасителя. От этого храма совершается Крестный ход к памятнику святым Кириллу и Мефодию, установленному на Славянской площади. В Дни славянской письменности в церквях проводятся торжественные богослужения, концерт лучших деятелей культуры и народных коллективов.

В храме Христа Спасителя вручаются литературные премии за высокодуховные, самые талантливые литературные произведения.

Очень интересно само происхождение этого широко распространенного в славянском мире праздника. В IX веке новой эры святые Кирилл и Мефодий создали нашу азбуку — кириллицу, что положило начало развитию науки и языкознания во многих странах славянского мира. Уже в XI веке был официально утвержден праздник в честь этих святых, связанный не только с разработкой азбуки, но и с житием Кирилла и Мефодия.

Празднование пошло из Болгарии. В 1863 году состоялись торжества по случаю тысячелетнего юбилея. Но праздник был забыт на долгие годы и возродился в 1985 году. Это событие произошло в Мурманске благодаря писателю, награжденному Государственными премиями, В.С. Маслову.

Интерес, подогреваемый общественностью, вырос в традицию, которая была вскоре узаконена.

Православная культура, обращенная к нашим глубоким историческим корням, может объединить все наше общество. В ее основе лежит исполнение божественных заповедей. Стойкость духа, постоянное совершенствование человека на основе развития науки и просвещения в различных областях человеческих знаний. Только на базе такого миропонимания можно успешно устремиться в будущее.

Еврейский вопрос: мое понимание

В нашей семье был смешанный брак: мама — русская, папа называл себя татом. Он рассматривал татов как одну из национальностей малых народов Дагестана: аварцев, даргинцев, лаков, татов... Эти народы были близки по своим традициям, укладу жизни. Отец всегда гордился своей национальностью. Всю жизнь ходил в черной каракулевой папахе, а дома в его заветном ящике хранилась черкеска и газыри, трубки, привезенные из Дагестана.

Относительно народности татов не было единого мнения ученых: одни считали их горскими евреями, другие мусульманами. Несведущие люди считали их татарами. Но язык горских евреев сходен с персидским, что говорит в пользу мусульманского происхождения.

В последние годы, когда до нашей страны докатились волны эмиграции, у некоторых горских евреев появилось желание примкнуть к общему потоку евреев-эмигрантов, и они позиционировали себя не татами, а горскими евреями — неотъемлемой частью еврейского народа.

Еврейский вопрос очень сложный, поэтому я могу сказать о своих личных наблюдениях и отношениях с евреями. Примерно шестилетним ребенком я бегала по большому открытому двору, где с утра до вечера играли дети. Один шаловливый мальчуган лет десяти, звали его Моськой (имя Моисей) кричал на весь двор: «Отец у меня еврей, мать — еврейка, а я русский». С детства в моем подсознании заложились, что среди окружающих людей лучше быть русской, а не еврейкой. Только мне было непонятно, почему?

В нашем переулке жили еврейские семьи. За некоторыми я наблюдала со стороны, с другими дружила наша семья. Одна такая семья жила в доме напротив, у них была дочка, молоденькая девушка Майя. Несмотря на столь юный возраст, родители подыскали ей жениха Арона, положительного, уже состоявшегося в профессии человека, лет на 10 старше ее. Майя была некрасивой — с большими, круглыми, слегка навывкате глазами, маленькой, толстенькой, сутуловатой, но доброжелательной и смешливой.

Практичные еврейские родители переживали за женскую судьбу дочери. Понимали, что очарование юности быстро пройдет и непривлекательной девушке сложно будет устроить свою судьбу. Мы, дети, жалели Майю, что она так рано утратила свободу, наслаждение легкостью бытия, и так быстро связала себя брачными узами. Но прошло несколько лет, и мы встречали в нашем переулке эту счастливую семейную пару, уже гулявшую с детишками. «Какие заботливые и предусмотрительные еврейские родители!» — подумала я. Они помогли дочери обрести личное счастье.

С другой семьей еврейского происхождения мы просто дружили. Я часто встречала колоритную пару: ее звали Полина Вениаминовна, его — Илья Исакович. Был у них сын Изик. Полина Вениаминовна была музыкальным работником в детских садах. Вспоминаю ее в летний теплый день. Она бодро и весело идет по переулку с аккордеоном, на ней яркое, в красных маках, легкое платье. Рыжие волосы развеваются на ветерке. Увидев меня, она ласково улыбается, показывая при этом золотые вставные передние зубы.

Иногда к нам заходил ее сын Изик, его уважали в нашем доме. Он окончил школу с золотой медалью. Поступил с первого раза, несмотря на пятый пункт, в Энергетический институт, окончил его тоже с красным дипломом. После окончания вуза работал главным инженером на одном из предприятий Москвы. Изик удачно женился на еврейской красавице Мирре. У них родилась и на моих глазах росла дочка. Позднее, когда родителей Изика уже не было в живых, он с семьей эмигрировал в Израиль.

В начале 50-х годов можно было видеть в переулке отца Изика — Илью Исаковича. Он работал переводчиком в области техники, владел десятками иностранных языков. Возвращался домой усталым, шел медленной походкой. Тело его было грузным, неповоротливым. В это время, откуда ни возьмись, в переулке появлялась ватага хулиганов, бежала за ним и кричала

во все горло: «Жид, жид по веревочке бежит». Илья Исакович возмущенно реагировал на оскорбления, грозя обидчикам своими пухлыми короткими пальцами. Но не тратил сил и времени на обращения в суд и другие общественные организации, чтобы призвать обидчиков к ответу. Идя по переулку, я была свидетелем антисемитских выпадов хулиганов и запомнила это на всю жизнь, но повлиять на ситуацию в тот момент была бессильна, хотя и была глубоко возмущена поведением хулиганов.

В 1945 году я пошла учиться в среднюю школу. Директор школы была русской по национальности. В старших классах руководила школой армянка. Много школьных преподавателей были еврейской национальности: например, учителя по русскому языку и литературе, по математике, истории и иностранному языку. Отношение к этим учителям со стороны учащихся было хорошим. Даже после окончания школы мы поддерживали теплые отношения вплоть до их кончины.

Среди учеников школы тоже были евреи. Но в процессе обучения у нас никого не выделяли по национальному признаку. Отмечали лишь отличную и плохую успеваемость учеников. Проблемы у детей еврейской национальности начинались при поступлении в ВУЗ. Так, в нашей школе училась девочка-еврейка. Она окончила школу с золотой медалью. В процессе учебы выделялась среди всех нас своими способностями. Мы были уверены, что она поступит на химический факультет МГУ. Увы! При встрече выпускников узнали, что поступила она на химический факультет Химико-технологического института им. Менделеева, впоследствии окончила его с красным дипломом. Но поступлению в университет помешал пятый пункт.

Молодежь еврейской национальности за редким исключением не принимали в самые престижные вузы: МГУ, МГИМО, на многие факультеты Физтеха, Бауманского, Энергетического, Авиационного института. Людям мешал пятый пункт.

Наряду со школой я занималась в студии художественного слова. Наш руководитель Маргарита Рудольфовна Перлова ко всем детям относилась с большой любовью. Для нее никогда не играло роли, какой национальности ребенок: русский, еврей, татарин... Очень одаренной девочкой еврейской национальности была Нелли Цубис (в замужестве Гошева). Она замечательно читала произведения Толстого, Чехова, Горького, Маршака... После

занятий мы гурьбой выбегали на улицу, иногда просто гуляли. За Нелли же всегда приходили взрослые и забирали домой. Ее время было расписано по часам. Будучи одаренным ребенком, она поступила в театральный вуз при Вахтанговском театре, успешно его окончила. Несколько лет играла в «Ленкоме». Затем о ней ничего не стало слышно. Подруга, бывавшая у нее дома, с горечью сказала: «Нелли эмигрировала в Израиль. Мне всегда печально проходить мимо ее дома, в окошках которого уже не горит свет. Как жаль!» Так мы впервые переживали потерю талантливого человека из-за эмиграции в Израиль.

После окончания института я работала в ряде НИИ. Многие научные сотрудники этих институтов были евреями. В целом у меня сложилось хорошее впечатление об этих людях. Как правило, они были высокоинтеллектуальными, образованными, дисциплинированными научными работниками. На протяжении многих лет моей научной работы они безотказно оказывали мне нужную поддержку и помощь.

В 70-х годах ряд сотрудников ВНИИПИ еврейской национальности стали обращаться в отдел кадров с просьбой оформления необходимых документов для получения разрешения на эмиграцию в Израиль, США, Германию.

Как только в институте узнавали эту новость, человек становился изгоем. Многие сотрудники относились к ним с презрением. С ними прекращали общение, считая их чуть ли не изменниками Родины. Ситуация, связанная с эмиграцией сотрудников еврейской национальности, создавала напряженную, негативную атмосферу.

К концу 70-х годов была изменена эмиграционная политика, благодаря которой любой гражданин может уехать, куда захочет (за исключением тех, кто в свое время дал подписку о невыезде в связи с секретностью работы), и также свободно вернуться. Через девять лет после моего ухода из ВНИИПИ началась массовая репатриация в Израиль (1989 г.). Распад СССР, трудная экономическая ситуация увеличили поток эмигрантов. Но далеко не все евреи прижились за рубежом, вождленного рая там не оказалось: люди столкнулись с квартирными вопросами, трудностями устройства на работу по специальности, неприятием их образа жизни, традиций другой страны. В 2000 году многие евреи стали возвращаться в Россию.

Жизнь семьи Анисимовых в 90-е годы

Потеря моей матери

В 90-е годы в моей личной жизни произошла тяжелая потеря: не стало моей мамы, она не дожила до своего 90-летия всего три месяца.

В раннем детстве, когда мама выходила из дома, я начинала горько плакать и даже бежала за ней по двору. Мне казалось, что она скрывается от меня навсегда. Но она всегда возвращалась домой с долгожданной едой.

За шесть лет до смерти у нее случился тяжелейший сердечный приступ, она часто, тяжело дышала и задыхалась. Я приподняла ее с постели, крепко обняла и поймала на себе ее скорбный прощальный взгляд, полный любви. В ответ на этот глубокий, проникающий в душу взгляд я негромко, но твердо и четко, слышно для нее проговорила, глядя ей прямо в глаза: «Мамочка, не умирай, я люблю тебя. Ты мне очень нужна». И я почувствовала волшебную силу сказанных слов. Вдруг ее отпустило чувство предсмертной скорби, она задышала ровней и спокойней. И она мне действительно подарила еще 6 лет жизни в любви и согласии.

Но конец жизни был неотвратим, несмотря на все мои усилия продлить ее жизнь еще на бесценные для меня мгновения.

В 1992 году состояние здоровья мамы стало очень плохим, ведь от старости человек не излечивается, он просто умирает. За свою долгую жизнь она много радости испытала за своих детей: все были одаренными, умными, сердечно, по-доброму к ней относились. Но судьба распорядилась так, что она их пережила: Александра, Гирея, Марию, Тамару. На момент смерти мамы остался сын от первого брака Георгий и я. Георгий жил своей жизнью и практически не заботился о маме. Все заботы о старой, тяжело больной маме были на мне. Но для меня они были естественным образом жизни.

В последние недели жизни ей чудилось, что живы ее родители, и они приходят к нам домой и с нами общаются. С мамой происходило необъяснимое предчувствие соединения с родителями. На самом деле родители уже давно покоились на Ваганьковском кладбище. В их могилу позже я захоронила маму.

*АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА АНИСИМОВА (урожденная Загурская),
многодетная мать, награжденная медалью Матринства Правительством СССР*

Семейное захоронение Анисимовых. Памятник братьям Александру (1929–1949) и Гирею (1931–1969). Скульптор – Тамара Анисимова (1934–1988).

Ваганьковское кладбище, участок №43.

Она чувствовала свою близкую кончину, за три дня до смерти она сказала: «Я умираю, и никто мне не может помочь». Я удивилась ее огромному жизнелюбию, несмотря на большие перенесенные ею страдания: голод, послевоенная нужда, потеря детей и близких в результате репрессий.

Врачи подтвердили предчувствие мамы. Сказали мне: «Готовьтесь». Но я не могла готовиться к неизбежным похоронам мамы, пока смотрела ей в глаза, слышала ее голос и дыхание. Я скорбела, что мамы не будет уже никогда на свете. И это неизбежное произошло.

Врач констатировал смерть, закрыл маме глаза, задернул на окнах шторы. Вся обстановка в квартире сразу стала другой.

Так день за днем уже пошел без мамы, без ее проникновенного все понимающего взгляда, без ее теплого ободряющего голоса.

Прошло почти три десятилетия, как нет со мной мамы, но свет ее души продолжает присутствовать в каждом новом дне, в моей духовной жизни. Она мой оберег. Так будет до конца моей земной жизни.

Поездка на родину моего отца. Кавказ

Аул Тарки

После кончины мамы мне было очень тяжело находиться дома, где все напоминало о ней. Я решила сменить обстановку. Моей давней мечтой была поездка на родину моего отца и деда Ильи Шеребетовича — в аул Тарки.

Поездка туда была незабываемой. Я не ожидала, что аул расположен так близко от Махачкалы. Всего пара остановок, и я очутилась в совершенно другом временном и пространственном измерении. В моей памяти восстановились живые эмоциональные рассказы отца об Илье Шеребетовиче.

Аул Тарки — один из древних населенных пунктов Дагестана. Расположен на восточном склоне горы Тарки-Тау. Селение существует со второго тысячелетия до н.э. Здесь располагались мечети и синагоги. Тарки был пристанью и крупным торговым центром на перекрестке путей из Ирана на Северный Кавказ. Дороги там крутые и узкие. С Тарки открывается живописный вид на Махачкалу и Каспийское море.

В истории Тарки были тяжелые времена в связи с начавшейся в этих местах Кавказской войной.

В Тарки горские евреи жили еще в Средние века. Средневековая летопись «Дербент-наме», которую мой дед перевел на русский язык, свидетельствует о том, что до прихода в эти места арабов большая часть народа исповедовала иудаизм.

Аул Тарки, по имеющимся сведениям, дважды подвергался нападениям, летом и зимой 1848 года. Старожилы аула рассказывали побывавшему там путешественнику И. Чёрному, что нападавшие сожгли почти все дома в ауле, зверски убили 35 человек. Ворвавшись в аул рано утром, они убивали людей прямо в постелях, избивали плетками до полусмерти. Многие из людей должны были покинуть свои дома. Но были и такие, кто под угрозой смерти был вынужден принять чужую веру.

Волнительно было ступать по тропинкам, видеть то, что видели мой отец, дед и прадед, находиться в местах, где они родились и проживали свои жизни.

Когда-то в ауле кипела жизнь, насыщенная религиозными праздниками со своими традициями и обрядами. Гуляли всем аулом с песнями, танцами. В то же время в ауле отсутствовала грамотность, люди порой враждебно относились к образованию. Жизнь женщины была ограничена семьей и детьми, девушки были необразованны, их выдавали замуж без их согласия.

Мой дед был талантливым человеком, овладевшим глубокими знаниями во многих областях человеческой культуры. Это позволило ему плодотворно заниматься этнографическими исследованиями своего самобытного, одаренного народа и приобщать к ним своего сына. Как рассказывалось в начале книги, мой отец в возрасте 16 лет по заданию Ильи Шеребетовича побывал в ауле, выполнил порученную ему работу, проникся обычаями и нравами местных жителей, наблюдал и записывал полезные для отца сведения.

В Тарки сохранились древние памятники знатных таркинцев с арабскими узорами. Надгробные плиты там подобны человеческим силуэтам. В процессе проведения исследований мой дед списывал надписи с сохранившихся надгробий кладбища, стремясь более точно определить время поселения горских евреев и мусульман.

Поднимаясь по узкой тропинке к аулу Тарки, я уже была полна знаниями и воспоминаниями моего отца. Слева неподалеку я увидела то самое кладбище с древними памятниками, заросшее высокой травой. Идти в ту сторону было небезопасно, я сразу отвергла заманчивую идею увидеть воочию эти памятники. Я была одна, вокруг меня не было людей. По тропинке я медленно поднималась вверх, окидывая взглядом окружающее пространство, небольшие, плотно друг к другу стоящие дома. Вспомнила страницы дедушкиной книги, прочитанные еще в детстве, рассказывающие о старинных обрядах, шумных ярких празднествах, происходивших в ауле.

Моя сестра Тамара побывала в этом горном ауле в далекие 50-е годы и талантливо передала на своей картине поэтическую красоту этого места. Оказавшись здесь в 90-е годы, я всей душой и сердцем впитывала очертания гор, сохранившихся построек, горных тропинок, окружающей природы. Я питалась мощной энергией этого места, где родились и прожили свои жизни мои предки. Это мои глубинные корни. Они останутся во мне до последних дней моей жизни. С таким незабываемым впечатлением я покидала аул.

Было дневное время, я встретила гурьбу школьников и сразу привлекла

их внимание. Они были удивлены моему появлению здесь в одиночестве, стали с интересом расспрашивать, откуда я приехала и как сейчас живетесь в Москве. Мы тепло распрощались, а я зашла в небольшой местный магазинчик купить еду. Первое, что бросилось в глаза, это контраст между древностью аула и знаками современной жизни — на полках стояли кока-кола, сникерсы, иностранные жвачки... Все как и везде. Такова жизнь... Она идет вперед, а воспоминания навсегда остаются в моем сердце.

Полная незабываемых впечатлений, я возвратилась в Махачкалу.

Достопримечательности Махачкалы

После посещения святого для меня места — аула Тарки, я вернулась в гостиницу Махачкалы, где проживала. Люди там доброжелательные, гостеприимные. Я узнала от них о достопримечательностях города и некоторые из них посетила.

Готовясь к поездке на родину отца и деда, я познакомилась с историей Махачкалы. В 1844 году на холмистом взгорье Анджи-Арка было заложено укрепление Петровское, названное в память о пребывании в этих местах Петра I в 1722 году, во время Персидского похода. В 1857 году укрепление получило статус города и название Петровск. В 1921 году Петровск-Порт был переименован в Махачкалу в честь дагестанского революционера Махача Дахадаева. Памятник Махачу Дахадаеву на коне установлен перед зданием железнодорожного вокзала в 1971 году. На плечо его накинута бурка, что придает памятнику особую выразительность.

Прежде всего мне захотелось почувствовать пространство, вдохнуть воздух и природные красоты города. Я сразу пошла по набережной, расположенной на узкой полосе низменной равнины между горой Тарки-Тау и Каспийским морем. Берег моря оказался каменистым с живописными выступами. На море можно было смотреть бесконечно.

Одной из главных достопримечательностей города является Петровский маяк, один из старейших в городе, возведен в 1866 году. Больше века он исполнял свою роль, указывая капитанам судов путь в уютную гавань. Выразительный силуэт шестигранной башни находится в старом городе.

Облицован красным и белым кирпичом. Имеет высоту 27 метров.

К смотровой площадке ведут 117 ступеней. Осмотрев эту достопримечательность, я шла к центру города, по пути встречала множество судов, обилие зеленых насаждений. Наконец я дошла до Музея изобразительных искусств, расположенного в старинном особняке. С интересом рассматривала искусную чеканку, старинные монеты, ковры. Но особенное впечатление произвело на меня собрание картин И. Репина, В. Сурикова, И. Крамского, И. Левитана, В. Поленова и художников Дагестана — Салаваева, Лакова.

Достопримечательностью Махачкалы является и дом Расула Гамзатова (1923–2003). Своей Родине — Дагестану — он посвятил немало прекрасных стихов. Дагестан населен многими малыми народами — аварцами, даргинцами, лезгинами, лакцами, чеченцами, татами. Своим талантом аварец Расул Гамзатов прославил Дагестан на весь мир. Мне близки строки его стихотворения «Таинственность»:

*Столетия таинством полны,
И не исчезнет жизнь, куда
Есть ощущение новизны
И удивления, и чуда.*

Особенно дорог мне поэт Расул Гамзатов тем, что он похоронен на старом мусульманском кладбище в Тарки, у подножия Тарки-Тау, где век назад мой дед подробно изучал надписи на старинных надгробиях для проведения своей научно-исследовательской работы по этнографии.

Древний Дербент

Собираясь в поездку на родину отца и деда, я мечтала посетить древний город Дербент. Особый мой интерес был связан с тем, что, создавая свой уникальный этнографический труд о горских евреях, Илья Шеребетович собирал статистический материал, изучал культуру, обычаи и быт своего народа, проживавшего в Дербенте.

Совершить поездку в Дербент из Махачкалы оказалось просто. Дорога заняла всего 1,5 часа. Город расположен между Каспийским морем и предгорьем

Кавказа в 120 км к юго-востоку от Махачкалы. Хочется остановиться на его чрезвычайно интересной истории.

В исторической науке нет единого мнения о времени возникновения Дербента: согласно одним источникам, ему 5000 лет, по другим гораздо меньше — 2000. На территории города было множество кровопролитных войн и разрушений. Владеть Дербентом хотели Рим, Иран, Византия, Золотая Орда, Турция... Город занимал выгодное географическое положение. Здесь пролегал участок Великого шелкового пути, находился перекресток цивилизаций, связывающий Восток с Западом. Дербент — крупный порт на Каспии. Дербент многократно переходил из рук в руки. В 1813 году по Гюлистанскому мирному договору присоединился к России, с 1846 года стал губернским городом, вошел в состав Дагестана.

Город знаменателен тем, что в 1830–1834 гг. там проживал декабрист А.А. Бестужев-Марлинский, а также выдающийся хирург Н.И. Пирогов. В числе знаменитых людей, посетивших город, был Александр Дюма-отец, оставивший свои восторженные воспоминания о древностях Дербента в путевых заметках.

Мои личные впечатления незабываемы. Город сохранил свой исторический облик с прекрасными садами и виноградниками. Наиболее древняя — верхняя часть города. Узкие кривые улочки, маленькие уютные дворики, яркие ковровые базары, величественные купола мечетей и плоские крыши глинобитных домов придают городу неповторимый восточный колорит.

На улицах встречаются почтенные акакалы, бабушки в кашемировых цветных шالях — городские долгожители, радушные, приветливые. Но главная жизнь города сосредоточена в пространстве рынка и около него.

Этот город отличается от других яркими контрастами. Например, одни девушки носят короткие современные юбки, другие ходят в мусульманских одеждах. В магазинах наряду с традиционным ассортиментом торгуют новомодными товарами.

В путешествии по этому древнему городу мне крупно повезло. Я зашла в Музей декоративно-прикладного искусства, расположенный в Армянской церкви, осмотрела интересную экспозицию. Там я познакомилась с заведующей этим музеем Я. Хайновой. Видя проявление большого интереса к истории города, для меня провели целую экскурсию по главной достопримечательности — Дербентскому Кремлю. Это было впечатляющее зрелище.

Когда-то здесь была создана многокилометровая система укреплений, служившая преградой на пути кочевников, защищавшей Дербент от опустошительных набегов извне. Длинная широкая лестница ведет к крепости. Это выдающийся памятник оборонительной архитектуры. Крепостные стены возвышаются на 12–18 метров, производя впечатление монументального величия и неприступности. Особый интерес представляют древние ворота. Внутри города сохранились руины старинных зданий, бани и даже резервуары для воды на случай осады. С высоты Дербентского холма открывается прекрасный вид на город. Особенно живописна его древняя часть с тесно прижавшимися друг к другу домами, узкими улочками, над которыми возвышаются белоснежные купола мечетей.

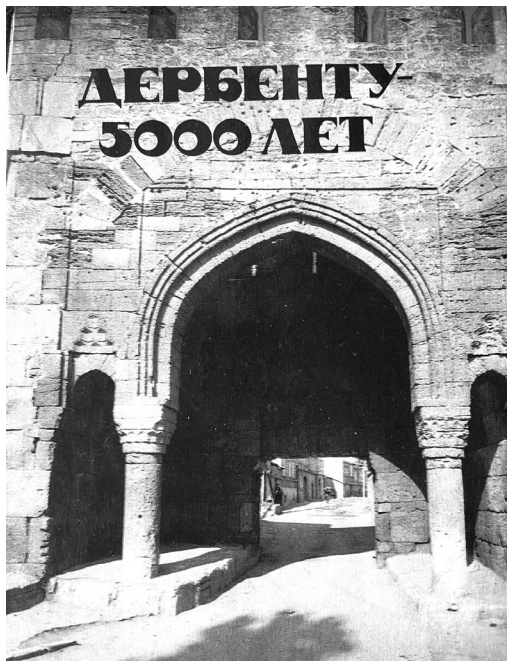
Я уже собиралась возвращаться в гостиницу, когда неожиданно заведующая музеем Яфа Хайнова пригласила меня на ужин к себе домой. Я попала в небольшой, уютный в зелени частный домик и прошла в комнату, где был накрыт стол с восточными угощениями. По счастливому совпадению это оказалась семья горских евреев. Чувствовался художественный вкус хозяев: дом украшали ковры изысканной работы, глиняные кувшины, всевозможные художественные изделия, и, конечно, здесь было много книг.

За столом сидела большая дружная семья. Они общались между собой весело и непринужденно. Говорили о повседневной жизни Дербента, о жизненно важных проблемах, я рассказывала о быте и трудностях проживания в Москве. Разговор был для всех интересным и запоминающимся.

Я испытала чувство глубокой благодарности к ранее незнакомым мне коренным жителям Дербента. На прощанье Яфа подарила мне книгу о Дербенте с дарственной надписью: «Уважаемой Маргарите Даниловне с наилучшими пожеланиями в память о пребывании в древнем Дербенте» (Я. Хайнова) 23.09.93 г.».

Эту книгу тридцать лет спустя я трепетно держу в руках и с благодарностью вспоминаю этот город, подаривший мне такие яркие впечатления и по-восточному гостеприимных и сердечных людей.

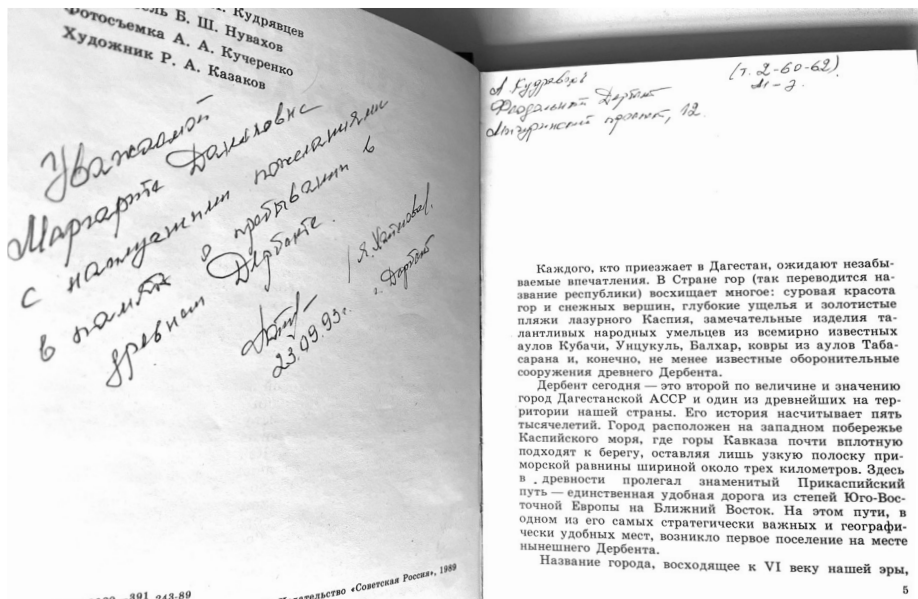
Так завершилась эта поездка на Северный Кавказ. Я поняла, ощутила всем сердцем, что побудило моего дедушку-этнографа проскакать на лошади большие расстояния, преодолевая кручи и быстрые горные реки, и погрузиться в жизнь народов Кавказа — им руководила любовь к своему народу.

1. Путеводитель
«ДЕРБЕНТУ 5000 ЛЕТ»,
автор А.А. Кудрявцев, издатель-
ство «Советская Россия», 1989 г.

2. Дарственная надпись Я. Хайновой

1.

Каждого, кто приезжает в Дагестан, ожидают незабываемые впечатления. В Стране гор (так переводится название республики) восхищает многое: суровая красота гор и снежных вершин, глубокие ущелья и золотистые пляжи лазурного Каспия, замечательные изделия талантливых народных умельцев из всемирно известных аулов Кубачи, Унцукуль, Балхар, ковры из аулов Табасарана и, конечно, не менее известные оборонительные сооружения древнего Дербента.

Дербент сегодня — это второй по величине и значению город Дагестанской АССР и один из древнейших на территории нашей страны. Его история насчитывает пять тысячелетий. Город расположен на западном побережье Каспийского моря, где горы Кавказа почти вплотную подходят к берегу, оставляя лишь узкую полосу приморской равнины шириной около трех километров. Здесь в древности пролегал знаменитый Прикаспийский путь — единственная удобная дорога из степей Юго-Восточной Европы на Ближний Восток. На этом пути, в одном из его самых стратегически важных и географически удобных мест, возникло первое поселение на месте нынешнего Дербента.

Название города, восходящее к VI веку нашей эры,

2.

Последствия распада СССР в Абхазии

Трагическая судьба моих родственников. Семья Бериулава

Ситуация распада Союза напрямую коснулась наших близких родственников, проживших всю жизнь в Абхазии.

В середине марта 1989 года в Абхазии состоялся сход, участники которого приняли решение о выходе из состава Грузии.

В 1989 года в Сухуми произошел межнациональный конфликт между грузинами и абхазцами. Поводом послужил вопрос о том, надо ли открывать в Сухуми филиал Тбилисского госуниверситета, а решение открыть университет было воспринято как экспансия Грузии. На этой основе между грузинами и абхазами начались потасовки, вскоре ставшие массовыми. Были жертвы. Акция носила полубандитский характер. Силовой составляющей стали грузинские группировки, стремящиеся покорить Абхазию. Они грабили и поджигали дома мирных жителей.

В этот напряженный период Россия оказывала всестороннюю поддержку Абхазии. Вместе с тем существовали противоречия между экономической зависимостью от Москвы и стремлением абхазского общества и элиты отстаивать свой суверенитет. В стране были дислоцированы советские военные.

В постсоветский период Абхазии не удалось построить самостоятельную экономику. Курортная зона продолжала играть решающую роль в экономике страны. Абхазия провозгласила независимость после войны с Грузией 1992–1993 гг. 26 ноября 1994 года она была объявлена суверенным государством.

Мои близкие родственники были вовлечены в трагические события, происходившие в Абхазии, и стали их жертвами. Хочется поделиться моими личными воспоминаниями об этих людях.

Вениамин Александрович Загурский, я называла его дядей Вией, был

братом моей мамы. Мама рассказывала нам об их большой, дружной семье, проживавшей в Ирбите. Вениамин был стройным, высоким юношей, с копной вьющихся светлых волос, большими выразительными голубыми глазами. Он хорошо играл на гитаре, пел русские народные песни своим мягким баритоном, был от природы отзывчивым, добрым человеком. Он окончил на Урале медицинский институт. В первые годы работы по специальности заразился от больного туберкулезом. Единственным выходом для него в этой ситуации было сменить суровый климат на щадящий, теплый.

Так он переезжает в южные края — сначала в Ялту, затем перебирается в Сухуми, где долгие годы заведовал отоларингологическим отделением в одной из Сухумских больниц. Там он женится на преподавательнице русского языка и литературы Марии. Семья сложилась дружной, благополучной, особенно после рождения дочки.

Однако брак дяди Вини нельзя считать безусловно счастливым. В период своей молодости он был влюблен сильной, чистой любовью в красивую, умную и веселую девушку. Наедине он никогда с ней не встречался, а проводил свободное время вместе с ней и со своим другом.

Оба молодых человека восхищались этим чудным созданием. Девушка также искренне любила этих молодых людей и никому из них не отдавала предпочтения. В этой ситуации друг дяди Вини проявил большую решительность, сделав девушке предложение. Она согласилась, и у молодых людей сложился долгий счастливый брак.

Прошло время. Дядя Виня встретил достойную девушку, умную, образованную. Влюбленность была с ее стороны, и он решил жениться, чтобы не оставаться холостяком. Но память о первой любви была в его сердце всю жизнь. Умирая, он завещал похоронить его на том кладбище в Ялте, где покоилась эта женщина со своим мужем. Такова романтическая любовь моего дяди Вини.

В реальной жизни у дяди Вини тоже было свое счастье: он беззаветно любил свою дочь Юю. Она выросла в милостивую девушку со светлыми вьющимися волосами, пропорционально высоким лбом, большими голубыми глазами и невысокой, но складной фигурой.

Способности у нее были отличные. Окончила школу с золотой медалью, с детства проявляла способности к музыке, рисованию. Учителя

музыки предлагали даже подготовить ее к поступлению в консерваторию, но родители ее так любили, что не хотели отпускать от себя в другой город. Так Ия поступила и закончила университет в Сухуми, отделение психологии. В дальнейшем Ия сама преподавала в Сухумском университете психологию и одновременно имела учеников в музыкальной школе. Я всю жизнь испытывала к Ие теплые родственные чувства и уважение.

Дядя Виня много трудился, в своей области отоларингологии он разработал новые, эффективные способы лечения. Его хорошо знали в городе как доброго врача-бессребреника. Бывали случаи, когда, проникшись сочувствием к бедственному материальному положению своего пациента, вылечив его, дядя еще давал ему собственные деньги.

К своей сестре Александре, моей маме, он относился с большой искренностью и сердечностью. Приезжая по делам в Москву, дядя неизменно останавливался у нас. В те годы у нашей многодетной семьи было трудное материальное положение, но мы всегда бескорыстно давали приют родственникам, не принимая от них никаких денег. С дядей Виней так не получалось. Приехав, он тут же давал маме определенную денежную сумму. Когда мама отказывалась, он категорически говорил: «Если ты у меня не возьмешь денег, я у тебя не буду жить!» Мама, обрадованная его приездом, преодолевая свое смущение, соглашалась.

60–70-е годы, когда приезжал к нам дядя Виня, были годами острого дефицита. Вспоминаю случай, когда мы много часов стояли в длинной очереди за телевизором и ненадолго отошли. Вернувшись, мы не могли вспомнить, за кем стояли. Дядя Виня эмоционально громко выкрикнул: «Мы стояли за рыжим, ярко-рыжим молодым человеком!» И вдруг, оглянувшись, он его увидел. Надо было видеть, какой пунцовой краской залилось его лицо. В ту минуту он готов был провалиться сквозь землю! Такая была совесть, душевная чистота в этом уже немолодом человеке.

В молодости я часто ездила в Сухуми. Поезд отходил с Курского вокзала, мне нравился ритмичный стук колес, состояние полудремы на верхней полке вагона, сладостные мечты, предвкушение месячного отдыха на море у любимых родственников.

В Сухуми они окружали меня заботой и вниманием. В свободное от работы время дядя Виня совершал прогулки по набережной. Невозможно

забыть яркое, красочное впечатление от захода солнца на морском берегу, посещение Ботанического сада с богатейшим собранием экзотических растений со всего мира! Запомнился мне южный базар с невиданным для меня изобилием фруктов. Я покупала их вместе с женой моего дяди. Звала я ее всегда уважительно по имени отчеству — Мария Ивановна. Она была образованным человеком. В те годы Мария Ивановна преподавала литературу в Сухумском университете. Она так увлекалась чтением, что порой открытая на самом интересном месте книга заслоняла собой горы немытой посуды и различные бытовые мелочи. С ней было интересно общаться, говорить о новинках литературы, культуры.

В те далекие годы сама я, не замечая того, вела себя несколько эгоистично, заставляя родственников волноваться за меня, тогда совсем юную и привлекательную девушку. Мне нравилось бродить по городу одной, ходить по малолюдным местам, общаться с незнакомыми людьми, посещать кафе. Выпив чашечку ароматного, вкусного кофе с пирожным я спрашивала бармена: «Сколько я вам должна?» В ответ зачастую слышала: «Нисколько, приходите еще!» Такое отношение ко мне посторонних людей повышало самооценку.

Месяц отдыха пролетал мгновенно. В Москву я неизменно привозила увесистый ящик фруктов, подарок семьи Загурских: крупные гранаты, сочные груши, яблоки и виноград. На Курском вокзале меня встречал брат Гирей. Несколько дней мы всей семьей наслаждались фруктами и вели долгие разговоры о жизни сухумской родни.

Шли годы. Ия вышла замуж за местного мингрела Сергея. Брак оказался счастливым, у них родился красивый, плотного телосложения сын, назвали его Георгием. Родители Ии постепенно старели. Первой умерла от онкологии Мария Ивановна. Поддержать их в эти трудные дни, помочь с похоронами приехал из Москвы наш, как всегда, добрый и отзывчивый Гирей. Ия до конца жизни вспоминала об этом благородном поступке своего двоюродного брата. Вскоре от обострения туберкулеза скончался дядя Виня. Похоронили, как он и завещал, в Ялте.

Последующие годы я, правда, редко, гостила у Ии. Она жила в доме мужа в центре Сухуми на ул. Леселидзе в богатом по тем временам доме. Полноправной хозяйкой дома была уже старая мать Сергея. Будучи достаточно властной женщиной, она до глубокой старости имела горделивую осанку, ходила с тростью и указывала всем на мелкие неполадки. Дом был многолюдным, шумным. У Ии был сын, там же были дети старшего брата. Ия много времени проводила в работе. Она вместе с другой невесткой тщательно делала уборку, после этого шла в университет, где читала курс лекций по психологии. После лекций ее уже ждали ученики — она давала дома уроки музыки.

Вечером на огонек приходили гости, в большой комнате уже ждал накрытый разными яствами длинный широкий стол. Места хватало всем, было весело, рассказывали анекдоты, делились местными новостями. Их семью знало множество людей в городе.

Муж Ии был директором табачной фабрики, а его брат — большим начальником на железной дороге. Дома был хороший стабильный достаток.

В те годы Ия периодически приезжала в Москву. Она запечатлелась в моей памяти так: по моде сшитое дорогое каракулевое пальто, элегантная меховая шапка, дорогая обувь. В Москве был хороший стоматолог из абхазцев, только ему она доверяла лечение своих зубов. Мы знали: раз приехала Ия, значит, у нее заболели зубы. В те годы она выглядела уверенной в себе, веселой, жизнерадостной женщиной.

В моей памяти запечатлелась наша последняя поездка в Сухуми с дочерью Анной в далеком 1989 году. Приехав из Москвы в Сухуми, мы окунулись, на первый взгляд, в обычную жизнь благодатного приморского города. Приветливый таксист доставил нас в особняк на ул. Леселидзе, где жила Ия со своей семьей. Мы прошли через калитку в пространство, где красовались высокие пальмы, лианы, множество экзотических растений. Тропинка вела к месту, где стояли роскошные по тем временам новые машины благородного серебристого цвета.

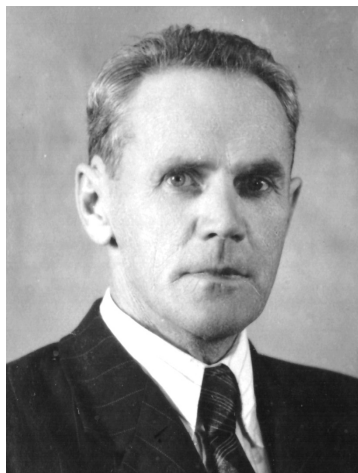
Войдя в дом, мы увидели просторные комнаты, обставленные дорогой изысканной мебелью, новый большой телевизор, дорогой музыкальный центр. Одним словом, дом — полная чаша. Хозяева были веселы, довольны жизнью. Так встретил нас этот гостеприимный дом.

Вечером, как всегда, собралось множество гостей, спрашивали о

1.

1. **АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ ЗАГУРСКИЙ** с сыном Вениамином, 1930 г.
2. **ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗАГУРСКИЙ**, заслуженный врач Грузии, брат моей матери, 1951 г.
3. Его дочь **ИЯ ЗАГУРСКАЯ** в детстве

2.

3.

жизненных трудностях в Москве, и, конечно, разговор зашел об обстановке в Сухуми. Тут настроение переменялось, я увидела озабоченные и даже встревоженные лица. Ия стала взволнованно рассказывать о периодически случающихся ночных обстрелах города, о том, как несколько раз в страхе они спускались в подвал дома, а утром она обзванивала всех своих знакомых, живы ли они. Бомбы попадали в жилые дома, были человеческие жертвы. Несмотря на эти страшные рассказы, сидящие за столом были настроены оптимистично, в них жила надежда, что местные власти не допустят обострения ситуации.

Затем разговор перешел на приятные темы. Заговорили о том, что Анне надо показать местные достопримечательности Сухуми. Ведь ей в то время было всего лишь 16 лет. Девочка училась в художественной школе и привезла с собой этюдник.

На следующее утро Аня уже сидела перед этюдником и с увлечением рисовала высокую стройную пальму. Ия занималась привычным делом — уборкой большой квартиры, готовкой. К ней обычно без всяких звонков забегала ее подруга Вароша. Это была стройная брюнетка с приятным голосом и манерами. Она преподавала русский язык и литературу. К сожалению, у нее была первая любовь, не приведшая ее к браку. Так она осталась в одиночестве. Большой отдушиной для нее был семейный очаг Ии. Она тут же с радостью подключалась к уборке и готовке. При этом чувствовала себя нужной и любимой.

Одним из самых живописных мест в городе является сухумская гора высотой в 201 метр над уровнем моря. На нее ведут многоступенчатые широкие лестницы. Поднимаясь на гору, видишь большое разнообразие деревьев: высокие кедры, пальмы, туи, эвкалипты. В нескольких местах бьют фонтаны. Пространство подсвечивается рядами фонарей. Чтобы подъем не был столь утомительным, можно отдохнуть на скамейке или в зеленой беседке. За свои усилия путник вознаграждался созерцанием великолепного вида на город с просторной смотровой площадки.

Гора эта находилась неподалеку от дома Ии, и Анна, взяв этюдник, вместе со мной пошла туда рисовать. Вместе с нами туда же шла многочисленная группа туристов. В какой-то момент я спустилась с горы, чтобы принести Анне еду, оставив ее одну. Ия тут же не на шутку встревожилась и даже отчитала меня. «Нельзя оставлять там девочку без присмотра. Страшно! Бывают

*ГЕОРГИЙ БЕРУЛАВА,
сын моей двоюродной сестры Ии*

неприятные случаи!» Послушав Ию, я немедленно побежала к Анне. Тем временем она спокойно там рисовала, окруженная группой туристов.

Как бы прекрасна ни была Сухумская гора, но центром притяжения Сухуми было Чёрное море. Ранним утром мы были уже на пляже, купались, нежились в утренних солнечных лучах и просто лежали, ощущая счастье собственного бытия, вдыхая целебный воздух, сливаясь с вечной красотой моря.

Особенно запомнился последний день пребывания в Сухуми. Нас пригласил на прощальный ужин в ресторан сын Ии Георгий. К тому времени он окончил юридический факультет Сухумского Университета и успешно работал юристом. Мы идем по залитой заходящим солнцем набережной, проходим мимо старинных построек, гостиницы «Россия». Гия заметил, что в той гостинице останавливался С. Есенин.

Входим в небольшой уютный ресторанчик, выбираем из меню любимые морепродукты и салаты. Рыбные деликатесы оказываются свежайшими, салаты выглядели живописными на ярком, узорчатом блюде и были очень вкусными. Аня заказала еще мороженое, покрытое шоколадной глазурью.

Мы были благодарны Гие за изысканный ужин и возвращались домой. Вдоль набережной уже зажглись фонари. Они освещали своим золотым блеском высокие пальмы, стройные пирамидальные тополя, цветущие олеандры; мерно перекатывались морские волны, освещенные неярким светом фонарей. У нас было ощущение спокойствия и умиротворенности. Казалось, что такая благодатная жизнь была и будет в этом курортном городе всегда.

Утром следующего дня мы сердечно попрощались со всеми членами

большой семьи. Ия сказала, что в ближайшее время собирается в Москву. Гия подвез нас на своей шикарной по тем временам машине к поезду на Москву, вручил ящик с фруктами. Мы были в прекрасном настроении. Эта поездка произвела на Анну сильное впечатление. Она привезла в Москву несколько памятных этюдов.

Несмотря на оптимистический прогноз с нашей стороны, события в Абхазии развивались драматично. Конфликт между Грузией и Абхазией приобрел острые формы. Мы получали тревожные сообщения от Ии и следили за сводками новостей, поступавших с грузинской и абхазской стороны. Сложилась определенная хроника этого жестокого конфликта.

В 1992 году противостояние Абхазии и Грузии переросло в военные действия с применением авиации, артиллерии и других видов вооружения. За время военных действий по всей Абхазии погибло 16 тыс. человек. В 1993 г. в результате боевых действий половина населения вынуждена была покинуть родные места.

Внутри этого конфликта оказалась и семья Ии. Первой жертвой стал ее муж. В одночасье рухнуло налаженное производство успешно возглавляемой им табачной фабрики. Производство табачных изделий стало невозможным в связи с нарушением всей системы поставок по кооперации. Он так сильно переживал из-за этой ситуации, что с ним случился тяжелый инфаркт, вскоре приведший к летальному исходу. Счастливая семья сразу осиротела.

Дальше драматические события развивались по цепочке. Георгий, сын Ии, потерял работу юриста. Пенсию Ие выплачивали нестабильно, сбережения таяли. Жить становилось практически не на что. На этом фоне произошли события, приведшие окружающих в шоковое состояние!

Со стороны абхазцев Гия, сын Ии, стал подвергаться травле, даже прямым угрозам. У этих людей были свои мотивы: жена Гии была грузинкой, ее родители и ближайшие родственники жили в Тбилиси. В это время абхазцы вели ожесточенную войну с Грузией за свою независимость. Кроме того, вся семья занимала один из самых богатых особняков в Сухуми на улице Леселидзе. Понимая опасность пребывания в Сухуми, Гия вместе с женой — врачом-педиатром — вынужденно отправляются на жительство в Тбилиси. Ия надеялась что ее, уже пожилую женщину, вдову уважаемого, известного

в Абхазии человека, не посмеют тронуть. Но она жестоко ошиблась.

Прошло короткое время, Ия продолжала давать уроки музыки. В один из дней она, как обычно, музицировала, разложив для урока ноты, затем вышла в сад. И тут, как в фильме ужасов, с ней произошли события, которые она не могла себе даже вообразить! Откуда ни возьмись появился человек в маске и с автоматом, накинул ей на голову мешок, Ию запихнули в машину и увезли в неизвестном направлении. Потеряв все жизненные ориентиры, находясь в полузабытьи, Ия лишь чувствовала, что машина едет по серпантину дороги. Ее укачало. Затем машина остановилась. Ию, еле живую, бросили в закрытое помещение. Лязгнул замок, и она оказалась в холодном, темном, закрытом пространстве на топчане, покрытом лохмотьями.

Спустя определенное время ей принесли питье в посудине и какую-то еду. Затем перед ней появились два здоровых мужлана, настроенных крайне агрессивно, и закричали ей по-абхазски: «Дай нам адрес и телефон сына, сука! Иначе мы тебя расстреляем!»

Ия в оцепенении молчала. Так прошло несколько минут. *«Подумай! Ты так и будешь играть с нами в молчанку?»*

Утром в наручниках ее вывели во двор. Перед домом стоял массивный широкий и длинный стол, за которым сидело несколько бандитов. Они ели, пили вино. Вокруг них суетились женщины, поднося разные закуски. Они что-то горячо, эмоционально обсуждали, обильно пересыпая свою речь матерщиной. По обрывкам фраз и кивку головы в ее сторону Ия поняла, что дела ее совсем плохи. Поскольку она не раскрывала местонахождение сына, бандиты собирались ее убить.

Когда бандиты ушли, женщина, убиравшая за столом, подошла к Ие, сняла с нее наручники, и Ия смогла пойти к туалету в конец двора и оглядеться. Двор был крайне запущен, за туалетом росла высокая трава со спутанными колючками, в заборе Ия заметила небольшую дырку, а на траве горкой валялись старые доски. Быстро, чтобы никто не видел, Ия забралась на эту горку из досок, примерила свое исхудавшее тело — сможет ли она пролезть. С трудом, но получилось. Тогда у нее созрел план побега. Ия быстро вернулась к столу, женщина снова надела на нее наручники.

На следующий день утром женщина сняла с нее наручники, Ия быстро зашла за туалет и пролезла в узкую дырку. Очутившись за забором, она сразу поползла резко в

сторону от забора и от проезжей дороги, чтобы запутать следы. К счастью, она нашла земляное углубление, быстро нарвала травы, легла туда и поверх накрылась травой.

Спустя какое-то время до нее донеслись крики и лязг машины, удалявшейся по дороге. В своем укромном месте она лежала до глубокой ночи. Под покровом темноты Ия с трудом поднималась и шла вперед, интуитивно выбирая направление. Она продвигалась до тех пор, пока силы ее не оставляли. Тогда она ложилась на высокую траву и только молила Бога, чтобы был жив ее сын Гия! Мысленно она обращалась к давно покинувшему этот мир родителям. Это укрепляло в ней дух и стремление выжить во что бы то ни стало.

Передохнув, под покровом ночи она шла все вперед и вперед, стерея ноги в кровь. Когда страдания становились невыносимыми, она снова ложилась на траву, затем опять вставала и шла вперед и вперед до изнеможения.

Когда в очередной раз Ия лежала в полузабытьи, она вдруг увидела, словно во сне, склонившуюся над ней молодую пару. Вначале она подумала, что это просто болезненное видение. Но к счастью, люди оказались реальностью. Пара бродила по безлюдной местности, ища уединения, и внезапно наткнулась на обессиленную, изможденную женщину, издававшую еле слышные стоны. Ее повезло, они спасли ей жизнь. Придя в себя, Ия рассказала о своей трагедии этим душевным людям, способным по-настоящему сострадать и помогать незнакомому человеку, попавшему в беду.

Они были жителями села, находившегося неподалеку. Молодая пара оказалась абхазами, общались они с Ией на абхазском языке. Спустя какое-то время они принесли ей питье и еду и даже, раздобыв одежду по размеру, помогли ей, уже совершенно ослабевшей, переодеться. Теперь задача молодых была найти жилье для Ии, под покровом темноты переправить ее, не привлекая внимания посторонних. Они так все и сделали. Проявив настойчивость и даже изобретательность, молодые люди смогли доставить ее до ближайшего аэропорта, связаться с тбилисской родней, посадить в самолет и отправить туда Ию. В Тбилиси ее уже встречал сын Гия с женой Лалой. Но, к великому сожалению, путь страданий Ии не закончился.

После распада СССР в Тбилиси была напряженная обстановка: наблюдалась борьба между влиятельными грузинскими кланами за передел собственности, а также усиление влияния США на политэкономическую ситуацию в стране. Повсеместно происходило обнищание основной массы населения,

выплаты зарплаты задерживали, непомерно росли цены, были перебои в снабжении основными продуктами питания, перебои в подаче электроэнергии, газа, тепла. Неудовлетворительной была система здравоохранения. Ие с помощью грузинских родственников с трудом удалось приобрести крохотное жилье на окраине города. Она тяжело переживала потерю дома в Сухуми, дорогих для ее сердце фотографий отца, матери и ближайших родственников, семейные реликвии. Особенно тяжело было оттого, что не может посещать могилу матери на кладбище в районе Сухуми. У семьи Берулава появился страх быть убитыми бандитскими абхазскими формированиями, орудовавшими в Грузии. Ко всем несчастьям прибавился установленный в результате всех пережитых потрясений онкологический диагноз.

С помощью грузинских родственников были найдены врачи-онкологи, применявшие новые прогрессивные методы лечения этих заболеваний в Москве. В связи с этими печальными событиями Ия пребывала на лечении в онкоцентре на Каширке. В процессе реабилитации длительный период она жила у моей двоюродной сестры Лилии и у меня дома. Мы удивлялись стойкости характера Ии.

Во время ее пребывания у нас в гостях совершенно не чувствовалось угнетенного состояния или уныния. Ия верила, что новые методы лечения приведут ее к выздоровлению. Находясь в моем доме, она не меняла своих привычек. Мы раздвигали стол в довольно тесной квартире. Ия даже готовила свои любимые хачапури, сациви. Поскольку из-за сеансов химиотерапии у нее выпали волосы, она связала себе голубую облегающую голову ажурную шапочку, шедшую к ее лучистым голубым глазам. У нас были веселые застолья в грустные времена.

Вспоминаю меткие анекдоты, веселившие нас в те времена.

Встречаются два начальника:

— Ты своим зарплату выдаешь?

— Нет.

— И я нет. А они все равно на работу ходят?

— *Ходят.*

— *И мои ходят. Может, вход сделаем платным?*

Новый русский приходит к врачу и жалуется на бессонницу, недомогание. Врач внимательно обследует его.

— *Знаете, вы совершенно здоровы. Наверное, вам следует что-то поменять в образе жизни.*

— *Ты чего несешь, за последние три года я поменял четыре квартиры, три виллы, семь мерседесов, пять банков, три «крыши», пять любовниц. Что еще менять?*

Мы дружно смеялись над этими забавными, попадающими в точку анекдотами.

Моя подруга Нина подарила Ие красивые кофточки по размеру и даже стеганный плащ на теплой подкладке. Ей он особенно пришелся по вкусу. В свою очередь Ия связала ей красивую ажурную шерстяную кофточку. Она освоила художественную вязку, когда долгие годы просиживала рядом с постелью своего больного мужа Сергея, перенесшего тяжелый инфаркт.

Ия связала замечательный ажурный шерстяной костюмчик моей внучке Александре, которая с большим удовольствием его носила.

Несколько раз Ия приезжала на лечение в Москву из Тбилиси, но, к великому сожалению, злокачественная болезнь одержала верх. Постепенно Ия угасала, родственники из Тбилиси сообщили о ее кончине.

Позже несколько раз мы пытались прозвониться в Тбилиси, но прежние телефоны молчали. Так мы потеряли всякую связь с семьей Берулава. Очень жаль! Но время неумолимо... Так военный конфликт в Абхазии погубил жизнь этой замечательной семьи.

Моя дочь Анна в 90-е годы

Становилась взрослой моя дочь Анна. В старших классах школы она подружилась с девочками-иностранками. Школа, где она обучалась, находилась недалеко от дома, там проживали иностранные граждане — работники посольств на Кутузовском проспекте. Дочка наблюдала за их жизнью: на девочках — новая, яркая, красивая одежда, они ее постоянно меняли. Иногда эти девочки угощали Анну конфетами, особенно ценились жвачки. Аня приносила домой нераспечатанную жвачку и с восторгом произносила: «Это иностранная!» В детское сознание постепенно вошло, что наше русское — это немодно, некрасиво, неудобно, хочу жить как продвинутые иностранцы.

Я убеждала Анну, что она хорошо рисует, что это ее преимущество перед многими детьми. На это Аня просила купить ей красивое платье, туфли как у подружки-иностранки. Но я объясняла, что деньги у меня только на еду и на оплату уроков рисования. Тогда она прекращала просить и только сидела насупившись.

Шло время, Аня приносила красивые яркие открытки с видами различных стран: Америки, Англии, Франции, Италии. Больше всего ее завораживали виды солнечной, невероятно красивой Италии: Флоренции, Рима, Неаполя, Венеции. У нее зародилась мечта — увидеть города Италии.

Анна стала самостоятельно усиленно изучать итальянский язык, через короткое время она уже свободно говорила по-итальянски. Анна стала сотрудничать с турагентством и водить группы итальянских туристов. Больше всех ей нравился молодой человек Пьеро. У них были общие интересы. Несколько лет назад он потерял дедушку — известного итальянского художника, у которого были выставки в Риме, Салерно. У Ани отец был известным русским художником. Это их сблизило, они стали часто, почти каждый день общаться по телефону. Затем Пьеро пригласил Анну в Италию познакомиться со своими родственниками.

*Моя дочь АННА
с супругом ПЬЕРО АНДЖЕЛОТТИ*

Так между молодыми людьми возникли серьезные отношения, приведшие их к браку. В 1995 году у них родилась дочь Александра, названная в честь моей мамы, а в 1997-м — сын Антонио, названный в честь итальянских родственников. Ане повезло с семьей, ее свекровь Антония самоотверженно помогала Пьеро и Анне во всех делах.

Так, дети выросли в Италии, но дома они общались с матерью по-русски. Каждое лето я уезжала на месяц в Италию, у меня было частое общение с дочкой по скайпу. Так что связь с дочерью и внуками не прерывалась.

Мои внуки АЛЕКСАНДРА И АНТОНИО АНДЖЕЛОТТИ

Работа с семейным архивом

Передача материалов в Мосгорархив

В 90-х годах XX века я осталась одна из большой, дружной, многодетной семьи Анисимовых. Тогда я решила писать воспоминания о близких мне людях, составивших несколько поколений нашего рода: о семье моего отца Анисимова Данила Ильича и семье моей матери Анисимовой Александры Александровны. Эти люди являются основателями, фундаментом нашего рода. Среди них были творческие люди разнообразных дарований: ученые, литераторы, служители культа, художники, артисты и просто интересные личности.

В нашем семейном архиве сохранились документы, письма, фотографии, книги и картины конца XIX и всего XX века. Снова и снова я смотрела на семейные реликвии и фотографии, вглядывалась в любимые, незабываемые черты моих близких людей. Они меня вдохновляли на создание воспоминаний о нашей семье.

Копию написанных мной воспоминаний я направила в Российский Государственный архив для их сохранности.

В декабре уже далекого 1998 года из архива на мое имя пришел положительный отзыв и предложение создать документальную коллекцию по моим воспоминаниям и сохранившимся документальным материалам.

Это письмо на все последующие годы определило род моих увлекательных занятий, связанных с изучением нашей родословной со стороны отца и матери.

Несколько лет я плотно сотрудничала с работниками архива, увлеченными профессионалами своего дела. Архивные материалы были разделены на те, что останутся дома, и те, что я передам в Мосгорархив. В процессе работы мы делали максимально полное описание каждой единицы хранения, устанавливали даты и места, где происходили события или снимались фотографии, фиксировали фамилии изображенных лиц и др. Работа была кропотливой и увлекательной.

Необычным был разбор архива моего деда. Долгие годы он хранился в укромных уголках вначале на Кавказе, затем в Москве, пережив революции, войны, общественные потрясения. Наконец наступило время его общественной востребованности. Госархиву был передан подлинник диплома И.Ш. Анисимова об окончании Высшего технического училища имени Н. Баумана, первым из горцев Кавказа, уникальные фотографии деда в черкеске с газырями, папахе; копии переписки деда с моей бабушкой М.С. Вейншал.

Сотрудничество с горскими евреями (татами)

В конце 90-х годов, когда я завершила передачу основных материалов в Мосгорархив, мне неожиданно позвонила троюродная сестра Дина Агарунова. Я помнила ее по печальным событиям 1949 года. В тот год скончался мой брат Александр, а у Дины умерла мама Анна Александровна. Отец Дины и она присутствовали на похоронах Александра, а наша семья — на похоронах ее мамы.

Кроме того, я помнила, что мой отец долгие годы сердечно поздравлял свою двоюродную сестру Анечку — маму Дины — со всеми большими праздниками. Относился к ней всегда тепло и сердечно. Поэтому к звонку Дины я отнеслась с доверием и пониманием.

Она сказала, что хочет прийти ко мне с тремя людьми, желающими со мной познакомиться и узнать о моем деде И.Ш. Анисимове, а также взглянуть на имеющиеся у меня материалы о его жизни и деятельности. Я, конечно, дала согласие. Дина пришла ко мне домой вместе с этими людьми. Я сразу оценила по внешнему виду, что пришедшие вполне соответствуют утонченной культуре Дины. Человек в широкополой черной шляпе преподнес мне большой букет красных роз. Потом Дина представила мне своего двоюродного брата Михаила Яковлевича Агарунова; человек в черной шляпе отрекомендовался: «Сергей Иванович Вайнштейн, — готовлю к переизданию книгу Анисимова»; третий человек протянул и крепко пожал мне руку, это был поэт и писатель Амал Данилович Кукулиев.

Гости разделись и, пройдя в комнату, сели за стол. Дина заранее предупредила меня, что люди очень занятые и разговор состоится деловой и по

1. Профессор М.Я. АГАРУНОВ,
руководитель архивного отде-
ла Российского фонда сохра-
нения и развития еврейской
культуры

2. В гостях у моей троюродной
сестры ДИНЫ АГАРУНОВОЙ,
фото с родственниками
из рода Анисимовых, 1998 г.

1.

2.

существо. Я заранее подготовила имеющиеся у меня материалы: альбом со старинными фотографиями нашей семьи, переписку Ильи Шеребетовича со своей супругой, текст моих воспоминаний о нашей семье.

К нашему разговору Агарунов достал из сумки и разложил уже начертанное родословное дерево нашей семьи, начиная от родоначальника нашего рода Нисима. Дерево получилось представительным, разросшимся в разные стороны.

Прежде чем подключиться к его дополнению, я передала для просмотра Вайнштейну и Амалу Кукулиеву наш семейный альбом со старинными фотографиями. Затем мы вместе с Агаруновым стали дополнять родословное дерево новыми людьми нашего рода — это были все члены нашей многодетной семьи: Александр, Гирей, Тамара, Мария, Маргарита, а также следующее поколение: Александр, Анна, и молодое поколение — дочь Александра Вера, дочь и сын Анны: Александра и Антонио. Одновременно я достаточно подробно рассказала о каждом из этих близких родственников. Мой рассказ очень заинтересовал Михаила Агарунова. Рассказ получился живым, эмоциональным, мой собеседник ничего не знал ранее об этих интересных людях.

Сергей Иванович и Амалдан проявили живой интерес к фотографиям альбома. Они их видели впервые. Я подробно рассказывала о фотографиях с Ильей Шеребетовичем, о людях, его окружавших. Неотразимое впечатление произвели на них фотографии Гюль-Бике — дочери Ильи Шеребетовича. Все восхитились ее красотой. Сергей Иванович и Амалдан попросили поочередно снять копии с фотографий. Я дала согласие.

Сюрпризом для всех стала переписка Ильи Шеребетовича со своей супругой. Некоторые фрагменты я зачитала вслух. Оригинальность мыслей и эмоциональность изложения произвела на всех сильное впечатление.

В заключение встречи я отрывочно познакомила их со своими воспоминаниями о семье. Они оценили по достоинству мой материал и пожелали, чтобы он был опубликован. На этом мы завершили нашу встречу, но она явилась началом наших творческих отношений.

Спустя короткое время мне позвонил Амалдан с просьбой доснять некоторые фотографии. Для этого он пригласил меня к себе домой. Обстановка произвела на меня впечатление: вокруг было бесчисленное количество

книг и рукописей, на столике стояла печатная машинка, заправленная чистым листом бумаги, рядом с пишущей машинкой лежала рукопись. Жена Амалдана отлучилась ненадолго, чтобы угостить меня чаем с печеньем и конфетами и дальше продолжить печатание. Здесь была обстановка каждодневной, напряженной работы.

После недолгой беседы и фотографирования Амалдан подарил мне свою замечательную книгу «Эхо минувших и зов грядущих эпох» (М., 1977). Это большая книга была проиллюстрирована талантливым художником А.А. Сениным. Свою книгу Амалдан подписал мне на память:

«Маргарите Даниловне Анисимовой — сородичу. Древнейшая мудрость нашего народа для каждодневного чтения. Искренне, в знак творческой и человеческой дружбы.

А. Кукуллу. 30 марта 1998 г., Москва».

Так в последний раз я встречалась с замечательным поэтом, сказочником, фольклористом, ученым А. Кукуллу. Вскоре он умер.

Дружба с горскими евреями продолжается. Я принимаю участие в главных мероприятиях, организуемых благотворительным фондом СТМЭГИ.

ГЛАВА VIII

2000-е годы

Включение материалов семейного архива Анисимовых в экспозицию выставки «Человек — архив — история» <i>Выставочный зал «Беляево», 2000 г.</i>	466
Мое участие в организации Детского музыкального фестиваля «Моцартини»	467
<i>Как все начиналось</i>	
<i>Вот она, Италия!</i>	468
<i>Открытие фестиваля «Моцартини»</i>	474
<i>Незабываемые вечера фестивальной жизни</i>	477
<i>Рим, Салерно и Тирренское море</i>	480
<i>Возвращение в Москву</i>	490
<i>Гимн фестиваля «Моцартини»</i>	
Тихон Николаевич Хренников — почетный член оргкомитета музыкального фестиваля «Моцартини»	491
Драгоценный подарок судьбы. Дружба с семьей Т.Н. Хренникова	497
<i>Незабываемые впечатления от концертов Т.Н. Хренникова</i>	
<i>Домашний очаг семьи Хренниковых, где любят,</i> <i>вселяют надежду и помогают людям</i>	506
<i>Кончина Тихона Николаевича Хренникова</i>	509
<i>Дом-музей Т.Н. Хренникова в Ельце</i>	512

Как отмечалось 140-летие со дня рождения видного этнографа Кавказа И. Ш. Анисимова	518
<i>Отклики прессы на празднование юбилея И.Ш.Анисимова</i>	520
Жизнь становится интересней, разнообразней	523
<i>Мое знакомство с членом Союза писателей России Т.В. Кузнецовой</i>	
<i>Творческий вечер поэта Аллы Рустайкис</i>	525
<i>Творческое содружество Людмилы Лядовой с участниками музыкального фестиваля «Моцартини»</i>	530
Выставка, посвященная Году семьи, в галерее «Беляево», сентябрь–октябрь 2008 г.	534
<i>«Из семейного архива: Пилюгины, Анисимовы, Остольские» Выступление Л.А. Лядовой</i>	538

Включение материалов семейного архива Анисимовых в экспозицию выставки «Человек — архив — история»

*Выставочный зал «Беляево»,
сентябрь—октябрь 2000 г.*

*СИГУРД
ОТТОВИЧ ШМИДТ,
академик,
доктор исторических
наук, автор многих
научных трудов
по истории России*

Меня беспокоила судьба семейного архива. Я понимала, что внуки, выросшие на итальянской культуре, не будут заниматься историей своего рода с российскими корнями. В то же время я осознавала ценность имеющихся материалов для архивистов и историков. Поэтому в Москве я продолжала свою деятельность по передаче материалов в архив. Особенно почетно и приятно для меня было участие в выставке «Человек — архив — история», проходившей в выставочном зале «Беляево» с 30 августа по 24 сентября 2000 года.

Целью выставки было познакомить любителей истории нашей страны с уникальными документальными источниками по истории России и Москвы. Выставка была очень разнообразной и содержательной: на ней была представлена Москва XIX века, бытовой уклад начала XX века, наука, культура и искусство, показаны материалы из 82 семейных и личных архивов.

Среди материалов были представлены автографы Д.Д. Шостаковича, М.П. Чеховой, И.В. Ильинского, Ф. Раневской, В.С. Высоцкого; материалы о писателе и литературоведе А.И. Цветаевой. Выставка была многолюдной, она вызвала большой общественный резонанс.

Большое впечатление на открытии выставки на меня произвело выступление Сигурда Оттовича Шмидта (1922–2013). Он говорил о важности создания и сохранения личных собраний, воспоминаний, писем, документов. Это обогатит и, в конечном счете, сделает более достоверной историю России.

Мое участие в организации Детского музыкального фестиваля «Моцартини»

Как все начиналось

В одно октябрьское воскресное утро 2000 года в моей квартире раздался прерывистый звонок телефона. Я быстро сняла трубку. Звонила моя дочь Анна, которая проживала в Италии с мужем и детьми.

— Мама! В нашем городе будет проходить детский музыкальный фестиваль, нужны скрипачи, — оживленно говорила она.

После звонка дочери я была в растерянности. «Где найти таких детей?» — думала я. Задание было для меня неожиданным.

В Москве множество музыкальных школ, и, без сомнения, в них учатся множество способных детей. И тут же подумалось: а что если обратиться в «Мерзляковку» (так негласно называют Академическое музыкальное училище при МГК им. Чайковского) и повезти на фестиваль самых одаренных детей? «Это нереально, — размышляла я, — ведь такие дети нарасхват: у них уже наверняка запланированы участия в конкурсах, фестивалях на целый год вперед. И все-таки вдруг откликнутся на мое предложение?»

И вот я в стенах Академического музыкального училища, обращаюсь в дирекцию с предложением о поездке на фестиваль в Италию, меня

направляют в класс к преподавателю Алле Викторовне Вандышевой.

Небольшой уютный класс, где ведет занятия Алла Викторовна, несет атмосферу радостного творчества. На стенах фотографии выдающихся скрипачей, репродукции замечательных живописцев (как после выяснилось, это выбирали сами дети во время походов по музеям), рояль, пюпитры, цветы...

Самое первое впечатление от Аллы Викторовны: обаятельная, элегантная артистичная женщина, подвижная и эмоциональная. Она с радостью откликнулась на мое предложение. В тот момент у меня были сомнения в реальной возможности такой поездки, слишком сложно было обратить прекрасную сказку в реальность, но Алла Викторовна, посмотрев на меня веселым быстрым взглядом, успокоила: «Не волнуйтесь, если есть большое желание поехать, то у нас все получится!»

Так все и получилось!

Вот она, Италия!

Вблизи от всем известного города Помпеи, в живописных горах есть небольшой старинный итальянский городок с красивым названием Монтекорвино Ровелла. Летом 2001 года здесь состоялся 1-й Международный музыкальный фестиваль «Моцартини», который был посвящен величайшему музыкальному инструменту — скрипке и в котором принимали участие исключительно самые молодые музыканты.

Хочу поделиться впечатлениями от этой поездки. После длительных оформлений, согласований и уточнения программы и условий фестиваля в конце июня 2001 года самолет с группой из 12 человек, представлявшей Академическое музыкальное училище при Московской Государственной консерватории им. П.И. Чайковского, взлетел над аэропортом Домодедово и взял курс на Неаполь.

Группа состояла из восьми детей: семь скрипачей разного возраста и один пианист. Возраст колебался от 12 до 17 лет. Сопровождали группу педагог, художественный руководитель А.В. Вандышева и два концертмейстера: Каринэ Авакянц и Ирина Куксова.

В роли администратора группы выступала я. Многие дети впервые летели на самолете. Я сижу в одном ряду с Костей Пленкиным (он учится в классе

«ВИД РИМА», художник А.И. Писарев

Аллы Викторовны недавно, приехал из города Кирова) и с Володей Фарковым, он единственный пианист из всей группы детей.

Мы вглядываемся в иллюминаторы, самолет набирает высоту, от нас стремительно отдаляется земля, превращаясь в игрушечные зеленые квадратики, и я чувствую, что дети испытывают первые в жизни волнующие ощущения от полета.

Мы любуемся причудливой формой сияющих облаков, напоминающих ослепительные горные вершины и то попадаем в сплошное облачное «молоко», то выныриваем из него и оказываемся в самом центре пронзительно-голубого неба. На мальчиков впервые увиденная красота производит сильное впечатление. Костя из молчунов, но очень взволнован, с Володей же мы постепенно разговорились, и я сразу почувствовала, что говорю с музыкантом, для которого мир музыки это и есть его жизнь. Володя рассказывал мне о воспоминаниях Генриха Нейгауза, эту книгу он прочитал совсем недавно, и даже приводил отсюда некоторые его высказывания. Говорили и о современных исполнителях. Конечно, из всех исполнителей-пианистов он особо выделял и проявляет большой интерес к Михаилу Плетнёву, а из совсем тогда молодых его кумир — Денис Мацуев.

*Член оргкомитета
фестиваля
АННА ПИСАРЕВА
и руководитель
русской группы фестиваля
АЛЛА ВАНДЫШЕВА*

Между тем самолет продолжал свой полет. Наступило время снижения, и все с интересом прильнули к иллюминаторам — вот она, Италия! Внизу синее и сверкает Тирренское море, появляются очертания гор, зеленые долины, множество домов с красными черепичными крышами, некоторые смотрят на карту и сверяют ее с живой картой, которая раскинулась под нами. И вот наконец самолет приземлился в аэропорту города Неаполя.

В аэропорту нас встретили моя дочь Анна со своей подругой Антонеллой. Сколько долгих месяцев Алла Викторовна и Анна вели оживленный диалог по телефону и переписывались по электронной почте, и вот наконец они увидели друг друга! После первых ознакомительных взглядов глаза их потеплели, было видно, что они понравились друг другу и были рады долгожданной встрече на итальянской земле.

Мы едем в автобусе всей русской группой, из окон видны меняющиеся живописные картины природы: мягкие очертания зеленовато-голубых гор, залитых ослепительным золотым светом, стройные высокие пальмы, лавровые деревья, а вот простирающееся перед нами чудо: апельсиновые, лимонные и оливковые рощи. Наши дети все это видят впервые, и восклицаниям и восторгам нет конца!

Монтекорвино Ровелла, Италия

Дорога ведет все дальше и дальше, в сторону Монтекорвино. Анна знакомит нас с Антонеллой, высокой милой блондинкой. Антонелла после окончания филологического факультета (русское отделение Университета Салерно) повышала квалификацию в Московском университете, любит русскую культуру и с увлечением изучает русский язык. Антонелла все время шутит.

Анна знакомит нас с программой фестиваля, объявляет, что выступление нашей группы намечено на третий день.

— Днем у нас очень жарко, знойно, температура 40 градусов и выше, и вам придется изменить свой привычный режим. Репетировать можно только утром, днем — отдых, пока не спадет жара, а вечером в 20.00 или в 21.00 и до поздней ночи у нас будут концерты и другие мероприятия, — объявила Анна.

Кажется, нашим детям понравился такой график итальянской жизни, но по-настоящему они оценили его после, когда полностью включились в фестивальную жизнь.

— А сейчас мы приближаемся к нашему городку, где будет проходить фестиваль, — продолжает Анна. — Справа от нас открывается вид на высокую гору необычайной красоты, на фоне изумрудной зелени высится и как бы плывет белоснежная церковь «Богоматерь вечности». Возникновение нашего городка неразрывно связано с его историческими окрестностями, мы

обязательно посетим эти места, — обещает Анна.

Наконец мы въехали в город Монтекорвино Ровелла, он находится в горах. Город старинный, с интересной и романтической историей. Пока Анна и Антонелла рассказывают нам эту историю, наш автобус виртуозно лавирует по средневековым узеньким улочкам. Нас удивляет, что на этих улочках нет тротуаров, но водители ведут себя очень корректно и терпеливо пропускают пешеходов, даже если они очень медлительны. И вот наш автобус выезжает на главную городскую площадь, где соорудили специальную сцену и идут последние приготовления. Совсем скоро она будет украшена плакатами фестиваля и оснащена особым освещением и микрофонами.

— А сейчас мы направляемся в монастырь Сан Пьетро, где будут проводиться организационные мероприятия и где вы будете репетировать, — уточняет Анна.

Мы подъезжаем к этому монастырю и останавливаемся перед его величественным фасадом. Входим во двор, там уже слышится людское многоголосье.

В центре двора изящная скульптура Святой Девы Марии, которая возносит свои молитвы Господу Богу (наверно, и за нас в том числе). Над этой фигуркой квадрат чистого синего неба. В самом дворике толпа взрослых и детей. Все возбуждены нашим приездом, Анна знакомит нас с Доном Джерардо, настоятелем этого монастыря.

Дон Джерардо — худощавый человек средних лет, его глаза излучают необыкновенную сердечность и доброту, и после мы узнали, что именно Дон Джерардо приложил немало усилий для того, чтобы этот фестиваль состоялся.

Затем нас знакомят с официальным организатором этого фестиваля Домиано Каралуццо. Домиано — живой, очень подвижный и обладающий поистине итальянским темпераментом и обаянием, вокруг него толпа детей, которых он во время деловых разговоров с взрослыми успевает подбодрить, повеселить и погладить по голове. Сразу видно — дети его обожают. Как мы поняли потом, в городе особое, любовное отношение к детям независимо от того, чужие это дети или свои.

Несмотря на почти бессонную ночь перед вылетом, волнения, усталость, Алла Викторовна быстро организовала маленькое приветствие-концерт прямо на этой площади. Москвичи достали из своих футляров скрипки и после быстрой настройки сыграли несколько небольших пьес из своего

большого репертуара, который они привезли на фестиваль. Множество итальянских детей сидело на корточках, их черные угольки глаз были устремлены на исполнителей, за ними в толпе стояли взрослые. Даже в этом небольшом музыкальном импровизированном концерте юные музыканты проявили мастерство и талант. Выступление ансамбля было вознаграждено щедрыми аплодисментами и восторженными возгласами. «Беллиссимо, браво...» — слышались детские и взрослые голоса.

После такого музыкального приветствия было решено, что наши юные музыканты устаиваются чести открывать фестиваль, что, конечно, их порадовало. Затем из монастырского дворика нас привели в небольшую комнату, где рядами стояли стулья, а напротив — длинный стол. Было много народу, что-то оживленно обсуждалось.

— А сейчас, — обратилась к нам Анна, — мы будем распределять детей по семьям.

И уже на итальянском языке обратилась к женщинам, стоявшим у стола. Началось распределение детей по семьям. Добрые, великодушные женщины, проживающие в этом городе, искренне радовались детям, которых они будут одаривать своей заботой и теплом во время Фестиваля. Ведь они принимают детей не впервые: во многих семьях этого города с радостью принимали детей из Украины и Белоруссии, пострадавших после трагедии в Чернобыле.

На следующий день, накануне открытия фестиваля, русская группа музыкантов собралась для репетиции в одной из комнат монастыря Сан Пьетро. Отныне здесь будут проходить все репетиции наших ребят, расписание очень плотное, ведь у каждого, помимо общего ансамбля, состоящего из семи скрипачей, есть своя сольная программа и дуэты, которые тоже необходимо тщательно отрепетировать.

Алла Викторовна (здесь, в Италии, Алла превратилась в Альвию, так на итальянском звучит лучше) и два замечательных концертмейстера, Каринэ Георгиевна Авакянц и Ирина Николаевна Куксова, проводили репетиции вместе. Они постоянно с большой самоотдачей работали с детьми. Часто на репетиции можно было слышать их точные, полезные советы и замечания. Снова и снова оттачивались фразировка, штрихи, находили для каждой пьесы свое звучание и настроение. Иногда на ходу корректировали инструментовку. Необходимо было хорошо выстроить программу всех наших выступлений,

так как музыки было много, но надо также знать, как наши выступления впишутся в программу всех семи концертов фестиваля.

Вот из всех этих прекрасных юных творческих личностей надо создать единый организм, который и называется ансамблем.

Репетиция окончена, завтра торжественное открытие фестиваля. Во всех помещениях монастыря чувствуется большое оживление. За длинными столами сидят организаторы, они раздают брошюры, буклеты, фестивальные майки и шапочки, маленькие портфели для нот и даже большие яркие прищепки, чтобы ветер, не дай бог, не сдул ноты с пюпитров во время выступления.

Кругом царит радостное волнение, одни еще репетируют, другие выясняют организационные вопросы, которых очень много. Разноязыкий гул, звуки музыки, вокруг снуют дети в ярких красочных нарядах, это местный хореографический коллектив, который тоже будет принимать участие в открытии фестиваля. Во всем чувствуется радостное ожидание праздника.

Открытие фестиваля «Моцартини»

Наступил день открытия Первого фестиваля юных скрипачей «Моцартини». Все участники собрались на площади монастыря Сан Пьетро. Кроме музыкантов Монтекорвино Ровеллы здесь собрались юные дарования и из других городов Италии: Рима, Венеции, Болоньи, Бари, Салерно. Из стран зарубежья были представлены Россия, Польша и Финляндия.

Началось праздничное шествие, которое возглавляли мэрия города, католические священнослужители и, конечно, самый главный организатор фестиваля Домиано Каралуццо. Шествие направилось в сторону главной городской площади, где на специально выстроенной сцене и должны были проходить все концерты фестиваля.

На площади был устроен импровизированный концертный зал. На первых рядах сидели мэр города Альфонсе Белле Корте, почетным гостем был мэр соседнего городка Джиффони синьор Алле Пьян. Кстати, в этом небольшом городе проводится очень известный ежегодный Международный фестиваль детских и юношеских фильмов.

Много было и других почетных гостей, представителей разных

Дети, участники фестиваля «Моцартини»

общественных организаций, деятелей культуры, спонсоров. За нами несколько рядов занимали дети. Они выглядели очень живописно — все были в ярких разноцветных майках, на головах красовались такие же яркие шапочки с эмблемой фестиваля. Дальше места занимали горожане, их было так много, что все уголки площади были буквально забиты местным людом. Сбоку площади установили большой широкий экран, так что, несмотря на тесноту, всем было все видно и слышно. Люди с балконов ближайших домов выкрикивали приветствия участникам фестиваля, и настроение у всех было очень приподнятое и радостное.

Вначале шли официальные приветствия. Потом началось выступление самих участников фестиваля — на сцену вышла большая разновозрастная группа детей Монтекорвино Ровелла со скрипачками — это и есть ансамбль «Моцартини». С ними вышел и наш ансамбль, они спели и сыграли чудесный гимн фестиваля, написанный синьором Домиано специально к открытию. Мелодия этого гимна была настолько проста и красива, что постепенно вся фестивальная площадь подхватила его. Дирижировал сам Домиано, было видно, что сначала он был очень взволнован, но гимн имел успех. Так начался фестиваль. Домиано был счастлив.

Танцевальная детская студия Монтекорвино Ровелла тоже приготовила к открытию фестиваля свое выступление-сюрприз: яркие замечательные танцы, потрясающе красивые костюмы. Музыка звучала самая разная, от фрагмента из оперы «Кармен» Бизе и «Ave Maria» до народной итальянской и современной музыки.

Интересно, что в этом детском коллективе может заниматься любой ребенок и подросток, имеющий большое желание научиться хорошо танцевать. При этом наличие у детей танцевальных способностей не обязательно. Но интересная, яркая постановка, красочные костюмы, прекрасная музыка в целом представляют собой запоминающееся зрелище. Зрители в восторге и награждают исполнителей бурными аплодисментами.

В первый день русской группе была предоставлена возможность выступить со своей программой. Из всего репертуара были выбраны небольшие, но самые яркие пьесы, в которых бы проявилась вся индивидуальность нашего

ансамбля. Были исполнены произведения Генделя, Моцарта и, конечно, русского композитора Георгия Свиридова. Дети играли с большим вдохновением, свободно, легко, над площадью лились чистые голоса скрипок, исполнители тонко выявляли неповторимые особенности стиля исполняемых произведений. Зал по достоинству оценил наших юных исполнителей, наградив их долгими аплодисментами и криками «Браво... Беллissimo».

В этот вечер выступало много скрипичных ансамблей, некоторые произвели на нашу группу прекрасное впечатление.

Об открытии Фестиваля в Монтекорвино Ровелла узнала вся Италия, были репортажи по ТВ, а также статьи и заметки во многих газетах Италии.

Незабываемые вечера фестивальной жизни

День за днем фестиваль становился все интереснее и набирал свою силу. Каждое утро в монастыре Святого Петра проходили репетиции участников, создавались совместные оркестры и ансамбли из скрипачей разных стран, завязывались дружеские и творческие контакты. Русская скрипичная школа заинтересовала преподавателей из Италии, и наша Альвия дала мастер-класс, где с удовольствием делилась секретами «русского смычка».

Хочется сказать еще об одном участнике нашей команды из России, это пианист Володя Фарков. Каждый раз, возвращаясь с репетиций, мы, проходя мимо фестивальной площади, наблюдали одну и ту же картину: под палящими лучами солнца Володя сидит за роялем. Он проводил часы за инструментом, забыв про обед, не реагируя на слепящее солнце и жару, отвлекающий шум площади. Вечером ему предстояло ответственное выступление.

Выступление Володи было успешным, жители Монтекорвино очень полюбили его за его талант, усердие и удивительную скромность, и каждый раз при встрече говорили ему теплые слова и даже старались угостить чем-нибудь вкусным и сладким, например мороженым.

Шли дни, проходили фестивальные вечера, наши дети выступали во всех концертах. Играли не только большим ансамблем, но и дуэтами, и соло. Обычно мы выступали последними, далеко за полночь, это было непросто, ведь в Москве в это время спят даже полуночники. Но итальянцы нам

объяснили, что самые хорошие номера должны заключать концерт, и от этой тяжелой участи нам так и не удалось уйти. Но зато играли наши дети действительно хорошо.

Город продолжал жить фестивальной жизнью. Недалеко от главной площади, на узенькой улочке вечерами было особенно оживленно. Открывались широкие массивные двери одного из высоких каменных старинных домов, со всего городка туда спешили дети с родителями, и постепенно все окружающее пространство наполнялось гулом детских голосов. Массивные белокаменные стены внутреннего помещения были сплошь увешаны детскими рисунками, они были выполнены с большой фантазией, авторы этих картин не жалели ярких красок. Многие дети, участники танцевального коллектива, занимаются также живописью, и почти все они являются учениками музыкальной школы синьора Домиано Каралуццо, обучающего игре на скрипке.

Но сейчас все готовятся к вечерним танцевальным представлениям, родители помогают наряжать своих детей в разноцветные пачки, сценические костюмы, а командует всем этим парадом монументальная фигура Микеле Мелилло. Он и есть художественный руководитель Школы танцев.

Жители Монтекорвино Ровелла, этого небольшого живописного городка, горячо обсуждали все выступления. На тесных улочках, в магазинах, на местном базарчике всех артистов узнавали, а те, кто особенно полюбился публике, получали комплименты и лучезарные итальянские улыбки. Родители артистов с гордостью говорили о своих детях, игравших на скрипке, певших в хоре, танцевавших на площади или участвовавших на большой выставке детского рисунка.

Но вот наступил день закрытия Фестиваля. Так же, как и в день открытия, площадь была торжественна и нарядна. Казалось, что весь город пришел попрощаться с этим праздником. С балконов и окон свешивалась публика, не успевшая занять места на площади, они посылали приветствия, и каждое выступление сопровождалось шумными одобрительными возгласами.

Опять, уже в последний раз, звучал гимн фестиваля. Потом выступали ансамбли и оркестры, которые родились здесь, в дни фестиваля, дети из

Открытие фестиваля в Монтекорвино Ровелла, Италия

*Самые юные
«Моцартини»*

разных городов и стран музицировали вместе. Коллективы и их руководители получали дипломы и памятные подарки. Алла Викторовна Вандышева тоже получила свой диплом, тут же показала его нашим детям, которые уже стояли на сцене и готовились к своему последнему выступлению на фестивале. Мы, как всегда, замыкали это торжественное действо. Ансамбль в этот вечер играл особенно проникновенно, были исполнены «Баркарола» Чайковского, «К музыке» Шуберта, «Вешние воды» Рахманинова.

Надо сказать, что специально к этому дню мы приготовили сюрприз — выучили три неаполитанских песни с местным гитаристом и певцом. Этот номер имел особенный успех у публики, чувствовалась необыкновенная атмосфера любви и единения между народами России и Италии.

Заключительный концерт завершился далеко за полночь. Высокое темное небо, щедро усыпанное крупными звездами, дарило земле долгожданную прохладу, а музыка со старинной площади продолжала еще долго-долго звучать, и эти дивные звуки лились над узкими притихшими улочками, пока не смолкли совсем.

Рим, Салерно и Тирренское море

После закрытия фестиваля наша группа, по любезному приглашению Домиано Каралуццо, осталась еще на одну неделю. Эта неделя была также насыщена новыми яркими впечатлениями. Продолжались выступления нашей группы, но уже не в рамках фестиваля. Дети выступали в самых неожиданных местах: на веранде местной пиццерии, в маленьких уютных двориках, где слушателями были жильцы ближайших домов. Они выносили во двор свои стулья, чинно рассаживались и очень внимательно вслушивались в игру наших детей. Когда юные музыканты начинали играть, звуки прекрасной музыки преображали будничную атмосферу двора. Взрослые и дети устремляли свои взоры на наших скрипачей, и в их глазах читался восторг и удивление тем, что такие юные музыканты своим исполнением могут так глубоко затронуть их сердца. Лица пожилых людей светлели, разглаживались, их покидали мелкие повседневные заботы, словом, они преображались на глазах. Маленькие дети также затихали, чувствуя атмосферу торжественности.

Короткий концерт окончен, и вдруг к музыкантам пробивается пожилой человек с палочкой. Он только что появился во дворе, услышав звуки чарующей музыки, и вдруг музыка окончилась. «Как жаль!» — говорило его лицо. Но, к сожалению, это был не концерт с определенным временем начала и конца, а всего лишь прекрасная мимолетная импровизация.

Особенно хочется отметить большой концерт русских юных музыкантов в монастыре Святой Марии, который состоялся в самые последние дни нашего пребывания в Италии и был значительным музыкальным событием для нашей группы.

Настоятель монастыря падре Фульвио, человек со строгим красивым лицом и статной фигурой, дал приют нашим музыкантам-педагогам. Алла Викторовна и два концертмейстера жили в этом мужском монастыре в настоящих кельях. Монастырь являл собой величественное зрелище. Он находился в самой высокой точке города и был виден издалека. Входя во внутренний двор монастыря и поднимаясь по широкой, выложенной плитам лестнице, испытываешь ощущение вечности. Огромной толщины древние стены как бы погружают тебя в совсем другой мир, и ты остаешься в полном одиночестве, необычайной тишине и покое, в которых так нуждались наши преподаватели после бурного и шумного дня. Такой приют был огромным подарком для наших преподавателей, и у них возникло естественное желание дать концерт прихожанам этого монастыря и самому падре Фульвио.

Заканчивалась вечерняя служба в храме монастыря, католические священники были еще в своем торжественном облачении, прихожане молились. Но вот служба закончилась, и началось необычное приготовление к нашему концерту. Привезли и поставили пианино, пюпитры, проверили, где должны стоять музыканты, место отвели им самое почетное — у Врат Божьих, скрипки оттуда звучали необыкновенно красиво.

Прошло некоторое время, и в зале появились священнослужители уже в светской одежде. Падре Фульвио, синьор Домиано и другие знакомые лица уже заняли свои места; прихожане, знавшие о концерте, заполнили большой зал.

Храм, где совершаются постоянные богослужения, пронизан этой божественной животворящей силой. Исполнители и слушатели сразу почувствовали всеми силами своей души высочайшую духовность. Поэтому

*Выступление участников фестиваля «Моцартини»
в монастырях Монтекорвино Ровелла: Сан Пьетро, Санта Мария*

1.

2.

1. Выступает известный итальянский композитор Ренато Рашель, автор популярной песни «Arrivederci Roma»
2. На сцене пардре Фульвио (справа) и ведущие концерта
3. Обсуждение программы мероприятия

концерт в монастыре отличался от светских концертов особой теплотой и проникновенностью, казалось, юные музыканты играют не только для благодарных слушателей, но и для самого Бога. Здесь, пожалуй, впервые звучала музыка наших величайших композиторов-классиков: Чайковского, Рахманинова, Прокофьева, Шостаковича, Свиридова. Эту музыку все поняли и приняли всем сердцем. Каждый из исполнителей явил слушателям свое неповторимое дарование — все были счастливы. Падре был очень растроган и в знак признательности подарил детям литографии с видами на его монастырь.

Уезжая из Москвы на фестиваль в Италию, дети имели два больших желания: успешно выступить и понравиться итальянской публике, и второе заветное желание — собственными глазами посмотреть эту чудесную страну.

Сразу после закрытия фестиваля наша группа отправилась в Рим. В один день дети и их преподаватели преодолели восемь часов пути туда и обратно, лишь бы увидеть этот вечный, красивейший город мира. И вот то, что дети знали по учебникам истории, многочисленным документальным и художественным фильмам, вдруг ожило перед ними во всем своем великолепии. Они увидели Колизей, побывали на площади Святого Петра, как зачарованные, ходили по знаменитому собору и впитывали в себя вселенскую гармонию человеческого гения. Потрясение было от «Пьеты» Микеланджело.

Ватикан, знаменитые мосты реки Тибр и ее древние живописные берега, площадь Венеции, знаменитые развалины — вот где дети вдохнули в себя воздух Вечности.

Интересна была поездка в город Салерно, находящийся на юге Италии. Здесь дети гуляли по живописной набережной, любуясь разнообразными экзотическими деревьями. Нежно-розовый, фиолетовый, красный, оттенки зеленого, — все эти цвета берега сочетались с искрящимся на солнце изумрудом морского прибоя. А какие виды открывались нашему взору — сине-голубые горы как бы таяли в небесной морской дали. Мы были заворожены всей этой красотой.

*Посещение участниками фестиваля
Оперного театра имени Д.Верди,
Салерно, Италия*

Совершая прогулку, мы вышли к Оперному театру им. Д. Верди. Театр уже не работал — кончился сезон, но служители, узнав, что мы музыканты из Москвы, с удовольствием впустили нас и показали свой театр.

Это был старинный театр, небольшой и очень уютный. В фойе мы увидели прекрасную скульптуру знаменитого композитора Перголези. Он умер рано, но успел увековечить свое имя поистине гениальной музыкой. Произвел впечатление небольшой уютный зал со сценой. Нам показали старинный занавес XVI века.

При входе в театр стоит специальный стенд, где расписываются знаменитости, нам с гордостью показали автограф Энрико Карузо.

Когда наша группа подлетела к Италии, всех завораживало, притягивало к себе омывающее берега Италии прозрачно-голубое необъятное Тирренское море. После окончания фестиваля детям представилась счастливая возможность трижды выехать к его живописным берегам, побарахтаться в его теплых, ласковых волнах, позагорать, полежать на золотом песке, вслушиваясь в многообразные ритмичные звуки морского прибоя. В эти часы они чувствовали себя просто счастливыми. Дети становились беззаботными, подвижными и озорными.

Но вот подошло время неизбежного расставания. Быстро промелькнули две недели. Накануне отлета в Москву Анна и я заехали на виллу, где гостил Володя Фарков. В просторной комнате с широкими высокими окнами, выходящими в тенистый сад, сидел за роялем Володя. Мы тихонько сели рядом и стали слушать его замечательную игру. По лицу синьоры Риты, хозяйки этой виллы, было видно, что игра Володи производит на нее большое впечатление. Эта добрая интеллигентная женщина всю жизнь посвятила преподаванию музыки и слушала Володю как профессионал. Она не говорила по-русски, так же и Володя не знал итальянского языка. Но как тонко и возвышенно могли общаться они друг с другом посредством музыки!

Мы вышли в живописный сад и стали разговаривать. Володя задумчиво

*Вместе
с АЛЛОЙ
ВАНДЫШЕВОЙ
и пианистом
ВЛАДИМИРОМ
ФАРКОВЫМ*

и с грустью смотрел на очертания величественных голубоватых гор, белокаменную стройную церковь Madonna dell' Eterno.

— Как я привык к этому виду голубых гор и бескрайнему небу. Пришло время расставаться, — сказал он с грустью.

Потом помолчал и после паузы обратился к Анне с деликатной просьбой:

— Я хочу, чтобы синьора Рита написала небольшое письмо моей маме в Москву. Она будет этому очень рада! И, если не затруднит, моей учительнице музыки.

Синьора Рита живо на это откликнулась и продиктовала очень теплые и искренние слова, которые Анна перевела.

Возвращение в Москву

На следующий день мы вылетали и Москву. Раннее утро на городской площади. Собралась наша группа, пришли провожать и «родители» наших детей (мы называли так добрые, гостеприимные итальянские семьи, в которых проживали наши дети во время фестиваля), и наши новые итальянские друзья. Мы сели в автобус, везший нас в аэропорт. Когда автобус тронулся, вслед нам махали итальянские друзья, в глазах у них стояли слезы.

А спустя некоторое время самолет авиакомпании «Ист Лайн» уже набрал высоту и летел в Москву. Сидя в самолете, я встретила взглядом с Аллой Викторовной, и в эту минуту, вероятно, мы подумали об одном и том же: «Если очень хочется осуществить свою мечту, то обязательно получится».

В заключение мне хочется привести русский текст гимна фестиваля «Моцартини».

Гимн фестиваля «Моцартини»

Бьется сильнее сердце ребенка,
Когда в его руках скрипка.
Смотри, как горят его глаза,
Когда в его руках настоящая скрипка!

Припев:

Если ты ребенок и играешь на скрипке,
Ты еще не знаешь, но ты — Моцартини!
Я ребенок и играю на скрипке.
Теперь я знаю, что я — Моцартини.

У Моцартини открытое сердце, он знает, что сможет
Жить по-настоящему, когда в его сердце СКРИПКА.

Тихон Николаевич Хренников — почетный член оргкомитета музыкального фестиваля «Моцартини»

Вернувшись из Италии с фестиваля «Моцартини», первым делом я поделилась переполнявшими меня чувствами с Тихоном Николаевичем. Он искренне радовался такому успеху наших юных дарований, подробно интересовался программой выступлений, спрашивал, как жилось там ребятам и какие памятники культуры она осмотрели. Тихон Николаевич был восхищен инициативой Италии в проведении музыкального фестиваля. На следующий год он обратился к участникам Второго фестиваля «Моцартини» с такими словами:

«Сердечно приветствую Фестиваль детского музыкального скрипичного исполнительства.

Тысячи детей тянутся к музыкальному искусству. Не знаю, как в других странах, но в России большое количество талантливых детей. Кроме того, Россия обладает сильнейшими педагогами и замечательными педагогическими традициями.

Просто удивляешься, как быстро музыкально созревают дети: к 15–16 годам уже некоторые из них становятся виртуозами в своем искусстве. Прекрасно, что на этом фестивале дети смогут показать все свои достоинства, и, несомненно, он будет большим стимулом для их дальнейшего развития.

Тихон Хренников,
профессор Московской консерватории
6/VII 2002 г.».

*Т.Н.ХРЕННИКОВ с моей внучкой
АЛЕКСАНДРОЙ АНДЖЕЛОТТИ
на спектакле «Чудеса, да и только»
в музыкальном театре им. Н.Сац*

Итальянские музыканты и слушатели были покорены исполнительским талантом юных музыкантов и русской школой скрипичного мастерства. Зимой 2002 года группа итальянских музыкантов во главе с директором фестиваля Домиано Каралуццо приехала в Москву по приглашению Академического музыкального училища при Московской консерватории. В Москве им был оказан самый сердечный прием. Они побывали на мастер-классах в консерватории и в училище, посетили наши театры и художественные музеи мирового значения.

Тихон Николаевич пригласил итальянских музыкантов в уникальный Детский музыкальный театр имени Наталии Сац на премьеру мюзикла «Чудеса, да и только». Итальянские музыканты были восхищены самим театром и, конечно, музыкой Тихона Николаевича. На следующий день композитор оказал им высокую честь, пригласив к себе домой.

Прием был очень радушным. Тихон Николаевич рассадил всех гостей за широкий стол и, как принято в этом доме, угощал от всей души по русскому обычаю. Конечно, много говорили о музыке. Тихон Николаевич рассказывал о подготовке к предстоящему конкурсу им. П.И. Чайковского в Москве, о появлении новых одаренных пианистов и скрипачей в России и мире. Живо интересовался состоянием музыкального искусства в Италии. Спрашивал, какие достопримечательности гости из Италии посетили в

Сердечно приветствую Фестиваль детского
музыкального сценичного исполнения.
Многие дети стремятся к музыкальному
искусству. Не знаю, как в других странах,
но в России большое количество талантливых
детей. Кроме того Россия обладает сильнейшей
школой педагогов и замечательными
педагогическими традициями.
Просто удивительно, как много талантливо
созревает детей — к 15-16 годам ~~уже~~ ^{уже}
становятся виртуозами в своем искусстве.
Красиво, что на этом фестивале дети
смогут показать все свои способности и,
несомненно, он будет большим стимулом
для их дальнейшего развития.

Михаил Хренников
профессор Московской Консерватории

6/12/2017.

*Вручение памятного приза Тихону Хренникову
на фестивале «Моцартини», Италия*

Москве. Потом он пригласил всех в рабочий кабинет, где мы продолжили с ним увлекательную беседу.

Каждый из присутствующих хотел сохранить память о выдающемся композиторе. Все гости много с ним фотографировались, предусмотрительно захватили с собой книги, ноты, и Тихон Николаевич каждому написал сердечные слова, пожелания успехов в творчестве, в проведении предстоящего музыкального фестиваля.

Для всех участников Третьего музыкального фестиваля было большой честью получение из Москвы сердечного приветствия Тихона Хренникова, лауреата учрежденной ЮНЕСКО Золотой медали Моцарта за 2003 год. Композитор писал:

«Я счастлив приветствовать Третий международный фестиваль скрипичной музыки в Монтекорвино Ровелла. Каждое проведение такого фестиваля является демонстрацией дружбы между музыкальными культурами Италии и России, демонстрацией растущего мастерства юных музыкантов многих стран.

Я восхищен инициативой Италии в проведении этого музыкального праздника и желаю только, чтобы огонь этой инициативы никогда не угасал, хвала и честь организаторам этого фестиваля!»

Так Т.Н. Хренников стал почетным другом ежегодно проводимого фестиваля «Моцартини» в Италии, на котором традиционно звучали произведения русской и зарубежной классики. На Третьем фестивале ансамбль юных скрипачей вдохновенно исполнил адажио из балета Хренникова «Гусарская баллада» и был награжден щедрыми аплодисментами слушателей из разных стран.

Мне посчастливилось на протяжении нескольких лет выезжать в Италию в качестве администратора русской группы фестиваля. Приехав в Москву, я сразу же звонила Тихону Николаевичу. Он всегда радовался нашим успехам. Вот его поздравление, адресованное художественному руководителю ансамбля скрипачей Вандышевой А.В.:

«Алле Викторовне с поздравлением за блестяще проведенный в Италии международный фестиваль русской исполнительской культуры. Bravo!!!

Тихон Хренников

16/VIII – 2003 г».

Большой честью и радостью для всех нас было ежегодное получение приветствий фестивалю от Т. Хренникова. Они зачитывались в день его открытия при большом стечении жителей Монтекорвино Ровелла. Тихон Николаевич писал эти приветствия, невзирая на свою большую занятость — постоянную работу со студентами композиторского отделения, приемы людей, обращавшихся к нему за помощью. Уместно напомнить, что в этот период времени он перешагнул 90-летний возрастной рубеж!

Эти приветствия он писал, вкладывая всю свою душу, огромный общественный темперамент. Написав приветствие, он склонялся над листком бумаги и задавал себе вопрос: «Ну что еще можно написать?»

Подумав, добавлял или вычеркивал ту или иную фразу. Потом перечитывал окончательный текст и вручал мне.

Делегация фестиваля «Моцартины» в гостях у ТИХОНА ХРЕННИКОВА

Получая заветный текст приветствия из рук Тихона Николаевича, я воспринимала этот жест как его благословение, и мне становилось легко на душе: думалось, что все будет хорошо, мы успешно выступим и благополучно вернемся на Родину живыми и здоровыми. Ведь на протяжении ряда лет в нашей группе было, вместе со взрослыми, до 20 человек, включая детей в возрасте от 11 до 17 лет. На взрослых лежала большая ответственность.

И действительно, ожидания наши всегда оправдывались. Участники группы получали большое творческое удовлетворение, радость и яркие впечатления от поездок.

Драгоценный подарок судьбы. Дружба с семьей Хренниковых

Незабываемые впечатления от концертов Т.Н. Хренникова

В трудные послевоенные годы не было ни приемников, ни телевизоров, а в домах висели самые примитивные тарелки-репродукторы, но они обладали волшебной силой. Через этот репродуктор я впервые услышала слова и чарующие мелодии: «Как соловей о розе поет в ночном саду...», «Ночь листвою чуть колышет, серебрится диск луны...», «И в какой стороне я ни буду, по какой ни пойду я тропе...», нежные пленительные звуки песни «Лунные поляны спят во тьме ночной».

В более осмысленном возрасте я запомнила фамилию композитора — создателя этих чудных мелодий — Тихон Хренников.

Мелодии Т. Хренникова были и остаются душой русского народа. Они звучали в День Победы 9 мая 1945 года, мелодии эти лились над ликующим от радости городом. Эта музыка объединяла людей разных поколений: от юношей и девушек до глубоких стариков. Позже музыка Хренникова стала частью моей жизни, как и миллионов других людей.

Эта музыка вошла в каждый дом, она звучала на домашних и школьных праздниках, в душевных студенческих компаниях, в парках и садах нашей любимой Москвы и далеко за ее пределами.

Сколько любимых всем народом замечательных фильмов с музыкой

Т. Хренникова наше поколение пересмотрело в кинотеатрах: «В шесть часов вечера после войны», «Поезд идет на восток», «Свинарка и пастух», «Верные друзья». Спустя десятилетия многие люди нашего поколения и молодежь никогда не переключают телевизор на другую программу, если видят на экране эти любимые нестареющие фильмы. Они вошли в золотой фонд нашей кинематографии во многом благодаря музыке Т. Хренникова.

Какая огромная сила воздействия на людей заключена в песне

«Прощание» — особенно это было в военные и послевоенные годы, но и сейчас! Слушаешь, и комок подступает к горлу. А как все любят задушевную лирическую песню «Московские окна»! Стоило ей появиться, как эту песню запела вся Россия. Она стала популярна и любима во Франции, Италии и многих других странах.

Мое знакомство с семьей Тихона Николаевича произошло в студенческие годы через мою тетьку Гюль-Бике Щербатову, дружившую с семьей Хренниковых долгие годы. Однажды она пригласила меня на симфонический концерт в Большой зал Московской консерватории, где перед началом концерта тетя представила меня Тихону Николаевичу и Кларе Арнольдовне. «Так вот он какой, знаменитый композитор Тихон Хренников!» — подумалось мне тогда. По своей наивности я представляла его себе важным, солидным, а Тихон Николаевич оказался простым и обаятельным! Так же и Клара Арнольдовна — ничего важного, неестественного: умный, добрый, приветливый взгляд и женственные ямочки на щеках.

В те далекие годы сильные радостные впечатления у меня были связаны с разносторонним знакомством с музыкой Т. Хренникова: посещением симфонических концертов, концертов камерной музыки, оперных спектаклей и балетов.

Особенно запомнились концерты в Большом зале Консерватории. Зал был переполнен. Исполнялся Концерт для фортепиано с оркестром Т. Хренникова. За фортепиано — сам автор. Исполнение Тихона Николаевича захватило слушателей буквально с первых звуков. Оно отличалось красотой, большой эмоциональностью, пробуждавшей в человеке разнообразные чувства от светлых, нежных до высоко драматичных. Его игра сливалась в единое целое с оркестровыми партиями. Исполнители и слушатели испытывали счастливые моменты высокого вдохновения. После окончания произведения зал буквально взрывался аплодисментами.

А разве можно забыть звучание скрипичного концерта в великолепном исполнении Леонида Когана?!

В этих концертах принимали участие выдающиеся исполнители:

Е. Светланов, В. Спиваков, пели И. Архипова, Л. Зыкина, И. Кобзон и многие другие прославленные мастера.

Из опер, написанных Т. Хренниковым, наибольшее впечатление

Любимой Маргариточке
Михаил Хренников
26/XI 0037-

г. Елец 2002 г.
фотого Елецкого
фотографа Иванова

произвели на меня два произведения: «В бурю» — своей прекрасной постановкой, разнообразием, яркостью образов, красотой и сердечностью мелодий, и очаровавшая меня опера «Доротея», — поставленные в Московском музыкальном театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко.

Спустя несколько лет я получила еще одно яркое музыкальное впечатление от авторского концерта Тихона Николаевича, проходившего в Музее Скрябина. Я помню этот концерт. Он прошел на одном дыхании. Тихон Николаевич исполнял на фортепиано с присущей ему проникновенностью, идущей от сердца к сердцу, романсы, написанные им на стихи А.С. Пушкина и И.А. Бунина, его земляка.

На концерте также прозвучала его музыка к спектаклям «Много шума из ничего», «Давным-давно» и скрипичные произведения. Вместе с Тихоном Николаевичем в концерте принимали участие известный скрипач В. Пикайзен и много талантливой молодежи, с большим увлечением исполнявшие произведения большого мастера. Этот концерт, конечно, сохранился дорогим воспоминанием у всех, кто имел счастье присутствовать на нем.

23 сентября 2001 года скончалась супруга Тихона Николаевича — Клара Арнольдовна. Эта невосполнимая утрата была большим горем для композитора. Всеми мыслями и чувствами он был вместе с супругой и после ее кончины. Недаром на отдельном столике постоянно стоял большой портрет Клары, а вокруг него — множество живых цветов. Люди, приходившие в дом, тоже ставили букеты цветов к портрету.

Но Тихон Николаевич не сбавлял накала своей кипучей деятельности. Спустя короткое время включаю телевизор. На канале «Культура» вижу Хренникова. Телеведущая сообщает о подготовке Международного конкурса имени П.И. Чайковского. Показывают оргкомитет конкурса во главе с Тихоном Николаевичем. Он сосредоточен, говорит о предстоящем событии значимо, эмоционально, как обычно. Хренников опять в русле великой музыки!

Позже, разговаривая с Тихоном Николаевичем по телефону, узнаю об его активной педагогической деятельности на композиторском факультете

1.

1. Т. ХРЕННИКОВ с В. МИРОШНИКОВЫМ, доктором, журналистом, моим другом
2. Памятный уголок в кабинете Т.Хренникова, посвященный его почившей жене К.А.Хренниковой. Перед ее портретом всегда стояли свежие цветы.

в качестве профессора Московской консерватории, также о приближающейся премьере в Детском музыкальном театре имени Наталии Сац мюзикла «Чудеса, да и только» по мотивам пьесы С.Я. Маршака «Умные вещи».

Тихон Николаевич пригласил меня на премьеру этого спектакля, состоявшуюся 8 декабря 2001 года. Перед началом спектакля вышла на сцену Роксана Сац — дочь Наталии Ильиничны — и объявила: «Спектакль посвящается светлой памяти Клары Арнольдовны Хренниковой». В зале воцарилась торжественная тишина. Потом раздвинулся занавес и начался спектакль, пронизанный жизнерадостной, веселой музыкой, с множеством талантливых импровизаций, прекрасным художественным оформлением спектакля дочерью композитора — Натальей Тихоновной. Мюзикл «Чудеса, да и только» превратился в настоящий праздник для детей.

Активная творческая жизнь Тихона Николаевича продолжалась.

В начале июня 2003 года в Москве установились, наконец, солнечные дни с длинными светлыми теплыми вечерами, когда лучи заходящего солнца искрятся на цветочных клумбах, молодой ярко-зеленой траве, среди стволов деревьев, на лицах прохожих.

В один из таких вечеров на Большой Никитской улице было особенно оживленно: пешеходы и машины двигались в одном направлении — к Большому залу Московской консерватории. Вскоре во дворе перед входом в концертный зал образовалась целая толпа. Многие держали в руках живые цветы: розы, лилии, гвоздики и тюльпаны...

На стенде Большого зала Консерватории виднелась афиша, где сообщалось о том, что 9 июня 2003 года в 19 часов в Большом зале Московской консерватории состоится авторский концерт симфонической музыки Тихона Хренникова, посвященный 90-летию композитора. Концерт проводится при содействии ЮНЕСКО и Фонда поддержки театрального и музыкального искусств «Виват».

Из телепередач и газетных сообщений люди знали о знаменательных событиях в жизни Тихона Николаевича Хренникова: награждении композитора премией Президента России В.В. Путина и Золотой медалью

Моцарта, учрежденной ЮНЕСКО за выдающиеся достижения в мировой музыкальной культуре.

Незадолго до начала концерта во двор въехала машина, и из нее вышел сам композитор. Толпившиеся во дворе люди приветствовали его дружными аплодисментами.

Почитатели таланта Т.Н. Хренникова входили в здание консерватории и постепенно заполняли все пространство зала, от партера до верхнего яруса. Свободных мест не было, некоторые люди стояли, кто-то сидел на ступеньках. Торжественный концерт начался с приветствий: от президента России В.В. Путина, министра культуры М. Швыдкого и выдающихся деятелей культуры. Вот на сцену вышли оркестранты Государственного академического большого симфонического оркестра им. П.И. Чайковского.

Из множества созданных выдающимся композитором симфонических произведений для исполнения на этом концерте были отобраны самые дорогие сердцу Тихона Николаевича. Это были Симфония №1 си-бемоль минор, соч. 4. Первая симфония была дипломной работой композитора, написанной в 1933–1935 гг. В эти годы симфония уже получила мировое признание. Она исполнялась всемирно известными дирижерами Леопольдом Стаковским и Юджином Орманди и прозвучала в концертных залах многих стран мира.

Концерт №2 для скрипки с оркестром, соч. 23. Этот концерт был посвящен самому близкому другу композитора — выдающемуся скрипачу Леониду Когану.

Концерт №2 для фортепиано с оркестром, соч. 21, также дорог композитору — Хренников блестяще исполнял его вместе с симфоническим оркестром Е. Светланова.

Сюита к балету «Любовью за любовь». Этому балету предшествовало создание великолепной музыки к спектаклю театра им. Е. Вахтангова «Много шума из ничего», посвященной Кларе Арнольдовне Хренниковой.

На концерте дирижировал Фёдор Глущенко, виртуозно играл скрипач Максим Федотов и прекрасно выступил 14-летний пианист Никита Мндоянц. Его игра была очень эмоциональной и показывала большие технические возможности.

Исполнение этих широко известных в России и мире произведений

произвело на публику большое впечатление. Весь зал долго аплодировал стоя, восторженные взгляды зрителей и музыкантов были обращены к Тихону Николаевичу, находившемуся в ложе. Композитор с большим волнением и благодарностью воспринимал выражение этих высоких чувств.

В антракте и после концерта в партере образовалась длинная очередь из почитателей композитора: люди стояли с букетами цветов, программками, книгами для подписи. Другие хотели поприветствовать, просто пожать руку любимому композитору и запомнить это рукопожатие на всю жизнь. Я стояла также вместе со всеми почитателями таланта Хренникова в этой длинной очереди с букетом цветов. Но я была намного счастливее этих людей. Судьба подарила мне счастье общения с Тихоном Николаевичем, его женой Klarой Арнольдовной, со всей его семьей и близкими ему людьми.

Невозможно забыть юбилейный концерт, посвященный 90-летию Т.Н. Хренникова, который состоялся в Академическом театре Российской армии в 2003 году.

В самом начале Великой Отечественной войны театр был эвакуирован в Свердловск. По стечению обстоятельств композитор Тихон Хренников был также направлен на работу в Свердловск, где находилась в эвакуации его супруга Клара Арнольдовна с грудной дочкой Наташей. В этом городе впервые возникло содружество тогда еще молодого и уже выдающегося композитора с театром.

Хренников стал заведующим музыкальной частью этого театра. В октябре 1942 года состоялась премьера спектакля А. Гладкова «Давным давно», поставленного А.Д. Поповым, с музыкой Т.Н. Хренникова. Как оказалось, композитор написал великую музыку на все времена.

Другим музыкальным шедевром стала музыка Т. Хренникова к одному из лучших фильмов военных лет «Свинарка и пастух» (сценарист В. Гусев, режиссер И. Пырьев). Главную роль пастуха Мусаиба Гатуева сыграл выдающийся актер Театра Советской армии Владимир Зельдин.

После окончания войны на протяжении последующей жизни, которая продлилась более 50 лет, Тихон Николаевич продолжал творческое

сотрудничество с Театром Советской, а после распада СССР — Российской армии. Спектакль «Давным-давно» на музыку Хренникова до сих пор является лучшим в репертуаре театра. За долгие годы в нем сменилось уже несколько поколений актерского состава. Поистине, это спектакль-долгожитель!

Конечно, когда Тихону Николаевичу исполнилось 90 лет, театр торжественно отмечал его юбилей. В честь Хренникова был дан концерт из произведений композитора. В концерте участвовала большая часть труппы. Особенно впечатлило меня выступление ровесника композитора — Владимира Михайловича Зельдина. Он исполнял «Песню о Москве» из кинофильма «Свинарка и пастух».

В зале находились поколения людей, в большинстве своем рожденные уже после Великой Отечественной войны. Для них существует священная память об отцах, дедах и прадедах, воевавших в жестоких сражениях 1941–1945 гг.

Поэтому для всего зала было особенно дорого, что среди собравшихся находились Тихон Николаевич Хренников и Владимир Михайлович Зельдин, рожденные в начале XX века и жившие в те годы лихолетья. Они воевали вместе со всем народом: мощным оружием Хренникова была его великая музыка, Зельдина — выдающийся актерский дар.

Для многих солдат, погибших на фронтах жестокой войны, последним радостным впечатлением был просмотр замечательного фильма «Свинарка и пастух». Яркое впечатление от этого фильма поднимало дух солдат, веру в Победу. Они шли в бой и погибали за Родину. Заслуги этих творцов перед людьми военных и послевоенных лет бесценны.

В свой юбилейный вечер Хренников сидел в ближнем ряду напротив большой сцены, на которой Зельдин исполнял «Песню о Москве». Глаза их встретились. Зельдин пел вдохновенно, выражая всю полноту чувства восхищения от таланта выдающегося композитора. Эти волны любви и добра передавались всему огромному залу. Они эмоционально воздействовали на каждого человека, присутствовавшего на концерте. Впечатление незабываемое.

Домашний очаг семьи Хренниковых, где любят, вселяют надежду и помогают людям

На протяжении многих лет мне посчастливилось бывать в доме этого выдающегося человека. В 2001 году не стало жены Тихона Николаевича — Клары Арнольдовны. Брак их был уникален: они прожили вместе в большой взаимной любви 67 лет!

Гармоничные, прекрасные отношения между Тихоном Николаевичем и Klarой Арнольдовной одухотворяли жизнь этого дома во всех многообразных проявлениях: в творческой деятельности Тихона Николаевича, в воспитании дочери Натальи, позже внука Андрея и правнуков Виктории и Тихона, в постоянной заботе о родственниках. Эти отношения давали Тихону Николаевичу огромные духовные силы бесценно руководить Союзом композиторов более сорока лет. Эти люди обладали талантом человеческой дружбы, сострадания, помощи многим и многим людям.

В середине 60-х годов квартира семьи Хренниковых находилась на улице Готвальда¹⁴, в Доме композиторов. В просторной комнате у стены стоял большой книжный шкаф (чтение было их образом жизни), в нем — русская и зарубежная классика и наиболее интересные новинки тех лет, а еще много-много фотографий людей, дорогих этому дому, запечатленных на снимках памятных встреч, происходивших на Родине и во время зарубежных гастролей.

Перед книжным шкафом располагался широкий и длинный дубовый стол. В торжественные и праздничные дни на нем бывало много угощений на разный вкус. Именно такой стол и был здесь необходим, так как этот дом всегда был очень гостеприимен. За столом хватало места всем: выдающимся деятелям культуры и просто скромным хорошим людям, любившим творчество Тихона Николаевича. Всем здесь было одинаково хорошо, тепло и уютно. Для Хренниковых судьба каждого человека неповторима и интересна.

Впервые в их дом я попала в студенческие годы. С восхищением я вглядывалась в лица и слушала великих творцов музыки: Арама Ильича Хачатуряна и Тихона Николаевича Хренникова, великого скрипача Леонида

¹⁴ В 1992 году ул.Готвальда переименована в ул.Чаянова, в честь известного ученого-экономиста.

Когана. Дома у Хренниковых бывала также Наталия Сац — создатель первого в мире музыкального театра для детей. Тихона Николаевича связывала с Наталией Ильиничной большая многолетняя творческая дружба. Постановки на музыку композитора включены в репертуар этого театра на постоянной основе и пользуются большим успехом у детей и взрослых.

В их доме собирались лучшие представители отечественной и мировой культуры. Когда люди приходили в их дом, Клара Арнольдовна умела очень живо, увлекательно, эмоционально рассказывать, у нее была острая наблюдательность, великолепная память на человеческие лица, события.

В этом доме я бывала и в будние дни с сестрой Клары Арнольдовны — Марией Арнольдовной, когда Тихон Николаевич, закончив каждодневную творческую работу, уезжал трудиться в Союз композиторов. Тогда я запомнила Клару Арнольдовну очень деятельной: она записывала многочисленные просьбы людей, звонивших в дом, готовила, убирала, либо встречала, угощала, помогала людям мудрыми советами и конкретными делами. Вся жизнь Клары Арнольдовны была заполнена непрерывной цепочкой дел.

Тихон Николаевич женился на Кларе Арнольдовне, будучи 23-летним молодым человеком, в 1936 году. Они были единомышленниками на протяжении всей жизни: вместе были прожиты не только годы славы, всенародного творческого признания, но и тяжкие годы сталинских репрессий, Великой Отечественной войны, трудные для страны годы перестройки, радикальных перемен. Тихон Николаевич и Клара Арнольдовна достойно, стойко и мужественно прожили эти трудные годы, постоянно поддерживая друг друга и отстаивая вместе добро и справедливость в нашем обществе. В годы сталинских репрессий благодаря защите Хренникова ни один из членов Союза композиторов не пострадал.

Незаметно прошли годы. Семья Хренниковых переехала в Плотников переулок на Арбате. Последние годы Клара Арнольдовна стала тяжело болеть, и возможности видеться было все меньше и меньше.

Но последняя встреча, когда я видела Клару Арнольдовну, запечатлелась в моем сердце. Тихон Николаевич и Клара Арнольдовна встретили меня сердечными, теплыми приветствиями и тут же пригласили пить чай. За столом

сидели их дочка — театральная художница Наталья Тихоновна, проявившая свой талант при создании целого ряда театральных постановок на музыку ее выдающегося отца, и друзья дома. Хозяева угощают меня вкусным горячим чаем с различными сладостями. Снова, как и множество раз, я испытываю по отношению к себе чувство доброжелательности, сердечности и большого внимания к своей жизни. В этой семье принято слушать и сопереживать судьбам других людей.

Показываю свой семейный альбом с фотографиями моей дочери Анны и внуков Александры и Антонио. Клара Арнольдовна проявляет живой интерес, расспрашивает об их жизни в Италии. Спрашивает, довольна ли Анна, скучает ли по России, по дому.

Потом Клара Арнольдовна вспомнила о гастрольных поездках Тихона Николаевича в Италию: о большом успехе его авторских концертов, в которых Тихон Николаевич блестяще исполнял свой фортепианный концерт, об аншлагах на балеты, поставленные на его музыку. Она также вспомнила архитектуру Рима, живописный морской порт Геную и другие города, радостные, памятные встречи с людьми в этой солнечной стране.

Клара Арнольдовна с удовольствием общалась со мной, но быстро утомлялась. Видно было, что она тяжело больна.

При мне Тихон Николаевич помогал ей передвигаться по квартире. В эти минуты надо было видеть его проникновенный, любящий взгляд и протянутые к Кларе Арнольдовне руки!

Мы вышли на балкон и неспешно продолжили наш разговор. Стали вспоминать умершую сестру Клары Арнольдовны — Марию Арнольдовну. Клара Арнольдовна была очень родственным человеком. Всю жизнь помогала морально и, когда надо, материально своей старшей сестре и братьям. Она обладала редким даром безграничной любви.

Вспоминали также о близких друзьях и знакомых, бывавших в этом гостеприимном доме. Клара Арнольдовна была в очень солидном возрасте, но меня в очередной раз поразила ее великолепная память: она помнила лица и давно прошедшие события, включая мельчайшие подробности, детали. Она до конца жизни оставалась исключительно интересным собеседником.

Прошло некоторое время. Кларе Арнольдовне становилось все хуже и хуже, и 23 сентября 2001 года ее не стало.

В моей душе особенно запечатлелся последний день рождения Тихона Николаевича — 10 июня 2007 года, за два месяца до его кончины. В тот день ему исполнилось 94 года.

Как и при хозяйке дома Кларе Арнольдовне, длинный широкий стол был полон разных вкусных угощений. Тихон Николаевич сидел, как всегда, во главе стола. Он уже не мог употреблять вина и разделять с нами общую трапезу.

Все присутствующие чувствовали особую душевную атмосферу за столом. Видно было, что Тихон Николаевич не здоров, но какая светилась любовь и радость в его глазах от присутствия в этот день его замечательной семьи и друзей дома!

Он обогревал своей любовью каждого из присутствующих и следил, чтобы все отведали разнообразные угощения, хотя его бокал и тарелка стояли чисто символически. Весь вечер вновь прибывшие гости с радостью продолжали одаривать его разнообразно красивыми букетами цветов. В конце вечера Тихону Николаевичу трудно было сидеть за столом, он прилег в другой комнате.

Вечер близился к концу, гости постепенно расходились. Я тоже заглянула попрощаться в комнату, где отдыхал Тихон Николаевич. Он сказал мне, как всегда, теплые и добрые слова. В голове не укладывалось, что видела и говорила с таким светлым и прекрасным человеком в последний раз. Вспомнила слова, сказанные Тихоном Николаевичем: «Музыка композитора — это его портрет».

Сказанное так соответствует сущности Тихона Николаевича Хренникова, человека и композитора. Каков человек, такова и его музыка!

Кончина Тихона Николаевича Хренникова

Тихон Николаевич Хренников скончался 14 августа 2007 года после сердечного приступа у себя дома, в Плотниковом переулке в Москве. Он завещал похоронить себя на родине — в городе Ельце.

После гражданской панихиды в Малом зале Консерватории (Большой зал был на ремонте) траурная процессия двинулась в путь. Небо над Москвой было прозрачно-голубым. Композитор прощался с Москвой и через 70 лет

возвращался снова домой, в Елец, уже навечно. Траурный кортеж двигался через Арбат, где было прожито более трех последних десятилетий. Проехали Знаменку, миновали стены Кремля, мост через Москву-реку, кинотеатр «Ударник», проехали Замоскворечье, бесконечную вереницу домов на окраине Москвы и выехали на шоссе в направлении Ельца.

Постепенно стала спадать дневная жара. Вечер установился безветренный и теплый, на небе высветились яркие звезды. Так мы прибыли в Елец. Траурный кортеж остановился на центральной площади, перед одним из красивейших храмов России — перед величественным Вознесенским собором (архитектор К.А. Тон). Несмотря на полночь, на площади толпился народ, массивные двери храма были открыты.

В Ельце воцарилось скорбно-торжественная обстановка. По всему храму ярко горели люстры и свечи. Внесли гроб, священнослужители в светлых церковных облачениях и прекрасный церковный хор совершили вечерний обряд отпевания.

Раннее утро 17 августа выдалось в Ельце ясным, небо было ярко-голубым, было очень тепло. Золотились купола на Вознесенском соборе.

Несмотря на ранние часы, в собор со всего города стекались люди прощаться со своим любимым композитором-земляком, прославившим елецкую землю на весь мир. Люди были различного возраста: юные, зрелые и уже совсем пожилые. Выдающийся композитор Тихон Николаевич Хренников вошел в душу и сердце каждого, его музыка передается от сердца к сердцу, выражая людские горести и радости, поэтому он так близок каждому ельчанину.

Желающих проститься с любимым композитором было так много, что блюстители порядка принуждены были поторапливать движение толпы людей, старавшихся как можно дольше задержаться у гроба. Многие люди выходили из церкви со слезами на глазах, другие неподалеку от церкви делились впечатлениями о том, как лично присутствовали на сердечных встречах Тихона Николаевича с ельчанами.

А в центральном сквере совсем пожилые люди говорили о разных сторонах жизни вообще, процветающей сейчас вседозволенности в музыке и искусстве. О Хренникове говорилось не только как о композиторе, но и как о воплощении людской совести в жизни и искусстве.

В полдень в Вознесенском соборе состоялось отпевание композитора,

*Елец,
Вознесенский собор,
архитектор К.А.Тон*

его совершил епископ Липецкий и Елецкий Никон. Большой храм не мог вместить всех желающих, толпы людей стояли на площади около собора. В этот день в храме было необычайно светло от утреннего солнечного света, заливавшего площадь перед храмом, включенных массивных люстр, от огней свечей, зажженных по всему храму, свет усиливался светлыми одеждами священнослужителей. Звучали поминальные мотивы. Голоса хора лились чисто и особенно проникновенно. Присутствующие в храме были охвачены горестным и одновременно единым светлым чувством, исполненным большой любви и благодарности к любимому композитору и прекрасному человеку, рожденному на елецкой земле.

Звуки прекрасного хора наполняли все огромное пространство собора и возносились к его высокому куполу.

Отпевание окончено. Гроб медленно движется по направлению к дому-музею Т. Хренникова. Все прилегающие улицы заполнены людьми, желающими попрощаться со своим выдающимся земляком. Хоронили Тихона Николаевича в саду родительского дома, где был открыт Музей Т.Н. Хренникова. Создание Государственного музея при жизни композитора уникально. Оно выражает восхищение и глубокое понимание земляками-ельчанами выдающейся роли Хренникова в развитии русской и мировой музыкальной культуры и необходимости сохранения этой большой духовной ценности для будущих поколений.

В этот траурный день сад был залит солнечным светом. Символично, что

в теплый, солнечный день елецкая земля принимала этого чудесного солнечного человека. Оркестр Липецкого авиационного центра исполнил гимн России, прозвучали оружейные залпы. Могилу земляка ельчане любовно застелили живыми цветами.

Тяжела постигшая всех нас утрата. В то же время счастье, что такой человек жил и творил на русской земле.

Родительский дом, сад и могила Тихона Николаевича в саду его детства составляют единое пространство.

Время разделилось надвое: до и после смерти композитора; 14 августа 2007 года наступило время его бессмертия. Новые и новые поколения будут приходить в этот музей, восхищаться замечательной музыкой Тихона Николаевича Хренникова и его благородной личностью.

Проходит время. В сердцах любящих Тихона Николаевича людей сохраняется чувство его причастности к происходящей сейчас жизни: исполняется его классическая музыка, идут фильмы с написанной им замечательной музыкой, проводятся экскурсии в его доме-музее. Сохраняется чувство, что Тихон Николаевич только-только вышел из своего рабочего кабинета, вот-вот должен вернуться, чтобы продолжить написание прекрасной музыки и задушевное общение со своими родными и близкими друзьями.

Дом-музей Т.Н. Хренникова в Ельце

В 2000 г. произошло большое событие в области культуры России. На родине композитора, в Ельце, был открыт его дом-музей.

Администрация города и многочисленные почитатели таланта Хренникова проделали огромную кропотливую работу по восстановлению дома и его удивительной атмосферы духовной, творческой жизни и быта этой многочисленной дружной семьи. Здесь возникает живое ощущение жизни семьи Хренниковых в начале XX века.

Посетителей дома-музея до глубины души трогают семейные фотографии отца, матери, братьев, сестер, кровать, относящаяся к тому времени, с покрывалом и подушками, украшенными тонкими, изящными елецкими кружевами. В этой комнате 10 июня 1913 года у матери Варвары

Васильевны и отца Николая Ивановича появился на свет десятый ребенок, будущий знаменитый композитор. В этой же комнате лежат крошечные коклюшки, на которых маленький Тихон, еще до постижения музыки, учился и сам плел кружева.

В следующей комнате в центре стены висит портрет великого Моцарта, вдохновившего юного Тихона во что бы то ни стало стать композитором, стоит рояль того времени, фотографии его первых учителей музыки, заложивших фундамент его музыкального творчества. В музее бережно хранятся и экспонируются книги о Хренникове, вещи, подаренные лично Тихону Николаевичу его почитателями.

Позже успехи юного композитора открыли для него путь поступления в Московскую консерваторию, которую он окончил с отличием.

Очень дорого, что в музее имеется специально отведенный зал с роялем для проведения музыкальных вечеров, где звучит и всегда будет звучать музыка Тихона Николаевича Хренникова вместе с музыкой русской и мировой классики.

В зале представлены дорогие сердцу Тихона Николаевича реликвии, фотографии его семьи: жены Клары Арнольдовны, дочери Натальи, внука Андрея, его супруги Карины, правнуков Тихона и Виктории. Стены зала украшают работы дочери Тихона Николаевича Натальи — талантливой театральной художницы — к спектаклям на музыку Хренникова.

Незадолго до своей кончины Тихон Николаевич узнал о поступлении своего правнука Тихона на композиторское отделение Московской консерватории. Свои чувства он выразил так: «Какая радость! Тихон поступил в Консерваторию, значит, я буду продолжаться!»

В зале представлены материалы по Международному музыкальному фестивалю «Моцартини», в котором Тихон Николаевич в течение многих лет являлся почетным членом оргкомитета. Особенно ценными реликвиями являются тексты его поздравлений участникам фестиваля за 2002–2006 гг., которые ежегодно оглашались на его открытии в Италии.

В 2005 и 2006 г. в составе участников этого фестиваля был совсем юный композитор Тихон Хренников (младший). Он выступал на севере и юге Италии (в городах Азоло, Монтекорвино Ровелла, Сорренто и др. городах), с большим успехом исполняя произведения Тихона Николаевича

ТИХОН ХРЕННИКОВ с правнуком ТИХОНОМ в своем рабочем кабинете

1. В доме-музее Тихона Хренникова в Ельце вместе с правнуком композитора Тихоном Хренниковым-младшим.
2. Экспонаты дома-музее Тихона Хренникова, посвященные музыкальному фестивалю «Моцартини»

и свои собственные сочинения.

Русская группа фестиваля (художественный руководитель А.В. Вандышева) исполняла известные в мире произведения Хренникова. Особым успехом пользовалось адажио из балета Т.Н. Хренникова «Гусарская баллада». В музее имеются фотографии Тихона Николаевича с организаторами фестиваля и юными музыкантами фестиваля «Моцартини».

На открытии музея в книге отзывов Тихон Николаевич выразил сердечную благодарность своим землякам за создание такого замечательного музея. Он писал: «После долгих путешествий по всему миру, наконец, я вернулся к себе домой». Тихон Николаевич подарил музею символический хрустальный ключ от своего сердца в знак безграничной любви и благодарности своим землякам.

После переезда в Москву Тихон Николаевич постоянно приезжал в Елец, регулярно проявлял заботу о своих родителях, братьях и сестрах, выступал с концертами, привозил сюда многих известных исполнителей. При необходимости вкладывал свои собственные средства в музыкальное образование ельчан.

При жизни композитора дом-музей работал семь лет. Каждый звонок Тихона Николаевича наполнял радостью, одухотворял необыкновенной личностью композитора весь этот дом. Он интересовался самыми различными сторонами деятельности музея, прежде всего многочисленными посетителями, приходящими в этот гостеприимный дом. Заботился, чтобы пребывание здесь было для каждого радостным, познавательным, запоминающимся на всю жизнь своим возвышенным соприкосновением с прекрасной музыкальной культурой.

На протяжении многих лет я дружу с замечательными людьми — сотрудниками музея Т.Н. Хренникова — и стараюсь внести свой посильный вклад в фонд музея.

Участвуя в организации фестиваля «Моцартини», я бережно сохраняла все тексты приветствий, написанных рукой Т.Н. Хренникова. Впоследствии я передала музею большое расписное керамическое блюдо с дарственной

надписью фестиваля «Моцартини», посвященной выдающемуся композитору Т.Н. Хренникову.

Очередной раз путешествуя по Италии, я увидела в букинистическом магазине внушительного вида книгу о Моцарте. Сразу вспомнила факт биографии Тихона Николаевича, что именно Моцарт вдохновил его стать композитором. У меня сразу родилась мысль подарить эту книгу создававшемуся в то время музею Хренникова. Это я и сделала.

Как-то, зайдя в книжный магазин, увидела в серии ЖЗЛ появившуюся книгу об И.О. Дунаевском. Я знала, что Хренников ценил выдающийся композиторский талант Дунаевского и всячески поддерживал его в трудных жизненных ситуациях. Эта книга была передана в музей с дарственной надписью сына композитора — Максима Дунаевского.

Тихон Николаевич одобрительно отнесся к моему начинанию — собирать для музея книги о замечательных людях — современниках, связанных с ним творчески.

Так, с одобрения Тихона Николаевича, постепенно мною были переданы в дар музею книги с дарственными надписями, сделанными выдающимися деятелями культуры Э. Рязановым, В. Зельдиным, Л. Касаткиной и С. Колосовым; ноты П.И. Чайковского, подписанные В. Федосеевым; книги, написанные о выдающихся певцах М. Магомаеве и Т. Синявской; книга Ильфа и Петрова «Золотой теленок», подписанная замечательным режиссером М. Левитиным; книга о Музее изобразительных искусств (где Т. Хренникову была вручена премия ЮНЕСКО), подписанная И. Антоновой; книга о композиторе Л. Лядовой, ею подписанная.

Можно пожелать музею Тихона Николаевича Хренникова всегда оставаться очагом света, добра и раскрытия музыкальных талантов!

Как отмечалось 140-летие со дня рождения видного этнографа Кавказа И.Ш. Анисимова

В 2002 году произошло событие, важное для научной общественности и для нас — родственников Ильи Шеребетовича Анисимова, являющихся хранителями его архивных документов, ранее не востребованных научным сообществом. Но в названном году все изменилось. Люди науки воздали должное И.Ш. Анисимову на самом высоком уровне.

9 июля 2002 года в Президиуме Российской академии наук состоялась научная сессия, посвященная 140-летию со дня рождения И.Ш. Анисимова, собралось более 120 человек из США, Германии, Израиля, Азербайджана, а также его родственники.

К большому сожалению, я — внучка юбиляра — не смогла быть на этом знаменательном событии, так как эта дата совпала с днями ежегодно проводимого фестиваля скрипичной музыки «Моцартини», где я была административным руководителем. Но я стала членом оргкомитета по проведению юбилея, рассказала и показала участникам оргкомитета многие ранее неизвестные материалы об И.Ш. Анисимове. Научная сессия прошла с большим успехом.

Этому событию был посвящен 7-й номер международного журнала «Миньян» за 2002 год. Детально изучив этот выпуск журнала, я почерпнула много новых сведений о жизни моего деда — выдающегося ученого-этнографа — и его прекрасной личности.

Прежде всего, большой радостью для людей, причастных к этому событию, был выпуск издательством «Наука» двух книг: монографии И.Ш. Анисимова «Кавказские горцы-евреи» под редакцией д.ф.н. С.И. Вайнштейна и издание книги Ю.И. Мурзаханова «Горско-еврейский этнограф И.Ш. Анисимов».

Валерий Тишков — директор института этнологии и антропологии — в своем выступлении на научной сессии подчеркнул: «Если бы не энергия, умения, знания С.И. Вайнштейна, это мероприятие не состоялось бы».

Заур Гилалов — президент группы ЗАР — говорил, что поколение Анисимовых продолжает традиции знаменитого предка. Не зря же они состоят в родстве с известными семьями Ландау, Мандельштам, Блювштейн.

Два доклада подчеркнули значение исследования И.Ш. Анисимова, выходящего за пределы изучения горских евреев.

Так, Сергей Арутюнов — зав. отделом Кавказа Института этнологии и антропологии АН — в своем докладе подчеркнул:

«Данные Анисимова имеют огромное научное значение, которое отнюдь не ограничивается проблемами изучения истории и этнографии собственно горских евреев. Те подробные сведения о божествах языческого, доиудаистского периода в народных верованиях горских евреев, об их представлениях о душе, процессе смерти, странствиях души между адом и раем в разных перерождениях имеют огромное значение для общего религиоведения, понимания древних пластов религиозного мышления народов Евразии в целом. Ценны наблюдения над отношениями горских евреев с христианами и мусульманами».

В своем выступлении кандидат исторических наук Ю.И. Мурзаханов сообщил, что большой материал был собран Анисимовым по традиционному обычному праву аварцев. Им также были записаны звуковой азбукой, составленной совместно с Петербургской Академией Наук, около 100 общеупотребимых слов и имена числительные, а затем по одной поэме и одной любовной песне аварцев, даргинцев. Он назвал И.Ш. Анисимова горско-еврейским Далем.

С ярким докладом на сессии выступил профессор М.Я. Агарунов. Он проанализировал генеалогическое древо Анисимовых. Его анализ показывает наличие общих черт: пытливого ума, природных способностей — у многих представителей Анисимовских поколений. Присутствует некий энергетический потенциал, который передается из поколения в поколение.

Мне особенно приятно, что в качестве иллюстрации к статье Агарунова была использована фотография Гюль-Бике с собакой. Ведь она — самая красивая женщина нашего рода. Илья Шеребетович

особенно гордился своей дочерью-красавицей. Эта фотография хранится в нашем семейном альбоме.

В журнале «Миньян» также помещен отклик на юбилей И.Ш. Анисимова Владимира Фёдорова — ректора Московского государственного технического университета (МВТУ им. Баумана). «Я был приятно удивлен, — пишет Фёдоров, — когда узнал, что первым исследователем традиций и культуры самобытного народа евреев-горцев был автор знаменитой монографии “Кавказские еврей-горцы”, выпускник Императорского технического училища 1891 года, инженер-механик Илья Анисимов, управляющий Биби-Эйбатским отделом подрядного бурения. Анисимов внес большой вклад в изучение народов Востока».

Отклики прессы на празднование юбилея И. Ш. Анисимова

Газета «Бакинский рабочий»:

«Впервые после 74 лет безмолвия на столь высоком уровне политиками, учеными и религиозными деятелями обсуждались насущные проблемы сохранения и развития культуры, религии, языка и традиций горских евреев. Отмечен был подвижнический труд И.Ш. Анисимова в этом направлении.»

Газета «Культура»:

«Событие в этнографической науке

Интерес к этнографу не уменьшается со времени доклада Анисимова Императорскому археологическому обществу, напротив, его книга давно стала библиографической редкостью, и потому ее переиздание в издательстве «Наука» стало событием в академической жизни».

«Независимая газета»:

«...Мероприятие получилось на редкость интересным».

Фото обложки журнала

Газета «Эхо»:

«Дело всей жизни»

Чтобы хранить и приумножать традиции своего народа, надо их хорошо знать. И в этом надежным помощником нынешнему и грядущему поколению являются уникальные труды И. Анисимова — результат подвижнической исследовательской работы ученого-самородка.

Проведенная сессия на столь высоком уровне дает надежду ученым, занимающимся проблемами Кавказа и восточными регионами, а также родственникам И.Ш. Анисимова, что результаты его исследований и его идеи будут использоваться следующими поколениями исследователей».

Мной было послано приветствие научной сессии, посвященной 140-летию со дня рождения И.Ш. Анисимова:

«К большому сожалению, несмотря на то, что я член оргкомитета, я не смогла присутствовать на вашем юбилейном торжестве. Оно совпало по срокам с ежегодно проводимым Международным фестивалем юных скрипачей в Италии, где я являюсь административным руководителем русской группы фестиваля.

Но всей душой я с вами и главными своими мыслями и чувствами, связанными с этим важным событием, хочу с вами поделиться.

Чувства любви и глубочайшего уважения к памяти Ильи Шеребетовича присутствовали в нашей семье постоянно, каждодневно. Они определяли всю систему нравственного воспитания, понимания духовных приоритетов в жизни нашей многодетной семьи.

После нас выросло новое поколение Анисимовых, потомков Ильи Шеребетовича. Оно также знает и сохраняет традиции нашего рода и уже интересно проявляет себя в жизни.

Выражаю большое чувство признательности Российскому фонду сохранения и развития еврейской культуры и его президенту Зауру Гилалову, оргкомитету и собравшимся в этом зале. Вы разделяете наши родственные чувства любви и благодарности к незабываемому человеку — Анисимову Илье Шеребетовичу.

*Маргарита Анисимова, внучка этнографа,
9 июля 2002 года».*

Жизнь становится интересней, разнообразней

Знакомство с членом Союза писателей России Т.В. Кузнецовой

В конце 90-х годов произошло мое знакомство с Татьяной Васильевной Кузнецовой. После этого жизнь моя стала еще интересней и разнообразней. Она — человек с техническим образованием, программист. Всю жизнь любила искусство, особенно поэзию и музыку. После завершения своей трудовой деятельности по специальности посвятила жизнь творчеству. Татьяна Васильевна — автор целого ряда книг и статей о выдающихся людях: М. Цветаевой, А. Баяновой, Л. Лядовой, Г. Каревой, А. Рустайкис и др.

Татьяна Васильевна была у истоков создания Музея Марины Цветаевой, успешно выполняла отдельные поручения первого директора музея — Катаевой-Лыткиной, передала музею свои личные предметы, рукописи, фотоматериалы. Она участник конференций, проводимых Музеем М. Цветаевой. Дружба с музеем продолжается и по сей день.

Мое знакомство с Татьяной произошло через близкую подругу моей сестры Тамары — художницу Ларису Емелину. В зрелом возрасте она увлеклась антропософией. Это учение было распространено еще среди художественной интеллигенции Серебряного века. В наше время приверженцы этого учения объединены в сообщество международного масштаба. При жизни Ларисы Емелиной (1934–2002) члены этого объединения собирались у нее дома. Татьяна Кузнецова была активным членом этого общества. Лариса узнала, что Татьяна — пишущий человек. Тем временем я тоже занималась написанием воспоминаний о своем роде, описанием своего домашнего архива. Лариса интуитивно почувствовала, что нас надо познакомиться, что это духовно нас обогатит. Она не ошиблась.

Знакомство наше произошло у меня дома на Брянской улице, рядом с метро «Киевская», в августе 2000 года. Таня принесла мне в дар свои книги и многое рассказала о своей жизни. Мне было интересно слушать

С ТАТЬЯНОЙ КУЗНЕЦОВОЙ на концерте

ее рассказ. В ответ я стала делиться наиболее важными событиями своей жизни. Я сказала главное, что подтолкнуло меня к написанию воспоминаний о нашей семье. У нас оказалось много общего в восприятии жизни, в оценке происходящих событий. Кроме того, оказалось удивительным совпадением, что ее близкий давний друг Дмитрий Данилов той же национальности, что и мой отец — тат. После первой встречи с Татьяной отношения наши переросли в дружбу, которая оказалась плодотворной.

Татьяна продолжала дружить с живущими в Москве героями своих книг и статей.

Творческий вечер поэта Аллы Рустайкис

В один из теплых осенних дней конца 2000-го года Татьяна Кузнецова пригласила меня в гости к поэту Алле Рустайкис, предварительно с ней согласовав мое посещение. Жила она в писательском доме вблизи станции метро «Аэропорт».

Мы позвонили в дверь, открыла сама Алла Александровна. Она проживала отдельно от дочери, хотя была уже в весьма почтенном возрасте, за 80 лет, с трудом передвигалась по квартире. Мы захватили с собой угощения, помогли накрыть на стол. За трапезой получился непринужденный и очень интересный разговор. У нас возник душевный контакт. Она стала рассказывать о себе, хотя многое из ее биографии я знала от Татьяны и из передачи телеканала «Культура» «Осенние портреты».

Конечно, песня «Снегопад» на стихи Рустайкис любима миллионами людей, но у нее есть еще много замечательных стихов: «Рахманинов», «Музыка», «Не мешайте двоим». Нас до глубины души тронуло авторское исполнение этих стихов. Уходили мы от Аллы Александровны под сильным впечатлением от ее самобытного поэтического дара.

После первого посещения захотелось продолжить общение с этим замечательным поэтом и артисткой, примой оперетты. Вместе с Татьяной мы периодически стали навещать Рустайкис и каждый раз выходили с новыми яркими впечатлениями.

Глубокий след во мне оставили стихи, посвященные композитору Кириллу Молчанову — ее первому мужу. Их разлучила война, но эту великую любовь она пронесла через всю свою жизнь, до конца дней.

Какие поэтичные строки, посвященные Кириллу Молчанову, написаны после разлуки с ним!

*Я отправлю твой портрет
В синь июлей отзвучавших,
В голубые розы лет,
Нас так рано обвенчавших.
В тот березовый покой,*

*В те несбывшиеся дали,
В дымку роц, где мы с тобой
Синей птицы след видали.*

В одно из посещений нас ждал сюрприз: Алла Александровна предложила послушать песни на ее стихи. Кроме такого шедевра, как «Снегопад», у нее много других песен, которые мы слышали в ее исполнении: «Уходят женщины», «Черемуха», «В час, когда в уснувшем небе зажигают звезды», «Очи», «Цвела сирень». Она пела с большим чувством и артистизмом.

Ее талантливым изысканным стихам и артистической натуре вполне соответствовала обстановка: старинная мебель, стол, секретер со множеством ящичков, закуточков, где хранились афиши ее выступлений, письма, записочки от поклонников. На видном месте висело много бус, на столе и секретере лежали украшения и множество изысканных мелочей: баночек, флакончиков, гримировальных принадлежностей, чтобы все было под рукой. Она сохранила несколько изящных легких шляпок, которые надевала при выходе на сцену в исполняемых опереттах.

На стене висел большой фотопортрет Кирилла Молчанова, а вся квартира была украшена небольшими картинами, выполненными акварелью. У Аллы Александровны был дар художника. Квартира выглядела как маленький музей.

Находясь в доме, напоминающем музейное пространство, у Татьяны родилась идея организовать вечер Аллы Александровны в Музее Цветаевой. Тем более этот поэт был одним из любимейших у Рустайкис. Она посвятила трагической судьбе Цветаевой замечательное стихотворение «Цветаевские поминки».

После этого разговора Татьяна активно приступила к организации вечера, а Алла Александровна позвонила ближайшей своей подруге, поэту-переводчику и общественному деятелю Лидии Борисовне Либединской (урожденной Толстой) с просьбой вести этот вечер. Та дала согласие.

Перед выступлением Аллу Александровну беспокоил вопрос, в чем она появится перед публикой. Она примерила синее бархатное платье. Оно нам показалось подходящим для такого вечера, но Алла Александровна стала уверять нас, что юбка слишком коротка. Действительно, она была немного коротковата. Но мы заверили, что никто этого не заметит. Ведь она все время будет находиться около стола с микрофоном. Тогда она согласилась.

*АЛЛА РУСТАЙКИС
в молодости*

Наступил долгожданный вечер. Вступительное слово взяла Л.Б. Либединская. Она говорила о своей подруге немного, но передала самую суть ее жизни и творчества. Выступление получилось сердечным, искренним.

Настала очередь выступать Алле Александровне. Она читала свои любимые стихи: «Рахманинов», «Музыка», «Старинный портрет». Исполнение было глубоким, проникновенным. Особенно взволнованно, вдохновенно она читала стихотворение о трагической гибели Марины Цветаевой «Цветаевские поминки». Находившихся в зале потрясло авторское исполнение этого пронзительного стихотворения.

Были на вечере певицы, исполнявшие песни на стихи А. Рустайкис, и, конечно, прозвучала знаменитая песня «Снегопад».

Завершение официальной части вечера было тепло встречено публикой.

После концерта люди, близкие к Музею Цветаевой, продолжили вечер неофициально. Спустились этажом ниже, где в уютном помещении уже были накрыты столы.

Поднимали тосты за дальнейшие творческие успехи, за здоровье. Алла Александровна находилась в радостном возбуждении, общалась со своими приглашенными друзьями. Лидия Борисовна сидела рядом со своей близкой приятельницей. Меня восхитило, как они что-то оживленно обсуждали и заразительно смеялись. Ведь им было в то время сильно за 80 лет. Ну и жизнелюбие!

Сидели долго, когда музей закрывался, не хотелось расходиться. Спустя некоторое время Татьяна и я снова побывали дома у Аллы Александровны. Хотя здоровье было плохим, но настрой сохранялся оптимистичным. Говорилось о выпуске ее новой книги, записях песен.

Так мы расстались. Прошло короткое время, и Татьяне сообщили по телефону трагическое известие — скончалась Рустайкис. Произошло совпадение: в эти же майские дни телевидение, газеты сообщали только о смерти поэта Риммы Казаковой. Незаслуженно узким кругом после похорон мы поминали Аллу Рустайкис в Музее Марины Цветаевой. Обидно!

Своеобразным талантливым поэтом была также дочь Аллы Рустайкис — Алёна Басилова (1943–2018), пережившая свою мать всего на 10 лет.

Мне повезло, в книжном киоске Музея Марины Цветаевой я приобрела небольшую книжку стихов «Снегопад», автор Алла Рустайкис. Стихи посвящены ее дочери А. Басиловой. Как много нового я узнала о семье А.А. Рустайкис, об ее родовых корнях, где было так много талантливых людей, около которых находили приют, радость творческого общения многие впоследствии выдающиеся люди. Некоторые факты биографии глубоко затронули мою душу.

Родителями Аллы Александровны были Ида Яковлевна Хвасс (1892–1945), ее имя высечено на почетной доске Московской консерватории, работала концертмейстером в Театре Таирова, и Рустайкис Александр Александрович — артист Художественного театра, играл вместе со Станиславским роль Моцарта в «Маленьких трагедиях» Пушкина (преьера состоялась в марте 1915 года).

Семья Хвасс была известна многим художникам, музыкантам, поэтам. Ида Хвасс была поклонницей художников из объединения «Бубновый валет». В. Маяковский был завсегдаем этого дома. Молодые кузины Иды Хвасс — сестры Коган — вошли в историю как Лиля Брик и Эльза Триоле. Здесь Маяковский познакомился с Брик. Бывали в этом доме А. Вертинский и художник А. Осьмёркин.

Художник А. Осьмёркин увековечил мать Аллы Александровны в портрете «Дама с лорнеткой. Портрет Иды Яковлевны Хвасс» (1917. Русский музей, Санкт-Петербург).

Сохранились документальные фотографии круга общения семьи Рустайкис: «Лев Шехтель, Владимир Маяковский и Вера Шехтель» (1913), «Маяковский и Вера Шехтель» (1913).

1.

2.

1. АЛЛА РУСТАЙКИС на творческом вечере в доме-музее Марины Цветаевой

2. АЛЛА РУСТАЙКИС с писателем ТАТЬЯНОЙ КУЗНЕЦОВОЙ,
июнь 2003 г.

Алла Рустайкис вместе со своей дочерью Алёной смогла возродить традиции дома на Садовой-Каретной, поддерживать молодых одаренных людей. В 60–70-е годы здесь бывали Андрей Битов, Инна Лиснянская, Булат Окуджава (именно здесь была сделана первая запись его песен), Андрей Вознесенский, Иосиф Бродский, художники Олег Целков и Анатолий Зверев, композиторы Шнитке и Каретников...

Обидно сознавать, что Рустайкис вся страна знала лишь по стихам к песне «Снегопад», между тем, она заслуживает всеобщего внимания как талантливый самобытный поэт и значительная человеческая личность.

Творческое содружество Людмилы Лядовой с участниками музыкального фестиваля «Моцартини»

Являясь административным руководителем международного музыкального фестиваля «Моцартини», я очень хотела познакомить музыкально одаренных детей с нашей легендой — Людмилой Лядовой. К счастью, это произошло. Людмила Алексеевна с открытым сердцем и большой любовью отнеслась к детям, ведь в них так привлекает искренность и чистота.

Они стали готовить совместные выступления. Проведению общих концертов предшествовали занятия Лядовой с этими детьми. Она разбирала с ними свои произведения, включаемые в программы и исполняемые произведения русской и зарубежной классики.

Юные музыканты принимали участие в юбилейном концерте Л. Лядовой в Большом и Малом зале Московской консерватории, в концертах в детском центре «Мусейон» при Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина, а также в Доме ученых РАН, в культурном центре «Преодоление», расположенном в особняке княгини Волконской.

Особенно мне запомнился юбилейный концерт Л. Лядовой, состоявшийся 29 марта 2005 года в Большом зале Московской консерватории.

Лядова блестяще исполнила написанный ею концерт для фортепиано с оркестром и концертную польку. Прекрасно было исполнение Е.В. Образцовой романсов «Пленительные звуки», «Я спеть хочу романс любви

Первое выступление в Большом зале Московской консерватории Тихона Хренникова-младшего на юбилейном концерте Л. Лядовой, 29 марта 2005 г.

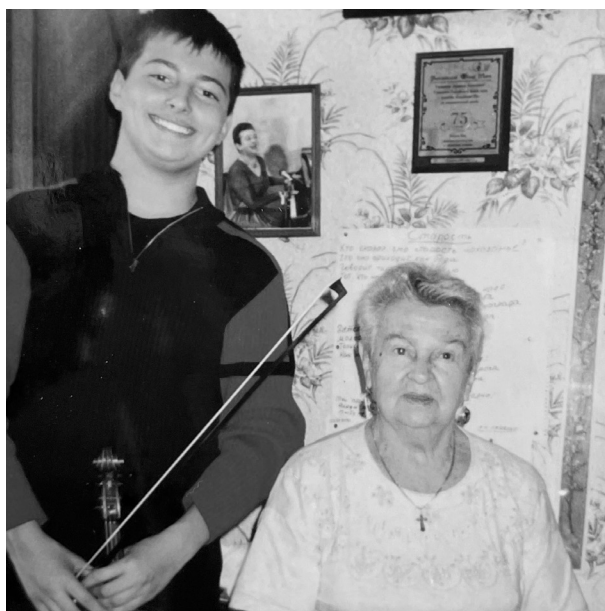

последней», написанных Л.А. Лядовой. Ведущим такого значительного вечера был знаменитый Святослав Бэлза. В концерте также принимали участие замечательные исполнители: Людмила Нам, Заур Тутов, Нина Гапонова, Наталья Васильева, Ирина Озерная и др. Приятно, что в этом концерте в первый раз на сцене Большого зала выступил участник «Моцартини» Тихон Хренников (младший). Он исполнил произведения прадеда Т.Н. Хренникова и свои собственные сочинения. Талант юного композитора был оценен горячими аплодисментами публики.

Людмила Алексеевна сохранила добрую память о том, как ее, молодого талантливого композитора, окончившую с отличием Свердловскую консерваторию, Тихон Николаевич Хренников принимал в члены Союза композиторов и позднее утверждал в звании Народной артистки СССР.

Запомнились выступления Людмилы Алексеевны с участниками фестиваля «Моцартини» в Доме русского зарубежья 18 октября 2006 года. Участниками концерта были Владимир Головатый, Михаил Зонтов, пианист Владимир Фарков и юный композитор Тихон Хренников (младший). Люди, присутствовавшие в зале, с восторгом принимали Людмилу Алексеевну и участников «Моцартини».

*Репетиция
перед концертами
участников фестиваля
«Моцартини»
Тихона Хренникова-
младшего
и Владимира Головатого
дома у композитора
Л. Лядовой*

1. Ведущая концерта Л.Серова с пианистом, участником «Моцартини» В.Фарковым
2. После концерта участников «Моцартини» вместе с композитором Л. Лядовой в доме русского зарубежья, 18 октября 2006 г.

1.

2.

Выставка, посвященная Году семьи в галерее «Беляево»

«Из семейного архива: Пилюгины, Анисимовы, Остольские»

В Государственном выставочном зале «Галерея Беляево» с 26 сентября по 26 октября 2008 года проходила историко-художественная выставка «Из семейного архива: Пилюгины, Анисимовы, Остольские», посвященная году семьи.

Эта выставка была направлена на преодоление забвения истории своего рода, на бережное сохранение памяти о своих корнях. Ведь архивные документы объединяют разные поколения, воспитывают уважительное отношение к своему роду как части истории нашей страны.

Для каждой из трех семей было отведено отдельное пространство, символизирующее отдельную квартиру с интерьером, оформленным в домашнем стиле.

Но какие интересные, непохожие судьбы самобытных, ярких людей отражены в старых фотографиях, личных вещах, документах, графических и живописных работах! Вот они, герои выставки.

I раздел. Н.А. Пилюгин — всемирно известный ученый, академик, был одним из соратников С.П. Королёва. Под руководством Николая Алексеевича созданы системы управления космических аппаратов. На выставке представлены трогательные письма жене, семейные фотографии, наградные грамоты, фотографии Пилюгина с членами правительства, с главным конструктором С.П. Королёвым и Ю.А. Гагариным. Именем Пилюгина названа одна из московских улиц. Семейный архив сохранила и передала в музей личных собраний дочь Н.А. Пилюгина — Надежда Николаевна.

II раздел был посвящен нашему многочисленному роду. На выставке было представлено генеалогическое древо Анисимовых, фотографии, личные документы моего деда, известного ученого-этнографа Кавказа Ильи Анисимова, его дочери — актрисы немого кино Гюль-Бике Щербатовой,

Афиша выставки в галерее «Беляево»

родной сестры моей матери — балерины Ираиды Загурской и ее мужа кино-режиссера Казимира Гертеля, а также фотографии моего брата — крупного ученого-экономиста Гирея Анисимова. Экспонировались подлинные живописные работы моего мужа — известного художника Алексея Писарева и сестры Тамары Анисимовой.

В документальной коллекции, представленной на выставке, была книга о замечательном композиторе Л.А. Лядовой с ее дарственной надписью, программы ее выступлений с участниками детского музыкального фестиваля «Моцартини», именные пригласительные билеты на авторские вечера Лядовой.

За два дня до закрытия выставки состоялся вечер, посвященный нашему многочисленному роду Анисимовых. На вечере выступали специалисты из архива-музея личных собраний, готовивших эту замечательную выставку. Ярким было выступление кандидата технических наук, председателя Пушкинского общества МАИ Л.Б. Сомовой. Она преподнесла мне написанную ею книгу: «Ярополец: лица, история, судьбы». Эта книга получила высокую оценку пушкинистов, ее презентация проходила в Музее Пушкина на Арбате.

Л.Б. Сомова — друг детства и юности по студии художественного слова, так же как и Л.В. Серова, выступившая с теплыми словами о выставке на этом вечере. Л.В. Серова — доктор биологических наук, лауреат Государственной премии, проработала долгие годы в Институте космических исследований. Она была ведущей вечера в Доме Русского зарубежья, где пела свои песни-шлягеры прославленная Людмила Лядова, а участники фестиваля «Моцартини» исполняли ее произведения для фортепиано, скрипки.

Хорошо о выставке отозвалась член Союза писателей России Т.В. Кузнецова, написавшая книгу о Л.А. Лядовой. Ценно, что на вечере присутствовали мои родственники и даже школьные друзья.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МОСКОВСКИЙ АРХИВ-МУЗЕЙ
ЛИЧНЫХ СОБРАНИЙ
ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР ГЛАВАРХИВА МОСКВЫ
ГВЗ «ГАЛЕРЕЯ «БЕЛЯЕВО»
ПРИГЛАШАЮТ НА

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ГОДУ СЕМЬИ

ГВЗ
2008

*«ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ ...
СЕМЬЯ АНИСИМОВЫХ»*

ПРОГРАММА ВЕЧЕРА:

1. ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ВЕЧЕРА - ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ,
КРАЕВЕДОВ, ЧЛЕНОВ СЕМЬИ АНИСИМОВЫХ
И ИХ ДРУЗЕЙ
2. КОНЦЕРТ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР,
ЛАУРЕАТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ, КОМПОЗИТОРА
ЛЮДМИЛЫ ЛЯДОВОЙ

ВЕЧЕР СОСТОИТСЯ 24 ОКТЯБРЯ 2008
В 15.00 В ГАЛЕРЕЕ «БЕЛЯЕВО»

АДРЕС: ГУК ГВЗ «ГАЛЕРЕЯ «БЕЛЯЕВО»
МОСКВА, УЛ. ПРОФСОЮЗНАЯ, Д.100. ТЕЛ.: 335-83-22

*Афиша вечера на выставке Центрального Московского архива —
музея личных собраний «Времен связующая нить», семья Анисимовых.
(Вечер состоялся 24 октября 2008 года)*

Выступление Л.А. Лядовой

Конечно, драгоценным подарком для всех присутствующих был концерт народной артистки СССР, лауреата Государственных премий Людмилы Алексеевны Лядовой.

Людмиле Алексеевне понравилась сама выставка, теплая, сердечная атмосфера вечера. Но есть у Лядовой особенно любимые и дорогие песни, которые она чаще всего исполняет на авторских концертах. В этот вечер многие из этих песен она исполнила. Пела она вдохновенно, затрагивая самые сокровенные душевные струны. В ее исполнении мы услышали глубокие, даже с философским содержанием песни: «Дорога», «В раю» (стихи М. Цветаевой), «Не бойся боли от любви»; лирические «Паутиночка», «Вальс влюбленных», который она исполнила на фортепиано. Завершился концерт оптимистичными, жизнеутверждающими песнями «Чудо-песенка», «Парамарибо», «Мой марш». Концерт прошел на ура!

После концерта был фуршет: одни оживленно обсуждали впечатление от выставки, другие выражали восхищение выступлением Лядовой. Было шумно, весело! Так незаметно подошло время закрытия выставочного зала. Люди не хотели расходиться. На такой высокой ноте завершился вечер.

III раздел выставки был очень интересным. В экспозиции были представлены документы из архивов талантливых художников Надежды Валентиновны и Константина Олеговича Остольских. Четыре дворянских фамилии составили род Остольских. Генеалогические корни одной из ветвей этой семьи доходят до Рюриковичей. Привлекают внимание зрителя фамильные иконы, живописная работа Т.Т. Остольской «Дом под Киевом». На выставке также были представлены книги «Москва православная».

В роду Остольских был выдающийся карикатурист советской эпохи С.А. Уманский, псевдоним «Самум», чьи оригинальные карикатуры, не утратившие своей актуальности поныне, также экспонировались на выставке.

Выставка получилась оригинальной, очень интересной для зрителей. Об этом свидетельствует ряд отзывов.

«С большим удовольствием принял участие в открытии выставки “Из семейного архива”. Выставка подготовлена с теплой сердечностью к материалам, представленным для ознакомления. Выставка наполнена живыми человеческими образами, расширяющими наши знания об истории Отечества и людях, славивших эту историю.

*Зам. префекта ЗАО А. Картышов
26.09.08».*

«Благодарю Госархив за ту огромную работу, которая дает возможность помнить и сохранять те чувства, которые живут в каждом из нас.

*С уважением, Л. Дубникова, 26 сентября,
г. Москва — Калифорния».*

«Огромное спасибо организаторам и устроителям такой “семейной выставки”. Это то, чего мы были, к сожалению, лишены многие годы. Слава Богу, времена изменились. Еще раз — низкий поклон.

С. Ренкель (ст. преподаватель РУДН Москва)».

Эта выставка получила признание в музейном сообществе и у зрителей. В иллюстрированной газете изящных искусств «Галерея», получившей знак отличия «Золотой фонд прессы — 2008», была помещена большая статья куратора выставки В.В. Якименко о том, как создавалась эта выставка. Текст был приведен с цветными иллюстрациями живописных работ А.И. Писарева «Девушка с корзиной свеклы» (1947), Т.Т. Остольской «Дом под Киевом», и тремя художественными фотографиями из архивов: Н.А. Пилюгин, фото 1930 г.; Гюль-Бике Щербатова, 1932 г.; А.Г. Проничева, 1916–17 гг.

Выставка была заметным явлением в культурной жизни Москвы.

ГЛАВА IX

2010-е годы

Дар музею-усадьбе Гончаровых в Яропольце	541
<i>Пушкинский праздник в музее-усадьбе Гончаровых</i>	544
Памяти моего двоюродного брата Михаила Георгиевича Шпанина	547
Большая жизненная сила, творческий потенциал горских евреев (татов)	557
Памяти Сергея Ивановича Вайнштейна	565
Капитан первого ранга Д.М. Данилов — близкий друг Т.В. Кузнецовой	567
Людмила Лядова и ближний круг почитателей ее таланта <i>Последние годы жизни Людмилы Алексеевны Лядовой</i>	573 590

Дар музею-усадьбе Гончаровых в Яропольце

Дружеские отношения с участниками коллектива художественного слова, руководимого М.Р. Перловой, у меня сохранялись всю жизнь. Недаром мы себя в шутку называли «лицейским братством». В это сообщество, дорогое нашим сердцам, входила Лариса Сомова.

Занимаясь сохранением и пропагандой творческого наследия моей сестры, художницы Тамары Даниловны Анисимовой (1934–1988), я пригласила Ларису Сомову на выставку художницы, состоявшуюся в залах МОСХа в Старосадском переулке в 2002 году. Лариса проявила живой интерес к творчеству Тамары.

У себя дома я показывала свернутую в большой рулон картину «А. Пушкин и Н. Гончарова». Картина сильно пострадала в результате неправильного хранения: образовались заломы, трещины, утраты фрагментов живописи. Требовалась серьезная реставрация картины. Ларисе работа понравилась, и она загорелась идеей реставрации. За короткое время она осуществила свой замысел.

Благодаря энергии Ларисы отреставрированная работа, принесенная мной в дар Пушкинскому обществу МАИ, включена в экспозицию мемориального зала усадьбы Гончаровых в с. Яропольце.

В 1821 году усадьбу унаследовала Наталья Ивановна Загряжская, которая в 1807 году вышла замуж за промышленника Гончарова. Дочери владелицы усадьбы проводили здесь детские годы. Ярополец дважды посетил Пушкин. В честь этих событий установлена мемориальная доска с его портретом. Первый раз Пушкин побывал здесь 23–24 августа 1833 года по пути в Поволжье и Оренбург. Во второй раз был в октябре 1834 года, заехал на один день по пути из Болдино в Петербург. После этой поездки Пушкин писал о том, что теща живет очень уединенно в своем разоренном дворце.

«Я нашел в доме старую библиотеку, и Наталья Ивановна позволила выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам придут с вареньем и наливками. Таким образом, набег мой на Ярополец был не напрасен».

(Письмо Пушкина жене, 26 августа 1833 г.)

В 1833 г. Пушкин писал «Пиковую даму». Жил в Петербурге. Приступил к работе над «Капитанской дочкой». Начал собирать материал к «Истории Пугачёва», отправился в Оренбург и Казань для ознакомления с архивными материалами о восстании Пугачёва. Болдинская осень 1833 года была плодотворной. Пушкин написал «Историю Пугачёва», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях» и др.

Усадьба Гончаровых, находящаяся в селе Ярополец, впечатляет: войдя внутрь через массивные шахматные ворота из красного кирпича, попадаешь в усадьбу и видишь старинную церковь Иоанна Предтечи XVIII века.

В центре архитектурного комплекса дворец с портиком и шестью нарядными колоннами, украшенными лепниной. Кругом дворца высокие красные стены с рядом причудливых башен.

Усадьба окружена живописным парком. Он простирается вдоль крутого берега реки Ламы. Любуешься березами, липами, тополями, старинными деревьями, посаженными еще при создании парка. Можно пройти к находящемуся вблизи круглому острову, окруженному каналом, туда ведет липовая аллея, называемая Пушкинской.

Внутренний интерьер комнат украшен росписями с изображением романтических видов. Красива Пушкинская комната с расписным потолком и лепниной, переливающаяся огнями хрустальная люстра и, конечно, большой портрет Натальи Гончаровой.

В этих интерьерах проходил незабываемый Пушкинский праздник, состоявшийся 3–5 июня 2011 года.

5 июня, воскресенье

- 09.00 Завтрак.
 11.00 Усадебная церковь Рождества Иоанна Предтечи.
 »» Панихида по Александру Сергеевичу Пушкину.
 »» Панихида по Нине Федоровне Карановой,
 почетном члене Пушкинского общества МАИ (ум. 05.06.2010).
 Службу ведёт **отец Михаил**.
 13.00 Обед.
 14.15 Сдача номеров и ключей.
 14.45 Отъезд в Москву.

О всех возможных изменениях в программе участники будут предупреждены заранее.

**МОСКОВСКИЙ
 АВИАЦИОННЫЙ ИНСТИТУТ**

*212 лет
 со дня рождения
 А.С. Пушкина*

Ярополь, 3-5 июня 2011 года

3 июня, пятница

- 15.00 Отъезд из Москвы. Отв. **Наталья Воронцова**.
 18.30 Размещение в номерах пансионата МАИ «Ярополь-Суворово». Отв. **Валентина Черных**.
 19.00 Ужин.
 20.30 **ПУШКИНСКАЯ КОМНАТА**
 »» Представление почетных гостей.
 »» Выступление правнуков А.С. Пушкина – **Сергея Борисовича и Бориса Борисовича Пушкиных**
 «Дорогу в будущее прокладывает память о прошлом».
 Сообщение **Маргариты Даниловны Анисимовой**
 «О реставрации мраморного барельефа фельдмаршала Чернышева из усадьбы Чернышевых». Сообщение **Константины Сивягина**, реставратора ВХНРЦ им. академика И.Э.Грабаря.
 »» Концерт мастеров искусств
 • Шедеры скрипичной музыки.
 Исполняют:
 лауреат международных конкурсов, Заслуженный артист России **Граф Муржа** (скрипка)
 лауреат международных конкурсов **Наталья Гусь** (фортепиано)
 • Романсы и арии **С.Рахманинова** и **Н.Римского-Корсакова** на слова А.С. Пушкина.
 Исполняет лауреат международных конкурсов, солистка Новой оперы им. Е.В.Колубова **Елена Митракова**
 Концертмейстер дипломант международных конкурсов **Татьяна Завьялова**

4 июня, суббота

- 08.40 Завтрак для отдыхающих на экскурсию в Микულიно.
 09.00 Завтрак для оставшихся в Яропольце.
 09.40 Отъезд группы на экскурсию в Микულიнский краеведческий музей с посещением Микულიнской картинной галереи, отв. **Валентина Черных**. Экскурсию ведет директор музея и галереи **Элла Амбронова Григорович**.
 10.00 Посещение оставшимися в Яропольце участниками и гостями Пушкинских чтений Народного краеведческого музея (самостоятельно).
 14.00 Обед.
 15.00 Прогулки по паркам яропольских усадеб, осмотр дворца Чернышевых, Казанской церкви, плотины на р. Ламе (самостоятельно).
 18.00 Ужин.
 19.30 **ПУШКИНСКАЯ КОМНАТА**
 »» Об интерпретации «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина. Доклад профессора **Александра Николаевича Усатова**, проректора по науке литературного института им. А.М. Горького, члена Союза писателей России, доктора филологических наук.
 »» И. Брамс. Третье № 2. Опус 87. В 4-х частях. Исполняют лауреаты международных конкурсов
 Заслуженный артист России **Граф Муржа** (скрипка)
Рустам Комачков (виолончель)
Наталья Гусь (фортепиано)
 21.30 **ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ**
 »» Выступление **Маргариты Анисимовой**. О живописном полотне «Пушкинское пространство» и его авторе.
 »» Слайд-фильм «На Курилах» и слайд-репортаж с Красной Площади «Парад Победы». Демонстрирует автор – **Анатолий Жанов**, член Союза фотохудожников России и Союза художников Москвы.
 »» Традиционный Круглый Стол участников и гостей Пушкинских чтений. Отв. **Марина Дуцева**.

Ведет программу Лариса Сомова.

Программа проведения праздника в усадьбе Гончаровых в Яропольце, посвященного 212-летию со дня рождения А.С.Пушкина, 3–5 июня 2011 г.

Пушкинский праздник в музее-усадьбе Гончаровых

Лариса Борисовна Сомова более 20 лет возглавляла Пушкинское общество, собирая его членов и почитателей великого таланта поэта на ежегодные мероприятия, проводимые в день рождения Пушкина в усадьбе Гончаровых. После того, как отреставрированная картина заняла достойное место в зале усадьбы, Лариса Борисовна пригласила меня на Пушкинский праздник.

Л. Сомова обладала особым талантом приглашать на праздничные мероприятия очень интересных, талантливых людей.

Для меня было приятным сюрпризом видеть там двух братьев — праправнуков А.С. Пушкина: Сергея Борисовича и Бориса Борисовича Пушкиных. Интересны биографии этих потомков. Братья Сергей (1925) и Борис (1926) Пушкины, потомки великого поэта в четвертом колене, ушли воевать. Сергей обслуживал самолеты-штурмовики «Ил-2» и истребители, Борис стал курсантом морского училища в Кронштадте, окончил службу моряком-зенитчиком, уничтожил мины в акваториях Рижского и Финского заливов.

Демобилизовались братья в 1946 году. Сергей учился в Политехническом институте, Борис — в Автомеханическом.

Сергей Борисович много лет работал во ВНИИ физико-технических и радиотехнических измерений. Он — лауреат Государственной премии, один из авторов первых в Советском Союзе атомных часов.

Борис Борисович — без малого полвека работал на заводе «Наука» и на протяжении многих лет был заместителем главного конструктора. Его труд отмечен орденом «Знак Почета» и двумя Орденами Красного Знамени, а также юбилейной медалью.

Оба брата, Сергей и Борис, изображены на картине народного художника РФ В.И. Переяславца «Групповой портрет потомков А.С. Пушкина — участников Великой Отечественной войны» (1957). Картина экспонируется в одном из залов Студии военных художников им. М.Б. Грекова.

На это мероприятие был приглашен А.Н. Ужанков, доктор филологических наук, профессор, исследователь литературы и культуры Древней Руси. Он имеет сотни работ в этой области, является разработчиком новой методики исследования памятников древней культуры. Он выступил с оригинальным

1.

1. *Сомова Лариса Борисовна.
Председатель Пушкинского
общества МАИ*
2. *Мои незабываемые
впечатления от посещения
усадьбы Гончаровых,
Ярополец*

2.

докладом об интерпретации «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина.

На этом представительном мероприятии я выступила с сообщением «Дорогу в будущее прокладывает память о прошлом» и вторым выступлением: «О живописном полотне “Пушкинское пространство” и об авторе — художнице Тамаре Анисимовой».

Я с чувством гордости и радости смотрела на большую картину Тамары, посвященную А. Пушкину и Н. Гончаровой, висящую на видном месте в зале, освещенную изящной люстрой и подсвечниками. Тамара разделяла бы со мной эти восторженные чувства! Мне приятно было выступать в нарядном интерьере.

Украшением вечера было выступление многократного лауреата международных конкурсов, заслуженного артиста России Графа Муржи (скрипка). Он виртуозно исполнял произведения русской и зарубежной классики. Мероприятие прошло с большим успехом и надеждами на дальнейшие встречи с председателем Пушкинского общества и талантливой ведущей Ларисой Сомовой.

9 января 2013 года произошло печальное событие: скоропостижно скончалась организатор и бессменный председатель Пушкинского общества МАИ Лариса Борисовна Сомова. Она выпустила двухтомное издание «Ярополец: лица, истории, судьбы». Работая над книгой, Лариса Борисовна много времени проводила в архивах. Она переводила с французского языка переписку Гончаровых, Чернышёвых, Загряжских, Голицыных, Строгановых, устанавливала их родственные связи, биографии. Она не успела окончить почти уже написанный 3-й том, но эта работа была завершена ее коллегами-пушкинистами к 220-летию со дня рождения великого поэта.

Светлая память Ларисе Борисовне Сомовой, внесшей вклад в отечественное пушкиноведение!

Памяти моего двоюродного брата Михаила Георгиевича Шпанина

С раннего детства я помню рассказы отца о своем известном на Кавказе роде Анисимовых, об Илье Шеребетовиче, о его достижениях в области этнографии, о брате моего отца Леониде и о красавицах-сестрах Гюль-Бике и Цецилии.

Папа горевал, рассказывая о ранней смерти любимой сестры Цецилии, прожившей всего 27 лет. Но говорил: хорошо, что у нее остался сын Миша, который родился в 1923 году.

В нашем детстве и юности мы не встречались с Михаилом. Его отец Георгий Шпанин спустя некоторое время после кончины Цецилии женился. У Михаила появилась мачеха, и наступила новая жизнь. Наша семья жила в Москве, Шпанины — в Баку. Но тем не менее родители интересовались судьбой мальчика, узнавая о его жизни от наших родственников.

С раннего детства Миша хорошо рисовал и до войны учился в художественной школе. Когда грянула Великая Отечественная война, 18-летний Миша ушел воевать, был лейтенантом, командиром огневого взвода, награжден за отвагу орденами и медалями.

После войны учился в Азербайджанском университете им. Кирова на историческом факультете, затем в Политехническом институте на факультете промышленного и гражданского строительства. Работал в НИИ технической эстетики начальником сектора рабочих мест, имел ряд авторских свидетельств. Одновременно продолжал рисовать.

Узнав, что моя сестра Тамара стала художницей, он заинтересовался ее творчеством. Правда, он редко, эпизодически общался с ней. Прошли годы, Михаил женился на замечательной девушке Нонне Кульгавиной, работавшей врачом-терапевтом. От этого брака родились двое сыновей, Владимир и Леонид. На момент регулярного нашего общения дети достигли юношеского возраста.

В моей жизни также произошли изменения — я вышла замуж за художника А.И. Писарева, родила дочь Анну, овдовела. Уже в зрелом

возрасте мы встретились семьями у меня дома и понравились друг другу. С тех пор Шпанины стали приезжать гостить в Москву, и я с дочерью Анной совершила поездку в Баку.

Для нас этот город особенно значимый: здесь наш общий со Шпаниными дед Илья Шеребетович Анисимов долгие годы жил с семьей, трудился на нефтяных промыслах; тут жила и умерла мать Михаила, и мы все вместе ходили по этим дорогим нашим сердцам дорогам. Незабываемые впечатления!

Сам город Баку очень красив: набережная на берегу Каспийского моря, старый город, окруженный крепостными стенами, девичья башня, мечети, высокие минареты.

Бывая в летний период в Москве, Шпанины любили гулять в Нескучном саду Парке Культуры имени Горького, в Коломенском. Их очаровывали городские пейзажи и красота Москвы-реки.

С годами, когда трудовая деятельность Михаила шла к завершению, дети выросли и встали на ноги, появилось время заняться исследованием домашних архивных материалов, опрашивать живых свидетелей, знающих интересные, значимые факты, события, имеющие отношение к нашему роду, к самобытной культуре и быту горских евреев. Михаил всецело погрузился в эту работу на долгие годы: написал книги, выпустил большое количество статей, принял участие в издании пьесы дедушки «В горах Дагестана».

Столкнувшись со сложностью трудоустройства своих сыновей, с бытовыми и материальными проблемами после распада СССР, в 1997 году семейство Михаила покидает Баку и уезжает жить в Израиль. После нескольких лет жизни в этой стране семейство переезжает в Канаду. Младший сын Леонид по приглашению на работу научным сотрудником Бирмингемского университета переезжает жить в Англию.

Переезд в Канаду не помешал Михаилу успешно заниматься любимым делом. Он присылает мне много своих статей о нашем роде Анисимовых, опубликованных в России, Канаде, США.

Наконец он пишет книгу под названием «Перечитывая страницы нашей истории» (Лондон, Russian Media House, 2010). В процессе написания книги он обращался ко мне в письмах, чтобы уточнить данные о наших

*МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ
ШПАНИН (1923–2015),
мой двоюродный брат*

родственников, получить ответ на некоторые неясные, спорные вопросы, выслать необходимые фотографии.

В 7-м номере журнала «Миньян. Мост из XIX века в век XXI» за 2002 год, посвященном 140-летию со дня рождения И.Ш. Анисимова, есть статья М. Шпанина «Перечитывая страницы истории», в которой собран очень содержательный материал, приведено много ранее неизвестных фактов.

Так совпало, что после завершения трудовой деятельности по специальности я также занялась разбором своего домашнего архива. Это занятие оказалось для меня очень увлекательным. Я стала воссоздавать судьбы очень дорогих для меня людей во всех подробностях, вникать в письма, всматриваться в фотографии, анализировать их жизненные обстоятельства, ситуации, в которых они оказывались.

С Михаилом мы стали регулярно писать друг другу, обмениваться интересной информацией, фотографиями, письмами. Он даже прислал написанное им в молодости произведение «Баллада о драгоценностях». В письме я написала ему о своих впечатлениях от этой поэмы.

Особый интерес у Михаила вызывала сохранившаяся в моем архиве переписка И.Ш. Анисимова со своей женой М.С. Вейншал. С моего разрешения он включил эту переписку в свою книгу. Она получилась интересной, познавательной.

Посвящение к книге «Неизвестное об известном горско-еврейском этнографе И.Ш. Анисимове» такое:

«Моей матери Цецилии Ильиничне Анисимовой (Шпаниной) посвящается».

Меня особенно тронуло его трепетное отношение к своей матери Цецилии. Ведь Михаилу было всего четыре года, когда она умерла. Но его не по возрасту цепкая память запечатлела многие события, связанные с матерью. Позже его знания дополнили близкие родственники.

В своей книге он пишет о матери:

«Мама родилась в 1900 году, жила в Баку. В 1921 г. устроилась в библиотеку индустриального института, где учился мой отец Георгий Шпанин. Там состоялось их первое знакомство. В 1922 г. было их бракосочетание. У родителей отца в доме был рояль “Беккер”. Очень часто мама садилась за рояль и аккомпанировала отцу, у которого был сильный и красивый голос.

Выраженные способности мамы проявились в живописи и особенно в скульптуре. Под руководством известного скульптора она освоила все этапы работы, включая формовку и отливку из гипса своих работ. Одна из них сохранилась в доме.

Внезапная болезнь матери началась с высокой температуры, первоначально был установлен неправильный диагноз — малярия, в больнице определили точный диагноз — тиф. Спасти ее не удалось».

В ИЗРАИЛЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕСЫ И.Ш.АНИСИМОВА

Событие, о котором я хочу рассказать читателям газет, к сожалению осталось почти не замеченным там, где оно произошло. В 2003 году в Израиле впервые была опубликована пьеса знаменитого нашего соотечественника Ильи Шербетовича Анисимова.

Так получилось, что для того, чтобы его пьеса увидела свет, должно было пройти без малого 100 лет! Драма "В горах Дагестана" была написана И.Ш.Анисимовым в 1920-25 годах и она явилась своеобразным итогом деятельности ученого-этнографа.

В преамбуле пьесы автор дает характеристики каждому ее герою, начиная с одежды и кончая манерами поведения, давая будущему постановщику своего рода справочный материал.

Пьеса отличается исторической достоверностью, так как автор очень хорошо знал историю своего народа, познав ее на собственном опыте.

Лейтмотивом пьесы явилась незавидная судьба молодых людей, обрученных с детства, не питавших никаких чувств друг к другу и вынужденных подчиниться воле родителей.

Действие пьесы разворачивается в одном из горных аулов Кавказа. Два брата Месендиль и Кардаш обручили своих детей — девочку Гузель и мальчика Илько — с самого их рождения.

Дети выросли, но когда настало время свадьбы,

Гузель полюбила воспитывавшегося в их доме Арслана, который был очарован прекрасной Гузелью.

Родные, заподозрив неладное, решают ускорить свадьбу. Тогда Арслан решает с согласия Гузель "похитить" ее за день до свадьбы.

Пьеса заканчивается семейной драмой и очевидной кровавой мстостью.

По мысли автора, поставленная на сцене пьеса дала бы возможность широкому кругу общественности познакомиться с бытом и нравами горских

ведения позволил потомкам И.Ш.Анисимова осуществить то, что не удалось сделать. Особая роль в этой работе принадлежит моей коллеге Фриде Борисовне Юсуфовой, которая взяла на себя все этапы подготовки пьесы к изданию, начиная с редактирования материала и кончая художественным оформлением.

Пьеса увидела свет. Дело теперь за постановщиками. Родственники И.Ш.Анисимова надеются, что они будут свидетелями этого за-

евреев в дореволюционной России.

По целому ряду причин автору не удалось опубликовать пьесу. Сохранившийся машинописный текст произ-

метного события в истории культуры горских евреев.

Михаил ШПАНИН

На фото - обложка драмы И.Ш.Анисимова

Цецилия умерла в 1927 году, 27 лет от роду. Илья Шеребетович был в отчаянии от смерти любимой дочери, по его желанию даже были вынуты из венка несколько цветов и засушены. У Михаила эта реликвия хранилась в альбоме свыше 80 лет.

Годовалый Михаил вместе с мамой совершил свое первое путешествие по железной дороге в поезде «Баку — Москва». Она ехала показать своего сына брату Данилу и сестре Гюль-Бике.

После смерти жены Георгий женился на хорошей женщине. Мачеха была близким человеком для Михаила, но мамой он ее никогда не называл. Софья Львовна Шпанина-Каминская — фармацевт. В 1941 году была направлена в Черноморский флотский экипаж. Она стала участником героической обороны Севастополя.

Личность Михаила удивительна тем, что, прожив без матери почти все сознательное существование, он пронес любовь к ней через долгую жизнь и, наряду с ее судьбой, интересовался жизнью всех ее родственников и предков.

Изыскания Михаила, связанные с И.Ш. Анисимовым и нашим родом, охватывают период с XVIII до начала XXI века.

Хочется надеяться, что история рода найдет отклик в наших потомках.

Изданную с участием сына Леонида книгу «Перечитывая страницы нашей истории» Михаил Шпанин привез в 2015 году в Москву.

Официально он прибыл из далекой Канады на празднование 70-летия Победы как участник Великой Отечественной войны. Сопровождал 92-летнего Михаила его сын Владимир. Они посетили незабываемый парад Победы, были на торжественном приеме в Кремле и ряде праздничных мероприятий. Несмотря на плотный график, Михаил и его сын нашли время встретиться со мной и моей дочкой Анной в роскошной гостинице на Смоленской площади, где они остановились. Мы были там в вечернее время.

Несмотря на утомительные торжественные мероприятия для участников войны — людей преклонного возраста, царил атмосфера

праздника. Мы поднялись на этаж, где остановились Михаил и Владимир. В холле находились участники этого торжества. Мужчина играл на аккордеоне, а очаровательная 93-летняя женщина в военной форме, украшенной орденами, с широким ремнем на талии, прямой спиной и высокой грудью с задорной улыбкой лихо отплясывала русский народный танец. «Да, такой народ победить невозможно», — подумала я. Разговорилась с этой удивительной женщиной.

Она оказалась русской, из бывшего СССР. В годы войны была военной летчицей, совершала боевые вылеты. После распада СССР в силу семейных обстоятельств оказалась в Канаде, скучает по России, но в далекой Канаде у нее дети, внуки и даже правнуки. Но в тот момент она была счастлива находиться на своей Родине.

С Михаилом и Владимиром мы долго общались, выразили соболезнование Михаилу в связи с кончиной его супруги Нонны. Он говорил, что является членом Союза писателей, продолжает работать. Привез с собой десяток экземпляров своей книги «Перечитывая страницы нашей истории» для персональной передачи московским друзьям. Трогательно, что на память он вручил мне еще красивый чайный сервиз.

Мы встречались после праздничных торжеств накануне отлета Михаила в Канаду. Сердечно прощались с ним и его сыном Владимиром. Вскоре после их отлета Владимир сообщил нам прискорбную весть о кончине отца. Я с печалью и благодарностью подумала о нем: какая цельная и талантливая натура была у Михаила Шпанина. Он прожил долгую, плодотворную и счастливую жизнь. Вечная ему память!

Вот текст одного из писем Михаила, адресованных мне:

«Здравствуй, Маргарита!»

Сообщаю тебе, что скоро моя книга “Записки несостоявшегося художника” будет издана. Думаю, что она будет интересна для пополнения твоей коллекции.

Недавно закончил большую статью “Надежда”. Как только она будет опубликована в Израиле или в Москве в “Еврейской газете”, вышлю тебе.

В настоящем письме я решил послать тебе еще одну мою работу, написанную в то время, когда я увлекался поэзией. “Баллада о драгоценностях” посвящена городу-герою Москве, и поэтому я думаю, что она тоже может занять свое место в твоей коллекции. Лейтмотивом ее стала мысль о том, что не золото и бриллианты являются драгоценностями, а независимость своей страны во время войны и после нее. Это актуально и сейчас, в наши дни.

Мои домочадцы очень далеки от искусства, в том числе от поэзии. И поэтому я очень хочу знать твое мнение об этой моей работе, пролежавшей более полувека в моем архиве. Я ее никому не показывал, и она издана “Самиздатом” в ограниченном количестве экземпляров.

*Судя по твоим работам, ты можешь быть моим критиком.
Привет и поцелуй от всех нас!*

Михаил Шпанин. Июль 2012.

P.S. Очень прошу, когда получишь это письмо, сообщи мне, какие у тебя есть сведения о готовящемся юбилее дедушки».

Мой ответ Михаилу:

«Здравствуйте, дорогой Михаил!»

Получила Ваше письмо с книжечкой “Баллада о драгоценностях”. Она написана легким и изящным слогом. Редко кто может так писать, нужна особая поэтическая одаренность. Эту книжечку приобщила к имеющимся у меня Вашим статьям и письмам. Жду новых произведений.

Расскажу о том, что мне известно относительно юбилея дедушки. Недавно звонил мне М. Агарунов, он приехал по своим делам в Москву. Он мне сообщил: юбилей дедушки предполагают отметить в ноябре этого года. Хорошо было бы участникам этого мероприятия получить Вашу книгу “Перелистывая страницы нашей истории”. Конечно, для проведения мероприятия нужны спонсоры, в этом заключается трудность.

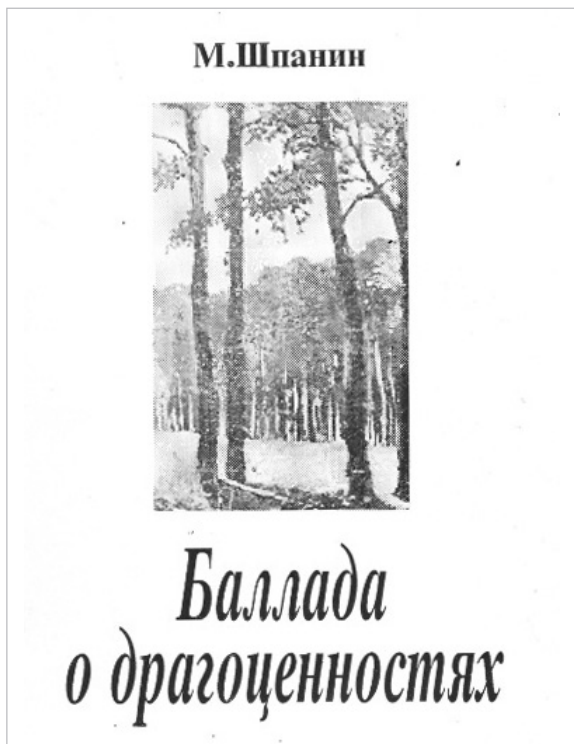
Меня радует, что память и живые традиции горских евреев сохраняются. Подтверждение этому: М. Агарунов пригласил меня в сентябре с/г на форум горско-еврейских женщин, который организовали две выдающиеся горские женщины — Фрида Юсуфова и Хана Рафаэль (Мишиева). Он состоялся в здании коллегии адвокатов недалеко от Курского вокзала.

Было все замечательно организовано. Впервые я увидела так много горских евреев. Среди них много красивых, образованных молодых людей. Говорили умные речи, нас угощали, молодежь танцевала. Обстановка была теплой и праздничной. Такое внимание было мне очень приятно. Вместе со многими присутствующими я тоже взяла микрофон и от души поблагодарила организаторов за такой праздник.

Шлю всей Вашей семье сердечный привет от Анюты.

Маргарита Анисимова. Август 2012.

P.S. Пыталась несколько раз дозвониться до Вас с московского телефона, но никак не могла. Наверное, неточные коды».

1.

1. Обложка книги
Михаила Шпанина
2. С **ВЛАДИМИРОМ
ШПАНИНЫМ**, сыном
Михаила, на выставке,
посвященной Году семьи
в галерее «Беляево»

2.

Большая жизненная сила, творческий потенциал горских евреев (татов)

Деятельность общины горских евреев, начиная с 2000 года, стала заметным явлением в жизни Москвы.

Мероприятия, на которые я была приглашена, были интересными, значительными, запоминающимися присутствующими на них людьми, в большинстве своем имеющими горско-еврейские корни. Одно из таких важнейших мероприятий проходило в гостинице «Славянская».

Большое впечатление на меня произвели выступления религиозных деятелей и представителей светских организаций, посвященные внесению в иудейский календарь нового праздника — Дня Победы. Отныне он будет праздноваться 26 ияра по еврейскому лунно-солнечному календарю. Ведь от ужасов Холокоста евреи жестоко пострадали. Было уничтожено 6 млн человек в концлагерях и гетто! Будущие поколения эти трагические события истории должны помнить всегда. Предметом гордости явилось то, что инициатором этой идеи стал глава Международного фонда горских евреев Герман Захарьяев. Он осуществил почти невозможное. Ведь иудейский календарь не менялся веками.

С радостью откликнулась на предложение исполнительного директора Благотворительного фонда СТМЭГИ Д.И. Данилова встретиться с представителями горских евреев в уютном зале-амфитеатре, где Фонд СТМЭГИ постоянно проводит свои мероприятия.

Хотя народу собралось немного, обстановка была сердечной, доброжелательной. Я рассказала о своем семейном архиве, о том, как увлекательно воссоздавать в своем воображении по письмам, фотографиям, документам дорогих сердцу родственников, друзей и делиться с другими людьми своими интересными находками, откровениями.

Инициатива Президента Международного благотворительного фонда СТМЭГИ Германа Захарьева празднования Дня Победы над нацизмом как дня Спасения и Освобождения по еврейскому календарю 26 ияра 5781 г.

Говорила о неизвестных страницах жизни моего деда — известного этнографа И.Ш. Анисимова, о его сердечной, чудом сохранившейся переписке с женой Марией Савельевной, рассказывала о музыкально одаренных детях — скрипачах и пианистах, с большим успехом выступавших в Италии на международном фестивале «Моцартини». Рассказ мой сопровождался показом фотографий, документов на крупном экране. Особенно людей поразила фотография моей родной тети — красавицы Гюль-Бике, актрисы немого кино.

На вечере пели и танцевали очаровательные молодые девушки, что создавало радостную атмосферу вечера.

После выступления я устроила небольшую презентацию своего сборника «Книга житейской мудрости», несколько экземпляров этой книги я подарила присутствующим в зале. Люди остались довольны вечером, а я возвращалась домой с изящной корзиночкой живых цветов на память об этой встрече.

В гильдии адвокатов России 8 июля 2016 года состоялась встреча горско-еврейских литераторов. Этому значительному событию была посвящена статья «Встреча литераторов Москвы» в газете STMEGI.com за сентябрь 2016 г. Организовала встречу Фрида Юсуфова. Она с радушием принимала гостей, рассказала о своей деятельности, о новых издаваемых ею книгах горских евреев, о словаре фонда СТМЭГИ.

На мероприятии выступал исполнительный директор фонда Данил Данилов, поэт Рахамим Мигиров, поэтесса Агнесса Масандилова. Я представила мои «Книги житейской мудрости» и подарила присутствующим.

Руководитель творческого объединения «Еврейская старина Москвы» Ефим Улицкий рассказал о том, что готовит книгу о горских евреях. На встрече было принято решение подготовить вечер памяти горско-еврейского поэта и писателя Амалдама Кукуллу. В 70-х годах он ходил с большим, тяжелым бобинным магнитофоном по селам Дагестана и записывал сказки, притчи, пословицы и поговорки горских евреев. Он внес значительный вклад в культуру своего народа.

В течение нескольких лет, с 2013 года, я получаю иллюстрированную газету горских евреев STMEGI.com. Я всегда жду ее новые номера. Чувствуется, что газета создается талантливым творческим коллективом. Они направляют интерес читателя на самые актуальные, животрепещущие темы. Пишут о значимых событиях в жизни горских евреев увлекательно, ярко, безупречно грамотным русским языком. Фотографии, помещенные в газете, оригинальны, художники-фотографы раскрывают самую сущность события или человеческой личности, отличаются высоким уровнем мастерства.

Смотрю на разворот газеты STMEGI.com за сентябрь 2014 года. Община живет яркой творческой жизнью. В газете собраны фотографии тысячи людей, принимавших участие в жизни общины в течение предыдущего года. Там оказалась и моя фотография с Данилом Ильичом Даниловым, проводившим встречу с членами горско-еврейской общины. Для меня важна живая связь с глубокими корнями моего рода.

1.

2.

1. С исполнительным директором благотворительного фонда СТМЭГИ Д.И. Даниловым
2. Встреча горско-еврейских литераторов Москвы в Гильдии адвокатов России, 8 июля 2016 г.

Благодарна за талантливо написанную статью И. Михайловой «“Житейские мудрости” Маргариты Анисимовой» в газете STMEGI.com за январь 2015 г. Тогда у нас вышла незапланированная встреча, поэтому с журналисткой Ириной Михайловой получился такой живой, непосредственный разговор. Встреча была запоминающейся, так как ее интерес ко мне затрагивал самое сокровенное, дорогое, что было в моей жизни. Я интересовала ее как внучка И.Ш. Анисимова. Рассказала, что в семейном архиве сохранилась переписка Ильи Шеребетовича с женой Марией Савельевной. Эти письма не потеряли своей актуальности и сейчас, выявляя не только отношение моего деда к его личной жизни, но и его широкий взгляд на окружающий мир. Эти письма поучительны и для нового поколения.

Журналистка интересовалась личностями потомков и тем, как свойства удивительной личности деда проявились в членах нашей семьи. Мне было о чем рассказать.

Ирине Михайловой я показала альбом семейных фотографий, несколько из них она пересняла и использовала в своей статье.

В заключение нашей беседы я подарила Ирине две написанные мной «Книги житейской мудрости», рассказала о своих творческих планах, связанных с пополнением архива и написанием книги личных воспоминаний за долгую 80-летнюю жизнь. Встреча оказалась памятной.

В моем семейном архиве сохраняю как дорогую реликвию газету STMEGI.com №51 за декабрь 2018 года со статьей, посвященной Дню театра, и помещенной на первой странице большой фотографией моей тети, актрисы немого кино Гюль-Бике.

Одним из важных направлений деятельности общины является сохранение и пополнение книжного фонда горских евреев. Большим энтузиастом в деле сохранения и приумножения этих книг является Д.И. Данилов.

Я побывала в этой библиотеке и увидела большое разнообразие литературы: сказки, предания, притчи, исторические книги, художественная проза и поэзия, научная литература, книги по изобразительному искусству и музыкальному творчеству.

Я испытала чувство гордости: среди этого книжного многообразия почетное место занимают книги моего деда — этнографа И.Ш. Анисимова, а также книги исследовательского характера о его жизни и деятельности.

Его потомки также продолжают заниматься историко-литературным творчеством. Так, мой двоюродный брат Михаил Шпанин передал в дар библиотеке книгу «Перечитывая страницы нашей истории». Я также передала в фонд несколько экземпляров «Книги житейской мудрости» (кн. 1, 2). Надеюсь продолжить передачу моих новых книг на благо развития нового поколения нашего талантливого народа.

Интересуясь историей своего народа, его отдельными яркими творческими личностями, я тем не менее не знала многих современных талантливых людей из горских евреев.

Начиная с 2000-х годов, когда активно заработала община горских евреев в Москве, меня стали приглашать на значительные мероприятия, творческие вечера, выставки. И я искренне порадовалась современным талантам этого народа, способным обогащать многонациональную российскую культуру.

Таким откровением для меня было посещение концерта композитора Гарри Канаева. Я увидела не сцене красивого, артистичного мужчину, исполнявшего на фортепиано свои произведения. Затем был показан фильм, сопровождаемый его музыкой, негромкой, но красивой, с запоминающимися мелодиями.

На концерте молодые вокалистки с успехом исполняли песни, написанные композитором. Концерт мне понравился, и я стала интересоваться творчеством Канаева.

По Первому каналу телевидения был показан многосерийный фильм «Семейный альбом» с проникновенной и выразительной музыкой Гарри Канаева. Режиссером фильма был Леонид Прудовский. Композитор написал талантливую музыку к его пяти картинам. Наиболее известные из них «В пяти часах от Парижа», «Темная ночь» — картина была даже номинирована на «Оскар».

Гарри Канаев создал музыкальную композицию «Сотворение мира» к I главе Торы.

Когда меня пригласили на очередной юбилейный концерт в зал Международного союза музыкальных деятелей на Никитской, я шла с большим удовольствием. Ожидания мои вполне оправдались. В исполнении Гарри Канаева я услышала уже знакомые мне мелодии из фильма «Семейный альбом», а также ранее не слышанные инструментальные произведения.

Ярким было вступление ансамбля «РадаНик», они с высоким профессионализмом, талантливо исполняли произведения композитора. Вечер прошел с большим успехом при полном зале.

Художника Биньямина Завалуновича Шалумова впервые я увидела в небольшой комнате, где Данил Ильич Данилов собирал библиотеку из книг горских евреев. Когда я вошла в комнату, Шалумов вел оживленный разговор с Данилом Ильичом о планах развития фонда. Они прервали свой разговор, и Данил Ильич представил меня художнику как внуку известного всем горским евреям И.Ш. Анисимова, пишущую книгу об истории рода Анисимовых.

Шалумов произвел на меня яркое впечатление: благородная седина, живой, умный, доброжелательный взгляд. Говорил он очень интересно, эмоционально, в нем чувствовался заряд большой творческой энергии. Проявлял ко мне живой интерес и симпатию. В заключение разговора он подарил мне свою книгу «В поисках гармонии» с дарственной надписью, сделанной красивым размашистым почерком:

*«Маргарите Даниловне на память о встрече. С глубоким уважением,
Биньямин Шалумов. Москва, 2014».*

Дома я начала читать книгу воспоминаний и не могла от нее оторваться, пока не дочитала до конца повествование об удивительной судьбе этого крупного ученого и художника.

Спустя короткое время я была приглашена на открытие его персональной выставки, состоявшейся в Геологическом музее МГУ на Моховой площади.

Так сложилось, что мой муж Алексей Иванович Писарев и моя сестра Тамара Анисимова были талантливыми художниками. Благодаря им я стала разбираться в живописном искусстве. Окинув взглядом большой зал, в котором были представлены картины Шалумова, я сразу ощутила, что передо мной работы настоящего, большого художника. Было желание войти в пространство каждой картины и ощутить ее красоту и глубину. Поразительно было то, что Шалумов, ученый-химик с мировым именем, вдруг в 62 года обрывает успешную карьеру ученого и всецело посвящает себя живописному искусству. У него было 25 персональных выставок в России, Америке, Канаде, Европе. Его картины находятся в частных коллекциях и музеях мира.

В картинах Шалумова есть один секрет, недоступный другим высокопрофессиональным художникам. Возможности большого ученого-химика он применил в процессе создания сочетаний ярких красок и их бесчисленных полутонов, оттенков. В результате художнику удалось создать свои многообразные, прекрасные, оригинальные произведения.

Любимым жанром художника, судя по представленным на выставке работам, является пейзаж. Какие поэтичные работы посвящены различным местам Москвы! Я их сразу узнала.

Много пейзажей было написано в разных странах: Америке, Канаде, во многих европейских странах. Во всех работах присутствует чувство красоты и гармонии.

Но доминантой выставки являются виды гор, живописные ущелья, быстрые горные речки, море, морские берега и, конечно, запоминающиеся лица людей Дагестана. Недаром Шалумову, уроженцу Дербента, присвоено звание «Народный художник Дагестана». Он дорожит этим званием более всех многочисленных наград.

В Сокольниках был создан Общинный центр объединения горских евреев. Он открылся благодаря инициативе Германа Захарьева. Многообразны направления деятельности этого центра. Созданы учебные программы по изучению Торы, Талмуда, по освоению языка джуури.

Разработан молодежный проект, детские развивающие программы, функционирует бизнес-клуб. Планируется осуществить культурные мероприятия по множеству направлений...

Остается пожелать общине горских евреев хранить свои вековые традиции, при этом постоянно развиваться, вносить вклад в мировую культуру и сохранять радостное мироощущение жизни.

Памяти Сергея Ивановича Вайнштейна

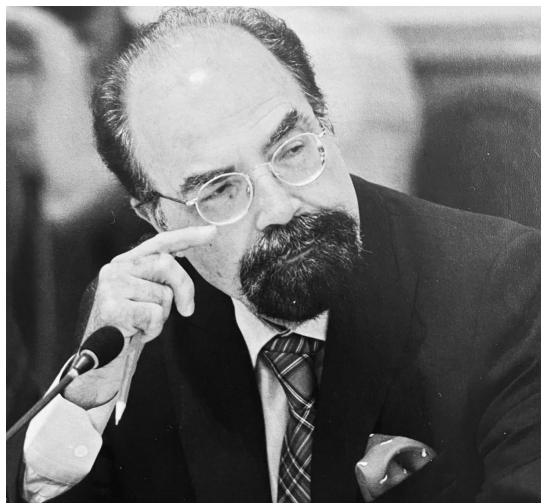
Можно перечислять многочисленные титулы и звания этого человека: советник президента Фонда СТМЭГИ Германа Захарьева, доктор философских наук, известный научный и общественный деятель.

Но я буду с благодарностью помнить Сергея Ивановича как человека, очень много сделавшего для сохранения памяти моего деда.

Общиной горских евреев мне была оказана большая честь принимать участие в подготовке 140-летия со дня рождения этнографа И.Ш. Анисимова в 2002 году. Самое активное участие в подготовке юбилея принимал С.И. Вайнштейн.

Прошло 10 лет, приближалась дата 150-летия со дня рождения юбиляра. В подготовке этого масштабного события Сергей Иванович играл такую же важную роль. В связи с грядущим событием у меня было несколько встреч с Сергеем Ивановичем.

Я снова показывала ему имеющийся у меня архив, он делал многочисленные снимки из моего альбома, обсуждали некоторые организационные вопросы, связанные с этим мероприятием. Он даже высказал идею установления памятника этнографу И.Ш. Анисимову на Донском кладбище, где сейчас имеется всего лишь скромная надгробная плита с указанием дат его жизни.

*СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАЙНШТЕЙН,
доктор философских наук*

Сергей Иванович уже опубликовал буклет, посвященный дате, с фотографиями ученого и его ближайших родственников.

Предполагалось проводить торжества в Москве, Баку и Красной Слободе, месте компактного проживания горских евреев. В рамках этого мероприятия готовилась выставка в Красной Слободе, посвященная жизни и творчеству моего деда, а также первая Международная научно-полевая экспедиция «Евреи Азербайджана — 2012».

В ее работе предполагалось участие Российской академии наук, Национальной академии наук Азербайджана, историков, культурологов Израиля, Франции, США и Грузии. Планировалось провести научную сессию Российской академии наук, посвященную вкладу Ильи Анисимова в этнографическую науку.

К большому сожалению, этим планам не дано было свершиться из-за тяжелой продолжительной болезни и смерти яркого, энергичного ученого, каким был С.И. Вайнштейн. Об его кончине я узнала вследствие определенных обстоятельств.

Мой двоюродный брат М.Г. Шпанин во время нашей последней встречи поручил передать Сергею Ивановичу Вайнштейну написанную им книгу «Перечитывая страницы нашей истории».

В моей записной книжке был его домашний телефон. После отлета брата в Канаду я незамедлительно позвонила Вайнштейну. На мою просьбу позвать к телефону Сергея Ивановича я услышала короткое молчание и

после паузы совершенно неожиданное скорбное сообщение о его недавней кончине. Книгу эту я передала уже вдове Вайнштейна.

С горечью подумала я, как много Сергей Иванович сделал для сохранения памяти о выдающемся ученом И.Ш. Анисимове и как много научных и организационных планов он не успел осуществить. Очень, очень жаль! Но я надеюсь, что в среде горских евреев появится новый ученый-организатор такого крупного масштаба личности, как С.И. Вайнштейн.

Капитан первого ранга Д.М. Данилов — близкий друг Т.В. Кузнецовой

В моей жизни произошло удивительное совпадение: близкий многолетний друг моей подруги Т.В. Кузнецовой оказался горским евреем (татом). Татьяна познакомила меня с этим человеком. Это был Дмитрий Матвеевич Данилов — военный моряк Северного флота, мужественная, сильная личность.

Вот что пишет о нем член Союза писателей России Т.В. Кузнецова:

« Капитан первого ранга Дмитрий Матвеевич Данилов (1922–2013) — так на русский манер его звали в России, а его настоящее имя Донеили Мардахаевич Данилов. Русская фамилия Данилов досталась ему от отца, который взял себе этот псевдоним, когда служил в русской армии в годы Первой мировой войны.

Родился он в Баку 22 августа 1922 года в большой многодетной семье горских евреев (татов). Папа его был виноделом, а мама — домохозяйкой. У него было два старших брата-близнеца и младшая сестра Эстер. Оба брата-близнеца погибли в Великую Отечественную войну.

Юноша Данил отличался от сверстников разнообразием своих интересов: любил рисовать, шить, вязать, от бабушки научился ковроткачеству и помогал ей, участвуя в изготовлении знаменитых

Дагестанских ковров ручной работы. Быстро освоил старинную швейную машинку «Зингер» и помогал обшивать всю семью.

Учась в школе, он занимался еще в изостудии у профессора Воскресенского. Его привела туда охота к рисованию. И потом всю жизнь он будет с удовольствием рисовать карандашами, красками, а еще вырезать забавные фигурки белых медведей из дерева и белого пенопласта. Он будет оформлять стенды, красные уголки, рисуя портреты вождей. А портрет Сталина вышьет цветными нитками, гладью, и его уникальная вышивка потом долго будет висеть в Музее Арктики.

Другим его увлечением были языки. Кроме азербайджанского, татского, иврита он знал английский, немецкий, а также несколько восточных языков и наречий: тюркский, иранский, узбекский, туркменский.

Подошло время окончания средней школы, и Данилов, после недолгого раздумья, выбирает себе судьбу моряка. Ведь рядом Каспий, а у бакинских ребят с раннего детства все связано с морем. Так он поступает на штурманское отделение Каспийского ВВМУ им. Кирова.

С началом войны нормальная учеба прекращена, весь личный состав училища переключился на овладение стрелковым оружием и тактикой сухопутного боя. Курсант Данилов с товарищами отправится на фронт в составе 75-й особой стрелковой бригады.

Уже в ноябре 1941 года многим курсантам 2-го курса, в числе которых был и Дмитрий Данилов, было присвоено воинское звание «главный старшина». Все они убыли в распоряжение командования Северо-Кавказского военного округа и в дальнейшем участвовали в боях за Донбасс, Ростов, Туапсе, Новороссийск и на Малой Земле. Где-то под Ростовом Дмитрий был ранен. Когда в 1943 году они возвратились с фронтов для продолжения учебы, из 265 курсантов в живых осталось только 83.

Все они бесстрашно сражались в 1941–1942 гг. в отдельных морских стрелковых бригадах под Севастополем, Новороссийском, на Малой Земле, в Донбассе, под Москвой и других местах. Летняя практика 1943 года проходила на боевых кораблях Северного и Черноморского флотов. Во время штурманского похода курсанты посетили иранские порты Ноушехр и Пехлеви.

В Ленинград училище перебазировалось летом 1944 года, с ним вместе оказался и Дмитрий Данилов.

Как участник Великой Отечественной войны Дмитрий Данилов был награжден многими боевыми наградами. Рядом с орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и знаком «За дальний поход» — медаль «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За трудовую доблесть», «Медаль Жукова», «За взятие Берлина». Он был кавалером 22 орденов и медалей.

В феврале 1945 года Дмитрий Данилов уже в Ленинграде, закончил Высшее военно-морское училище им. Фрунзе, и ему было присвоено звание лейтенанта. Вместе с другими молодыми офицерами он отправляется на Северный флот.

С тех пор вся жизнь его будет связана с Севером. В октябре 1944 года настало время освобождения от фашистов советского Заполярья. Яркой страницей этой освободительной эпопеи на Крайнем Севере является бой по захвату Линахамари, обеспечивший безопасность Мурманску и северным морским сообщениям Советского Союза.

В послевоенные годы ему доводилось служить в Линахамари, где были размещены базы подводных лодок, сторожевых кораблей и тральщиков Северного флота. Война закончилась, но впереди было много работы — северные моря были нашпигованы минами: и своими, и немецкими. Дмитрию Данилову предложили должность командира сторожевого корабля «Большой охотник». В его подчинении была команда около 500 человек. «Большой охотник» тралил мины, подрывал их, сопровождал конвой по Северному морскому пути.

В Белом море при входе в Онежскую губу видны Соловецкие острова. На одном из них, самом крупном, Соловецком, расположен уникальный ансамбль Соловецкого монастыря. До недавних времен Соловки были закрытой зоной. В 1930-е годы там была устроена тюрьма для политических жертв — Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН).

В 1942 году на этом месте была создана Соловецкая Школа юнг ВМФ. Приказ об этом был подписан лично наркомом Военно-Морского Флота СССР вице-адмиралом Н.Г. Кузнецовым, о котором Дмитрий всегда говорил с величайшим уважением.

Д.М. ДАНИЛОВ в годы службы на Северном флоте

Дмитрию довелось после войны какое-то время жить на Соловках и видеть своими глазами заброшенный облик древнего монастыря, в котором было много лагерного: решетки, глазки, лагерные надписи и карцер за провинности. Он преподавал юным морякам штурманское дело и астрономию в одной из школ Учебного отряда Северного флота.

Он часто вспоминал свою жизнь на Соловках, считал эти острова особым, мистическим, «святым местом». Рассказывал, как моряков заставляли забеливать штукатуркой лики святых, которые были изображены на стенах (в соответствии с программой атеистической пропаганды). Но на следующий же день эти лики вновь проступали сквозь слой побелки. И так повторялось неоднократно... Чудо!

По портам Белого моря: Архангельск — село Сорока (г. Беломорск) — Кемь-пристань — Соловки, — ходило маленькое суденышко РБ-8, что означало «Речной буксир номер 8». До революции это было курьерское судно генерала Куропаткина. Позднее оно принадлежало Учебному отряду Северного флота. Моряки прозвали его «Раб Божий-8». Судно привозило на

Соловки грузы и новобранцев морских школ. Дмитрию тоже приходилось стоять за штурвалом этого суденышка, которое плавало аж с дореволюционных времен!

Находясь в Учебном отряде на Соловках, Дмитрий рыбачил, ловил удочкой знаменитую соловецкую селедку... Завел огород, где выращивал отличную картошку, косил траву особой маленькой косой, которой обычно косят на Севере.

А потом снова была служба на Северном флоте. В послевоенные годы флот продолжал совершенствоваться, он стал атомным, ракетно-носным, океанским. На атомной подводной лодке штурманом плавал и Дмитрий Матвеевич Данилов. Он получил назначение в поселок Гремиху Мурманской области, военно-морскую базу атомных подводных лодок.

Однажды на атомной подводной лодке, где плавал Дмитрий, случилась авария, в результате которой он получил повышенную дозу радиации и был направлен на лечение в Обнинск, город первой в мире атомной электростанции.

Там в то время уже существовал Институт медицинской радиологии, где применялись совершенно новые технологии в медицине. А потом, как и другие подводники, он в Обнинске «бросил якорь» и осел на постоянное жительство, так как в 1956 году именно здесь был создан Учебный центр ВМФ. Дмитрий Данилов начинает там преподавать морское дело.

В 1969 году он по состоянию здоровья выходит в отставку, но его с удовольствием берут на работу в ИЭМ – Институт экспериментальной метеорологии (позднее НПО «Тайфун»), подчиненный Росгидромету. Отныне его деятельность будет связана с Гидрометеослужбой, с обсерваторией Кренкеля на ЗФИ – Земле Франца-Иосифа. Там их институт проводит пуски исследовательских метеорологических ракет, и Данилов начинает принимать в этом самое активное участие, готовя и сопровождая экспедиции из Мурманска на остров Хейса.

Сколько интересного он рассказывал о жизни полярников на острове Хейса Земли Франца Иосифа! Как они подружились с белыми медведями, которые привыкли к людям и приходили к ним подкармливаться. Полярники угощали их манной кашей и особенно любимой мишками ступенкой. А медвежата прямо заглядывали в окна и заходили к ним в домик. Много интересных снимков он сделал лично и показывал их гостям...

ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА со своим другом ДМИТРИЕМ ДАНИЛОВЫМ

Но с большими медведями надо было держать ухо востро, ведь это самый крупный хищник на планете — вес его достигает целой тонны! Выходя из дома, они всегда брали с собой ракетницу, чтобы в случае чего выстрелить и отпугнуть медведя. Бывали случаи нападения на людей и даже гибели в схватке с медведем. Так погиб однажды друг Дмитрия Матвеевича.

Очень непросто было Дмитрию Данилову пережить в 90-е годы распад СССР, великой державы, за которую он со своими однополчанами сражался в годы войны, а после войны продолжал осваивать Арктику и советское Заполярье.

Он скончался 23 июня 2013 года на 91-м году жизни, похоронен в Обнинске на городском кладбище «Передоль».

Дмитрий Матвеевич Данилов прожил достойную, героическую жизнь. Вечная ему память!»

27 августа 2020 г.

Людмила Лядова и ближний круг почитателей ее таланта

В любом возрасте можно жить, испытывая радость общения с друзьями — близкими по духу людьми. Мне повезло в осеннюю пору жизни иметь таких друзей рядом: дружить, встречаться, обмениваться энергией творчества, позитивным восприятием окружающего мира.

Все последние годы меня связывает дружба с Татьяной Васильевной Кузнецовой, она — автор литературоведческих книг и статей о Марине Цветаевой, Алле Рустайкис и ее дочери Алёне Басиловой. Будучи ценителем выдающихся музыкальных исполнителей, она написала интересные книги о жизни и творчестве Аллы Баяновой и Галины Каревой.

Особое место в жизни Татьяны Кузнецовой занимает замечательный современный композитор и исполнитель своих произведений Людмила Лядова. Кузнецова — главный биограф этого композитора и большой личный друг.

Через Татьяну Кузнецову я тоже подружилась с Людмилой Алексеевной и смогла прочувствовать, полюбить ее высоко талантливые произведения, особенно выразительно звучащие в авторском исполнении. За прошедшие два десятилетия дружбы я была вместе с моими друзьями — почитателями таланта Лядовой — на многих ее концертах на разных сценических площадках. Впечатления от концертов всегда были сильными, запоминающимися.

Многие годы творческая жизнь и сердечная дружба связывала Лядову с Домом ученых АН. Здесь особая академическая аудитория, взыскательная к людям искусства, видевшая на протяжении многих лет выдающихся мастеров.

Научная элита сразу оценила замечательный талант композитора и исполнителя Людмилы Лядовой. Многие годы ее концерты проходили с неизменным аншлагом.

Написанные этим композитором песни исполняли первые величины

нашей эстрады: К. Шульженко, И. Кобзон, Э. Пьеха, М. Кристалинская... Тем не менее ее собственное исполнение не уступает по мастерству, огромной жизненной энергии, оптимизму этим мастерам искусства. Лядова часто начинала свой концерт словами: «Я вам дарю свое композиторское сердце».

Публика ждала ее концерты, любимые романсы «Пленительные звуки», «Я спеть хочу романс любви последней», песни «Чудо-песенка», «Паутиночка», «Вальс влюбленных», «Так легко», «Белое танго», «Дорога», «Не бойся боли от любви», «Скрипка».

Лядова пела и сама себе аккомпанировала. В ее концертах всегда принимали участие талантливые певцы, исполнявшие ее произведения. В заключение она любила исполнять свои жизнеутверждающие хиты «Парамарибо», «Мой марш».

Публика вставала, дружно аплодировала, после концерта певицу долго не отпускали из зала: люди фотографировались, брали автографы, подписывали книгу о жизни и творчестве Л. Лядовой, написанную Т.В. Кузнецовой.

Вечер, как правило, завершался фуршетом для исполнителей, принимавших участие в ее концерте, и близких друзей. Я тоже имела честь быть приглашенной на эти фуршеты.

Концерт Лядовой для артистов, выступавших вместе с ней, и ее друзей был больше, чем концерт. Это был праздник. Атмосфера Дома ученых располагала к этому: ведь этот дом — один из лучших московских особняков XIX века. Насыщенная творческая жизнь в нем продолжалась в XX, и также интенсивна в XXI веке.

Старинный особняк XIX века был перестроен в стиле неоклассицизма архитектором Анатолием Гунстом для вдовы крупного промышленника И.Н. Коншина. Работы были завершены в августе 1910 г. В 1922 году здание передано Академии наук по инициативе А.М. Горького и М.Ф. Андреевой.

Роскошный особняк обнесен высоким каменным забором. Посетитель проходит через парадные ворота, его встречают монументальные скульптуры львов.

В особняке сохранилось великолепие комнат со старинными картинами, антикварной мебелью, изысканным рисунком паркета. Все это пространство освещено массивными люстрами, играющими бесчисленными хрустальными гранями.

Банкет в Доме ученых, 6 апреля 2019 г.

Особенно великолепен зимний сад с остекленным эркером. Стекло было привезено из Италии, бронзовые украшения и мраморные скульптуры доставлены из Парижа. Особняк сохраняет свое великолепие благодаря постоянно проводимым реставрационным работам. Самое активное участие в реставрации особняка принимает художник и реставратор Виктор Степанович Шкаровский, избранный на должность директора в 1990 году. Особняк украшен его картинами в различных жанрах.

Директор Дома ученых В.С. Шкаровский любил творчество Л. Лядовой и окружал ее большим вниманием в дни концертов: в зимнем саду для Людмилы Алексеевны с артистами и друзьями готовился фуршет; после успешно проведенного концерта Шкаровский преподносил Людмиле Алексеевне большой букет цветов.

На фуршете всегда царила радостная, непринужденная обстановка. Звучали стихи, посвященные этому событию. Нередко на концертах и фуршетах присутствовала Людмила Бунина. В сообществе Дома ученых ее сравнивали с актрисой Марлен Дитрих. Она действительно была изысканной женщиной: одаренной, умной, стройной, с утонченными манерами, одетой дорого и с большим вкусом.

Часто Бунина вела творческие вечера Лядовой в Доме ученых. Она была творческим человеком, писала талантливые стихи. На несколько ее стихов композитор Лядова написала музыку. Песни эти исполнялись на

концертах Людмилы Алексеевны с большим успехом.

Лядова персонально благодарила участников концерта за исполнение ее произведений. В заключение праздничного вечера Людмила Алексеевна одаривала участников концерта и своих друзей цветами. Ведь ей дарили корзины и множество букетов. Присутствующие на концерте уходили из Дома ученых в приподнятом настроении и еще долго вспоминали эти незабываемые вечера.

По приглашению Лядовой вместе с друзьями я была на ее концертах в Центральном доме работников искусств.

Этот дом имеет славную историю, начавшуюся в 30-х годах XX века. В организации сообщества деятелей искусства принимали участие выдающиеся актеры В.И. Качалов, И.М. Москвин, О.Л. Книппер-Чехова. ЦДРИ связан с именем К.С. Станиславского. Он участвовал в спектакле «Игроки» по произведению Н.В. Гоголя. В жизни этого дома принимали активное участие самые выдающиеся деятели искусства: А.А. Яблочкина, Л. Орлова, И.С. Козловский, Р. Плятт, Ф. Раневская. Здесь бывали знаменитые писатели: Луи Арагон и Эльза Триоле, Бертольт Брехт.

В разные годы ЦДРИ возглавляли корифеи искусства: В.Барсова, И. Москвин, Р. Симонов, О. Лепешинская.

С 70-х годов XX века ЦДРИ возглавляет заслуженный деятель искусств Ангелиса Георгиевна Погорелова. В правление дома входили и входят наиболее авторитетные, видные мастера искусств России XXI века: К.А.Райкин, М.Г. Розовский, Е.В. Петросян, Л.В. Лещенко, Е.А. Камбурова, Е.В. Князев... Всех замечательных деятелей искусств, поддерживающих творческую жизнь дома, не перечислить.

К выдающимся деятелям искусств, активно поддерживающим творческую жизнь дома, относилась и Л.А Лядова.

В ЦДРИ одновременно проводится большое число мероприятий, востребованных как элитарной, так и самой обыкновенной публикой. Сюда приходят учителя, врачи, инженеры, рабочие... После выхода на пенсию эти люди регулярно посещают ЦДРИ.

1.

2.

1. Л.Лядова среди друзей после авторского концерта в интерьерах Дома ученых.

2. Л.Лядова с подругой Л.Буниной.

Э.Г. Погорелова многое делает для сохранения великих традиций дома, преемственности поколений людей, занимающихся творческими профессиями. Ежегодно проводят циклы вечеров учителя и ученики. ЦДРИ является стартовой площадкой для новых талантов.

Людмила Алексеевна любила этот дом. Зал на ее концертах бывал всегда переполнен, публика приходила разнообразная: творческая молодежь, делающая первые шаги в искусстве, зрелые люди и, конечно, пенсионеры.

Концерты ее всегда отличались разнообразием. Особенно любила публика авторское исполнение песен «Чудо-песенка», «Паутиночка», «Вальс влюбленных», «Так легко», «Белое танго», «Скрипка».

Творческая молодежь учится у Лядовой, воспринимает ее высочайший уровень исполнения как эталон, к которому надо стремиться. Многие из них сохраняют это яркое впечатление от концерта навсегда.

Зрелым людям исполнение Лядовой проникает в самое сердце, оно напоминает о молодости, лучших, солнечных, счастливых моментах жизни. Публика покидает концерт Л.А. Лядовой с чувством благодарности и восхищения ее щедрым талантом, служащим людям.

Запомнился концерт Л.А. Лядовой в Историческом музее на Красной площади. Здание построено по проекту архитектора В. Шервуда в стиле древнерусского зодчества с высокими шпилями, зубцами. Музей открывается парадными сенями — огромным залом, покрытым росписью и золотом. Как покорить слушателей в таком монументальном, торжественном зале? Задача трудная для исполнителей, но не для Лядовой! Ведь в самом центре Москвы собираются люди со всей России и из-за рубежа.

На протяжении своей долгой творческой жизни Лядова объехала с концертами всю страну: крупные города и даже многие отдаленные ее уголки. Она понимает, чувствует душу людей, проживающих там. Люди, собравшиеся в Историческом музее — это тоже ее аудитория!

Концерт был разнообразным. Она включила в него всем известные свои шлягеры «Чудо-песенка», «А снег повалится». Откровением для слушателей было исполнение философского, глубоко проникающего в душу

произведения «В раю» на стихи М. Цветаевой, песен «Дорога», «Лебедянь».

Всем слушателям сразу поднимали настроение радостные песни «Так легко», «Белое танго», «Вот это хор». Завершала концерт песня «Мой марш», патриотическая песня «Маршал Жуков». Зал вставал, раздавались долгие аплодисменты. Для Людмилы Алексеевны успех этого концерта в Историческом музее был значимым.

В Доме русского зарубежья состоялся бенефис Людмилы Лядовой. Как всегда, Людмила Алексеевна пела душой и сердцем свои любимые песни и аккомпанировала на фортепиано. Этот вечер был особенным. В нем принимали участие народные артистки СССР Л. Касаткина и Р. Маркова. На сцене находились три всенародно любимые женщины. К каждой из них так подходят слова, сказанные в одном из интервью Л. Лядовой:

«Дух мой несгибаемый. Я всего добилась только своим трудом, исключительно талантом своим, и ничем иным, никогда... Я знаю, что настоящее искусство все равно победит».

Больше нечего добавить к впечатлениям об этом незабываемом вечере.

В течение нескольких лет композитор Людмила Лядова приезжала на творческие встречи с людьми — почитателями ее таланта, ставшими ее друзьями. Эти встречи проходили дома у Татьяны Васильевны Кузнецовой. Она живет вблизи станции метро «Улица Академика Янгеля». Каждому, кто был участником этих встреч, они запомнились навсегда своей теплотой, сердечной атмосферой творчества.

В доме Татьяны Васильевны очень уютно, обстановка состоит из бережно сохранившихся предметов быта, дорогих нашему поколению с детства, даже есть любимое пианино.

В комнате вместе с фотографиями близких родственников можно

Л.Лядова с друзьями после концерта в Доме русского зарубежья, 2006 г.

увидеть всеми узнаваемые фотографии Лядовой, Баяновой, Каревой, поэта Марины Цветаевой. Об этих выдающихся людях Татьяна Кузнецова написала книги и статьи.

Для торжественной встречи раздвигается стол, ставится в центре комнаты, накрывается красивой скатертью, на которой одно за другим появляется множество праздничных блюд. Я тоже вношу свою лепту — ставлю на стол свой фирменный салат «Маргарита», который так нравится Лядовой и всем гостям.

На диване, наблюдая за приходящими гостями, расположилась пушистая кошка Руся с белой грудкой, большими светло-зелеными глазами.

Из окон 15-го этажа мы видим высокое небо, плывущие по нему облака, но особое внимание приковано к длинной узенькой тропинке, идущей от метро к дому хозяйки. Вдруг издалека на ней появляется сама Лядова, идущая под руку со своей подругой Тамарой Замеховской.

Какая для всех нас радость! Значит, встреча состоится! Приходит Людмила Алексеевна, все присутствующие находятся в радостном оживлении, дружно садятся за стол, угощаются, непринужденно разговаривают, предвкушая самую прекрасную часть вечера.

За столом рядом с Лядовой сидит Тамара Замеховская, за ней солистка Большого театра Людмила Нам, обладательница красивого сопрано, поэт Ковалёв (на многих концертах Людмила Алексеевна исполняла романсы на его замечательные стихи «Не бойся боли от любви»), правнук Н.Ф. фон Мекк Дмитрий Корсаков с супругой, племянник — личный врач Лядовой Виталий Мирошников, талантливая пианистка Наталья Губина, с успехом исполнявшая концерт Лядовой для фортепиано с оркестром в России и в Австрии.

За столом ближе к кухне сидит хозяйка дома и я, помогающая ей накрывать праздничный стол.

Спустя какое-то время Людмила Алексеевна садится за инструмент, и мы затаив дыхание слушаем любимые песни, написанные композитором. Она вдохновенно поет, отдаваясь всецело творчеству, на нее действует атмосфера нашей большой любви. От сердца к сердцу передаются ее удивительные по красоте романсы «Пленительные звуки», «Я спеть хочу романс любви последней». После душевных романсов мы просим исполнить нашу любимую шуточную песню «Оркестр музыкальных мам».

Я с ЛЯДОВОЙ в гостях у Т. КУЗНЕЦОВОЙ, сентябрь 2011 г.

Вслед тишине, наступившей после исполнения песен, Людмила Алексеевна предлагает нам исполнить песню «Дорога». Ее пение производит на нас впечатление своей глубиной, сердечной грустью.

Затем за инструмент садится Наталья Губина, она исполняет яркий фрагмент из фортепианного концерта Лядовой. Затем мы просим ее исполнить что-нибудь еще. Она играет из «Времен года» П.И. Чайковского «Баркаролу», «На тройке». Вдруг в дверь Татьяны Васильевны раздается звонок. Мы знаем, что после концерта должна подойти жена Э. Успенского телеведущая Элеонора Филина. Ее помнят все по популярной программе «В нашу гавань заходили корабли».

Она появляется неожиданно для всех нас в военной форме, которая ей очень идет, подчеркивая ее стройную фигуру. Юбка сидит на ней как влитая, тонкая талия затянута широким кожаным ремнем с крупной металлической пряжкой. На голове защитного цвета пилотка, на ногах изящные туфли на высоких каблуках. Она извинилась, что не успела переодеться, торопясь к нам после концерта, ведь Элеонора часто выступает с военным ансамблем.

Хозяйка первым делом сажает вновь прибывшую за стол, и она вливается

1. Л. ЛЯДОВА с Э. ФИЛИНОЙ,
апрель 2015 г.

2. Л. ЛЯДОВА со своими друзьями,
октябрь 2015 г.

1.

2.

в нашу компанию. Спустя некоторое время, когда Элеонора немного отдохнула и насытилась, мы просим ее исполнить дворовые песни. Она исполняет их с неподражаемым задором, при этом фигура ее пластична и очень выразительна. В каждой песне она перевоплощается. Исполнение дворовых песен нравится Лядовой, она смеется от души вместе с нами, радуется талантливому исполнению Элеоноры.

Пока стол накрывается к чаю, хозяйка включает видеозаписи концертов Лядовой. Все смотрят их с большим удовольствием. Людмила Алексеевна отдыхает на диване, улыбается, гладит трогательную, ласковую кошку Русю.

Встреча завершается чаепитием со всевозможными сладостями. После него гости постепенно расходятся, унося с собой радостные, запоминающиеся на всю жизнь впечатления от этой встречи.

Большую творческую жизнь Лядова проживала в среде выдающихся композиторов. Ее талант сразу оценили и оказывали всяческую поддержку И. Дунаевский и Т. Хренников. В свою очередь Л. Лядова с восхищением относилась к творчеству этих композиторов.

Как и весь советский народ, она постоянно слушала песни Соловьёва-Седого, М. Блантера, С. Туликова, М. Фрадкина, О. Фельцмана, А. Пахмутовой... Для Лядовой, как и для каждого человека нашей страны, очевидно, что песни рождаются из исторических событий, личных переживаний, они отражают судьбы миллионов людей. Песни сопровождают человека всю жизнь.

Песни никуда от нас не уходят. По радио и телевидению они звучат постоянно. Создаются отдельные, порой очень талантливые передачи о наших композиторах-песенниках.

В пространстве интернета можно отыскать и послушать любую песню. Есть в нашей стране энтузиаст-подвижник С.Б. Борисов, создавший в интернете специальный сайт «Красная книга российской эстрады». На нем можно узнать биографии авторов-песенников, даже посмотреть видеоматериалы о них, услышать песни в исполнении наших лучших певцов. Но при всем многообразии обращения к нашим песням нет целостного

восприятия песни как выдающегося явления культуры.

В нашей стране существуют замечательные музеи: Музей музыкальной культуры им. М. Глинки, относящийся, в основном, к симфонической музыке, оперной классике; Бахрушинский театральный музей... Думая о дальнейшей перспективе развития песенного жанра, Лядова и ближайший круг ее единомышленников мечтают о создании Центра российской песни. Для осуществления этой заветной мечты нужны меценаты уровня Морозова, Третьякова, Бахрушина, одержимых созданием центра по всестороннему изучению, пропаганде и развитию этого любимого всем народом жанра. Мы вместе с Лядовой верим, что эта светлая мечта сбудется, придет время для ее осуществления!

Интересная жизнь протекает с большой скоростью. Наступило мое 70-летие в 2008 году. В этот день первыми поздравили меня дочь Анна и ее супруг Пьеро, внуки Александра и Антонио. В то время они постоянно проживали в Италии.

В день празднования юбилея я пригласила домой самых близких для меня людей: Загурских — родственников со стороны моей мамы — и своих близких друзей.

Для меня и всех гостей было дорогим подарком присутствие на празднике Людмилы Алексеевны Лядовой. Несмотря на большую занятость, постоянную востребованность, она смогла принять самое активное участие в нашем торжестве. Ведь для нее дружба является наибольшей ценностью в жизни.

У меня не было дома фортепиано, к чему так привыкла Лядова и все ее близкое окружение, но стены моей квартиры украшали картины моего мужа художника А.И. Писарева: портреты, пейзажи. Гости мои попали в мини-музей с большим, накрытым всевозможными яствами столом и окунулись в атмосферу праздника.

Первой за столом меня поздравила Людмила Алексеевна, говорила она очень сердечно, проникновенно. При общении с близкими людьми в ней нет никакой звездности, только чувство любви и сердечности. Она задала тон всему празднику. Меня поздравили и высказали свои прекрасные

*Мне 70 лет. Прекрасный букет от моих друзей.
Фото Нонны Попковой, 29 июня 2008 г.*

пожелания близкие родственники и мои многолетние друзья. Особенно моим родственникам было приятно, что Людмила Алексеевна имеет, так же как и мы, Ирбитские корни.

Несмотря на отсутствие музыкального инструмента, на празднике звучала музыка, вся комната была украшена яркими живыми цветами. На душе было светло. Людмила Алексеевна замечательно пела любимые всеми нами песни «Чудо-песенка», «Так легко», «Белое танго», «Скрипка».

Хоть это был мой юбилей, мы подняли заздравный тост за Людмилу Алексеевну, чтобы она долго-долго продолжала всех нас радовать своим творчеством.

Постоянная участница авторских концертов Лядовой Ирина Озерная пришла на наш праздник со скрипкой. Она изысканно и зажигательно исполняла скрипичные произведения Лядовой. Мы все присутствовали на замечательном импровизированном концерте — самый дорогой подарок в день юбилея!

В заключение вечера мы много фотографировались с Людмилой Алексеевной. Хотелось длить... длить этот праздник. Такое настроение было у гостей. Этот день запечатлелся в наших сердцах навсегда.

Приближалось мое 80-летие в 2018 году. Мои близкие родственники и друзья выразили желание отметить это событие. Я сразу подумала: солидный юбилей надо отметить в солидном ресторане с парадной мраморной лестницей, выложенными официантами, с широким длинным столом, заставленным дорогой посудой, белоснежными вертикально стоящими на столе салфетками и высококлассной русской кухней.

Но получилось все не так, как я себе воображала. Моя дочь Анна и племянник Александр приземлили эту ситуацию. Они предложили отметить мой юбилей рядом с местом работы Анны — в небольшом итальянском ресторанчике «Рико», расположенном в уютном дворе Ружейного переуллка неподалеку от метро «Смоленская».

Предварительно я осмотрела небольшой зал, меню, побеседовала с директором ресторана. У меня сложилось положительное впечатление, и я назначила дату и время проведения юбилея.

Вместе с Анной в назначенное время мы прибыли во дворик ресторана, и первой, кого я там увидела, была моя подруга Татьяна Васильевна Кузнецова. Она, любознательный человек, прибыла заранее, чтобы осмотреть близлежащее окружающее пространство. Ей понравился этот район старой Москвы, она окунулась в свою стихию. Я рассказала ей, что знала: Ружейный переулок был назван по существовавшей здесь дворцовой Ружейной слободе XVII века, где жили мастера Оружейной палаты Кремля.

Переулок примыкает ко всем известному району Плющиха. Старинные дома не сохранились, фундаментальные кирпичные многоэтажные застройки были возведены в 70-е годы XX века. Но пройдя через высокую монументальную арку, оказываешься в уютном просторном дворике с детской площадкой, где мы повстречались с Татьяной Васильевной и стали с нетерпением ждать прибытия гостей.

К назначенному часу прибыли мои родственники и друзья. Наконец, мы увидели въезжающую во двор машину, из которой вышла Лядова вместе с сыном ее подруги адвокатом Виктором Дворовенко. Людмила Алексеевна и Виктор поздравили меня с круглой датой, Виктор преподнес мне большую корзину цветов.

Гости собирались, разместились вокруг длинного праздничного стола, полного всевозможных угощений.

Празднование моего 80-летия с Л. Лядовой и друзьями — телеведущей Э. Филиной и В.Мирошниковым, личным врачом Л. Лядовой, 2018 г.

Первым говорил теплые слова мой племянник Александр — образованный, яркий человек, преуспевающий на дипломатическом поприще. За ним произносили приветственные тосты родственники и друзья. Позже к нашей компании присоединилась Элеонора Филина, жена писателя Эдуарда Успенского.

Гости оценили оригинальное оформление уютного банкетного зала, украшенного изящными гирляндами цветов, изысканное оформление блюд. Зал был необычен еще и тем, что на достаточном расстоянии, справа от входа, у стены стоял большой квадратный стол-холодильник с крупными кусками прозрачного льда, на нем лежало множество видов свежайшей рыбы, доставляемой ранним рейсом из Италии. Эти морские продукты выбирались гостями и готовились сразу же в изолированной от банкетного зала кухне.

Когда на стол подали эту свежайшую вкуснейшую рыбу, гости были в

восторге, и даже захотели приходить в этот ресторанчик, чтобы отведать такую рыбу.

При смене блюд участники торжества могли выйти в уютный зеленый дворик пообщаться, обменяться впечатлениями от праздника. После прогулки все возвращались на свои места и праздник продолжался.

Элеонора Филина порадовала гостей исполнением дворовых песен. Она артистична, выразительна, вживается в каждую песню, создавая множество образов, несущих с собой радость и веселье.

Изюминкой нашего праздника было исполнение песен самой Лядовой. Гости заметили, как, услышав наше громкое веселье, тихонько в уголке зала появилась сама хозяйка ресторана, немного поодаль официант и, конечно, повар в своем темном рабочем фартуке. Не вытерпели, уж очень заразительным было наше веселье!

Лядова вдохновенно пела свои песни:

*И все-таки жизнь хороша,
Была бы богата душа!*

Потом на бис она исполняла написанные ею шлягеры, превратившиеся уже в народные песни.

Такой прекрасной была доминанта нашего праздника!

Потом официант обносил гостей новыми, очень вкусными блюдами, говорили заключительные тосты, благодарили работников такого по-семейному уютного ресторана, фотографировались на память об этой встрече, прощались друг с другом...

Домой я возвращалась в приподнятом настроении, с чувством удовлетворения от удавшегося праздника. В машину было трудно сесть из-за обилия цветов и подарков.

Последние годы жизни Людмилы Алексеевны Лядовой

Наступил 2016 год. Людмила Алексеевна не сбавляла своего стремительного темпа жизни: череда многочисленных концертов, постоянные занятия с молодыми исполнителями, репетиции выступлений, дружеские встречи, радостные, но большей частью торопливые разговоры по телефону. Как всю жизнь она была в вечном стремительном движении. Вот это Лядова в 91 год!

Наступило лето. Людмила Алексеевна как всегда с большим успехом выступала на туристическом теплоходе «Григорий Пирогов», плавающим по Волге. Ее пригласила Наталья Косьминская, певица.

Лядова наслаждалась движением теплохода по широкому простору реки, непрерывно меняющимися живописными видами ее берегов. Все увиденное и прочувствованное шло в ее творческую копилку. Ведь у Лядовой было столько пока неосуществленных планов. Завершились ее блистательные выступления на теплоходе, и снова у нее созрели новые замыслы. Ведь это Лядова!

На этот раз, невзирая на за запреты врачей, она поехала по приглашению друзей на юг, к морю, в Анапу — самое солнечное место на всем побережье. Лежа на морском берегу, закрыв глаза, она своими чуткими, восприимчивыми ушами вслушивалась в звуки, ритмы размеренно перекатывающихся морских волн, в крики пролетающих над морем чаек, в людские голоса, даже в шуршащий под ней мелкий золотой песок.

Ведь всю долгую творческую жизнь реки, морские просторы, небо с бегущими по нему облаками, леса и горы были постоянными ее учителями.

Приехав с юга, она почувствовала в себе душевный подъем, прилив новой творческой энергии, с привычной скоростью включилась в бурную Московскую жизнь с многочисленными встречами и приглашениями.

Любимыми друзьями ее была семья Дворовенко, недавно пережившая большое горе: для главы семейства Евгения Викторовича потерю жены Верочки, для троих их сыновей Ивана, Виктора и Александра горячо любимой матери.

Верочка была самой близкой подругой Лядовой. После ее смерти Людмила Алексеевна все так же продолжала дружить с семьей Дворовенко в горе и в радости. Они относились к ней с большим пиететом.

В красивой парадной комнате на видном месте находится портрет Лядовой в изящной раме. В этом доме она гостила порой по нескольку дней со своим супругом Александром.

Спустя короткое время после отдыха в Анапе, Людмила Алексеевна веселая, жизнерадостная приезжает в эту семью с намерением пожить несколько дней. Но на этот раз планы ее рухнули. Вначале все шло как обычно: семья Дворовенко радовалась приезду Милочки, Милуши, как ее называли в этом доме.

Но в какой-то момент она вдруг почувствовала, что обессиленная падает и нет больше сил подняться. Она только успела тихо произнести: «Мне плохо». Голос ее был услышан. Немедленно была вызвана скорая помощь.

У Людмилы Алексеевны случился инсульт. Но в спасительные 3–4 часа, когда еще не наступили необратимые процессы в организме, ей своевременно была оказана первая квалифицированная помощь в больнице.

Глава семьи Евгений Викторович Дворовенко — известный, один из лучших в России детских нейрохирургов — был связан своей врачебной деятельностью со светилами отечественной медицины. Людмила Алексеевна была переведена из обычной больницы на лечение к одному из самых выдающихся врачей Лео Бокерия. После перенесенного инсульта там ее поставили на ноги. Конечно, она лишилась легкой походки. Через два месяца после инсульта Людмила Алексеевна неудачно упала, повредила себе шейку бедра, перенесла тяжелую операцию и вновь стала на ноги. Но главный ущерб в результате инсульта состоял в утрате подвижности, пластичности рук. До самого конца жизни Людмила Алексеевна испытывала боль в области рук и с большим трудом играла свои произведения на пианино.

Тем не менее несколько концертов, на которых исполнялись ее произведения состоялись в Доме ученых. С изысканным вкусом одетая Лядова выходила на сцену в сопровождении известной ведущей Элеоноры Филиной, ставшей в последние годы ее личным другом.

Голос Лядовой стал тихим, поэтому уже включалась фонограмма ее песен, до болезни она всегда исполняла свои произведения вживую. Но

Л.ЛЯДОВА с подругой Т.ЗАМЕХОВСКОЙ, 29 марта 2019 г.

благодарная публика, постоянные многолетние почитатели ее таланта приветствовали ее выступления стоя, вполне заслуженно награждая композитора громкими несмолкаемыми аплодисментами. Это была высшая награда за талант и самоотверженный труд, отданный людям.

Время шло, Людмила Алексеевна уже не могла выходить на сцену по состоянию здоровья, но до последнего надеялась на восстановление.

Запомнился мне ее разговор по телефону: «Сейчас я чувствую себя неважно. Ведь требуется такой длительный период восстановления». Было ей на тот момент 92 года! «Ну и жизнелюбие!» — подумала я.

Так совпало, что в этот же период тяжелых жизненных испытаний для Лядовой у ее супруга Александра Федоровича был обнаружен рак желудка.

Семья Дворовенко оплачивала его лечение в профильных медицинских учреждениях. Но через несколько лет он скончался от этой тяжелой болезни.

Особую заботу и внимание к Людмиле Алексеевне проявлял Виктор Дворовенко. Общими усилиями эта семья продлила жизнь Лядовой на несколько лет.

После инсульта Людмила Алексеевна жила фактически на два дома. В Доме композиторов в Газетном переулке она в меру своих возможностей приводила в порядок многочисленные нотные тетради своих

*НОННА ГРИШАЕВА,
актриса театра и кино,
друг Л.Лядовой*

произведений, преодолевая боль в руках играла на пианино, продолжала репетировать со многими исполнителями своих произведений. Как всегда деловая часть завершалась на кухне едой, чаепитием и дружеским сердечным разговором с гостем. Заботы по хозяйству и каждодневный уход за Людмилой Алексеевной взяла на себя преданная ей сиделка Алла ответственная, обладающая мягким деликатным характером.

Во многих делах Лядовой помогала ее подруга Тамара Замеховская: разбирала обширный архив композитора, переписывала ноты, брала на себя многие административные функции: связывалась по телефону с исполнителями произведений Лядовой, договаривалась о творческих вечерах, выполняла отдельные поручения.

Виктор Дворовенко решал жизненно важные и каждодневно возникающие хозяйственные проблемы.

Так протекала день за днем ее жизнь дома в Газетном переулке.

Образ жизни в семье Дворовенко был иным. В их доме хозяином был врач Евгений Викторович, который постоянно следил за здоровьем Людмилы Алексеевны. Под его руководством она совершала кратковременные прогулки вблизи дома, дышала свежим загородным воздухом, делала лечебную гимнастику, для нее был приобретен и установлен в специальном

месте тренажер для укрепления мышц и разработки подвижности ног.

Кормили ее, соблюдая режим питания, самыми высококачественными и полезными продуктами.

Преодолевая боль суставов рук, она почти каждый день с правильной прямой осанкой (как в детстве учила мать) садилась за инструмент и продолжала тренировать руки, исполняя свои произведения.

Иногда, сидя в мягком удобном кресле, смотрела новости и музыкальные передачи на большом экране телевизора, установленного в гостиной. Не пропускала записей передач с ее участием и даже талантливые пародии на себя. Она от души веселилась, когда увидела искрометную Нонну Гришаеву, исполнявшую всем известную «Чудо-песенку». Нонна замечательно уловила характерные манеры, интонации, жизнерадостность, артистизм Лядовой.

После такого талантливого исполнения она подружилась с Нонной Гришаевой.

Для друзей Лядовой двери дома Дворовенко были открыты. Они приглашались на дни рождения Лядовой, на большие праздники.

Большой старинный дубовый стол накрывался всевозможными яствами и деликатесами. Этим занимались специальные повара в доме.

В гостиной всегда были свежие цветы.

Среди гостей были певцы, с которыми Людмила Алексеевна объездила с гастрольями множество концертных залов, расположенных в крупных городах, а также в труднодоступных уголках нашей огромной страны. Часто Лядова выезжала с гастрольями за рубеж, привлекая в свои авторские концерты особенно полюбившихся ей певцов для исполнения ее произведений. Многие из них стали ее преданными друзьями. За столом были также люди других профессий, в течение многих лет любящих творчество Лядовой.

Несмотря на физическое нездоровье, она была в центре внимания, объединяла людей посредством музыки. Сколько за этим столом было перепето самых разнообразных любимых песен!

Людмила Алексеевна с рождения, прежде чем начать говорить, стала всем своим существом слушать и воспринимать музыку. Ведь ее мать Юлия Петровна была образованным талантливым хормейстером. Сколько

1.

2.

1. В семье Дворовенко, Николина гора, 2018 г.

2. С друзьями за столом, ноябрь 2017 г.

же замечательных музыкальных произведений маленькая Милочка переслушала дома, на репетициях и концертах матери. Это заложило прочный фундамент для занятия собственным творчеством единственной дочери. И вот, пройдя огромный творческий путь, она сидела перед нами — почитателями своего таланта и пела свои задушевные песни, а также других полюбившихся ей авторов и исполнителей.

Особенно душевно она пела свою исповедальную песню «Дорога», посвященную памяти Юлии Петровны, ее матери, скончавшейся в апреле 1980 года. Духовная связь с матерью сохранялась все последующие годы. Людмиле Алексеевне так не хватало ее в жизни!

Несмотря на все невзгоды, Лядова оставалась жизнерадостным, позитивным человеком. Пела песни из репертуара одной из ее любимых певиц Лидии Руслановой и все застолье дружно подпевало: «Валенки, валенки не подшиты стареньки». При этом у всех было веселое, жизнерадостное настроение.

Людмила Алексеевна старалась не показывать вида, что быстро устает от застолья. Она незаметно удалялась из-за стола, благо рядом была ее комната. Немного отдохнув, она снова включалась в наше веселье. В заключении праздника Людмила Алексеевна и хозяева дома сердечно прощались с каждым из гостей до новых встреч.

Несмотря на любовь и заботу в семье Дворовенко, Людмилу Алексеевну тянуло к себе домой в Газетный переулок, где она проживала с постоянной сиделкой Аллой.

Люди, связанные с Лядовой творчески, продолжали навещать ее дома в Газетном переулке, приходила и помогала во многих делах Тамара Замеховская.

Регулярно навещал, следил за здоровьем Лядовой врач, ее родственник Виталий Мирошников. Алла вела хозяйство, готовила еду. Виктор Дворовенко также регулярно заботился о важных делах дома.

Было все как всегда в последние годы.

Вместе с Татьяной Кузнецовой я также навестила Людмилу Алексеевну

дома в Газетном переулке.

В день нашего посещения Людмила Алексеевна испытывала недомогание, так как накануне у нее закружилась голова, она упала. На сей раз она отделалась только синяками без переломов. Так мы оказались рядом около ее кровати в спальне.

Это было особое духовное пространство: висели иконы Иисуса Христа, Девы Марии, Николая Чудотворца.

Людмила Алексеевна была верующим человеком.

У нее были свои сокровенные отношения со светлыми божественными силами. Я уверена, что всю жизнь она черпала от них свою творческую энергию.

Как оказалось, я видела Людмилу Алексеевну в последний раз.

В этот период во всем мире свирепствовала пандемия, но до поры до времени она обходила стороной эту квартиру. Людмила Алексеевна знала о коронавирусе, о многих людских смертях, переживала о потерях дорогих коллег по сцене, но никак не думала, что эта жестокая, смертельная болезнь коснется ее.

Она совсем не боялась пандемии и только вопросительно восклицала: «Ну когда же наконец закончится этот коронавирус?! Когда?!» Но, к великому сожалению, эта беда вдруг ворвалась и в дом Людмилы Лядовой.

Во второй половине февраля 2021 года ей позвонила студентка Московской консерватории с просьбой о творческой встрече. Она сказала, что ей очень нравятся фортепианные произведения Лядовой и она мечтает исполнять их. По своей природе Людмила Алексеевна была отзывчивым человеком и особенно хорошо относилась к молодежи. Несмотря на неважное самочувствие, она назначила день и час встречи, которая состоялась 24 февраля.

Пришла молодая обаятельная девушка. Людмила Алексеевна музицировала с ней продолжительное время, девушка оказалась одаренной. Но Лядова обратила внимание на то, что она слегка простужена, но об этом даже не обмолвилась. После музицирования она пригласила девушку на чашку чая к Алле в кухню. Они пили чай и с удовольствием общались.

Потом радостная, с подаренными Лядовой дорогими ей нотами, девушка, прощаясь, произнесла слегка простуженным голосом слова

благодарности и надежды на новые встречи, когда освоит полученные ноты фортепианных произведений. Но этого не случилось.

На следующий день после рокового визита студентки у Людмилы Алексеевны заболело горло, пропал аппетит. Два последующих дня она лечилась в основном народными средствами, как от обычной легкой простуды, на третий день состояние здоровья ухудшилось, поднялась температура. Виктор Дворовенко принял решение срочно госпитализировать Лядову. Тут же позвонил ее влиятельной подруге Алле Георгиевне Грязновой. Так Людмила Алексеевна оказалась в лучшей по лечению коронавируса известной больнице №52 г. Москвы. В ту же больницу госпитализировали помощницу по хозяйству Аллу. У нее тоже оказался коронавирус. В результате лечения она выздоровела.

Обследование обнаружило у Людмилы Алексеевны тяжелое поражение легких, 75%. Врачи этой больницы делали максимально возможное, чтобы спасти для нас Людмилу Лядову. Но судьба распорядилась по-другому.

Как тяжело больную ее поместили в реанимацию в отдельную палату. Людмила Алексеевна тяжело переносила одиночество. Она плохо себя чувствовала, дышала с большим трудом, но лядовский упорный своенравный характер проявлялся здесь в полной мере. Она срывала мешающую ей, сковывающую маску, и снова надевала, когда было невозможно дышать. Все время упорно повторяла уже слабым голосом: «Я хочу домой... Выпустите меня домой». Несмотря на все возможные усилия врачей, состояние больной катастрофически ухудшалось.

Последние дни она почти не принимала пищи и вдруг немного поела, состояние стало менее тревожным, как показалось окружающим. Появился робкий проблеск надежды на чудо спасения. Но последний день жизни Людмилы Алексеевны дал ей лишь предсмертное облегчение. Так бывает. Ночью того же дня она скончалась.

Как только Лядова была госпитализирована с коронавирусом, по телевидению в ленте срочных новостей об этом было сообщение.

Близкое окружение Лядовой узнавало по справочному больницы №52 о ее состоянии. Ежедневно в реанимацию звонили Виктор Дворовенко и Виталий Мирошников для получения последних известий.

10 марта Дворовенко и Мирошникову с прискорбием сообщили, что Лядова скончалась. Они тут же передали эту скорбную весть ближайшему окружению Лядовой. У всех было шоковое состояние.

Друзья ее не могли поверить, что дорогой Людмилы Алексеевны, источника радости, оптимизма для людей, больше нет на белом свете.

Невероятно, но это горькая правда!

Похороны Людмилы Алексеевны Лядовой состоялись 13 марта 2021 года. Несмотря на свирепствующий коронавирус, мрачное небо, затянутое темно-серыми тяжелыми облаками, мокрый снег, бьющий в лицо, преданные почитатели ее таланта спешили к назначенному для отпевания времени в старинный храм XVII века Успения Пресвятой Богородицы, находящийся на территории Новодевичьего монастыря.

Отпевание прошло торжественно, значимо, с соблюдением канонів православия: монументальный дубовый гроб с бронзовой отделкой, в котором покоилась Лядова, весь был убран живыми цветами, зал освещен множеством свечей перед почитаемыми иконами и яркими люстрами с переливающимися от света хрустальными подвесками, священники проводили обряд отпевания в белых с позолотой одеждах, хор пел чистыми, берущими за душу голосами.

Было ощущение, что душа Лядовой незримо находится в этом зале. Ведь Людмила Алексеевна была истинно верующим православным человеком. Наступавший день она встречала, обращаясь к Господу Богу и почитаемым близким ее сердцу святым.

В Православном церковном календаре за 10 марта 2021 года — день смерти Лядовой приводится изречение Преподобного Иосифа Исихаста «Не начинай молитву как попало, но сначала собери свой ум и помысли немного о смерти и о том, что последует за ней».

На протяжении многих лет жизни Людмила Алексеевна мыслила и

Могила Людмилы Алексеевны Лядовой в день похорон на Кунцевском кладбище, 13 марта 2021 г.

чувствовала сердцем, что душа ее бессмертна после завершения земного существования.

Закончилось отпевание в Новодевичьем монастыре, траурная процессия направилась к одному из старейших (основано в XVII в.) Кунцевскому кладбищу, являющемуся филиалом Новодевичьего.

Территория Кунцевского кладбища разделена на старую и новую, на последней покоятся знаменитые ученые, писатели, композиторы, режиссеры, актеры. На новой территории похоронена мать Людмилы Лядовой.

Участники процессии прибыли к месту захоронения, где была уже вырыта свежая могила, и стали прощаться с дорогой Людмилой Алексеевной, потом рабочие закрыли гроб и медленно опустили на дно вырытой могилы. По принятому ритуалу, присутствующие бросили в могилу горсти влажной земли, работники ритуальных услуг насыпали и аккуратно подравнивали холмик и установили большой портрет Лядовой.

Перед всеми присутствующими открылось новое пространство. Людмила Алексеевна упокоилась рядом со своей мамой. Юлия Петровна умерла в 1980 году.

Если бы она была жива, в последующие годы она продолжала бы гордиться своей дочерью. Если бы... Если бы...

Но в реальности нет сослагательного наклонения. Милочку хоронят рядом с мамой спустя 41 год. Они снова воссоединились, мать и дочь. Это навечно.

Стоит большой цветной портрет Лядовой, улыбающейся, излучающей свет и красоту, вокруг много венков и цветов от почитателей ее большого таланта.

Вечная память замечательному композитору и ее маме Юлии Петровне.

Дорогу в будущее прокладывает память о прошлом

Прожив долгую жизнь, я испытала сполна всю гамму человеческих чувств: огромную скорбь, безграничную радость, отчаяние, веру, неприятие, большую любовь...

О многих событиях я сохранила дорогую для меня эмоциональную память. Я с огромной благодарностью отношусь к тому, что мне посчастливилось появиться на земле.

Жизнь — это великий дар, данный нам свыше и нашими родителями.

Хочется сказать моим потомкам о самом важном, что формирует настоящего человека:

- сохранение преемственности: истории рода, семьи в памяти детей, внуков, правнуков. Поиск в прошлом образов для подражания, нахождение сходных черт в характере, внешнем облике, в роде деятельности, критическая оценка прошлого;
- в основе жизни — любовь, мы все плоды любви — так все мы появились в этом мире. Любовь должна быть двигателем жизни: в отношениях между людьми, к природе; созидание, а не разрушение; быть на стороне добра, а не зла; любить и заботиться о старшем, уходящем поколении;
- формирование своих целей и задач на будущее, воспитание нравственности, сохранение физического здоровья, неравнодушие к жизни, достижение успехов в творческой жизни, любой труд — творчество;
- сосредоточение внимания на созидательных мыслях, на том, что достойно вашего осмысления и понимания. То, что является случайным, ненужным, подобно сорной траве, требует прополки. Мысли человеческие материальны;

- сохранение жизненного баланса. Крен в одну сторону, одностороннее понимание окружающей действительности рушит жизнь. Человек должен устойчиво стоять на двух ногах;
- оправданный, необходимый, взвешенный риск для достижения благородных целей;
- следование мудрому, известному завету: «Делай, что должно, и пусть будет так, как будет».

Правильное, позитивное восприятие жизни и творческая созидательная активность — путь к человеческому счастью.

Благодарность за появление книги

Многолетняя работа с семейным архивом началась с получения письма от Государственного архива Российской Федерации от 03.12.1998 г. В нем говорилось:

«Ваши воспоминания, несомненно, представляют большой интерес для историков, журналистов, краеведов, изучающих быт москвичей в послевоенные годы».

После его получения началось сотрудничество с Московским архивом личных собраний по созданию документальной коллекции семьи Анисимовых-Загурских. Она пополнялась на протяжении ряда последующих лет.

Благодарна за приобретенный мной опыт кропотливой историко-архивной работы с документами, так пригодившийся при написании книги.

В августе 2001 года создан благотворительный фонд горских евреев СТМЭГИ. В течение этого периода я сотрудничаю с фондом, вносящим неоценимый вклад в сохранение памяти о моем деде Илье Шеребетовиче и обо всем роде Анисимовых, известном в Дагестане и за его пределами.

Появление книги невозможно было без участия моих родственников. От живого взаимодействия с ними в процессе написания книги я получила энергию творчества, моральную и материальную поддержку.

Благодарна Светлане Александровне Анисимовой за обоснованные, точные замечания по написанному мной тексту книги. Выражаю признательность Вере Александровне Анисимовой за присланные ею фотографии, включенные в книгу.

*Семья Анисимовых:
Александр Гиреевич
и Светлана Александровна
с дочерью Верой,
1990-е годы*

Благодарна Марии Гонтмахер за творческий подход, проявленный при редактировании, и ценные замечания по тексту книги.

Всестороннюю помощь оказывал мне племянник Александр Анисимов. Александр выступил с запоминающейся речью на открытии выставки, посвященной Году семьи в галерее «Беляево» «Из семейного архива: Пилюгины, Анисимовы, Остольские», 26 сентября 2008 года.

При всей своей занятости на дипломатической работе он давал полезные рекомендации, советы, учтенные мной в книге.

Выражаю большую благодарность Янине Дубейковской за всестороннюю поддержку в написании книги, ценные замечания и советы.

Глубокая благодарность семье Анджелотти (Италия).

Моя дочь Анна вышла замуж за итальянца Пьервенченцо, сына Антонио и Антонии Анджелотти.

От этого брака родились дети Александра и Антонио. С самого рождения они были окружены большой любовью и заботой всей семьи, на которую только способны пылкие, добрые, итальянские сердца.

Детство моих внуков прошло среди сказочной прекрасной природы Монтекорвино Ровелла, находящемся в горах недалеко от Неаполя.

Благодаря дружному участию всей семьи в жизни детей у Анны появилась возможность заниматься общественной деятельностью в мэрии города: участием в подготовке и проведении детского музыкального фестиваля скрипичной музыки «Моцартини» (1999–2010 гг.)

Анна и Пьервенченцо проявили себя талантливыми организаторами проводимых мероприятий русской группы фестиваля, состоящей из руководителей и учащихся школы и училища при Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского.

Мои внуки принимали активное участие в мероприятиях фестиваля.

Теплую, сердечную, незабываемую атмосферу фестиваля я передала на страницах моей книги.

Моя дочь Анна занималась последовательным выполнением необходимых работ от написания мной рукописи до создания книги.

Она помогла придать моим воспоминаниям современную форму, используя новые компьютерные технологии при работе над текстом и его художественным оформлением.

Моя внучка Александра проявила также свое умение работать с компьютером. Она отобрала и художественно обработала наиболее удачные фотографии из сотен имеющихся в нашем семейном архиве.

Мой внук Антонио поддерживал наши начинания, пополнил книгу фотографиями.

Благодарна потомкам Григория Загурского, брата моей матери,

Празднование 60-летия моего племянника Александра Гиреевича Анисимова, декабрь 2018 г.

Слева направо, верхний ряд: Алексей Анисимов, Олег Илышев, Василий Дубейковский, Антонио Анджелотти, Александра Анджелотти.

Второй ряд: Вера Анисимова, Янина Дубейковская, Александр Анисимов, Маргарита Анисимова, Екатерина Дубейковская.

Внизу: Надежда Дубейковская, Светлана Дубейковская, Альбина Дубейковская

незаконно репрессированного в 1937 году. Его внуки Валерий, Алексей, Константин и внучка Татьяна поддерживали написание моей книги. Они дополнили ее своими фотодокументами.

Семья Дубейковских, Василий и Екатерина, принимали участие в систематизации материалов, верстке и художественном оформлении книги, что явилось существенной помощью в ее создании.

Благодарна за живой интерес к книге со стороны юного поколения Анисимовых-Дубейковских, Алексея и Светланы.

Уверена, что память о нашем роде будет сохраняться этими людьми и передаваться дальше новым поколениям.

Празднование 60-летия моего племянника Александра Анисимова в Центральном доме литераторов, декабрь 2018 г.

Я с дочерью Анной и племянником Александром

Мой племянник Александр Анисимов с семьей, май 2023 г.

*Мои дочь Анна
и внучка
Александра,
май 2023 г.*

1.

2.

3.

4.

5.

1. Анна с Яниной Дубейковской
2. Я с племянником Александром в ресторане «Метрополь».
3. Счастливый Антон после вручения диплома с отличием геологического факультета Римского университета
4. Анна с двоюродным братом Александром и троюродным братом Алексеем
5. Мой внучатый племянник Константин с женой Анной и дочерью Татьяной

Книга жизненной мудрости

Высказывания и афоризмы

Выдержки из книги

Автор Анисимова М.Д.
Псевдоним А.Марго

Книга 1, Москва, 2011

Книга 2, Москва, 2014

Ценность и смысл человеческой жизни, труд, человеческий талант

Великое ощущение жизни — это пронзительной голубизны небо, парящая в его просторах стая птиц, восход и закат солнца на бесконечной морской глади, цветение растений, их запахи. Жизнь — это первая и последняя земная любовь, рождение и солнечные улыбки детей — нашего вечного будущего на земле.

Жизнь — это обретение божественного познания мира, его природы и искусства.

***

Люди имеют различные жизненные параметры: время жизни, широту охвата жизненных интересов, высоту личных достижений.

***

Кто не делает, тот ничего не сделает.
Кто не ловит, тот не выловит.
Кто не стережет, тот не сбережет.
Кто не сеет урожай, тот его не убирает.

***

В жизни многое понятно и привычно:
Где лес, там и деревья,
Где дорога, там и человек,
Где колодец, там и вода,
Где дом, там муж с женой и дети,
Где печка, там и дрова,
Где стол, там и еда,
Где иголка, там и нитка,
Где свеча, там и пламя,
Где мысль, там и слово и т.д.

***

Человеческая жизнь коротка, но каждый день может быть относительно длинным, насыщенным многими интересными делами и событиями.

***

Человеческие таланты имеют Божественную миссию объединять огромное количество людей, любящих высокое искусство.

***

Лучшие произведения искусства являются формулами красоты. Проникая в их глубины, погружаешься в вечность. При этом человек забывает о краткости его собственной жизни.

***

Талант творца в искусстве оживляет неодушевленные предметы. Под руками ваятеля в скульптуре просыпается камень, в живописи оживают краски, холст, в музыке звучат музыкальные инструменты, в литературе одухотворенные фразы. Здесь невозможно провести границ между одушевленными и неодушевленными предметами. Все сливается воедино.

***

Хорошо, когда человек путем собственного труда и таланта выйдет наконец на свою солнечную поляну, где он может быть замечен и оценен по достоинству.

***

Жизнь была бы иной без популярных, крупных фигур своего времени, более скудной и однообразной.

***

Каждый век выбирает своих кумиров. Каков век, таковы и кумиры.

Цикл жизни человека, смерть, сохранение памяти

Человеческая жизнь — это бесчисленное множество сменяющих друг друга неповторимых мгновений быстротечного времени.

***

Время человеческой жизни нельзя повернуть назад, как это можно сделать при переворачивании песочных часов. Остановившиеся механические часы можно завести вновь, и они снова будут идти вперед, показывая время. Умершего человека не вернуть к жизни, он навсегда останется в прошлом времени, отмеренным судьбой.

***

В детстве время длится — его не замечаешь, в молодости — пролетает, не догонишь, в старости — улетаёт, не поймаешь.

***

За каждым новым днем стоит прожитая человеком часть жизни, влияющая на текущий день.

***

Не надо каждый случай человеческой смерти примерять на себя. Все люди умирают по-разному: одного человека смерть долго подкарауливает, другого забирает мгновенно. Человеческих слез ничтожно мало, чтобы оплакать жизненные потери, происходящие вокруг.

***

Не надо все время бояться смерти, ведь люди умирают всего один раз и навсегда.

Любимые, ушедшие в мир иной, продолжают для нас существовать в продолжающейся жизни, нелюбимые еще при жизни перестают для нас быть.

Занятие своей родословной — это открытие целого непознанного мира, продолжающегося в своих потомках. Многим людям не безразлична жизнь и судьба поколений, хотя бы в обозримом будущем.

История своей семьи, рода пробуждает в человеке большой интерес, так как его кровные родственники являлись непосредственными участниками крупных исторических процессов.

Изучение судеб славных своих предшественников необходимо, так как достойный человек стремится им соответствовать или, если возможно, превзойти.

В старинных письмах, документах, фотографиях передается особая энергетика, сгустки человеческих страстей: радости, горя, негодования, ревности и т.д.

Архивные семейные материалы пополняют архивный фонд страны. Они бесценны, представляют вещественные следы многих поколений людей, живших на земле, а прошлое — фундамент будущего. Из истории отдельных семей и родов складывается история страны. Так общими усилиями она делается многогранной и более достоверной.

Отношения между людьми

Любовь

Тема человеческой любви самая привлекательная, вечная. Она вездесущая, но в то же время нова и неисчерпаема для каждого человека, являющегося в этот мир.

***

Любовь — самое сильное и высокое чувство, связывающее все живое на земле и основа продолжения жизни.

***

Любовные отношения — это вдохновенный полет, ощущение окрыленности. Часто любовные отношения переходят в супружеские — это чувство глубокой любви, взаимопонимания и долга.

***

Красота человека — дар от рождения, любовь — постоянный труд души.

***

Люди появляются на свет как плоды любви. Любовь во всех ее бесконечных проявлениях является смыслом жизни человека.

***

Рождение: начинается с осознания жизни со звуков любви.

Жизнь: смысл жизни в любви.

Смерть: когда человек перестает говорить и слышать слова любви.

Из бесчисленного множества голосов в мире человек всегда безошибочно выделит самые главные — звуки любви.

***

Обидно и горько для человека с чувствами, открытыми для большой любви, не совпасть с желанным человеком во времени и месте встречи.

***

В длительных любовных отношениях важно, чтобы союз влюбленных существовал долго, а в краткой любви — что она сбылась.

***

В любви мужчины и женщины заложено человеческое бессмертие.

Семья, рождение детей

Человеку необходима семья. В дружной семье он чувствует взаимную любовь, свою незаменимость и ответственность за каждого члена семьи. В счастливой семье рождаются дети.

***

Счастливая жизнь мужа и жены едина. Она подобна ярко горящему огню в ночи. Рождение ребенка — это звездное мгновение, переживаемое родителями.

***

Прекрасно родиться в яркий, солнечный день - природа приветствует появление на свет нового человека, но и в непогоду новая жизнь приносит с собой в этот мир луч света.

***

Разные поколения людей даже с самыми близкими узами родства (дети, отцы, матери, деды) имеют разные жизненные интересы и желания. С этим надо считаться для сохранения сердечных отношений между родственниками.

***

В большой дружной семье каждый находит свои жизненные интересы, но имеет общие родовые корни. Они всех сплачивают.

***

Благополучие каждой семьи зависит от того, что делается за окном собственного дома.

Бедность и богатство, власть денег

Бедность и богатство две человеческие крайности.

Бедность – это безотрадное существование, вечная зависимость от других людей, нестабильность жизни. Она унижает человеческое достоинство и не дает возможности удовлетворения самых насущных потребностей. Многие человеческие мечты оказываются недосягаемыми для бедняка.

Но чрезмерная роскошь также пагубно влияет на человеческие души: развращает и опустошает их, толкает людей на путь стяжательства, на удовлетворение низменных страстей. В жизни хорош человеческий достаток.

***

Человеческого горя бывает больше от больших денег, чем от их недостатка.

***

На недостаток денег жалуется и бедный, и богатый человек: бедному не хватает денег на покупку продуктов питания, богатому – на приобретение виллы на берегу моря. «На виллы опять взвинтили цены», – сетует богач, а бедный горюет от безысходности.

***

Нелегко решать людям наследственные проблемы, но и родиться без имущества под пальмой тоже нельзя считать подарком судьбы.

***

Высшие ценности жизни даются человеку не за деньги: любовь, появление на свет детей, радость человеческого общения, сама окружающая природа.

***

Деньги являются универсальным средством платежа, но имеют ограничения. Ими нельзя оплатить совесть, честь и достоинство. Кто это имеет, тот их не продает.

***

Деньги могут служить добрым делам лишь в руках благородных людей, а в руках подлецов — орудием большого зла.

Дружба

Настоящая дружба вносит в жизнь человека много ярких и прекрасных красок. Она украшает человеческую жизнь, укрепляет ее стабильность. Друзья становятся частью судьбы человека.

***

Хорошим друзьям надо соответствовать.

***

Душевные связи с друзьями расходятся как теплые, светлые лучи от одной души к другой. Они постоянно согревают человеческую душу.

***

Душевные человеческие связи, стремление к воссоединению настолько сильны в людях, что преодолевают время, расстояния, социальные различия, языковые барьеры.

***

Человек не должен нравиться всем, он дружит с теми людьми, для кого является привлекательным.

***

Дружеские отношения должны выражаться во взаимных добрых делах. Они подобны рукопожатию, которое не может быть лишь с одной протянутой рукой.

***

Друг познается не только в беде, но и в радости.

Одиночество

Пройти через одиночество — это трудный путь испытания: можно нравственно сломаться или обрести в себе сильную личность. Для этого требуется большая сила воли и работа собственной души.

***

Многим людям предназначено судьбой всю жизнь неразлучно быть с собственным одиночеством.

***

Что значит одиночество? Это: не с кем посмеяться, поспорить, помириться, поспорить, погрустить, погулять, посмотреть телевизор, почитать газету...

***

Путь преодоления одиночества — постоянная самоотдача, творчество в многообразных проявлениях, отсутствие незанятого времени.

Нравственность

Подобно искусному садовнику, создающему разнообразный по красоте сад, человек должен строить свой гармоничный богатый внутренний мир.

***

Человеческие поступки подобны снежинкам, оседающим на чистом стекле. Если они правильной формы, то в результате получается гармоничная вязь, прекрасная судьба.

***

Сострадание к другому человеку, к чужой боли, стремление помочь является проявлением нравственности.

***

Иногда человек среднего возраста может понимать жизнь глубже, чем умудренный опытом старец.

***

В жизни все начинается с формирования личности, воспитания совестливости. Какова личность, таковы ее поступки.

***

Не надо человеку казаться значительней, чем он есть на самом деле. Естественность поведения всегда привлекательна.

***

Человек должен согревать окружающее пространство живым сочувствием. Видеть не значит увидеть, слышать не значит услышать, чувствовать не значит почувствовать, мочь не значит помочь, страдать не значит сострадать, действовать не значит содействовать.

***

Часто человек видит то, что хочет увидеть, слышит то, что хочет услышать, чувствует то, что хочет почувствовать.

***

Правда - мощное оружие в руках знающего ее человека, которым надо умело и осторожно пользоваться. Правдой можно убить и окрылить, расстроить и обрадовать, унижить и возвысить человека. Высказанной прямо в глаза правдой можно навсегда испортить отношения с другим человеком.

Надо знать, когда, где, кому и как высказывать правду.

***

Надо знать, с кем и как шутить: для одного это веселая шутка, для другого — смертельная обида.

***

С возрастом человек понимает свои возможности, в какие двери он может войти, и какие для него закрыты наглухо.

***

Ни в каком обществе человек не хочет играть роль всеми забытого, задвинутого стула. Каждому человеку хочется проявить себя, почувствовать внимание к своей персоне.

***

Чувство собственного достоинства присуще не только выдающимся талантам, но и людям посредственным. Следует об этом помнить и не унижать ничьего человеческого достоинства.

***

У одного человека свеча его жизни прогорит отдельно, обособленно, другой от своей свечи может зажечь сотни других. И когда его свеча угаснет, сотня других свечей будет давать яркий свет.

***

Одному человеку посильно разжечь около себя большой яркий костер, другому зажечь большую свечу, третьему среднюю, четвертому тоненькую, маленькую — каждому по своим возможностям. Но все они создают яркий, теплый свет, рассеивая окружающую тьму.

***

Что более ценно, чем высшее образование?

Нравственность, духовность человека.

***

Добрые поступки должны быть скромны. Не надо совершать их по отношению к тем, кто в них не нуждается. Вокруг нас есть люди, ждущие от нас проявления подлинной доброты и внимания.

***

Несчастливым человек становится тогда, когда он лишается права выбора. Добровольный отказ от кого-либо или чего-либо не делает человека несчастным.

***

Одни и те же человеческие качества могут истолковываться в отрицательных и положительных значениях:

скупой — бережливый, экономный,

расточительный — щедрый,

болтливый — откровенный,

замкнутый — умеющий держать язык за зубами,

остроумный — язвительный,

веселый — бесшабашный,

широкий, любвеобильный, жизнелюб — бабник.

***

Вся жизнь борьба: в детстве, юности — за свою независимость, отдельность от родителей, в молодости — с многочисленными пагубными страстями и соблазнами, в старости — с бесчисленными болезнями.

***

Не все в жизни следует проверять на прочность. Есть много ценных, но хрупких вещей. При проверке на прочность их можно просто уничтожить или испортить. Это относится и к человеческим отношениям, их надо просто беречь.

Пороки

Размытые критерии порядочности толкают человека на путь греха. В человеке собственная совесть должна определять его поступки.

***

Человеческие поступки могут быть правильными и неправильными. Правильные поступки в молодости могут определить гармоничную прекрасно сложившуюся жизнь. Неправильные же поступки наоборот могут испортить всю дальнейшую человеческую жизнь.

***

В биографии некоторых людей есть пятна, которые ничем нельзя уничтожить, смыть, стереть. Об этом надо помнить, когда совершаешь неблагоприятные поступки.

***

Бессовестный человек сам свободен от чувства долга и ответственности перед окружающими, но при этом считает, что все вокруг ему должны и виноваты в его неудачах.

***

Наиболее часто встречающийся порок — зависть. Она неправомерна, претендует на то, на что не имеет ни моральных, ни юридических прав.

***

Агрессивная зависть обязательно найдет, чему можно позавидовать у другого человека, и непременно его осудит.

***

У многих людей возникает чувство раздражения, агрессивной зависти к другой удачливой судьбе при личной неблагоприятной жизни: к обеспеченному человеку при собственной нищете; к пышущему здоровьем при собственном болезненном состоянии; к человеку талантливому при своей посредственности; к человеку, добившемуся признания в жизни, при своей недооцененности со стороны общества; к красивому человеку при собственной некрасивости.

***

Завистник искренне радуется неудачам других людей.

***

Один из распространенных людских пороков — корыстолюбие. Корыстолюбивый человек дотошно вникает в жизненные обстоятельства другого не для того, чтобы помочь ему, а для извлечения личной выгоды из возникшей ситуации.

***

Корыстолюбивые родственники ждут наследства. Сколько ни оставь — будет мало, бескорыстные не ждут ничего, стремятся сами трудиться и зарабатывать.

***

В обществе потребления широко распространен порок — тщеславие. Некоторые женщины носят дорогие украшения как ордена,

подчеркивающие значимость персоны в обществе. Но всем известно: орден получают за важные заслуги перед отечеством, драгоценности же — предмет тщеславия.

***

Основные пороки общества ведут к другим нелицеприятным поступкам, основанным на лести, клевете, лжи, беспринципности.

***

Как бы один человек ни льстил другому, а истинное отношение рано или поздно все равно проявится.

***

Есть люди, стремящиеся самоутвердиться за счет злобной критики, клеветы на истинные таланты, тем самым показать в глазах людей своё превосходство по отношению к общепринятым авторитетам.

***

Дурные люди светлые чувства искажают волной клеветы, которая может принять обличие правды. В этом запутанном клубке бывает трудно разобраться.

***

В своей лжи человек часто вроде бы искусно закругляет края: все гладко, не подкопаешься, а все равно нежданно-негаданно острый угол вылезет наружу и разоблачит ложь.

***

Некоторые люди меняют свои убеждения в зависимости от обстоятельств, как носят двусторонние вещи (пальто, куртки) то налицо, то с изнанки.

***

Многие люди так увлекаются публичным выяснением своих запутанных отношений, что совсем забывают, по какому случаю собрались.

Борьба добра со злом

Добро — благое, честное, полезное, хорошее.

Зло — худое, лихое, тяжкое, порочное, нечестное.*

Проявление добра — нравственность

Проявление зла — безнравственность

Основа жизни: любовь	Ненависть, ревность
Семейственность	Вседозволенность
Чадолюбие	Распушенность
Свобода	Зависимость
Совестливость	Бессовестность
Трудолюбие, созидательная деятельность	Лень, разрушение
Дружба	Вражда
Верность	Предательство
Искренность	Лесть, лицемерие
Жертвенность	Эгоизм, бессердечие
Врачевание	Убийство, злодейство
Благодарность	Неблагодарность
Сохранение памяти	Беспамятство
Восхищение	Зависть
Доброжелательность	Злословие, злорадство, агрессивность
Щедрость	Скупость
Бескорыстие	Корыстолюбие
Достоинство и скромность	Тщеславие

* В.И. Даль, Толковый словарь русского языка, 2001 г., Изд-во АСТ

Умеренность	Чревоугодие
Просвещенность, компетентность	Необразованность, некомпетентность
Проявление культуры	Хамство
Терпеливость, спокойствие	Торопливость, несдержанность, суетливость
Тактичность	Бестактность

Большинству людей хочется идти по солнечной стороне жизни и быть на стороне добра, наиболее сильным человеческим личностям удастся противостоять злу.

В реальной действительности соответствовать только добру неисполнимая задача для простого смертного. Человек грешен, ему необходимо покаяние.

Высказывания и афоризмы

Меткие афоризмы вылетают из текста автора, как птицы из гнезда, и получают свою независимую от книги жизнь.

***

Благодаря умной голове можно получить гораздо больше, чем длинными руками.

***

Разумные мысли, приходящие в голову, как дорогие гости. Человек всегда им рад.

***

Из одного и того же источника с чистой целебной водой посетитель возьмет по своим возможностям: один наполнит стакан, другой — бутыл, третий — полное ведро.

***

Люди появляются на свет как плоды любви. Любовь во всех бесконечных проявлениях является смыслом жизни человека.

***

Великое чувство любви проверяется памятью сердца.

***

Не ищи любви там, где ее нет.

***

Законный брак — любящие друг друга люди живут со свадебным маршем Мендельсона, гражданский брак — без него.

***

Люди живут на тревожной грани жизни и смерти, поэтому появление нового человека всегда создает перевес в пользу жизнеутверждения.

***

В семье надо жить не только для детей, а вместе с ними.

***

Хороший человек делает дела со знаком доблести, плохой человек со знаком подлости.

***

Самые безнравственные люди всегда склонны осуждать грехи других.

***

Лживый человек старается уличить всех во лжи, корыстолюбивый — в корыстолюбии, нечистый на руку — во всеобщем воровстве, жадный человек — в жадности окружающих.

***

Каждая птица имеет свой голос: чирикает воробей, выводит рулады соловей. Важно, чтобы воробей не выдавал себя за соловья.

***

Как бы тщательно ни оберегалась и красиво ни выглядела лицевая сторона, а неряшливая изнанка обязательно вылезет и испортит все впечатление.

***

Как ни закрывай заветный ларчик душевных помыслов на ключ от людских глаз, люди все равно догадываются, что в нем находится.

***

Лесть — перевернутое с ног на голову восхищение, ревность — перевернутая с ног на голову любовь, вранье — перевернутая с ног на голову правда.

***

Истинная дружба и дружеское застолье не одно и то же.

***

Надежный человек в безнадежной ситуации.

***

Не всегда правде надо смотреть в глаза.

***

Излагая кому-либо свою правду, можно оказаться во многом неправым.

***

Активный, говорливый человек не означает социально значимую для людей личность. Часто таким человеком бывает скромный, немногословный человек.

***

Разговор с неуравновешенным, нервным человеком подобен хождению по минному полю.

***

Острый язык человека далеко не всегда признак остроумия. Недаром люди советуют: «Попридержи свой язык за зубами».

***

Пробившаяся вверх струйка воды не фонтан, бегущая по земле вода еще не речка, большая лужа, образовавшаяся после ливня, еще не пруд, мыльный пузырь не шар. Люди иногда склонны к преувеличениям.

***

Излишняя человеческая скромность — путь к забвению.

***

Люди бывают разные. Одни борются за власть, другие от нее скрываются.

***

Бесполезно искать благородство там, где его нет.

***

Чтобы восхищаться чужим талантом, не завидуя ему, у человека должна быть широкая душа. Кто искренне способен восхищаться другими, тот сам достоин восхищения.

***

Хорошие люди совершают добрые поступки безвозмездно и бескорыстно.

***

Мода на порядочное поведение не пройдет никогда. Она как английский костюм: всегда в моде и всегда дорого стоит.

***

Классическая одежда не входит в моду, поэтому никогда из нее не выходит.

***

Не все то дорого, что занимает большое место в пространстве. Бриллиант мал, но очень ценен.

***

Репутация для человека — «второй паспорт», удостоверяющий личность.

***

Человек должен так прожить свою жизнь, чтобы можно было сказать: «Его есть за что любить».

***

Люди всё стараются поместить в определенные рамки: реки заключить в гранитные берега, картину в раму, драгоценный камень в оправу, мысль в слова, слова в книгу, любовные чувства в брачные узы, математические расчеты в формулы, умные мысли в афоризмы.

***

В жизни не бывает день без ночи, радость без печали.

***

Страдание — это орошение души человеческими слезами, духовное очищение человека.

***

Не бывает безвыходных ситуаций, но бывают тяжелые решения.

***

Единственная возможность жить дальше — это постоянно менять молодость на старость.

***

Седая прядь на голове человека подобна пожелтевшим листьям на ветке дерева.

***

Архитектура — застывшая музыка, морщины человеческого лица — застывшие эмоции.

***

Прошлое нельзя вернуть, но можно вспомнить.

***

Человек освещает старость яркими впечатлениями своей молодости.

***

Достойный человек является носителем прошлого, настоящего и будущего.

***

Юную голову украшает пышная шевелюра,
Голову старца — лавровый венок.

***

Смерть — это взлет души без приземления.

***

Смерть — это последнее проявление жизни.

***

Не надо человеку ждать смерти, она отыщет его в любом месте.

***

Не добежать, не долететь, не доехать, не допеть, не доиграть, не доделать, не додуматься, не долюбить, не по душе нам такая жизнь.

Так хочется, чтобы людская мечта сбывалась в полной мере и всегда звучала в жизни как в музыке высокая нота «до» без отрицания: добежать, доделать, дотянуться, долюбить...

***

В жизни ничто не вечно, но многое бывает долговечно.

Оглавление

Введение	5
ГЛАВА I. Моя родословная	8
ГЛАВА II. 40-е годы XX века	70
ГЛАВА III. 50-е годы XX века	129
ГЛАВА IV. 60-е годы XX века	198
ГЛАВА V. 70-е годы XX века	232
ГЛАВА VI. 80-е годы XX века	364
ГЛАВА VII. 90-е годы XX века	420
ГЛАВА VIII. 2000-е годы	464
ГЛАВА IX. 2010-е годы	540
Дорогу в будущее прокладывает память о прошлом	602
Благодарность за появление книги	604
Книга житейской мудрости.	612
Высказывания и афоризмы (выдержки)	630

МАРГАРИТА АНИСИМОВА

Древо жизни

Редактор – Светла Игнатова
Редакторы-корректоры – Юлия Герт, Мария Гонтмахер
Дизайн и верстка – Екатерина Дубейковская
Фотографии – личный архив Маргариты Анисимовой

В оформлении обложки использованы картины художницы
Тамары Анисимовой «Сбор оливок» и «Портрет сестры Маргариты».

Подписано в печать.

Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура Pt Serif.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ л. 6,75

Тираж

Отпечатано в типографии

